

История христианской церкви

Евграф Иванович Смирнов

Выпуск первый (1–313 г.)

А. Введение в науку

§ 1. Понятие о Церкви и её истории

Христианская Церковь есть, основанное Господом нашим Иисусом Христом на земле, общество людей, соединенных между собою в одно целое одною верою в Него, как Бога Искупителя, одним Богооткровенным учением, одним богослужением и таинствами, под управлением и руководством Богоустановленной иерархии, для достижения нравственного совершенства и спасения. Как общество людей, явившееся в мире в определенное время, существовавшее в продолжение многих веков, при переменных, счастливых и несчастливых обстоятельствах, при постоянной смене своих членов, имевших разнообразное влияние на ход и развитие ее жизни, и, наконец, существующее в настоящее время, Церковь необходимо должна иметь и имеет свою историю. История Церкви обнимает собою все перемены и события, совершившиеся в ней от основания ее до настоящего времени. Как наука, она есть изображение, в *с и т е м а т и ч е с к о м* порядке, *связи и последовательности, жизни Церкви во всех ее проявлениях.*

§ 2. Предмет Церковной истории и составные части

Из предыдущего видно, что предмет Церковной Истории есть Церковь, как религиозное общество, состоящее из людей. Таким образом, предметом Истории служит только человеческий элемент Церкви, как подлежащий изменчивости; все же Божественное, составляющее сущность и основу Церкви, напр. вероучение, таинства и проч. как, вечное и неизменяемое, не подлежит Истории само в себе, хотя, становясь предметом разнообразного понимания людей, и оно становится предметом исторического изучения. Стороны, с которых должна быть рассматриваема Церковь, как предмет исторической науки, указываются самой ее жизнью. Жизнь Церкви проявляется с двух сторон *внешней* и *внутренней*. Так, мы видим, Церковь «распространяется или сокращается в своих пределах, и стоит в разное время в известных отношениях к другим человеческим обществам. Это внешняя сторона. С другой стороны, мы видим, Церковь заботится о сохранении и уяснении своего вероучения, хотя при этом встречает препятствия со стороны некоторых своих членов, отступающих от господствующего вероучения и составляющих ереси и расколы; совершает богослужение и таинства при тех или других обрядах; управляется иерархией и, наконец, стремится достигнуть главной цели своего существования нравственного усовершенствования и спасения своих членов. Все это составляет внутреннюю сторону жизни Церкви. Отсюда и наука Церковной Истории Должна изображать историческую жизнь Церкви с внешней и внутренней стороны; именно: 1) как распространялась или сокращалась Церковь, и в каком отношении она находилась к другим обществам; 2) как сохранялось и уяснялось в ней учение веры, какие возникали ереси и расколы; 3) в каком виде находилось Богослужение и совершение таинств; 4) как действовала церковная иерархия и 5) в какой мере достигалась членами Церкви ее главные цель – нравственное усовершенствование и спасение.

§ 3. Источники и пособия

Источники Церковной Истории двух родов: *немые* и *словесные* или *письменные*. К первым принадлежат: церковные здания, иконы и разного рода изображения, сосуды и т. и. Ко вторым относятся: Св. Писание, акты, определения и правила соборов, символы, литургии, послания соборов, церквей и епископов, творения отцов церкви, жития святых, сказания современников о событиях церковных и т. и. Письменные источники, в разное время соединены в сборники и изданы в свет, но крайней мере, большая часть. Пособиями при изучении церковно-исторических памятников служат: знание правил *критики*, *филология*, *география*, *хронология* и *всемирная гражданская история*. Пособиями при изучении Церковной Истории, как науки, в учебных заведениях могут служить церковно-исторические труды, начиная с Церковной Истории *Евсевия*, епископа *Кессарийского* (ум. около 340 г.), отца Церковной истории, и кончая новейшими произведениями церковно-исторической, особенно германской, литературы.

§ 4. Разделение Церковной Истории на периоды

История Церкви, как наука, должна быть стройным, органическим развитием всех сторон своего предмета. Поэтому необходимо, чтобы каждая сторона церковной жизни изображалась в ней в непрерывном порядке и последовательности. Но так как между всеми сторонами церковной жизни существует тесная историческая связь, то нельзя каждую из них рассматривать особо чрез все века; с другой стороны рассматривать все стороны церковной Жизни совокупно в каждом веке также неудобно, потому что есть такого рода события, начало которых в одном веке, а продолжение в другом и даже третьем веке, от чего может потеряться связь в изложении. Более удобным признается в ученой церковно-исторической литературе разделение Церковной Истории, в ее изложении, на *периоды*. Основанием для возможно правильного разделения исторической жизни Церкви на периоды должно служить то неперенное требование, по которому Православная Церковь должна быть средоточием и главным содержанием Общей Истории Христианской Церкви. Всмотреваясь в историческую жизнь истинной Церкви Христовой на земле, мы замечаем в ней три главные периода исторического развития: сначала Церковь преимущественно распространяется во вне и, при своем распространении, выдерживает борьбу с миром иудейским и языческим; потом, восторжествовав над иудейством и язычеством, она по преимуществу устрояется *внутри*, низлагает ереси и расколы, возникшие в ее недрах и окончательно определяет догматы веры и правила благочестия на все века и для всех народов; наконец, направляет все усилия к тому, чтобы *сохранить* и *охранить* чистоту и целостность своих догматов и постановлений от всяких враждебных нападений. Сообразно с этим История Церковная, с православной точки зрения, может быть разделена на три *периода*. *Первый период* – период по преимуществу *внешнего* распространения Церкви Христовой, продолжающийся от сошествия Св. Духа на Апостолов до издания Константином Великим эдикта, которым объявлена веротерпимость и дозволено принимать всем христианскую веру (34–313 г.); *второй период* – период по преимуществу *внутреннего* благоустройства Церкви, со времени издавая Константином Великим эдикта до окончательного отделения западной Церкви от восточной и до устройства Церкви Русской, заменившей собою отпавшую римскую Церковь (313–1054 г.); *третий*, наконец, п е р и о д со времени отпадения Церкви западной и устройства Русской до настоящих дней,

характеризуемый со стороны восточной Церкви *неизменным соблюдением* древнего вселенского учения и порядка, а со стороны западной *постепенным уклонением* от учения и постановлений Церкви Вселенской. Каждый из этих периодов в свою очередь подразделяется на два отдела, сообразно с важнейшими событиями церковно-исторической жизни¹.

Примечание: История Русской Церкви, как составляющая отдельную науку, будет занесена в Общую Историю Христианской Церкви только своим началом и окончательным устройством, дабы можно было видеть ее место в Общей Церковной Истории.

Б. Краткий обзор состояния рода человеческого пред явлением Христа Спасителя на землю

§ 5. Политическое состояние вообще

Ко времени пришествия Христа Спасителя в мир, и жизни тогдашнего человечества замечается необыкновенное явление. Почти все народы политического мира, даже заявившие себя исторической жизнью, соединены были в одно государство, под одною политическою властью римского народа. Рим, в гордом сознании своего могущества, называл себя столицею всей вселенной. По праву победителей, римляне относились к побежденным народам очень жестоко, забирали и отвозили награбленные в завоеванных странах богатства, отводили в плен толпы побежденных и делали их своими рабами. Рим, перешедший из республики в империю за немного лет до явления Христа Спасителя, сделался еще более деспотическим. Императоры были деспотами не только по отношению к покоренными, царям и народам, но даже и к самому народу римскому, который, завоевавши целый свет, теперь сам впал в рабство своим правителям. Раболепство было всеобщее, пред императорами раболепствовали сенаторы и вообще высшие классы общества, пред последними раболепствовал народ. По примеру императоров и правители областей были такими же деспотами. Давно подготовлявшееся разделение между высшими и низшими классами окончательно совершилось, при переходе Рима из республики в империю. На стороне высших классов было богатство, на стороне низших – нищета и угнетение; и то и другое особенно поразительно было в самом Риме, где, на ряду с великолепной и роскошной обстановкой жизни императоров и высших классов, толпы обнищавших и забитых римских граждан не имели куска насущного хлеба. Положение рабов в римском государстве было еще бедственнее. Это были люди, не только не имевшие какой-либо собственности, даже не пользовавшиеся ни какою свободою, люди без всяких человеческих прав. И таких людей были тысячи, если не миллионы. Такое положение дел, не смотря на видимый блеск империи, указывало на то, что жизнь человечества идет не нормальным путем, что она требует обновления.

§ 6. Политическое состояние Иудеи

Иудея, из которой надлежало, явиться Искупителю мира, во всеобщем потоке завоеваний римлян не избежала участи других народов. Под управлением князей из Фамилии Маккавеев, с таким блеском заявившей себя в пользу национальных интересов в борьбе против Антиоха Епифана, она составляла еще отчасти самостоятельное, государство (167–63 г. до Р. Хр.), находилась даже в дружественных сношениях с римской республикою. Но вот (за 64 г. до Р. Хр.) произошел раздор в Фамилии Маккавеев, между двумя братьями, Гирканом II и Аристовулом II. Они обратились с жалобами друг на друга к римскому полководцу, Помпею, бывшему тогда на востоке. Помпей (63 г. до Р. Хр.), после трехмесячной кровопролитной борьбы с иудеями, занял своими войсками Иудею, взял Иерусалим и храм и уничтожил навсегда самостоятельность Иудейского народа, обязавши его платить дань римлянам. Впрочем Помпей предоставил Гиркану перво-священническое достоинство и титул народоначальника. Аристовул же вместе с сыновьями был отведен в Рим в качестве пленника. После этого Фамилия Маккавеев падает. Гиркан II, любивший более всего спокойную жизнь, не мог возратить прежнего блеска этой Фамилии; всеми делами заведовал преданный римлянам идумеянин, принявший иудейскую веру, *Антипатр*, с своими сыновьями *Фасоплом* и *Иродом*, из которых первый управлял Иерусалимом, а второй Галилеею. Бедствия одно за другим посещают иудейскую страну. Дети Аристовула II, Александр и Антигон, бежали с дороги в Рим, явились в Иудее и начали войну против дяди, Гиркана. Римский полководец, Красс, во время похода на Парфян, зашел в Иерусалим и ограбил сокровища храма. Во время междоусобной войны в Римском государстве, поднятой Брутом и Кассием за свободу республиканских учреждений, еврейский народ должен был заплатить 700 талантов серебра, для чего было продано четыре города вместе с жителями. Наконец, Парфяне, призванные на помощь Антигоном против Гиркана, напали на Иудею, разорили ее, взяли самого Гиркана в плен, а на место его поставили Антигона. Тут выступает Фамилия Антипатра. По свержении Гиркана II, *Ирод*, сын Антипатра, убежал в Рим, приобрел там благосклонность одного из триумвиров, Антония, и провозглашен был царем иудейским (37 г. до Р. Хр.). При помощи римских легионов, после трехлетней борьбы с Антигоном, он занял иудейский престол. Антигон, последний из Фамилии Маккавеев, был отправлен в Рим, к Антонию, где его подвергли бичеванию у

позорного столба. Теперь царская власть от колена иудина отошла, на троне Давида сидел чужестранец. Древнее пророчество праотца Иакова сбывалось. Ирод, прозванный Великим, расширил пределы Иудеи, восстановил разрушенные города, украсил самый храм иерусалимский. Но, вследствие постоянных почти войн, больших налогов и жестокого правления Ирода, Иудея была в жалком положении. К тому же Ирод оскорблял национальное чувство евреев введением языческих обычаев и римских зрелищ. Его ненавидели все; он знал это, знал и то, какую радость произведет его смерть; по этому, чувствуя приближение смерти, собрал знатных евреев в Иерихон и приказал их всех умертвить в день своей кончины, чтобы хоть этою мерою заставить носить траур многих из своих подданных. К счастью его приказание не было исполнено.

После смерти Ирода, последовавшей в первые годы по Р. Хр., опять начались волнения в Иудее. Иудеи вооружились против римских войск, находившихся в ней; в Иерихоне появились разбойничьи шайки, предводители которых присваивали себе царский титул. Между тем дети Ирода хлопотали в Риме о своих правах на иудейскую корону, и император Август, по расположению к умершему Ироду, отдал в их управление Иудею: Архелаю поручил одну половину Палестины, с титулом народного князя и с обещанием дать корону, если будет достоин того, другую половину – прочим сыновьям Ирода, Антипе и Филиппу. Архелай чрез девять лет был вызван в Рим, по обвинению в жестокости, и сослан в Галлию в заточение, а его владения сделались римскою провинциею, с присоединением их к Сирии. Антипа и Филипп считались владетелями остальной половины Палестины, но не имели никакой власти. Всеми делами заведовали римские прокураторы, а иудейские цари пользовались только одним титулом, проживая на почетном пенсионе от римского правительства. Римский прокуратор Сирии и Палестины, *Квириний*, наконец, обложил Иудею поголовною данью в пользу Рима. Иудея окончательно была покорена Римлянами. Явился протест со стороны ревнителей национальной свободы, который выразился возмущением иудеев под предводительством Иуды Галилеянина, но скоро был подавлен римскими войсками.

Ко времени пришествия Христа Спасителя, иудеи жили и вне Палестины. Во время постоянных нападений на Иудею и опустошений, жители ее были отводимы в плен и поселяемы между победителями, так что не было страны, входившей в состав римского государства, в которой не было бы евреев. Здесь положение их было спокойнее, чем в Палестине. По своему предприимчивому характеру, евреи занимались торговлею и

промышленностию, приобретали богатства, а чрез последние иногда независимость и даже привилегии. Особенно много евреев было в Александрии; были они даже в Риме, куда попали, в первый раз, как пленники, при Помпее.

§ 7. Религиозно-нравственное состояние языческого мира

Еще безотраднее было положение человечества в религиозно-нравственном отношении. Истинного богопознания не было ни у одного народа, за исключением народа еврейского. Понятия о едином истинном Боге и о об отношении к Нему людей, сообщенные человечеству первобытной религиею, в течении многих веков, прошедших от падения прародителей, затмились окончательно. Человечество успело создать свои религиозные системы, в которых сначала заметны были следы истинной первобытной религии, но чем дальше шло время, тем меньше оставалось в них истинных религиозных понятий; более и более погружались люди в жизнь окружающей их природы и совсем потеряли представление о высшем духовном мире. Явились, так называемые, *языческие* религиозные системы, с обоготворением всей природы, или только некоторых частей ее, сил и явлений. На место единого Бога первобытной религии явилось множество богов: небесные светила, стихии и произведения земли, звери, животные, люди, чем-нибудь знаменитые, добродетели, пороки, страсти и т. и... все было предметом обоготворения в языческих религиозных системах.

Подобные религиозные системы, сталкиваясь и перемешиваясь между собою, ко времени пришествия Христа Спасителя, существовали у разных народов языческого мира. В греко-римском мире, в котором тогда сосредоточивалась историческая жизнь и с которым христианство прежде всего вошло в соприкосновение, господствующею религиею была религия, допускавшая обоготворение людей. Греки, народ поэзии и искусства, создали целый цикл богов, со всеми свойствами людей, и населили ими свой Олимп. Грек слепо веровал в своих богов, созданных его же фантазию, потому что видел в них себя самого, со всеми своими достоинствами и недостатками. Но эта вера начала колебаться, когда в греческом обществе просвещение развилось на столько, что не могло допустить веры в создания человеческой фантазии. Явились философские системы, поставившие своею задачею объяснить и постигнуть бытие мира и вещей. Философия подвергла народную религию критике и отвергла ее, как не выдержавшую критического исследования человеческого ума. Взгляды философов на религию стали распространяться в народной массе, и в ней возбудилось тоже недоверие к богам. Такое религиозное отрицание началось в Греции еще за 3 века до Р. Хр., так что, ко времени появления

христианство, было почти всеобщим. Народная религия падала; народ уже не верил своим богам, хотя и исполнял религиозные обряды, по привычке к старине и установившемуся веками обыкновению и по привязанности к блестящим религиозным церемониям, удовлетворявшим его эстетическому чувству.

Тоже самое случилось и с религиею римлян. Народная римская религия, сходная с религиею греков, держалась до тех пор, пока Рим в своих завоеваниях не выступил за пределы Италии, особенно пока не вошел в столкновение с Грецией. Греки, побежденные римлянами, в свою очередь, подчинили их своему нравственному влиянию. Они познакомили Римлян с своим образованием, с своею философиею и вместе с тем передали им свой взгляд на религию. Высшие классы прежде других усвоили греческое образование; поэтому среди них и возбудилось прежде всего неверие в отечественных богов. Образованный римлянин смеялся над своими богами, над оракулами, над религиозными церемониями, предоставляя веровать во все это непросвещенным массам, себе-же постепенно усваивая убеждение, что в религиозных мифах надо видеть только аллегорический смысл. Но и народ скоро последовал за высшими образованными классами в религиозном отрицании; сценические представления, в которых осмеивались боги и их похождения, подрывали в нем религиозные убеждения. Если и оставалось в нем нечто религиозное, так это привязанность к обрядам и церемониям, к которым и сводилась вся религия. Даже представители религии, жрецы, заражены были общим неверием. К тому же возведение римских деспотических правителей на степень богов отнимало у народа всякую охоту веровать в подобных богов. Само римское правительство, заботясь о всемирном господстве, подорвало уважение народа к отечественной религии, собравши в римском пантеоне изображения богов всех завоеванных народов и давши им права гражданства. От этого в римском народе появилась холодность к собственной религии и поселялось убеждение, что можно содержать какую угодно религию, так как каждая имеет право на уважение. Впрочем, римское правительство требовало сохранения древней народной религии, в том убеждении, что с сохранением религии сохранится и самое государство, основанное на ней. Эта мысль особенно была любима римским правительством, и оно проводило ее в своих узаконениях пред появлением христианства и при распространении его.

Философия, подорвавшая народные религии, вместо их сама не могла дать ничего положительного. *Эпикурейская* философия, отвергая все высшее этой настоящей жизни, проповедовала исключительно одно

наслаждение жизнью, и в уменьи наслаждаться полагала всю мудрость человеческую. *Стоицизм* проповедуя строгость жизни, равнодушие и презрение ко всем ее случайностям, заставлял искать успокоения и блаженства в размышлении о неизбежности всего совершающегося, в виду неизменных законов вселенной, в углублении человека внутрь себя и в сознании собственной внутренней жизни и силы; о божественном-же, высшем этой жизни, опять не было речи. *Платонизм*, выработавший понятие о Высочайшем, Божественном Мироправителе, проповедовал зависимость человека от Него и общение с Ним признавал единственным источником освящения, но на этом и останавливался, не разрешая, каким образом людям искать этого общения. Так называемый *неплатонизм*, отвергая все философские системы и религии, утверждал, что истины безусловной нет ни в одной из них, хотя проблески ее можно находить во многих. Люди, державшиеся взглядов этой крайне неопределенной системы, называемой также *э к к л е к т и з м о м*, составляли для себя особую религию, заимствуя, но своему усмотрению, содержание ее из всех религий.

Понятно, что такого рода философия, при своей разнообразии и отрицании одной другою, не могли заменить религии человеку, не могли удовлетворить оставшегося в нем религиозного чувства. Люди мыслящие, в которых еще сильна была идея религии, в сознании внутренней пустоты, переходили от одной системы к другой, не находя нигде удовлетворения. Масса народа не знала философии; при отсутствии определенных верований, она бросалась в противоположную крайность – суеверия. Пред временем пришествия Христа Спасителя, в греко-римском мире, особенно распространились тайные восточные культы, с своими гаданиями, волшебствами и т. и. Вместе с падением религии в греко-римском мире, естественно, пала и нравственность. При отсутствии веры в Бога, не было никаких основ для чистой нравственности. Деспотизм императоров, наплыв в Рим богатств со всею тогдашнего мира, происшедшие отсюда роскошь, философия, проповедовавшая одно наслаждение, все это содействовало упадку древней строгости нравов. Распушенность нравов, всеобщий разврат царит во всей силе. Доказательством этого служит то особенное в то время явление, что разврат был возведен в догмат; были даже храмы, посвященные на служение разврату. И высшие и низшие классы общества погрязали в разврате. Языческие писатели того времени единогласно отзываются об упадке нравственности в мире. Апостол Павел яркими чертами изображает нравственное состояние римского общества, замечая (Посл. к Рим. гл.

1:29–31), что оно полно всякой неправды, лукавства, корыстолюбия, злобы, зависти, убийства, распрей, злонравия, гордости и т. п. пороков.

Лучшие люди языческого мира, наблюдая с одной стороны тяжелое положение человечества в политическом отношении, с другой всеобщий упадок религии и нравственности и распространение неверия, приходили к убеждению, что такое положение вещей не нормальное, что люди сами собою бессильны выйти из такого состояния, что нужна для этого сверхъестественная помощь. В сознании таких людей оживило предание, сохранявшееся и в языческих религиях, о золотом веке, когда человек находился в блаженном невинном состоянии; явилась мысль о возможности возвращения человечества к этому счастливому времени. Подобные убеждения утверждались еще более, когда с востока, из Иудеи, распространялись подобные яже верования, но только в более определенных образах.

§ 8. Религиозное состояние иудейского народа

На ряду с языческими религиозными системами, господствовавшими у народов дохристианского мира, стоит одиноко особая религиозная система, исповедуемая одним только народом еврейским. Иудеи обладали неоцененным благом, у них была религия Богооткровенная, с истинными понятиями о Едином истинном Боге и об отношении к Нему человека. В иудейской только религии были божественные обетования о пришествии в мир Искупителя человечества. В течении многих веков, при всех политических переворотах в судьбе иудейского народа, Богооткровенная религия сохранялась им неизменно. Бывали отступления евреев от служения истинному Богу, под влиянием соседственных языческих народов, но непродолжительные. Бог хранил Свою религию, с обетованиями об имеющем явиться Искупителе мира. Данную чрез Моисея религию Господь Бог разъяснял чрез пророков. Последние своими возвышенными толкованиями закона подготавливали путь новой религии, имеющей явиться. Они указывали уже и на Спасителя, говорили, что день Господень наступит скоро, даже обозначали время Его пришествия.

Но, пред пришествием Христа Спасителя, и еврейский народ, в религиозном отношении, не избежал участи остального человечества. Веры в единого Бога еврейский народ не потерял; но с одной стороны главный догмат своей религии, учение об Искупителе, стал понимать совершенно неверно, с другой – разделился на несколько партий в понимании религии вообще. Под влиянием тяжелых политических обстоятельств, порабощения от египтян, сириян и, наконец, римлян, народ еврейский видел в обещанном Искупителе только необыкновенного царя-завоевателя и освободителя его от чужеземного ига, который устроит земное царство и даст славу и блеск еврейскому народу. Гордый своею истинною религиею, бывшею только у него одного, еврейский народ ожидал и Мессию только для одного себя, как народа избранного. В таком смысле евреи объясняли и понимали свои пророческие сказания о Мессии. Являлись даже ложные пророки, которые говорили о наступлении времени освобождения от чужеземного ига. Мессии в уничиженном виде евреи не хотели знать, а между тем, охотно шли за народными бунтовщиками; объявлявшими себя мессиями, пришедшими будто бы освободить еврейский народ от ига; такого рода мессиею был, например, Иуда Галилеянин, о котором упоминается в Деяниях Апост., в речи Гамалиила синедриону. Конечно, были исключения в еврейском породе относительно

понимания религии, о чем свидетельствует евангелие, но большинство было слишком далеко от того обещанного Мессии, верою в которого жили лучшие люди прежних времен. При всем этом, пред временем пришествия Христа Спасителя, в еврейском народе образовались еще религиозные партии *фарисеев, саддукеев, ессеев и фераневтов*.

Появление первых двух партий относится ко времени распространения на востоке греческой образованности (во II в до Р. Хр.), когда некоторые иудеи из высшего класса стали увлекаться ею, а вместе с тем заимствовать и языческие обычаи. Ревнители отечественной религии и отечественных учреждений восстали против этого и образовали особую религиозную партию, с политическим оттенком, под именем *Фарисеев*, что значит, *избранных, отделенных*. Они были ревнителями не только закона моисеева, но и всей вообще еврейской старины, всех устных преданий. Ревность их, в начале почтенная, получила скоро превратное направление; они не столько заботились о сохранении и поддержании существенного в религии, сколько второстепенного. Все внимание Фарисеев, доходившее до мелочности, было обращено к внешней стороне религии; они добровольно налагали на себя посты, часто молились, часто совершали внешние омовения, в том убеждении, что такое строгое исполнение предписаний закона, нередко ими самими выдуманного, особенно угодно Богу и составляет единственный путь ко спасению. Отсюда Фарисейская гордость и презрение ко всякому, не принадлежащему к их партии. Внешняя святость жизни Фарисеев привлекала к ним народ, который всецело подчинялся влиянию этих мнимых ревнителей веры. Фарисеи делились между собою еще на несколько партий, получивших названия от особенностей каждой партии во внешнем поведении. Противоположность Фарисеям составляли *Саддукеи*. Это были люди, усвоившие себе греческое образование, смотревшие на все с философской точки зрения между прочим, и на религию. Саддукеи стремились к рационалистическому пониманию закона моисеева; по этому, отвергали устные предания, так много уважаемые фарисеями, не придавали большого значения обрядам, наконец дошли до отрицания бессмертия души, воскресения мертвых, бытия мира духовного и Божественного провидения. Как преданные более земному, наслаждениям и удовольствиям житейским, саддукеи, называемые еще иудейскими эпикурейцами, вовсе не заботились о возвышении к миру духовному. Саддукеев, сравнительно с фарисеями, было не большое число; секта их состояла из богатых и знатных людей, которые занимали высшие должности; между ними не мало было даже первосвященников.

При первоначальной борьбе партий Фарисеев и саддукеев, во II в. до Р. Хр., образовалось новое религиозное направление *есеев* и *ферапевтов*.

Люди, державшиеся того и другого направления, образовали из себя род особого ордена, посвятившего себя на служение Богу вдали от настоящего еврейского общества. Ессеи сначала жили в городах, потом ушли за Мертвое море и там поселились отдельным обществом, которое простиралось до 4000 человек; ферапевты проживали в Египте. В свое общество ессеи принимали после особого тщательного испытания, с особыми обетами почитать Бога, хранить имена ангелов, любить истину, не открывать никому тайн общества. Жизнь в этих общества была строго-умеренная: все члены их занимались земледелием, имущество было у них общее, были общие собрания, особенно в субботу, на которых читали св. Писание, пели гимны. В молитвенных собраниях наблюдались строгий порядок и торжественная тишина. Все стремления ессеев и ферапевтов направлены были, в Противоположность фарисеям, на внутреннюю сторону религии, на внутреннее самоусовершенствование человека. Внешним выражением этого у ессеев служили частые омовения. Вместо кровавых жертв они хотели приносить Богу внутреннее религиозное чувство; впрочем не забывали посылать дары в иерусалимский храм. Толкование и понимание закона моисеева, особенно у ферапевтов, было мистическое, таинственное.

Среди палестинских иудеев жили еще люди, которые также ожидали Мессию; это *самаряне*, обитавшие между Иудеею и Галилеею. Происхождение самарян относится ко времени падения царства израильского (722 г. до Р. Хр.), когда ассирияне, отведши в плен большую часть израильтян, переселили в завоеванную страну язычников. Последние, смешавшись с оставшимися израильтянами, произвели смесь иудейства с язычеством, пока, наконец, служение Богу истинному не взяло перевеса. Таким образом явились самаряне. Они принимали только пятокнижие Моисея, как единственную книгу закона, имели, некоторое время, свой храм, построенный на горе Гаризин бежавшим из Иудеи, священником Манассиею, и совершали Богослужение, по установлению моисееву. Евреи ненавидели самарян и считали их за еретиков, хотя последние, как видно из беседы Иисуса Христа с самарянкою, имели понятия о Мессии лучшие, чем они сами. У самарян не было, как у евреев, такой национальной гордости и уверенности в собственной святости, вследствие одного только происхождения от Авраама; они видели в Мессии пророка, который должен им объяснить закон и научить их всему. Поэтому, они стояли ближе к христианству, чем иудеи.

Что касается до религиозного состояния иудеев, живших вне Палестины, то нужно заметить, что религиозные понятия их были отличны от понятий иудеев палестинских. Иудеи рассеяния, живя в городах, близких к Риму, познакомившись с политическим могуществом империи в местах ее владычества, были чужды мечтаний палестинских иудеев о всемирном политическом господстве иудейского народа. Поэтому представления их о Мессии сложились иначе, они не разделяли с палестинскими иудеями ожидания Мессии в качестве политического деятеля и были более тех подготовлены к принятию Его, как искупителя от грехов. Кроме того иудеи рассеяния, входя постоянно в столкновение с язычниками, особенно по делам торговым, хотя считали Иерусалим своим религиозным центром, в который время от времени совершали путешествия и посылали дары в храм иерусалимский, были менее нетерпимы по отношению к язычникам, чем палестинские иудеи. Они входили в общение с язычниками, знакомили их с своими религиозными убеждениями, передавали им даже свою веру; с другой стороны сами перенимали греческое образование и греческую философию. Так было особенно в Александрии, центре мировой торговли и науки. Здесь у евреев свящ. писание было уже давно переведено на греческий язык, бывший в то время во всеобщем употреблении. Любопытные язычники могли удобно знакомиться с возвышенным богословием иудейской религии. И действительно, религиозные убеждения иудеев рассеяния стали прививаться к язычникам, недовольным собственными религиями и искавшим истинного богопознания. Ко времени пришествия Христа Спасителя, мы встречаем довольно число язычников, принявших иудейство, которые известны были под именем *пришельцев врат*, если они принимали религию евреев без обрезания, и *пришельцев правды*, если принимали вместе с тем и обрезание. Идея о Мессии, как всеобщем Искупителе, проповедуемая еврейскою религиею особенно была привлекательна для таких пришельцев иудейской церкви. С другой стороны евреи, знакомясь с греческою философию, особенно с философию Платона, нашли в ней нечто достойное уважения в религиозном отношении. В Александрии явилось даже стремление сблизить философию Платона с моисеевым законом. Явилось особое религиозное направление, в виде иудействующего эллинизма, представителем которого был *Филон*, современник Апостолов. Характеристическую черту этого направления составляет безусловная вера в откровение и уважение к истинам Платоновой философии, которые, по мнению Филона, заимствованы из откровения. Основные положения

миросозерцания Филона и его школы следующие: Божество, по Платону сущее (ὄν), непостижимо и недоступно; непосредственного отношения между Им и миром быть не может. По этому, есть нечто посредствующее между Божеством и миром – *Божественное слово*, по Платону ум (νοῦς), которое образовало мир. Бог сокрыт от человека, вследствие присутствия в последнем материи, но для него есть возможность постигнуть Божественное чрез борьбу с материальным и отречение от него, так что он может находить истинную жизнь и на земле, в блаженном созерцании Божества.

Таким образом человеческий род до пришествия Спасителя глубоко упал в религиозно-нравственном отношении. После неудачных попыток найти спасительный исход из того жалкого положения, в котором он находился, он как бы пригнел в отчаяние и погружался все более и более в нечестие. Это сознанию всех лучших людей иудейского и языческого мира, нужна была Божественная помощь, чтобы возродить его – и она явилась. Божественный спаситель рода человеческого, о котором сохранялись обетования в еврейской религии, которого смутно ожидали некоторые из язычников, наконец, явился в мир.

В. Основание Христианской Церкви Господом нашим Иисусом Христом

§ 9. Пришествие в мир Христа Спасителя и Его жизнь до начала торжественного служения

Всеблагий Бог, по Своей бесконечной любви к роду человеческому, отпадшему от него, вследствие падения прародителей, не допустил конечной ею гибели. От вечности в божественном совете предопределено было спасение человека чрез восстановление союза его с Богом. Совершил это спасение Сын Божий, Второе Лицо Святыя Троицы, Который, но принятии человеческой природы не переставая быть Богом, явился на земле в качестве Мессии-Искупителя. Сообразно с древними пророчествами о времени явления Мессии, Он явился *по исполнении времен*, т. е. когда род человеческий дошел до последней степени нравственного падения и когда, по Божественному предназначению, надлежало спасти его. Сообразно с теми же пророчествами о человеческом происхождении Спасителя, Он родился, наитием Святаго Духа, от пресвятой Девы Марии, из племени давидова, обрученной одному праведному человеку, Иосифу. Местом рождения Иисуса Христа был Вифлеем, город Давидов, куда святая Дева Мария и Иосиф пришли из галилейского городка Назарета, места своего жительства, во время переписи, производившейся, но повелению римского императора Августа; по принятому счислению, время рождения определяется 5508-годом правления императора Августа, 37-м царствования в Иудее Ирода, прозванного Великим.

Такое великое событие в мире, как рождение Божественного Младенца, ознаменовано было многими чудесами. Некоторые благочестивые люди чудесным образом узнали в Нем того божественного Посланника, который должен был возвратить человека к Богу и установить новый совершеннейший порядок жизни. Такое понятие о нем имели, кроме самой Богоматери, Иосиф, обрученный ее, Елисавета, жена священника Захарии, сам Захария, вифлеемские пастыри, извещенные ангелами, Симеон и Анна, узнавшие Спасителя, когда Он принесен был во храм, восточные мудрецы, пришедшие, по чудесному указанию звезды, в

Иерусалим, спрашивавшие там о родившемся Царе Иудейском и нашедшие Его, наконец, в Вифлееме. Слух о рождении Царя Иудейского скоро распространился в Иерусалиме и смутил жестокого и подозрительного Ирода, который, будучи чужеземцем, истребившим фамилию народных правителей из рода Маккавеев, опасался за свой трон. Чтобы избавиться от сего родившегося Царя, о котором толковали жители

Иерусалима, он решился на зверский поступок, приказавши избить всех младенцев, мужского пола, в Вифлееме и его окрестностях, надеясь в числе их погубить и Иисуса Христа. Иосиф и Мария с Божественным Младенцем, по наставлению ангела, ушли в Египет, где пробыли до смерти Ирода. Когда последний умер и вместо его воцарился Архелай с братьями, Иосиф и Мария возвратились в Галилею, где жили до рождения Спасителя. До времени торжественного служения спасению людей, Спаситель вел жизнь уединенную в галилейском городе Назарете, вместе с Богоматерию и Иосифом, мнимым своим отцом. О воспитании Его евангелист Лука замечает, что он возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости и благодать Божия была на Нем и что Он был в повиновении у своих родителей (Лук. гл. 2, 40, 51). А из того, что впоследствии жители Назарета называли его сыном плотника, можно заключать, что Он разделял занятия своего воспитателя, Иосифа. Из периода частной жизни Спасителя евангельская история рассказывает об одном событии – путешествии Его в Иерусалим на праздник Пасхи, когда Ему было только двенадцать лет, и когда Он поразил истинно божественною мудростию иудейских законников, предлагая им вопросы и давая ответы.

§ 10. Открытие торжественного служения Спасителя роду человеческому

Спаситель выступил в открытое служение роду человеческому, когда Ему было тридцать лет т. е. когда, по еврейскому закону, можно было принять должность учителя веры. Начало благодатного царства, для основания которого, чрез искупление людей, явился на землю Спаситель, открывается на Иордане, куда он пришел принять крещение от Иоанна Крестителя, дабы «исполнить всякую правду», как сказал Он Сам². Сын священника Захарии и Елисаветы, ожидавших с верою обещанного Искупителя, Иоанн был Его предтечею, пришедшим приготовить людей к принятию Спасителя и Его учения. Он сам определил таким образом свое служение, когда на вопрос священников и левитов сказал: «Я не Христос; я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия; но среди вас стоит Некто, которого вы не знаете. Он-то идущий за мною, но который стал впереди меня. Я не знал Его, но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю».³ Приготовляя людей к принятию Искупителя, Иоанн требовал от приходящих к нему внутреннего, нравственного очищения, чтобы быть достойными иступить в наступающее благодатное царство. «Покайтесь, говорил он, ибо приблизилось царство небесное»⁴. Особенно строго обличал он Фарисеев и саддукеев, которые, приходили к нему креститься, не думали о покаянии, надеясь на свою праведность. «Я крещу вас в воде в покаяние, говорил он им, но идущий за мною сильнее меня, Он будет крестить вас Духом Святым и огнем»⁵. Символом этого нравственного очищения он поставил крещение в Иордане. Когда Иисус Христос пришел на Иордан, чтобы принять крещение, Иоанн открыто засвидетельствовал, что Он-то и есть божественный Искупитель, сказавши: «се Агнец Божий, который берет на Себя грехи мира. Сей есть, о котором я сказал: «за мною идет муж, который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня»⁶. В тоже время последовало Божественное свидетельство о Божественном достоинстве Искупителя. Когда Иисус Христос вышел из воды, отверзлись небеса, Дух Святый сошел на Него и слышен был голос: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение». После крещения Спаситель удалился в пустыню, чтобы, чрез отвержение всех предметов искушения для Его телесной природы, приготовить Себя к борьбе с миром, в предстоящем тяжелом служении спасению рода человеческого. Там пробыл Он в посте и молитве сорок дней и потом выступил на проповедь.

§ 11. Учение Спасителя; влияние Его на общество; основание Им общества своих последователей, или церкви

Более трех лет Спаситель, проходя по городам и селениям Палестины, во храме, синагогах, на полях и на всяком месте, учил народ, но выражению евангелиста Матфея⁷ «как власть имеющий, а не как книжники и Фарисеи», следовательно, как истинный Посланник Божий. Целию Его учения было привести всех людей к истинной религии, ввести в их жизнь нравственные начала, сообразные с этою религиею и тем приготовить их к принятию искупления и вступлению в Его благодатное царство—церковь, которую Он имел основать из уверовавших в Него, как Бога – Искупителя и принявших Его учение.

К этой цели направлены были все беседы Спасителя, все Его речи и притчи. Спаситель говорил о Боге Отце и Его любви к людям, говорил о Себе, как Сыне Божиим, пришедшем избавить людей от греха и смерти, о Святом Духе, подателе благодатных даров; убеждал людей оставить свои заблуждения, раскаяться и обратиться к Богу, поклоняться Ему в духе и истине, в противоположность Фарисеям, требовал сердечной чистоты в отношениях людей к Богу, искренней веры в Него, и в частности в Себя, как Искупителя, нелицемерной любви к Нему, во имя любви Божией к людям, требовал любви и во взаимных отношениях их между собою, убеждая, что все люди братья между собою, без различия происхождения, как дети одного Отца Небесного. Учение Спасителя о троичности лиц в Боге, о Себе, как Сыне Божиим, Втором Лице Святыя Троицы, явившемся для спасения людей и о всеобщей братской любви людей между собою, без различия национальностей, принесенной Им с неба, но всей ясности и полноте открывалось человечеству в первый раз. В еврейской религии были указания на эти пункты учения, но не столько ясные и определенные, как в совершеннейшей религии, закончившей религию иудейскую, проповеданной Самим Иисусом Христом. Чудеса, которые совершал Спаситель, и пример Его собственной Божественно-святой жизни служили для той же цели – убедить людей в своем божественном посланничестве и божественности Своего учения и приготовить их к принятию искупления и вступлению в Его царство.

Впечатление, которое производил Спаситель на общество своим учением, чудесами и жизнью было различно. По сказаниям евангелистов,

народ большими массами собирался слушать Его проповеди, ходил за Ним в множестве, искал Его всюду, так что первосвященники и Фарисеи опасались, как бы все не уверовали в Него⁸. Но массы народа, но большей части, только поражались Его учением и чудесами, не вникая в самую сущность учения. Народ не хотел понять, что Спаситель пришел искупить людей от греха, проклятия и смерти; согласно установившимся взглядам на Мессию, он хотел видеть в Иисусе Христе политического деятеля и освободителя еврейского народа от чужеземного ига, вследствие чего однажды намеревался провозгласить Его царем⁹, и вообще оказывал Ему царские почести¹⁰. Вообще вера народа в Иисуса Христа, как Мессию, была колеблющаяся, нерешительная, что открылось при последних днях жизни Спасителя. Первосвященники, книжники и фарисеи лучше народа понимали учение Спасителя, но еще менее хотели следовать за Ним. Они хотели быть представителями еврейского народа, ревнителями его свободы, хранителями закона, были убеждены в своей святости и твердо надеялись, вследствие одного только происхождения от Авраама, наследовать царствие небесное. Поэтому, учение Спасителя об искуплении от грехов казалось им излишним. Далее, мысль о политическом господстве иудейского народа, о мессии – освободителе от чужеземного ига, распространялась из среды этих ревнителей свободы и ими особенно поддерживалась, а Спаситель, объявляя Себя Мессией, прямо говорил, что царство Его не от мира сего¹¹, и на хитрый вопрос их, предложенный, для испытания Его, следует ли платить дань кесарю, отвечал «воздадите кесарева кесареви, а Божия Богови»¹². Такой Мессия особенно был ненавистен им, и за Ним они не могли следовать. «Если оставить Его так, говорили первосвященники, книжники и фарисеи о Спасителе в одном собрании, после воскрешения Лазаря, то все уверуют в Него; и придут римляне и овладеют и местом нашим, и народом»¹³.

Немногие только избранные, вполне понимали и, усвоили учение Спасителя и веровали в Него, как Сына Божия, Искупителя. К таким лицам, кроме уверовавших в Него еще при рождении Его, прежде всего принадлежали, избранные Им Самим приближеннейшие Его ученики, числом двенадцать, которые, по Его слову, оставили все и всюду следовали за Ним, и которых Он особенно учил, как будущих распространителей своего учения и священно-начальников общества верующих в Него. Сообразно назначению их, Спаситель усвоил им и особенное название *апостолов*. Имена их следующие: *Андрей*, известный под именем Первозванного, брат его, *Симон*, получивший от Спасителя название *Петра*, братья *Иаков* и *Иоанн*, дети рыбака Заведея, *Филипп*, *Варфоломей*,

которого считают за одно лицо с Нафанаилом, *Фома, Матфей*, или Левий (мытарь), *Иаков* и *Иуда*, родственники Спасителя по плоти, *Симон Зилот* и *Иуда* Искаротский. Все они, за исключением Иуды Искаротского, были горячо преданы своему Божественному учителю. Кроме их Спаситель избрал из уверовавших в Него еще семьдесят учеников, которых еще во время Своей земной жизни посылал по двое на проповедь. К числу уверовавших в Иисуса Христа принадлежали также Лазарь и его сестры – Марфа и Мария, жены мироносицы, Никодим, тайный ученик Спасителя, Иосиф из Аримафеи, – именно те лица, о которых упоминается в евангелии, как истинных последователей Спасителя. По всей вероятности, к этому же числу уверовавших принадлежали и многие из тех, которых Спаситель исцелял во время своей земной жизни. Из этих уверовавших лиц Спаситель образовал общество, *первоначальную церковь* Свою, которая, по Его учению, впоследствии должна была обнять все народы, распространиться в всем мире и существовать до скончания веков. От этого общества Он требовал полнейшего усвоения своего учения, искренней веры в Себя, как Сына Божия, Искупителя мира, и жизни по новым началам, сообщенным Им. Преподавши обществу верующих истинную, совершеннейшую религию, установивши в своей церкви таинства, окончательное устройство ее Спаситель предоставил своим преемникам – Апостолам, которым даровал все права священноначальников – учить, *священнодействовать* и *управлять*.

§ 12. Страдания Спасителя, Его искупительная смерть, воскресение, посольство Апостолов на всемирную проповедь и вознесение на небо

Кроме научения людей истинной вере и нравственности, Иисусу Христу, как Искупителю человеческого рода, надлежало пострадать, добровольно принести себя в жертву для умиловления правды Божией за грехи всего мира. Поэтому, окончивши научение людей, Господь Иисус Христос, восхотел совершить и последний акт искупления пострадать и умереть. Партия, преследовавшая национальные интересы еврейского народа, первосвященники и старейшины народные, книжники и фарисеи, не признавая Иисуса за Мессию, при всяком удобном случае, старалась вредить Ему, тем более, что Он постоянно обличал пороки, свойственные ей. Наконец, в виду того, чтобы весь народ не уверовал в Иисуса Христа, как Мессию, который не хотел, чтобы Его признавали за политического деятеля, они решились, во что бы то ни стало, погубить Иисуса. Первосвященник Каиафа, по сказанию евангелиста Иоанна, говорил при этом в собрании: вы ничего не знаете и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же, замечает евангелист, он сказал не от себя, но будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ¹⁴. Таким образом первосвященники и книжники удовлетворяя своей злобе на Иисуса Христа, сами, не зная того, выполняли волю Божию.

Наступал праздник Пасхи; в Иерусалим сошлось много народа. Чтобы не было какого-либо противодействия со стороны последнего, первосвященники решили захватить Иисуса тайно, и потому назначили тридцать сребренников тому, кто укажет им удобный случай взять Его. Один из ближайших учеников Спасителя, Иуда Искариотский, решился предать своего Учителя. Ночью в саду Гефсиманском, по его указанию, первосвященническая стража взяла Иисуса и отвела к архиереям. После многочисленных поруганий, они решились предать Его смерти за то, что Он будто бы ложно объявлял себя Мессиею, Сыном Божиим. Но так как иудеи сами не имели права объявлять смертных приговоров, то представили Его на суд римскому правителю в Иудее, Понтию Пилату, выставляя туже вину, только с особым оттенком, т. е., что Иисус объявлял Себя земным мессиею,

земным царем иудейским. Иудеи хотели представить Спасителя

таким же бунтовщиком – мессиею, каким был прежде Него известный Иуда Галилеянин. Пилат, сделавши несколько вопросов Иисусу и узнавши от Него, что царство Его не от мира сего, что Его царство – царство истины, понял, что пред ним стоит народный учитель веры, которого первосвященники хотят из зависти погубить, а никак не противник римской власти. Поэтому не признавал Его достойным смертной казни и предлагал совсем отпустить Его, по существовавшему обычаю, ради праздника пасхи. Также признал Иисуса невинным и Ирод, правитель Галилеи, к которому Пилат отослал Его. Но первосвященники и подговоренный ими народ требовали Его смерти, обвиняя в противном случае самого Пилата в измене кесарю, так как он, не признавая Христа достойным смерти, покровительствует бунтовщикам. Пилат уступил иудеям. Спасителя сначала предали истязаниям, потом отвели на Голгофу, где и распяли на кресте, между двумя разбойниками, как обыкновенного преступника. Распятие на кресте совершено было в пятницу, около шестого часа г. е. двенадцатого часа по нашему счету, на кануне пасхальной субботы, а в девятом часу т. е. в третьем часу по полудни он умер. Вечером в пятницу же, Иосиф из Аримафеи и Никодим выпросили у Пилата позволение взять тело Иисусово и похоронили Его в пещере, принадлежавшей Иосифу и приготовленной им для своего семейства, в которой никто еще не был погребен; вход в пещеру был завален камнем. Первосвященники же иудейские и Фарисеи, припоминая, что Иисус Христос предсказывал о своем воскресении чрез три дня, с согласия Пилата, приставили к пещере стражу, чтобы охранять гроб в продолжение трех дней, чтобы, как говорили они¹⁵, ученики Его, пришедши ночью, не украли, и не сказали народу: «воскрес из мертвых».

В продолжение целого дня субботы, Иисус Христос был во гробе; в день же, следующий за субботою, с которого начинался у евреев счет новой недели, по христиански, в день воскресный, рано утром, Он как победитель смерти, воскрес из мертвых. Стража, приставленная ко гробу в ужасе разбежалась. Пришли рано утром к пещере Мария Магдалина и другие женщины, чтобы помазать тело Иисусово, и уже не нашли Его. Ангелы возвестили им, что Он воскрес. В продолжение сорока дней, по воскресении Своем, Господь являлся некоторым из верующих и особенно ученикам Своим и говорил с ними о царствии Божиим¹⁶. В это время Спаситель окончательно утвердил свою церковь, преподавши апостолам окончательные наставления касательно устройства ее. Между прочим Он, сообщив им благодать Святого Духа, дал им власть вязать и решить в церкви¹⁷, повелел проповедовать евангелие всем народам, крестя их во

имя Отца и Сына и Святого Духа, научая соблюдать все, что Он Сам заповедал им, и обещаясь быть в Своей Церкви до скончания века¹⁸. За тем чрез сорок дней, благословивши апостолов, на горе Елеонской, Он, пред их главами, вознесся на небо, обещая послать им от Отца Духа Утешителя, Который, как продолжатель совершенного Спасителем дела искупления людей, имел сообщить им благодатную силу для предстоящего служения.

**Период первый от первого распространения
Христианской Церкви во время Апостолов до
торжества ее над язычеством при Константине
Великом (34–313 г. г.)**

§ 13. Характер этого периода

В первое время существования на земле Христовой Церкви, ей, как новому религиозному обществу, распространявшему новое, неведомое миру учение и новые начала жизни, отличные от установившихся и даже противоположные им, пришлось вступить в борьбу с обществами религиозными и политическими за право существования. В первые три века последние не признают за Церковью прав на существование, и Церковь живет среди общества, не только без покровительства и защиты общественных законов, даже при законах, направленных против ее существования. Жизнь Церкви проходит при постоянных почти нападениях на нее со стороны народа, правительства и литературы. При таких обстоятельствах Церковь не погибает. Не смотря на все преследования, она распространяется, с необыкновенною быстротою, в самом центре тогдашней исторической жизни – в греко-римской империи, и отчасти выступает даже за ее пределы; устраивает свой внутренний быт, насколько это возможно было при постоянных почти гонениях и, наконец, выдержав трехвековую борьбу с миром языческим и иудейским, приобретает себе право на существование. – Все это составляет характерические черты первого периода церковно-исторической жизни, отличающие её от жизни последующих периодов.

Первый отдел. История Церкви в век Апостольский до смерти Св. Иоанна Богослова (34–101 г. г.).

Глава 1. Распространение Церкви

§ 14. Сошествие Св. Духа на Апостолов и первые успехи евангельской проповеди в Иерусалиме

По вознесении Спасителя, общество верующих в Него, во главе с апостолами, вместе с Богоматерью, прочно соединилось в одно целое. Все единодушно пребывали в молитве и молении, для чего собирались в иерусалимскую горницу, где пребывали Апостолы. В ожидании сошествия Св. Духа, апостолы не выступали еще на проповедь. В одно из собраний, в котором было около ста двадцати верующих, апостол Петр предложил на место Иуды искаротского, отпавшего от служения апостольского, избрать другого на это служение из тех верующих, которые находились при Спасителе во время Его пребывания на земле. После молитвы, пред лицом всей церкви, брошен был жребий, и он пал на Матфия, которого и сопричислили к одиннадцати апостолам.

Наконец, по прошествии десяти дней от вознесения Господня, в еврейский праздник Пятидесятницы, когда апостолы были вместе, при необыкновенном шуме с неба сошел на них Дух Святой, в виде огненных языков. Апостолы получили благодатную силу, которая на первый раз выразилась тем, что они начали говорить на разных языках. К празднику Пятидесятницы собрались в Иерусалим во множестве иудеи рассеяния, а также и пришельцы иудейской церкви, жившие в разных пределах римской империи и других странах, говорившие на языках тех стран, в которых жили. Все эти лица, слыша апостолов, говорящих на тех же языках, на которых они сами говорили, изумлялись и не знали, что подумать. Апостол Петр обратился к недоумевающим с воодушевленной речью, в которой, объяснив предварительно на основании древних пророчеств, виденное ими, чудо – дарование способности говорить на разных языках, показал, что Иисус, будучи распят, воскрес, расторгнув узы смерти, и что Он истинный Мессия, истинный Бог. Слышавшие это умилялись и спрашивали Апостолов, что же им делать. Последние предлагали покаяться и креститься во имя Иисуса Христа. Иудеи рассеяния, более других подготовленные к принятию Мессии, прежде других и обратились к христианству. В этот день крестилось около трех тысяч человек. Апостолы теперь безбоязненно начали проповедовать об Иисусе Христе, который своими чудесами оказывал столько благодеяний народу, которого убили иудеи и который воскрес, как Бог. В подтверждение своих слов они творили множество чудес. Народ иудейский вспомнил Божественного Учителя и, чувствуя страх от

сознания, что Он невинно предан смерти, начал искать успокоения в вере в Него.

Представители иудейской религии, первосвященники и книжники, достигши осуждения на смерть Господа Иисуса Христа, на время утолили свою злобу и пока не преследовали никого из Его последователей, тем более, что, до сошествия Св. Духа на апостолов, открытой проповеди о Нем, как Мессии, не было. После же сошествия Св. Духа на апостолов, присоединение к Церкви целых тысяч новых членов совершилось так быстро и неожиданно, что они не успели обратить на это внимания. К тому же существование среди евреев разных религиозных направлений мешало вникнуть в сущность апостольской проповеди о воскресении, крещении, покаянии и т. п. Все это такие предметы учения, которые не преследовались: веру в воскресение разделяли фарисеи, крещение и покаяние проповедовал Иоанн Предтеча и не встречал противодействия.

Наконец, первосвященники поняли, что из последователей Христовых образуется совершенно особое религиозное общество, когда апостол Петр исцелил хромого и во храме открыто стал проповедовать новое учение¹⁹. Петр и Иоанн шли вместе в храм, по еврейскому обычаю, на молитву, в девятый час (три часа по полудни). При, так называемых, красных вратах храма, попросил у них милостыни нищий, хромым от рождения. Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказал: «взгляни на нас!» Нищий пристально смотрел на них, надеясь что-нибудь получить. Но Петр сказал: «сребра и злата нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назаряя встань и ходи!» И, взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колена. Нищий – хромым стал на ноги и вошел вместе с апостолами в храм, ходя и скача, и славя Бога. Народ, бывший в храме, зная нищего, как хромого от рождения и, видя его ходящим подле апостолов, окружил последних, изумляясь необыкновенному чуду. Тогда апостол Петр обратился к народу с речью, в которой объяснил, что чудо это совершено им во имя Сына Божия, Иисуса Христа, которого они, иудеи, убили, но который воскрес; напомнил древние пророчества о Мессии, которому надлежало пострадать, который, действительно, в лице Иисуса Христа, явился и пострадал и, в заключение, апостол приглашал евреев, как сынов пророков и завета, к которым первым Бог послал Своего Сына, покаяться и обратиться к Нему, чтобы загладить грехи свои. При такой ясной и одушевленной проповеди уверовало во Христа около пяти тысяч человек. Но начальники храма взяли апостолов под стражу и на другой день, утром, представили в синедрион. Здесь произведен был им допрос, какую силою, или каким именем они исцелили хромого. Апостол

Петр и здесь безбоязненно проповедал о распятом и воскресшем Иисусе Христе, именем которого они исцелили хромого и в котором одном только заключается все спасение человека. Члены синедриона не могли ничего сказать против апостолов, так как всем жителям Иерусалима и им самим было известно, сделанное ими, чудо и опровергнуть его не было возможности. Поэтому, они ограничились только тем, что запретили апостолам говорить и учить об имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали: «судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали».

Апостолы, как отвечали в синедрионе, так и поступали; их проповедь продолжалась. Вместе с тем они творили множество чудес²⁰; народ выносил больных на улицы и полагал их на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них; сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, принося больных и одержимых нечистыми духами, которые и исцелялись. Верующих все более и более присоединялось к Церкви, даже многие из священников обратились ко Христу.

Первосвященники и народные старейшины увидели теперь, что новое учение, так быстро распространяющееся, может окончательно поколебать иудейскую религию, а главное – их авторитет, и решились прибегнуть к насильственным мерам против апостолов. Они наложили на них руки и приказали заключить всех их в народную темницу. Но ангел Господень ночью вывел их из темницы и апостолы по-прежнему проповедовали в храме. На другой день, не найдя апостолов в темнице, враги их все пришли в недоумение, а между тем донесли первосвященнику, что апостолы учат в храме. Опять стража взяла их из храма и привела в синедрион. «Не запретили ли мы вам накрепко, говорили им члены синедриона, учить о имени сем? И вот вы наполнили Иерусалим учением вашим, и хотите навести на нас кровь того чело²¹века». Апостолы отвечали: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам. Бог отцов наших воскресил Иисуса, которого вы умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов. Свидетели Ему в сем мы и Дух Святой, которого Бог дал повинующимся Ему»²². Члены синедриона пришли в озлобление и замыслили умертвить всех апостолов. Только благоразумие одного уважаемого народом, фарисейского законоучителя, Гамалиила, остановило этот замысел. Он, напомнив синедриону о прежде являвшихся и погибших мятежниках, Февде и Иуде Галилеяине, предложил оставить апостолов в покое, так как, говорил он, если это дело

человеческое, то оно само собою уничтожится; если же божественное, то никто его не может разрушить. Апостолов били, опять запретили им говорить об Иисусе и отпустили. Но не смотря на то, апостолы по прежнему всякий день в храме и по домам продолжали проповедовать о Спасителе.

§ 15. Рассеяние верующих из Иерусалима и распространение евангелия между иудеями и самарянами в Палестине и Сирии; обращение Савла

Силе проповеди апостольской иудейские законоучители хотели противопоставить свою мудрость. Некоторые из так называемой синагоги либертинцев и киринейцев и александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор с Стефаном²³, одним из семи диаконов, о новом христианском учении и законе моисеевом; но не смогли противостоять мудрости и Духу, силою которого он говорил. Вследствие сего иудейские законники еще более озлобились. Стефана привели в синедрион и обвиняли в том, что «он говорил хульные слова на святое место сие и на закон, ибо он говорил, что Иисус Назарей разрушит место сие и переменит обычаи, которые предал Моисей». Стефан на суде пред синедрионом сказал речь в защиту своего учения, в заключение которой обличил самих иудеев в несохранении закона моисеева и убиении истинного Мессии, о котором предсказал Моисей. Члены синедриона так озлобились, что не дослушали речи Стефана, вывели его за город и стали побивать камнями. Стефан до самой смерти своей молился за своих врагов. Это событие относится к 37 году. Мученической смертью Стефана началось открытое преследование Христовой Церкви в Иерусалиме. Особенною ревностью при этом отличался юноша *Савл*, родом из Тарса; воспитанный в Фарисейском учении, при своем обширном уме, он лучше, чем синедрион, понимал, какая опасность грозила иудейству со стороны нового учения. Еще в убиении первомученика Стефана он принимал некоторое участие; за тем, когда началось в Иерусалиме гонение на Церковь, он врывался в дома, отыскивая последователей Христовых, схватывал мужчин и женщин и отводил в темницу. Следствием такого преследования было то, что верующие бежали из Иерусалима и рассеялись по всей Иудее и соседним областям. Оставались в Иерусалиме одни только апостолы.

Рассеявшиеся из Иерусалима, по поводу поднятого там гонения, верующие во Христа прошли с проповедью до Финикии, Кипра и Антиохии; впрочем распространяли учение Христово только между иудеями, самарянами и пришельцами правды. Так Филипп, один из семи диаконов, пришел в Самарию и проповедовал жителям ее о Христе²⁴. «Народ единодушно внимал тому, что говорил Филипп, слыша и видя, какия он творил чудеса». Бесноватые освобождались от нечистых духов,

многие расслабленные и хромы исцелялись.

Следствием проповеди Филиппа было то, что многие из самарян крестились; между прочими крестился некто Симон, который пред тем волхвовал и изумлял народ самарийский, выдавая себя за кого-то великого. Находившиеся в Иерусалиме апостолы, услышав, что самаряне уверовали во Христа, послали к ним Петра и Иоанна, чтобы низвести на новокрещенных Святаго Духа. Они, пришедши в Самарию, возложили руки на новообращенных и низвели на них Святаго Духа. Симон волхв, видя, что чрез возложение апостолами рук подается Дух Святой, предложил им деньги, прося и ему дать такую же власть низводить Святаго Духа. Симон, крестившись, не имел никакого понятия о сущности христианского учения; как Фокусник, он считал апостолов своими собратиями, только более его искусными. Апостол Петр отвечал ему: «серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги. Нет тебе в сем части и жребия. В пределах же Самарии Филипп крестил вельможу эфиопской царицы, который был пришельцем правды и приезжал в Иерусалим для поклонения.

Когда в Иерусалиме враги Христа узнали, что и новое учение распространяется по окрестным местам, то решились преследовать последователей его и здесь. Савл, заявивший себя в Иерусалиме ревностным поборником отечественной религии, выпросил у первосвященника позволение отправиться в Дамаск, перевязать там всех верующих во Христа и привести в Иерусалим на суд²⁵. Но недалеко от Дамаска сам Савл чудесным образом был обращен ко Христу и из жаркого противника христианского учения сделался ревностным его распространителем. Прибыв в Дамаск, вместо преследования учеников Христовых он крестился и стал проповедовать, что Иисус есть действительно Христос, чем и приводил в замешательство, проживавших там, иудеев. Обращение Савла относят к тому же 37 году, когда поднято было гонение в Иерусалиме.

§ 16. Основание Христианской Церкви между язычниками в Кесарии и Антиохии

После того, как партия первосвященников и фарисеев лишилась в Савле такого ревностного поборника отечественной религии, она сделалась несколько сдержаннее по отношению к Христовой Церкви, так что, по сказанию Св. Луки²⁶, «церкви по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и при утешении от Св. Духа умножались». Пользуясь таким спокойствием, апостол Петр решил посетить христианские общины, рассеянные в Палестине. Между прочим он был в Лидде и Иоппии; в первой исцелил расслабленного Энея, а во второй воскресил умершую Тавифу и как в том, так и другом месте обратил многих ко Христу. Когда апостол находился в Иоппии, в доме Симона кожевника и молился, ему было видение²⁷. С неба сошел к нему некоторый сосуд, в виде скатерти, привязанной за четыре угла, в которой находились всякие четвероногие пресмыкающиеся и птицы небесные, запрещенные, по закону моисееву, для употребления в пищу. И был глас к нему: «встань, Петр, заколи и ешь». Но Петр сказал: «нет Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистаго». Тогда в другой раз был глас к нему: «что Бог очистил, того ты не почитай нечистым». Сие было трижды; и сосуд опять поднялся на небо. Петр недоумевал, что бы значило это видение. Но, вот, вслед же за видением, пришли к нему посланные из Кесарии от римского сотника Корнилия, который, по наставлению ангела, призывал апостола в свой дом послушать его проповеди. Корнилий был язычник, или, вероятнее, пришелец врат, так как он совершал молитвы по иудейскому закону, но пришельцы врат, не принимавшие обрезания, считались наравне с язычниками.

Иудеи, уверовавшие в Иисуса Христа, с самого начала, не отделялись резко от господствовавшей иудейской церкви, – по-прежнему собирались на молитву в иерусалимский храм, приносили там жертвы и вообще выполняли весь обрядовый закон Моисея. Будучи воспитаны в уважении к закону моисееву, они не могли так скоро усвоить себе мысль, что обрядовый закон, бывший только сению грядущих благ, с пришествием Спасителя, делается излишним, и многие из них утверждали, что он необходимо должен быть соблюдаем и в христианстве. Далее, под влиянием древней иудейской мысли, что обетования Божии о Мессии и Его царстве относятся к одному только народу еврейскому, многие из уверовавших иудеев утверждали, что в Христианскую Церковь должны

вступать одни только иудеи, язычники же, чтобы быть принятыми в Церковь, должны предварительно сделаться иудеями, т. е. принять обрезание и выполнять весь обрядовый закон Моисеев. Апостолы, получившие от Господа Иисуса Христа наставление проповедовать Его евангелие всем народам, чтобы не произвести разделения в только что устрояющейся Церкви, в уничтожении такого заблуждения действовали с особенною осторожностью. Распространяя на первых порах христианство между иудеями, к которым ближе всего им было и обратиться с проповедью, они ожидали того времени, когда уверовавшие из иудеев сами собою убедятся в том, что обрядовый закон моисеев должен быть отменен и язычники должны быть принимаемы в Христианскую Церковь без обязательства соблюдать оный. Время это наступило. Апостол Петр, когда его позвали к язычнику Корнилию, понял, что бывшее ему видение означало именно то, что язычники, нечистые в глазах евреев, чисты пред Богом настолько, что могут вступить в Христову Церковь. Петр, взявши с собою некоторых из уверовавших иудеев, пришел к Корнилию. Встреченный с почетом в доме язычника, он, прежде чем приступить к проповеди о Христе, заявил, особенно для сопровождавших его, что хотя иудею и запрещено сообщаться с иноплеменниками, но ему Сам Бог открыл не почитать ни одного человека скверным или нечистым. Когда Корнилий при этом объяснил, что он призвал апостола по наставлению ангела, Петр, предварительно высказавши, что во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему, т.е. что и язычник имеет право на вступление в Церковь, начал проповедовать о Христе. Еще не окончил он проповеди, как Дух Святой сошел на всех язычников, слушавших его. Верующие из обрезанных, пришедшие с апостолом, изумлялись. Тогда Петр сказал: «кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святаго Духа»? И после того крестил их во имя Иисуса Христа. Когда Петр возвратился в Иерусалим, уверовавшие из обрезанных, узнав, что он проповедовал язычникам, упрекали его за это. Но Петр разъяснил им, что он в этом случае действовал по непосредственному указанию Божию, что язычники, которым он проповедовал, получили до крещения дары Св. Духа, и они успокоились, говоря: «видно и язычникам дал Бог покаяние в жизнь». – Язычники начали обращаться ко Христу и в других местах. Так некоторые верующие из иудеев рассеяния родом кипряне и киринейцы, пришли в Антиохию, где уже было общество христовых последователей, состоявшее из иудеев и распространили здесь христианство между язычниками. В Антиохии, главном городе римских владений на востоке, было много язычников и

многие из них вступили в Христову Церковь. Об этом узнали в Иерусалиме и, чтобы лучше упрочить там христианство, послали туда *Варнаву*, по преданию, одного из семидесяти учеников Христовых. Варнава был иудей рассеяния, родом кипрянин, и потому без предубеждения мог смотреть на обращение язычников. Варнава нашел в Антиохии много уверовавших и с своей стороны убеждал всех держаться Господа искренним сердцем. Чтобы иметь более успеха среди язычников, он отправился в Тарс, где находился тогда, чудесно обращенный, Савл, и пригласил его вместе с собою проповедовать язычникам. Целый год они устраивали вместе антиохийскую церковь и имели большой успех, особенно среди язычников. Замечательно, что в Антиохии, где верующих из язычников было больше, чем из иудеев, последователи Христа усвоили себе название *христианин* первый раз здесь стали называться этим именем, тогда как уверовавшие из иудеев, по своей привязанности к иудейской религии, доселе не могли отрешиться от нее настолько, чтобы, со вступлением в новое религиозное общество и принятием нового учения, принять и новое имя. Начало христианской проповеди среди язычников относят к началу сороковых годов после Р. Хр.

§ 17. Решение вопроса о принятии в Церковь язычников на Апостольском соборе

Распространение христианства между иудеями и язычниками продолжалось очень успешно. Савл, или Павел, и Варнава особенно много трудились в деле проповеди у язычников. Устроивши антиохийскую церковь, они, по внушению Св. Духа, отправились в другие страны, – были на острове Кипре, прошли области Малой Азии: Памфилию, Писидию и Ликаонию. Везде сначала предлагали свое учение иудеям рассеяния, а потом и язычникам. Успех был необыкновенный, так что они во многих городах основали церкви. Исполнив дело, на которое призвал их Дух Святой, они возвратились в Антиохию, из которой вышли. Это первое большое путешествие апостола Павла было в 45 или 46 году.

Между тем вопрос об отношении иудейства к христианству, или, частнее, о том, должно ли обращаясь в христианство язычникам, а также и иудеям, соблюдать моисеев закон, занимал в Иерусалиме умы уверовавших иудеев, особенно фарисейского направления. Некоторые из иерусалимских христиан, пришедши в Антиохию, говорили уверовавшим язычникам: «если не обрежетесь по обряду моисееву, не можете спастись». Павел и Варнава, не придававшие такого значения иудейству, после пришествия Христа Спасителя, вступили в спор с ними. Чтобы окончательно разрешить сей вопрос, антиохийская церковь положила отправить Павла и Варнаву в Иерусалим к апостолам и пресвитерам. Принятые здесь церковью, апостолами и пресвитерами, Павел и Варнава прежде всего рассказали им «все, что Бог сотворил с ними, и как отверз дверь веры язычникам». При этом уверовавшие из иудеев фарисейского направления, высказали свое убеждение относительно важности моисеева закона и после явления христианства; они говорили, что должно обрезать обращающихся в христианство язычников и заповедовать им соблюдать закон моисеев. Апостолы и пресвитеры, для рассмотрения этого дела составили собор. По принятому счислению, это было в 51 году. По сказанию св. Луки²⁸ на соборе присутствовали апостолы Иаков, Петр и Иоанн; тут же были апостолы Павел и Варнава и пресвитеры иерусалимской церкви. Были ли на соборе другие апостолы – неизвестно. После долгих рассуждений по возбужденному вопросу, апостол Петр произнес пред собором речь, в которой сначала напомнил, как сам Бог повелел ему проповедовать язычникам и как язычники (сотник Корнилий и его семейство), не будучи обрезаны, по закону моисееву, получили дары

Св. Духа, подобно другим верующим; потом из этого вывел заключение, что Бог не положил различия между иудеями и язычниками, при вступлении в Церковь Христову; и в заключение прибавил, что излишне возлагать на уверовавших язычников иго исполнения закона, так как прибавил, что излишне возлагать на уверовавших язычников иго исполнения закона, так как принадлежащие к Христовой Церкви спасаются все единственно благодатию Господа Иисуса Христа. Речь апостола Петра произвела сильное впечатление на собравшихся. Апостолы Павел и Варнава, с своей стороны, в подтверждение мысли, высказанной Петром, что проповедь язычникам – дело угодное Богу, рассказали, «какие знамения и чудеса сотворил Бог чрез них среди язычников». Когда они умолкли, начал говорить председатель иерусалимской церкви, апостол Иаков. На основании пророчеств о благодатном царстве Мессии, которые должны были особенно быть убедительными для уверовавших из иудеев, он доказал, что, с пришествием Искупителя, Господа Иисуса Христа, основавшего Свою Церковь для всех народов, вместо иудейской, обнимавшей только один еврейский народ, – последняя, как имевшая только временное назначение, должна уступить место первой. «По сему, заключил Св. Иаков, я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе». Слово Иакова, получившего, за ревностное исполнение закона моисеева, прозвание *Праведного*, было особенно убедительно. Предложение его было принято всем собором; согласно сему, составлено было соборное определение о необязательности, для обращающихся из язычников исполнения закона моисеева и письменно обобщено было, при посредстве Павла и Варнавы и еще других, избранных для сего, мужей иерусалимской церкви, христианским общинам в Антиохии, Сирии и Киликии, составившимся из язычников.

Собором апостолов, или как сказано в определении его, Духом Святым, действовавшим чрез них, вопрос о христианской проповеди среди язычников был решен окончательно. Теперь, без всяких сомнений и опасений, Павел и Варнава, призванные к сей проповеди, начинают еще с большею ревностью распространить христианство между язычниками; Петр же, Иаков и Иоанн приняли на себя труд благовествовать иудеям.

§ 18. Св. Павел – Апостол языков и его апостольские труды

Святой Павел, до начала проповеди язычникам в пределах Римской империи²⁹, называвшийся Савлом, по особенному изволению Божию, причислен был к лику двенадцати апостолов³⁰. Он был родом из Тарса, главного города Киликии, славившегося греческою образованностию, и происходил из еврейского семейства, которое пользовалось правом римского гражданства. В отечественном городе он получил греческое образование, затем, еще в молодых летах, отправлен был в Иерусалим для изучения иудейского богословия, так как родители предназначали его в раввины. Учителем его в Иерусалиме был знаменитый Гамалиил. После своего чудесного обращения в 37 году, на дороге в Дамаск, и крещения, он из Дамаска удалился в Аравию, где около трех лет проповедовал, вероятно, иудеям рассеяния, после чего возвратился опять в Дамаск. Спасшись, при помощи христиан, от преследования дамасских иудеев, он, в 40 году, пришел в Иерусалим и представлен был Варнавою апостолам, как ревностный поборник христианства, чудесно обращенный Господом. Во время молитвы в храме он получил призвание к проповеди среди язычников. Когда в Иерусалиме Павел вошел в состязание с иудеями – эллинистами и последние покушались убить его, он отправлен был братьями в отечественный его город, Тарс. Вызванный отсюда Варнавою, он вместе с ним устраивал антиохийскую церковь и в 45 году совершил свое первое *большое* путешествие в мало-азийские страны с проповедью о Христе. После апостольского собора, на котором Св. Павел с Варнавою был представителем антиохийской церкви, около 52 года, он принял из Антиохии второе *большое* путешествие. В это время спутниками его были: Сила, Лука и Тимофей; Варнава же в Иоанном – Марком, отправился на остров Кипр. Павел прошедши Сирию, Киликию, Ликаонию, Фригию, Галатию, в первый раз вступил в Европу. Начиная свою проповедь с Македонии, он совершил свое апостольское путешествие на юг по Греции, основывая в разных городах церкви: так напр. были им основаны церкви в Филиппах, Солуни, Берии; обративши некоторых людей в Афинах, он пришел, наконец, в Коринф, город особенно знаменитый в то время богатством и образованностию жителей, и здесь оставался полтора года, устраивая церковь. Затем возвратился в Сирию. Со времени этого путешествия начинается письменная деятельность апостола, которою он оказал такие в важные услуги Церкви. Из Коринфа он написал два

послания – к Солуньям или Фессалоникийцам.

Побыв немного в Иерусалиме и Антиохии, по возвращении своем из путешествия, неутомимый апостол Павел в 54 или 55 году предпринял третье *великое* путешествие. Опять по порядку обходил он прежде основанные им церкви во Фригии и Галатии, утверждая всех учеников в вере, пока не дошел до Ефеса (около 56 года), где пробыл целых два года. Ефес, торговый город Малой Азии и важный в политическом отношении, был таким удобным местом для проповеди апостола, что все жители Малой Азии здесь слышали проповедь о Господе Иисусе, как иудеи, и так и еллины³¹. Отсюда апостол писал послание к Галатам, среди которых, как услышал он, появились иудействующие христиане, желавшие удержать во всей силе закон моисеев и восстановлявшие галатийских христиан против Павла, а также 1-е послание к Коринфянам, по поводу возникших в тамошней церкви партий. Из Ефеса он отправился чрез Троаду в Македонию, откуда написал 2-е послание к Коринфянам и 1-е к Тимофею. Преподав в Македонии наставления верующим, он пошел в Элладу и пробыл там три месяца, по всей вероятности, в Коринфе. В это время написано им послание к Римлянам. Отсюда опять чрез Македонию, Троаду, Милет и т. д. мимо Ефеса он возвратился в Иерусалим (в 58 году) к празднику Пятидесятницы.

В Иерусалиме иудеи рассеяния, пришедшие на праздник из Малой Азии, возмутили против Павла народ, обвиняя его в том, что он проповедует везде несоблюдение моисеева закона и вводит даже в храм иерусалимский язычников. Только при помощи начальника отряда римских войск в Иерусалиме, ему удалось избежать смерти. Все-же он заключен был под стражу и пробыл в таком положении в Кесарии. При прокураторе Феликсе впрочем без особенного стеснения. При Феликсе и его преемнике Фесте, иудеи употребляли все средства, чтобы погубить Павла, но он, как римский гражданин, потребовал суда у кесаря, побуждаемый Божественным внушением отправиться в Рим³². В Риме, куда, после долговременного плавания, он прибыл, в 61 году, апостолу дозволено было жить в частном помещении на собственные средства, пока чрез два года он не был совершенно освобожден. В Риме была основана еще христианская община, вероятно, сотрудниками апостола Павла, и братья, когда он прибыл туда, встретили его с радостью. По своему обыкновению, и в Риме апостол прежде всего обращался с проповедью к иудеям, но когда они спорили между собою и не верили ему, он сказал, что обращается к язычникам. Во время пребывания в Риме, апостол Павел, как полагают написал послания к Колоссям, Ефесянам, Филиппийцам и к

Филимону. Куда отправился апостол Павел из Рима, после своего освобождения, в Испанию-ли, как предполагал прежде³³, или на восток, со точностью неизвестно. Вероятнее, что он отправился на восток, где посещал, по прежнему, основанные им церкви и вновь основал церковь в Крите. К этому времени относят написание послания к Титу. В 67 или 68 году апостол опять является в Риме. На этот раз он заключен был в темницу и осужден на смерть чрез усечение мечем. Из своего последнего заключения в Риме он написал, как полагают, два послания: 2-е к Тимофею и к Евреям.

Одно перечисление путешествий этого великого апостола, которые он совершал почти постоянно, после своего обращения, в продолжение тридцати лет, говорит уже за то, что он был одним из ревностнейших и неутомимых проповедников христианства. Глубокое убеждение в истинности проповедуемого им учения, ясное понимание христианских истин, спокойное мужество среди всевозможных опасностей, необыкновенное знание человеческого сердца и от природы увлекательная сила красноречия, при благодатных дарах Св. Духа, содействовали его необыкновенным успехам. Множество христианских общин, на пространстве почти всей Римской империи, от востока до запада, считают его своим основателем. Неутомимый проповедник, своею апостольскою ревностию, возбуждал к такой же проповеди и других. Он образовал сонм проповедников христианства, которые в Деяниях Апостольских и посланиях апостола Павла поименно упоминаются, под названием сотрудников и спутников его.

§ 19. Дальнейшие благовестнические труды апостола Петра, Иакова, Иоанна и прочих апостолов

После сошествия Св. Духа на апостолов, они, не смотря на все преследования со стороны иудеев, до 45 года по Р. Хр. постоянно находились в Иерусалиме, устраивая здесь церковь и, по временам, распространяя христианство в окрестностях его, пока не наступило время отправиться им на проповедь в другие страны. Но о местах проповеди апостолов и их деятельности сохранилось мало точных и определенных сведений, кроме заключающихся в Священном Писании.

Святой апостол Андрей, родом из галилейского города Вифсаиды, что на берегу Геннисаретского озера, по занятиям рыбарь, был одним из первых учеников Спасителя; он последовал за Христом, по указанию Иоанна Крестителя, и привел к Нему еще своего брата Симона (Петра). О жизни и деятельности первозванного апостола есть только позднейшие сказания, по которым он представляется проповедующим в Каппадокии, Галатии, Вифинии, вообще по восточным и северным берегам Черного моря и в Скифии. В городе Патрасе, что в Ахаии, он претерпел мученическую смерть.

Святой апостол Петр, брат Андрея, по занятиям также рыбарь, был одним из ревностнейших учеников Спасителя. Он принял на себя труд распространять христианство между иудеями. После сошествия Св. Духа, действительно, апостол Петр проповедует учение Спасителя иудеям палестинским и только, по особенному внушению Божию, обращает ко Христу одно языческое семейство. В 44 году, когда ему угрожала в Иерусалиме от Ирода Агриппы смерть, Петр, освобожденный ангелом из темницы, оставил на долгое время Иерусалим. В это время апостол проповедовал в соседних с Иерусалимом провинциях, и особенно в Антиохии. В 51 году, Св. Петр является опять в Иерусалиме на апостольском соборе. После собора, когда христианские общины в Палестине были уже прочно устроены, особенно, когда в Иерусалиме оставался один из апостолов (Иаков Праведный), такой ревностный и мужественный ученик Господа, как апостол Петр, не мог оставаться в Палестине, он должен был искать других мест для своей проповеди; но об его апостольских путешествиях сохранилось мало верных и определенных сведений. Более вероятным признается то, что апостол Петр после апостольского собора, посетивши Антиохию, проповедовал иудеям рассеяния в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии, к которым он

писал свое первое послание; затем, с своим спутником евангелистам Марком, проповедовал в Вавилоне, что в Египте, где, в Александрии, Марк основал церковь; был также апостол Петр в Коринфе, уже после того, как основал здесь церковь апостол Павел, и, наконец, в царствование Нерона, прибыл в Рим, где и претерпел мученическую кончину в 67 или 68 году. Сказание римской церкви о том, что ап. Петр (был епископом в Риме, в продолжении двадцати пяти лет от 42 до 67 года, расходясь с историей, изложенной в Деяниях Апостольских, не выдерживает критики. Апостол Петр оставил два соборных послания, которые внесены в канон священных книг. Под его же именем известны еще другие послания, но не внесенные в канон священных книг, как напр. евангелие, послание к Клименту в Риме и две литургии.

Святые апостолы Иаков и Иоанн Зеведеевы. Иаков „старший, сын рыбака Зеведея, вероятно, вифсаидского, и брат евангелиста Иоанна, вместе с другими апостолами, устраивал иерусалимскую церковь и, по всей вероятности совсем не выходил из Иерусалима, где претерпел Мученическую кончину в 44 году при Ироде Агриппе. Поэтому, предание испанской церкви, что 'апостол Иаков проповедовал евангелие в Испании, весьма сомнительно.

Брат его, *Иоанн*, возлюбленный ученик Спасителя, по сошествии Св. Духа на апостолов, является действующим в Иерусалиме и его окрестностях, вместе с Петром. Во исполнение заповеди Божественного Учителя, он был охранителем Богоматери, до самой ее кончины, последовавшей, по преданию, в 48 году; поэтому и не оставлял Иерусалима когда другие апостолы вышли уже из него на проповедь. Во время апостольского собора, в 51 году, святой Иоанн пребывал еще в Иерусалиме, а за тем время его отшествия отсюда и водворения в Малой Азии неизвестно с достоверностью; во всяком случае апостол Иоанн пришел в Малую Азию после того, как тамошние церкви, по случаю заключения апостола Павла в узы, лишились в сем последнем своего руководителя, т. е. в 60-х годах. Основав свое постоянное местопребывание в Ефесе, он заботился об устройении церкви Божией и в других малоазийских городах, по всей вероятности, в тех, о которых упоминается в его Апокалипсисе. Малоазийские церкви, в его время, особенно много страдали от разных лжеучителей, и св. Иоанн охранял их от ересей с отеческою заботливостью. Около 95 года, при императоре Домициане, Иоанн был исповедником за Христа и сослан был в ссылку на остров Патмос, откуда, в правление Нервы (96–98 гг.), был возвращен и поселился опять в Ефесе. Здесь, дожив до глубокой старости, он умер в

правление Траяна, в начале II века, и похоронен в Ефесе. В последние годы своей жизни, вследствие старческой немощи, он уже не мог много говорить, и поэтому повторял только своим ученикам: «дети! любите друг друга». От сего апостола церковь имеет евангелие, три послания и апокалипсис.

Святой апостол Филипп был родом из Вифсаиды, отечественного города Петра и Андрея. По позднейшим сказаниям, он проповедовал евангелие в Скифии, но, вероятнее, он устроил церковь во Фригии, где, в городе Иераполе, основал свое местопребывание и проживал до самой смерти.

Святой апостол Варфоломей был родом из Каны галилейской. Какой был род его занятий, – неизвестно. По достоверным свидетельствам, он проповедовал в Индии, или счастливой Аравии. Время его кончины неизвестно.

Святой апостол Фома, называемый также Дидимом, неизвестно какого был происхождения. Воскресению Спасителя он тогда только поверил, когда собственными глазами и руками освидетельствовал язвы на Его пречистом теле. Он предпринял на себя труд проповедовать евангелие народам варварским, именно в Парфии, Индии и близ лежащих островах; в Индии он претерпел мученическую кончину, по проискам браминов. Писаний от этого апостола никаких не осталось, хотя ему приписывают евангелие, апокалипсис и др. Спутник этого апостола, Иуда или Фаддей, но преданию, один из семидесяти учеников Спасителя, основал христианскую церковь в Эдессе.

Святой апостол Матфей, которого считают за одно лицо с мытарем Левием, был сборщиком податей при Галилейском озере. По рассказу церковного историка Евсевия³⁴, сначала он проповедовал евреям, потом, когда решился идти на проповедь к другим народам, написал на отечественном языке то, чему учил их, т. е. евангелие. По позднейшим сказаниям, он представляется проповедывающим то в Македонии, то в Сирии, Парфии, Ефиопии и других странах. Несомненно то, что он проповедовал вне пределов Римской империи. Неизвестно также, умер ли апостол Матфей естественною смертию, или был замучен.

Святой апостол Иаков младший был сын Алфея и Марии, сестры Богоматери. Он пользовался особенным уважением христиан из иудеев и принимал деятельное участие в делах церкви, напр. на апостольском соборе. Святой Иаков заботился, по преимуществу, об устройстве церкви в Иерусалиме, поэтому, полагают, из Иерусалима он не выходил совсем. В 63 году он претерпел мученическую кончину, при первосвященнике

Анане, который, в отсутствие римского проконсула, осудил его на побиение камнями за то, что многие из евреев обращались в христианство часто по одному только уважению к Иакову. От него церковь имеет одно только соборное послание. Брат его, апостол *Иуда*, называемый поэтому Иудею иаковлевым, прозванный также Фаддеем, по одним сказаниям, проповедовал в Ливии; по другим в Сирии. От него церковь имеет одно соборное послание.

Апостол Симон, по прозванию Зилот, полагают, был брат Иакова и Иуды³⁵. Об его апостольских трудах известно только то, что он проповедовал на востоке.

О *святом апостоле М а т ф и е*, избранном на место Иуды искаротского, неизвестно ничего, кроме того, что он вместе с другими апостолами, во время земной жизни Господа, постоянно находился при Нем, почему и был избран для апостольского служения. О месте его проповеди можно сказать только то, что он проповедовал вне пределов Римской империи.

§ 20. Гонение на Церковь Христову со стороны Иудеев

а.) *В Палестине.* Часть иудеев, по преимуществу, простой народ, верования которого в обетованного Мессию были только извращаемы книжниками и фарисеями, чрез проповедь апостолов присоединялась к христианской церкви. Партия же ревнителей национальных интересов и отечественной религии, понявшая, после проповеди архидиакона Стефана об отмене моисеева закона, что новое христианское общество стремится вместо древней религии поставить новую, решила отстаивать старые убеждения и старый порядок. Иерусалимская церковь во главе с апостолами, бывшая центром, откуда распространялось христианство, и стоявшая близко, к иудейским властям, по преимуществу подвергалась преследованиям со стороны последних. Римские правители, не вмешиваясь в религиозные дела иудеев, еще несколько сдерживали их религиозный Фанатизм, а сами иудеи не имели права объявлять смертные приговоры. Но римские императоры, занимавшие престол по смерти Тиверия (37 г.), Кай Калигула и Клавдии, были настолько благосклонны к Ироду Агриппе, внуку Ирода Великого, что соединили под его управлением почти всю Палестину и усвоили ему титул царя. Теперь партия иудейских ревнителей могла настойчивее начать преследования. Действительно, в 43 или 44 году, Ирод Агриппа, заботившийся о национальных интересах иудеев и желавший быть популярным, возбудил гонение на христиане Св. апостол Иаков Зеведеев, брат Иоанна Богослова, был жертвою этого гонения. Видя, что смерть его приятна иудеям, Ирод вслед затем взял апостола Петра и заключил его в темницу, намереваясь после праздника Пасхи осудить его на смерть в угождение народу. Но ангел Господень, ночью, освободил Петра от оков и вывел его из темницы. Ирод Агриппа в скором времени умер, изъеденный червями.

После Ирода Агриппы, Палестина снова была обращена в римскую провинцию и управлялась Прокураторами. Иудейские власти потеряли свое значение в деле управления, и прокураторы, по-прежнему, начинают сдерживать их порывы к религиозным преследованиям. К тому же деспотизм почти всех правителей, голод, возмущения иудеев против римлян и т. п. бедствия и волнения отвлекали внимание иудеев от христиан. При всем том, если представлялся случай, первосвященники всеми силами старались вредить христианам. Так, когда в 58 году явился в Иерусалиме ап. Павел, иудейские власти восстали на него с такою яростию, что хотели его убить, так как он своею проповедию о Христе

особенно выдавался из всех уверовавших иудеев. С 22-й главы и почти до конца книги Деяний Апостольских описывается процесс апостола Павла; первосвященники требуют его осуждения на смерть пред римскими правителями, Клавдием Феликсом, и его преемником, Фестом, в продолжение двух лет, пока апостол не был отправлен в Рим на суд кесаря. В 62 году в Иудее не было римского правителя; по смерти Феста назначен был Альбин, который не прибыл еще из Александрии на место своего назначения. Первосвященник Анан Младший, воспользовавшись этим обстоятельством, захватил в свои руки верховную власть и употребил ее против христиан. Св. апостол Иаков Праведный, пребывавший все время в Иерусалиме и управлявший тамошнюю Церковь, по влиянию первосвященнической партии, был побит камнями за то, что открыто, по вызову книжников и Фарисеев, исповедал Иисуса Христа Богом.

С 67 года началось восстание иудеев против римлян, которое продолжалось до 70 года, когда римский полководец Веспасиан, а после его избрания на императорский престол, сын его, Тит, разорив всю Иудею и разрушив Иерусалим и храм, обессилили окончательно иудейский народ. В продолжение всей осады Иерусалима иудеев погибло более миллиона, не столько от оружия римлян, сколько от голода и собственных междоусобий; тысячи отведены были в рабство и рассеяны по разным странам; особенно много было их сослано в Испанию. Христиане, принадлежавшие к иерусалимской церкви, еще прежде осады Иерусалима, ушли из него в сирийский город Пеллу, и этим возбудили ненависть в неверовавших иудеях, как мнимые изменники отечеству. По разрушении Иерусалима, иудеи уже не могли так вредить христианам, как прежде.

б.) Вне Палестины иудеи рассеяния сначала относились к проповедникам христианства благосклонно. Апостол Павел, проповедовавший в языческих странах, прежде всего обращался к проживавшим в них иудеям и многих из них обращал к христианству. Но где были иудеи, там были и синагоги, а при последних книжники и законники, которые, руководствуясь фарисейскими взглядами, старались противодействовать распространению христианства. Тот же ап. Павел много потерпел со стороны таких законников и возбуждаемых ими иудеев. Так, в первое путешествие его, в Антиохии Писидийской, иудеи, вероятно, по влиянию начальников синагоги, когда, по убеждению ап. Павла, обратилось ко Христу множество обрезанных и необрезанных, подстрекнув знатных людей в городе, выгнали из своих пределов Павла и Варнаву³⁶. В Иконию, куда прибыли апостолы из Антиохии писидийской, было тоже; здесь иудеи с своими начальниками довели жителей города до

того, что они разделились на партии, и партия, противная апостолам, во главе с иудеями, хотела побить их камнями. Апостолы принуждены были бежать в ликаонские города Листру и Дервию. Но, по стопам апостолов, из Антиохии и Иконии, иудеи пришли и в Листру и убедили народ отстать от них, говоря: «они ничего не говорят истинного, а все лгут; и, возбудив народ, побили Павла камнями, и вытащили за город, почитая его умершим»³⁷.

Во второе путешествие, апостол Павел встретил такое же противодействие со стороны неверовавших иудеев в Солуни. Они возбудили против него весь город, выставляя пред городскими властями его и уверовавших во Христа всесветными возмутителями общественного спокойствия и противниками кесаря. Апостол, с своими спутниками, ушел в Берию, но и сюда пришли из Солуни иудеи, возмущая и возбуждая против него народ³⁸. В Коринфе, куда прибыл апостол чрез Афины, жившие там иудеи также не оставили его в покое. Они схватили Павла и привели его к проконсулу Галлиону, обвиняя в извращении закона моисеева, но проконсул отказался разбирать дела веры³⁹. Почти везде, где проповедовал Павел, иудеи, предводимые начальниками синагог, оказывали противодействие христианству.

После разрушения Иерусалима, при Тите и Веспасиане, в римских областях иудеев появилось еще больше. Чувствуя свое униженное положение, они изливали свою злобу на христиан, из которых многие были их единоплеменниками, так как последние, отделившись от иудейской церкви, чужды уже были национальных интересов еврейского народа и вообще смотрели на их рассеяние и порабощение, как на Божие наказание. Не имея возможности вредить христианам собственными средствами, они доносили на них римскому правительству, как на людей вредных для общественного блага, и содействовали ему отыскивать их.

§ 21. Взгляд язычников на христиан

В первое время, после появления христианства, греки и римляне не отличали его от иудейства. Римские правители, как в Иудее⁴⁰, так и вне ее⁴¹, отказывались разбирать споры между иудеями и христианами, по жалобам первых, считая их обыкновенными религиозными спорами. Но иудеи, при всяком случае, старались показать язычникам, что христиане и они не одно и то же. Так было в Солуни, когда там был апостол Павел. Впрочем, и само языческое общество, когда увидело, что люди, вышедшие из Иудеи, так быстро и с таким успехом распространяют свое учение, чего прежде не было заметно в иудеях, живших в областях римской империи, переменило свой взгляд. Прежде всего обратили внимание на христиан, как на людей особенных, отличных от иудеев, и притом вредных для общества, люди, близко заинтересованные в языческой религии, – жрецы, делатели идолов и т. п. лица. Знакомясь ближе с христианами, язычники с удивлением замечали, что они отвергают все религии, всех богов и вместо того проповедуют о новом Боге, до того времени никому неизвестном, которому нужно кланяться духом и истиною. Тогда как одни из язычников, не удовлетворяясь собственной религиею, обращались к христианству и находили в нем удовлетворение своему религиозному чувству, другие, напр. простой народ, понимавший религию в смысле одних только обрядов, не видя христианского Бога, не находя у христиан храмов, алтарей и т. п. внешних принадлежностей религии, видели в христианском обществе общество безбожников. Хотя греко-римское общество само не особенно усердно содержало свою народную религию, но совершенное безбожие, каким представлялось ему христианство, было для него противно. Образованные же язычники, отрицавшие возможность истины, смотрели на христиан, проповедовавших вечные и неизменные истины, просто как на мечтателей и вредных для общества суеверов. Далее, отчуждение христиан от языческого общества, от всех языческих церемоний и зрелищ и сосредоточенная жизнь в собственном кружке возбуждали в язычниках разные нелепые подозрения относительно их жизни. Если кто из язычников хотел познакомиться с христианскою жизнью, тот сам делался христианином. Но не зная совсем христиан, имея темные понятия об их собраниях, вечери любви, таинстве причащения и пр., языческое общество подозревало их в гнусных преступлениях; в народе ходили толки, что христиане в своих таинственных собраниях предаются разврату, умерщвляют младенцев и питаются их телом и

кровию. Общество таких людей в глазах язычников было очень опасным для общественного спокойствия; а более ревностные из язычников, были уверены, что за нечестие христиан и гнев богов может постигнуть весь народ. Поэтому, по их представлению, было делом вполне справедливым всеми средствами препятствовать распространению этого общества мнимых человеконенавистников.

Что касается до правительства римского, то оно также на первых порах не отличало христиан от иудеев и они, наравне с последними пользовались терпимостью. По крайней мере не видно, чтобы императоры *Тиверий* (14–37 г.г.), в последние годы царствования которого явилось христианство, *Кай Калигула* (37–41 г.г.) и *Клавдий* (41–54 г.г.) имели понятия о христианах, как составляющих особое от иудеев религиозное общество. Хотя, по повелению Клавдия, в 53 году, христиане были изгнаны из Рима, но такое распоряжение направлено было против иудеев, поднявших возмущение в Риме, и коснулось христиан только потому, что в римской христианской церкви находились уверовавшие из иудеев. Когда же выяснилось, что христиане составляют отдельное общество от иудеев, римское правительство взглянуло на них иначе. Разделяя взгляд народа на них, как на людей нечестивых, ненавистников человеческого рода, оно кроме того, в распространении нового религиозного общества увидело нарушение законов римской империи относительно религий. Римские законы различали два рода религий: *дозволенные* правительством, в видах политических, и *недозволенные*. Христианство-религия новая, не принадлежавшая никакому отдельному народу, но стремившаяся обнять собою все народы, было явлением противозаконным, но понятию правительства. Требуя от народа соблюдения национальной религии и ограждая ее законами, правительство, главным образом, заботилось о неприкосновенности государственного устройства, тесно связанного с нею. Между тем, христианство, распространяясь с такою быстротою и подрывая народную религию, грозило поколебать и весь строй государственной жизни Рима. Поэтому правительство считало своею обязанностью препятствовать распространению такой религии. Далее, смотря на религию, с точки зрения государственной, правительство подозревало и в христианском обществе политические стремления, тем более, что христиане не признавали императора богом, не поклонялись его изображению, не приносили жертв в честь его. Оно подозревало, что христиане составляют тайное, опасное для государства общество заговорщиков, которые, под покровом религиозных стремлений, замышляют ниспровергнуть существующий порядок. Впрочем, такого

рода взгляды и соображения правительства относительно христиан развились особенно во II и III веках, когда христианских общин появилось большое число; потому в то только время и начались систематические преследования их.

§ 22. Гонения на Христову Церковь со стороны, языческих императоров

Гонения на христиан со стороны язычников начинаются собственно при императоре *Нероне*; (54 –68 г.г.). До того же времени, если и были преследования, то частные и случайные, в роде того, как народ и воеводы напали на ап. Павла во второе его путешествие, в Филиппах, по поводу изгнания нечистого духа из одной служанки (*Деян. 16, 22, 23*), или в третье путешествие, в Ефесе, поднял против него возмущение некто Дмитрий среброковач, в среде ремесленников, благосостояние которых зависело от того, что они работали на языческие храмы, которым христианство угрожало падением. Гонение на христиан при Нероне началось по следующему поводу. Деспот император, губивший, для своего удовольствия, жизнь и благосостояние своих подданных, сжег более половины Рима. Общественное мнение в этом пожаре обвиняло его; чтобы отклонить от себя подозрения и успокоить волновавшийся народ, Нерон обвинил в поджоге христиан. А так как народ составил уже себе понятие о них, как людях самой позорной жизни и человеконенавистниках, то он без труда поверил такой клевете, – и как правительство, так и народ начали преследовать христиан. В Риме правительство схватило множество христиан и обвиняло их, по отзыву Тацита, «не столько в зажигательстве, сколько в ненависти к человеческому роду». Многие из них претерпели ужасные мучения, пока не были замучены до смерти. Их одевали в шкуры зверей и травили собаками, распинали на крестах, обливали горючими веществами и употребляли вместо факелов, для освещения садов Нерона, в которых, по его приказанию, на этот раз, были устроены игры. Гонение при Нероне, начавшееся с 64 года, продолжалось до 68 г., когда этот государь самоубийством положил конец кровопролитию. В это гонение пострадали в Риме апостолы Петр и Павел; Петр был распят на кресте вниз головою, а Павел усечен мечем. Хотя Нерон не издавал никакого общего для всей империи закона относительно христиан, тем не менее гонение едва ли ограничилось одним Римом; по крайней мере правители провинций могли теперь безбоязненно дозволять черни выражать свою ненависть к христианам насильственными мерами. Гонение при Нероне, в первый раз так жестоко разразившееся над христианами, было причиною того, что между ними составила легенда, будто Нерон не умер, а ушел за Евфрат, откуда явится впоследствии в качестве антихриста.

Императоры *Веспасиан* (69–79 г.г) и *Тит* (79–81 г.г.) оставили

христиан в покое; это были государи справедливые и вообще терпели в своей империи все как философские, так и религиозные системы и учения. Напротив при *Домициане* (81–96 г.г.) положение христиан изменилось к худшему.

Этот государь, в 91 году, снова начал преследование их, которое продолжал до самой своей смерти. Подозрительный и жестокий по отношению ко всем вообще подданным лишая жизни или ссылая в заточение особенно знатных и богатых римских граждан, чтобы присвоить себе их имущества; Домициан подвергал той же участи многих «за безбожие и принятие иудейских обычаев». Под этими безбожниками и принимавшими иудейские обычаи разумелись христиане. Именно, таким образом, обвинен был и казнен один консул, Фабий Климент, а жена его была сослана в заточение. В это же гонение Иоанн Богослов был ввержен в Риме в кипящее масло и когда остался невредимым, сослан на остров Патмос.

Своими ожиданиями царства Христова, христиане возбуждали в подозрительном Домициане особенные опасения. Еще Веспасиан приказывал привести в Рим всех потомков Давида, чтобы отнять у иудеев всякую надежду на явление Мессии – царя; Домициан возобновил его приказание: По его повелению, приведены были из Палестины в Рим потомки Давида, родственники И. Христа по плоти, внуки Иуды, брата Господня. Но подозрительный царь успокоился, когда увидел пред собою людей бедных, все имущество которых заключалось в небольшом поле, которое они сами обрабатывали, и, узнав от них, что они ожидают царства небесного, а не земного, отпустил их назад в Палестину.

После Домициана императором был *Нерва* (96–98 г.г.). Этот добрый государь вызвал из заточения всех, сосланных его предшественником, между прочим, и христиан. Он не любил доносов, которые были в ходу при Домициане и потому против них издал эдикт, особенно запрещающий доносы рабов на господ. Все таки христианств 'при нем оставалось религиною *недозволенною*.

§ 23. Общий взгляд на распространение Церкви Христовой в век апостольский и причины ее быстрого распространения

Апостолы, по слову Спасителя, ходили с проповедью евангелия ко всем, известным тогда, народам. Греко-римская империя была центром деятельности нескольких апостолов. А некоторые из них, как сказано было выше, посвятили себя на проповедь евангелия среди народов варварских, вне пределов римского владычества. Все они исполняли дело своего служения с необыкновенною ревностью. Затруднений и препятствий для них как бы не существовало: голод и холод, преследования, темницы, смерть – ничто не останавливало их. Проходя с проповедью евангелия, апостолы, за исключением немногих, не оставались навсегда в одном месте, но, устроив церковь в одном месте, переходили в другое и т. д. Результатом их деятельности было то, что во всех больших и важных почему либо городах Римской империи, напр. Иерусалиме, Антиохии, Ефесе, Филиппах, Солуни, Афинах, Коринфе, Александрии, Риме и друг. устроены были христианские церкви. Даже во многих малых городах были христианские общины, как это видно из путешествий апостола Павла. Ученики апостолов, – особенно Павла и Иоанна, воспитавших целое поколение ревностных учителей и проповедников евангелия, бывшие по большей части предстоятелями основанных ими, церквей, были их ближайшими помощниками в распространении христианства. Как быстро шло распространение христианства во времена апостольские, – это видно из того, что в самом начале II века, немного спустя после смерти Иоанна Богослова, правитель Вифинии, Плиний Младший доносил императору Траяну, что в этой области христианство проникло, по его выражению, как зараза, не только в города, но даже в села и деревни, так что опустели языческие храмы и прекратились языческие празднества. Конечно, такое множество христиан в Вифинии появилось не вдруг после смерти апостолов, а увеличивалось постепенно еще при их жизни. Вообще в век апостольский на пространстве всей империи христиан следовало считать многими тысячами.

Что касается причин такого быстрого распространения церкви Христовой в век апостольский, то, как замечали христианские писатели последующего времени, такое распространение есть *само в се б е ч у д о*, трудно объяснимое естественными причинами. Действительно, трудно

объяснить, как апостолы, вышедшие из среды иудеев, народа презираемого, люди бедные и не знатные, без всяких внешних средств и пособий, распространили евангелие на огромном пространстве и между многими тысячами людей. Естественными причинами только отчасти можно объяснить факт быстрого распространения христианства в век апостольский. С одной стороны – обилие чудес в век апостольский, высокая нравственная жизнь христиан, братская связь членов христианского общества, их благотворительность и вспомоществования, как своим собратьям, так и язычникам и, наконец, Божественное учение, содержимое ими, привлекали многих в Церковь Христову; с другой – сами иудеи и язычники чувствовали потребность и нужду вступить в Церковь. Иудеи давно ожидали Мессию, и те из них, которые увидели в Иисусе Христе истинного Мессию, уверовали в Него и первые вступили в Его Церковь. Язычники, неудовлетворенные и недовольные своими религиями, после разных попыток найти истину в философских учениях, находили ее в христианстве и вступали в Церковь.

Глава 2. Церковное учение

§ 24. Источники вероучения Церкви Новозаветной

Господь Иисус Христос, во время общественного служения спасению людей, Свое Божественное учение, на котором имела быть основана Его Церковь, преподавал устно. Апостолы, посвященные Им во все тайны царствия Божия и озаренные еще Св. Духом, были хранителями Его учения. Выступая сами на проповедь сего учения, они распространяли его также устно, – так что христианское учение первоначально заключалось в вере и сознании каждого, уверовавшего во Христа. Но, в тоже время, апостолы позаботились о том, чтобы Божественное учение Основателя христианства сохранялось не по преданию только, но и в письмени. По внушению Св. Духа, они сами, или, под их надзором, ближайшие их сотрудники, с одной стороны, записали деяния Спасителя и Его учение, с другой – оставили письменные памятники того, как они распространяли это учение, как понимали его сами, и как оно должно быть понимаемо верующими. Таким образом в первое же время существования Христианской Церкви, ее Божественное учение прочно было ограждено от примеси сторонних учений. Четыре евангелия – Матфея, Марка, Луки и Иоанна, деяния апостолов, семь соборных апостольских посланий, четырнадцать посланий апостола Павла и откровение апостола Иоанна – заключали в себе всю сущность христианского вероучения. Все эти книги составили Св. Писание Нового Завета; оно и сделалось первым источником христианского вероучения. Что касается до Священного Писания Ветхого Завета, то и оно, как боговдохновенное и полезное для научения, обличения, исправления и наставления в праведности⁴², также было источником христианского вероучения в подлежащих пунктах учения о домостроительстве спасения рода человеческого.

Но если евангелист Иоанн заметил, что самый мир не вместил бы написанных книг с подробным изложением всех деяний Христа Спасителя⁴³; если принять во внимание, что апостолы постоянно и довольно долгое время проповедовали евангельское учение, то будет несомненно, что в св. книгах, оставленных ими Церкви, христианское вероучение изложено только в основных существенных пунктах. Частности учения развиты были апостолами устно, и переданы вере и сознанию христиан, особенно предстоятелей церквей, основанных или посещенных ими. Поэтому, *апостольское предание* относительно частных и второстепенных сторон вероучения, является вторым, после Священного Писания, источником христианского вероучения. Преданием объясняется

и дополняется все письменно изложенное вероучение.

§ 25. Начало оглашения и обучения истинам веры в век апостольский

Спаситель дал апостолам заповедь принимать в Его Церковь всех после *предварительного* научения истинам веры⁴⁴. И действительно, мы видим, апостолы, прежде чем принимать в Церковь новых членов, стараются научить их. Так делал напр. апостол Петр, когда, после сошествия Св. Духа на апостолов, обратился ко Христу около трех тысяч человек, или при обращении сотника Корнилия. Так же поступал диакон Филипп в Самарии, равно как и ап. Павел и другие апостолы. Из примеров предварительного научения истинам веры, представленных в книге Деяний Апостольских, видно, что такое научение ограничивалось только главными истинами и не было продолжительно. Апостолы говорили о важнейших событиях ветхозаветной и новозаветной истории в приложении их к домостроительству спасения, убеждали покаяться и уверовать в Иисуса Христа, как в обетованного Мессию и Спасителя и т. п. Таким предварительным научением апостолы положили начало *оглашению*, т. е. приготовлению уверовавших к вступлению в Церковь, каковое оглашение, после времен апостольских, получило определенный вид и Формы. – Но как скоро уверовавший во Христа вступал в Церковь, начиналось более подробное обучение его истинам веры. Это мы видим из той же книги Деяний Апостольских и апостольских посланий. Апостолы, пророки и евангелисты посвящали всю свою деятельность на такое обучение. Ап. Павел, во время своих путешествий по основанным им церквам, очень часто и долгое время беседовал с верующими об истинах христианских, в Трояде, например, целую ночь до рассвета⁴⁵. О предметах обучения тот же апостол говорил в одном из своих посланий: *оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству*⁴⁶. Самые послания апостольские не что иное, как подробное и глубокое наставление в истинах веры. Апостол Иоанн Богослов, во время своего пребывания в Ефесе, устроил даже нечто в роде школы; он собирал вокруг себя молодых людей и воспитывал их, под своим непосредственным руководством, в вере в Иисуса Христа. Также ревностно занимались обучением христиан и первые преемники апостолов, епископы, ими поставленные. Это видно из пастырских посланий апостола Павла к Тимофею и Титу; Тимофею, напр. он пишет: *проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием*⁴⁷.

§ 26. Мужья апостольские, их жизнь и творения

Под названием мужей апостольских известны в Истории Церкви непосредственные ученики апостолов, лично обращавшиеся с ними и не редко бывшие их ближайшими сотрудниками. Творения их носят на себе характер писаний апостольских, – и это составляет их отличительную черту. К мужьям апостольским, творения которых дошли до настоящего времени, принадлежат:

1. *Ап. Варнава*⁴⁸, иудей рассеяния из Кипра, принадлежавший к сословию левитов. По преданию он был в числе семидесяти учеников Спасителя. В Христианской Церкви он является действующим на самых первых норах, Так, он продал свою землю и вырученные за нее деньги положил к ногам апостолов; он же представил Савла апостолам, как обращенного ко Христу чудесным образом; он же устраивал, вместе с Савлом, или Павлом, церковь из язычников в Антиохии и, наконец, он же является ревностным сотрудником Павла в проповеди между иудеями рассеяния и язычниками, равно как, на соборе апостольском, является ревностным противником иудействующих христиан. Когда апостолы разошлись на проповедь в разные страны, Варнава также избрал местом своей деятельности Кипр, где и умер смертью мученика, уже после разрушения Иерусалима в 70 году. Варнаве приписывается одно послание, которое с самых древних времен известно было под его именем. Содержание его вполне соответствует тем убеждениям, которые Варнава проводил в своей деятельности, известной из Деяний Апостольских. Как в Антиохии и Иерусалиме на соборе апостольском он восставал против обязательного для христиан исполнения обрядового закона моисеева, так и в своем послании он доказывает, что ветхий завет, с пришествием в мир Господа Иисуса Христа, должен уступить место новому завету, что после страданий Искупителя иудейские жертвы потеряли свое значение и проч. Вместе с тем Варнава предохранял уверовавших во Христа от увлечения иудейством. Такие мысли, очевидно, направлены против еретиков евионитов, которые со времени апостольского собора стали организоваться в отдельное общество. Кроме догматического учения в послании Варнавы есть и нравственное – о путях жизни.

2. Св. *Дионисий Ареопагит*. Он родился в Афинах от знатных родителей, путешествовал по разным странам для приобретения образования, и пред своим обращением в христианство, занимал в Афинах должность члена ареопага. Апостол Павел своею проповедью в ареопаге

(около 54 г.) обратил ко Христу, между прочим, и Дионисия, и его же поставил первым епископом афинским. В сане епископа Ареопагит ревностно заботился о распространении веры Христовой, для чего отправлялся с проповедью в разные страны. Он скончался мученически, хотя неизвестно, где и в какое время. Творения, известные нам под именем Дионисия Ареопагита, следующие: *о небесной иерархии, о церковной иерархии, об и венах Божиих, о таинственном Богословии и 10-ти писем к разным лицам*. Характеристическая черта всех этих сочинений – возвышенное и глубокомысленное богословствование. В первом из них излагается учение о девяти чинах ангельских, с объяснением свойств и обязанностей каждого: во втором – степени церковной иерархии с таким же объяснением; в третьем разъясняется значение имен Божиих, употребляемых в св. писании, и в четвертом – трактат о том, что все человеческие представления и определения Бога не выражают Его сущности и что боговедение должно состоять в созерцании непостижимого Божественного Существа в таинственно-поучающем молчании и во мраке, преисполненном неземного света.

3. *Св. Климент*, третий епископ римский (92–101 гг.). Обращенный в христианство апостолом Петром, он был сотрудником апостола Павла в распространении Церкви, как свидетельствует об этом сам Павел (Филип. 4, 3). Свою веру во Христа Климент запечатлел мученической смертью при Траяне (101 г.) Памятником его деятельности на пользу церкви осталось его послание к коринфянам. Еще во времена апостолов в коринфской церкви образовались религиозные партии, одни называли себя учениками Павловыми, другие петровыми, иные аполлосовыми, а некоторые, наконец, христовыми. Апостол Павел, по этому, между прочим, случаю писал к коринфянам свои послания. Но и после смерти апостола партии не уничтожились; некоторые из коринфян решительно отказались от повиновения иерархии и даже стали лишать священнослужителей, принадлежащей им иерархической власти, присваивая себе их право учительства. Следствием этого могло быть и действительно было искажение христианского вероучения, – именно, отложившиеся от иерархии, коринфяне дошли до сомнения в истине воскресения мертвых. Благомыслящие члены коринфской церкви, в таких обстоятельствах, обратились к посредничеству церкви римской, предстоятелем которой был ученик апостолов, св. Климент. Послание св. Климента к коринфянам, написанное от лица римской церкви, по всей вероятности после окончания гонения Домициана, было ответом на их просьбу. Проникнутый духом апостольской любви и кротости, св.

Климент в своем послании убеждает своевольных коринфян смириться, покаяться и покориться своей иерархии. В доказательство необходимости повиновения пастырям церкви св. Климент приводит то, что священные иерархия, таинства и вообще все церковное устройство имеет божественное происхождение. Кроме того в своем послании св. Климент обличает заблуждение коринфян относительно воскресения мертвых. В стремлениях своевольных коринфян освободиться от власти иерархии и присвоить себе права учительства нельзя не видеть стремлений еретиков язычествующих, которые еще в апостольские времена желали быть законоучителями, хотя сами не разумели ни того, о чем говорили, ни того, что утверждали (1Тимоф. 1:7). По этому, и послание св. Климента, направленное против беспорядков, производимых ими в церкви коринфской, имеет целью – учением о повиновении иерархии в делах веры, предохранить христиан от увлечения своевольным учением еретиков. Послание св. Климента было в большом уважении в древней церкви, так что читалось при богослужении наравне с книгами апостольскими. Клименту приписываются еще некоторые сочинения: 1) второе послание к коринфянам, которое, впрочем, изложено не в Форме письма и в принадлежности которого св. Клименту было еще в древности сомнение; 2) беседы св. Климента, или так называемые *Клементины*, которые положительно не могут принадлежать св. Клименту, так как в них излагается учение евионитов – гностиков и они, очевидно, составляют произведение еретиков; 3) собрание в 8-ми книгах постановлений апостольских, в которых, однако, есть указания на предметы и события II и III веков; 4) собрание 85 правил апостольских, которые, однако, собраны не одним лицом и во время позднейшее, как это видно из самого состава и содержания этих правил.

4. *Св. Игнатий Богоносец*, епископ антиохийский, в конце первого и начале второго столетия, ученик Иоанна Богослова. За исповедание веры во Христа, в 107 году, он был, по приказанию Траяна, препровожден в Рим и там в коллизее брошен на растерзание львам. От св. Игнатия церковь имеет семь посланий, которые он писал во время своего путешествия в Рим на место казни, к ефесянам, магнетианам, траллийцам и римлянам, (написанные из Смирны), к Поликарпу, епископу смирнскому, смирнянам и филладельфийцам (написанные из Троады). Великий апостольский муж, убеждая, встречавших его на пути, христиан сохранять правую веру, по преданию апостольскому, захотел письменно изложить для них свои наставления⁴⁹. Распространение ересей евионитов и докетов особенно смущало ревностного пастыря. Поэтому, излагая в своих посланиях с

особенную ясностью положительное учение церкви о божественности лица Иисуса Христа и Его человеческой природе, св. Игнатий в сильных выражениях опровергает учение евионитов об Иисусе Христе, как простом человеке, и докетов – о том, что Он принимал человеческую плоть только видимым образом. Предохранительным против увлечения ересями средством св. Игнатий, подобно Клименту римскому, выставил повиновение всех верующих в делах веры богоучрежденной иерархии, особенно епископам. По мысли св. Игнатия, единство вселенской Церкви состоит в тесном союзе паствы с иерархией, так как при этом только союзе возможно единство веры. По отзыву Поликарпа смирнского⁵⁰, послания св. Игнатия содержат в себе образцы веры, терпения и всякого назидания о Господе нашем.

5. Св. *Поликарп, епископ Смирнский* был любимым учеником Иоанна Богослова и им самим поставлен в епископа смирнского. Он дожил до глубокой старости и умер смертью мученика в гонение Марка Аврелия в 167 году. Заботливость Иоанна Богослова об ограждении малоазийских церквей от влияния еретиков и об опровержении их перешла и к его ученику, св. Поликарпу. Для укрепления в чистой и правой вере христиан соседних церквей, он писал к ним много посланий, из которых сохранилось только одно к Филиппийцам. Здесь он вооружается, главным образом, против докетов, говоря, подобно Иоанну Богослову⁵¹, что кто не исповедует, что Иисус Христос пришел во плоти, тот антихрист. Св. Поликарп не одними только посланиями противодействовал еретикам; по примеру Иоанна Богослова, он вокруг себя собрал много учеников, которых учил различать ереси и опровергать их. Будучи в Риме около 160 года, Поликарп своим личным влиянием и убеждениями обратил к православному образу мыслей некоторых из последователей Валентина и Маркиона.

6. С в. *Ерма* еще в древности признавался за того Ерма, которому апостол Павел в послании к римлянам⁵² посылал приветствие. Он был родом грек, но проживал в Риме, во второй половине I-го века. Принадлежащая ему книга под названием: «Пастырь»⁵³ еще в древности была известна под его именем и пользовалась большим уважением в церкви наравне с книгами: «Премудрости Соломона»⁴ и «Иисуса, сына Сирахова». Она разделяется еще на три меньшие книги: в первой изложены четыре видения Ерма, во второй двенадцать заповедей, сообщенных Ерму пастырем: о милосердии, покаянии и т. п., в третьей десять притчей или сравнений, направленных к изъяснению разных истин христианского вероучения.

7. Св. Папий епископ Иерапольский во Фригии, ученик апостола Иоанна и друг Поликарпа Смирнского. По преданию, он скончался мученически при Марке Аврелие. Нацию приписывается пять сочинений под заглавием: *изъяснение Господних изречений*, из которых сохранилось только несколько отрывков. Замечательно, что Папий, не ограничиваясь изучением св. писания, собирал устные рассказы о делах и учении Спасителя, и апостолов. По отзыву церковного историка Евсевия⁵⁴, он рассказывает о многом, что будто бы дошло до него по неписанному преданию, именно передает некоторые неизвестные притчи и наставления Спасителя. Но соби́рание преданий, хотя с благочестивою целию, но без разумно-критической проверки их повело к тому, что Папий принял, по отзыву того же Евсевия, нечто близкое к баснословию; напр. он говорит, что по воскресении мертвых наступит царство Христово на этой самой земле телесно, и будет продолжаться тысячу лет (хилиазм). Такую мысль он вывел, как думает Евсевий, из апостольских сказаний, непонявши чего-либо, сказанного апостолами таинственно в образах.

Глава 3. Устройство и управление Церкви

§ 27. Миряне и клир

Еще в век апостольский положено было начало разграничению членов Церкви Христовой на два разряда – *мирян и духовных, или народ и клир*. Господь Иисус Христос, принеся себя в жертву за грехи всего мира, совершил дело спасения людей и, чтобы они могли, во все времена, участвовать в сем спасении, учредил в своей Церкви *иерархию* т. е. священноначалие. Лица, составляющие ее, занимая, посредствующее место между Богом и людьми, имеют своим назначением приводить последних к союзу с Богом и тем содействовать устроению их спасения. Таким образом цель учреждения иерархии – продолжение дела спасения людей, совершенного Господом Иисусом Христом, чрез увеличение и усовершенствование членов Церкви. Лица, избранные и посвященные на иерархическое служение, и составили *клир* церковный т. е. разряд людей, занимавших те или другие должности в церковном управлении и богослужении. Все остальные Члены Церкви, не облеченные нравом управления и священнослужения, составили другой разряд, известный под названием *мирян*. Но такое разграничение членов Церкви на два разряда ни как не вело за собою разрыва между ними. Клар и миряне составляли одну Христову Церковь, имели одну главу, – Христа, – и действовали согласно между собою. Лица, составлявшие клар, были руководителями и пастырями, миряне – руководимыми и пасомыми. Клар далек был от всяких притязаний на начальственную, в смысле обыкновенном, отношение к мирянам и вообще проходил свое служение в духе братской любви, равно как и миряне далеки были от того, чтобы давать приказания своим предстоятелям – пастырям. Общение между кларом и мирянами было полное: клар управлял, учил и совершал богослужение, миряне принимали участие в избрании членов клара и управлении церковными делами.

§ 28. Дарования и служения чрезвычайные

В первое время существования Церкви Христовой на земле мы видим в ней иерархическое служение особенное, чрезвычайное и неповторяемое в Церкви, так как оно составляло принадлежность только одного времени – основания Церкви. Это служение *апостолов, пророков и евангелистов*, получивших свыше разнообразные духовные дарования. Апостолы по преимуществу обладали разнообразием духовных дарований – даром языков, пророчества, чудес и проч., и единственно им предоставлены Спасителем все права священно-начальников Церкви. Приготавливая своих ближайших учеников–апостолов к иерархическому служению, Спаситель учил их отдельно от других верующих, открывал по преимуществу им тайны царствия Божия и, наконец, еще прежде сошествия Св. Духа на них сообщил им благодатную силу и власть для сего служения, когда сказал: «приимите Духа Святаго. Кому простите грехи тому простятся; на ком оставите, на том останутся»⁵⁵. Но заповеди Господа, иерархическая власть апостолов состояла в том, что они имели право учить верующих, священнодействовать и управлять Церковью. Он говорил им: «как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас»⁵⁶, идите научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа⁵⁷; что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе⁵⁸; слушающий вас Меня слушает; а отвергающий вас Меня отвергается⁵⁹. После сошествия Св. Духа, когда апостолы получили, согласно обетованию Спасителя, но всей полноте благодатные дары для предстоящего им служения, они, действительно, являются иерархами Церкви, с полною иерархическою властью. Стоя во главе верующих, они учили их истинам христианства; собирали их на молитву; совершали таинства, преломляя хлеб по заповеди Спасителя, крестя новообращенных и низводя на них дары Св. Духа; наблюдали за жизнью всей христианской общины, заботясь даже о материальном обеспечении ее членов на счет общих средств верующих. Пророки подобно апостолам, проходя свое чрезвычайное служение, в состоянии божественного озарения и откровения, увещевали, утешали и возбуждали к жизни по евангелию общества верующих. Содержанием пророчеств служило предсказание *будущих событий*; напр. пророк Агав, пришедший из Иерусалима в Антиохию, предсказал голод и тем возбудил антиохийских христиан к пожертвованию в пользу христиан, живущих в Иудее⁶⁰. *Евангелисты*, просвещенные Духом Св., глубоко понимая сущность и ход божественного

домостроительства, раскрывали пред неверующими и верующими обстоятельства жизни, деятельности и учения Христа Спасителя, а некоторые из них излагали даже тоже самое в письмени. Назначение апостолов, пророков и евангелистов было *всемирное*, они не принадлежали к какой-либо частной церкви, а служили для всей Церкви Вселенской.

§ 29. Степени постоянной иерархии

В чрезвычайном иерархическом служении апостолов, как бы в семени, заключалось служение постоянных степеней иерархии, возникших в первое же время существования Церкви. Заключая в себе всю полноту иерархической власти, апостолы постепенно, смотря по обстоятельствам и нуждам Церкви, в известной мере сообщали эту власть избранным из среды верующих лицам, которые, входя, таким образом, в состав церковной иерархии, но различию данной им от апостолов власти, образовали различные ее степени. Лица, избираемые для иерархического служения в Церкви, вместе с полномочием от апостолов на сие служение, по преемству чрез них, получали полномочие и от самого Бога, в силу полноты иерархической власти апостолов, данной им от Христа Спасителя и Св. Духа.

Степени иерархии в христианской Церкви возникали одна за другой, начиная с низшей. Так, когда в иерусалимской церкви, число верующих увеличилось на столько, что апостолы сами, без ущерба главным своим обязанностям, проповеданию слова Божия и богослужению, не могли наблюдать за правильным распределением между ними жизненных потребностей, установлена была, в облегчение им, для последнего служения особая должность. Апостолы предложили общине избрать на эту должность семь человек; община избрала, представила избранных к апостолам, а они помолясь, возложили на них руки⁶¹, т. е. чрез видимое действие сообщили силу и власть для назначенного служения. Эти, избранные общиною и посвященные апостолами, лица получили название *диаконов*, т. е. служителей, каковое название из общего перешло в частное и всегда потом усвоялось лицам, занимающим известную должность в Церкви. *Диаконство* есть низшая иерархическая степень. Из иерусалимской церкви, как матери всех церквей, эта степень перешла и в другие церкви. Первоначальною обязанностию диаконов было только заведывание церковным имуществом и наблюдение за правильным употреблением его, но затем, мало-по-малу, в обязанности их вошло наблюдение за порядком в богослужебных собраниях верующих, служение при совершении богослужения, особенно таинств и даже проповедание слова Божия; диаконы, по особым обстоятельствам Церкви того времени, совершали и крещение, но низведение благодатных даров на новокрещенных им не было предоставлено.

Вторая степень церковной иерархии – *п р е с в и т е р с т в о*

появилась в Церкви также во времена апостольские. Апостолы, основывая христианскую общину в одном месте и переходя с проповедью евангелия в другое, естественно должны были заботиться о том, чтобы, после их отшествия, основанная ими община содержала непреложно преподанное ей учение, постоянно совершала богослужение и т. п. И, вот, для руководства какой-либо отдельной христианской общины в учении, для совершения богослужения и вообще для заведывания всеми делами ее, под своим главным надзором, апостолы назначают *пресвитеров* т. е. старейших, или старейшин, как показывает самое название, из лиц достойных, заявивших себя пред общиною и апостолами особенным усердием к вере, мудростию и опытностию в управлении. Так апостол Павел, в первое свое путешествие поставил пресвитеров в некоторых, основанных им церквах⁶². Даже если апостолы постоянно пребывали в одном месте, то и в таком случае, в помощь себе, они поставляли, пресвитеров, потому что, при увеличении числа верующих, одному апостолу трудно было управлять всею церковью, учить и совершать богослужение. В иерусалимской церкви, под главным священноначалием апостола Иакова Младшего, очень рано является уже несколько пресвитеров, которые принимают большое участие в делах церковных, заседая, напр. и рассуждая на соборе апостольском вместе с апостолами. Пресвитеров, также, как и диаконов, апостолы посвящали в назначенное им служение чрез рукоположение; только при этом сообщали им еще большие иерархические права и полномочия. Пресвитеры имели право совершать таинства и вообще богослужение, поучать верующих, наблюдать за нравственною жизнью общины, не исключая и диаконов. Как помощники апостолов, они от них только получали наставления и их только распоряжения выполняли.

Наконец, явилась в Церкви и последняя иерархическая степень, самая *высшая* – *епископская*. Сначала верховный надзор за всею Церковью, рукоположение пресвитеров и диаконов, решение всех недоумений и споров между верующими и т. п. – все принадлежало апостолам. По этот верховный надзор за Церковью, с течением времени, становился все более и более для них невозможным с одной стороны потому, что христианские общины постоянно образовывались в новых странах, часто разделенных между собою большими пространствами, с другой – должно было наступить время, когда самих апостолов не станет, тем более, что, по слову Спасителя, они ожидали себе внезапной смерти от гонителей. Поэтому, для высшего руководства Церкви в вере, рукоположения пресвитеров и диаконов и для верховного управления ею, в свое

отсутствие и после своей смерти, они передавали, чрез рукоположение, свои верховные иерархические права особым лицам, известным им по высоте своих нравственных качеств, глубокому пониманию истин христианства, твердости в вере и способности к управлению. Этим лицам усвоено было название *епископов*, т.е. надзирателей, которое, также как и названия лиц двух других степеней иерархии, из общего, усвояемого в начале и пресвитерам, перешло в частное, принадлежащее только лицам высшей иерархической степени. Епископами апостолы назначали своих учеников, уже испытанных ими, или из пресвитеров, заявивших свои качества и способности к управлению. Так апостол Павел рукоположил Тимофея в епископы ефесской церкви, Тита в епископа критской, вместе с апостолом Петром для римской церкви рукоположил Лина.

Таким образом произошли три степени церковной иерархии, в которых нельзя не видеть, по крайней мере, в количестве их, соответствия степеням священства ветхозаветного, установленного Самим Богом. Во времена апостольские все три степени уже прочно утвердились в Церкви, так что в писаниях апостольских о них упоминается, как об учреждении определенном и постоянном.

Кроме этих трех степеней, во времена апостольские, в церквях, составившихся из язычников, в соответствие диаконской должности, появилась еще церковная должность *диаконисс*, на какую избирались пожилые девственницы или вдовицы. Обязанности их состояли в том, что они должны были наблюдать за благочинием и порядком, во время богослужбных собраний, в женских отделениях, наставлять обращающихся в христианство женщин, как те должны держать себя при крещении, прислуживать при совершении самого крещения над женщинами, исполнять поручения епископа, касавшиеся женщин ит. и. Вообще обязанности диаконисс почти отождествлялись с обязанностями диаконов. Диакониссы, кроме этого названия, носили такое же название, какое усвоено диаконам, только с прибавлением члена женского рода (η' $\delta\iota\alpha\kappa\omicron\nu\sigma$), и при поставлении их в должность вначале читалась даже та самая молитва, что и при поставлении диаконов.

§ 30. Высшая Церковная власть в век апостольский

Все апостолы получили от Христа Спасителя равные права – управлять, учить и священнодействовать в Его Церкви. Между ними не было одного начальствующего над другими. По поводу просьбы матери сынов Зеведеевых о первенстве их в царстве небесном, Спаситель сказал всем учеником: «вызнаете, что князья родов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими, но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою. И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом»⁶³. И апостолы, поставляя предстоятелей – епископов разных церквей, сообщали им всем одинаковые иерархические права. Отсюда, и все частные христианские церкви были равны между собою. При таком равенстве апостолов, церквей, основанных ими, и предстоятелей их, *соборная форма* управления всею Христовою Церковью была единственно возможною, вполне законною и соответствующею заповеди Спасителя о равенстве и братстве как всех верующих в Него, так и лиц, назначенных на иерархическое служение. Поэтому, апостолы, совершенно чуждые мысли о главенстве и первенстве кого-либо из своей среды, сами положили начало соборной форме управления по делам, касающимся всех или многих церквей. *Собор Иерусалимский*, на котором присутствовали некоторые из апостолов и представители от других церквей, был высшим выражением церковной «власти. Власть собора была уже не властью отдельных лиц, даже не властью вообще людей, но властью Святого Духа, всегда пребывающего в Церкви и руководящего ее пастырей, как это засвидетельствовал тот же иерусалимский собор⁶⁴. Апостолы положили, чтобы и на будущие времена, подобно составленному ими собору, епископы непременно составляли соборы ежегодно по два раза⁶⁵.

§ 31. Взаимные общения церквей

Каждая частная христианская церковь, живя своею внутреннею единичною жизнью, в тоже время жила жизнью общецерковною. Постоянное общение между церквами составляет отличительную черту церковной жизни апостольского и после апостольского времени. Оно производило то, что все частные церкви, не смотря на громадные часто расстояния между ними и особенность их интересов и положения, в своей совокупности составляли единую Христову Церковь. Возникало ли преследование в одной церкви, появлялись ли еретики, возникал ли спорный вопрос но богослужению, учению и т. п.. отправлялся ли кто-либо из членов одной церкви в другую – по всем этим предметам происходили постоянные сношения между церквами. Послания апостолов, разносимые в разные церкви их посланными, служили также отличным средством к объединению церквей и их взаимному общению. Апостол Павел в конце своих посланий постоянно присовокупляет приветствия от тех христиан, между которыми он находится, к тем, которым пишет послание. Он даже поручает свои послания сообщать в другие церкви. Такое сообщение посланий из одной церкви в другую поддерживало постоянные сношения между церквами. Но особенно сильным побуждением к взаимным сношениям церквей служил недостаток материальных средств в какой-либо церкви. Церкви, получившие об этом сведения и имеющие достаточные средства, немедленно собирают милостыню и отправляют по назначению. Сам апостол Павел, во время своих путешествий, нередко собирал милостыню в пользу палестинских христиан и сам же относил ее.

Глава 4. Жизнь первых христиан, церковное богослужение и благочиние (дисциплина)

§ 32. Святость и чистота жизни христиан апостольского века

Дохристианский мир не знал высоких нравственных истин и законов. Главным началом деятельности человеческой в языческом мире был эгоизм. Под влиянием его каждый из язычников, преследуя в жизни только свои личные интересы и цели, неминуемо нарушал человеческие права и достоинство другого. Отсюда и в языческом мире злоба человека к человеку, вражда отдельных личностей и обществ, отсюда же разного рода злодеяния, преступления, пороки и т. п. Словом, языческий мир дошел до последней степени нравственного падения. Христианство принесло в жизнь новое начало, неизвестное дотоле миру, – учение о *братстве и любви* всех людей между собою. Сообщай об этом новом начале своим ученикам, Спаситель заповедал, чтобы оно было отличительным признаком Его последователей. Христиане апостольского века, близкие ко времени Спасителя и видевшие пред собою жизнь апостолов, в своей жизни, действительно, представили полнейшее осуществление этого начала: взаимная братская любовь была первою отличительною чертою в их жизни. У множества верующих, замечается в Деяниях Апостольских⁶⁶, было «одно сердце и одна душа». Люди, образовавшие собою Церковь Христову, не смотря на различие по происхождению, общественному положению и состоянию, считали друг друга братьями и любили друг друга, как братьев. Название «*братьев и сестер*» – которое было в употреблении между христианами первого времени, – не было пустым звуком: равно как и братские поцелуи, которые верующие давали друг другу при богослужении, не были пустою Формою. На первых же порах жизни Церкви братская любовь христиан во всей полноте выразилась *общением в имуществе*. В иерусалимской церкви никто ничего из имения своего не называл своим, но все было общее; из общественных средств каждому давалось то, в чем кто имел нужду, так что между верующими не было никого нуждающегося⁶⁷. Далее выражением той же братской любви христиан Служили общие *трапезы*, стоявшие в тесной связи с общением в имуществе: они даже и назывались вечерами любви (агапами). Если с течением времени, общение в имуществе и общие трапезы прекратились, вследствие умножения числа верующих, то взамен того всякого рода вспомоществования христиан друг – другу получили самое широкое развитие. Странники, путешествовавшие из одной церкви в другую, бедные вообще, больные, старые, вдовицы, сироты и все страждущие – все

находили себе помощь и поддержку у христиан. Христианские женщины особенно отличались благотворительностью: они первые отзывались на всякое страдание; посещение больных и уход за ними были их уделом.

Другую отличительную чертой жизни христиан в век апостольский была чистота их нравов, особенно поразительная на ряду с нравственною распущенностью язычников. Во время появления христианства трудно было найти языческую семью, которая бы проводила такую строгую воздержную жизнь, какая была обыкновенным явлением в семьях христианских. Связанные взаимною любовью, члены христианской семьи проводили жизнь в постоянных трудах, молитвах и проч. Чистота супружеской жизни свято соблюдалась в христианских семьях; того распутства, которое имело место в языческом обществе, и тени не бы о в обществе христианском, кроме единичных случаев, источником которых были не изгладившиеся языческие понятия⁶⁸. Заботливость о целомудренной жизни доходила до того, что некоторые из христиан посвящали себя навсегда безбрачной жизни.

§ 33. Богослужение вообще

Христианская Церковь, как всякое религиозное общество, стремящееся, при посредстве внешних действий, открыто и торжественно заявить свое религиозное чувство по отношению к Божественному Существо, составляющему предмет религии, с самого начала своего существования, в числе других религиозных учреждений, имела и свое богослужение. (По своему характеру, христианское богослужение явилось совершенно отличным как от богослужения еврейского, так и от всех языческих культов; все устройство его носит на себе печать новой Божественной религии, сообщенной человечеству самим Господом Иисусом Христом. Богослужение языческое состояло исключительно из одних обрядовых церемоний; в богослужении еврейском также преобладала обрядовая сторона, имевшая, впрочем, преобразовательное значение для христианства. В христианской же Церкви, напротив, на первом месте поставлена религиозно-нравственная сторона богослужения, согласно заповеди Спасителя о поклонении Богу «духом и истиною»⁶⁹).

§ 34. Места общественных богослужений

Еврейское богослужение совершалось в иерусалимском храме, и евреям даже строго было запрещено совершать оное в каком-либо другом месте⁷⁰. Но в христианской Церкви не было и нет такого исключительного места для богослужения. Спаситель, сказавши, что «наступает время, когда и не на горе сей (Гаризин), и не в Иерусалиме будут поклоняться Отцу»⁷¹, показал, что в Его царстве служение Богу в духе и истине может совершаться на всяком месте. Поэтому, мы видим, что апостолы и верующие во Христа собираются на молитву, как в иерусалимский храм, так и в частные дома. В последние верующие собирались, по преимуществу, для совершения таинств, которые не возможно было совершать в храме. А вне Иерусалима, естественно, они должны были совершать свое богослужение в частных домах христиан. Таких помещений, заключавшихся, по большей части, только в одной комнате, отделяемой для богослуженных собраний от других жилых помещений дома, бывало, особенно в больших городах, несколько, так что верующие, смотря по своим нуждам и обстоятельствам, могли собираться в разных местах. Частные дома, назначенные для совершения в них богослужения, образовали собою первые христианские *церкви или храмы*. Впрочем, последнее название, как языческое, прилагавшееся к языческим храмам, в век апостольский не усвоилось местам христианских богослуженных собраний. Обыкновенным названием их было: *церковь, дом Божий, или Господень, дом молитвенный*.

Первоначальное устройство мест богослуженных собраний было очень простое. Для христиан было достаточно, если избранное ими помещение могло вместить всех верующих известной церкви, если в нем был поставлен стол для совершения на нем евхаристии, за столом особое седалище для предстоятеля церкви и если были поставлены скамейки для присутствующих. Вообще, можно думать, первоначальное устройство церквей походило на устройство еврейских синагог.

§ 35. Общественное богослужение; таинство причащения и прочие таинства

Общественное богослужение, в век апостольский, также как и в настоящей время, состояло из чтения Св. Писания, объяснения его, в соединении с поучением, молитв, песнопений и совершения таинства евхаристии. Таинство евхаристии составляло самую существенную часть богослужения, так что исключительно совершению этого таинства усвоено было название *литургии* (λεϊτουργία) т. е. *богослужения общественного*. К богослужению, относилось также и совершение прочих таинств.

Чтение Св. Писания было уже составною частью богослужения еврейской церкви. Там даже установлен был определенный порядок, когда и что читать: почему закон или пятикнижие Моисея и пророки были разделены на известные отделы (*парашии* и *авторы*), которые и читались в известное время. Чтение Св. Писания особенно было распространено в еврейских синагогах. В первое время в христианской Церкви не было своих священных книг; поэтому она приняла Св. Писание ветхого завета, как «богодуховенное и полезное», тем более, что, заключая в себе указания и пророчества о Христе и совершенном деле спасения людей, оно имело ближайшее отношение к христианству. Во второй половине I-го века, наконец, у христиан стали появляться свои священные книги, евангелия и послания апостольские, которые и вошли в богослужебное употребление. Но определенного порядка в чтении Св. книг нового завета, в век апостольский, еще не могло быть, так как не было еще полного сборника их. За чтением Св. Писания следовало *разъяснение* его, в соединении с поучением и назиданием. В апостольское время, впрочем, поучение верующих истинам веры и нравственности совершалось и независимо от чтения Св. Писания. Апостолы, пророки и евангелисты по преимуществу занимались поучением верующих в их богослужебных собраниях, за ними следовали пастыри и учителя. Поучения имели характер собеседовательный. Всякое христианское богослужение, кроме того, сопровождалось еще общею молитвою. Характер и содержание молитв, в апостольское время, были те же, что и в настоящее время. Образом всех молитв, совершаемых во имя Господа Иисуса Христа⁷², была молитва Господня. В своих молитвах Церковь прославляла Бога, благодарила за все Его благодеяния, просила о помощи⁷³, избавлении от опасности⁷⁴, ходатайствовала пред Ним за всех людей, за царей, начальствующих, дабы проводить жизнь тихую, безмятежную, во всяком

благочестии и чистоте; молилась, наконец, об обращении неверующих⁷⁵. Что касается, наконец, пения в христианском богослужении, то оно было в употреблении с самых первых времен. Сам Господь Иисус Христос освятил своим примером песнопение, воспев с своими учениками после тайной вечери. По всей вероятности, Спаситель и ученики Его воспели еврейские псалмы. Последние прежде всего и вошли в христианское богослужение, как священные песни, проникнутые молитвенным духом и вместе пригодные и приложимые к христианской Церкви. Апостол Иаков упоминает уже о *псалмах*⁷⁶, а ап. Павел о *псалмах, славословиях и песнопениях духовных*⁷⁷. Полагают, что под славословиями и песнопениями духовными апостол разумеет священные песни, составленные уже в христианской Церкви. Действительно, христиане первенствующей Церкви, при обилии благодатных даров в то время и при своем святом одушевлении, не могли не составить своих христианских гимнов. Эти гимны были прежде всего извлечением из Св. Писания или буквальным или по содержанию. Так в числе гимнов, употребляемых и в настоящее время при богослужении, есть извлеченные из Св. Писания нового завета, вероятно, вслед же за появлением самых книг Св. Писания; напр. «Слава в вышних Богу»⁷⁸, «Величит душа моя Господа»⁷⁹ и друг.

Чтение Он. Писания, поучение, молитвы и песнопения входили во всякое богослужение, совершаемое христианами в течение дня; этими же действиями сопровождалось и совершение таинства евхаристии. Но определенного порядка или чина во всех этих действиях еще не было установлено. Таинство *e в харистии*, как известно, установил Сам Спаситель на последней вечери с учениками и Сам усвоил ему значение благодарственного воспоминания о совершенном Им искуплении людей страданиями и смертью. В апостольской Церкви это таинство совершалось также, как оно было установлено Спасителем, т. е. на общей *трапезе*. Как известно, христиане в Иерусалиме имели общее имущество и общий стол, за которым вкушали общую пищу; общие собрания их для вкушения пищи назывались *вечерями любви*. В других церквях, хотя не было общения в имуществе, вечера любви также были в употреблении. В заключение таких вечеров и совершалась евхаристия или, как тогда еще называлось это таинство, «вечеря Господня», «трапеза Господня» и «преломление хлеба». Впрочем, в начале II века, или может в конце II-го, совершение евхаристии отделено было от вечеров любви и присоединено к богослужению в собственном смысле, так как вообще, при умножении членов, было не удобно совершать таинство вместе с обыкновенною трапезою; совместное совершение того и другого вело даже к беспорядкам

в собраниях, как это было в церкви коринфской, но свидетельству ап. Павла⁸⁰. Евхаристия совершалась в век апостольский ежедневно, если была возможность, и так как она составляла таинство то в совершении ее могли принимать участие одни только верующие. Порядок совершения таинства в сущности был тот же, что и в настоящее время. Приступая к таинству, верующие давали друг другу братский поцелуй, в знак теснейшего общения. Затем из приношений (просфорá и oblationes) верующих избирались лучшие части хлеба и вина⁸¹ собственно для таинства. Предстоятель произносил молитву, в которой от лица всех верующих благодарил Бога за все Его благодеяния роду человеческому, особенно за искупление, и освящал св. Дары. За тем все верующие причащались по общему верованию Церкви, под видом хлеба и вина, тела и крови Господа Иисуса Христа. Св. хлеб разносили присутствующим диаконы и диакониссы, к чаше же с вином приступали сами верующие.

Прочие таинства касались в частности того или другого верующего, и потому составляли только дополнительную часть общественного богослужения. Таинство *крещения*, по учению Спасителя⁸² и апостолов⁸³, имеет значение благодатного возрождения в новую духовную жизнь с отпущением всех, до принятия его соделанных, грехов. Поэтому, Господь Иисус Христос дал апостолам прямую заповедь совершать это таинство над изъявляющими желание начать новую жизнь и, потому, вступающими в Его Церковь, когда сказал: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына, и Св. Духа»⁸⁴. Следуя этой заповеди апостолы принимали в Церковь всех обращающихся ко Христу чрез таинство крещения. В их времена крещение совершалось непосредственно после исповедания веры в Господа Иисуса Христа уверовавшими в Него и заявления желания креститься⁸⁵. Приготовлением к крещению в этом случае была проповедь о Христе и совершенном им деле спасения людей, вследствие которой совершалось обращение вступающих и Церковь. Только исповедание веры в Иисуса Христа, как Мессию – Спасителя, было необходимым условием крещения. Так диакон Филипп, обратив ко Христу евнуха Царицы эфиопской, пред крещением его сказал ему: «если верует от всего сердца, можно креститься». На что евнух отвечал: «верую, что Иисус Христос есть сын Божий». С течением времени из ответов новокрещаемого на вопросы о вере составились в Церкви краткие исповедания веры, или изложения существенных и главных пунктов христианского вероучения, называемые *символами*. Начало таким исповеданиям положено в век апостольский: ответ евнуха составляет основную мысль всех символов в учении об Иисусе Христе. После исповедания веры следовал самый акт крещения,

которое совершалось чрез троекратное погружение крещаемого в воду, с произнесением слов: «во имя Отца и Сына и Свягаго Духа». Что обыкновенною формою совершения крещения в век апостольский было погружение, на это имеется много указаний и доказательств. Апостольское правило⁸⁶ положительно говорит о погружении; самое слово βαπτισμος (крещение) означает погружение, и все сравнения крещения с тем или другим предметом и действием, употребляемые в писаниях апостольских, означают именно погружение⁸⁷. В век апостольский, также как и в настоящее время крещение совершалось над взрослыми и детьми. Если крестилось все языческое семейство, то крестились, конечно, и дети. Во времена апостольские было несколько случаев крещения целых семейств, в которых нельзя думать, чтобы не было детей⁸⁸.

Вслед за крещением, в настоящее время, совершается таинство *миропомазания*. Также было и в Церкви первенствующей. В крещении человек получал благодатное возрождение в новую духовную жизнь; в таинстве миропомазания сообщались ему благодатные дары Святого Духа для укрепления в этой жизни. Об этих благодатных дарах, которые имели принимать верующие, по объяснению евангелиста Иоанна⁸⁹, говорил еще сам Спаситель. В Церкви апостольской дары Св. Духа, сообщаемые в таинстве миропомазания, открывались нередко видимым образом. Так апостол Павел, после крещения в Ефесе учеников Иоанновых, низвел на них Св. Духа и они стали говорить иными языками и пророчествовать⁹⁰. Совершалось это таинство чрез возложение рук и притом сначала одними апостолами, а потом преемниками их власти, обладавшими всею полнотою благодатных даров⁹¹. Но вероятно еще во времена апостольские⁹², вместе с возложением рук существовало и помазание миром, тем более, что для этого был образец в церкви ветхозаветной, где чрез помазание также сообщалось благодатное освящение первосвященникам и другим лицам.

Таинство *покаяния*, установленное также Самим Спасителем⁹³, имеет своим назначением доставить возможность каждому верующему члену Церкви, впадшему в грех и уклонившемуся, таким образом, от принятого, после крещения, пути святой жизни, избавиться от этого греха и начать опять ту же святую жизнь. Покаяние, таким образом, соответствует таинству крещения, как и последнее, открывая всякому доступ в Церковь. В век апостольский оно также совершалось чрез *устное* исповедание грехов пред иерархическими лицами, получившими власть вязать и решить.

Священство, как таинство входило также в состав богослужения. Избрание на иерархические должности не относилось к богослужению, в строгом смысле; посвящение же совершалось во время богослужения. Форма совершения этого таинства и в век апостольский была та же, что и в настоящее время, именно *рукоположение*. Рукоположение сначала совершаемо было одними только апостолами, а потом предоставлено было исключительно епископам, единственно облеченным, по преемству от апостолов, властью низводить благодатные дары Св. Духа для иерархического служения в Церкви.

Брак, по слову апостола⁹⁴, «*в еликая тайна*», и в апостольские времена совершался с благословения епископского в церкви.

Таинству *елеосвящения* положено начало по времена Спасителя. Еще апостолы, во время Его земной жизни, посланные Им на проповедь, «мазали многих больных маслом и исцеляли»⁹⁵. Апостол Иаков положительно заповедовал совершать это таинство над болящими⁹⁶. Но при каких обрядах совершалось это таинство в век апостольский, указаний на это не имеется, кроме того только, что из наставления апостола Иакова можно заключить, что оно совершалось не одним пресвитером, а несколькими.

§ 36. Часы богослужения, праздники и посты

Апостол Павел заповедовал христианам «непрестанно молиться»⁹⁷. По христианскому вероучению, искупленное человечество, соединившись в одно общество верующих во Христа, должно было всю свою жизнь посвящать на служение Богу в благодарность за дарованное спасение. И мы видим, действительно, первые христиане «каждый день единодушно пребывали в храме, и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога»⁹⁸. Но при этом, так как богослужение совершалось для целого общества, необходимо было установить определенные времена общественного богослужения. В этом случае для христианской Церкви был образец в церкви еврейской, в которой, как в круге дневном, так и в круге недельном и годичном, были назначены определенные времена для богослужения, в воспоминание важных событий из истории еврейской церкви и еврейского народа. Таким образом христианская Церковь отчасти заимствовала от церкви еврейской распределение времен богослужения, отчасти установила новые богослужебные времена. Но конечно, при таком заимствовании, как и при всяком другом, она приняла только Форму, сообщив ей свой дух, т. е. приняла еврейские богослужебные или праздничные времена, но соединила с ними воспоминания о событиях из своей собственной истории и жизни.

Так, применяясь к еврейскому распределению времени молитвы в течение дня, апостолы молились в *третий, шестой и девятый* часы дня⁹⁹. Примеру апостолов следовали и верующие итак, что собирались на молитву в каждый час отдельно, не соединяя их вместе. При этом с третьим, шестым и девятым часами молитвы стали соединять особые религиозные воспоминания, с третьим – осуждение Спасителя на смерть и сошествие Св. Духа на апостолов, с шестым – распятие Спасителя на кресте и с девятым – Его спасительную смерть.

В круге недельном в еврейской церкви на особое торжественное служение Богу посвящен был субботний день. Оставив празднование этого дня, хотя не совершенно, ибо в первое время на востоке большинство христиан было из евреев, которые продолжали придавать праздничное значение субботе, христианская Церковь нашла, что среди недели есть дни, которые преимущественно пред субботой должны быть посвящены на служение Богу христианами; это дни, ознаменованные страданиями, смертью и воскресением Спасителя, т. е. такими действиями Его,

которыми он совершил спасение людей. Таким образом, *среда* в которую было решено предать Спасителя смерти, *пятниц* а, в которую Он был распят и умер, и день, следующий за субботою, в который Он воскрес, посвящены были на особенное служение Богу. Среда и пятница, сообразно воспоминаниям, соединенным с ними, были *днями печали*; поэтому христиане проводили эти дни в посте, они с утра совсем не вкушали пищи до девятого часа (или, но нашему до третьего часа по полудни) а за тем вкушали пищу. Эти дни, поэтому, назывались *днями стояния* (бодрствования) и *п о с т а*. День, следующий за субботою, называвшийся «первым днем недели», «днем Господним», «днем солнца» и наконец «днем воскресным», напротив, был днем радости и торжества христиан, так как в этот день Спаситель явился победителем смерти. Поэтому они в этот день не постились, молились без коленопреклонения и, предаваясь делам благотворительности, старались удаляться от обыкновенных житейских занятий. В день воскресный богослужение бывало особенно продолжительно и совершалось по большей части ночью.

Далее еврейские праздники в круге годичном – Пасха и Пятидесятница также приняты были христианскою Церковию, но опять с сообщением им христианского смысла и значения. Еврейский праздник Пасхи был установлен в память избавления евреев от рабства египетского; в христианской Церкви праздник *Пасхи*, удержавший тоже еврейское название, получил значение годичного торжества – освобождения рода человеческого от рабства диаволу чрез воскресение. При этом, также как и в круге недельном, церковь торжественно праздновала не только день воскресения Господа, но и дни Его страданий и смерти, так как воспоминаемые в эти дни события находятся в тесной связи между собою относительно дела спасения людей. К этому празднику, самому важному и главному, Церковь приготавлилась *сорокодневным постом*, в воспоминание сорокодневного пребывания и поста Господа Иисуса Христа в пустыне. Дни страданий и смерти Спасителя, начиная с среды до самого воскресного дня, проводила также в посте и молитве, как дни торжественной печали. С наступлением же дня Пасхи, или годичного празднования дня воскресения Господа, Церковь так же, как в круге недельном, оставляла пост и продолжала радостное торжество в течение целой недели. Впрочем, в древней Церкви, празднование продолжалось в течение пятидесяти дней, до годичного празднования дня сошествия Св. Духа на апостолов. Это празднование составило другой христианский праздник – *Пятидесятницу*. В еврейской церкви пятидесятница установлена в намять синайского законодательства, или устройства

еврейской подзаконной церкви; в христианской Церкви с нею соединено воспоминание также об устройении христианской Церкви Самим Господом, явившимся апостолам в продолжение сорока дней, и Святым Духом, сошедшим на апостолов в пятидесятый день от дня воскресения Христова.

§ 37. Церковное благочиние

В век апостольский, при всеобщей святости и чистоте жизни христиан, мы видим все-таки между членами Церкви несколько случаев уклонения от требований истинно христианской жизни. Церковь, имеющая своим идеалом святость и чистоту своих членов, не могла допускать, чтобы в ее недрах развивалось такое зло. Поэтому употребляла все меры к пресечению его и возвращению заблудших на путь истинный. Совокупность этих мер и составляет, так называемую, *церковную дисциплину*. Все эти меры узаконены Самим Спасителем¹⁰⁰. Первая мера – это *нравственное увещание* согрешившего, частное – наедине. Если такое увещание оказывалось недействительным, то следовала другая мера вразумления – *обличение* согрешившего сначала при нескольких свидетелях, а потом пред лицом всей Церкви – *публичное*. Наконец, если и эта мера не приводила согрешившего к исправлению, Церковь употребляла последнее средство к вразумлению, самое строгое – *отлучение от своего общества*. Все эти меры были употребляемы с постепенностью и последовательностью, так что к отлучению Церковь прибегала в крайних случаях, когда уже не было надежды на исправление. Но и в этом случае Церковь имела в виду не *наказание* грешника, а *исправление* его; если он раскаивался, она опять принимала его в свое лоно. Обыкновенно отлучение церкви падало на еретиков и закоренелых грешников. Но случаев отлучения в апостольский век мы видим весьма немного. Так апостол Павел, вместе с коринфскою церковью, предал отлучению коринфского кровосмесника¹⁰¹, но, когда тот раскаялся, апостол просил коринфскую церковь простить его¹⁰². Или, тот же апостол отлучил лжеучителей – Именея и Александра, чтобы они научились не богохульствовать¹⁰³, а апостол Иоанн запретил принимать в дом и приветствовать тех еретиков, которые не исповедуют Иисуса Христа пришедшим во плоти¹⁰⁴.

Глава 5. Лжеучения и ереси

§ 38. Происхождение лжеучений и ересей

Христианское вероучение, заключающееся в Священном Писании и священном предании явилось в Церкви, как данное, которое должно быть принимаемо и усваиваемо каждым верующим, без изменения, так, как оно заключается в своих первых источниках. Но так как у людей составляющих Церковь, степени понимания и усвоения тех или других истин различны, по различию силы их веры и понимания откровенного учения, а также по разнообразию первоначального воспитания и умственного развития, то и христианское вероучение на первых порах исторической жизни Церкви входило в сознание членов ее различно. С одной стороны мы видим людей, с верою, во всей полноте принявших и усвоивших христианское учение, именно так, как оно заключается в своих источниках, с другой – людей, принявших христианство только по форме, внешним образом, не понявших его сущности, а потому искаживших его примесью сторонних учений, не имеющих основания ни в Священном Писании, ни в священном предании. Отсюда в сознании людей христианское вероучение является или таким, каким оно должно быть в своей идее, истинным, правильным, или искаженным, неправильным. В первом случае оно, в церковно-исторической жизни, является – как *православие*, во втором – как *ересь*.

В появлении еретиков, искажавших божественное неизменяемое учение христианской Церкви, есть некоторого рода последовательность и система, именно – нисхождение от общего к частному. Следовало ожидать, что, на первых порах, вследствие вступления в Церковь иудеев и язычников, не хотевших вполне отказаться от иудейства и язычества и потому смешивавших христианское учение с воззрениями языческими и иудейскими, появятся еретические заблуждения относительно всей системы христианского вероучения, а не отдельного какого-либо пункта. Так действительно и было: с одной стороны явились еретики *иудействующие*, называемые также *евионитами*, которые стремились слить христианство с иудейством, даже с подчинением первого последнему, а с другой – *язычествующие*, или, как они назывались во II веке, *гностики*, а потом *манихеи*, стремившиеся из христианского вероучения в соединении его с восточным религиозным миросозерцанием, или греческою философиею, образовать смешанную религиозную систему. Когда лжеучения этих еретиков были поражены Церковью и уже стали отживать свое время, на смену их являются другого рода ереси,

возросшие уже на христианской почве. Предметом их служит главный догмат христианства – о троичности лиц в Божестве. Это ереси *антитринитариев*. В последующее за тем время развивается ересь по вопросу, еще более частному о Божественности Второго Лица Святыя Троицы. Эта ересь, известная под именем арианства, открыто явилась уже в начале IV века. В век апостольский мы видим еретиков *иудействующих* и *язычествующих*. Последние положили начало тому гностицизму, который развился особенно сильно во II веке, после времен апостольских.

§ 39. Еретики иудействующие

Начало ересей иудействующих восходит ко временам апостольского собора. На последнем по вопросу об отношении иудейства к христианству было решено, что соблюдение моисеева закона необязательно для христиан, так как в христианской Церкви спасение совершается благодатию Господа Иисуса Христа, а не исполнением моисеева закона. Не смотря на такое решение, партия христиан из иудеев фарисейского направления, возбудившая вопрос об отношении иудейства к христианству, осталась при своих убеждениях, именно, что моисеев закон и вообще все иудейство необходимы для спасения и в христианской Церкви.

Первоначально убеждения этой партии не имели характера ереси, так как в Палестине все христиане из иудеев, по установившемуся обычаю, исполняли закон моисеев и обрезывались. Но в начале II века партия ревнителей моисеева закона резко уже выделялась, как еретическая. В тридцатых годах того же века, после разрушения Иерусалима, когда строгое соблюдение моисеева закона стало невозможным, часть христиан из иудеев совершенно оставила, исполнение его, присоединилась к христианам из язычников, составивших Церковь в построенном вместо Иерусалима городе *Елие Капитолине*, и даже согласилась на избрание епископа из необрезанных; партия же христиан из иудеев, отстаивавшая соблюдение моисеева закона, решительно отделилась от Церкви и образовала отдельное, вполне еретическое общество. Впрочем, и эта партия распалась на две части строгих ревнителей закона и умеренных. Первые известны под названием *евионитов*, вторые – *назареев*¹⁰⁵. *Назареев* в сущности не отступали от обще церковного учения, признавая Иисуса Христа Мессиею и Богом, допуская Его сверхъестественное рождение и проч. Но при этом они считали необходимым соблюдение моисеева закона для христиан из иудеев, не придавая ему такого значения для христиан из язычников и признавая апостола Павла для последних учителем божественной мудрости. Церковь относилась снисходительно к этой партии иудействующих, не считая их в собственном смысле еретиками. Партия назареев, в небольшом числе, существовала до IV века.

Совсем другое представляет партия *евионитов*, получивших такое название от еврейского слова *е в и о н*, что значит бедный¹⁰⁶. Они признавали решительно необходимым для всех христиан соблюдение моисеева закона, считая, поэтому, апостола Павла, восстававшего против

этого, отступником от веры. По их понятию иудейская религия и с пришествием Христа Спасителя, по прежнему, имеет важное значение в деле спасения людей. Таким образом, значение христианства, как религии, имевшей обнять весь мир, ограничивалось. Евиониты не придавали ему даже значения новой религии, а считали продолжением того же иудейства. Отсюда, и учение их о Христе Спасителе было не то, какое содержала и содержит истинная христианская Церковь. Признавая Его за Мессию, они видели в нем не Бога – Искупителя, а только великого пророка, подобного Моисею, который пришел проповедать о наступлении своего царства, в которое имели войти одни только иудеи. Бея деятельность Его ограничивалась, по их понятию, только разъяснением закона и дополнением его новыми заповедями. Отрицая в Иисусе Христе Божественное достоинство, они признавали Его простым человеком, сыном Иосифа и Марии, получившим Божественную силу и достоинство Мессии только в крещении. Таким образом главного догмата христианства об искуплении человечества Господом Иисусом Христом от греха, проклятия и смерти у евионитов не было. Смерть Христа Спасителя не имела у них искупительного значения; она воодушевляла их только надеждою скорого вторичного пришествия Его на землю, чтобы основать земное царство, которое имеет существовать тысячу лет (хилиазм). Евиониты разнились от истинной христианской Церкви и в церковной практике. Так они совершали таинство евхаристии только однажды в год, в воспоминание тайной вечери Спасителя, и употребляли в нем одну воду, как аскеты.

Кроме этих двух партий иудействующих, из смешения иудейства, в форме ессеизма, с христианством образовалась еще третья партия иудействующих еретиков, – *евионитов–гностиков*. Они известны еще *под именем елкезаитов*¹⁰⁷ или впоследствии *самсеев*. Эта партия, имевшая своим средоточным пунктом пустыни за Мертвым Морем, где обитали *ессеи*, увеличилась еще наплывом обыкновенных евионитов, бежавших из Иерусалима при разрушении его Адрианом в тридцатых годах II столетия. В мирозерцании евионитов–гностиков есть уже элементы мирозерцания восточных религий и греческой философии, так что они составляют как бы переход к язычеству гностикам. Мирозерцание их следующее: первый человек, Адам, обладал истинною религиею, так как в нем обитал Божественный Дух. Но мало-по-малу, род человеческий, под влиянием злого начала – материи, потерял эту религию, именно чрез жену, принцип чувственности и слабости, греха и заблуждения. Для освобождения людей от зла и поддержания в них истинной религии, Бог,

как Отец рода человеческого, посылал в мир своего Божественного Духа, который и являлся в лице Авеля, Еноха, Авраама, Исаака, Иакова и Моисея. Моисей сообщил свое учение семидесяти разумным мужам с тем, чтобы они передавали оное последующим поколениям для сохранения его по преданию. Учение Моисея, спустя долгое время после него записано было в книгах, но, по большей части, извращенно, так что находить в них истину могут не многие. Истинное же учение его, шедшее по преданию чрез разумных мужей, сохранилось только в обществе ессеев. Что касается до народа еврейского, то он не понимал истинной религии, он до того погрузился в чувственность, что всю свою религию обратил в одни обрядовые церемонии, между которыми особенно чувственными представляются жертвоприношения. Чтобы очистить моисеев закон от примеси чувственности и восстановить истинную религию, Бог опять послал в мир своего Божественного Духа, который действительно явился во Христе и исполнил свое дело. Таким образом, по представлению и этой партии евионитов, деятельность Господа Иисуса Христа ограничивалась учением и притом не о чем-либо новом, но о том, что знали по преданию разумные мужи. Искупление человечества от греха и смерти их учением уничтожалось; даже самое пришествие Христа Спасителя становилось излишним, ибо истинная религия адамова была известна в обществе ессеев, и спасение могло и может совершаться без Него и Его учения. Свою истинную религию евиониты полагали главным образом во взаимной братской любви всех принадлежащих к их обществу и в стремлении к уничтожению чувственности, или, что тоже, зла, – так как они отождествляли материю и зло, посредством строжайшего аскетизма; при этом, впрочем, брак допускали. Секта евионитов – гностиков существовала до V столетия.

§ 40. Еретики язычествующие, или гностики

Ереси язычествующих произошли из смешения христианских понятий с языческими. Пред появлением христианства народные языческие религии, под влиянием философского скептицизма, стали склоняться к падению; но сознание необходимости религии в умах людей мыслящих все-таки было сильно. Поэтому некоторые ученые язычники и отчасти иудеи, познакомившиеся с греческою образованностию, задумали из всех религий мира, также философских систем, создать особое религиозное учение, которое превосходило бы все религиозные системы, будучи чуждо недостатков, свойственных всем им – грубости и чувственности. Это учение, как высшее, духовное, составляло для людей, создавших его, истинное религиозное знание, истинное религиозное ведение (γνώσις). В основе его лежали начала греческой философии, иудейского богословия, объединение которого с мирозерцанием Платоновой философии произошло еще при Филоне в Александрии, и восточных религий, особенно Зороастра. При появлении христианства, некоторые из обладавших этим высшим знанием познакомились с христианским вероучением и даже вступили в Церковь и, не отказываясь от своих убеждений, из смеси их с христианским вероучением образовали еретические системы, известные под именем гностических. Такие системы стали развиваться уже во времена апостольские.

Симон Волхв, современник апостолов, был первым по времени представителем гностического учения во времена апостольские, почему и считается *ересиархом* в христианской Церкви. Он был родом иудей из Кипра, получил образование в Александрии, где ознакомился с положениями системы Филона. В Деян. Апост. о нем замечено¹⁰⁸, что он волхвовал и изумлял народ самарийский, выдавая себя за *кого-то вел и кого*. Симон, усвоив учение Филона о посредствующем между Божеством и миром существе (Божественном Слове, или уме, по Платону), вздумал выдавать себя за воплотившуюся *силу Божию* или за высшего *Эона*, который на Синае явился в Лице Бога Отца, при Тиверие – в образе Сына, над апостолами – в виде Святого Духа. Свою спутницу, *Селену* или *Елену*, он выдавал за воплощение *мудрости Божией*. Значит Симон не только распространял смешанные иудейские, языческие и христианские понятия, но, – что отличает его от других ересе-учителей, – сам принимал на себя роль Божественного посланника, хотя в сущности был не больше, как шарлатан и фокусник. Во II и III веках его именем называлась небольшая

партия еретиков – гностиков, а в IV веке именем симонии стали обозначать приобретение за деньги благодатного иерархического служения в Церкви соответственно тому, как Симон Волхв хотел купить у апостолов за деньги благодатную силу сообщать дары Святого Духа чрез руковоложение. – К подобным же Симону Волхву еретикам следует причислить и его ученика, *Менандра*, который утверждал, что он есть посланник Верховной Божественной силы, что магия его доставляет искусство побеждать ангелов, сотворивших мир, и что крещение в него делает людей бессмертными.

Совсем другого рода был еретик, – также апостольского времени, – *Керинф*. У него есть попытки образовать еретическую гностическую систему. Керинф был родом иудей из Александрии, воспитавшийся под влиянием воззрений Филона на иудейское богословие и философию Платона. Впрочем его учение не представляет строгого гностицизма, как он развился во II веке; у Керинфа смесь гностицизма с евионитством. По началам гностицизма он учил, что творение видимого мира совершено не Богом, а низшим духовным существом, *демиургом*; что до появления христианства всесовершенный Бог был неизвестен миру; что открыл Его миру Мессия, вышний Христос, Божественное Слово, который, во время крещения, в виде голубя, сошел на человека Иисуса и оставил Его во время страданий, А вместе с евионитами он признавал Иисуса Христа простым человеком, родившимся естественным образом от Иосифа и Марии и разделял надежды евионитов на земное тысячелетнее царство Мессии, когда воскреснет

человек Иисус и соединится с вышним Христом. Керинф некоторое время жил и действовал в Ефесе, когда там же пребывал Иоанн Богослов. Общество своих последователей он основал главным образом, в Малой Азии; оно держалось до IV века.

Кроме этих поименных еретиков, из апостольского века известны еще еретики под общими названиями. Это *докеты* и *николаиты*. Докеты, под влиянием восточных языческих воззрений на материю, как на зло, никак не хотели допустить воплощения Бога Слова; поэтому, утверждали, что воплощение Иисуса Христа было *призрачное*, что Он только казался страждущим и проч. Апостол Иоанн Богослов сильно вооружался против докетов в своих посланиях и особенно настаивал на пришествии Иисуса Христа во плоти¹⁰⁹. *Николаиты*, под влиянием тех же воззрений на материю, как на зло, развили практическое учение о необходимости умерщвлять плоть и возвышать свободу духа. Только умерщвление плоти и возвышение свободы духа над плотью проявлялось у них распутством. Во

II веке николаиты приурочивали свое происхождение к Николаю, пришельцу антиохийскому, диакону иерусалимской церкви, жизнь которого обезобразивали нелепым образом; но на самом деле, по объяснению Иоанна Богослова в апокалипсисе¹¹⁰, они «держались учения Валаама, который научил Валака ввести в соблазн сынов израилевых, чтобы они любодествовали».

Второй отдел. История Церкви от времен апостольских до Константина Великого (101–313 г.)

Глава 1. Распространение Церкви

§ 41. Распространение Христианства после апостолов во II и III веках, в Европе, Африке, Азии

После того, как апостолами были основаны во многих местностях римской империи христианские общины, дальнейшее распространение христианства было делом ближайших их преемников и самых общин. Из таких преемников апостолов известны: *Климент*, третий епископ римский (ум. 101г.) после Лина и Анаклета, *Игнатий Богоносец*, епископ антиохийский (ум. 107 г.), *Поликарп*, епископ смирнский (ум 167 г.), *Дионисий Ареопагит* (умер в начале II века), *Кодрат*, епископ афинский (ум. в начале II века) и другие. В свою очередь эти апостольские ученики готовили к проповеднической деятельности новых подвижников, как напр. святой Поликарп. Вообще же нельзя определенно указать, какие именно лица были распространителями христианства после времен апостольских и какой они имели успех; можно сказать, что все члены и, по преимуществу, предстоятели Церкви были *не преемниками* распространителями христианства. Христианские общины, основанные и устроенные апостолами и их преемниками были уже настолько организованы, что могли сами собою содействовать распространению христианства. Из больших торговых, или правительственных городов, в которых христианство утвердилось еще при апостолах как ив центров, Церковь распространялась по меньшим городам и, наконец, селам. Жители многих городов и сел, приезжая в большие города, по делам торговым, или судебным, могли удобно знакомиться здесь с христианством. То, что привлекало многих в Церковь ввек апостольский, привлекало и теперь. Особенно сильно действовала на расположение к христианству язычников высоконравственная жизнь христиан. Святой Иустин Философ, писатель II века, говорит об этом в своей первой апологии: «мы можем представить вам многих, которые обратились к вере потому, что или по соседству видели степенность христиан в обыкновенной жизни, или во время путешествия были свидетелями их терпения среди всякаго рода неприятностей, встречавшихся в дороге, или узнавали их лучше, ведя с ними дела»¹¹¹. В III столетии христианская Церковь имела своих членов во всех классах общества и так распространилась в римской империи, что возбуждался вопрос о том, что должно существовать – язычество или христианство. Преследования христиан, возбуждаемые отживающим язычеством, вели только к тому, что место замученных христиан заступали новые во множестве из самих

же гонителей.

Из внутренних областей римской империи во II и III веках христианство распространилось по самым отдаленным ее провинциям и проникало в другие страны. Так, вероятно, посредством торговых сношений жителей Малой Азии с южною *Галлией* занесено было в последнюю христианство малоазийскими проповедниками. Во второй половине III-го века в Галлии являются уже христианские церкви в городах Лионе и Вьене; свв. Дофин и Иринея, ученики св. Поликарпа, епископа смирнского один за другим были епископами лионской церкви. Далее, в III веке христианство распространялось в Галлии уже из ближайшей: церкви – римской.

Из Галлии христианство, чрез тех же малоазийских проповедников, занесено было к Германцам, обитавшим на восток от нее. В конце III века становятся уже известными церкви в варейнской Германии, в городах Кельне, Трире и Меце.

В конце же III века являются христианские церкви в отдаленной *Британии*. Сходство в церковном устройстве и обычаях древне британских церквей с мало азийскими свидетельствует о том, что христианство принесено в Британию или из Галлии мало азийскими проповедниками, или непосредственно из Малой Азии, что, при торговых сношениях Малой Азии с Британией), весьма возможно и удобно.

В начале II века христианство распространялось и в *Африке*, именно в *Карфагене*, а отсюда в *Мавритании* и *Нумидии*. При Тертуллиане в конце III века, карфагенская церковь уже была в цветущем состоянии; в конце II века и в половине III здесь уже были большие соборы из местных епископов. Постоянные сношения этой церкви с римскою говорят о том, что она получила свое начало от последней. Распространение христианства в *Испании* тоже было в II веке и шло тем же путем из Рима, как и в Карфаген. Испанская церковь на самых первых порах находилась в постоянных сношениях с римскою церковью.

Кроме стран, входивших в состав римской империи, христианство распространялось и среди народов, не знавших римского господства. Так из пограничного города Эдессы, в котором основал церковь Фаддей, спутник ап. Фомы, христианство проникло отчасти в *Персию*. Еретик Вардесан в половине II века, говорит о распространении христианства в *Мидии*, *Персии*, *Парфии*, *Бактрии*; появление в III веке манихейства говорит в пользу того, что в Персии было уже христианство. Кроме того, знаменитые учителя александрийского училища – Пантен в конце II века и Ориген в первой половине III-го, путешествовали для распространения

христианства – Пантен в Индию, Ориген в Аравию. Последний приглашен был для проповеди одним аравийским князем, вероятно, находившимся в подчинении римлянам.

§ 42. Гонения на христиан со стороны языческого правительства в первой половине II века

Со времени Траяна (98–117 д.), вступившего на императорский престол после Нервы, положение христиан в империи все более и более ухудшается. Траян и следующие за ним государи считаются лучшими правителями империи; они обращали внимание на государственные дела, сами входили в рассмотрение их, были справедливы и т. п. Такие государи не могли не обратить внимания и на христиан, но, конечно, смотрели на них с своей языческой точки зрения. Так, заботясь о благе империи, Траян в 99 году возобновил закон, запрещающий тайные общества. Ближе всех этот закон касался христиан, собиравшихся по большей части в ночное время для совершения богослужения; продолжая составлять собрания, они становились ослушниками закона, вследствие чего и подвергались преследованию. Траян именно так и смотрел на них, как на ослушников, что видно из разговора его с св. Игнатием, епископом антиохийским, который, по его приказанию, в 107 году был брошен в Риме на растерзание львам. Вообще при Траяне пострадало много христиан, особенно в Сирии и Палестине. В 107 году пострадал мученической смертью на кресте епископ иерусалимский, сто двадцатилетний Симеон, сын Клеопы и преемник Иакова Праведного, обвиненный пред проконсулом Аттиком, как христианин и потомок Давида. А еще раньше св. Климент, епископ римский, был сослан в заточение в пустынный Херсонес, где в 101 году принял мученическую смерть, будучи брошен в море. Кроме закона 99 года против тайных обществ, касавшегося христиан косвенным образом, Траян, – первый из императоров, издал даже положительный закон относительно их. Правитель Вифинии Плиний младший (с 104 г.), на основании закона 99 года, делал в своей области розыски о христианском обществе. Когда оказалось слишком много принадлежащих к этому обществу, особенно когда язычники представили ему безымянный список христиан, Плиний недоумевал, как поступить в этом случае, и обратился за разъяснением к императору, представляя, что, по его розыскам, ничего особенно преступного не оказалось в христианах, кроме «суеверия грубого и безмерного», почему он слишком упорных казнил, а отказавшихся от христианства отпускал. Траян в ответ на это представление послал Плинию эдикт, который стал обязательным для всех правителей. «В судопроизводстве над теми, которые представлены к тебе, как христиане, писал он, ты поступал, как должно. Вообще нельзя постановить одного

правила, которое служило бы определенной нормой для всех случаев. Разыскиваемы они не должны быть; если же их представляют и обвиняют, они должны быть наказываемы, впрочем так, что если кто не признает себя христианином и подтвердит это самым делом, т. е. поклонением нашим богам, хотя бы прежде и был подозреваем в не почитании их, тот получает прощение за раскаяние. Доносы же без подписи писавшего не должны иметь места ни в каком судопроизводстве, так как это может произвести дурные последствия и должно быть чуждо нашего времени». После такого закона, который хотя и запрещал разыскивать христиан, последние все таки не могли быть спокойными. Фанатики и язычники, особенно жрецы, теперь имели право открыто и настойчиво привлекать к суду христиан. Последним оставалось или отречься от христианства, или быть замученными.

Тот же закон действовал и при *Адриане* (117–138 г.), преемнике Траяна, с тою только особенностью, что нападения на христиан сделались чаще и ожесточеннее. Пользуясь тем, что Адриан своим посвящением в эллинские мистерии заявил себя ревностным почитателем языческой религии, народ не стал стесняться формальным судопроизводством над христианами, а требовал, особенно во время больших праздников, немедленной казни их без суда. Подобное положение дел дало повод к изданию второго закона относительно христиан, который имел целью установить правильное судопроизводство над ними. Вследствие представления проконсула Малой Азии, Серенния Граниана, Адриан издал на имя преемника его, Минуция Фундана, эдикт, которым повелевалось принимать на христиан только справедливые доносы, а на крики толпы не обращать внимания, и, если после судебного разбирательства, обвинения оправдаются, наказывать христиан; если же нет, то подвергать наказанию обвинителя, как клеветника. Изданию такого, отчасти благодетельного для христиан, закона, которым они ограждались от самоуправства черни, содействовали апологии Кокдрата, епископа афинского, и Аристида, христианского философа, которые они представляли императору. При Адриане в первый раз являются защитники христиан.

Антонин Пий (138–161 г.), преемник Адриана, держался той же политики относительно христиан, какой его предшественники. Когда, по поводу общественных бедствий, голода, наводнения Тибра в Италии, землетрясения в Греции и Малой Азии, пожаров в разных городах империи, народные массы взволновались и, видя в этом выражение гнева богов за нечестие христиан, про изводили на последних нападения, —

Антонин Пий издал эдикт к жителям разных городов, которым запрещал предпринимать что-либо новое против христиан. Таким образом император не оставлял во всей силе действовавшие до него законы. Антонину Пию приписывается еще, очень благосклонный для христиан, указ, запрещающий обвинять их за то только, что они христиане. Если это действительно так, то христианство было признано религиею дозволенною, хотя на время правления Антонина Пия. Во время народного возмущения против христиан в Греции, в это царствование погиб мученически епископ афинский *Публий*.

§ 43. Гонения на христиан при Марке Аврелие и последующих императорах до Гелиогабала (161–219 г.).

При преемнике Антонина Пия, *Марке Аврелие Антонине Философе* (161–180 гг.) произошла существенная перемена в отношениях римского правительства к христианскому обществу. Доселе правительство не разыскивало и не преследовало христиан, производя над ними суд лишь тогда, когда их приводили пред судилища и обвиняли жрецы и т. п. враждебные к ним лица; теперь оно само начинает преследовать их. Марк Аврелий, замечая постоянное увеличение христианских обществ и опасаясь за государственную религию, а вместе с нею и за целостность империи, старался всеми мерами поддерживать в народе отечественное служение богам, сам подавая этому поучительный пример. Кроме того, как государь–философ и притом стоик он смотрел на христиан, как на заблуждающихся, упрямых фанатиков и философски ненавидел их за их, по его понятию, суеверное учение, особенно за их горячую веру в будущую жизнь и святое одушевление при встрече со смертью. Понятно, такой государь не мог безучастно смотреть на христиан: если последние, думал он, суеверы и фанатики, не разумеющие лживости своих убеждений, и еще вредные для государства, то надо их разубедить, сообщить им правильные убеждения, чтобы они были достойными членами государства, хотя бы для достижения этой цели пришлось употребить насилие. И, вот, Марк Аврелий не только не останавливает, подобно прежним императорам, обычных народных возмущений против христиан, но даже сам издает «новый эдикт» касательно их, отличный от эдиктов прежнего времени. Теперь повелевается разыскивать христиан, убеждать их отказаться от своих заблуждений, и если они останутся непреклонными, предавать пыткам, которые прекращать только тогда, когда они сознают свои заблуждения и поклонятся богам. Таким образом преследование христиан началось и было очень жестоко. По прежнему, они обращались с просьбами о защите к самому императору, в лице своих апологетов, Мелетона еп. сардийского, Афинагора, христианского философа и др., которые, опровергая установившиеся на христиан взгляды, просили его, прежде чем гнать христиан, узнать их. Но государя философа, твердо убежденного в истинности своих взглядов на христиан, ничто не могло отклонить от принятых мер. Христиан разыскивали, принуждали отказываться от христианства, предавали пыткам в надежде отречения, пока, наконец, не замучивали до смерти. В это жестокое

гонение христиане заявили себя особенною ревностью в вере; никогда в предшествовавшие преследования не бывало столько мучеников, сколько теперь. Св. *Иустин Философ*, основавший в Риме христианскую школу, погиб там мученически в 165 году вместе с своими учениками. В 167 году особенно сильны были преследования в Смирне и в галльских городах – Лионе и Виене. Здесь народ и общественные власти соединились против христиан; в Смирне, кроме того, возбуждали народ еще евреи, Св. *Поликарп*, еп. смирнский, ученик Иоанна Богослова, восемьдесят лет прослуживший Господу, сожжен был на костре; также многие из его паствы были сожжены или преданы на растерзание диким зверям. В Лионе девяностолетний епископ св. *Пофин*, после бесчеловечных истязаний, брошенный в тюрьму, умер там, так же как умирали другие заключенные христиане. Особенно было поразительно, даже для язычников, то, что и малолетние из христиан твердо переносили все мучения и не отпадали от веры; таковы напр. были в Лионе пятнадцатилетний *Понтик* и сестра его *Бландина*, которых, прежде их собственного мучения, заставляли смотреть на мучении других. Общюю же формою казни христиан в это гонение было: для римских граждан – усечение мечем, для не граждан – костер и растерзание дикими зверями. Бывало так, что тела замученных христиан лежали массами на улицах городов.

Преемником Марка Аврелия был сын его, *Коммод* (180–192 г.). Это был государь слабый, не занимавшийся делами правления; с его правления начинается ослабление римской империи. Он не старался поддерживать планов и распоряжений своего отца относительно христиан, тем более, что лично он был благосклонен к ним, по влиянию на него одной женщины, вероятно, тайной христианки, Марции. Поэтому положение их при нем было довольно спокойное, хотя он не издавал никаких законов в пользу христиан и не отменял прежних. Все таки и при этом государе отдельные случаи преследования христиан были. Так в Риме был казнен сенатор *Аполлоний*, защищавший христианство в Сенате, обвиненный своим рабом в принадлежности к христианскому обществу, за каковой донос, впрочем, казнен был и раб, по закону *Нервы*, после междоусобной войны за императорский престол (192–196 г.), занял его, наконец, *Септимий Север* (196–211 г.), который вначале правления благосклонно относился к христианам, потому что один раб христианин, *Прокул*, исцелил его от болезни: но, после иудейской войны, он стал подозревать христиан в политических стремлениях, – поэтому, не отменяя прежних эдиктов против них в 202 году, издал еще новый, которым под страхом смерти; запрещалось принятие вновь иудейства и христианства. Руководствуясь

прежними законами относительно христиан и новым запрещающим распространение христианства, областные правители начали опять преследовать христиан. В это время в Александрии, в числе других был, обезглавлен ритор *Леонид*, отец знаменитого *Оригена*, а также брошена была в кипящую смолу девица *Потамиена*, поразившая своею красотой служителей казни и своим мужеством обратившая ко Христу одного из них, *Василица*, также принявшего мученический венец; в Лионе замучен св. *Иринея*, бывший епископом после Пофина, со многими из своей паствы. Особенно замечательны своим мужеством мученики Карфагенской области, где гонение было сильнее, чем в других местах. Здесь *Фивия Перпетуя*, молодая женщина, благородного происхождения, не смотря на просьбы и слезы отца и материнскую любовь к своему ребенку, объявила себя христианкою, за что была брошена в цирке на растерзание зверям и добита мечем гладиатора. Также участь, вместе с нею, постигла и другую христианку, рабыню *Фелицитату* мучившуюся родами в темнице, и ее мужа, *Ревоката*. При сыне и преемнике Севера, жестоком *Каракалле* (211– 217 г.) положение христиан не изменилось: частные и местные преследования продолжались, по тем же причинам, на основании того или другого закона касательно христиан.

§ 44. Положение христиан со времени Гелиогабала до Декия Траяна (219–249 г.)

Со времени Гелиогабала (219–249 г.) правительство римское, на некоторое время, оставило христиан в покое. Гелиогабал хотя был чудовищным явлением на императорском троне, не преследовал христиан, именно потому, что сам не был привязан к римской государственной религии. Следуя, по всей вероятности, эклектическому миросозерцанию, он особенно увлекся сирийским культом солнца, с которым стремился объединить и христианство. К тому же в это время, народные возмущения против христиан начинают ослабевать; при ближайшем знакомстве с ними, особенно в лице христианских мучеников, народ начинает разубеждаться в своих подозрениях относительно их жизни и учения, чему лучшим доказательством служит преемник Гелиогабала, император *Александр Север* (222–235 г.). Сын почтенной Юлии Маммеи, почитательницы Оригена, приглашавшей последнего к себе, чтобы послушать этого знаменитого христианского ученого, – Север смотрел на христианство с более правильной точки зрения, чем его предшественники. Христиане не составляли в его глазах общества заговорщиков, заслуживающих общую ненависть своею позорною жизнью. Усвоив себе миросозерцание платонической школы, эклектизма, по которому истинного богопознания надо искать не в одной какой-либо частной религии, а во всех, он познакомился и с христианством, и если не признал за ним значения безусловно истинной религии, то нашел в нем много достойного уважения и многое из него принял в свой культ, В его божнице, на ряду с признаваемыми им божественными существами, Авраамом, Орфеем, Аполлоном Тианским, стояло изображение Иисуса Христа. Вообще, по своему благородству и особнным воззрениям на христианство, такой государь, как Александр Север, не мог быть гонителем христиан. Известен даже случай его заступничества за них: в Риме произошел спор между христианами и язычниками за право владения одним городским местом, на котором была построена христианская церковь, и Александр Север решил этот спор в пользу христиан. Впрочем правительство римское все еще не объявляло христианства «*религиею дозволенною*».

Преемник его, *Максимин Фракиянин* (235– 238 г.) был врагом христиан, ив ненависти к своему предшественнику, которого он был убийцею. Чтобы утвердить себя на престоле, он решился поддерживать

фанатическую партию в язычестве. Впрочем, царствование этого императора было непродолжительно, и он успел только, по требованию префекта Каппадокийской провинции, Серениана, ненавистника христиан, издать эдикт, которым, на основании существовавших законов, повелевалось преследовать христиан и особенно пастырей Церкви. Разразившись в Понте и Каппадокии, гонение не было повсеместным, так что в других местах империи христиане пользовались спокойствием.

После Максимиана Фракиянина один за другим были императорами *Гордиан* (238– 244 г.) и *Филипп Аравитянин* (244–249 г.), оба настолько благосклонные к христианам, что впоследствии возникло о последнем из них мнение, что он был сам тайным христианином. Вероятно, эти государи, как и Александр Север, держались в религии эклектического образа мыслей. Преследования христиан при них не было. Таким образом, за исключением времени Максимиана Фракиянина, христиане, в течение тридцати лет, по возможности, пользовались покоем. В это время христианские общества успели распространиться в римской империи настолько, что не было города, где бы не было большого количества христиан. Христианство принимали даже многие из богатых и знатных людей. Но если народные массы по отношению к христианам сделались сдержаннее, если некоторые из императоров были лично благосклонны к ним, вследствие чего христианство так быстро и распространялось, то, с другой стороны, фанатическая партия в язычестве ненавидела их еще более и дожидалась случая, когда императорская власть будет в руках человека, разделяющего ее взгляды, чтобы произвести решительное истребление христиан. Это и случилось при Декие Траяне.

§ 45. Гонения на христиан при Декие Траяне и последующих императорах до Диоклетиана

Император Декий Траян (249–252 г.), достигший престола после борьбы за него с Филиппом Аравитянином, был ненавистником христиан уже потому одному, что его предшественник был к ним благосклонен. Кроме того как человек грубый, преданный одним воинским занятиям он не размышлял много о верованиях следуя древнему идолопоклонству и разделяя убеждение, что целостность и благосостояние государства стоит в неразрывной связи с сохранением древней религий. Партии языческих фанатиков такой государь и был нужен. С христианами, отступившими от древней государственной религии и стремившимися заменить ее; новою религию, Декий задумал поступить очень: просто – истребить их совершенно, как будто это было делом легким и возможным. В 250-году он издал эдикт ко всем областным правителям, которым повелевалось всеми мерами; не исключая и насильственных, принуждать христиан следовать древней государственной религии. Преследование христиан, которое началось вследствие этого эдикта, превосходило все предшествующие, за исключением разве гонения Марка Аврелия, своею жестокостию. Правительство установило определенный порядок преследования. К определенному времени все христиане известной области должны были являться в назначенное место и приносить жертвы. Если же они не являлись добровольно, то полиция разыскивала их, при пособии пяти избранных граждан. Некоторые из христиан, при начале гонения, спасались бегством; у таких конфисковалось имущество, и они теряли все гражданские права; некоторые изменяли христианству и приносили жертвы идолам; иные хотя не приносили жертв, но получали от суда «свидетельства» в принесении их; некоторые исповедовали себя христианами, но после жестоких мучений, ослабевали и отрицались от христианства; наконец, некоторые претерпевали всевозможные мучения, иногда оставались в живых, а большую частью, были замучиваемы до смерти. В это жестокое гонение было как много отпадших от христианства, вследствие того, что, в предшествовавшее ему спокойное время, многие принимали христианство не по истинному убеждению, так много и мучеников. Вся тяжесть гонения первоначально обрушилась на предстоятелей церквей, которые были, опорой для христианских обществ. Многих из них Церковь ублажает как мучеников и исповедников. В Риме, в начале гонения, пострадал епископ *Ф а б и а н* , равно как приняи

мученическую кончину *Карн*, епископ фиатирский (в Пергаме), *Вавила*, еп. антиохийский, *Александр*, еп. иерусалимский и другие; знаменитый же учитель Церкви, *Ориген*, претерпел множество истязаний. Некоторые из епископов, чтобы в такое тяжкое время не оставить паств своих без пастырского руководства, удалялись на время из тех, мест, где они жили и издали управляли ими. Так поступил св. Киприан карфагенский и Дионисий александрийский. А св. Григорий неокесарийский собран всех уверовавших из своей паствы и удалился с ними, на время гонения, в пустыни, вследствие чего у него совсем не было отпадших. К счастью христиан, гонения продолжалось только около двух лет, – Господь хранил свою Церковь. В конце 251 года Декий Траян был убит во время войны с Готами, и гонение на короткое время стихло.

При *Галле*, преемнике Декия. (252–253 г.), началось было снова гонение на христиан, по поводу того, что они отказались от языческих жертвоприношений, назначенных императором для.. умиловления богов, до случая общественных бедствий, но скоро прекратилось. В это гонение пострадали в Риме *Корнилий* и *Луций*, бывшие один за другим епископами.

Император *Валериан* (253 – 60 г.), в начале своего правления, был благосклонен к христианам, но, по влиянию своего друга, Макриана, фанатика язычника, в 257 году начал преследовать, христиан. Чтобы ослабить христианские общества, Валериан первым эдиктом 257 года приказал ссылат в заточение епископов, пресвитеров и диаконов с запрещением остальным, христианам составлять собрания. Эдикт не достиг цели, – сосланные епископы из мест заточении управляли своими паствами, напр. св. Киприан карфагенский и Дионисий александрийский, и христиане, по-прежнему, составляли собрания. Поэтому, в 258 году последовал второй эдикт, которым повелевалось: всех епископов, пресвитеров и диаконов казнить, сенаторов и всадников, если они, по лишении всех прав и имущества, остаются христианами, обезглавливать чрез усечение мечем; знатных женщин, если они остаются христианками, по лишении имущества, ссылат в заточение; находящихся на службе при дворе лишать прав и имущества и в оковах отправлять на работы в царские поместья. О низших классах общества в эдикте даже и не упоминалось, так как с ними и всегда поступали жестоко. После такого распоряжения началось жестокое избиение христиан. В числе пострадавших были еп. римский *Сикст II* с четырьмя диаконами римской церкви, св. *Киприан*, еп. карфагенский, принявший мученический венец на глазах своей паствы, как «враг римских богов и глава преследуемого общества» и множество

других епископов, пресвитеров, диаконов и простых верующих.

В 259 году, во время войны с Персами, Валериан был взят в плен и на престол вступил сын его *Галлиен* (260–268г.). Этот государь, не расположенный к крутым мерам, по своему характеру, и особенно в виду того, что империя, вследствие постоянных почти преследований христиан и частых внутренних и внешних войн, обессилевала все более и более, лишаясь большой массы народонаселения, – счел за лучшее изменить политику по отношению к христианам. Двумя эдиктами он объявил христиан свободными от преследования, возвратил им конфискованные в предшествовавшее царствование имущества, молитвенные дома, кладбища и т. и. Это в первый раз римское правительство предоставляло христианскому обществу права религиозного общества, *дозволенного* в империи, признавая за ним права имущественного владения. Для христиан наступает теперь надолго спокойное время. Хотя преемник Галлиена, *Домиций Аврелиан* (270–75г.), как грубый язычник, был не расположен к христианам, но и он признавал за ними предоставленные им его предшественником права. Так в 273 году, когда антиохийские христиане нуждались в поддержке со стороны гражданской власти, по поводу того, что еп. Павел (Самосатский), низложенный с кафедры за ересь, не хотел уступить антиохийской церкви, выбранному на его место, Домну, и обратились по сему случаю к императору, последний оказал им эту поддержку, признавая за ними право в потребных обстоятельствах пользоваться помощью правительства. Аврелиан решил отдать церковь тому из них, с которым в вероучении согласны епископы италийские и римский. В 275 году Аврелиан решил было уничтожить данные христианскому обществу права дозволенного общества изданием эдикта о возобновлении преследования христиан, но в том же году был убит во Фракии, и эдикт остался без выполнения.

В наступившее таким образом с 259 года мирное время, продолжавшееся до конца третьего столетия, христианство начинает распространяться с необыкновенною быстротою. В общество христиан вступают лица, высокопоставленные в государстве. Пользуясь правами дозволенного религиозного общества христианская Церковь открыто вступает в мир; появляются благоустроенные христианские храмы, в которых на главах язычников, совершается богослужение; члены Церкви более не скрываются от язычников; епископы разных церквей делаются известными язычникам и пользуются среди них уважением и почетом. Но фанатическая партия в язычестве была еще очень сильна; более чем когда либо она понимала, что теперь, при быстром распространении

христианства выступает уже вопрос о том, что должно существовать христианство или язычество, а за этим вопросом, по представлению язычников, следовал другой – о существовании самой римской империи, которая тесно была связана с языческой религией. Поэтому она употребляла все усилия, к тому, чтобы решить этот вопрос в пользу язычества совершенным истреблением христиан. Последним предстояло таким образом вынести последнюю, самую ужасную борьбу с язычеством, которое, при последнем издыхании, должно было выказать самое отчаянное сопротивление новой религии.

§ 46. Гонение на христиан в начале IV столетия при Диоклетиане и других императорах (до 313 г.)

В 284 году вступил на императорский престол *Диоклетиан* (до 305 г.), именем которого обозначается последнее жестокое гонение на христиан, хотя лично он принимал в нем не особенно большое участие. Это был государь благоразумный, справедливый, поставивший задачей своего правления восстановить блеск римской империи. Сознывая, как трудно одному управлять таким обширным государством, какова тогдашняя империя, на окраины которой производили постоянные набеги варварские народы (германцы), он в 285 году выбрал себе соправителем одного из своих полководцев, храброго *Максимиана Геркула*, которому поручил западную половину империи, с титулом августа. В 292 году он избрал еще двух помощников в управлении, с титулом кесарей, *Констанция Хлора* для Британии, Галлии и Испании, и *Галерия* для Иллирии. С последним Диоклетиан вступил в родственную связь, отдавши ему в замужество свою дочь, Валерию. При таких переменах в управлении империей, спокойствие христиан зависело от личных взглядов на них правителей и отношения последних к языческой фанатической партии.

Что касается самого Диоклетиана, то в продолжение почти двадцати лет своего правления, он не преследовал христиан, хотя лично быть привержен к языческой религии. Как благоразумный политик, стремившийся успокоить свое государство, Постоянно волнуемое внутренними смутами, может быть, еще по чувству человеколюбия, признаки которого были заметны в нем, он страшился начать кровопролитие христиан, тем более, что их было слишком много и общество их в недавнее еще время, правительством признано законно существующим. Максимиан Геркул, грубый солдат не входивший в политические соображения Диоклетиана, готов был преследовать христиан, особенно находившихся в его войске и нарушавших воинскую дисциплину отказом в принесении языческих жертв. Напротив помощник Геркула, кесарь *Констанций Хлор*, человек добросовестный, уважавший добродетель, где бы ее ни находил, смотрел на христиан без предубеждения, даже уважал их за твердость в вере, основательно предполагая, что они также твердо должны быть преданы государю. Но злейшим из всех правителей врагом христиан является зять Диоклетиана; жестокий кесарь *Галерий*. Происходя из низшего сословия и находясь под постоянным влиянием своей матери, Ромулы, грубой и суеверной

язычницы, он суеверно предан был языческой религии, и был страшным ненавистником христиан. В нем фанатическая партия язычников нашла сильную поддержку своей ненависти к христианам: он стал во главе ее и готов был истреблять христиан огнем и мечем, если бы вся власть была в его руках. Но как подчиненный кесарь, он не мог произвести открытого и всеобщего гонения на христиан; поэтому, в начале ограничился только частными преследованиями: удалением их от своего двора, изгнанием из военной службы и т. п. Вообще же Диоклетиан, пока был в силах и не состарился, сдерживал, вредные для империи, порывы Галерия к уничтожению христианства; кроме эдикта об удалении христиан из военной службы, он долгое время не соглашался издать какой либо общий закон относительно их.

Наконец в 303 году Галерий достиг своей цели; он приехал в Никомидию, что в Вифинии, местопребывание Диоклетиана, и поддерживаемый жрецами и другими фанатиками, настоятельно требовал издания общего закона против христиан. Старый, больной и тяготившийся делами правления Диоклетиан подчинился влиянию своего зятя и допустил преследование. Никомидийские христиане прежде других испытали нападение: их «великолепная церковь» была разрушена до основания, св. книги были отняты и сожжены. Вслед за этим последовал общий эдикт следующего содержания: все богослужебные собрания христиан запрещаются; христианские храмы должны быть разрушены; списки Св. Писания должны быть отбираемы и сожигаемы; все содержащее христианство лишаются своего достоинства и гражданских прав; у христиан рабов отнимается навсегда надежда на освобождение; при суде над христианами дозволяется употреблять пытки, без принятия от них жалоб. Один христианин увлекся до того несправедливостью такого эдикта, что публично изорвал его, за что и был осужден на смерть.

После такого эдикта началось преследование христиан по всей империи, – западные правители, к которым он препровожден был для исполнения, должны были поступать также сообразно ему. Благосклонный к христианам Констанций Хлор нашел однако же возможность применять его без особенного отягощения христиан, допустив только для формы разрушить несколько церквей, тогда как Максимиан Геркул начал дело разрушения храмов и сожжение св. книг с свойственной ему настойчивою жестокостию. После продолжительного спокойствия, которым христиане пользовались в последнее время, начавшееся гонение было особенно тяжело для них, но они показали себя достойными последователями Христа; не смотря на все запрещения, составляли богослужебные

собрания, если не в храмах, которые разрушались, то в подземельях (катакомбах); книги Св. Писания скрывали в потайных местах и, если не возможно было скрывать, то отдавали вместе с своею жизнью. Некоторые, впрочем, из христиан, из страха пред пытками, выдавали книги Св. Писания, и таких Церковь отлучала, как предателей.

Вскоре после издания эдикта преследование христиан усилилось еще более. В Никомидии, во дворце Диоклетиана два раза открывался пожар; Галерий обвинил в поджоге христиан и успел убедить Диоклетиана, что в этом случае следует предполагать заговор. В Никомидии начались розыски и пытки христиан. Заставляли всех приносить жертвы идолам; между прочим жена Диоклетиана, Приска, и жена Галерия, Валерия, по подозрению в принадлежности к обществу христиан, – а они действительно были христианками, – принуждены были отказаться от него и принести жертвы идолам. При этом казнены были христиане, занимавшие при дворе важные должности: *Петр, Дорофей и Горгоний*. Епископ никомидийский *Анфим* был обезглавлен, а также множество других христиан всякого возраста, пола и состояния было или сожжено на кострах, или утоплено в море. Происшедшее вскоре возмущение в Сирии и Армении дало Галерию новый повод обвинить в этом христиан, особенно лиц духовных, мнимых зачинщиков бунта и еще более усилить преследования. Поэтому поводу был издан *второй эдикт*, которым повелевалось всех предстоятелей церквей и других духовных лиц, как политических преступников, заключить в темницы. Немедленно заключено было в темницы множество епископов, пресвитеров и диаконов. Скоро появился и *третий эдикт*: всех заключенных, принесших жертвы идолам, освобождать, остающихся же непреклонными мучить жестокими пытками. И вот, много предстоятелей церквей и других духовных лиц замучено было до смерти. Наконец в 304 году, вышел *четвертый эдикт*; которым все христиане поголовно были осуждены на пытки и мучения, с целью принудить их к отречению от христианства и принесению жертв идолам. Теперь жестокость мучителей не знала никаких границ. Почти во всех областях империи началось открытое избиение христиан. Мучители нарочно выдумывали разные формы мук и пыток; чтобы склонить христиан к отречению. Современник настоящего гонения, Евсевий, епископ кесарийский, в своей Церковной Истории, рассказывает подробно о всех ужасах, сопровождавших преследование христиан в разных областях и городах империи. В Тире финикийском¹¹², после ужасных бичеваний на христиан выпускали пантер, медведей, диких кабанов, разъяренных огнем и железом быков. Как христиане переносили

все это, примером служит один юноша не имевший еще двадцати лет, который стоял без оков, молясь Богу, с крестообразно сложенными руками; не двигаясь и не уклоняясь в сторону от того места, где находился, между тем как медведи и пантеры, дыша яростию и смертию почти касались его тела. В Египте¹¹³ христианские семейства были предаваемы различным родам смерти. Одни, после скоблений, колесований, самых тяжких бичеваний и тысячи прочих различных пыток, были сожигаемы; других топили в море, иным отсекали головы; некоторые умирали еще в пытках, а многие; погибали, от голода. Были мученики, которых распинали на крестах, даже головою вниз, и если они и оставались еще в живых, то скоро погибали от голода. Особенно поразительны были пытки христиан в Фиваиде¹¹⁴: здесь тела мучеников терзали черепками, вместо ногтей, пока они не испускали последнего издыхания; женщин привязывали за одну ногу и поднимали вверх, так что они висели на воздухе вниз головою, других разрывали на части, привязывая к двум согнутым деревьям, которые мгновенно распускались. В Александрии¹¹⁵, по рассказу епископа Филеаса, одних били палками других, розгами, иных, бичами; тех плетью; этих кнутами; одних, со связанными назад руками, прикрепляли к столбу и некоторыми орудиями растягивали им руки, потом, следуя приказанию, терзали им все тело и обрубали ножами, не только бока, как делают с убийцами, но и чрево и голени и щеки. Других привешивали за одну руку к портику, так что они качались на воздухе, испытывая ужаснейшее всяких мучений растяжение составов и членов. Иных привязывали к столбам, с обращенными друг к другу лицами, так что ноги их ни на что не опирались, от чего увы, по причине тяжести тела, должны были резать его тем с большею силою. И терпеть это приходилось им не до той только поры, когда говорил или занимался ими проконсул, но едва не в продолжении целого дня. Во Фригии¹¹⁶ воины, окружив целый христианский городок и подложив огонь, сожгли его жителей с младенцами и женами, при громких их воплях ко Христу. И такие мучения христиан производились не несколько дней и не в течении какого-нибудь краткого времени, но в продолжении целых годов¹¹⁷. Число убиенных христиан простиралось иногда в один день от десяти до ста человек. Производя такую кровавую резню христиан, императоры полагали, что христианское имя истреблено совершенно, и хотели торжествовать победу над христианами, приказавши выбить медали в память истребления ими христианского имени и восстановления почитания богов. Но торжество врагов христианства было преждевременное. Выступали все новые и новые поборники его,

отдававшие себя на всевозможные мучения, но не отказывавшиеся от содержимого ими вероучения. Вообще в этой последней борьбе с отживающим язычеством падших христиан было гораздо менее, чем в гонение Декия.

Между тем в управлении империей произошли существенные перемены. Чрез два года после начала гонения в 306 год оба императора – Диоклетиан и Максимиан Геркул удалились от дел правления. Титул августов получили – на востоке Галерий, а на западе Констанций Хлор; место иже кесарей по избранию Галерия заняли – на востоке родственник его, *Максимин*, а на западе *Север*. Север, впрочем, скоро был свержен *Максентием*, сыном Максимиана Геркула, который сам на время принял участие в управлении для поддержки сына. Затем, в 306 году, произошла еще перемена в управлении империей, особенно важная для христиан. Констанций Хлор умер и титул императора на западе принял сын его, *Константин*, наследовавший благосклонность своего отца к христианам. Галерий не доволен был положением дел на западе; против Максентия он посылал войска, в защиту Севера, хотя и не успел помочь ему. Константина, которого он ненавидел еще прежде, когда тот находился при дворе Диоклетиана, некоторое время не признавал августом, опасаясь его противодействия, как вообще в политике, так и в преследовании христиан.

Такие политические обстоятельства были для христиан с одной стороны очень не выгодны. Галерий, сделавшись августом, не стеснясь ничем продолжал преследование их с такою же жестокостию, с какою начал, в чем усердным помощником его был на востоке кесарь Максимин. Но с другой стороны, после таких перемен, для христиан западной половины империи наступило более или менее спокойное время. Константин не преследовал христиан, а кесарь Максентий, как человек, мало заботившийся о делах правления, и притом человек развратный, если преследовал христиан, то не так систематично, как это было на востоке, ограничиваясь только частными истязаниями и поруганиями над ними. Таким образом, когда на западе гонение почти совсем прекратилось, на востоке оно продолжалось в ужасающих размерах.

Но, наконец, силы нападающих язычников истощились. Христианская Церковь, которую, по словам Спасителя, не одолеют и врата ада, не могла погибнуть от злобы людей. Злейший враг христиан, восточный император, Галерий, пораженный тяжкою и неизлечимою болезнию, убедился, наконец, что никакая человеческая сила не может уничтожить их. Поэтому в 311 году, незадолго до своей смерти, выбрав себе преемником одного из своих полководцев, *Ликийя*, вместе с ним и западным

императором, Константином, издал эдикт о прекращении гонения на христиан. Этим эдиктом римское правительство торжественно засвидетельствовало свое бессилие в борьбе с христианами, признавши, что, не смотря на все старания его обратить их к древнему учению отцов т. е. идолопоклонству, при чем многие из них подвергались смерти и разного рода лишениям, они всегда оставались твердыми в своей вере. Правительство принуждено было сказать: «пусть снова будут христиане, и пусть они строят свои молитвенные дома, с тем только, чтобы ни в чем не поступать против порядка».

Вследствие эдикта Галерия, Ликиния и Константина, христиане, гонимые и ссылаемые были освобождены от поисков и возвращены из заточений. Опять стали появляться христианские храмы, в которых по-прежнему начало совершаться богослужение. Даже язычники, познакомившиеся в последнее время еще ближе с христианами, радовались вместе с ними, изумляясь силе христианского Бога, защищавшего свою Церковь. Гонение прекратилось повсюду, потому что эдикт, изданный тремя императорами был обязателен для кесарей. Впрочем кесарь Максимиан, управлявший Сириею и Египтом, сначала по необходимости покорившийся требованию императоров, лично не признавал необходимости прекратить гонение, тем более, что, по смерти Галерия (311 г.), не признавая Ликиния августом, присвоил себе императорское достоинство. Он начал было по-прежнему преследовать христиан: запрещал им строить церкви, изгонял из городов, некоторых увечил, вырывая ноздри, или глава, отрубая уши, или руки и т. п., наконец, предавал некоторых даже смерти. Между пострадавшими известны, эмесский епископ, *Сильван*, сорок лет проходивший свое служение, кесарийский пресвитер *Памфил*, антиохийский пресвитер *Лукиан*, александрийский епископ, *Петр* и др.

На западе Максентий хотя тоже должен был подчиниться эдикту, но оставался таким же тираном своих подданных как христиан, так и язычников. Но скоро оба кесаря, не расположенные к христианам, принуждены были совсем оставить правление. В 312 году, император запада, Константин, поразивши тирана Максентия, сделался единодержавным правителем запада и склонился окончательно в пользу христиан; а в 313 году случилось тоже самое на востоке с Максимином, который был низвержен Ликинием, утвердившим свое господство в его провинциях.

§ 47. Эдикт Константина Великого в пользу христиан

В начале IV века, при постоянных столкновениях христиан с язычниками, последние знали уже хорошо, что такое христианское общество, какие его верования, какие его цели и стремления и не находили во всем этом ничего преступного, ничего достойного порицания. Массы народа, во время последних гонений, не принимали уже в них участия; даже некоторые проконсулы, напр. в Карфагене, были настолько благосклонны к христианам, что позволяли им скрывать священные книги. Видя, что христианская Церковь, после трехвековой кровавой борьбы за свое существование, не уничтожилась, не поколебалась даже в последнее, жесточайшее из всех гонение, язычники начали сознавать, что в ней присутствует истинная божественная сила, чудесно защищающая ее. Это сознание было присуще большинству язычников; только грубые фанатики, поднявшие последнюю борьбу за умиравшее язычество, чужды были его.

Император Константин, по истине великий, святой и равноапостольный, первый открыто высказал, это, тяготевшее над языческим миром, убеждение в истинности христианства и ложности язычества. До обращения своего в христианство он был одним из тех язычников, которые смотрели разумно, без предубеждения, как на язычество, так и на христианство. Первоначальное воспитание его под руководством отца, Констанция Хлора и матери, Елены, благосклонно относившихся к христианам развило в нем то беспристрастие и благосклонность к христианскому обществу, которыми он отличался впоследствии. Далее, с умом, философски образованным, Константин, по самому положению своему, имел возможность беспристрастно провести сравнение между отживающим язычеством и полным жизни и силы христианством. В юности своей он состоял при дворе Диоклетиана и Галерия, видел все ужасы гонения на христиан, видел их твердость и мог понять, какая божественная сила одушевляла их идти на мученичество. Под влиянием живых и сильных впечатлений юности в душе Константина, не находившего удовлетворения своему религиозному чувству в язычестве, начинается религиозный переворот. Хотя до 312 года он считался еще язычником и даже в 308 году совершал служение богам, но религиозное сомнение не покидало его. Сближение с христианами, находившимися при дворе его, нравственная жизнь которых поражала его, окончательно склонило его к предпочтению христианства пред язычеством. Кроме удовлетворения своего религиозного чувства новой религиею, Константин

в противоположность своим предшественникам императорам, видел в замене язычества христианством не падение империи, а обновление ее жизни новыми началами; он знал, каким братством соединены были между собою христиане, какими верными подданными они могут быть, и какой прочный оплот могут составить для государства. Чудесное видение креста, в 312 году, пред битвою с Максентием утвердило еще более Константина в намерении принять христианство и заявить об этом открыто. После победы над Максентием, он велел в Риме, на видном месте, поставить себе статую с крестом в правой руке и с надписью: этим спасительным знамением, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана. Очень скоро Константин, хотя еще он не принимал крещения, доказал самым делом свой переход в христианство. В начале 313 года, в Медиолане появился *манифест* с подписью его и Ликиния, позволявший каждому свободное исповедование своей веры и в частности разрешавший свободный переход в христианство всякому желающему. За тем Константин повелел возвратить все, отнятое у христиан и у церквей их во время последнего гонения, недвижимое имущество.

§ 48. Нападения на христиан со стороны языческих ученых и философов

В первые три века своего существования христианская Церковь, кроме нападений со стороны общества и правительства, испытала еще нападения со стороны языческой ученой литературы. Даже такие ученые, как Тацит и Плиний Младший, от которых можно было бы ожидать ученого беспристрастия, не входя в исследование сущности христианства, называли его «суеверием» – первый «пагубным», второй «грубым и безмерным». Но главным образом производили нападения на христианство последователи тех или других философских систем, из которых в особенном ходу были: стоицизм, эпикуреизм и платонизм, обновленный и называемый неоплатонизмом; в этих системах главным образом сосредоточивалась ученость языческого мира первых времён христианства. Прежде всего для каждого философа, или, лучше, принадлежащего к какой-либо философской школе, казалось странным и нелепым то, что люди, называемые христианами, вышедшие из Иудеи, страны, никогда не имевшей философии и науки, составившие общество по преимуществу из низших необразованных классов населения, берут на себя смелость решать безусловно те мировые вопросы бытия и жизни, над решением которых трудилось столько великих умов древности. Такие люди, по понятию языческих ученых, были не больше, как самообольщенные мечтатели, грубые суеверы. И, вот, языческие мудрецы начинают клеймить христианство и христиан презрением и насмешками, нисколько не заботясь о том, чтобы узнать, что такое христианство в своей сущности. Так, стоики, смотря на христианство с своей языческой философской точки зрения, презирали христиан за их мнимый фанатизм, при встрече со смертью, за их мнимую грубость и упорство в своей ереси, за святое одушевление мучеников и т. п. Ученик Эпиктета, *Флавий Арриан* (в половине II века), прямо приписывал христианам «помешательство», которое так укоренилось в них, что сделалось «обычаем». Стоик Марк Аврелий к своему философскому презрению христиан, как упорных суеверов, присоединил еще жестокие правительственные преследования.

Также и эпикурейцы, ограничивая человеческое бытие одним только чувственным миром и его наслаждениями и отрицая в человеческой природе присутствие высших стремлений, смеялись как над языческими богами, так и христианством, видя в возвышенном учении последнего одно только «блуждание по воздуху». *Лукиан Самосатский* (около 180

года), принадлежащий к школе эпикурейцев, в своем сатирическом сочинении «о смерти Перегрин» особенно несправедливо дерзко осмеивал общество христиан. Он выводит действующим лицом циника Перегрин, человека развратной жизни, который, приставши к обществу христиан, своею, будто бы удивительною, мудростию, приобрел в нем величайшее уважение, так что достиг того, что сделался учителем, пророком, пресвитером, епископом и даже исповедником за имя христово. Наконец, обогатившись на счет благотворительности христиан, он успел освободиться из темницы, в которую был заключен, и бросил христианское общество; в конце концов, после разных походов, Перегрин добровольно подверг себя сожжению. Осмеивая мнимую простоту и безрассудную, будто бы, благотворительность христиан, которую может воспользоваться всякий ловкий обманщик из корыстных целей, Лукиан в самосожжении Перегрин хотел выставить пародию на христианское мученичество. Впрочем, он далек был от того, чтобы желать преследования христиан силою; как вообще все эпикурейцы, Лукиан осмеивал только все, достойное, по его взглядам, смеха и, между прочим, христиан, этих будто бы глупых людей, которые выбрали себе Богом и Учителем Распятого, веруют в загробную жизнь. Несчастные, говорит он, окончательно уверили себя, что они совершенно бессмертны, и будут наслаждаться вечною жизнью, поэтому презирают смерть, и многие добровольно предают себя осуждению на нее. Так как первый их законодатель убедил их, что все они делаются братьями друг другу, как скоро, оставив всех, отрекутся от эллинских богов, будут поклоняться своему распятому учителю и жить по его законам, то, без дальних доказательств, поверив этому, они одинаково презирают и считают неважным все другое.¹¹⁸

Но более решительным и ожесточенным врагом христианства является Цельс, по своим воззрениям эпикуреец, усвоивший идеи платонической школы. В своем сочинении «*истинное слово*», написанном, по всей вероятности, около 150 г., он собрал и выставил все, что в его время говорили языческие ученые в опровержение христианства. Цельс не ограничивается уже одними насмешками и ругательствами над христианством; он старается, при посредстве научных приемов, доказать его несостоятельность. С предвзятою, злонамеренною целию опровергнуть христианство, он читал книги Св. Писания, не отличая, впрочем, еретических писаний от принятых Церковию, равно не отличая и истинной христианской Церкви от еретических обществ, отделившихся от нее. С очень поверхностною критикою и остроумием разбирает он

евангельскую историю и заподозривает достоверность всего в ней описываемого, представляя воскресение Спасителя – обманом, чудеса Его – какими то волхвованиями, или просто вымышленными баснями и т. п. По его представлению, христианство не больше, как произведение презираемого иудейства. Если есть в нем что истинного, так это заимствовано от греческих философов, как напр., основной догмат христианства о Втором Лице Св. Троицы, Боге Слове, учение о Котором, будто бы, развито плато- новою философию. Впрочем, воплощения Бога Слова и искупления людей Цельс не допускал никаким образом, выходя из того воззрения, что как неизменяемо Божество, так и мир, во всей совокупности своей жизни с добром и злом, существует и должен существовать неизменно, в силу однажды навсегда положенных Творцом законов; почему искупление человека чрез воплощение Божества представляется ему несообразным с неизменяемостью Творца, не имеющим места и невозможным для мира. Кроме нападений на основы христианства, Цельс постарался еще выставить христианское общество опасным для всех общественных и политических учреждений.

§ 49. Нападения неоплатоников на христиан

Греческая философия, подорвавшая народные языческие религии и стремившаяся заменить их собою, едва не достигла своей цели, когда неоплатонизм принял на себя задачу объединить философию и религию и тем удовлетворить религиозным потребностям общества. Философы неоплатонической школы, строя свою систему на началах греческой философии, особенно Платона, Пифагора и Аристотеля, принимали в свое мирозерцание и религиозные верования язычников. Философия теперь уже не отрицает языческих мифов и культов, как прежде; но, не принимая, впрочем, их вполне, дает им философский смысл, одухотворяет, так сказать, чувственные формы языческой религии, объясняя все иносказательно. Языческие боги, напр. являются не действительными существами, как веровали язычники, а простыми олицетворениями идей Верховного Существа, понятие о котором выработано Платоном. С другой стороны языческие мудрецы – Сократ, Платон, Пифагор, Аполлоний Тианский и т. и. являются не просто представителями философского движения человеческой мысли, но благочестивыми мужами и провозвестниками божественных идей в мире. Некоторые из этих мудрецов выставляются даже чудотворцами, напр. Пифагор (около 500 г. до Р. Хр.), Аполлоний Тианский (род во 2 г. после Р. Хр., ум. 97 года); в жизнеописании Аполлония, составленном в первой половине III века ритором Филостратом, ему приписываются разные сказочного свойства чудеса, в роде того, что он понимал язык зверей. Что касается христианства, то неоплатонические философы не исключали и его из своего мирозерцания, признавая Основателя Его, Иисуса Христа, великим и святым, и причисляя Его, сообразно с общими основами своей системы, к великим мужам древности, отличавшимся мудростью и благочестием, почему многое из учения Христа Спасителя и было введено в систему неоплатонизма.

Представителями такого направления философии были: Аммоний Сакк, живший в Александрии в конце II и начале III веков, и ученик его, Плотин, уроженец египетского города Ликоноля, около 240 г. основавший свою школу в Риме, из которой вышло много замечательных поборников неоплатонизма, распространившихся по Италии и востоку. Конечную целью этой философии было достижение религиозного созерцания, и философы, в роде Плотина, приписывали уже себе созерцание Божества.

Под влиянием неоплатонизма в языческом обществе, с третьего

столетия, началось оживленное религиозное движение, разрешившееся религиозно-философским эклектизмом, направлением крайне неопределенным, следуя которому каждый мог составлять свое особое религиозное мирозерцание. Известны личности даже из римских императоров, которые держались в религии экклетического образа мыслей, таковы: Гелиогабал, Александр Север, Филипп Аравитянин и, по всей вероятности, Констанций Хлор. Но если эти государи, усвоившие философию неоплатоников, не как мыслители, а как люди, искавшие себе правильных религиозных понятий, не считали нужным вооружаться против христианства, то рьяные поборники неоплатонизма не могли оставить его в покое. Имея в виду основную задачу своей системы – дать обществу религию, хотя составленную из тех же религиозных систем, но очищенную от грубого материализма философскими воззрениями, религию, по их понятию, совершенную, они относились неприязненно к христианству, которое не делало никакой уступки в пользу их системы, по прежнему оставалось единственно истинною религиею в мире, религиею Божественною, без всякого слияния с языческими религиями и философиею; а это-то и было противно желаниям неоплатоников, стремившихся преобразовать его в свою систему. Отсюда, естественно, происходят нападения неоплатоников на христианство и тем более опасные, что они признавали за ним известную долю истины, относясь к нему, по-видимому, беспристрастно.

Первый из неоплатоников начал полемику против христианства, *Порфирий*, родом из Тира, ученик Плотина (233–304 гг.). Он написал несколько сочинений, из которых более замечательны два: пятнадцать книг «против христиан» и, «о философии оракулов»; в них, и преимущественно в первом, он старается доказать ложность христианства, или, по крайней мере, подорвать к нему доверие. С приемами ученой критики, на основаниях исторических и философских, он рассматривает Св. Писание Ветхого и Нового Завета и приходит неожиданно к ложным заключениям, находя в Божественном Лице Христа Спасителя мнимые внутренние противоречия, непонимание Его учения апостолами, различие Его учения от учения апостолов, разделение апостолов между собою, разность в их учении и т. п. Общее воззрение у Порфирия то, что Основатель христианства – Христос был муж благочестивый; Он Сам не желал, чтобы Его почитали за Бога, но Его последователи, будто бы, дошли до такого ослепления, что сделали Его Богом. По отзыву церковного историка Евсевия, Порфирий, написавший против христиан сочинение, в котором порицая св. книги, касается их толкователей и, не могши найти

ничего худого в христианских догматах, за недостатком выводов прибегает к ругательству и нападает на изъяснителей¹¹⁹.

С подобными же приемами и еще с большею наглостию и лживостию, в гонение Диоклетиана, выступил против христианства другой неоплатоник *Иерокл*, написавший сочинение в двух книгах под названием: «правдивое слово христианам». Не находя никаких возражений против христианства, он опровергает его клеветами и нелепыми ругательствами, подобно своим предшественникам на этом поприще, обвиняет, без всяких оснований, во лжи апостолов, порицает жизнь Иисуса Христа, поставляя Его ниже языческого философа и ложного чудотворца, Аполлония Тианского, чудеса которого, как напр., понимание языка зверей, будто бы выше чудес Спасителя и т. п.

Сочинения языческих ученых, направленные против христианства, дошли до нашего времени только в отрывках, сохранившихся, по большей части, у христианских писателей, писавших опровержения на них; а многие, известные в первые века, и совсем не дошли, так как христианские госу- IV и V веков с особенною ревностию заботились об истреблении их.

§ 50. Христианские апологеты

Апологетические сочинения христианских писателей были двоякого рода: апологии *судебные*, написанные для правительства с целью побудить его остановить преследования христиан и апологии *научного характера* против нападений на христианство языческой философии и вообще язычества. Апологии первого рода начинают появляться со времен Адриана. Этому императору представляли свои апологии *Кодрат*, епископ афинский и *Аристид*, христианский философ. Но апология Аристида не дошла до настоящего времени, а от апологии Кодрата сохранился только небольшой отрывок, по которому можно, впрочем, судить о высоком достоинстве всей апологии. Именно Кодрат, – как надо полагать, для доказательства того, что христиане содержат истинную религию и что их не следует гнать, настаивает на том, что дела Спасителя – факт исторический и что исцеленные и воскрешенные Им жили на земле после отшествия Господа, а некоторые дожили даже до его времени. В царствование Антонина Пия выступил новый защитник христиан Св. *Иустин Философ*, до принятия христианства принадлежавший к школе платоников. Он написал две апологии, из которых особенно замечательна первая. Возмущенный несправедливыми нападениями на христиан со стороны народной массы и правительства, он, опровергнув все обвинения, взводимые на них язычниками и, доказав, что христиане люди невинные и безвредные, просит у императора, называющегося благочестивым и философом, только справедливости и защиты невинных. Но особенно много апологетов выступило во время жестокого гонения на христиан при Марке Аврелие. Тогда писали апологии Мелитон, еп. сардийский, *Клавдий Аполлинарий*, еп. иерапольский, *Афинагор*, христианский философ, и *Мильтиад*, христианский писатель. Только апология Афинагора сохранилась в целости, да в отрывках апология Мелитона; прочие же потеряны. И Мелитон, и Афинагор, обращаясь к императору философу, выражают надежду, что он беспристрастно рассмотрит дело христиан, признает несостоятельными все обвинения против них и прекратит преследование. При этом Афинагор основательно доказывает несостоятельность всех обвинений на христиан. Но все такого рода анологии, большею частью, не достигали своей цели; почему к концу II века совсем прекратились. Грубой физической силе языческого правительства христиане могли только противопоставлять свое необыкновенное мужество и терпение в перенесении всевозможных

преследований и мучений.

Не то было при нападениях на самые основы христианства языческого мира, устных и письменных. На все возражения против христианства последователи его отвечали множеством сочинений, в которых не только с успехом отстаивали свое вероучение, но, в свою очередь, выставляли основательные опровержения самого язычества с его религиею и философиею. Начиная со II века на поприще христианской защитительной литературы, выступает целый ряд писателей, которые, по своему научному образованию, могли вполне спорить с языческими учеными.

Св. *Иустин Философ*, написавший, кроме двух апологий, представленных правительству, еще несколько сочинений и, между прочим, «обличение эллинов», с философско-научными приемами, доказал истинность христианства и нелепость язычества. Против эллинов написано было еще несколько сочинений: *пять книг Клавдия Аполлинария*, епископа иерапольского (времен Марка Аврелия), христианского писателя *Мильтиада* (в конце II века), а также слово против эллинов «*о познании*» Св. *Иринея*, епископа лионского. Христианский философ, Афинагор (во второй половине II века) в сочинении «*о воскресении мертвых*» весьма основательно доказал язычникам истину воскресения. В «*послании к Диогнету*» писатель которого неизвестен, разрешаются все недоумения обрадованного язычника относительно христианской веры: напр., какому Богу веруя и какое совершая богослужение, христиане так презирают мир, кто основатель христианства, почему он явился в это время, а не прежде и т. п.

Также и в «*книге о вере*» *Феофила*, епископа антиохийского (умер. в 181 году), основательным образом опровергаются все возражения против христианства образованного язычника, Автолика, для которого и написана была эта книга, – как то о христианском Боге, Который невидим для людей, о воскресении, о том, что св. книги христиан новы и потому, будто бы, не заслуживают доверия и пр. При этом, с обширным знанием языческих философов и поэтов, св. Феофил обстоятельно доказал Автолику лживость и нелепость языческой религии, созданной самими же людьми, а именно поэтами. Известны также сочинения *Тертуллиана* (в конце второго и начале III веков) в защиту христианства, особенно «*две книги к народам*». Римский адвокат *Минуций Феликс* (умер. 210 г.) в своем сочинении «*Октавий*», написанном в форме разговора между христианином и язычником, с убедительным красноречием опровергал те возражения язычников против христианства, какие были в ходу после Цельса. А христианский философ *Ермий* (около 189 г.) в своем сочинении

«осмеяние языческих философов» сделал решительное нападение на философские системы, которыми язычники особенно гордились, выставив противоречия их одна другой и здравому смыслу. «Я готов следовать мудрецам образованного мира, говорит Ермий¹²⁰, если хотя двое из них будут согласны между собою в самых основных вопросах, и если они научат меня какой-либо истине ясно и доказательно; но, вот, я вижу, что они делят душу на несколько родов, что один объясняет ее природу так, другой иначе, и, признаюсь, подобная путаница отвращает меня. То я бессмертен и радуюсь, то смертен, и стенаю, вдруг меня разделяют на атомы, делают меня из воды, воздуха, огня, немедленно после того я уже не воздух, не огонь, а какой то дикий зверь, или рыба... Великие мудрецы Греции попеременно превращаясь меня во всех животных: я плаваю, пресмыкаюсь, лежу. Наконец, является Эмпедокл и доказывает мне, что я не более, как растение».

Помимо отдельных личностей выступает на защиту христианства и опровержение язычества известное александрийское огласительное училище; здесь по крайней мере, со второй половины II века главной задачей всего обучения было поставлено опровержение язычества и защита христианства. Александрия, бывшая центром языческой учености, сделалась рассадником и христианского просвещения. По своей близости к языческому ученому миру, александрийское училище должно было необходимо войти в столкновение с ним и защищать христианство научным путем. Учителя его, знакомые со всею языческою ученостию, так и поступали. Знаменитый *Климент Александрийский*, бывший с 191 до 202 г. учителем александрийского училища (ум. 220 г.), пред своими слушателями, нередко образованными и даже философами, выставил христианство, с его богооткровенным учением как единственно-истинную философию и единственно – истинное знание. При этом, с научным беспристрастием относясь к языческой философии, Климент находил в ней, как некогда и Филон, особенно в философии Платона, проблески истины, которым давал значение, подобное Моисееву закону, т. е. что греческая философия, в лучших своих проявлениях, служит приготовлением к принятию христианства, единственно истинного знания, подобно, как моисеев закон служил тем же для евреев. С этою целью Климентом, между прочим, написано сочинение под названием «протрептик» или «увещательное слово к элинам». С полным знанием дела, Климент доказывает в этом сочинении ложь и ничтожество созданной поэтами языческой религии сравнительно с христианством, раскрывает все безобразие языческих мистерий, гнусность идолов и

бесчеловечие языческих жертвоприношений. Рассматривая философские системы и находя в них нечто достойное уважения, Климент показывает, что все это давно известно из Откровения и в заключение говорит, что истинное учение о Боге заключается только в Откровении, которому и должно следовать.

Ориген, ученик и преемник Климента на поприще учительства, еще более знаменитый, чем сам Климент, продолжал дело защищения христианства в том же направлении. Он сознавал нужду в знании языческой философии для защищения христианства, чтобы иметь возможность бороться с учеными язычниками одинаковым оружием, поэтому сам слушал уроки известного представителя неоплатонизма, Аммония Сакка. Александрийское огласительное училище, в лице этих учителей двоих, оказало великую услугу Церкви в деле защиты христианства. Климент и Ориген не усомнились поставить защиту христианства на научную почву, так что борьба с языческими учеными производилась одним и тем же оружием. Они облекли в систему христианское вероучение и в противоположность языческой философии, произведению заблуждающегося человеческого ума, торжественно выставили его, как высшее Богооткровенное ведение, единственно-совершенную философию.

Тот же Ориген оставил после себя бессмертный труд на том же поприще защиты христианства; это «восемь книг против Цельса» – сочинение, написанное в 249 году, но имеющее значение в настоящее время. Известное сочинение Цельса, под названием: «истинное слово» направленное против христианства, наконец, было опровергнуто достойным образом. Ориген в своих книгах не держится особого плана; он выписывает по порядку все возражения Цельса против христианства из его «истинного слова» и тут же делает на них свои опровержения, не оставляя, таким образом, без опровержения ни одного пункта. При обширном знании языческой философии и глубоком понимании Св. Писания Ветхого и Нового Завета Ориген с спокойным сознанием своей силы и ничтожества возражений противника, опроверг все, что выставлено было против христианства злонамеренным клеветником Цельсом. Его доказательства касательно божественности Лица Господа Иисуса Христа и Его воплощения приводятся в сочинениях и современных богословов. В опровержение того возражения Цельса, что воплощение Бога несообразно с Его неизменяемостью, а также неизменяемостью мира, Ориген глубокими рассуждениями доказывает, что понятия язычников о Боге и Его отношении к миру, из которых выходит это возражение, ложны; что

Бог, промышляя о мире и человеке, по своей Божественной воле, устраивает жизнь мира и спасение человека, оставаясь сам неизменяемым. Действительность воплощения Бога Слова Ориген доказывает ветхозаветными пророчествами, которые все исполнились на Господе Иисусе Христе, о чем свидетельствует история, достоверность повествований которой не подлежит сомнению. Равным образом в доказательство того, что чудеса Господа Иисуса Христа не волхвования и не баснословные вымыслы, а также Его воскресение – не обман, как говорит об этом Цельс, Ориген ссылается на историю; он заявляет, что Господь Иисус Христос жил в историческое время; что повествования евангелистов о чудесах Его – не басня, а история; что воскресение совершилось при таких обстоятельствах, при которых не возможен обман; наконец, в доказательство Божественности Лица Господа Иисуса Христа и истинности Его воскресения, Ориген представляет известный даже Его современникам факт – проповедь апостолов и распространение ими христианства, не смотря на все препятствия.

Вообще в сочинении Оригена основательным образом опровергнуты не только возражения на главные пункты христианского вероучения, но и второстепенные вопросы, касающиеся христианства, как то: почему иудеи не приняли Иисуса Христа; почему Он явился в мир в последнее время, а не раньше; отчего происходят в христианской Церкви еретические общества; о достоверности сказаний Моисея о миротворении; об истинности воскресения мертвых и проч.

Сочинение неоплатоника Порфирия: *пятнадцать книг «против христиан»* также встретило множество опровержений со стороны христиан. Так св. Мефодий еп. патарский (постр. около 310 г.), Написал против него несколько книг, из которых, впрочем, ничего не дошло до нашего времени, кроме нескольких выражений, записанных Иоанном Дамаскиным. Церковный историк Евсевий, ученый еп. кесарийский (умер. 340 г.), в опровержение Порфирия, написал двадцать пять книг, равно как он же написал и против Иерокла небольшое сочинение. Вообще против неоплатоников написано было много сочинений христианскими Писателями и христианская письменность против них и вообще против язычества продолжалась во втором периоде Церковной Истории, после времен Константина Великого, когда христианство фактически уже восторжествовало над язычеством.

Глава 2. Ереси и секты

§ 51. Гностицизм

Начало гностицизму положено было еще в век апостольский. Из еретических мыслей гностического характера, высказанных отрывочно еретиками апостольского времени, во II веке развились цельные гностические системы. Число их было очень велико, так как каждый более или менее даровитый гностик составлял свою систему, видоизменяя ту, которой держался. Как обладающие единственно истинным знанием (*гносисом*), гностики II века, в своих системах предлагают безусловное решение всех вопросов бытия и жизни, о мироздании, происхождении в мире зла и освобождении от него, но решение фантастическое, так как в их мирозерцании фантазия востока берет перевес над строгостью и последовательностью мысли запада. Исходным пунктом мирозерцания большей части гностиков был *дуализм*: основными началами бытия и жизни они признавали с одной стороны *Верхнее Существо* или *Высочайшего Духа*¹²¹, с другой – *материю*¹²². Верхнее Существо они представляли самостоятельным, независимым началом света и добра, источником духовной жизни. Как источник духовной жизни, оно, по мнению их, производит из себя чрез истечение (*эманация*) множество духовных вечных (*αἰῶνες*) существ, которые составляют всю полноту бытия, почему совокупность их и называется *пниромою* (*πλήρωμα*). Число этих вечных существ или эонов¹²³ у разных гностиков различно, иногда даже доходит до 365¹²⁴, но общее их свойство то, что каждый эон чем дальше, в порядке истечения, отстоит от своего источника, тем слабее. Материя, наоборот, у гностиков представляется, как самостоятельное, независимое начало чувственной, материальной жизни и зла. В основных взглядах на начала своей системы гностики были согласны между собою, только в понятиях о свойствах материи расходились. Одни, согласно учению Платоновой философии о материи, как *μή ὄν* (*не суще*), видели в ней мертвый хаос, безжизненное, недейтельное начало; другие, согласно учению религии Зороастра об Аримане, видели в ней живое и деятельное начало зла. Отсюда, гностики распадаются на два класса – на гностиков *александрийских*, усвоивших первое воззрение, и гностиков *сирийских*, усвоивших второе. Дальнейшее их мирозерцание, при сходстве в существенном, развивается также в двух главных направлениях, согласно тем или другим взглядам на материю. По представлению александрийских и сирийских гностиков видимый мир (*κόσμος*), в котором проявляются духовное и материальное начала, произошел из смешения духовного мира

с материальным или плиромы с хаосов. Но самый образ смещения они представляли различно, сообразно взглядам на материю. Александрийские гностики учили, что один из эонов, далеко отстоящий от своего источника, вследствие своей слабости, оторвался от плиромы и упал в материю, или, по учению Валентина, частица последнего светлого эона, вследствие полноты света в плироме, истекла в материю. Сирийские – утверждали, что один из крайних эонов, постоянно находившийся в борьбе с материю, или царством сатаны, наконец, был поглощен ею. Так или иначе слившийся с материю эон, как дух царства света, порядка и гармонии, старается в области материи установить стройное течение жизни, – он делается творцом (*демиургом*) видимого мира, в котором соединяет вместе элементы духовные и материальные. Здесь, по представлению гностиков, лежит начало зла в мире – именно в противоположном и враждебном отношении элементов материальных к духовным. Только, по представлению александрийских гностиков, духовные элементы, или добро, берут перевес над материальными, или злом, так как материя, вследствие своей безжизненности, противодействует духу только, как масса, а не как живая, самодеятельная сила; по представлению же сирийских гностиков, наоборот, материя, или зло, так как она есть живая, деятельная сила, – берёт перевес над духом или добром. Далее, по учению тех и других гностиков, вся мировая жизнь проходит в постоянной борьбе духовного и материального начал, добра и зла; при чем дух стремится освободиться от уз материи, а материя – удержать его. Что касается до отношения демиурга к миру, то, по представлению александрийских гностиков, он старается помогать добру в борьбе со злом, для чего избирает себе один народ (иудейский), которому сообщает в моисеевом законе хорошие правила и полезные учреждения. По представлению сирийских гностиков, напротив, демиург, – так как он, будучи покорен царством зла, действует под влиянием его, – невольно помогает больше злу, так что все действия его, – в иудействе ли-то, или в язычестве, – направлены к удержанию духа в узах материи. Таким образом, александрийские гностики, в противоположность сирийским, признавали за иудейскою религиєю благотворное значение в деле освобождения добра от зла и даже видели в ней приготовление к окончательному освобождению первого от последнего. В этом последнем пункте т. е. в учении об освобождении добра от зла, или духа от уз материи, гностики входят в соприкосновение с христианством и обезображивают его учение. По их представлению, Верховное Существо, чтобы дать торжество духу над материю, или, как учили сирийские гностики, чтобы разрушить злое

царство димиурга, посылает в мир своего Верховного эона¹²⁵, который, по александрийским гностикам, при крещении соединился с человеком – Иисусом и при страданиях оставил его, а по сирийским, – принял только вид человека, не будучи им на самом деле (*докетизм*). Этот эон сообщил людям *гносис*, т. е. открыл им, что они духовного божественного происхождения и указал средства освободиться от материи. Вся деятельность этого Божественного посланника, или Христа тем и ограничивалась; – смерть его не имела у гностиков никакого значения, так как, по александрийским гностикам, страдал человек Иисус, а по сирийским, Божественный эон только казался страдающим. Христос сообщал людям двойное учение: избранным преподавал духовное учение, которое и имеют гностики, как люди по преимуществу духовные, а чувственное всем вообще людям, которое заключено в книгах Священного Писания и которое содержит вся христианская Церковь. Средства к освобождению от зла, сообщенные Христом и сохраняемые гностиками, – это возвышение духа над материей, при руководстве гносиса, борьба с нею и, наконец, действительная победа духа, при посредстве аскетизма. Сирийские гностики, преимущественно пред александрийскими рекомендовали аскетизм, как средство к уничтожению материи и освобождению от нее, запрещая употреблять мясо, вино и проч., и особенно вступать в брак, так как все это есть служение сатане.

В некоторых сектах сирийского гносиса аскетизм сменился нравственною распущенностию и развратом, – что, по мнению сектаторов, также вело к поруганию и уничтожению материи. Для таких еретиков всякий нравственный закон представлялся только ограничением свободного духа, переходящею формою, которая не должна стеснять человека, достигшего высшего гносиса. Еретики, державшиеся подобных взглядов составляют разряд гностиков *антиномистов*. Последним актом мировой жизни, по представлению всех гностиков, должно быть восстановление всего т. е. восстановление первобытного дуализма; причем духовный элемент сольется с своим источником, а материя обратится опять в состояние хаотические, из которого была вызвана.

§ 52. Замечательные представители гностицизма

Представителей гностицизма во II веке, развивавших в больший или меньшей полноте гностическое мировоззрение и собиравших вокруг себя общества последователей можно насчитать довольно большое количество. Из представителей александрийского гносиса более замечательны следующие:

1. *Василид*, родом из Сирии. Около 125 года он основал в Александрии свое еретическое общество, в котором после него был главою его сын, *Исидор*. Система Василида, кроме дуализма, представляет особенно богатое развитие эманации эонов; при чем в число их он принял таинственные числа из философской системы Пифагора. Последователи его, *василидиане*, склонившиеся более к сирийскому гносису с принятием дуализма и антиномизма, существовали главным образом на западе до IV века. 2. *Валентин*, родом иудей, из Александрии, принявший христианство. Около 140 года он пришел в Рим, чтобы распространить свое учение; но три раза был отлучаем от Церкви, после чего удалился на остров Кипр, где и основал свою секту; умер около 160 года. Система Валентина замечательна как богатством фантазии в описании развития жизни эонов, так и строгостью мысли и последовательностью изложения. У Валентина истечение эонов совершается попарно: из Верховного Существа, которое у него называется «глубиною», истекают «мысль и молчание», из этих – «ум и истина», а из последних «слово и жизнь» и т. д. до 30 эонов. Валентин имел большое число последователей, по его имени называвшихся *валентинианами* и существовавших в IV веке и даже далее. Между его учениками были такие, которые изменили учение своего учителя и образовали новые, имевшие также множество приверженцев, секты. Из них более замечательны: *Гераклеон* из Александрии, *Птолемей*, *Марк* из Палестины, облекший в каббалистическую символику учение Валентина и распространивший его в Галлии и Испании, и *Вардесан*, распространивший свое учение в Сирии, посредством гимнов, составленных им и его сыном, *Гармонией*. Все они жили и действовали во второй половине II века.

Из представителей сирийского гносиса замечательны: 1) *Сатурнин*, явившийся с своим гностическим учением в Антиохии около 125 года. Его система представляет строгое развитие дуализма, с отрицанием всякого значения иудейства в деле освобождения добра от зла, с докетизмом и аскетизмом. Фантазии в его системе заметно менее, чем у Валентина.

Последователей у Сатурнина было не много, но и те присоединились к другим сектантам, по всей вероятности, к Маркионитам. 2) *Тациан*, родом из Ассирии, ученик святого Иустина Философа, по профессии римский ритор; после мученической кончины своего учителя, он возвратился на восток, где и уклонился к гностицизму. При общих началах сирийского гносиса, он проповедовал особенно строгий аскетизм, запрещая употребление вина, даже в евхаристии. Его последователи за строгое воздержание получили название *энкратитов*, а вследствие употребления одной воды при совершении евхаристии – *идропарастов*, *аквариан*. 3) *Маркион*, сын синопского епископа. Когда он увлекся гностическим образом мыслей, то, по преданию, сам отец отлучил его от Церкви. Около 150 года Маркион пришел в Рим, познакомился здесь с гностиком Кердоном, пришедшим из Сирии, и, при его помощи, окончательно развил свою гностическую систему. Мирозерцание его проще, чем других представителей гностицизма, – именно у него нет эонов. Но дуализм тот же, что и у всех гностиков: с одной стороны – Благой Бог, с другой – материя с ее властителем, сатаной. Вместо эонов – творцов мира, у Маркиона есть среднее между двумя первыми началами существо – Бог справедливый, димиург, действовавший в Ветхом Завете. При всех своих усилиях спасти человечество от порабощения материи, последний не мог ничего сделать до тех пор, пока сам Благой Бог не сошел на землю и, принявши призрачное тело, не открыл себя людям, как Бог благодати к любви. Общество, основанное Маркионом, было многочисленнее всех других обществ сирийского гносиса. Маркиониты, существовавшие в IV веке в Риме, Италии, в северной Африке, Египте, Палестине и других странах, держались даже до VI столетия. 4.) *Карнократ*, родом из Александрии, где в первой половине II столетия основал свою секту; сын его, *Епифаний* распространил ее еще на острове Кефалонии. Система Карнократа принадлежит к антиномистическим: разврат для уничтожения материи был ее практическим результатом. Епифанию, умершему 17 лет от распутства на острове Кефалонии, посвящен был храм. Секта Карнократа, хотя небольшая по численности членов, существовала до VI столетия.

К подобным же антиномистическим сектам принадлежат секты: *антитактов*, *продициан* или *адамитов* и *офитов*; последняя с развившимися из нее партиями *сифитов*, *каинитов* и проч. *Антитакты* названы этим именем по основному пункту их практического учения – посредством разврата *противодействовать* нравственному закону еврейского Бога, димиура. По всей вероятности, название антитактов было

общим для антиномистических сект. *Продици а н е*, последователи Продика, называемые также *адамитами*, как дети Высочайшего Бога не хотели быть связанными никакими нравственными законами. *Офиты* по теоретическому учению примыкают к александрийскому гносису и именно с системе Валентина, а по нравственному к сирийскому. Они почитали *Змия*, как орудие *Софии* (эона), сообщившего человеку гносис о его духовной природе. Из этой секты выделялись еще партии *сифитов*, или *сифиан* и *каинитов*. Первые взяли себе за образец Сифа. Они учили, что на земле с самого начала было два рода людей – чувственных (Каин) и духовных (Авель); перевес был на стороне первых: Каин убил Авеля. Но на место его София творит духовного Сифа, который поддерживает свет в людях. Но вот, Хам вносит чувственность, которая заражает все человечество. Поэтому, Сиф во второй раз является на землю в лице Иисуса Христа. Сифиты проповедовали строгий аскетизм, который впоследствии перешел в разврат. Каиниты учили, совершенно наоборот, что Каин есть истинное орудие Софии и враг иудейского Бога – димиурга, с которым он вел борьбу. Все нечестивые люди Ветхого Завета также – орудия Софии и борцы против иудейского Бога; ряд их заканчивается Иудею искаротским, который поразил Мессию, иудейского Бога, и разрушил его царство. Сифиты держались до VI столетия.

§ 53. Манихейство

В начале III века гностические системы начинают терять свое значение. На смену их является новое еретическое учение, по началам сходное с гностицизмом, но отличающееся от него тем, что, при полнейшем отсутствии идей греческой философии и иудейского религиозного учения, оно представляет в себе смесь христианского учения с началами религии Зороастра; причем принцип дуализма проводится в нем полнее и последовательнее, нежели у большинства гностиков. Это еретическое учение есть *манихейство*, появившееся во второй половине III века в Персии и принявшее характер не столько ереси христианской Церкви, сколько новой религии.

Происхождение манихейства следующее. В 227 году парфянская династия арзакидов, властвовавшая в Персии, сменилась национальной персидскою династиею сассанидов. С восстановлением отечественного государственного устройства, у персидских магов проявилось стремление восстановить и древнюю отечественную религию Зороастра во всей ее чистоте. Но в среде магов произошло разделение: одни из них – и большинство, – изменили несколько древний дуализм, подчинив оба начала доброе и злое (Ормузда и Аримана) – одному Верховному Существо; другие, напротив, держались строгого дуализма и образовали даже особую религиозную партию магусеев. Во время борьбы этих партий один из магов, принадлежавших к последней из них, по имени *Манес*¹²⁶, славившийся своею ученостию, под влиянием христианства, распространявшегося на границах Персии и гностических воззрений, также бывших в ходу на востоке, задумал объединить христианство с дуалистическою религиєю Зороастра, находя сходство между ними. Манес сначала принял было христианство и даже был пресвитером в Агваце, но был отлучен от Церкви за свой персидский дуализм; за тем он является при дворе персидского царя, Сапора I, приобретает его благосклонность, но, по проискам противной партии магов около 270 года, принужден бежать в Индию. Здесь, именно в провинции Туркестане, заключившись в пещеру, он обдумал свою систему и изложил ее в сочинении, известном под названием *Ертенки-Мани*, которое составило для его последователей евангелие. Возвратившись в Персию, он снискал благосклонность царя Гормизда, но, при его преемнике, Варане I (276 г.), признанный побежденным в споре с магами, был казнен.

Система манихейства следующая: от вечности существуют два

царства: царство духа – добра и света и царство материи – зла и мрака. Первое состоит из пяти чистых стихий: огня, воздуха, света, воды и земли, второе из пяти нечистых: бури, тины, тумана, дыма и бессветного жара; в первом властителем Бог добрый, во втором – злой демон; первого окружают двенадцать, истекших из него, чистых духов эонов, второго окружают духи тьмы, которые как между собою, так и с своим властителем, находятся в постоянной вражде. Между обоими царствами вечная и враждебная противоположность. Однажды, демоны издали увидели очаровательный блеск царства света и из зависти к гармонии и порядку, существующему в нем, сделали на него нападение. Но Отец света для защиты границ, своего царства произвел из себя *зона – Матерь жизни*, который для непосредственной борьбы с духами тьмы, производит еще нового *зона–Первого Человека*, называемого у манихеев еще *Христом, Иисусом, Словом, Сыном Божиим*. Первый человек вместе с пятью чистыми стихиями, выступает на борьбу с демонами, но истощается в ней до того, что демоны успевают овладеть частью его светлого существа. В таких обстоятельствах Отец света, на помощь ему, производит еще *зона – Животворящего Духа*. Этот освобождает от опасности не поглощенную еще царством тьмы часть *Первого Человека* и помещает ее в солнце. Эта часть *зона* есть *бесстрастный Иисус*, или *бесстрастный Сын Человеческий*, часть же, поглощенная царством тьмы, есть *страждущий Иисус, страждущий сын человеческий*. Таким образом чрез страждущего Иисуса, в середине между двумя царствами, происходит смешение светлой материи с материей тьмы. Страждущий Иисус в этом случае делается «душею мира», – при помощи Животворящего Духа, он образует видимый мир, в котором перемешано духовное с материальным. Но световая материя стремится к освобождению от уз материи тьмы, чему помогает и бесстрастный Иисус, присутствующий на солнце, притягивая ее к себе, и Животворящий Дух, носящийся в эфире, очищая ее и препровождая в солнце. Сатана замечает освобождение страждущего Иисуса и, чтобы положить этому конец, предлагает своим духам собрать все, имеющиеся в царстве тьмы, частицы света в одно место и заключить их в материю. Действительно, демоны собирают частицы света, – и сатана, облекши их в материю, творит, таким образом, человека, по образу Первого Человека – *зона*, красотой которого он был поражен. Частицы света, сосредоточенные в одном месте, в человеке, составляют его разумную душу. Чтобы последняя не узнала о своем духовном происхождении сатана запрещает человеку вкушать от древа познания. Но бесстрастный Иисус, явившись на землю в образе змия, научает его вкусить от древа познания, и человек

узнает, таким образом, о своем происхождении. Чтобы затмить это, сознание, сатана задумал раздробить разумную душу человека. Из материи и оставшихся еще небольших частей света он создает жену, в которой, по незначительности света, берет перевес материя, чувственность от брачного союза человека с нею рождаются дети, от последних нарождаются новые поколения людей и т. д.; при этом разумная душа, разделяясь по отдельным личностям, дробится на мелкие частицы, которые удобно удерживаются в материальных телах, как в темницах. Царство тьмы, таким образом, совершенно овладело духовною природою и посредством ложных религий – иудейства и язычества – продолжало поддерживать свое обладание. Но, вот, для освобождения своей страждущей половины, бесстрастный Иисус сходит с солнца на землю, принимает только вид человека – Христа (докетизм), обращается с людьми, открывает им об их духовном происхождении и научает, как освободиться от материи. Что касается до страданий бесстрастного Иисуса, то Он только казался страждущим, представляя собою символ страждущего в материи Иисуса. Ученики Христа, как люди, в которых материя взяла перевес над духом, извратили его учение. Предвидя это, Христос обещался после себя послать в мир параклита – Духа Утешителя, чтобы он очистил его учение от всякой примеси чувственности, продолжил и исполнил Его дело. Параклит, действительно, явился в лице Манеса и открыл царство Божие. Теперь душа мира, узнавшая вполне о своем происхождении, при помощи Животворящего Духа, обитающего в воздухе, освобождается от оков материи, – впрочем только в одном человеке, так как в нем только она дошла до самосознания. Средство к освобождению от материи – это строгий аскетизм. Поэтому, Манес проповедовал удаление от брака, запрещал употребление вина, мяса и пр., запрещал даже срывать растения и убивать животных, так как в тех и других находится душа мира, хотя и в бессознательном состоянии. Последним актом мировой жизни, по системе Манеса, как и по системам гностиков, будет восстановление первоначального дуализма, когда этот видимый, мир сгорит и мировая душа возвратится к своему источнику. Сатана с своим царством будет уже бессилен тогда.

При своей жизни Манес сам стоял во главе основанного им общества; после же его смерти главою был его наместник. За тем в состав манихейской иерархии входили двенадцать апостолов, семьдесят два епископа, по аналогии с 12 апостолами и 70 учениками Христа Спасителя пресвитеры, диаконы и евангелисты. Все последователи Манеса разделялись на совершенных и несовершенных; первые посвящены были

во все таинства и обязывались строго соблюдать три обета воздержания: от брака, от употребления мяса и вина и от срывания растений и убивания животных (*signaculum sinus, oris et manus*). В разряд совершенных манихеи принимали посредством крещения маслом. Евхаристия совершалась только совершенными и при том без вина. Особенными праздничными днями у манихеев были – день солнца – в честь бесстрастного Иисуса, обитающего в солнце, и день смерти Манеса. Сочинения Манеса были в большом уважении у его последователей. Что касается до священного Писания Ветхого и Нового Завета, то первый манихеи совсем отвергали, а из второго выбирали только подходящее, по их понятию, к учению Манеса. Кроме того в большом употреблении были у них апокрифические сочинения – евангелие Фомы, Филиппа и т. п. Секта манихеев распространилась преимущественно в западной половине, Римской империи и особенно была сильна в IV и V веках. Против манихеев издавали строгие законы Диоклетиан (287 г.) и христианские государи IV и V столетий, но секта их не уничтожалась, скрываясь только на время и затем снова являясь, хотя и под другими названиями.

§ 54. Ереси антитринитариев

Ереси евионитов, гностиков и манихеев были результатом смешения христианства с иудейством, греческою философиею и персидскою религиєю Зороастра и создавались скорее на почве иудейской или языческой. Ереси *антитринитариев* или *монархиан* представляют явление совершенно другого рода. Допуская только отчасти иудейские или языческие воззрения и развиваясь в среде самого христианства, они составляют результат стремлений ограниченного человеческого ума уяснить и постигнуть одним разумом, без пособия веры, Богооткровенное учение, составляющее тайну для человека и принимаемое только верою.

Когда появилось в церковном просвещении научное направление, то Церковь отнеслась к нему довольно благосклонно. В христианских обществах восточной половины Римской империи, составившихся из народов, наследовавших греческое образование, разумное отношение к вероучению развилось особенно сильно и притом с благодетельными последствиями для Церкви. При пособии разума, христианское вероучение облеклось в научную систему, развивалось и уяснялось точнее и определеннее в сознании верующих, предохранялось от примеси суеверий и предрассудков, неизбежных при отсутствии разума веры и т. п. Но допуская участие разума в деле религии, Церковь всегда требовала, чтобы он действовал в послушании вере т. е. его деятельность должна всегда ограничиваться известною, свойственною ему областью, не касаясь области веры, так как в противном случае, один разум, без света веры, может довести до искажения вероучения, до ереси. Ереси *антитринитариев* появились в Церкви именно вследствие предоставления некоторыми членами ее разуму исключительного, в ущерб вере, значения в деле религии. Предметом их был главный христианский догмат о единстве и троичности Бога.

Учение о едином Боге, бывшее главным догматом иудейской религии, сделалось главным догматом и религии христианской. Но в христианстве, как религии совершеннейшей, этот догмат раскрыт точнее, чем в иудействе; именно христианство предлагает учение о едином Боге в трех лицах. С самых первых времен Церковь содержала это учение именно так, как оно заключается в Откровении. Но нашлись люди, для которых простая вера в откровенное учение о Святой Троице казалась недостаточною. Получив научное образование и усвоив себе, вследствие сего, привычку разрешать все; вопросы и явления жизни, по началам

разума и науки, ясно и отчетливо, некоторые из христиан решились и догмат о Святой Троице подвергнуть научному разъяснению, низводя таким образом Богооткровенное учение на степень обыкновенного предмета для рассуждения. Поставляя вопрос, как один Бог может быть в трех лицах, они находили, что допущение единства и троичности в Боге в одно и то же время есть само в себе противоречие, не допускаемое требованиями разума; почему и пришли к признанию только единства в Боге и отрицанию в Нем троичности. Державшиеся такого неправильного учения о Святой Троице, по всей справедливости, признаны были Церковью за еретиков, называвшихся *антитринитариями* (противутроичниками) или *монархианами* (допускавшими в Боге единое лицо). По различию взглядов этих еретиков на лица в Боге, или как на *силы* Его, или как на *формы* Его проявлений они разделяются на два класса – на *динамистов* и *модалистов*. Учение динамистов следующее: Бог есть в строгом смысле единое существо: лиц в нем нет. Что же касается до Второго Лица Святыя Троицы, Сына Божия и Третьего, Святого Духа, то это – не лица Божественные, имеющие отдельное, личное бытие, а только божественные силы т. е. силы одного и того же Бога. Так Второе Лицо есть Божественная сила, посредствующая между Богом и миром, или орудие Бога, посредством которого Он проявляет себя в мире; эта сила существует в Боге от начала, явилась на земле в лице Иисуса Христа, со времени Его сверхъестественного, наитием Святого Духа, рождения: от Девы Марии, и действовала в Нем до конца Его жизни. Дух Святой есть Божественная сила, которой свойственны известные действия – освящение, сообщение благодатных даров и проч. *Антитринитарии динамисты* в учении о Втором Лице Святыя Троицы напоминают евионитов. *Антитринитарии модалисты*, также допуская в Боге единое существо, в лицах Святой Троицы видели формы или образы, в которых оно открывается миру. Так в Ветхом Завете Бог открывался в образе или форме Бога Отца, в Новом Завете, для искупления рода человеческого, Он явился в форме или виде Сына, в лице Иисуса Христа, страдал и умер; от чего этого рода еретики называются еще *патрипассианами*, (допускавшими страдания Бога Отца); наконец, в виде Духа Святого Бог является в благодатном освящении и возрождении людей. Таким образом и этого рода антитринитарии отрицали личное бытие лиц Святой Троицы. Их учение о воплощении напоминает учение гностиков – докетов о том же предмете.

Представителями учения первого класса антитринитариев были: 1, *алогии*, названные так потому, что отрицали учение о Боге-Слове. Вместе с тем они отвергали евангелие и апокалипсис Иоанна Богослова и вообще не

хотели знать ничего таинственного в религии. Сведения об этой партии антитринитариев-динамистов очень скудны; Даже есть сомнение, составляли ли алоги отдельное еретическое общество, и не обозначались ли этим именем все вообще антитринитарии-динамисты. Во всяком случае, появление алогов относится ко второй половине II века. 2. *Феодот Кожевник*, родом из Византии. Около 200 года он является распространителем своего учения в Риме. Но римский епископ, Виктор отлучил его от Церкви. Между учениками Феодота Кожевника особенно замечательны были *Феодот*, по прозванию *Банкир* (меняла денег) и *Наталис*, исповедник за имя Христово, а потом епископ секты Феодотиан в Риме. Впрочем, Наталис, побуждаемый видениями, возвратился к Православной Церкви. Феодот Банкир в своем учении пошел еще дальше своего учителя, утверждая, что Христос ниже древнего Мельхиседека, ибо последний был посредником между Богом и ангелами, а первый между Богом и людьми. Последователи его, посему, назывались *мельхиседекианами*. 3. *Артемон* или *Артема* выступил в начале III века с своим учением тоже в Риме, при папе Зефирине, который и отлучил его от Церкви. Свое динамистическое учение Артемон называет древним, господствовавшим до папы Виктора (в конце II века), который, будто бы, отступил от него, т. е. осудил это учение. 4. *Павел Самосатский* (из сирийского города Самосаты), занимающий видное место между антитринитариями-динамистами. Он был епископом антиохийским во второй половине III века и, спустя сорок лет, после Артемона вздумал возобновить его учение, хотя с некоторыми особенностями. У Павла строгий еврейский монотеизм. Иисус Христос в строгом смысле не есть Бог; в Нем от рождения обитала, в высшей степени, чем в ветхо-заветных пророках, божественная мудрость или божественный разум; только в нравственном смысле Он может быть назван Сыном Божиим. Епископы церквей, ближайших к Антиохии, скоро заметили ересь Павла Самосатского и собирали для рассуждения о нем несколько соборов; но он всегда успевал скрыть свое настоящее учение. Только на последнем соборе (269г.) пресвитеру *Мальхиону*, бывшему наставнику одного софистического училища в Антиохии, удалось, посредством диалектического спора, торжественно обличить его в ереси; после чего Павел был осужден и извержен из сана. Но он нашел себе поддержку в Зиновии, царице Пальмирской, которая тогда владела Сириею, и удержал за собою антиохийскую кафедру до 272 года, когда император Аврелиан, поразивши Зиновию, изгнал, по просьбе христиан, Павла из Антиохии и предоставил епископскую кафедру избранному на его место Домну.

Последователи Павла Самосатского, под именем *П а в л и а н*, существовали до IV столетия.

К *антитринитариям-модалистам*, составляющим второй разряд еретиков-рационалистов, принадлежат: 1. *Праскей*, родом из Смирны: в гонение Марка Аврелия, он подвергался преследованиям и стяжал славу исповедника. Когда в последнее десятилетие II века он явился в Рим, то некоторое время считали его православным и поборником веры, так что сам епископ Виктор находился под его влиянием. Только пресвитер карфагенский, *Тертуллиан*, бывший в то время в Риме, обличил его в ереси. Праксей отождествлял Бога-Отца с Богом-Сыном, говоря, что до воплощения существовал один только Бог-Отец, который после воплощения стал Сыном Божиим. 2. *Ноэт*, родом из Смирны, был первоначально пресвитером, но за свою ересь (около 200 г.) осужден на соборе пресвитеров. Ноэт считается отцом патрипассиан. Его ученик, *Епигон*, пришедши в Рим, распространил там его учение, а ученик последнего, *Клеомен*, основал настоящую школу *ноэтиани* сам стал во главе ее. Учение Ноэта такое же, какое и у Праксея. Епископы римские, *Зефирин* и *Каллист* (203–221), покровительствовали ноэтианам и даже сами увлекались их учением. Только, по смерти Каллиста, учение ноэтиан стало терять свое значение в Риме. 3. Берилл, епископ вострийский (в Аравии), учивший, что Спаситель и Господь наш до появления своего между человеками, не имел личного бытия и особой божественности, что в Нем обитало только Божество отчее¹²⁷. На соборе против Берилла (244 г.) присутствовал *Ориген* и так хорошо доказал еретичество в учении Берилла, что последний решился возвратиться к православному образу мыслей и даже письменно благодарил *Оригена* за свое обращение. 4. *Савеллий*, птолемаидский (в Египте) пресвитер (250–260 г.). Его учение представляет полнейшее развитие системы монархиан–модалистов; он первый ввел третье лицо Святой Троицы, Святого Духа, в круг своего созерцания и таким образом закончил их учение. У Савеллия Бог есть безразличное единство; Он открывается в мире в различных видах бытия и под различными именами: то как Отец, то как Сын и Дух святой. Отдельного бытия Второе и Третье лица Святой Троицы не имеют. Против Савеллия восстал Дионисий, епископ александрийский (261 г.), и осудил его на соборе александрийском. Дионисий, епископ римский, которому было сообщено о ереси Савеллия, также подверг его осуждению на соборе римском (262 г.).

Относительно ересей антитринитариев следует заметить, что они вообще не имели большого вредного влияния на ход церковной жизни. Это

были только первые слабые попытки разума низвести откровенное учение на степень обыкновенного умозрения.

§ 55. Монтанизм

В ряду ересей II и III веков *монтанизм* представляет собою явление особого характера. Монтанистическое учение имеет характер не столько еретический, сколько раскольничий. Исходный пункт монтанизма, в противоположность антитринитариям, отрицание участия разума в деле веры и слепая вера во все откровенное, граничащая с суеверием. Основателем монтанизма был некто *Монтан*, родом из мизийской деревни, Ардавы, на границе с Фригиею, человек совершенно неученый; он жил и действовал во второй половине II века. С своим учением Монтан выступил, спустя не много после обращения в христианство, в Пепузе, что во Фригии¹²⁸ отечестве самазбродного культа Цибеллы. Будучи строгим до фанатизма ревнителем благочестия, понимаемого в смысле совершения внешних подвигов, Монтан, под влиянием еще верования о наступлении тысячелетнего Царства Мессии, возымел мысль усилить строгость Церковной дисциплины, с целью приготовления ко вступлению в это царство. Вообразив себя вдохновенным свыше пророком, тем *параклитом*, которого обещал послать на землю Спаситель, он, в состоянии исступления, или экзальтации, начал проповедовать о своем назначении очистить Церковь от примеси чувственности, привести ее членов в меру возраста, совершенна. Люди, умевшие различать истинных пророков от ложных, с негодованием порицали Монтана; но люди невежественные, прельщаясь мнимою святостию его жизни и даром пророчества, напротив, увлекались его учением и некоторые сами начинали пророчествовать также сумасбродно, как Монтан. Между прочим к Монтану присоединились две женщины – Прискилла и Максимилла, которые, подобно ему, говорили бессмысленно, неуместно и странно. На востоке, где впервые появился монтанизм, он вследствие значительного развития церковного просвещения, не имел большого значения и скоро был осужден; но на западе, где уровень церковного просвещения стоял на низшей степени, монтанистический образ мыслей, занесенный сюда в конце II века, распространился очень сильно. Римские епископы, Елевферий и Виктор, приняв в общение пришедших с востока монтанистов, сами склонились к их образу мыслей. Только в 193 году ученый еретик Праксей, пришедший с востока, успел отклонить Виктора от монтанизма: но последний хотя и прекратил общение с монтанистами, все таки держался монтанистических взглядов, доказательством чего служит его спор о времени празднования Пасхи. Карфагенская церковь

вполне усвоила воззрения Монтана; пресвитер Тертуллиан, увлеченный строгими правилами жизни монтанистов и сделавшийся сам монтанистом, облек даже монтанистическое учение в систему.

Учение монтанистов в сущности не было отлично от обще-церковного учения: в противоположность гностикам и антитринитариям, они держались во всем положительного учения Церкви. Главный пункт, в котором они погрешали против Церкви, – это их учение о продолжении в Церкви Откровения и благодатных даров. По их понятию, Церковь Божия на земле развивается, под водительством благодати постепенно и имеет свои возрасты. Так под водительством Откровения в моисеевом законе, она была в периоде отрочества, под благодатию Христовою или евангелием в периоде юности, при откровениях чрез Монтана и других пророков Церковь вступила в период мужества. Но новые откровения монтанистов направлены не к сообщению нового догматического учения, а к переустройству собственно церковной жизни на более строгих началах. Поэтому монтанисты проповедовали строжайший аскетизм, удаление от брака, соблюдение особых постов, кроме положенных Церковью и т. п. Во время гонений монтанисты заповедовали всеми силами стремиться к получению мученических венцов; если же случалось кому отпасть от Церкви, то таких они положительно запрещали принимать обратно в общение с Церковью. Все, впавшие в тяжкие грехи, напр. убийцы, прелюбодеи и т. п. грешники, по мнению монтанистов, также не должны быть принимаемы в Церковь, если бы они даже и раскаялись. Вообще монтанисты всю жизнь христиан обставляли самыми строгими правилами, определяя даже цвет (траурный) платья для женщин. Их аскетические требования приводили к отрицанию всех земных радостей, всего, что имело в себе вид любви к миру и наслаждения в мире, хотя бы самого невинного, напр. искусством, или наукою. Вся эта внешняя строгость жизни нужна была для того, чтобы достойным образом иступить в Царство Христово, которое откроется в Пепузе и будет существовать тысячу лет. Допуская возможность изливания даров Святого Духа на всякого верующего и поставляя своих пророков выше епископов, монтанисты тем самым отрицали всякое значение иерархии в Церкви и прерывали всякое единение с нею. Поэтому Церковь отделяла их от себя, как сектантов. Образовав отдельное общество, монтанисты называли себя духовными христианами, а всех православных – душевными. Под управлением своего патриарха, обитавшего в Пепузе, монтанисты существовали до VI столетия и даже далее.

§ 56. Хилиазм и его опровержение

Учение о наступлении на земле *чувственного тысячелетнего* царства Христова, известное под названием *хилиазма*, не только составляло принадлежность еретических систем – евионитов, монтанистов, но было принимаемо даже некоторыми отцами и учителями Церкви. Начало хилиазма восходит ко временам дохристианским. Большинство иудеев, как известно, видело в обетованном Мессии не Исккупителя от греха, проклятия и смерти, а земного царя, который оснует свое царство на земле и предоставит славу и власть иудейскому народу. Иудеи, принявшие христианство внесли такие воззрения и в Церковь, тем легче, что христиане, по слову Спасителя, ожидали Его славного второго пришествия. Тяжелая участь христиан, во время всевозможных преследований и страданий, еще более укрепляла некоторых из них в той мысли, что необходимо должно наступить на земле славное тысячелетнее царство. В этом чувственном смысле христиане, разделявшие хилиастические воззрения, объясняли ветхозаветные и новозаветные пророчества, особенно апокалипсис, в котором, между прочим, говорится¹²⁹, что сатана будет связан на *тысячу лет*, что мученики за Христа оживут и будут царствовать с Ним тысячу лет. Хилиазм особенно был распространен во II веке, в церквах малоазийских и фригийских. Папий иерапольский, Иустин философ, Тертуллиан, Ириней и другие разделяли ошибочные хилиастические воззрения. Впрочем, Ириней представлял тысячелетнее царство Мессии, как переходную ступень для благочестивых к царству небесному. В III веке в Египте также сильно распространился хилиазм. Здесь, под предводительством епископа Непота, целая арсеноитская область держалась хилиазма и отделилась даже от александрийской церкви.

Хилиазм, как заблуждение у еретиков и как ошибочное мнение у православных, встретил, при своем появлении, опровержение со стороны Церкви. Опровергая монтанистов, евионитов и гностика Керинфа. Церковь вместе с тем опровергала и хилиастические воззрения, входившие в учение этих еретиков. То обстоятельство, что хилиазм был составною частью учения еретиков, особенно содействовало его уничтожению между православными. Ревностным обличителем хилиазма был, между прочим, римский пресвитер Каий (ум. около 217 года), вступавший в диспут с главою римских монтанистов, Проклом и написавший сочинение об этом диспуте. Обличителем египетских хилиастов является известный

Дионисий, епископ александрийский, который, следуя аллегорическому и таинственному объяснению Св. Писания александрийской школы, по своим убеждениям был ревностным противником буквального и чувственного понимания пророческих сказаний. Непот, епископ арсеноитский, не сочувствуя направлению александрийской школы, написал в опровержение его сочинение под названием «обличение аллегористов», в котором тысячелетнее царство Христово, изображенное в апокалипсисе, принимал за царство земное с земными удовольствиями. Дионисий александрийский, в опровержение Непота, не только написал сочинение об *обетованиях*, даже лично вел диспут с хилиастами, и на соборе 255 года успел убедить многих из арсеноитских христиан отказаться от хилиазма. Затем, когда в начале IV века христиане освободились от гонений и для Церкви наступили более или менее спокойные времена, мечтания хилиастов о тысячелетнем на земле царстве христовом уничтожились сами собою.

Глава 3. Учение Церкви и Богословская наука

§ 57. Общие основания неизменного учения Вселенской Церкви

Христианское вероучение, проповеданное Господом Иисусом Христом и апостолами, еще во времена апостольские, сосредоточено было в двух источниках – *Св. Писания* и *Св. Предании*. На все последующие времена оно должно было остаться неизменным в том самом виде, в каком заключается в этих источниках. Поэтому, первою заботою Церкви времен после апостольских было привести к единству источники своего вероучения. Прежде всего нужно было составить сборник всех писаний, несомненно принадлежащих апостолам, или запечатленных их авторитетом, который бы был образцом апостольской веры для всей Вселенской Церкви. К этому побуждало Церковь и то, что еще во времена апостолов, а особенно во II веке, стали появляться с одной стороны писания учеников апостольских, а с другой сочинения подложные, надписываемые именами апостолов, нередко заключающие еретическое учение. Нужно было отделить священные, собственно апостольские писания от неапостольских и еретических. В этом случае Церковь поступала с строгою разборчивостию, и только после продолжительных исследований о той или другой книге, хотя принадлежавшей апостолам, но не общеизвестной, принимала ее в состав сборника священных книг, раним образом, постепенно образовался один во всей Вселенской Церкви сборник священного Писания Нового Завета, или *канон* священных книг Нового Завета. На существование канона Св. книг в конце I-го и начале II-го веков указывают отчасти ссылки на Евангелии, Деяния и послания апостольские в писаниях мужей апостольских. Но более ясные указания на канон священных книг и состав его начинаются с половины II века. Еретик Маркион, живший около половины II века, имел уже канон св. книг, в котором, впрочем, не поместил тех книг, которые особенно не благоприятствовали его лжеучению. Конечно, Маркион, при составлении своего канона, взял пример с Церкви. И действительно, писатели второй половины II века, напр. Ириней, Климент александрийский, Тертуллиан свидетельствуют о каноне священных книг, в состав которого входили четыре Евангелия, Деяния апостольские, тринадцать посланий апостола Павла, кроме послания к Евреям, 1-е послание Петра, 1-е Иоанна и Апокалипсис. Прочие книги Священного Писания, известные, как несомненно-апостольские в одних церквах, не были известны в других и потому не упоминаются вышеозначенными церковными писателями в

числе канонических и даже оставляются под сомнением, хотя на некоторые из них и у них есть ссылки. Тоже было и в веке: писатели разных церквей говорят без всяких колебаний о тех книгах, которые известны в их церквях, как о канонических, о других же выражаются нерешительно. Так напр. Ориген высказывается неопределенно о следующих книгах, подлинность которых не всеми еще церквями была признана: послания к Евреям, 2-м послании Петра, 2-м и 3-м послании Иоанна и соборных посланиях Иакова и Иуды. А Дионисий александрийский высказывает сомнение относительно принадлежности Апокалипсиса апостолу Иоанну. В начале IV века, но свидетельству Евсевия кесарийского, были еще спорными книгами 2-е и 3-е послания Иоанна, соборные послания Иакова и Иуды и 2-е Петра т. е. те, о которых выражался неопределенно Ориген, кроме послания к Евреям. Но в IV веке и эти книги признаны были Церковью каноническими. Принимая таким образом в канон священных книг писания апостольские, Церковь вместе с тем исключала из числа священных книг писания неапостольские и решительно отвергала все книги подложные и апокрифические, каковы напр. евангелия «от Евреев», «от Египтян», «Евангелие Никодима», «Евангелие Фомы», «Деяния Павла», «Апокалипсис Петра» и проч.

Также заботливо охраняла Церковь неприкосновенность Св. Предания. Только то предание признавала она священным, апостольским, которое, несомненно, шло от самих апостолов и притом не противоречью их писаниям. Таким образом, предание, сохранявшееся в церквях, основанных самими апостолами, считалось истинно-апостольским преданием. А что эти церкви сохраняли предание неповрежденным, – за это ручался надежный и верный способ его хранения. Хранителями апостольского предания были предстоятели церквей, непосредственные ученики апостолов, ими самими поставленные, которые в свою очередь передавали оное своим преемникам. О таком способе хранения предания есть замечательное свидетельство Иринея лионского, ученика Св. Поликарпа смирнского. «Быв еще отроком, – писал он к Флорину, впавшему с ересь, – я видел тебя в нижней Азии у Поликарпа. Тогдашнее я помню тверже, чем недавнее, потому что познания детского возраста, укрепляясь вместе с душою, укореняются в ней. Так я могу наименовать даже место, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп; могу указать все входы и исходы его; начертать образ его жизни и внешний вид; изложить его беседы с народом; описать его обращение с Иоанном, как он сам рассказывал, и с прочими самовидцами Господа; изобразить, как он припоминал слова их, как и что слышал от них о Господе, как он

пересказывал о Его чудесах и учении, о чем получил предание от людей, которые сами видели Олово жизни. Я записывал слова его не на бумаге, а н сердце, и благодать Божия помогает мне всегда сохранять их в свежей памяти»¹³⁰. Предание имело весьма важное значение в Церкви. Нередко, – когда возникали в частных церквях недоразумения и споры относительно того или другого пункта вероучения, на который не было указания Св. писания, или было, но краткое, – предстоятели церквей сохранявшие апостольское предание, на основании его, разъясняли недоразумения. Всякое учение, несогласное с преданием, Церковь отвергала, как неправильное, и всякое учение правильное тогда только признавала правильным, когда оно проверено было преданием. О таком значении предания говорят особенно Ириней и Тертуллиан. Ириней в письме к вышеупомянутому Флорину говорит между прочим, что его учение несогласно с Церковью, и что ему никогда не преподавали его предшествовавшие пресвитеры, которые слушали самих апостолов¹³¹. А Тертуллиан в своей книге о давности **против** еретиков выражается таким образом: «учение сообразное с учением церквей апостольских надобно признавать за истинное, так как оно заключает в себе то, что приняли церкви от апостолов, апостолы от Христа, Христос от Бога»¹³². Свидетельство предания, по Тертуллиану и Иринею, важно также для оценки подлинности писаний апостольских; только тогда, по учению их, то или другое писание должно быть признано апостольским, когда таким оно признается церквами апостольскими и теми, к которым первоначально написано. – С течением времени, мало-по-малу, при постоянном общении всех частных церквей, по возникавшим касательно вероучения и книг Св. Писания вопросам, составилось единое предание всей Вселенской Церкви, которое стало сохраняться не устно только, но и письменно, в творениях православных отцов Церкви.

Священное Писание и Священное Предание, как источники христианского вероучения, во всей своей полноте естественно не могли быть доступны всем вообще верующим. Поэтому Церковь позаботилась сделать краткое изложение обще-церковного учения в символах или *образцах веры*¹³³, извлеченное из Св. Писания и Св. Предания. Знания и исповедания веры в том виде, как она изложена в символах. Церковь требовала от всех своих членов при самом вступлении их в общество христиан. При крещении верующих, как известно, символы и получили свое начало. Первоначально не было во всех церквях одного общего символа; та или другая частная церковь имела свой символ. Но различие было только в форме, в выражениях, а не в сущности заключающегося в

них учения. Содержание всех символов одно и то же учение о едином и троичном Боге, развиваемое также одинаково, но с дополнением в некоторых из них особых определений и выражений, прилагаемых к лицу Бога Отца или Бога Сына, направленных против лжеучения тех или других еретиков. Известны символы церквей: иерусалимской, римской, антиохийской, кесарийской, гальской (в творениях Иринея), карфагенской (в сочинениях Тертулиана), александрийской (в сочинениях Оригена) и друг. Но уже в III веке, все символы, мало-по-малу, стали получать единообразную форму; в IV веке на первом Вселенском соборе окончательно определен был общий для всех церквей символ веры, который сделался как бы суммой всего христианского вероучения и из которого возможно развитие его во всей полноте.

§ 58. Частные догматы, раскрывавшиеся Св. Церквию

Излагая свое основное вероучение в символах вкратце, Церковь вместе с тем, в лице своих отцов и учителей, некоторые догматы, по требованию времени и обстоятельств, раскрывала и уясняла в сознании верующих более подробнейшим образом. Таковы, напр. догматы: о единстве Божиим, о Св. Троице, о лице Иисуса Христа, о таинствах, о призывании и почитании святых.

В противоположность языческому *м н о г о б о ж и ю* и гностическому дуализму Церковь с особенною ясностью должна была выставлять свое учение о *единстве* и *единовластительстве Божиим*. При самом вступлении в общество христиан каждый уверовавший, если был язычник, обязан был засвидетельствовать свою веру в единого Бога, и потому, во всех символах первым пунктом стоит учение о едином Боге. Затем, все отцы и писатели Церкви, опровергавшие как язычников, так и еретиков гностиков, со всею обстоятельностью, раскрывали не только действительность, но и необходимость существования *Е д и н о г о Бога*. В доказательство этого, кроме указаний на св. Писание и св. Предание, церковные писатели приводили то соображение, что совместное существование многих богов ведет за собою отрицание Божества вообще, так как боги, если их несколько, взаимно ограничивают один другого, а истинный Бог должен быть *неограничен* и потому *един*.

Другой догмат, раскрытый Церковию во II и III веках, это о Св. Троице. Учение о Св. Троице, в первое же время существования Церкви, подверглось многим возражениям со стороны язычников и искажениям со стороны почти всех еретиков, а особенно антиринитариев. Поэтому, Церковь вынуждена была настоятельно утверждать *троичность лиц в Боге*. Все отцы и учителя Церкви II и III веков, на основании Св. Писания и Св. Предания, положительно, без всяких колебаний, в своих сочинениях излагают учение о Св. Троице, – Отце, Сыне и Св. Духе, – приписывают одинаковое божеское достоинство всем трем лицам, называя каждое Богом, утверждают самостоятельность и отдельное бытие каждого и проч. Только в разрешении трудного вопроса о взаимных отношениях лиц Св. Троицы у отцов и писателей Церкви заметны колебание и неустановившиеся понятия. Вопрос этот был возбужден антиринитариями. Разрешая их возражения, одни церковные писатели, именно западные, преимущественно обращали внимание на *единство* Божественного существа и потому утверждали, что все три лица имеют

одно существо и равны между собою, что Сын и Дух Святой, получая свое начало от Отца, и отличаясь от Него своим происхождением, составляют одно с Ним и никогда отдельно не существуют. Такие мысли развивали *Тертуллиан* и особенно *Дионисий римский*. Другие, именно восточные, в противоположность антитринитарскому слиянию лиц Св. Троицы, обращали преимущественное внимание на *различие* лиц Св. Троицы между собою, и потому разделяли одно лицо от другого так резко, что, по-видимому, не допускали в них единства существа и подчиняли одно лицо другому (александрійский субординационизм). Таковы, напр. Климент александрийский, Ориген, Дионисий александрийский и друг. Понятия Оригена о взаимном отношении лиц Св. Троицы имели особенно важное значение в историческом развитии догмата о Св. Троице. Опровергая учение антитринитариев-модалистов, сливавших лица Св. Троицы до уничтожения их существенного различия между собою, Ориген должен был решительно доказывать отдельность лиц Св. Троицы одно от другого развитием учения об их личных свойствах. Так Бог Отец, по понятию Оригена, есть *нерожденный* (ἀγεννητός) и *непроизшедший* (ἀγενητός), Сын есть *рожденный* (γεννητός) и *произшедший* (γενητός) от вечности из *сущности Отца*, и Дух Святой также есть *произшедший* (γενητός) от Отца. В Боге Отце, таким образом, получают свое начало Сын и Дух Святой Отсюда Бог Отец, по выражению Оригена Αὐτόθεος (Самобог), или Θεός (Бог в собственном смысле), а Сын Божий, как произшедший от Отца, есть просто Θεός или второй Бог. Отсюда выходило то, что Ориген различие между лицами Св. Троицы доводил, по-видимому, до того, что отрицал равенство их между собою, ставил одно лицо выше, а другое ниже, подчиняя одно другому. Далее, слово *γενητός* у потребленное Оригеном для выражения отношений лиц Св. Троицы между собою, принималось в широком значении *происхождения* вообще каким бы то ни было образом одного существа от другого и в более тесном – творения одного существа другим. Отсюда выходило, если понимать слово *γενητός* в последнем смысле, то, что Ориген неравенство лиц Св. Троицы основывал на том, что одно лицо сотворено другим. Хотя Ориген замечал, что на человеческом языке нельзя выразить понятия об отношении лиц Св. Троицы между собою, но употребленное им слово *γενητός* менее других слов выражало понятие о взаимном отношении божественных лиц и послужило впоследствии основанием для развития целой ереси в Церкви.

Вместе с догматом о Св. Троице раскрывался также и догмат о лице Иисуса Христа. Евриониты смотрели на Иисуса Христа, как на простого человека, гностики, как на воплотившегося, действительно или призрачно,

вона, антитринитарии-ди- намисты примыкали к евионитам, а модалисты напоминали гностиков. Церковь же в лице своих отцов и учителей положительно утверждала, что Иисус Христос есть Бог и вместе человек, с душою и телом человеческими. Такое учение о лице Иисуса Христа с особенною полнотою и обстоятельностью раскрыто в сочинении Мелитона сардийского «о воплощении Христовом». Для не лишенных смысла, говорит Мелитон¹³⁴, не нужно тем, что творил Христос после крещения, доказывать действительность, чуждую прозрачности, души и тела Его и одинаковость человеческого естества Его с нашим. Дела Христовы после крещения и особенно чудеса показывали и доказывали миру, что в плоти Его сокрыто Божество. Будучи Богом и вместе человеком совершенным, Он явил нам два свои естества, Божество-чудесами, совершенными в три года после крещения, а человечество в те 30 лет, когда немощь плоти скрывала знамения Божества Его, хотя Он был истинным Богом предвечным». Такие же мысли развивались и другими церковными писателями, напр. Иринеем. Но вопрос об образе соединения в лице Иисуса Христа Божества и человечества не был еще вполне разрешен отцами II и III веков.

Что касается таинств, то учение о них, раскрытое Церковью во II и III веках, в сущности тоже самое, какое содержит православная Церковь и в настоящее время. Все церковные писатели II и III веков согласно признавали таинства такими священнодействиями, чрез которые невидимо сообщается благодать Св. Духа принимающим их. Разница была только в воззрениях на частности. Так, некоторые, напр. Тертуллиан, силу и действительность таинств поставляли в совершенную зависимость от веры принимающих; почему допускали крещение только для взрослых и не допускали для младенцев. Или в евхаристии все признавали таинственное соединение верующих со Христом чрез вкушение св. хлеба и вина; но одни, напр. Иринеи, видели в освященном хлебе и вине истинное тело и кровь Христа; другие, напр. Климент александрийский и Ориген, хлебу и вину придавали значение *символическое*; по их пониманию, евхаристия служит знаком того, что принимающие хлеб и вино внутренно, духовно, входят в единение со Христом. К последнему взгляду склонялся и Тертуллиан.

Наконец, у некоторых церковных писателей II и III веков есть следы учения о призывании и почитании святых. О самого начала общим верованием Церкви было, что между Церковью земною и Церковью небесною существует взаимное общение, что святые, принадлежащие к Церкви небесной, своими молитвами ходатайствуют пред Богом за

живущих на земле. Это верование, основание которого заключается в изречении Иоанна Богослова в апокалипсисе¹³⁵, раскрыто у *Киприана* и особенно у *Оригена*. Вместе с этим верованием и на основании его, естественно, в первые же времена церковной жизни установилось учение о необходимости *призывания* святых и *почитания* их, как посредников между Богом и людьми. Хотя это учение не заключается в Св. писании, но Церковь содержала его по апостольскому преданию. Из церковных писателей, раскрывавших учение о призывании и почитании свитых известны: Ириней, Тертуллиан, Киприан, Ориген. Ириней и Тертуллиан называли Пресвятую Деву Марию ходатаицею за Еву, Киприан высказывал, что отшедшие из сей жизни прежде других должны молить милосердного Отца об оставшихся братьях и сестрах, Ориген в молитве к Иову сам просил его ходатайства пред Богом; он же говорил и о почитании ангелов, хотя не таком, какое воздается Богу; равно как об этом же есть свидетельство Св. Иустина мученика. Самый факт почитания мучеников и их останков во II и III веках, говорит за распространенность учения о почитании святых.

§ 59. Начало богословской науки и двойное ее направление

Начало богословской науке положено было учеными язычниками, принимавшими христианство. Но удовлетворяясь простою верою в откровенное учение, они хотели не только верить, но и *знать*, почему следует верить именно так, а не иначе, а для этого желали видеть христианское вероучение изложенным научно, в системе. К тому же борьба с языческой ученостью и гностическими системами, последователи которых давали мниморазумное, на научных основаниях, решение всех религиозных вопросов, побуждало церковных писателей придать христианскому вероучению научную форму. С учеными язычниками христианские писатели желали бороться на научной почве, а ложному гносису еретиков признавали необходимым противопоставлять *истинное* христианское *ведение*, облеченное в систему. При самом же появлении своем научное богословствование у христианских писателей приняло двойное направление, вызванное влиянием гностицизма. Одни из отцов и учителей Церкви, сознавая, что лжеучения гностиков, между прочим, развились вследствие предоставления разуму большого участия в деле веры, в противоположность им, считали нужным раскрывать положительное учение Церкви на твердых началах Св. Писания и Св. Предания; при чем отвергали участие разума в деле веры. Другие, наоборот, опровергая ложный гносис еретиков, в изложении положительного учения Церкви допускали соображения разума, и таким образом поражали гностиков их же оружием. Первое направление было господствующим в школах *малоазийской и северо-африканской*, второе – в школах *александрийской и антиохийской*.

А. Школа Малоазийская

Представителями Малоазийской школы, во время ее цветущего состояния были: 1. *Иринея*, епископ *лионский*. Он получил христианское образование под непосредственным руководством Св. Поликарпа, епископа *смирнского*, и был одним из глубокомысленных богословов своего времени. Его деятельность относится ко второй половине II века. Святой Поликарп, ревностно заботясь о галльской церкви, получившей свое начало от церквей малоазийских, послал туда, на помощь Св. Пофину, своего ближайшего ученика Иринея. После мученической смерти Пофина, Иринея поставлен был епископом *лионским* (около 177 г.) и проходил свое служение до 202 года, когда сам, в гонение Септимия

Севера, умер также мученически. Между сочинениями Иринея первое место занимает «*обличение и опровержение лжеименного знания*», состоящее из пяти книг. Это важное по своему содержанию сочинение, известное также под другим названием «против ересей» (в латинском переводе) сохранилось до настоящего времени. В нем Иринея опровергает гностические системы и преимущественно систему Валентина. Главные доказательства он заимствует из Св. Писания и особенно Св. Предания. Питая особенную любовь и уважение к апостольскому преданию, и защищая, на основании его, христианское вероучение, он, хотя не придавал такого значения разуму в деле веры, какое придавали писатели другого направления, но и не относился к соображениям разума так ригористически, как напр. Тертуллиан. Таким образом Иринея является представителем направления, отвергавшего участие разума в деле веры, в лучшем смысле слова. Он и доказал это своим письмом к Виктору римскому по вопросу о времени празднования пасхи.

2. *Ипполит, епископ пристани близ Рима*. Его деятельность относится ко второй половине III века. Он был учеником Иринея и, подобно ему, одним из образованнейших и деятельнейших писателей своего времени. Между его сочинениями замечательны его беседы, толкования на разные книги Св. Писания, напр. Бытия, Исход, Пророков, на евангелия Матфея, Луки, Иоанна и проч. и сочинения догматико-полемиические, как «*о бличение всех ересей*», в числе 32, начиная с досифеян и кончая ноэтианами. Приемы развития положительного учения и полемики против еретиков у Ипполита те же, что и у его учителя Иринея.

3. *Юлий Африкан*. Он получил образование в Малой Азии, проживал в Палестине в первой половине III века (ум. 232 г.), где в Никополе или Еммаусе был, вероятно, пресвитером. Он известен как первый составитель христианской Всемирной Истории в 5 книгах (κρονοῦραφία), которая сохранилась только в трудах других церковных писателей. Известны также были его письма к Оригену и к Аристиду. В письме к Оригену, с которым Африкан находился в дружеских отношениях, он, опровергая своего друга, доказывает, что история о Сусанне, находящаяся в книге пророка Даниила, подложная и вымышленная. В письме к Аристиду говорит о мнимом разногласии родословий Христа в евангелиях Матфея и Луки. По отзыву Евсевия кесарийского¹³⁶, в этом послании он самым ясным образом доказывает согласие евангелистов дошедшим до него преданием. Вообще Юлий Африкан был ревностным исследователем еврейских и христианских древностей.

Б. Школа Северо-африканская

Представителями Северо-африканской школы были: 1. Тертуллиан, пресвитер карфагенской церкви, один из замечательнейших писателей западной церкви. Он первый стал писать богословские сочинения на латинском языке и, таким образом, положил начало латинской церковной литературе. Тертуллиан был сын римского сотника (род. около 150 г., ум. около 220 г.), состоявшего на службе в Карфагене, получил блестящее, хотя и не всестороннее, образование, и до принятия христианства проходил должность адвоката; к христианству обратился он уже в зрелом возрасте. Обладая блестящим умом, пылкой фантазией, твердою волею, характером решительным, энергическим, хотя и раздражительным, Тертуллиан всю душу предался новому учению; он посвятил всю свою жизнь на служение христианству, будучи ревностным поборником христианского вероучения и христианской жизни. Но, к несчастью, проживая долгое время в Риме, в конце II века, он познакомился с монтанистическим учением и окончательно увлекся им около 201 г. Его ревность по христианской вере и жизни находила полнейшее удовлетворение в монтанизме, проповедовавшем всецелую, без всяких умствований, покорность Откровению и строжайший аскетизм. Под конец своей жизни Тертуллиан, впрочем, отказался от монтанизма и основал свое особое общество, члены которого назывались *тертуллианистами*. Литературная деятельность Тертуллиана представляет, полнейшее выражение тех стремлений, которые он преследовал в своей жизни. Пораженный несправедливыми нападениями языческого общества на христиан, он является красноречивым христианским апологетом; увлекшись монтанизмом, он является, с одной стороны, жарким противником и остроумным обличителем гностиков и антитринитариев, повреждавших откровенное учение, с другой – строгим до крайности нравственным писателем. Представляя, действительно, основательные опровержения еретиков, Тертуллиан впадает в монтанистическую крайность, совершенно отрицая участие разума и науки в деле веры, как приводящих к ересям, и в своей всецелой преданности откровенному учению, неразумно принимая сумасбродные проповеди монтанистических пророков за откровение свыше. Многочисленные сочинения Тертуллиана по своему содержанию разделяются на три класса, написанные в защиту христиан или апологетические, затем сочинения о разных предметах христианской и церковной жизни и, наконец, сочинения догматического и догматико-полемиического содержания. К первому классу принадлежат: *апологетик*, две книги *к народам* (составляющие переделку апологетика в форме доступной для

большинства читателей), книги о *свидетельстве души*, *книга к проконсулу Африки*, *Скануле* и проч. Ко второму относятся, написанные в то время, когда Тертуллиан не был еще монтанистом, о *терпении*, о *молитве*, о *крещении*, *покаянии* две книги к жене, о *зрелищах* и написанные в монтанистический период его жизни: о *единобрачии*, о *постах* против православных христиан и проч. Сочинения этого рода составляют богатые памятники древне-церковной практики и жизни. К третьему классу принадлежат следующие сочинения, написанные в домонтанистический период: о *давности против еретиков*; здесь Тертуллиан, заимствуя из римской юрисдикции термин данности и прилагая его к христианскому вероучению, ведущему свое начало издавна, от апостолов, опровергает вообще всех еретиков, составляющих новое учение; из монтанистического периода: пять книг *против Маркиона*, *книга против валентиниан*, о *плоти Христа* (против гностиков – докетов), *против Праксея* и друг.

2) *Киприан, епископ карфагенский*. Происходя из богатой языческой фамилии в Карфагене, до обращения своего в христианство на сороковом году жизни (246 г.), Киприан славился как ученый ритор. Вскоре после принятия христианства он был поставлен пресвитером, а в 248 году, наконец, был избран в епископа карфагенского. Он был жарким почитателем Тертуллиана, прилежно изучал его сочинения, но был совершенно чужд его монтанистических воззрений. В сане епископа Киприан заявил себя словом и делом ревностным и мудрым правителем Церкви. Ему приходилось бороться не только с внешними врагами Церкви (в гонения Декия, Галла и Валериана), но и с внутренним злом – расколом Фелициссима. Его сочинения стоят в тесной связи со всею его деятельностью, как написанные по требованию церковных обстоятельств. Таковы: *книга к Донату о благодати Божией*; в ней Киприан рассказывает о своем обращении; о *суетности* идолов – сочинение, написанное в опровержение язычников; изложенные в нем мысли заимствованы, большею частью, у Тертуллиана и Минуция Феликса; три *книги свидетельств против иудеев*, сочинение, представляющее сборник библейских мест; о *благе терпения*; *речь о падших*; *книга к Деметриану*, направленная к опровержению ложных обвинений христиан в том, что будто они были причиною появившейся моровой язвы; о *смертности*, сочинение, написанное по тому же поводу; известны так же письма Киприана, в числе 83, в которых раскрывается деятельность и важное влияние Киприана на все стороны церковной жизни и проч. Но из всех сочинений его первое место занимает классическое творение о *единстве Церкви*, написанное около 252 года, по случаю появления раскола

Новациана в Риме. Как пастырь,, стремившийся к упрочению мира Церкви, нарушаемого еретиками и раскольниками, Киприан видел в единстве Церкви, т. е. в единении и согласии всех частных Церквей между собою по всем религиозным вопросам, действительное средство против появления и распространения ересей и расколов. Свой трактат «о единстве Церкви» он именно посвящает развитию той мысли, что Церковь христианская, не смотря на множество частных Церквей, есть *единая*, и что епископство, служащее выражением единства Церкви, также *едино*, не смотря на множество отдельных епископов. Свое положение о единстве Церкви и епископства Киприан обосновывал на том, что Сам Иисус Христос установил так, что епископская власть в Его Церкви началась с одного, именно апостола Петра. Иисус Христос назначил его камнем Церкви. Отсюда римская Церковь, как основанная апостолом Петром, представляется у Киприана, как *ecclesia principalis* между всеми церквями. Но Киприан еще слишком далек был от того, чтобы считать епископа римской Церкви начальствующим над всеми епископами; верховную власть в Церкви он усваивает всей совокупности епископов, как наследников власти апостола Петра. И на практике сам Киприан никогда не признавал за римским епископом такой верховной власти, как это видно из его спора с папою Стефаном по вопросу о крещении еретиков. Впоследствии, при развитии на практике мысли о первенстве и господстве римского епископа над прочими епископами, сочинение Киприана «о единстве Церкви» подвергалось искажениям, со внесением в него многих выражений, направленных к возвышению римской кафедры.

В) Школа александрийская

В Александрии, как полагают, еще во времена апостольские, именно евангелистом Марком основано было христианское училище. Вначале это училище было обыкновенною школою, одною из тех, которые бывали при епископских кафедрах для первоначального наставления или оглашения в вере обращающихся в христианство. Но огласительное училище в Александрии, по своему положению в центре всемирной образованности и учености, где с христианством входили в соприкосновение как языческие философы всевозможных школ, так и еретики всех направлений, с течением времени приняло характер богословско-ученого образовательного заведения. Такой вид придал ему один из ученых его наставников или, как они тогда назывались, *катехетов*, *Пантен* (180–191 гг.), преемник Афинагора. Пантен, и затем другие учителя и ученики Александрийского училища, образуют школу писателей, так называемую, *александрийскую*. Представители этой школы:

1) сам *Пантен*. Он был родом из Афин и первоначально принадлежал к школе стоиков; после обращения в христианство он посвятил всего себя на распространение его как между язычниками греко-римской империи, приходившими слушать его уроки, так и между варварами, для чего путешествовал в Индию. Пантен написал несколько комментариев на Св. Писание, но они не дошли до нашего времени.

2.) *Тит Флавий Климент*, пресвитер александрийский, ученик Пантена и после него наставник Александрийского училища (191–202 гг.). Будучи язычником, он получил, по своему времени, всестороннее образование, которое усовершенствовал еще, после обращения в христианство, своими путешествиями с научною целью, по Греции, Италии, Сирии и Палестине. Познакомившись в Александрии с Пантенем, Климент сделался его учеником, а потом и преемником по должности катехета, когда тот отправился на проповедь евангелия в Индию. В новой должности учителя, но всей вероятности, Климент подучил сан пресвитера. В гонение Септимия Севера (202 г.), когда Клименту угрожала опасность, он удалился из Александрии на восток и проживал в Иерусалиме, Антиохии и Каппадокийской области, продолжая ревностно трудиться на пользу Церкви словом и писаниями. Возвращался ли он до своей смерти, последовавшей около 220 года, в Александрию, неизвестно. Деятельность Климента, которою он оказал важные услуги Церкви, сосредоточивалась главным образом в Александрийском училище, где он, толкуя Св. Писание, раскрывал пред своими слушателями христианское вероучение так доказательно и убедительно, что многие из язычников, под влиянием его уроков, обращались в христианство. Но вместе с тем он написал и несколько сочинений: *«Протретики»* или *«Увещательное слово к Эллинам»*, *«Педагог»* и *«Строматы»*, или *«Сборник, содержащий ученые записки касательно истинной философии»*; сочинение под заглавием: *«какой богач спасется»*, восемь книг *«начертаний»*, *«о пасхе»*, разговоры *«о посте»* и друг. Из этих сочинений сохранились только четыре первые, от остальных же немногие отрывки или одни названия. Будучи научно и философски образован, Климент как в своих уроках, так и в сочинениях стремился облечь и христианское вероучение в научную Форму. Тогда как некоторые из отцов и учителей Церкви чуждались философии и науки, как произведений языческого мира, Климент, наоборот, считал философию и науку полезными для христианства, насколько они, образуя ум человеческий, помогают глубокому и всестороннему пониманию христианского вероучения. Его *«Строматы»* представляют первые попытки соглашения веры и науки, заключая в себе

изложение христианского вероучения, возведенного при помощи философских умозрений, на степень религиозно-философского знания. Понимание откровенного учения в его основах научным образом Климент называет истинным гносисом и обладающих им – истинными гностиками, в противоположность ложному гносису языческих философов и язычествующих еретиков христианской Церкви. Не отступая от положительного учения веры, Климент тем не менее в толковании Св. Писания вдавался иногда в такие умозрения, по началам Филоновского платонизма, имевшего значительное влияние на склад его ума, что приходил к напрасному отрицанию буквального смысла писаний, и замене его, без нужды, таинственным, аллегорическим.

3) Ориген, преемник Климента по должности наставника Александрийского училища, был одним из величайших ученых своего времени не только между христианами, но и язычниками. Своею просвещенною деятельностью в Александрии и других местах, а также сочинениями, он приобрел сильное влияние на современников, создав в церковном просвещении особое богословское направление, которое сохранялось долгое время после его смерти. Ориген родился в Александрии около 185 г. Отец его, Леонид, александрийский ритор, был человек научно и христиански образованный. Под руководством его Ориген получил первоначальное образование. Еще в юных летах обнаружилось в нем необыкновенные дарования; его пытливый ум, стремившийся проникнуть в самую сущность вещей, замечен был еще Леонидом, когда при толковании Св. Писания, Ориген обращался к нему с вопросами о внутреннем смысле писаний. Уроки знаменитого Климента Александрийского, которого Ориген слушал также в юных летах, обогатили еще более его ум познаниями в грамматике, риторике, музыке, диалектике и философии. В гонение Септимия Севера (202 г.) Леонид умер смертью мученика; семнадцатилетний Ориген при этом заявил себя ревностным христианином, – он хотел сам идти на смерть вместе с отцом и, когда мать удержала его, писал отцу в темницу, чтобы он не отступал от веры. После смерти отца, Ориген с матерью и шестью братьями остался в крайней нищете. Одна богатая александрийская женщина дала было ему помещение в своем доме, но он ушел от нее, так как в ее доме, собирались еретики. Ориген решился сделаться преподавателем словесных наук и тем доставить себе содержание. Очень скоро он приобрел славу отличного христианского учителя. Многие язычники, желавшие принять христианство, обращались к нему с просьбою научить их истинам христианства, – и Ориген сделался, таким образом, *огласителем*. Многие

язычники обязаны были ему своим обращением в христианство.

Кроме того, при своем вступлении в общественную деятельность, Ориген заявил себя ревностным поборником христианской веры. Во время свирепствовавшего, гонения он ободрял и поддерживал верующих, безбоязненно посещая заключенных в темнице, сопровождая их в суды для выслушивания приговоров и даже на место казни; причем сам едва избегал смерти. Вскоре дарования Оригена и его ревность по вере были замечены епископом александрийским, Димитрием, который поручил ему (203 г.) должность катехета и начальника огласительного училища вместо Климента, удалившегося на восток. Со всею ревностию ученого и истинного христианина принялся Ориген за свои новые занятия. Постоянно занимаясь проповедованием слова Божия, он привлекал к себе много слушателей, как из христиан, так и из язычников и еретиков. Самый образ жизни его, согласный с проповедуемым им евангельским учением, имел большое влияние на его слушателей. Свободное от занятий в училище время Ориген проводил в молитве, в изучении Св. Писания, вел жизнь вообще аскетическую, не имея, по заповеди Спасителя, двух одежд и не слишком заботясь о материальных средствах. Мало того, в своих стремлениях к евангельскому совершенству, Ориген дошел до того, что сам оскопил себя, понимая слишком буквально евангельское требование¹³⁷. К такому поступку, между прочим, побудило его и то соображение, что, сделавши себя бесстрастным, он может отклонить от себя гнусные подозрения относительно чистоты его жизни, которые выходили из того, что ему, по должности катехета, приходилось беседовать не только с мужчинами, но и женщинами. Все изумлялись такой, хотя и неразумной, ревности Оригена по вере, даже и сам епископ Димитрий. Слава Оригена, как великого христианского учителя, привлекала к нему многих языческих философов и ученых еретиков, которые, вступая с ним в споры, возбуждали много вопросов об отношении к христианству философии и науки. Это побудило самого Оригена еще серьезнее заняться исследованием учения еретиков и мнений философов об истине, и, действительно, по сознанию самих язычников, Ориген отлично изучил все философские системы. Кроме того, подобно Клименту, он расширил свои познания путешествием в Палестину, Грецию и Рим. Взгляды Оригена на отношение христианства и философии установились теперь прочно, – он, подобно Клименту, пришел к тому убеждению, что всем возражениям против христианства языческих философов и еретиков, стоявших на научной почве, самое лучшее противопоставить такую богословскую систему, которая бы, по своей

стройности и логичности, равнялась системам философским, и в тоже время по своему содержанию была бы системою христианскою, обнимающею все метины христианского вероучения. Словом, Ориген признавал полезным для Церкви принять от язычников научную Форму, в которую можно вложить христианское вероучение. Такими именно воззрениями и обуславливается дальнейшая деятельность Оригена. Число его слушателей в Александрийском училище постоянно увеличивалось, так что он не мог один заниматься основательно преподаванием предметов божественных, исследованием и изъяснением Священного Писания и сверх того оглашением приходящих, которые не давали ему покоя, наполняя его училище одни за другими с утра до вечера поэтому, Ориген сделал себе помощником своего друга, *Иракла*, ревностно занимавшегося предметами божественными, весьма сведущего в слове и не чуждого философии, и разделил свою школу на две половины. В первой занимался Иракл преподаванием первых начал только что приступающим к учению, во второй занимался сам Ориген с более совершенными. Пред последними Ориген раскрывал христианское вероучение в форме научной системы, со всевозможными доказательствами в его пользу и опровержением возражений; причем необходимо должен был касаться философских систем и сочинений философов, объясняя смысл их; языческие философы и еретики приходили слушать Оригена и учиться у него. Между прочим, своими убеждениями Ориген обратил к Церкви одного знаменитого еретика из школы Валентина, Амвросия, который сделался потом его другом.

Деятельность Оригена не ограничивалась одною Александриею. В 217 году он был с проповедью евангелия в Аравии, по приглашению одного аравийского князя; затем в 219 году отправился в Палестину и утвердил свое местопребывание в Кесарии, так как не надеялся найти безопасного убежища в Египте, где произошла в это время междоусобная война. Епископ кесарийский, Феоктист дозволил ему в своей церкви и в своем присутствии беседовать и изъяснять Св. Писание всенародно, не смотря на то, что он тогда еще не был рукоположен в пресвитера. Но этим был недоволен александрийский епископ, Димитрий, почему писал к Феоктисту, что мирянину не следует публично учить в церкви и требовал, чтобы Ориген возвратился в Александрию. Ориген возвратился и продолжал свои занятия в училище. В 220 году Ориген был вызван из Александрии в Антиохию ко двору Юлии Маммеи, матери императора Александра Севера. В 228 году, когда в Греции возникла некоторая ересь, Ориген, как человек способный погасить ее, отправлен был туда самим

епископом Димитрием с рекомендательною грамотою. Дуть в Грецию лежал чрез Палестину; здесь Ориген встретился с своими друзьями, епископами – кесарийским, Феоктистом и иерусалимским, Александром, которые, узнав о цели его путешествия, чтобы он имел более авторитета в глазах еретиков, поставили его в пресвитера. Чрез два года возвратился он в Александрию; здесь Димитрий встретил его очень недружелюбно. Слава Оригена возбуждала в нем зависть. К тому же посвящение Оригена, принадлежащего к церкви александрийской, в пресвитерский сан епископами других церквей, вопреки принятым обычаям, было нарушением прав александрийского епископа. Далее скопчество Оригена, которое теперь вспомнил Димитрий, по мнению последнего, было препятствием к поставлению его в пресвитерский сан. В виду этих соображений Димитрий в 231 году составил в Александрии собор, на котором было определено – не учить Оригену в Александрии и пребывать ему вне александрийской епархии. Но и этого, казалось, недостаточным Димитрию, особенно в виду того, что в сочинениях Оригена нашлись некоторые вольные мысли относительно тех пунктов христианского вероучения, которые оставались нераскрытыми вполне¹³⁸. В 232 году составилась другой собор, на котором Ориген был извержен из пресвитерского сана и отлучен от Церкви. Ориген увидел себя лишним в Александрии, – и еще до окончания суда над ним удалился на восток к своим друзьям, епископам, у которых нашел дружественный прием. Вообще восточные епископы в Палестине, Финикии, Аравии и Ахаии были на стороне Оригена и против его отлучения. Теперь Ориген сосредоточил всю свою ученую деятельность в Кесарии.

Здесь он основал такое же училище, как и в Александрии, которое славилось также многими учеными мужами. В 244 году Ориген принимал участие в аравийском соборе против Берилла Бострийского, а в 248 году на соборе тоже против аравийских еретиков *психопаннихитов*, учивших, что душа умирает вместе с телом и восстанет только при всеобщем воскресении; в обоих случаях Оригену удалось, как не многим удастся, силою; своих убеждений заставить еретиков отказался от своего учения. В гонение Декия Ориген подвергался истязаниям за имя Христово: В 254 году обессиленный старостию (ему уже было около 70 лет) и претерпенными мучениями, он умер в Тире, в мире и общении с Церковию.

Ориген обладал всестороннею ученостию, – он был филолог, критик, экзегет, богослов–опологет, полемик и, наконец, философ. Он писал сочинения по всем отраслям богословского знания. Недаром за свои труды

он подучил прозвание *Адамантового*¹³⁹. Древние (Св. Епифаний) приписывали ему до 6000 сочинений, конечно, считая все беседы и письма его. Особенно замечательны его труды по исследованию Св. Писания. 27 лет занимался Ориген исследованием Св. Писания Ветхого Завета и плодом этих занятий были так называемые его *тетраплы* и *экзаплы*. Греческий перевод Св. Писания Ветхого Завета 70 толковников во время Оригена оказался испорченным; не только встречались разночтения в тексте по разным спискам, но даже некоторые места совсем были опущены против еврейского подлинника. Ориген решился проверить греческий текст с еврейским подлинником, для чего изучил даже еврейский язык. Кроме греческого перевода 70 он имел в руках еще другие переводы – *Акилы*¹⁴⁰, *Феодотиона*¹⁴¹ и *Симмаха*¹⁴², отысканные им и приобретенные при пособии друга его, Амвросия. Сличив все эти греческие переводы, как между собою, так и с еврейским подлинником, отметив разночтения перевода 70, сравнительно с прочими, особыми знаками¹⁴³, Ориген изложил текст их в шести столбцах; в первом поместил он еврейский подлинник, во втором тот же подлинник, только написанный греческими буквами, далее перевод Акилы, затем Симмаха, 70 толковников и, наконец, Феодотиона. Это – так называемые *экзаплы*. *Тетраплы* же составляет свод последних четырех переводов – одних только греческих. Также ревностно трудился Ориген и над текстом Св. Писания Нового Завета, заботясь главным образом о приобретении верных списков.

По части толкования Св. Писания Ориген также много потрудился. Св. Епифаний говорит, что он написал объяснения на все Св. Писание, за исключением Откровения Иоанна Богослова. Кроме кратких схолий или замечаний Оригена на трудные места Св. Писания, а также бесед на разные места Св. книг, замечательны его большие комментарии, напр. на *Псалмы*, *Песнь песней*, *евангелия Иоанна и Матфея* и *послание к римлянам*. Во всяком месте писания Ориген находил тройкий смысл: буквальный, нравственный и таинственный, соответственно тогдашнему делению человека на три части: – на тело, душу и дух. При этом он особенно увлекался таинственным смыслом, больше чем Климент, подчиняясь Филонову аллегоризму. Он полагал, что понимание Св. Писания в таинственном смысле приводит к истинному познанию о Боге и духовном мире.

Из многочисленных сочинений Оригена против еретиков до нашего времени не сохранилось ни одного. За то сохранилось основательное сочинение *против Цельса*, о котором упомянуто было выше. Из догматических сочинений Оригена особенного внимания заслуживают его

«строматы» в 10 книгах и о «началах» т. е, вещей иди веры. В первом из них Ориген стремится привести в гармонию христианское вероучение с греческою философиею, для чего параллельно с христианскими догматами излагает лучшие мнения греческих философов. Впрочем от «стромат» сохранилось только несколько отрывков. Сочинение «о началах» сохранилось вполне, хотя и в латинском переводе. Оно представляет собою первый опыт научного, систематического изложения христианских догматов, или опыт христианской догматики в смысле науки; но, как первый опыт, догматическая система Оригена, изложенная в сочинении «о началах», имеет свои слабые стороны. Так, помимо неопределенных выражений Оригена о Снятой Троице, у него встречаются еще произвольные мысли, неразделяемые Церковию. Но подобные мысли Ориген высказывал, впрочем, не пак догматы, не как положительное учение, а как предположение, или исследование человеческого ума, стремящегося проникнуть в область вопросов, которые еще не были раскрыты определенно. Таковы мнения: о творении душ человеческих прежде творения этого видимого мира (теория предсуществования душ); о падении их всех в одно время, вследствие некоторой их телесности, а следовательно, и ограниченности свободы: о низведении их в низший круг бытия, в грубые материальные тела, вследствие чего является этот мир; о существовании многих миров прежде творения этого видимого мира; о наступлении времени, когда мучения грешников прекратятся.

Ориген хотя и был удален из Александрии, но направление, сообщенное им церковному просвещению, оставалось там во всей силе. Оригеновская школа процветала как в Александрии, так и в Кесарии, куда он под конец своей жизни перенес свою деятельность. Как в той, так и другой были у Оригена горячие приверженцы и последователи. Из александрийских учеников и почитателей его особенно замечателен Дионисий, бывший с 233 года, после Иракла, которого избрали на епископскую кафедру, учителем александрийского училища, а с 248 года и до 265 года александрийским епископом. Он происходил из благородного и богатого александрийского семейства; обратился в христианство, вследствие чтения христианских сочинений, и сделался одним из лучших учеников Оригена. По примеру своего учителя, он занимался изучением философии и еретических мнений. Его деятельность была весьма плодотворна для Церкви. Не говоря уже о том, что в гонение Декия и Валериана, он показывал пример своей пастве в ревности по вере, он принимал самое живое участие в разрешении всех религиозных вопросов, занимавших тогда Церковь. Так он Участвовал в разрешении вопроса о

крещении еретиков, возбужденного западными церквами, писал против Навациана, вооружался против хилиастов, представителем которых был епископ арсеноитский Непот, наконец, защищал догмат о Св. Троице против антитринитария Савеллия, выступившего с своим учением в его время. В своей полемике против него Дионисий зашел дальше, чем даже его учитель Ориген. Доказывая различие между лицами Св. Троицы, он допустил выражение о неединосущии Сына Божия с Отцом и о творении Его Отцом. Впрочем, когда римский епископ Дионисий заметил подобные выражения, Дионисий Александрийский отказался от них в особо написанном им сочинении, под заглавием «обличение и защищение». Под конец своей жизни Дионисий, не имея возможности по старости и немощи принять личное участие в соборе против Павла Самосатского, письменно изложил против него свое мнение. Из многочисленных сочинений Дионисия догматического, догматико-полемического и экзегетического содержания сохранились только немногие отрывки. – Из Оригеновской школы в Кесарии вышли следующие замечательные лица: 1) Григорий Чудотворец. Он происходил из богатой языческой фамилии и готовился сначала к адвокатской должности. Но, посетив в 231 году Кесарию, он встретился с Оригеном и до того увлекся им, что сделался христианином и, под его руководством, ревностно занялся изучением богословия. В 244 году он был поставлен епископом неокесарийским и в новом служении заявил себя ревностным распространителем христианства. Из его творений заслуживают внимания символ, чудесно сообщенный ему, *каноническое послание* (в правилах), а также *панегирик Оригену*. Он скончался мирно в 270 году. 2) Памфил, пресвитер кесарийский. Богословское образование он получил в александрийском училище, где слушал уроки наставника Пиерия (265–241 г.г.). Получивши сан пресвитера в Кесарии, он продолжал труды Оригена в тамошнем училище. С особенною же любовью занялся он устройством библиотеки при училище, основание которой положено было еще Оригеном; для чего собирал списки Св. Писания и творений отеческих. Списки Св. Писания, вышедшие из рук Памфила, считались в древности драгоценностию, так как они отличались верностию. Памфил скончался мученическою смертью в 309 году. Будучи в темнице, он писал в 5 книгах сочинение в защиту Оригена, dokonченное другом его Евсевием, епископом кесарийским.

Г. Школа антиохийская

В конце III века, кроме александрийской и кесарийской школ, образовалась еще научно-богословская школа к Антиохии. Основателями ее были ученые антиохийские пресвитеры: *Д о р о ф е й* (около 290г.) и

Лукиан. Последний особенно замечателен, как ученый исправитель текста Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Он умер мученической смертью 312 г., в гонение Максимиана. Антиохийская школа была в особенно цветущем состоянии в IV веке. Направление ее было отлично от направления школы александрийской. В александрийской преобладал идеализм, наследованный от философии Платона, выразившийся аллегоризмом и мистицизмом в толковании Св. Писания и глубокими умозрениями в разрешении догматических вопросов; в антиохийской, напротив, преобладал реализм, – основной принцип философии Аристотеля, – допускавший в Св. Писании преимущественно буквальный смысл и требовавший простоты и ясности в понимании христианских догматов. То и другое направления, доведенные до крайности, послужили основанием для развития в Церкви ересей в IV и последующих веках.

Глава 4. Иерархия и управление Церкви

§ 60. Значение епископов, их права и обязанности

В век апостольский верховный надзор над всеми церквами принадлежал самим апостолам. После же смерти апостолов этот надзор перешел к лицам, занимавшим высшую степень в постоянной *иерархии* – *епископам*. Вследствие этого значение епископов, как преемников апостольской власти в Церкви, начиная со II века, постоянно возрастает, тогда как в век апостольский они еще стояли наряду с пресвитерами или, по крайней мере немного выше их, как *первые между равными*. Пресвитеры естественно стали теперь в подчиненное отношение к епископам. Как преемники власти апостолов, епископы получили и их права. Высшие права учительства в Церкви, священнодействия и управления Церковью принадлежали исключительно им одним. Если учили, священнодействовали и принимали участие в управлении лица, занимавшие пресвитерские и диаконские степени, то не иначе, как, по праву власти, данному им от епископа чрез рукоположение. Из таких прав епископов вытекали и их обязанности по иерархическому служению в Церкви. Они учили верующих сами или чрез подведомых им пресвитеров и диаконов, наблюдали, чтобы в среде их пасомых не развились ложные учения и, если таковые появлялись в среде, их паствы или заносилась извне, принимали меры против них; предлагали тех или других лиц для занятия какой-либо церковной должности и, по избрании, посвящали их; распоряжались назначением времени богослужбных собраний; распределяли занятия между пресвитерами и диаконами, поручая им совершать богослужение при себе, или в отдельном молитвенном собрании, если паства в известном месте была велика и, для удобств ее, требовалось разделить ее на несколько групп, наблюдали за нравственною жизнью своих пасомых, во время гонений ободряли и поддерживали ослабевающих, производили суд над членами своей паствы, впавшими в тяжкие грехи, ереси, или изменившими Церкви; заведовали церковным имуществом, делами о бедных, вдовицах и сиротах, призреваемых Церковью и т. п.

§ 61. Учреждение новых церковных должностей

Во II и III веках появились в Церкви новые должностные лица, которые, не принадлежа к иерархии, считались принадлежащими к клиру, составляя низший разряд его. Новые церковные должности вызваны общей потребностью в надлежащем благоустройстве Церкви, в виду соблюдения благочиния в богослужебных собраниях, при постоянном увеличении числа верующих. Так в III веке учреждена должность *иподиаконов* (прислужников). По образцу церкви иерусалимской, и в других отдельных церквях первоначально избирали только по семи лиц для диаконской степени, а между тем с умножением верующих обязанности диаконов усложнились, так что им трудно было исправлять свою должность; поэтому в облегчение им, и были назначены иподиаконы. Последние, состоя в распоряжении диаконов, наблюдали особенно за тем, чтобы входящие в молитвенное собрание для богослужения верующие занимали определенные места, сообразно своим степеням¹⁴⁴. Для чтения в богослужебных собраниях священных книг были назначаемы (со II века) особые лица, которые затем всегда уже несли должность *чтецов*. Прежде же чтение священных книг входило в обязанности епископов, пресвитеров и диаконов, за которыми и осталось исключительное право читать евангелие. В некоторых церквях, особенно восточных, составившихся из евреев, установлены были с III века должности *певцов*, обязанностию которых было петь при богослужении. А в иных церквях были особые должности *заклинателей*, поставляемых для изгнания нечистых духов молитвами, крестным знаменем, или дуновением из одержимых ими. Последняя должность существовала в то время, когда дар чудес принадлежал многим из верующих, отличавшихся святою жизнью. Учреждена была особая должность *аколуфов*, проводников или служителей епископских, которые, во время богослужения, должны были прислуживать епископу, особенно в торжественных случаях. Должность *параномарей-привратников* вызвана необходимостью иметь надлежащее попечение о внешности места богослужебных собраний, особенно во время самого совершения богослужения, чтобы не впускать в собрание отлученных от Церкви, еретиков, иудеев или язычников, а, во время нападений со стороны правительства, или языческой черни, извещать собрание об угрожающей ему опасности.

§ 62. Избрание и посвящение духовных лиц

Установив степени иерархии, апостолы дали Церкви определенные указания на то, какие лица и с какими качествами должны быть избираемы на иерархические должности и как должно производиться самое избрание их. Апостол Павел, в своих пастырских посланиях к Тимофею и Титу, разъясняет: епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, страннoлюбив, учителен, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлял в здравом учении и противящихся обличать, не пьяница, не бийца... хорошо управляющий домом своим, детей, содержащий в послушании со всякою честностию; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? не должен быть из новообращенных; наконец должен иметь о себе вообще одобрительные отзывы не только между верующими, но даже и язычниками¹⁴⁵. Те же самые качества требуются и от пресвитера¹⁴⁶, равно как и диакона¹⁴⁷. Так называемые, апостольские правила, составленные на основании апостольских писаний и апостольского предания, к сим требованиям присоединяют, что глухой и слепой не может быть епископом¹⁴⁸, а также бесноватый¹⁴⁹, раб без согласия господ¹⁵⁰, и вообще всякий женатый на вдове, отверженной от супружества, блуднице, рабыне или актрисе¹⁵¹ не могут быть приняты в клир. Что касается способа избрания на иерархические степени, то апостолы сами установили тот порядок, чтобы в выборе принимали участие все члены известной христианской общины. Так, при установлении диаконской степени, апостолы собрали всю общину и предложили ей самой избрать семь человек испытанных, исполненных *Духа Святого* и мудрости¹⁵², а сами освятили ее выбор рукоположением избранных. Апостол Павел, в первое свое путешествие, рукополагая пресвитеров к разным церквам¹⁵³, конечно, в этом случае, сообразовался с желаниями всех верующих сих церквей.

Эти апостольские указания послужили для Церкви правилами, которыми она руководствовалась всегда при избрании на иерархические должности. Все члены известной общины, как клир, так и народ или миряне, принимали всегда живое участие в выборе лица на ту, или другую иерархическую степень. Впрочем в тех церквах, в которых, по многочисленности членов, или по другим причинам, было не удобно всем подавать свои голоса при выборе, от народа назначались для сего особые лица, старцы, которые представляли в своем лице всю общину. Так было в

некоторых западных церквях. Когда делалось известным в общине имя избираемого, – а такого предлагали епископ и пресвитеры, по большей части, – каждый член церкви имел право говорить в пользу лица избираемого или против него, и голос каждого был принимаем в уважение. Подобный порядок был вполне возможен в то время, ибо избираемый должен был непременно принадлежать к той общине, для которой избирался и, следовательно, должен был быть известен каждому. Затем, когда вся церковь находила, что избираемое лицо, согласно требованиям апостольским, достойно занять иерархическую степень, произносился общий возглас: «достойн» (ἄξιός), и следовало посвящение. В пресвитера и диакона рукополагал епископ местной церкви, в епископа же рукополагали, по большей части, епископы окрестных церквей¹⁵⁴. Последние принимали даже участие и в самом избрании епископа, или сами лично, или чрез своих уполномоченных, наблюдая в этом случае, чтобы избираемое лицо, по своим достоинствам, соответствовало требованиям апостольским и даже самым делом испытывая оное в правоверии. При избрании епископа особенно требовалось еще согласие на это и одобрение со стороны епископа главного города известной области, присутствовал ли он на месте, во время избрания, или нет¹⁵⁵.

Что касается назначения на низшие церковные должности, то и здесь также принимаем был в уважение голос всей общины. С течением времени, впрочем, назначение на эти должности передано было одному епископу с его пресвитерами и диаконами, так как поставление на эти должности не имело такого важного значения для Церкви, как поставление пресвитера, или епископа.

§ 63. Положение клира в первые века

Клир христианской Церкви первых веков не составлял какого-либо наследственного сословия, как это было в церкви ветхозаветной; напротив, в состав его мог вступать каждый из верующих, чувствовавший призвание к священному служению и удовлетворявший условиям вступления в клир. Особого приготовления для вступления в клир, в роде школьного, также не было. Самую лучшую школу для образования клириков было служение в том же клире, начиная с низших должностей, под руководством епископа и на глазах всей общины. Только с течением времени явились христианские училища, например в Александрии, в которых могли готовиться служители Церкви. Так как Церковь, в первые века, не имела разрешения правительства на свое существование, то и члены клира, вступая в состав его, не пользовались никакими общественными правами и преимуществами по своим церковным должностям. Но, с другой стороны, исполняя в Церкви возложенные на них обязанности, члены клира нередко не оставляли обязанностей, возложенных на них языческим обществом или правительством, вследствие чего они пользовались теми, или другими государственными преимуществами. Впрочем, Церковь вскоре нашла, что мирские занятия не совместны с званием и обязанностями иерархического служения, почему и были воспрещены епископам, пресвитерам и диаконам. К таким занятиям особенно причислялась гражданская или военная служба¹⁵⁶.

Что касается брачной, или безбрачной жизни членов клира, то нужно заметить, что и та и другая одинаково допускалась для всех степеней иерархии так что и епископы могли состоять в брачной жизни. Из вступивших в христианскую Церковь было много лиц, которые состояли уже в браке и в то же время признавались достойными занять какую либо иерархическую степень; поэтому апостол Павел, не поставляя брака препятствием к священнослужению, сделал только ограничение брачному состоянию иерархических лиц, сказав, что епископу, пресвитеру и диакону следует «быть мужем одной жены». Но в то же время Церковь не понимала слишком буквально сего апостольского наставления, так, чтобы иерархические лица непременно должны были состоять в браке, и апостол Павел, как видно из хода его речи, не придавал своим словам такого безусловного значения, имея в виду положить только предел стремлениям лиц иерархических к брачной жизни. Лица несвязанные с миром брачными узами, если они удовлетворяли другим условиям вступления в

клир, всегда принимались в состав его, и безбрачному состоянию лица, занимающего епископскую степень, даже отдавалось преимущество, так как епископ, не стесняясь брачными связями с миром, всецело мог посвятить себя на служение Церкви. Допуская, таким образом брачное и безбрачное состояние для членов клира, Церковь требовала только, чтобы как в том, так и в другом было все благообразно и по чину; поэтому запрещала брачным иерархическим лицам, «изгонять своих жен, под видом благоговения» и безбрачным, после рукоположения, вступать в брак¹⁵⁷.

Но при этом первым запрещением Церковь не стесняла брачных иерархических лиц, ради действительного подвига воздержания, оставлять своих жен, если последние согласны были на это. В таком случае, жены епископов, или пресвитеров, и диаконов занимали, по большей части, должности диаконисс.

Относительно содержания клира нужно заметить, что в первенствующей Церкви не было для сего каких-либо определенных средств и источников. Прежде всего каждый член клира сам заботился о своем содержании, так как он принимал на себя известную церковную должность с одним только желанием послужить своему обществу, а не проживать на счет его средств. Таким образом, многие члены клира, вступая в состав его, продолжали, по примеру апостола Павла, заниматься теми ремеслами, или промыслами, которыми они занимались до вступления в клир и которые были совместимы с лежавшими на них обязанностями по Церкви, и тем доставляли себе средства к содержанию. Случалось, напр., что в клир вступал какой-либо богатый землевладелец и, продолжая получать доходы от земли, доставлял не только себе, но и другим неимущим членам клира, или общины, средства к содержанию. Таков был Киприан, епископ карфагенский (в половине III века), сын богатого римского сенатора. Случалось, что в клир вступали вообще люди со средствами, приобретенными еще раньше и содержали себя на эти средства¹⁵⁸. Затем, клир получал средства для своего содержания и от той общины, к которой принадлежал¹⁵⁹: хотя нельзя определить, в какой мере производились эти средства, но, во всяком случае, они были достаточны для удовлетворения всех необходимых потребностей членов клира. Эти средства распределялись между клириками, при посредстве и по усмотрению епископа, или из общественных касс, если таковые существовали при церквях, или вообще из церковного имущества, составлявшегося из добровольных пожертвований членов общины, смотря по усердию и состоянию каждого. Ии таким пожертвованиям, кроме

денежных, принадлежали и вещественные приношения, состоявшие, по обычаю, сохранившемся от церкви ветхозаветной, из хлеба, вина, плодов и разного рода припасов. Часть хлеба и вина отделялась для богослужения, остальное же все, за отделением части бедным, шло в пользу клира¹⁶⁰.

Наконец, относительно положения клира в первые века следует заметить еще то, что как избираемое в клир известной церкви лицо должно было непременно принадлежать к этой церкви, так и, после вступления в клир, оно должно было оставаться в нем навсегда и не переходить, без нужды, в клир другой церкви, перемещения особенно не дозволялись епископам, так как, по обстоятельствам того времени, каждая частная церковь, именно нуждалась в постоянном и неуклонном руководстве в одном направлении; а это достигалось тем, если епископ постоянно пребывал на одной и той же кафедре. Поэтому, если и допускались Церковью перемещения епископов, то в самых редких случаях, в виду особенной от сего пользы для той церкви, в которую они переходили¹⁶¹.

§ 64. Постепенное разделение Церкви на епархии и приходы

Уже во II и III веках мы видим разграничение Церкви, в порядке управления, на большие и малые округа. Основанием такого разграничения служило с одной стороны гражданско-правительственное разделение стран, входивших в состав римской империи, с другой – распространение христианства из одной местности в другую. В гражданском отношении известному городу подчинены были села и деревни. Такой же порядок начал устанавливаться и в церковном отношении: мало-по-малу христианские общины в селах и деревнях вошли в подчиненное отношение к общинам городским и тем удобнее, что самое христианство, которое, по большей части, направлялось, из городов в села и деревни, они получили от городских общин. Таким образом составились *епархии и приходы*. Епархиями назывались церковные округа, обнимавшие городские и сельские общины, а приходами – сельские общины, как части епархий. Впрочем, – необходимо заметить название: *епархия* для известного церковного округа – позднейшее; город с прилежащими к нему селами и деревнями, в церковном отношении, первоначально назывался *п а р и к и е ю* (παροικία). Кроме сельских приходов постепенно образовались и приходы городские. Когда известная городская христианская община была не многочисленна, все члены ее собирались для богослужения и совершения таинств в одно место, под непосредственным руководством епископа; с увеличением же верующих епископ разделял свою паству на группы, в которые назначал пресвитеров и диаконов из состоявших при его кафедре, сначала только на время, а потом и навсегда. Группы верующих, совершавшие отдельное богослужение, и образовали городские приходы. При всем том нельзя сказать, чтобы во II и III веках было строгое и определенное разграничение Церкви на епархии и приходы: окончательное определение пределов епархий принадлежит IV и V векам.

Управление каждой отдельной церковью, именуемую парикиею или епархиею, сосредоточивалось в лице предстоятеля ее, епископа города, как преемника апостольской власти. Он заведовал всеми церковными делами: без его воли пресвитеры и диаконы не могли ничего совершать¹⁶², и тем менее устраивать отдельные богослужебные собрания, без его благословения¹⁶³. Впрочем управление епископское не заключало в себе ничего деспотического и насильственного. С одной стороны, епископское управление, вследствие той тесной связи, которая объединяла между

собою всех членов церкви в одно целое, имело характер управления семейного, и самому епископу, поэтому, часто усваивалось название *отца* (ра), с другой – епископ не был единоличным правителем в церкви, так как, под его главным надзором, принимали деятельное участие в управлении клир и миряне. По всем важнейшим церковным делам епископ всегда совещался с своими пресвитерами и диаконами и wybranными старцами из мирян. К таким делам относилось: обсуждение вопросов об избрании на церковные должности, дела о членах, впавших в ереси, дела о падших во время гонений, суд над теми и другими, важнейшие вопросы по распоряжению церковным имуществом и т. п. Пресвитеры, диаконы и старцы из мирян, таким образом, составляли при епископе как бы главный совет его. Ближайшими же советниками и помощниками епископа по управлению церковью были вообще пресвитеры. При их участии епископ избирал кандидатов на церковные должности, главным образом чрез них наблюдал за жизнью паствы, вместе с ними распоряжался церковным имуществом и вообще обсуждал с ними все церковные дела. Пресвитеры, во главе с своим *архипресвитером*¹⁶⁴, лицом ближайшим к епископу, составляли при последнем *пресвитерский совет*. За смертью, или отсутствием епископа, они заведовали всем церковным управлением. Значение диаконов в церковном управлении состояло в том, что они были первыми исполнителями всех поручений, решений и распоряжений епископа, по всем церковным делам. По поручению епископа, они собирали справки, нужные ему по тому или другому делу, раздавали, по назначению его, вспоможения из церковных сумм бедным и другим, призреваемым церковью, лицам, объявляли верующим решения епископа, наприм. о времени и месте богослужебных собраний и т. д. Первое место между диаконами занимал *архидиакон*¹⁶⁵, который, как ближайшее и доверенное у епископа лицо, имел в своем ведении всех диаконов и низших клириков, наблюдая за их жизнью и руководствуя при богослужении. Вследствие своих непосредственных сношений с епископом и близости к нему, а также вследствие постоянных и близких сношений с мирянами, диаконы, и особенно архидиакон, приобретали иногда большое влияние на управление церковными делами, даже большее, чем пресвитеры, от чего и относились к последним так, как будто бы они занимали высшую иерархическую степень¹⁶⁶.

Проводниками епископской власти в сельских и деревенских церквях (приходах) были, так называемые, *хорепископы* (сельские епископы). Это были лица, имевшие пресвитерскую и иногда даже епископскую степень¹⁶⁷ и особенно уполномоченные от епископа города. Имея в своем

заведывании известный округ сельских церквей, они управляли ими, подобно епископу города, при пособии клира и мирян. Особенным преимуществом их было то, что они избирали для подведомых им церквей низших клириков, причисляя их к клиру, а те, которые имели рукоположение по чину епископства, с соизволения епископа города даже рукополагали пресвитеров и диаконов. Но в тоже время хорепископы должны были доставлять епископу города сведения о тех лицах, которых они принимали в клир. Вообще же хорепископы находились в подчинении у епископа города, так как и самое назначение их на должность зависело от него.

§ 65. Взаимное общение между церквами и их предстоятелями

Не смотря на появление церковных округов или поместных церквей, живших отдельною самостоятельною жизнью, все церкви и их предстоятели, также как в век апостольский, находились в постоянном общении. Это общение поддерживалось особенно *граматами, посланиями, соборами*. В особенно большем употреблении были *граматы представительные*. Они давались епископами всем клирикам и мирянам, отправлявшимся в пределы других церквей, в них заключалось свидетельство об их православии, честности, общении с Церковью, и в особенности о незапрещении клирикам священнослужения, а мирянам причащения Св. Таин. Без этих грамат никого не дозволялось принимать. Послания были разного рода: послания одних церквей к другим, напр. послание церкви смирнской о гонении, бывшем в этой церкви при Марке Аврелие, к церкви филомелийской и всем повсюду святым и католическим церквам¹⁶⁸, послания предстоятелей церквей по разным поводам, напр. по вопросу о времени празднования Пасхи, о крещении еретиков и вообще по делам о еретиках; послания соборов к церквам и епископам о соборных определениях, особенно относившихся к еретикам и т. и. Наконец, соборы служили самым лучшим средством общения между церквами и их предстоятелями. С половины II века, – когда начинаются исторические свидетельства, – соборы входят в большое употребление, так что в III становятся явлением повсеместным. На соборах епископы целого большого округа церквей входили в теснейшее единение друг с другом, раскрывая свои недоумения по управлению церковью и разрешая их после общего совещания. Тут же решались особенно важные дела о еретиках, часто волновавших церкви целой области; разбирались недоразумения и несогласия между епископами по управлению своими епархиями; составлялись общие правила в руководство всем церквам известного округа и т. д.

§ 66. Власть митрополитов

Во времена после-апостольские, некоторые церкви заняли первенствующее положение в среде других церквей. Это, прежде всего, церкви, находившиеся в главных городах провинций. Как меньшие города группировались вокруг главного города провинции, так и церкви малых городов группировались вокруг церкви главного города. Такое отношение нередко обуславливалось еще и тем обстоятельством, что церкви малых городов принимали христианство от церкви главного города. А так как главные города на востоке носили название митрополий, то такое же название постепенно усваивалось и церквам главных городов. Такое же первенствующее значение получили церкви главных областных городов, вследствие гражданско-административной важности самых городов, и из них особенно те, которые были основаны самими апостолами. Таким значением особенно пользовались церкви: *римская, александрийская, антиохийская, ефесская, иерусалимская* и друг. Кафедры этих церквей так и назывались *sedes apostolicae*. Впрочем, относительно иерусалимской церкви нужно заметить, что она, после окончательного разрушения Иерусалима при Адриане, пользовалась, сравнительно с другими, меньшим значением. Отсюда и предстоятели церквей, находившихся в главных провинциальных и областных городах подучили первенствующее значение между предстоятелями других церквей, и преимущественно те из них, которые занимали апостольские кафедры (*sedes apostolicae*). На последних все церкви смотрели, как на хранителей апостольского предания, и относились к ним с особенным уважением. В силу такого значения, предстоятели церквей главных городов или митрополий, получившие впоследствии название *митрополитов*, пользовались некоторыми преимуществами сравнительно с епископами малых городов, находившихся в одной и той же провинции или области. Так они входили в рассмотрение и обсуждение дел, выходящих из предела власти епископов малых городов, и последние должны были непременно представлять им такие, возбуждаемые в их церквах, дела¹⁶⁹. К этого рода делам относились определение догматов веры, составление правил и узаконений для Церкви, избрание епископов, суд над ними и т. п. Кроме того предстоятелям церквей главных городов предоставлялось право созывать на соборы всех областных епископов, назначать место соборов, каковым, по большей части, бывал тот же главный город, председательствовать на соборах, если не было какого-либо еще, особенно

уважаемого за святость жизни или ревность по вере, епископа. К концу III века, предстоятели церквей антиохийской, александрийской и римской, получили еще большие преимущества. Антиохийский возвысился над всеми епископами и митрополитами востока, александрийский – над епископами и митрополитами всего Египта, а римский над всеми епископами запада. Положение римского епископа особенно было высоко. Он был епископом церкви, находившейся в столице империи, преемником апостолов Петра и Павла, не только основавших римскую церковь, но и пострадавших в Риме, предстоятелем церкви, славившейся богатством и знатностью своих членов, а также многими мучениками и проч. Поэтому, уже во II и III веках, западные писатели, Ириней и Киприан, говорили об особенном первенстве римской церкви между всеми церквями.

Но такое отношение между церквями и их предстоятелями в больших и малых городах не было отношением подчинения и господства. Если отдавались преимущества некоторым церквям и их предстоятелям, то это происходило по особым обстоятельствам, указанным выше, и было только первенством *чести, а не господством*. Все церкви и все епископские престолы были равны между собою; епископы церквей больших и главных городов были только *первыми между равными*. Не смотря на это, уже во II и III веках со стороны римских епископов были сделаны попытки образовать *главенство* в Церкви т. е. поставить римского епископа во главе всей Вселенской Церкви с правом верховной власти. Эти попытки обосновывались на преимуществе чести римской церкви, которое отдавалось ей во всех западных и даже восточных церквях. В конце II века возникли споры по вопросу о времени празднования Пасхи. Римский епископ *Виктор*, человек высокомерный, властолюбивый, настоятельно требовал, чтобы церкви малоазийские, праздновавшие пасху не в одно время с церковью римскою, праздновали непременно в одно время с последнею и даже, как бы имеющий власть во всей Церкви, своими грамотами объявил малоазийских христиан лишенными общения, когда те не хотели подчиниться его требованию. Такое же притязание на главенство сделано было в половине III века другим римским епископом *Стефаном*, когда начались споры по вопросу о крещении еретиков. Стефан не хотел знать никакой другой практики церковной относительно крещения еретиков, кроме практики римской церкви, и, подобно Виктору, требовал от церквей малоазийских и северо-африканской принятия ее. Когда эти церкви отказались, он угрожал им прекращением общения, а Киприана карфагенского хотел даже отлучить. Но в обоих случаях церкви малоазийские и северо-африканская дали твердый отпор притязаниям на

главенство; они не признали за римским епископом права приказывать и повелевать во всей Вселенской Церкви. Иринеи лионский убедил Виктора не нарушать мира Церкви из-за неважных разногласий, а Киприан на третьем карфагенском соборе постановил даже, против притязаний римского епископа, чтобы африканская церковь ни в каком случае не обращалась к суду римской церкви.

Глава 5. Богослужение, благочиние и христианская жизнь

§ 67. Места богослужебных собраний

В век апостольский у христиан не было отдельных зданий для богослужебных собраний. Тоже было и во II веке: христиане собирались для богослужения в частных домах. Но и в частных домах, во время гонений, опасно было совершать богослужение. Поэтому христиане не редко устраивали еще богослужебные собрания в местах глухих и отдаленных от жилищ, каковыми были их кладбища или усыпальницы, находившиеся иногда в подземельях, называемых *катакомбами*. Только в конце II и особенно в III веке, когда число христиан увеличилось, и они, по временам, наслаждались спокойствием, стали появляться особые здания для богослужебных собраний. Если была возможность и были средства, христиане заботились о том, чтобы место, назначенное для богослужения, было устроено удобно и соответствовало своему назначению, а также и с приличным благолепием. С появлением отдельных зданий заботливость христиан об удобном устройстве и благолепии церквей стала проявляться во всей силе, свойственной их набожности. Совне зданию, назначенному под церковь, придавали продолговатую форму, на подобие корабля, а внутреннее устройство применяли к устройству еврейской скинии или иерусалимского храма, разделяя всю церковь на три чисти, или отделения. Первую часть, в которую вступали верующие при входе в церковь, составлял *п р и т в о р*, отделившийся от дальнейшей части храма решеткою, или даже глухою стеною. В притворах совершалось крещение обращающихся в христианство язычников, или иудеев, для чего устраивались в них неподвижные крещальни, если, впрочем, при церкви не было для сего особого здания. В этой же части храма должны были, во время богослужения, стоять оглашенные и кающиеся низших степеней. За притвором следовала вторая средняя часть храма, *место для верующих* или церковь в собственном смысле; из притвора вели сюда особые двери, называвшиеся *красными или царскими*. В этой части храма были еще особые отделения, но правую и левую стороны, для мужчин и женщин; на середине же устраивалось возвышенное место, на которое входили чтецы, певцы и диаконы, чтобы, во время чтения, пения или произношения молитв, их могли видеть все присутствующие; от чего это место и получило название *амвона*. На левой стороне амвона, близ третьей части храма, было *предложение*, т. е. стол, на который полагались приношения верующих¹⁷⁰. Третью часть храма составлял *алтарь*, отделявшийся от

средней части решеткою и, кроме того завешиваемый, во время совершения евхаристии, занавесью. В алтарь вело трое дверей, из которых средние назывались в восточной церкви *святыми*, а в настоящее время называются царскими. Против этих дверей поставляем был *престол*, на котором совершалась евхаристия. Сначала это был обыкновенный четырех угольный стол; но с течением времени его стали устраивать несколько выше обыкновенного стола. Престол в древней церкви назывался жертвенником, а также *святою трапезою*. За престолом устраивалось возвышенное место, на котором, в известное время, при богослужении сидел епископ и с которого говорил поучения, а с III века, по обе стороны епископского седалища, несколько ниже стали устраивать седалища для пресвитеров. В правой стороне алтаря устраивалось особое отделение для помещения и хранения священных книг и вещей, употребляемых при богослужении. Это отделение называлось *ризницею*, *сосудохранилищею*, а также *диакоником*, так как оно состояло в заведывании диаконов.

На построение церквей христиане нередко жертвовали большие средства, с тем, чтобы, по своему великолепию и богатству, они были поистине домами Божиими, отличными от обыкновенных жилищ. Так Евсевий, епископ кесарийский, описывая¹⁷¹ *церковь*, устроенную Павлином, епископом тирским, говорит, что он употребил на нее материал богатейший и драгоценнейший, не жалея никаких издержек и что в числе этого материала были и кедры ливанские и мраморы. Кроме того христианские храмы были украшаемы еще живописными изображениями. Предметом их был прежде всего святой крест. Крест, орудие позорной казни, в христианской Церкви сделался предметом почитания ради распятого на нем Господа; поэтому, с самых первых времен, изображениями его христиане стали украшать места своих богослужебных собраний. Далее, предметами живописных изображений, употреблявшихся не только на стенах храмов, но и частных домов, были разные предметы, события и лица, заимствованные из Свящ. Историй Ветхого и Нового Завета. Так, напр. были в употреблении изображения рая (при входе в *церковь*), ковчега ноева с голубицею, жертвоприношении Исаака, изображение Иова, Ионы, Даниила во рве львином, Иоанна Предтечи, крещения Спасителя в Иордане, насыщения пяти тысяч пятью хлебами, воскрешения Лазаря и т. п. К этому присоединялись еще символические изображения предметов христианской веры, употреблявшиеся, кроме храмов, даже на домашней утвари. Таковы изображения *голуби*¹⁷², *рыбы*¹⁷³, *корабля*¹⁷⁴, *рыбаря*¹⁷⁵, *Феникса*¹⁷⁶, *венца*¹⁷⁷, *виноградной*

лозы¹⁷⁸, доброго пастыря¹⁷⁹, агнца¹⁸⁰ и проч. Добрый пастырь с поднятою на рамена овцою, агнец, а также рыба были особенно любимыми изображениями у христиан первых веков. Что касается до изображения божественного лика Господа Иисуса Христа, а также Богоматери, апостолов и святых, то, нужно заметить, что хотя такие изображения и были в употреблении и почитании у христиан первых веков, но не по всеобщем. Были особые уважительные причины на то, почему Церковь, в первые века, не вводила во всеобщее употребление св. икон. С одной стороны иудеи, которым строго было воспрещено делать какое либо изображение Божества, вступая в христианскую Церковь, но могли скоро усвоить себе мысль, что христианские иконы не составляют идолопоклонства, против которого направлено было упомянутое запрещение, с другой стороны, предававшиеся идолопоклонству язычники и отказавшиеся от него, после вступления в христианство, могли неразумно приравнять св. иконы к своим бывшим идолам: наконец, не уверовавшие язычники, не понимая христианского иконопочитания, могли упрекать в идолопоклонстве христиан, отвергавших идолопоклонство. Что иконы не были во всеобщем употреблении, это видно отчасти из того, что упреков со стороны язычников в иконопочитании не было, хотя были упреки в почитании креста. Но с другой стороны, что св. иконы были в употреблении, хотя по местам, на это есть несомненные свидетельства из предания и истории. Так VII вселенский собор принял общее церковное предание о нерукотворенной иконе Христа Спасителя, посланной Им Самим эдесскому владетелю, Авгарю; по преданию также известно, что св. Лука написал икону Богоматери. А церковный историк Евсевий кесарийский положительно говорит¹⁸¹, «что посредством красок на картинах сохранены лики апостолов Петра и Павла, да и самого Христа».

Принадлежностями христианских храмов были списки Св. Писания Ветхого и Нового Завета, особенно евангелия, которое, если не предстояло для церкви опасности, постоянно находилось на престоле; к сему же следует присоединить еще списки молитв и песнопений, составленных христианами для церковного употребления. Далее, в числе постоянных и необходимых принадлежностей, были священные одежды, в которые облачались совершавшие богослужение¹⁸², священные сосуды, употребляемые при совершении таинства евхаристии¹⁸³, и, наконец, разные предметы и вещи, употреблявшиеся при всяком богослужении, как то: светильники, кадила и т. и.

§ 68. Составные части и общий порядок богослужения

Составные части общественного богослужения, как то: чтение Св. Писания, толкование его и поучение молитвы, песнопения и совершение евхаристии, были определены уже в век апостольский. Во II и III веках они получили большую определенность и полноту. Так уже в начале II века Св. Писание Нового Завета было заключено в особый сборник под общим названием: «евангелие и апостол» и в таком виде вошло в богослужebное употребление. Хотя назначение чтения той или другой книги при том или другом богослужении зависело от предстоятелей, которые, в этом случае сообразовались или с потребностями верующих, или с воспоминаемыми событиями из жизни Спасителя, или с тем и другим вместе; но уже во II и III веках при богослужении читались вместе и евангелие и апостольские послания, соответственно чтению закона и пророков в еврейской церкви, и тогда же было положено начало существующему делению их на известные отделы для чтения в известный богослужebный день. При чтении Св. Писания Нового Завета Церковь не оставляла и чтения Ветхого Завета. Св. Писание было читаемо на греческом языке, на котором были написаны св. книги Нового завета и на который переведены были еще задолго до Р. Хр. книги Ветхого Завета. В тех же церквах, где греческий язык понимали не все присутствующие при богослужении, напр. в Сирии и отчасти на западе, после прочтения известного отдела из Св. Писания предлагался перевод его, для чего состояли при таких церквах *переводчики* или *толмачи*. Впрочем во II веке появились уже два перевода Св. Писания – латинский и сирийский; поэтому в восточных и западных церквах не стало нужды в переводе его при самом богослужении. *Толкование Св. Писания*, особенно евангелия, и *поучение* верующих было второю непременною частию богослужения. Мало-по-малу при развитии в греко-римском обществе ораторского искусства, истолковательно-поучительные беседы времен апостольских стали принимать вид настоящих церковных слов или проповедей. *Молитвы*, произносимые в богослужebных собраниях от лица всех присутствующих во II и III веках также получили определенный порядок; диаконы должны были подавать знаки всем присутствующим, когда и о чем следовало молиться. Отсюда сами собою составились так называемые *ектении*, произносимые диаконами, содержание которых даже в настоящее время почти тождественно с молениями Церкви века апостольского. Во время произношения молитв внутреннее молитвенное настроение христиан выражалось и в древности, как и в настоящее

время, равными внешними действиями, как то: коленопреклонением, цроетертием на земле, возведением очей и поднятием рук к небу, крестным знамением и проч. То или другое внешнее действие, конечно, соответствовало тому или другому роду молитвы. Об употреблении в богослужебных собраниях *песнопений* христианского происхождения во II и III веках есть несколько указаний. В начале II века язычник Плиний Младший доносил императору Траяну, что христиане в своих собраниях поют гимн Христу, как Богу. А из приведенного в Истории Евсевия кесарийского¹⁸⁴ отрывка из сочинения христианского писателя против еретиков, видно, что «в древности верующими братьями написано много *псалмов и песнопений*, которые Христа нарицают Словом Божиим и прославляют Его Божество». При богослужении, обыкновенно, пели верующие; впрочем в некоторых церквях на востоке, по образцу еврейской церкви, очень рано появились отдельные хоры певцов.

Все эти части богослужения следовали одна за другою или сопровождалась одна другою в определенном порядке, так что еще во II и III веках положено было начало тому богослужебному *чину*, который окончательно утвержден был в IV и последующих веках. Особенно замечателен чин *литургии*. В III веке, или даже раньше, определен был весь порядок совершения литургии; в IV веке он дополнен был только не многими частностями. И тогда уже литургия разделялась на две главные части – литургию *оглашенных* и литургию *верных*. К первой допускались оглашенные, кающиеся и даже иудеи и язычники. После тайной молитвы, которою она начиналась, следовало пение псалмов, потом чтение Св. Писания Ветхого Завета, особенно пророческих книг, опять пение псалмов, чтение посланий апостольских и евангелия, наконец проповедь или поучение, – и начиналось постепенное *высылание*¹⁸⁵ из церкви неверных, оглашенных, кающихся. Пред выходом тех или других диакон провозглашал о них молитву, на которую народ отвечал: Господи помилуй. Литургия верных начиналась также тайною молитвою остававшихся в церкви; затем следовала общая молитва, провозглашаемая диаконом за всех и ответ молящихся: Господи помилуй, – и начиналось совершение таинства евхаристии, также точно как и в настоящее время.

§ 69. Совершение таинств крещения и покаяния

Таинства христианской Церкви во II и III веках совершались так же, как и в век апостольский. Только *крещение* и *покаяние* совершались с некоторыми особенностями, не касавшимися, впрочем, сущности этих таинств. Так, – в век апостольский крещение совершалось непосредственно после исповедания веры в Господа И. Христа и без продолжительного приготовления. Во II и III веках, в виду многих неискренно принимавших христианство и отпадавших от Церкви во время гонений, Церковь признала неудобным совершать крещение вслед за изъявлением желания принять христианство, и поэтому установила определенный порядок испытания и приготовления уверовавших ко вступлению в общество христиан. Такое предварительное испытание в искренности принятого намерения вступить в Церковь и приготовление к самому вступлению, или крещению, получило особенное название *оглашения*. Изъявившие желание креститься из иудеев или язычников прежде всего, по распоряжению предстоятеля церкви, отделялись от языческого или иудейского общества и присоединялись к обществу христиан, при чем им давались новые имена, каковыми были большею частью имена святых и благочестивых мужей ветхозаветной и новозаветной Церкви или названия христианских добродетелей; иногда, впрочем были оставляемы те же имена. Затем начиналось состояние оглашения, которое продолжалось от 40 дней до 3-х лет, а иногда сокращалось в несколько дней, вследствие чрезвычайных обстоятельств, именно во время гонений, когда оглашаемые твердым исповеданием веры доказывали уже свою готовность вступить в христианское общество. Состояние оглашения с III-го, или даже раньше, с II-го века, разделялось на три степени, которые должны были проходить оглашенные; почему они также разделялись на три класса. К первому принадлежали *слушающие*, ко второму *коленипреклоненные* или *оглашенные*, в собственном смысле и к третьему *готовящиеся к просвещению* (крещению). Оглашенные первого класса допускались только к слушанию Св. Писания, поучений и молитв из притвора, второго стояли вместе с верными до времени совершения евхаристии, после чего, ставши на колена и принявши благословение предстоятеля, выходили из церкви; наконец, оглашенные третьего класса, вступавшие в оный только на короткое время пред самым совершением крещения, постом и молитвою готовились к принятию крещения и научаемы были, как и что отвечать при совершении его. В течение всего

времени оглашения, оглашенный был научаем истинам христианства, по распоряжению епископа, кем либо из клира, или даже мирян, и, по большей части, тем, кто обращал его в христианство. Обучение состояло в раскрытии уверовавшему всего домостроительства спасения рода человеческого при свете истории Ветхого и Нового Завета. В Александрии очень рано, во II веке, было для этого даже училище, так и называемое *огласительным*.

Самое крещение совершалось, по большей части, в праздники Пасхи и Пятидесятницы, а впоследствии в праздник Богоявления. Оглашенного в христианской вере приводили в общее собрание верующих в притвор церковный, или в другое место, где устроена была крещальня. Здесь, в присутствии всех, он должен был прежде всего торжественно отречься от дьявола и его царства, так как состояние человека до крещения, по учению Церкви, есть состояние служения ему; при этом читалась еще заклинательная молитва над новокрещаемым для отогнания от него злого духа. Обряд помазания елеем новокрещаемого предварительно крещения совершался и в первенствующей Церкви в знак привития его к плодоносной маслине – Иисусу Христу. Затем начиналось торжественное испытание крещаемого в вере; ему предлагались вопросы, верует ли он (если был язычник) в единого Бога, в Господа Иисуса Христа и т. д., и крещаемый должен был отвечать, что верует. Затем следовало самое крещение, которое, как и в век апостольский, совершалось чрез погружение. Но при этом во II и III веках была и другая форма совершения крещения чрез окропление, или обливание, как исключительная, употреблявшаяся при крещении больных, умирающих (*baptismus clinicorum*), или при крещении оглашенных, заключаемых в темницы во время гонений, когда было невозможно крестить чрез погружение. По совершении крещения, новокрещенного все верующие приветствовали братским поцелуем, давали ему в руку светильник в знак хождения в свете, надевали на него белую длинную одежду, символ чистоты, которую он должен был носить в течение восьми дней; наконец в *некоторых церквах* давали новокрещенному молоко и мед, в знак вступления его в землю обетованную. Затем крещенный вступал совершению в общество христиан, принимая участие в совершении евхаристии, которую, по большей части, и сопровождалось крещение.

Как и в век апостольский крещение совершалось над взрослыми и младенцами. Хотя в конце II века карфагенский пресвитер, Тертуллиан, восставал против крещения детей, в силу того, что оно должно быть принимаемо сознательно, значит возрастными, но вся Церковь была

против него, и Ориген крещение младенцев прямо называет завещанием апостольским. При крещении детей, для научения их вере, когда они будут приходить в возраст были восприемники, как об этом засвидетельствовал тот же Тертуллиан. Впрочем, не смотря на существование в древней Церкви крещения детей, были случаи, когда крещение откладывали в надежде отпущения, по принятии его, всех соделанных грехов.

Как теперь, так и в древности крещение было не повторяемо; повторялось только над еретиками и то не во всех церквях. Некоторые из церквей восточных а также церковь карфагенская с большею частью африканских, перекрещивали всех еретиков, при вступлении их в православную Церковь, признавая крещение, совершенное над ними в еретическом обществе, отделившемся от Церкви и содержащем извращенное вероучение, неправильным. Напротив, другие церкви, и в числе их александрийская и римская, не перекрещивали еретиков, если крещение, хотя и совершенное в еретическом обществе, было правильно по форме т. е. совершено во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Из-за такой разности во взглядах на крещение еретиков в половине III века произошли большие споры в Церкви. Римский епископ, Стефан, (253–257 гг.) доказывал церквям восточным и африканским, что еретиков не следует перекрещивать и грозил им за противоположную практику прекращением общения, а епископу карфагенской церкви, получившей начало от римской, Киприану, даже отлучением. С другой стороны перекрещивание еретиков отстаивали Фирмилиан, епископ Кесарии каппадокийской и вышеупомянутый Киприан карфагенский, доказывая, что благодать находится только в истинно-христианской Церкви, а потому крещение, совершенное вне ее, не есть действительное крещение. По сему вопросу было несколько соборов один в малой Азии (253 г.) и три в Карфагене (255–256 гг.), на которых решено было перекрещивание еретиков. Святой Дионисий александрийский с своею церковью хотя держался одинаково с римскою церковью взгляда на крещение еретиков, но, подобно Иринею лионскому, своими посланиями, старался убедить Стефана не нарушать мира, предоставив каждой церкви действовать в сем случае, сообразно своим преданиям. Вышеозначенная разность во взглядах на крещение еретиков оставалась до IV века, когда на вселенских соборах установлены были общие правила, каких еретиков принимать в православную Церковь чрез перекрещивание и каких нет, т. е. каких еретиков крещение признавать действительным.

Относительно особенностей совершения таинства *покаяния* нужно заметить, что во II и III веках, при *частном* покаянии, было в большом

употреблении покаяние *открытое* или *публичное*. Оно имело место при исповедании грехов важных, имевших значение для всей христианской общины. Такими грехами особенно считались отступничество от веры во время гонений и предательство своих собратьев, уклонение в ересь и грехи, известные всему обществу верующих, напр. блуд. За подобные грехи Церковь отвергала от себя каждого члена, и если бы он захотел возвратиться опять в общество христиан, она предварительно принятия его чрез таинство покаяния, также как и пред крещением, подвергала его искусу или испытанию в искренности сознания греха и готовности начать прежнюю святую жизнь. В этом случае кающиеся, также как и оглашенные, должны были пройти несколько степеней искуса, сообразно которым разделялись также на классы. В первом классе состояли *плачущие*, которые, стоя вне храма пред входом в него, со слезами просили всех входящих верных простить их и опять принять в свое общество; во втором были *слушающие*, которые, вместе с оглашенными, слушали из притвора молитвы и чтение Св. Писания и выходили, вместе с ними же из церкви, пред началом совершения евхаристий; в третьем *коленипреклоненные*, которые стояли в самом храме назади верующих и после особой о них молитвы, которую они выслушивали коленипреклоненными, и благословения епископа, выходили из церкви; в четвертом, наконец, были *вместе стоящие* с верными; эти не допускались только до евхаристии, равно как и не имели права делать приношений. Все эти степени кающихся окончательно определены были только в III веке. Во все время искуса на кающихся налагались еще особенные подвиги, напр., они должны были, кроме постов, содержимых всею Церковью, содержать еще особые посты, при чем одевались во вретище, посыпали пеплом головы и т. д. Срок испытания был различен, смотря по тяжести грехов и исправлению кающегося. Очень часто, в отдельных случаях, он сокращался, по ходатайству исповедников за падших – кающихся. Исповедники¹⁸⁶, как лица, на себе испытавшие вою тяжесть гонений, и имевшие, поэтому, возможность засвидетельствовать пред Церковью, как трудно, среди жестоких мучений, оставаться твердым в исповедании веры, – давали падшим свидетельства (*libelli pacis*), в которых просили ту или другую общину христианскую принять падшего. Ходатайства исповедников усилились особенно в III веке и повели отчасти к ослаблению строгости публичного покаяния. Да и сама Церковь, при большом числе падших, во время гонений III вена, пришла к мысли ослабить строгость публичного покаяния; поэтому с охотой допускала ходатайства исповедников и даже назначила для падших особых

духовников, которые должны были разбирать степени их виновности и, с наложением на них особой епитимии, давать им разрешение от лица всей Церкви, но без публичного покаяния. Сначала такие духовники установлены были в Церкви африканской, а потом и в других церквях.

§ 70. Священные времена, праздники и посты

Третий (9-й), шестой (12-й) и девятый (3-й) часы дня были еще в век апостольский временами, посвященными на богослужение. Во II и III векам богослужение совершалось также в эти времена. Кроме того, когда со II века наступили жестокий гонения на христиан, они собирались на богослужение вечером и особенно ночью пред рассветом! Вечером же или ночью совершалось и таинство евхаристии. Иногда же христиане посвящали на молитву целую ночь с вечера до утра, например под праздник Пасхи.

Что касается праздников, то во II и III веках к праздникам, установленным в век апостольский, были присоединены еще новые. Так среди пятидесяти-дневного празднества, стали выделяться сороковый и пятидесятый дни, ознаменованные вознесением Господа и сошествием Св. Духа на апостолов, так что в конце III или начале IV века, они стали по преимуществу праздничными днями и образовали собою настоящие праздники: *Вознесения и Пятидесятницы, или сошествия Св. Духа на апостолов*. Потом, в воспоминание других событий из земной жизни Спасителя христианская Церковь также установила праздничные дни. Так во II веке в восточных церквах был уже праздник *крещения Господня или Богоявления*, а в III веке в западных было празднование дня *Рождества Христова*. К первым же векам относят установление праздников: Благовещения Пресвятой Деве Марии, Сретения Господня, Входа в Иерусалим. В честь св. мучеников также, в первые века, были установлены праздничные дни. В этом случае более общими праздниками во всех церквах были: в честь первомученика Стефана и апостолов Петра и Павла; но, по большей части, каждая частная церковь совершала празднества в честь своих местных мучеников. Дни смерти мучеников христиане называли *днями их рождения* в вечную блаженную жизнь; почему придавали им характер радостного празднества.

Установленные в век апостольский, посты существовали и во время после-апостольское. Прибавлений не было. Только в западных церквах, именно в римской, вопреки обще-церковной практике, мало-по-малу стало входить в обычай поститься в *субботу*. Тогда как во многих восточных церквах субботе придавался праздничный характер и там, согласно 64 правилу апостольскому, поста в субботу не было, римская церковь, в противодействие всему иудейскому, ввела у себя пост в субботу хотя практика римской церкви не была и на западе повсеместною.

Относительно *четыредесятницы* нужно заметить, что хотя этот пост существовал с апостольского времени и назывался *четыредесятницею*, но продолжительность поста не во всех церквах была одинакова. Это видно из свидетельства Иринея, который в письме к римскому епископу Виктору¹⁸⁷ высказывал, что «разногласят не только о времени празднования пасхи, но и о самом образе поста: ибо одни думают, что должно поститься один день, другие два, а иные больше; при том некоторые мерою своего дня почитают сорок дневных и ночных часов. Такое различие в соблюдении поста произошло не в наше время, но гораздо прежде, у наших предков, которые, вероятно, не соблюдали в этом большой точности и простой свой обычай передавали потомству».

§ 71. Споры о времени празднования Пасхи

В конце II века между некоторыми церквами возникли споры о времени празднования Пасхи¹⁸⁸. Евреи праздновали свою Пасху в 14-е число месяца нисана¹⁸⁹; некоторые восточные церкви, и в числе их малоазийския, по примеру евреев, праздновали свою христианскую Пасху также в это число, в какой бы день недели она ни приходилась и с этого числа прекращали пост. Празднование, впрочем, совершалось в христианском смысле; означенные Церкви в 14 день нисана совершали торжество в воспоминание крестной смерти Спасителя и называли оное *Пасхою крестною*, а затем, чрез день праздновали *Пасху воскресения*, но опять в какой бы день недели она ни приходилась. Другие церкви, как замечает Евсевий¹⁹⁰ «во всей вселенной», значит большинство, держались другого обычая; они праздновали воспоминание страданий и смерти Спасителя в первую пятницу после 14 числа нисана, а Пасху, или годовичную память Воскресения Христова, в первый затем воскресный день и с этого, а не с другого какого дня, прекращали пост. Таким образом в одних церквах Пасха праздновалась по *числам*, почему, естественно, не совпадала с недельным празднованием воскресного дня, в других, напротив, по *дням*, отчего приходилась в тот же день, в который среди недели праздновалось Воскресение Христова. Как те, так и другие церкви имели основание для своего празднования в предании. Малоазийския церкви ссылались на то, что они празднуют Пасху вместе с евреями, по преданию апостолов Филиппа и Иоанна; церкви же, праздновавшие Пасху после 14 нисана, напр. римская ссылались на предание апостола Павла.

Хотя празднование Пасхи вместе с иудеями нарушало самостоятельность христианского богослужения, но, в силу того, что внешность и форма в христианском богослужении поставлены на втором месте, в 1-м и почти в течении всего II века, не было споров из за разности во времени празднования Пасхи, и все церкви находились в мире и общении между собою. «Когда (в 162 г.) блаженный Поликарп (епископ смирнский), при Аниките (епископе римском) приходил в Рим; то оба они и касательно других предметов не много спорили между собою, но тотчас согласились, а об этом вопросе, и спорить не хотели, потому что «ни Аникита не мог убедить Поликарпа не соблюдать того, что он всегда соблюдал, живя с Иоанном, учеником Господа нашего и обращаясь с другими апостолами: ни Поликарп не убедил Аникиту соблюдать, ибо Аникита говорил, что он обязав сохранять обычаи предшествовавших себе

пресвитеров. Не смотря на такое состояние дела, они, однако же, находились во взаимном общении, так что Аникита, по уважению к Поликарпу, позволил ему совершить (в своей церкви) евхаристию: и оба они расстались в мире, равно как в мире со всею Церковию находились и соблюдавшие тот обычай и не соблюдавшие»¹⁹¹. Первоначально спор поднялся в восточных церквях (около 170 г.); именно на соборе Лаодикийском «происходил великий спор о пасхе»¹⁹², а также и в других местах «по сему случаю происходили соборы и совещания епископов, которые все единодушно, посредством своих посланий, положили общим правилом праздновать таинство Воскресения Господня из мертвых не иначе, как в день воскресный и в этот именно день прекращать пасхальный пост»¹⁹³. Все таки и после такого решения были церкви, продолжавшие праздновать Пасху вместе с иудеями; таковы были церкви мало-азийские. Римский епископ, Виктор, неразумно видевший в разности обрядовой разность догматическую, в послании, подписанном им от лица римского собора, особенно настаивал на одновременном праздновании Пасхи всеми церквями, именно в день воскресный после 14 нисана. Но Поликрат епископ эфесский, занимавший главное место между азийскими епископами, составил из них собор и, по общем совещании, писал к Виктору и к римской церкви, что апостолы Филипп, погребенный в Иераполе, Иоанн, погребенный в Ефесе, а также Поликарп, епископ смирнский и многие другие «все праздновали Пасху, по евангелию, в 14-й день, ни в чем не отступая от правила веры, но во всем держась его. Так поступаю и я, Поликрат, наименьший из всех вас, и поступаю по преданию своих родственников, которых был наследником, а из родственников моих считается семь епископов, я осьмой, и они всегда праздновали Пасху в тот день, когда народ оставлял квасный хлеб. Вот уже мне братия, шестьдесят пять лет о Господе; я имел сношения с братиями по всей вселенной, прочитал все Свящ. Писание и угрозы не боюсь»¹⁹⁴. Римский епископ, Виктор, человек высокомерный властолюбивый, после такого твердого отпора, хотел поставить на своем; «он хотел было отсечь от единения епархии всей Азии, с сопредельными ей церквями, как разномыслящие, и своими грамотами объявил тамошних братий совершенно лишенными общения. Но это не всем епископам нравилось; многие из них советовали ему позаботиться лучше о мире, единении и любви с ближними»¹⁹⁵. Между прочим Иринеи, епископ лионский, от лица галльских церквей писал по этому случаю Виктору послание особенно замечательное, так как оно служит характеристическим выражением истинных взглядов всей христианской церкви на значение

обрядности в богослужении. Ириней, хотя и утверждал, что таинство Воскресения Господня должно праздновать только в день воскресный, однако же и Виктору, как должно, советовал не отлучать от общения целые церкви Божии за то, что они сохраняют преданный им древний обычай. Указав за тем, что разногласие издавна существует и в продолжительности поста (четыредесятницы), он выставял на вид, что тем не менее все церкви сохраняли и сохраняют мир. По поводу этого же вопроса о времени празднования Пасхи Ириней писал в том же духе к предстоятелям и других церквей. После этого Виктор должен был отказаться от своей попытки отлучить от общения малоазийские церкви.

§ 72. Церковная дисциплина касательно принятия падших в Церковь и расколы против нее

Во время жестоких гонений, особенно при Декие и Диоклетиане, было много изменивших христианству, или, как называли их тогда, *падших*. Церковь немедленно исключила их из общества верующих (*excommunicatio*); но падшие почти всегда изъявляли желание опять присоединиться к Церкви. Возникал, таким образом, вопрос о принятии их. Все вообще церкви разрешали этот вопрос в смысле благоприятном для падших, соглашаясь принимать их в общество верующих, после прохождения ими различных степеней кающихся. Только карфагенская церковь некоторое время, смотрела неблагоприятно на принятие падших. Но в обоих случаях как решению благоприятному для падших, так и неблагоприятному, нашлись противники, которые образовали расколы. В карфагенском расколе *Новата* и *Фелициссима* выразилось противодействие строгости карфагенской церкви, относительно падших, в расколах же *Новациана* и *Мелетия*, наоборот, противодействие благосклонности к падшим церковей римской и александрийской. При этом во всех трех расколах выразилось еще противление иерархической власти, в расколах *Новата* и *Фелициссима* и *Новациана* противление пресвитеров власти епископской, в расколе *Мелетия* – противление епископа власти старшего епископа области.

В 248 году в Карфагене происходил выбор Нового епископа; избран был Святой Киприан. Но некоторые из пресвитеров, в числе пяти человек, между которыми особенно выдавался *Новат*, не довольны были этим избранием и отделились от своего епископа Киприана. Своеволие их дошло до того, что *Новат*, без ведома и воли Киприана, поставил в диакона никоего *Фелициссима*, человека богатого и влиятельного, который сделался душою партии недовольных пресвитеров. Образовался настоящий раскол, известный под названием *раскола Новата и Фелициссима*. Киприан осудил своеволие пресвитеров. Между тем наступило гонение Декия; Киприан, для блага церкви, счел нужным на время удалиться из Карфагена. Это подало повод партии, противной Киприану, решительно отказаться от повиновения ему и самовольно распоряжаться церковными делами, особенно касающимся принятия падших. Карфагенская церковь по вопросу о принятии падших держалась вообще – монтанистического воззрения, т. е. что Церковь не должна прощать их и принимать обратно; она может только увещавать их к покаянию. Такой взгляд сначала

разделял и Киприан; но так как падших было много и степени их падения, а следовательно и виновности, были различны, то он склонился к принятию, их в Церковь, впрочем с тем, чтобы дела о падших, предварительно принятия их, разбирались Церковью, ходатайства на них исповедников, которые давали им в этом случае особые свидетельства (*libellos pads*), рассматривались надлежащим образом и т. д. Об этом писал Киприан в свою церковь из своего удаления. Но раскольническая партия, противная Киприану, свой протест против строгости карфагенской церкви к падшим довела до крайности: она принимала в Церковь падших без всякого рассмотрения их дел, даже не требуя от них покаяния, по одним только ходатайствам исповедников, которые в своих *libellis pads* часто не просили известную церковь о принятии падшего, а надменно требовали этого. К пасхе 251 года Киприан возвратился в Карфаген, где в это же время собрался собор африканских епископов. На этом соборе относительно падших было решено принимать их, в Церковь, различая тех, которые во время гонений приносили жертвы идолам (*sacrificati*), от тех которые только получали свидетельства от суда в принесении жертв (*libellatici*) и, сообразно сему, полагая на них, предварительно принятия в Церковь, различные, но во всяком случае тяжелые, степени покаяния. Фелициссим же и его партия были осуждены собором. Но и после этого раскольники не смирились; – не признавая Киприана, они избрали вместо его карфагенским епископом Фортуната, одного из отложившихся пресвитеров. Впрочем, так как на стороне Киприана были почти все африканские епископы, за него же стояла и римская церковь, то раскол Фелициссима не мог усилиться. В IV веке его уже не было.

Почти одновременно о карфагенском расколе Новата и Фелициссима образовался раскол в Риме; только здесь раскольники защищали мнения вполне монтанистические, по тому же вопросу о падших. В 251 году римским епископом избран был Корнелий, смотревший, подобно некоторым своим предшественникам, на принятие в Церковь падших очень благосклонно. Против него восстали приверженцы монтанистических взглядов, во главе с пресвитером *Новацианом*, человеком образованным, но до Фанатизма строго – подвижнической жизни. Б партии Новациана присоединился известный Новат, прибывший из Карфагена. Хотя в расколе Новациана проводились мнения противоположные тем, за которые ратовал в Карфагене Новат, но для последнего это было не важно; он видел и в римском расколе такое же, как и в Карфагене, стремление пресвитеров выйти из под власти епископской, чему он сочувствовал и вследствие чего соединился с Новацианом. При

деятельном участии Новата, скоро произошло формальное отделение раскольников от церкви римской; они поставили себе епископом Новациана. Главные мысли, которые проводили раскольники были, следующие: Церковь есть общество святых; поэтому все падшие и соделавшие смертные грехи после крещения, должны быть извергаемы из нее и ни в каком случае не принимаемы обратно; Церковь и не имеет права прощать тяжких грешников, это право принадлежит одному Богу; она может только убеждать их к покаянию. Если же Церковь прощает грешников и принимает их обратно, то она сама делается нечистою, перестает быть святою. Поэтому, свое общество, в которое не принимались тяжкие грешники и если принимались переходящие из православной Церкви, то чрез перекрещивание, новациаце называли обществом чистых (καθαροί)¹⁹⁶.

Таким образом раскольники погрешали против обще-церковного учения о том, что Церковь, в силу заслуг Господа Иисуса Христа, может прощать всех грешников, что она всегда остается святою и при согрешивших членах, во имя того, что глава ее, Господь Иисус Христос, свят, что святы ее таинства и проч. Обе партии в Риме, и раскольническая во главе с Новацианом и православная – с Корнелием, обратились за посредничеством к церквам карфагенской, александрийской и антиохийской. Киприан, епископ карфагенский, решительно высказался против Новациана, как нарушителя единства Церкви; Дионисий, епископ александрийский, также высказался против него; но Фабий, епископ антиохийский, склонялся более на сторону Новациана, увлекаясь строгостию его жизни и его строгими требованиями. Хотя таким образом, Новациан и его приверженцы были осуждены, но общества новацианские и после того распространялись в Карфагене, Александрии, в Сирии, Малой Азии, Галлии и Испании и продолжали существовать до VII столетия. Причина такого усиленного распространения новацианского раскола кроется с одной стороны в строгости правил жизни, распространяемых раскольниками, с другой в монтанистической привязанности некоторых членов Церкви, особенно на западе, к внешним подвигам благочестия.

В начале IV веки, в гонение Диоклетиана, образовался, подобный же новацианскому, раскол М е летия, епископа города Ликополя в Фиваиде, что в Египте. Мелетий, старший епископ в области после александрийского, восстал против принятия в Церковь падших, хотя сам был из числа падших. Епископ александрийский Св. Петр, отлучил его за это от Церкви. Но Мелетий, с единомысленными ему епископами, образовал отдельное общество, присвоив себе права главного областного

епископа, т. е. александрийского, почему и не признавал власти всех преемников Святого Петра, умершего мученической смертью. На первом вселенском соборе раскол Мелетия был осужден и подтверждены права, александрийского епископа; по мелетианские епископы существовали до половины V века.

§ 73. Жизнь христиан

Братская любовь христиан была отличительной чертой их жизни и во времена послеапостольские. Она выражалась частною и общественною благотворительностию в самых широких размерах. Общественные бедствия особенно вызывали проявления христианской любви. Так Святой Дионисий александрийский описывает в привлекательном свете, полное евангельской любви, поведение христиан во время моровой язвы, свирепствовавшей в Александрии, сопоставляя его с поведением язычников. «Весьма многие, говорит он¹⁹⁷, от избытка любви и братолюбия, не щадили самих себя, но поддерживали друг друга, безбоязненно посещали больных, неутомимо ходили за ними, и, служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, потому что, исполняясь страданиями других, привлекали к себе болезнь от своих ближних и добровольно принимали их мучения. Таким-то именно образом оставили жизнь лучшие из наших братьев: некоторые пресвитеры и диаконы, и многие весьма похваляемые от народа они принимали тела святых на распростертые руки и перси, закрывали им глаза, заключали уста, несли их на своих плечах и потом полагали, прижимали их к себе и обнимали, украшали их умываниями и одеждами, а вскоре и сами сподоблялись того же; потому что оставшиеся в живых всегда следовали по стопам своих предшественников. Совершенно, напротив, поступали язычники: они прогоняли начавших хворать, убегали от самых любезных, выбрасывали на улицу полумертвых, оставляли без погребения мертвых, и таким образом старались избавиться от передаваемой и сообщающейся смерти, которую, однако ж, при всех их усилиях, не легко было им отклонить от себя». Римская церковь в половине III века содержала на общественные приношения более тысячи пятисот вдовиц и всяких немощных. Кроме того, как церковь, имевшая в своей среде богатых членов, она посылала всегда пожертвования в другие церкви бедствующим от чего бы то ни было братьям. Известна также благотворительность Церкви карфагенской. Св. Киприан, во время нашествия варваров на Нумидию, когда они захватили многих христиан в плен, собрал с своих клириков и народа сто тысяч сестерций и выкупил пленных.

Такая братская любовь христиан простиралась и на язычников. Она проявлялась во взаимных сношениях между христианами и язычниками в жизни частной и общественной. Прямотушие и честность христиан в столкновениях с язычниками поделим житейским и особенно торговым,

их верность, преданность и покорность правительству во всех делах, за исключением дел веры, замечаемы были даже языческим обществом и правительством и не редко вызывали сочувствие того и другого. Недаром Констанций Хлор и Константин, последний до принятия христианства, считали христиан самыми лучшими подданными в своей империи. Самым лучшим доказательством осуществления христианами заповеди о любви ко врагам – язычникам служит один случай в Карфагене при Киприане во время язвы. Язычники также, как в Александрии бросали на улицы тела больных и умерших от язвы; никто не хотел прибирать их; язва усиливалась. Язычники стали обвинять христиан в том, что они прогневали богов и за них боги посылают язву. Вот тут во всей силе проявилась любовь христиан. Киприан увещевал их помогать не только своим собратиям, но и язычникам, так как и они братья и дети одного Отца небесного. Христиане, по его слову, одни, без помощи язычников, очистили городские улицы от трупов, и тем спасли город от дальнейшего распространения заразы.

Отношение христиан к рабам и положение рабов в христианском обществе служит также доказательством проявления христианской любви во всем ее блеске. Дохристианский языческий мир выработал такое воззрение на человеческие отношения, что одни люди должны господствовать, другие быть рабами. Раб, по этому воззрению, считался не только существом без всяких человеческих прав, но даже вещь, которою господин может распорядиться по произволу. Христианство самым своим существованием уничтожало такое воззрение на рабов. Оно учило, что греху одинаково причастны господа и рабы, что Христос искупил весь род человеческий, следовательно и рабов, от греха, что в деле религии все равны и господа и рабы, все братья во Христе. Отсюда отношения между господами и рабами в христианском обществе запечатлевались духом христианской братской любви. В церковных собраниях господа и рабы получали полное равенство, – вместе молились, вместе пели гимны, вместе принимали евхаристию. В религиозной жизни раб иногда ставился выше господина, делаясь его учителем в евангелии.

Другую отличительную чертой жизни христиан II и III веков, как и в век апостольский, была *строгость* их нравов. Они проводили жизнь сосредоточенную, в своем обществе, вдали от всех языческих увеселений и развлечений. В тогдашнем языческом обществе страстно любимым увеселением были *гладиаторские игры*. Убивание людей людьми ради забавы и увеселения весьма сильно возмущало нравственное чувство христиан, помнивших заповедь о братстве и любви всех людей между

собою; и потому они не только не посещали гладиаторских игр, но даже отлучали от церковного общения тех, которые ходили смотреть гладиаторские бои. Также заботливо избегали христиане и других языческих зрелищ в театрах и цирках – мимических игр, комедий, трагедий, тайцев и т. п. Так как сценические представления имели связь с служением идолам и давались особенно в языческие праздники, то христиане считали их наравне с *служением сатане*. Строгость жизни некоторых христиан доходила до того, что они не только избегали увеселений языческого характера, но даже отказывались от удовольствий обыкновенной жизни, допускаемых христианством и не противных ему. Такие христиане стремились выполнить евангельские советы относительно жизни совершеннейшей. Требуя от христиан жизни нравственно-совершенной, евангелие вместе с тем предлагает советы относительно жизни совершеннейшей, обязательные не для всех, но только для могущих вести такую жизнь. Таковы напр. советы о жизни безбрачной, о жизни, отрешенной от мира и всех его удовольствий и т. п. Между христианами первых веков встречаются привлекательные примеры исполнения таких евангельских советов. На первых же порах жизни Церкви мы видим многих подвижников и подвижниц разного рода. Одни принимали на себя обеты девства, отказываясь от семейной жизни; другие – обеты произвольной нищеты, отказываясь от своего имущества и раздавая его бедным; иные проводили время в непрестанной молитве, посте и воздержании, а некоторые соединяли все эти обеты вместе. Такие подвижники известны под названием *аскетов*. Ограничивая в себе чувственные потребности и удерживаясь от житейских наслаждений, они стремились возвысить свой дух над плотью, чтобы беспрепятственнее посвятить себя на служение Богу. Аскетизм имел место в иудействе (ессеи и ферапевты) и в язычестве (стоики, пифагорейцы). Но там он основывался на дуалистическом воззрении на мир, по которому материя отождествлялась со злом и считалась источником греха. В христианстве, напротив, ничто материальное не считалось источником зла и ненависти к материальному не было; христианская аскетическая жизнь была свободным, не обязательным подвигом, возвышающим дух человеческий над материальными условиями жизни, ради жизни чисто духовной. В I и II веках подвижничество во всех его видах было явлением одиночным; подвижники жили отдельно друг от друга, не составляя из себя особого общества с определенными правилами жизни, не оставляли совершенно общества и не считали своих обетов неизменными. В конце III века подвижничество получает более определенный вид. Люди, стремящиеся к

высшему нравственному совершенству, находят более удобным проводить аскетическую жизнь вдали от общества в пустынях, в которые и удаляются. Удалявшиеся сюда подвижники получали название *анакоретов*, *еремитов* и наконец *монахов*. Гонение Декия в половине III века послужило внешним поводом к началу анахоретского образа жизни. Некоторые из египетских христиан бежали в соседние пустыни и здесь, вдали от общества людей, проводили подвижническую жизнь. Из таких подвижников особенно замечателен *Павел Фивейский*. Пятнадцатилетним мальчиком ушел он в фивайдскую пустыню и прожил в ней более восьмидесяти лет, не видя людей, питаясь дикими плодами, кореньями и травами и проводя время в молитвах. Павел Фивейский, таким образом, положил начало монашескому образу жизни. Но отцом монашества и организатором его был *Антоний Великий*, жизнь и деятельность которого относится более к IV веку.

§ 73. Христианские обычаи

Вся обстановка жизни первых христиан носила на себе религиозный отпечаток. Все обычаи их в домашней и общественной жизни проникнуты были духом христианской религии. Так они при начале какого-либо дела полагали на себе крестное знамение. На стенах своих домов, на домашней утвари и посуде, напр. стаканах, тарелках и проч. делали священные символические изображения. Делать изображения на стенах домов и домашней утвари и посуде было в обычае у язычников; предметом изображений служили, по большей части, сцены из мифологии. Христиане заменяли мифологические изображения изображениями креста, рыбы, голубя и т. п., употреблявшимися за тем и в самых храмах» Обычай христиан *погребать умерших, молиться за них и делать приношения во имя их*, по преимуществу, носит религиозный характер. Язычники тела умерших, обыкновенно, сжигали; христианская же Церковь приняла обычай еврейский – помазывать тела умерших благовонными мазями и полагать в землю. Самое погребение сопровождалось молитвами, пением, приличных совершаемому действию, псалмов и песнопений и даже иногда надгробными речами, а также совершением литургии в память умерших и тем удобнее, что очень часто местами христианских богослужебных собраний бывали усыпальницы, или катакомбы, в стенах которых ставились гробы умерших. Печаль об умершем умерялась радостным сознанием, что умерший во Христе имеет надежду воскресения для будущей жизни; почему считалось приличным сопровождать погребение торжественным и радостным богослужением – совершением евхаристии. Вследствие того общехристианского сознания, что умершие продолжают жить за гробом, христиане и после их смерти продолжали возносить за них молитвы, а в годовщины смерти, также как и в день смерти, делали как бы от них приношения и совершали евхаристию; причем в общественных молитвах умершие поминались поименно.

Выпуск второй (313–1054 г.)

Период второй. От торжества Церкви над язычеством при Константине Великом до окончательного отпадения западной церкви от восточной и устройства русской (313– 1054 г.г.)

§ 1. Характер этого периода

В начале IV века, когда римское правительство окончательно перешло на сторону христиан, Церковь Христова, после трехвековой борьбы с язычеством, взяла над ним решительный перевес. Христианская религия заняла в империи тоже место, которое прежде занимала религия языческая; она объявлена была верою государственною и господствующею. Наступает эпоха всестороннего развития внешней и внутренней жизни Церкви. Борьба с умирающим язычеством теперь уже нестрашна для Церкви. Язычество римской империи, имевшее в начале IV века многочисленных приверженцев, должно было отойти на второй план и доживать свои дни в глуши, пока не наступило время его окончательного падения. Упрочив свое положение в империи, Христианская Церковь, имеющая своим назначением обнять все народы, с большею, чем в первые три века, быстротою начинает распространяться вне ее пределов. Хотя с появлением магометанства (в VII в.) распространение ее на востоке останавливается и даже целые христианские области подпадают под власть мусульман, но в замен того христианство упрочивается почтя у всех европейских народов. Распространяясь во-вне, Церковь в тоже время, при благодетельном, хотя и не всегда¹⁹⁸, покровительстве государственной власти, живет полною внутреннею жизнью. Ни одна эпоха в истории Церкви не представляет такого сильного развития религиозной жизни, как во время от Константина до разделения церквей. Религиозные вопросы занимают в значительной степени, как правительство, так и общество. При всеобщем религиозном оживлении, появляется в Церкви множество ересей, расколов и вообще уклонений от истинного христианства; но с другой стороны и истинное христианство является во всем своем величии. Все стороны церковной жизни развиваются во всей полноте и получают определенный вид. Церковное управление, богослужение и проч. получают определенные формы, с которыми остаются на все последующие века. Христианское вероучение, после борьбы Церкви с еретиками и раскольниками, раскрывается во всей своей полноте, в строго-православном духе, на семи Вселенских Соборах и тем прочно ограждается на все века от изменений и искажений. Оживленные догматические и церковные споры и затем вселенские соборные вероопределения, заключающие в себе единственно истинное разрешение их, составляют принадлежность только этого периода исторической жизни Церкви. Но с другой стороны со второй половины этого периода церковно-

исторической жизни в Христовой Церкви начинает обнаруживаться разделение. Церковь римская, со всеми церквами запада, мало-по малу начинает уклоняться от благоустройства Церкви Вселенской. Постепенное уклонение ее происходит в течение нескольких столетий и оканчивается отделением от союза с церковью восточною. Отсюда История Церкви в этот период само собою распадается на два отдела, из которых первый обломает время Вселенских Соборов, а второй время, следующее за ними, до окончательного разделения церквей.

Период первый. От Константина Великого до седьмого Вселенского Собора (313–787 г.г.)

Глава 1. Внешнее состояние Церкви

§ 2. Положение Церкви Христовой при Константине Великом и его сыновьях

Эдиктом Константина Великого и Ликийя от 313 года объявлена была веротерпимость в греко-римской империи и дозволено было всем принимать христианскую веру. Но восточный император, Ликий, издавая вместе с Константином такой эдикт, поступал таким образом не из расположения к христианам, а по обыкновенному чувству справедливости. Поэтому, когда возникли между ним и Константином неприязненные политические отношения, в основе которых лежал вопрос, двум или одному государю быть в империи, Ликий, подозревая восточных христиан в сочувствии Константину, стал притеснять их: запрещал епископам выходить из своих областей для составления соборов, приказывал составлять богослужебные собрания на городом, в открытом поле, разрушил, или запер несколько церквей в Понте, под тем предлогом, что в них молятся не за него, а за Константина, и замучил несколько предстоятелей тех же Понтийских церквей. Наконец, в 823 году, произошла война между Константином и Ликийем, окончательно решившая вопрос о христианстве и единодержавии. Ликий, предполагавший было после победы над Константином, «устремитесь войною на безбожных», – т. е. христиан, сам был разбит в нескольких битвах, и лишился жизни. Сделавшись единодержавным государем во всей греко-римской империи, Константин мог теперь беспрепятственно посвятить себя на служение Церкви. Хотя он не тотчас принял крещение, но уже с 313 года, можно сказать, сделался настоящим христианским государем, почему и делал все, что было в его власти, для блага Церкви. Так, вступая в управление восточною половиною империи, в изданном по сему случаю манифесте, он высказывал желание, чтобы все его подданные были христианами и вообще при всяком удобном случае, старался обратить на путь истинный своих языческих подданных. Его воззвания и убеждения не оставались без последствий; многие из язычников обращались к христианству. Далее, он дал христианской Церкви многие важные привилегии, – допустил христиан к занятию важных государственных должностей, предпочитая их язычникам при назначении на оные, сам лично делал большие пожертвования на христианские храмы, построил несколько новых храмов, особенно в Палестине, на местах священных событий, в чем его усердною помощницею была его мать, Елена. Со времени Константина Иерусалим опять стал называться этим

именем, вместо названия Елии Капитолины, данного ему Адрианом. Наконец, – что важнее всего, – Константин поставил христианскую Церковь в такое положение в империи, что ее дела, как общества тесно связанного со всею государственною жизнью, признавались делами государственной важности. Что касается до отношения Константина к язычеству, то он поступал в этом случае, как глубокий политик. Он понимал, что язычество должно, рано или поздно, само собою по естественному ходу вещей уничтожиться. Поэтому не предпринимал никаких строгих мер против него, тем более, что язычников в империи было гораздо больше, чем христиан, Константин не закрывал языческих храмов, не отнимал жалованья у языческих жрецов, которое они получали от государства, даже не сложил с себя титула верховного жреца (*pontifex maximus*), который носили римские императоры. Вообще, он постоянно говорил, что религия есть дело совести, и оказывал замечательную терпимость ко всем своим языческим подданным, не исключая и солдат язычников, которых он не принуждал исполнить христианские обряды. Только те языческие храмы, которые оставались без употребления, после обращения в христианство жителей известной местности, были им закрываемы, и здания их отдавались христианам или храмы, в которых совершалось служение разврату и чрез которые распространялись суеверия¹⁹⁹, по его приказанию, были разрушаемы до основания. Язычество особенно сильно было в Риме, где ему преданы были многие знаменитые фамилии и было много последователей неоплатонизма. Не желая встречать противодействия со стороны закоренелых римских язычников своим заботам об упрочении христианства во всей империи, Константин решился оставить языческий Рим и (в 330 г.) перенес свою столицу в Византию, которая была названа по его имени Константинополем; здесь он основал столицу вполне христианскую, уничтожив идолов и украсив город христианскими храмами. В 337 году, на 65 году своей жизни, Константин умер, причисленный Церковию к лику святых, а римским языческим сенатом, по давнему языческому обычаю, к сонму богов.

Преимниками Константина Великого были его сыновья: Константин II (до 340 г.), Констанс (до 350 г.), управлявшие западом, и Констанций, управлявший, сначала (с 337 г.), востоком, а по смерти Констанса, и западом (до 361 г.). Они изменили политику своего отца по отношению к язычникам; строгий и насильственный меры против язычников, по их понятию, могли скорее всего уничтожить идолопоклонство и дать полное торжество христианству. Особенною нетерпимостию отличался

Констанций. Вместе с Констансом, он в 341 году издал закон, которым под угрозой смерти запрещались языческие жертвоприношения и всякого рода суеверные гадания; тот же закон был повторен еще несколько раз (в 346, 350, 353 и 356 г.г.) Вместе с этим Констанций разрушал языческие храмы, или отдавал их христианам, которые обращали их в церкви; только не многие храмы, бывшие памятниками истории или искусства, оставались нетронутыми. Вообще в правление Констанция принадлежность к язычеству считалась государственным преступлением, как в прежние времена принадлежность к христианству. Следствием крутых мер Констанция было то, что толпы язычников обращались в христианство по неволе и без сердечного убеждения в истинности его. Язычники, состоявшие на государственной службе, прежде других спешили принимать христианство, чтобы удержать за собою занимаемые должности. Язычество уничтожалось быстро по городам и только в важнейших из них, напр. Александрии, Афинах и Риме оно имело еще значительную силу. Древние патрицианские фамилии Рима и ученые Александрии и Афин сильно отстаивали язычество; первые защищали религию своих 7) предков, которые поставили империю на высшую степень славы и могущества, вторые – философию, науку и литературу, которые процветали в языческом мире. Сам Констанций, при всем своем желании уничтожит язычество, не отваживался разрушать языческие храмы в Риме и даже не отнял государственного жадования у жрецов.

§ 3. Положение Церкви при Юлиане Отступнике

Насильственные меры Констанция повели только к тому, что язычники, принявшие христианство поневоле и не принявшие его, сделались ожесточенными фанатиками и тем упорнее держались своей старой религии, чем настойчивее их преследовали. Затаенным желанием их было – взять перевес над христианами, какой они имели до времени Константина Великого. С восшествием на Престол преемника Констанция, Юлиана (361–363), желания их исполнились на некоторое время. В его лице римские язычники употребили последние усилия вдохнуть искусственную жизнь умиравшему язычеству, но эти усилия доказали только то, что язычество отжило свое время и никакими средствами не может быть восстановлено.

Юлиан, племянник Константина Великого²⁰⁰, оставшийся еще в детстве, после насильственной смерти отца, сиротою, вместе с братом своим Галлом, был удален от двора подозрительным Константином и помещен на жительство в одном замке в Каппадокии. Чтобы отнять у братьев всякую надежду на императорский престол, Констанций хотел со временем определить их в духовное звание и потому давал им соответствующее воспитание. В своем заточении Галл и Юлиан должны были постоянно ходить в Церковь, читать Св. Писание, которое, впрочем, не толковалось и не объяснялось, и вообще выполнять все церковные уставы. Удаление от двора и стесненная жизнь в заточении возбуждали в Юлиане ненависть к Констанцию, тем более, что последний был причиною смерти его отца, а потом и брата, Галла. С ненавистью к Констанцию развивалась в Юлиане ненависть и к христианству, как религии его притеснителя. Внешне религиозное воспитание не могло возбудить в нем любви к христианству. А приставленный к нему учитель словесности, христианин только по имени, а на самом деле настоящий язычник, сумел привлечь его на сторону язычества. Под руководством своего учителя, Юлиан познакомился с произведениями искусства, науки и литературы древне-классического мира и особенно с мифологиею и воззрениями на нее неоплатоников. Прельщенный красотою созданий языческо-классического мира, при отсутствии глубокого понимания христианства, Юлиан теперь уже, в ранних годах, был язычником, хотя, по примеру своего учителя, еще долгое время скрывал свои религиозные убеждения, представляясь ревностным христианином. В дальнейшей своей жизни до самого вступления на императорский престол, Юлиан все более

и более утверждался в той мысли, что язычество, в том смысле, как представляли его неоплатоники, есть истинная религия и что он признан восстановить его. Скрытность Юлиана обманула Констанция. Не имея прямых наследников, он решился в 332 г. вызвать Юлиана ко двору в Константинополь и дать; ему воспитание, как наследнику престола. При дворе Юлиан увидел интриги, в христианском обществе, окружавшем его, разногласия, борьбу религиозных партий²⁰¹ и проч. Все это возбуждало в нем нерасположение к христианству. А между тем поборники язычества, с которыми Юлиан скоро сошелся, постарались раскрыть пред ним древнюю религию отцов, освещенную философскими воззрениями, в привлекательных формах. Знаменитый языческий ритор Ливаний, которого Юлиан тайно слушал в Никомидии, имел на него сильное влияние. В городах Малой Азии и Афинах, куда Юлиан, с разрешения Констанция, отправился докончить свое образование, он познакомился с знаменитыми неоплатониками, особенно с Максимом, который посвятил его во все таинства теургии и экстаза. Языческая партия в молодом Юлиане видела уже своего сторонника и дожидилась того времени, когда он будет императором. В 355 г. Констанций, не подозревая еще в Юлиане язычника, отправил его в Галлию, в звании Кесаря. В 361 г. последовал разрыв между Констанцием и Юлианом. Юлиан, провозглашенный своими войсками императором, пошел открытою войною против Констанция, причем сбросил маску христианина и открыто заявил себя язычником. К счастью Юлиана, Констанций в том же году умер, – и он в том же году сделался правителем всей империи.

Вступление Юлиана на императорский престол было радостным событием для языческой партии. Молодой император, окруженный философами, учеными, жрецами и авгурами, ревностно взялся за восстановление язычества. Еще на пути из Галлии он открыл множество храмов, закрытых при Констанции, и с большим торжеством приносил в них жертвы богам. По вступлении в Константинополь, торжественно заявив свое отречение от христианства, он приказал по всей империи восстанавливать разрушенные и открывать закрытые храмы и отправлять в них служение. Гонимые и преследуемые жрецы вышли из своих убежищ и направились к алтарям своих богов. Сам Юлиан более всех своих языческих подданных и даже более жрецов заботился о восстановлении древних, почти забытых, культов. Нося титул *pontifex maximus*, он хотел быть жрецом на самом деле; поэтому часто сам лично, с небывалою торжественностью и благоговением, приносил жертвы богам. – Таким образом язычество снова стало религиею государственною и язычники

опять получили преобладающее значение в империи. По отношению к христианскому обществу Юлиан держал себя на первых порах довольно снисходительно. Наученный историей, он понимал, что кровавые преследования не могут уничтожить христианства. Скорее, думал он, можно ослабить его и довести до уничтожения хитрою политикою. В этих видах, руководствуясь, по-видимому, философскою терпимостию ко всем учениям, он предоставил свободу действий всем христианским партиям и сектам; на самом же деле он рассчитывал, что христианское общество, при внутренней борьбе партий, само собою придет к падению. С хитрою же целью Юлиан особым законом запретил христианским ученым заниматься научением философов и поэтов и объяснением их в школах, представляя в основание то обстоятельство, что люди, изъясняющие творения великих мужей – Гомера, Гезиода, Геродота и др. и обличающие их в нечестии, оскорбляют богов, которых почитали эти великие люди. На самом же деле упомянутым запрещением Юлиан хотел защитить свое дело восстановления язычества. Он очень хорошо видел, что христианские ученые, знакомые с философами и поэтами, объясняя писания их пред своими слушателями с христианской точки зрения, подрывают язычество в его первых источниках. Далее, чтобы оскорбить христианское чувство и даже посмеяться над пророчеством Христа Спасителя об иерусалимском храме, Юлиан, под видом той же веротерпимости, дал иудеям средства восстановить свой храм в Иерусалиме. Но, по свидетельству и языческих и христианских писателей, появлявшийся три раза из земли огонь истреблял все начатые постройки, так что сами Иудеи в ужасе отказались от предпринятого дела. Хотя подобные распоряжения направлены были против христиан только косвенным образом и не угрожали существованию Церкви, но уже одно то, что привилегии религии государственной стали переходить от христианства к язычеству, поставило христиан в положение двусмысленное, при котором возможны были для них большие притеснения. Так, с восстановлением язычества, воинские знамена, с изображениями креста заменены были новыми с изображением богов, разные воинские церемонии получили характер языческий. Все это, конечно, стесняло воинов-христиан. Приказание Юлиана (в Антиохии) окроплять жертвенной кровию, продаваемые на рынках припасы повело уже к (утеснению всех христиан. Потом удаление христиан от занимаемых ими государственных должностей и предпочтение, отдаваемое правительством язычникам во всех случаях жизни, напр. в судебных спорах и тяжбах, поставляло часто многих из христиан в затруднительное положение. Но самым сильным стеснением

христиан было то, что они, по приказанию Юлиана, должны были возвращать язычникам те имущества, которые при Константине и Констанции перешли от языческих храмов к христианской Церкви. Многие языческие храмы были обращены в церкви; многие были разрушены и на месте их построены церкви; земли, принадлежавшие языческим храмам, заняты были христианскими строениями и т. д. Чтобы выполнить приказание императора, христиане должны были уничтожать церкви свои и даже на свой счет восстанавливать разрушенные, по приказаниям христианских государей, языческие храмы. При этом бывали и такие случаи, что язычники требовали и отнимали у христиан не только то, что прежде принадлежало языческим храмам, но и то, что всегда было собственностью христианских церквей.

Но как Юлиан ни стеснял христиан, прямо и косвенно, он ни сколько не ослабил христианства и далеко еще не достиг своей цели восстановления язычества, тем более, что, почти в первые дни своего правления, разшелся с большинством языческой партии. Воспитанный в понятиях неоплатонической школы, он хотел восстановить не то язычество, какое знало большинство язычников, а язычество преобразованное по началам неоплатонизма. Отрицая вместе с своими учителями-неоплатониками древнее многобожие и признавая божеством только единое Верховное Существо, Юлиан видел в богах древней религии идеи, свойства и качества этого Верховного Существа, а в идолах – изображение сих последних. Сообразно с своими понятиями о богах древности он смотрел и на мифы, стараясь своими аллегорическими толкованиями прикрыть все их нелепости и возбудить в язычниках такое же благоговейное уважение к ним, каким он сам отличался. Вместе с теоретическою стороною в язычестве Юлиан хотел преобразовать и практическую. По-прежнему оставляя в языческом культе жертвоприношения и даже заботясь об увеличении их, он хотел ввести в нее религиозно-нравственные элементы; требовал, чтобы жрецы занимались изучением философов и поэтов, как провозвестников божественным истин, вели жизнь строго-воздержную и добродетельную, поучали народ, объясняя ему смысл древних мифических сказаний, при храмах устраивали благотворительные заведения и т. п. Словом, дух религии христианской Юлиан хотел перенести на язычество. В таком виде язычество неизвестно было большинству язычников, даже самим жрецам: языческая масса, знавшая только богов и идолов, далека была от воззрений Юлиана. Самая ревность к восстановлению язычества, небывалая и необыкновенная, для многих язычников казалась странною и не находила

сочувствия; языческая партия хотела не реформы в язычестве, а политического преобладания над христианами. Поэтому, массы народные, как и прежде, относились к служению своих богов холодно и небрежно; случалось, что одни только старухи присутствовали при жертвоприношениях императора-жреца, или, – как это было в Антиохии, – в праздник Аполлона, язычники оставили одного императора приносить жертвы богу поэзии, под открытым небом, при проливном дожде, а сами искали убежища под крышею храма. Свободно мыслящие из язычников даже открыто в разговорах и сочинениях смеялись над множеством жертв, приносимых Юлианом, и над его философскими толкованиями мифов. Приближенные Юлиана, наполнявшие его двор, тоже не сочувствовали его планам; в большинстве это были шарлатаны и искатели приключений, рассчитывавшие приобрести какие-либо выгоды от императора-язычника. Таким людям не нравилась строго-философская, полная энергии, жизнь Юлиана, и на требование его проводить подобную же жизнь они отвечали жалобами на невнимательность к ним императора. Разочарования одно за другим постигали Юлиана; языческое общество не сочувствовало его планам, христианское мужественно переносило все притеснения и нисколько ни ослабевало. Но Юлиан не хотел отказаться от своего дела; препятствия и неудачи только раздражали его. Он хотел употребить все средства, даже насильственные, чтобы только достигнуть своей цели. И действительно, христиане ожидали уже от него жестоких преследований, после похода его в Персию. Но в одной битве с персами в 363 году, Юлиан был убит, – и вместе с его смертью кончилось его дело восстановления язычества.

§ 4. Положение Церкви при последующих императорах и окончательное падение язычества в греко-римской империи.

Юлиан был последним на языческих императоров. После его смерти на императорский престол выбран был войском Иовиан (363–364 г.), который, при самом избрания, заявил, что он христианин. Впрочем, этот царь относился к язычникам снисходительно, запретив только те жертвоприношения, которые соединены были с гаданиями и разного рода суевериями. Подобною же терпимостию к язычникам отличались преемники его, Валентиниан I (364–375г.), управлявший западом, и Валент (364–375 г.), брат последнего, управлявший востоком. Валентиниан (364 г.) издал даже закон, что всякий может свободно содержать ту религию, которая согласна с его убеждениями. Но христианство было уже на столько сильно само в себе и распространилось в таких сильных размерах, что тот же государь, в указе от 368 г., назвал язычество *religio paganorum*, т. е. верою поселян. При нем язычество уже почти было вытеснено из городов. Грациан (375–383 г.), сын Валентиниана, управлявший также западом, стал принимать решительные меры против язычества. При восшествии на престол он сложил с себя титул *pontifex maximus*, отказавшись принять знаки, присвоенные сему достоинству, вынес из курии сената алтарь Виктории, конфисковал имущества языческих храмов, отнял у жрецов и весталок привилегии и государственное жалованье и. т. д. Преемник Грациана, Валентиниан II (383–392 г.), – на западе – действовал в том же направлении. Префект Рима, Аврелий Симмах, знаменитый языческий оратор, убеждал Валентиниана восстановить в сенате алтарь Виктории, указывая на древность этого культа и связь с ним славной истории Рима, покорившего целый мир; но Валентиниан, по убеждению Амвросия, епископа Медиоланского, оставался непреклонным. В тоже время Феодосий I Великий, избранный Грацианом, после смерти Валента, в соправители (379–395 г.), – на востоке, – принимал против язычества еще более решительные меры.

По приказанию его, языческие храмы всюду были разрушаемы, запираемы или обращаемы в христианские церкви. При этом фанатики из христиан выполняли приказание императора иногда с насилием, на которое язычники отвечали тем же. Так, в Александрии, при разрушении

храма Сераписа (391 г.) было кровавое столкновение между христианами и язычниками, в котором погибло много тех и других. Сподвижник Юлиана, престарелый Ливаний, напрасно писал апологию в защиту храмов, в которой отстаивал свободу убеждений; его речь осталась без последствий. После смерти Валентиниана II (392 г.), сделавшись единодержавным государем во всей империи, Феодосий нанес последний удар язычеству изданием закона, по которому всякого рода служение богам признавалось преступлением наравне с оскорблением царского величества. В Риме языческая партия, после смерти Валентиниана, воспользовавшись пребыванием Феодосия на востоке, провозгласила императором язычника Евгения, который снова восстановил язычество. Но в 394 году Феодосий низложил его и уничтожил последние надежды язычников. Дети и преемники Феодосия, со времени которых империя распалась на восточную и западную, Аркадий (395–408 г.), и Гонорий (395–423 г.), продолжали дело уничтожения язычества уже в местах глухих и отдаленных от городов. Гонорий на западе приказал разрушать все, оставшиеся еще, храмы и удалил от государственных должностей язычников. На востоке миссионеры-монахи, с полномочиями Аркадия, обходили провинции и обращали оставшихся там язычников. Преемник Аркадия, восточный император Феодосий II (408–450 г.), в указе от 423 года высказал уже предположение, что язычества уже не существует более на востоке. Только в Афинах, в среде ученых неоплатонической школы, держалось еще некоторое время язычество. Но император Юстиниан I (527–566 г.), обратив внимание на знаменитого в то время неоплатоника Симплиция, приказал закрыть школу. Учителя неоплатонической школы не хотели изменить своим убеждениям и ушли в Персию. Затем еще потомки древних спартанцев, обитавшие в горах, вместе с политической независимостью, защищали древних богов Спарты до IX столетия. Но уже с V века, можно сказать, восточная империя стала христианской. – На западе язычество держалось крепче, чем на востоке. Нападения на Италию варваров в V столетии поддерживали надежды языческой партии. Римские сенаторы из языческих фамилий высказывали открыто, что все несчастья постигают империю за оставление религии отцов. В 476 году западная империя пала, под оружием варваров, но язычество не было восстановлено, и христианская Церковь оставалась непоколебимой. Остготский король Теодорих в конце V века, овладевший Италией, издал даже закон, которым, под угрозой смерти, запрещал идолослужение. Следы язычества на западе сохранялись до времен папы Григория Великого, в конце VI столетия, именно на итальянских островах.

§ 5. Распространение Церкви вне пределов Римской империи

В первые три века христианская Церковь только отчасти проникла за пределы Римской империи; борьба с римским язычеством за свое существование заставляла христианское общество сосредоточить все свои силы на одном пункте, именно в Римской империи. Теперь же, когда борьба окончилась падением язычества и Римская империя сделалась христианским государством. Церковь полупила возможность выступить решительным образом за пределы империи. Пути, которыми она проникает в языческие, близкие и отдаленные от империи, страны, весьма разнообразны. Христианские купцы, посещая языческие страны по делам торговым, заносят сюда христианство; христиане, попадающие в плен к язычникам, просвещают их светом евангелия, и, наоборот, язычники, попадающие в плен к христианам, знакомятся с христианством и, возвращаясь на родину, становятся в свою очередь распространителями его между своими соотечественниками; монахи-подвижники, поселяясь в пустынях на границах Римской империи или даже в языческих странах, своею святою жизнью пробуждают в язычниках уважение к христианству и заставляют их принимать его; ревностные проповедники евангелия, с апостольскою неустрашимостию, отправляются в страны варваров и основывают между ними церкви; предстоятели церквей и государи устраивают правильные миссии для обращений язычников; женщины-христианки, именно принцессы, выходя в замужество за языческих королей и князей, располагают к принятию христианства, как своих мужей, так и под данных – язычников. Вообще всякого рода столкновения и сношения между на родами, принявшими христианство и не принявшими, служили более или менее удачными поводами к распространению христианства между последними. В течение пяти веков, протекших от Константина Великого до седьмого Вселенского Собора, мы видим, Церковь распространилась во многих языческих странах Африки, Азии и особенно Европы.

а) в Африке

Из обитателей Африки, в первой половине IV века, приняли христианство Абиссинцы или Эфиопляне. Около 316 года один христианский ученый, Меропий, родом из Тира, со своими родственниками, еще юношами, Эдессием и Фрументием, путешествовал с научными целями в страны на юг от Египта по Чермному морю. Случилось, что корабль, на котором он плыл, пристал к берегам Абиссинии. Абиссинцы напади на мореплавателей, избили и потопили их всех, кроме Эдессия и Фрументия, которых пощадили из жалости к их возрасту и представили в дар своему царю. Абиссинский царь нашел их годными для своей службы и дал им должности при своем дворе. Вскоре Эдессий и Фрументий сделались, лицами влиятельными; по смерти царя, Фрументий, по просьбе вдовы его, сделался даже воспитателем малолетнего наследника престола, Айзана. Пользуясь таким значением в стране, Эдессий и Фрументий могли свободно исповедовать свою веру. Они знакомились с приезжавшими в Абиссинию по торговым делам римскими купцами, устраивали с ними богослужебные собрания и даже построили маленькую церковь. Когда Айзан вырос, Эдессий и Фрументий выпросились на родину. Эдессий отправился в Тир к своим родным, а Фрументий в Александрию, где тогда был епископом Афанасий Великий. Фрументий рассказал ему, как легко могут быть просвещены христианством абиссинцы, и просил прислать к ним епископа и клир. Св. Афанасий счел за лучшее поставить в епископа для абиссинцев самого Фрументия, который и отправился к ним обратно. Молодой царь Абиссинский, по убеждению Фрументия, крестился; за ним крестились многие из его подданных. Фрументий был абиссинским епископом долгое время, построил много храмов для новообращенных и, после своей смерти, оставил абиссинскую церковь прочно устроенною; вероятно, он же дал ей и перевод Св. Писания Нового Завета на абиссинском языке. Абиссинская церковь

Находилась в тесной связи с церковью александрийскою, патриарху которой подчинен был старший абиссинский епископ, или митрополит. Поэтому, во время арианских смут и споров, она, верная преданиям церкви александрийской и ее патриарха, Афанасия, оставалась православною, не смотря на то, что император Констанций употреблял всевозможные средства распространить арианство между абиссинцами. Но, вследствие той же связи с церковью александрийскою, абиссинская церковь в V веке,

вместе с нею, уклонилась к монофизитству.

б) а Азии

1. На Кавказе. Обитатели Кавказа приняли христианство отчасти в IV веке, отчасти в VI. В двадцатых годах IV столетия к Иверам попала в плен одна христианка, Нонна, вероятно, монахиня. И в плену, будучи рабою, она проводило строго-подвижническую, благочестивую жизнь, чем возбуждала удивление иверов. У иверов был обычай переносить больных из одного дома в другой для того, чтобы всякий, кто знает средство против болезни, указал его. Случилось, что в тот дом, в котором жила Нонна, принесен был больной ребенок. Человеческие средства уже не могли спасти его от смерти. Но Нонна помолилась Богу, – и ребенок выздоровел. Слух об этом чуде дошел до царского дома. Заболела сама царица и также выздоровела, по молитве Нонны. Вместо всяких подарков за исцеление, которые предлагал ей царь, она просила только, чтобы был построен храм тому Богу, которого она почитает. Впечатление, произведенное на царя чудом и словами Нонны, усилилось еще более, когда он сам заблудился на охоте. Находясь в затруднительном положении, он вспомнил могущество христианского Бога, которого почитает Нонна, и дал обещание построить Ему храм, если благополучно возвратится домой. Действительно, он возвратился благополучно; уверовал сам в христианского, Бога, начал строить Ему храм и, по совету Нонны, отправил посольство к Константину Великому, чтобы тот прислал в Иверию епископа и клир. Греческие священники, прибывшие затем в Иверию, просветили жителей ее евангельским учением. При этом царь и царица с особенною ревностью заботились об обращении своих подданных. От иверов христианство постепенно распространялось между другими племенами, населявшими Кавказ, так что царь Лазов, прибыв 520 году в Константинополь при Юстине I, по политическим делам, принял крещение и затем распространил христианство между своими подданными. От Лазов христианство вскоре перешло в Абазгам или Абхазцам, император Юстиниан I особенно заботился о распространении между ними христианства, посылая в них священников и устраивая у них церкви.

2.) В Армении. В первые века по Р. Хр. Армения нередко подпадала под власть римлян. Чрез это открывалась возможность сношений римских христиан с жителями Армении и вместе с тем открывался путь христианству в Армению. И Действительно, уже в II веке мы видим христиан из туземных жителей Армении. Но окончательно утвердилось христианство в Армении в IV и V веках. Апостолом Армении был

Григорий, получивший за свою проповедническую деятельность наименование Просветителя. Он был сын армянского князя, Анака. При истреблении всего дома Анака (259 г.), Григорий, будучи еще двухлетним ребенком, был спасен от смерти своею кормилицею, христианкою, и отправлен в Кесарию каппадокийскую, где получил христианское воспитание. Возвратившись затем на свою родину, в Армению, он, поступив на службу к царю Тиридату III и успев обратить его в христианство. Желая устроить армянскую церковь на прочных началах, он отправился [302 г.] опять в Кесарию, принял от тамошнего митрополита, Леонтия, сан епископа и, возвратившись в Армению, с необыкновенною ревностью взялся за обращение своих соотечественников. Царь и двор крестились, за ними крестилось много народа. Вместо языческих храмов во множестве появились христианские церкви, появилось церковное просвещение и просвещенный клире. После смерти Григория Просветителя, попечение об армянской церкви перешло к его потомкам, из которых многие были и епископами. В начале V века один из таких потомков, Исаак Великий вполне dokonчил дело Григория. Он основал множество церквей и монастырей, приготовил целое поколение научно образованных клириков, устроил христианские школы для народа и положил основание армянской богословской литературе. При нем же Месроб изобрел армянскую азбуку и перевел Св. Писание на армянский язык. Между тем (в 428 году) Армения, под оружием персов, потеряла свою самостоятельность. Персидские цари, вместе с господством над Армениею, хотели восстановить в ней и религию Зороастра. В половине V века персидский полководец и правитель Армении, Мир-Нерсес, издал к армянскому народу грозную прокламацию, в которой порицал христианство и требовал возвращения к религии Зороастра. Армянские епископы, пресвитеры и представители народа под председательством своего главного епископа (католикоса), Иосифа, держали (460 г.) собор, на котором составили ответное послание Мир-Нерсесу, подписанное 18 епископами; в послании говорилось, что никакая Сила, ни ангел, ни человек, ни огонь, ни меч, ни смерть, никакие пытки не могут отклонить армян от христианства. Затем начинается религиозная война между армянами и персами. В 451 году армяне были поражены. Их предводители и многие епископы отведены в плен. Но не смотря на это, персы не могли уничтожить христианства в Армении. Борьба за веру продолжалась два столетия, до 651 года, когда вместе с Персиею, Армения подпала под власть аравитян-мусульман. Во время борьбы Церкви с ересями в IV и в первой половине V века армянская церковь оставалась верною

православию. Но во второй половине V века она отделилась от Церкви Вселенской по поводу ереси монофизитской.

4.) В Персии. В Персию христианство стало проникать еще во II веке из пограничных областей империи. В начале IV в. персидские христиане, под руководством своего митрополита, епископа Селевкии-Ктезифона, и под главным управлением антиохийского патриарха, составляли уже большое христианское общество. Царствовавшая в Персии, с III века, династия Сассанидов, как национальная, стремилась к восстановлению древней религии Зороастра; маги были усердными помощниками правительства. Отсюда, естественно, персидское правительство смотрело на своих христианских подданных, не хотевших следовать национальной религии, как на изменников отечеству. К тому же маги успели внушить правительству, что персидские христиане, – находясь, вследствие своей религиозной слизи, в постоянных сношениях с населением Римской империи, с которою

Персия вела почти постоянные войны, – изменники отечеству и в политическом отношении. Вот причины, по которым персидское правительство поднимало гонение на своих христианских подданных в IV и V веках. При Константине Великом положение персидских христиан было еще спокойное; он, заключив мир с персами, просил письмом царя их, Сапора II, оказывать благосклонность христианам. Но в 343 г., когда началась война с римлянами, персидское правительство, опасаясь измены со стороны христиан, начало сильно притеснять последних. Прежде всего Сапор II потребовал, чтобы христиане содержали древнюю религию Зороастра. Когда же они отказались исполнить это требование, то он издал (343 г.) эдикт, которым его христианские подданные облагались большими, сравнительно с прежним, податями. Епископ Селевкии, престарелый Симеон, отказался собрать такой большой налог с христиан. Сапор счел это возмущением и издал второй эдикт [343 г.], которым повелевал духовных всех степеней заключить в оковы и казнить, церкви разрушать, церковную утварь обращать на недостойное употребление и т. д. Симеон со 100 клириками был посажен в темницу. К христианскому обществу принадлежал тогда один из высших сановников персидского двора, Ухтазад. Этот, по приказанию Сапора, поклонился солнцу и изменил, таким образом, христианству; но, встретившись случайно с Симеоном, который отвернулся от него, он так был тронут этим обстоятельством, что решительно объявил себя христианином и только просил царя заявить народу пред казнию, которой предали его, что он наказывается не за государственное преступление, а как христианин.

Симеон с своими клириками также был казнен. При этом один из приближенных, Сапора, некто Фузик, выказал сочувствие к мученикам, объявил себя христианином и также был казнен. Еще сильнее было преследование христиан в 344 г. Издан был эдикт, чтобы все христиане были заключены в оковы и казнены. Многие из христиан всех сословий умерли смертью мучеников; между прочим замучен был один из любимых сановников Сапора, Азад. Смерть последнего так подействовала на царя, что он опять ограничил преследование только духовными, монахами и монахинями. После несчастного похода Юлиана [363 г.], римляне заключили мир с персами; пограничный христианский город, Низибия, перешел к персам. Жители его переселились во внутренние области империи, но оставшиеся не были освобождены от преследований. Начатое в 343 г. преследование христиан в Персии продолжалось до конца царствования Сапора II [381 г.]. Впрочем, незадолго до смерти, Сапор II убедился, что насильственные меры не могут уничтожить христианства и хотел даже дать свободу вероисповедания всем своим подданным. После Сапора для персидских христиан наступило более спокойное время. В правление же Издегерда I [401–420 г.] персидское правительство даже благосклонно относилось к христианам; епископ тагридский, что в Месопотамии, Маруфа, бывший посредником в переговорах между Издегердом и византийским правительством, воспользовался своим влиянием для того, чтобы расположить Издегерда в пользу христиан. Только под конец правления Издегерда положение христиан изменилось к худшему. В 418 г. Авда, епископ сузский, по неразумной ревности к христианству, разрушил языческий храм, посвященный на служение огню. Издегерд сначала требовал только, чтобы Авда восстановил разрушенный храм но потом, когда тот отказался, приказал казнить его и преследовать других христиан. При преемнике Издегерда, Варане V [420–438 г.], гонение приняло большие размеры. Всякого рода жестокости, в восточном духе, допускаемы были в суде над христианами. При этом было много славных мучеников. Таков диакон Вениамин, просидевший два года в тюрьме и освобожденный из нее по ходатайству византийского посольства, под условием не распространять христианства. Условие состоялось без его ведома; поэтому, он счел себя в праве не принимать его. По прежнему он распространял христианство, в течение целого года, пока не был схвачен и не претерпел мученическую смерть. Таков Иаков из знатной персидской Фамилии; Издегерд склонил было его к отречению от христианства, но мать и жена убедили его стоять твердо за веру, – и Иаков умер, как истинный мученик христов, терпеливо перенося отрезывание

одного члена за другим. Таков Ормизда, человек богатый и благородного происхождения: его лишили имущества, одели в одежду раба и сделали погонщиком верблюдов; потом чрез некоторое время, возвратили имущество с тем, чтобы он отказался от христианства и, когда он оставался непреклонным, казнили. Когда гонение перешло в поголовное истребление христиан, многие из них бежали в пределы византийской империи. Варан требовал бежавших; византийский император, Феодосий II, отказал ему. По этому поводу началась война между Персиею и Византийскою империею. Персы потеряли много пленных. Епископ амитский, – что в Месопотамии, – Акакий, продал церковные сосуды, выкупил из плена 7000 персидских солдат и возвратил их в отечество. Этот поступок, полный христианской любви, расположил Варана в пользу христиан, так что под конец его правления они могли несколько успокоиться. Варан считал даже христианство лучшею многих религий и близкою к религии Зороастра. Но преемник его Издегерд II, был врагом христиан. Впрочем в полови· не V века, одна из причин, по которым преследовались персидские христиане, именно подозрение их в сношениях политических с Византийскою империею была устранена, Персидская церковь, после уклонения в несторианство, в половине V века, прекратила сношения с христианами Византийской империи. Поэтому, персидское правительство начало смотреть на христиан терпимее, и положение их внутри персидского государства, до падения последнего под оружием аравитян-мусульман [651 г.] становилось все более и более спокойным.

и 4.) В Аравии. Начало христианства в Аравии относится ко временам апостольским; там был с проповедию евангелия апостол Павел. В III веке там проповедовал Ориген; в Аравию же приносили христианство, бежавшие из империи от преследований, христиане. В IV и V веках распространение христианства в Аравии совершается в больших размерах. Так, около 350 г. христианство проникло в Счастливую Аравию к гомеритам. племени, жившему оседлою жизнью. Император Констанций отправил в гомеритам Феофила Индийца, проживавшего с ранних лет, в качестве заложника, в Константинополе, воспитанного в христианстве [в форме арианства] и посвященного в сан епископа. Целию Констанция сначала было выпросить у гомеритов свободу вероисповедания для христианских купцов, производивших с ними торговлю и построить для них несколько церквей. Но Феофилу удалось сделать гораздо больше, – он обратил в христианство [в арианской форме] главу племени гомеритов; и все племя приняло бы христианство, если бы не препятствовали евреи,

проживавшие во множестве среди его, кочевые аравийские племена обращались к христианству преимущественно при проповеди христианских пустынников и монахов, поселявшихся на границах Палестины и Аравии. Так к Илариону нередко приходили толпы срацин, чтобы получить благословение и, если только не все, то многие из них уходили от него христианами. Пустытник *Моисей* имел также сильное влияние на кочующих срацин, так что царица одного племени, Мавия, ведшая войну с римлянами, при заключении мира (около 372 г.), просила поставить его епископом для ее народа. Преподобный Евфимий, в начале V века, обратил в христианство предводителя одного аравийского племени, который, с именем Петра, поставлен был первым епископом для походных церквей. Симеон Столпник своими необыкновенными подвигами на столпе до того поражал срацин, что они, считая его неземным существом приходили к нему тысячами и, по его убеждению, крестились. Монахи горы Синая, поселившиеся здесь в IV веке, с своей стороны, с успехом занимались распространением христианства между окрестными аравийскими племенами. В VI столетии в Аравии некоторые кочующие племена были уже вполне христианскими.

в) в Европе

1.) У готов и других кочевых народов. В Европе, вне пределов греко-римской империи, христианство прежде всего начало распространяться между народами германского племени, но, к сожалению, в форме арианства. Так в IV и последующих веках приняли арианское учение *готы*, вандалы, свевы, бургунды, лонгобарды и другие народы германского племени. Готы, обитавшие за Дунаем и разделявшиеся рекою Днестром на ост-готовов и вест-готовов, еще в III веке подошли близко к границам римской империи и производили на нее частые набеги. Случаюсь, что они уводили в плен христиан, между которыми были и лица духовного звания. Пленники в первый раз и познакомили готов с христианством, образовавши среди них небольшую церковь. На первом вселенском соборе (325 г.) уже присутствовал готский епископ Феофил, подписавший соборные вероопределения. Во второй половине IV века сношения готов с империею становятся чаще, а вместе с тем и христианство приобретет между ними большее число последователей. В правление Валента, у вест-готовов произошла междоусобная война. Предводитель одной партии, Фридигерн, просил у Валента помощи против предводителя другой – Афанариха. При пособии римских войск, Фридигер разбил своего противника и в благодарность за оказанную Валентом помощь, сам принял христианство и других убеждал к тому же. Так как в империи в то время правительство держалось арианского вероучения, то и готы принимали теперь христианство по учению ариан, хотя прежде того между ними распространялось христианство в духе православия. В тоже время много содействовал распространению христианства между готами, готский епископ Ульфила, потомок пленных христиан, занимавший епископскую кафедру в течение сорока лет (род. 318 г., был епископом с 348 г., умер 388 г.). Он изобрел готскую азбуку и перевел Св. Писание на готский язык. Не смотря на то, что Афанарих преследовал готов-христиан, и некоторые из них, напр. Савва, умерли мученическою смертью, Ульфила имел большой успех, даже между подданными Афанариха. Далее, когда пришедшие из Азии, гунны стали теснить готов, вест-готы перешли Дунай и, с разрешения Валента, поселились (376 г.) в пределах римской империи, во Фракии, под условием принятия христианства. Ульфила, бывший по этому случаю во главе готского посольства к Валенту, согласился перейти на сторону ариан и потом окончательно распространил между вест-готами арианство. Вест-готы, по удалении из пределов Римской империи

принесли арианское христианство в Испанию, где основали (415 г.) свое государство. Только в 589 г. они обратились к православию, когда король их Реккаред, на соборе толедском (в Испании) объявил себя в пользу православия и его примеру последовали все его подданные, зараженные арианством. – От вест-готов приняли христианство с арианским вероучением их соплеменники, ост-готы, оставшиеся позади их, свевы и вандалы, пришедшие еще раньше их в Испанию²⁰², и бургунды. Ост-готы, в свою очередь, завладев (492 г.) Италией, принесли сюда арианство. Хотя при Юстиниане I владычество их в Италии кончилось (553 г.), но они сообщили арианское христианство язычникам лангобардам, у которых оно только в конце VII века окончательно сменилось православием. Вандалы, перешедшие из Испании в Африку и завоевавшие (429 г.) ее северные области, упорно держались арианства и страшно преследовали православных христиан карфагенской церкви. Преследование продолжалось почти по все время пребывания вандалов в Африке, до 533 г., когда полководец Юстиниана, Велизарий, уничтожил владычество вандалов в Африке, а вместе с тем и арианство. Спевы, соседи вест-готов в Испании, сначала более склонялись к православному учению; но когда, в 466 году, король их женился на вест-готской принцессе, арианке, они уклонились к арианскому учению. Только в 560 году они возвратились к православной Церкви. Бургунды, поселившиеся в начале V века в южной Галлии, отчасти принесли с собою арианское христианство с берегов Рейна, где приняли его, вероятно, от выгнанных из империи ариан, отчасти заимствовали его от вест-готов. Но так как они поселились в стране православно-христианской, где еще с первых веков были знаменитые церкви, то, спустя некоторое время, обратились к православию. Епископ виеннский, Авит, в конце V века, обратил в православие бургундского короля, Гундобальда; преемник же Гундобальда, Сигизмунд, в 517 году, со всем своим народом присоединился к православной Церкви.

2.) у Франков. Франки, под предводительством своего короля, Хлодвига, в конце V века, заняли северную Галлию и основали здесь свое государство. Все они были язычники. Но вскоре на новом месте приняли христианство, при посредстве бургундской принцессы, дочери Гундобальда, Клотильды, на которой (493 г.) женился Хлодвиг. Она вместе с отцом своим принадлежала к православной Церкви; потому и Франки приняли христианство православное. Клотильда долгое время уговаривала своего мужа принять христианство, представляя ему, как ничтожны языческие боги и как всемогущ Бог христианский. Но Хлодвиг, как грубый

воин и язычник, признавал могущество и силу только за теми богами или тем богом, который доставляет победы почитающему его народу; христианский же Бог, по его мнению, был бессилен, так как римская империя, в которой он был почитаем, в глазах Хлодвига была разрушена. Впрочем, Хлодвиг, дозволил своей жене содержать христианство и даже крестить своего первого сына. Случилось, что этот сын умер, – и Хлодвиг признал это обстоятельство доказательством бессилия христианского Бога. Но второй его сын, также окрещенный, по молитве Клотильды, выздоровел, хотя был очень болен, и Хлодвиг предсказывал уже его смерть. Это произвело на него впечатление. Кроме того сильное впечатление производили на него рассказы Клотильды о чудесах, совершавшихся при гробе Мартина, епископа турского (ум. он. 400 г.), свидетельствовавших о силе христианского Бога. Хотя Хлодвиг не верил этим рассказам, но влияние их на него скоро обнаружилось. В 496 году он начал войну с аллеманами. Его войско подвергалось большой опасности, в битве при Тольбиаке. Призывая напрасно на помощь своих богов, он вспомнил, наконец, о христианском Боге и дал обещание креститься, если одержит победу. Победа, действительно, досталась ему. Клотильда, узнавши об этом, пригласила архиепископа реймского Ремигия довершить обращение Хлодвига. Днем крещения Хлодвига был назначен праздник Рождества Христова 496 года, – и он торжественно в реймской кафедральной церкви был крещен. За ним крестились три тысячи франков, а потом и все его подданные. Но принявши крещение, франки в действительности оставались язычниками; только в последующие века, когда во Франции заведены были монастыри и школы, при посредстве миссионеров, приходивших из Британии и Рима, они окончательно просвещены были христианством. Но как бы то ни было обращению Хлодвига на западе приписывали большое значение; ставили его даже наравне с Константином Великим. Действительно, в то время, когда другие народы западной Европы были преданы арианству, или еще совсем не принимали христианства, Хлодвиг с своими подданными франками принадлежал к православной Церкви; он мог даже содействовать уничтожению арианства у тех народов, как действительно и было.

3.) На Британских островах. Южная часть острова нынешней Великобритании, населенная бриттами, входила в состав римской империи еще со времен Траяна. Поэтому, еще в III веке, вместе с римским господством, проникло сюда и христианство из Галлии или Малой Азии, с обрядами и учреждениями восточных церквей, и имело значительное число последователей между туземцами. Обитатели же Шотландии и

Ирландии, скотты и пикты, не имели никакого понятия о христианстве. Только в V и VI столетиях они познакомились с христианством. Своим просвещением они обязаны преимущественно Патрикию и ученикам его. Патрикий был сын сельского диакона на границах Шотландии (род. между 370 и 380 г.г.) Ему было шестнадцать лет, когда морские разбойники (скотты) взяли его в плен и продали в северную Ирландию. Здесь он пробыл шесть лет и во все время пас стада одного народного начальника. Освободившись из плена, он возвратился на родину, но чрез десять лет опять был взят в плен разбойниками и продан в Галлию, где его выкупили христианские купцы. Двукратный плен и освобождение, которое Патрикий приписывал божественной помощи, пробудили в нем желание посвятить себя на служение Богу; по возвращении из Галлии в отечество, он решился идти проповедовать евангелие ирландцам, между которыми жил в юности. Но прежде он отправился в Галлию, чтобы там лучше ознакомиться с христианством, устройством церквей и особенно монастырей. Получив рукоположение в епископа от британских епископов²⁰³, Патрикий пошел в Ирландию (около 432 г.). Зная язык и обычаи ирландцев, он имел здесь необыкновенный успех, не смотря на все препятствия со стороны местных жрецов (друидских) и ирландских князей, не хотевших принимать христианства. Собирая народные толпы боем в литавры, он рассказывал им о жизни и страданиях Христа Спасителя за грешное человечество. Многие ирландцы, даже из высших фамилий, обращались к христианству, вследствие его проповеди. Между прочим обратились – один юноша из знатной фамилии, которого Патрикий назвал Бенигном (благословенным), и который сделался ревностным его сотрудником, и один придворный бард, Дубрах, который в своих песнях стал воспевать теперь Христа Спасителя. Патрикий распространял христианство в Ирландии самым прочным образом; он заботился преимущественно о том, чтобы распространить между уверовавшими христианское просвещение. Для этого на средства, пожертвованные обратившимися ирландскими князьями, по образцу монастырей галльских, он устроил в Ирландии несколько монастырей, которые должны были быть школами для народа, а монахи народными учителями. Монахам же он дал все средства к религиозному просвещению, – изобрел ирландскую азбуку, завязал сношения с британскою и галльскими церквами, выписывал оттуда книги и т. д. Патрикий умер около 460 года, после продолжительной апостольской деятельности, прочно устроив ирландскую церковь с митрополиею в городе Армахе. Монахи основанных им монастырей довершили

просвещение Ирландии; в первой половине VI столетия она уже вся была христианскою. Благочестие и святость жизни ирландских монахов – миссионеров приобрели всей стране в глазах современников особенное уважение; Ирландию в то время называли островом святых. – Вышедшие из ирландских монастырей миссионеры распространяли христианство в соседней Шотландии и даже на материке Европы. Между ними особенно замечателен авва Колюмба, пришедший с проповедью евангелия около 565 года в северную Шотландию к скоттам. Крестивши одного из шотландских князей со всем его народом, Колюмба основал на острове Хи иди св. Ионы, близ Шотландии, монастырь, из которого, также как и из монастырей ирландских, стало распространяться христианское просвещение. Этот монастырь получил такое значение, что аввы его некоторое время заправляли всеми делами Шотландской церкви и даже сами епископы подчинялись им. – Между тем в политическом быту Великобритании произошли перемены, имевшие большое влияние на распространение в ней христианства. В начале V века римляне почти совсем оставили свои британские владения; выдерживая частые нападения от пиктов и скоттов и не надеясь получить помощи от бессильной западной империи, бритты пригласили (449 г.) к себе на помощь с материка Европы воинственное племя англосаксов. Но эти пришельцы, уничтожив, после долговременной борьбы, большую часть коренных обитателей, бриттов, и оттеснив остальных к северо-западу, завладели южную частью Великобритании и основали здесь семь королевств. Англосаксы были язычники, и бритты-христиане были очень стеснены. Но спустя около столетия и англо-саксы стали принимать христианство. Доселе, в Великобритании, между древними ее обитателями, распространялось христианство с обрядами и учреждениями церкви восточных; теперь же, с обращением англо-саксов, проникло сюда христианство с обрядами и учреждениями церкви западных, именно римской. – В конце VI века король Кента (одного из семи англо-сакских королевств), Эдильберт, женился на христианской принцессе, из франкского дома, Берте. Это обстоятельство дало повод римскому епископу, Григорию Великому, заняться обращением англо-саксов. Еще прежде, когда он был аббатом римского монастыря, увидевши случайно на рынке англо-саксонских невольников, он почувствовал призвание идти к англо-саксам с проповедью евангелия. Сделавшись епископом (590г.), он не оставлял своего намерения обратить их; хотел покупать англо-саксонских мальчиков невольников, воспитывать их в христианстве и потом отправлять миссионерами к своим соотечественникам. Теперь же, с

выходом в замужество христианской принцессы за кентского короля, представлялся более удобный случай к обращению англо-саксов. Григорий отправил в Британию целую миссию, под начальством аббата Августина, состоявшую более чем из тридцати человек. Кентский король, к которому явились миссионеры, сначала считал их за волшебников. Впрочем, после объяснения Августина о цели прибытия миссионеров, найдя, что они пришли из дальней страны и едва ли с дурною целию, дозволил им остаться в своей резиденции. Миссионеры нашли здесь разрушенную церковь, оставшуюся от бриттов-христиан, поправили ее и стали совершать богослужение. Вскоре им удалось крестить несколько англо-саксов, а чрез несколько времени и самого Эдильберта, конечно, при помощи убеждений Берты. Хотя Эдильберт не принуждал никого креститься, но его пример и потом чудеса, совершаемые миссионерами, имели сильное влияние на народ, так что Августин однажды крестил более десяти тысяч человек. Теперь, согласно своим инструкциям, Августин отправился во Франкское королевство и получил там рукоположение в епископа от арелатского архиепископа. Затем двоих из своих сотрудников, пресвитера Лаврентия и монаха Петра, он отправил к Григорию с донесением об успехах миссии между англо-саксами и с просьбою прислать новых сотрудников. Григорий был этим очень доволен и прислал сотрудников, между прочим аббата Меллита, а также мощи для храмов; в письме к Августину дал несколько практических советов относительно обращения англо-саксов, напр. не разрушать языческих храмов, а обращать их в храмы христианские, так чтобы язычники не чувствительно переходили к христианству и т. д. При этом папа учредил в Великобритании два архиепископства в Лондоне и Йорке, в городах, известных ему еще по римскому господству, с двенадцатью епископиями при каждом, и назначил Августина архиепископом лондонским. Но так как Лондон и Йорк принадлежали к другим англо-саксонским королевствам (эссекскому и нортумберландскому), в которых еще христианство не было распространено, то Августин утвердил свою архиепископскую кафедру в Кенте (Кентербери), и таким образом кентерберийская церковь сделалась главною в Англии. Вскоре, впрочем, учреждено было архиепископство и в Лондоне. Король Эссекса Саберет женился на племяннице Эдильберта, христианке. Августин отправил вместе с нею миссию, назначив Лондонским архиепископом Меллита. – Все стремления Августина направлены были к тому, чтобы подчинить своему влиянию, а следовательно и римскому епископу древне-британскую церковь. Но древне-британская церковь, подучившая свое

начало непосредственно или посредственно с востока, не хотела считать римской церкви своею митрополиею и поставить себя в зависимость от нее. Обрядовые разности в церквах древне-британской и ново-английской, основанной Августином, напр. во времени празднования пасхи²⁰⁴, стрижении волос для духовных и проч., а также национальная ненависть бриттов к пришельцам-завоевателям, англо-саксам, еще более отдаляли древне-британскую церковь от ново-английской. Но желанию Августина, в 601 году собрался было собор, на котором присутствовали представители от древне-британской церкви, но собор сей, вследствие притязательности Августина, не привел к соглашению. Бритты-христиане не хотели подчиниться Августину.

Августин умер в 605 году. Преемник его Лаврентий, имел случай убедиться, как непрочно христианство, распространенное без научения народа. Наследник Эдильберта (с 616 г.) отпал от христианства и его примеру последовали многие из подданных; дети Саберета (в Эссексе) выгнали от себя архиепископа Меллита со всем его духовенством и возвратились к язычеству. Меллит прибыл в Кент к Лаврентию и, считая все потерянным, переправился уже в Галлию. Его примеру хотел последовать и Лаврентий. Только видение апостола Петра, угрожавшего ему за оставление своей паствы, удержало его. Рассказав об этом видении Кентскому королю, Лаврентий так подействовал на него, что тот согласился восстановить христианскую церковь в Кенте. Теперь и Меллит с своими спутниками возвратился в Великобританию. Христианство только тогда стало упрочиваться между англо-саксами, когда миссионеры стали устраивать монастыри и школы, по образцу древне-британской церкви.

Из Кента христианство проникло в Нортумберленд, а потом в течение VII веки и в другие англо-сансонские королевства. Король нортумберландский, Эдвин, женился на сестре кентского короля, дочери Эдильберта, которая взяла с собою епископа Павлина. Этот мог уже теперь основать архиепископство в Йорке (627 г.). Сам король Эдвин, только после долгих убеждений Павлина, оставил язычество. Но после его смерти в 633 году, язычество взяло перевес над христианством, и еще не утвердившаяся нортумберландская церковь, хотя на короткое время, была уничтожена. Восстановителем христианства в Нортумберланде явился Освальд, происходивший из королевской фамилии. Он был изгнанником и проживал в Ирландии. Там он и принял христианство от ирландских монахов. Возвратившись в Нортумберланд и принявши в свои руки власть, он стал восстанавливать христианство. Так как он сам принял христианство

от церкви древне-британской, то и обратился к ней с просьбою прислать миссионеров для его народа. Монах Айдан из монастыря Колюмбы с острова св. Ионы, поставленный в епископа, пришел в Нортумберланд и упрочил здесь христианство. Со всею нортумберландскою паствою он принадлежал к церкви древне-британской, епископами которой и был рукоположен. Само собою разумеется, это последнее обстоятельство послужило еще большим поводом к разъединению древне-британской церкви с ново-английскою. Англо-саксонские епископы считали нортумберландскую церковь своею, так как в Нортумберланде первоначально христианство распространено было одним из них (Павлином). Но монахи и духовенство древне-британской церкви своею строго-благочестивою жизнью приобрели большое влияние на народ; поэтому римские миссионеры не могли ничего сделать. В Нортумберланде Айдан имел такое значение, что сам король принимал его советы с уважением. После Айдана нортумберландские епископы были присылаемы из Шотландии. Только при втором преемнике Айдана, Кольмане, англо-саксонские епископы, действовавшие в интересах римской церкви, успели взять перевес над древне-британскою церковью. В 664 г. в присутствии нортумберландского короля, Освиу, был великий спор между представителями обеих церквей. Пресвитер Вильфрид защищал здесь права церкви римской, основанной – как он говорил, – апостолом Петром, которого сам Спаситель назвал камнем, на котором Он основал свою Церковь и которому дал ключи царствия небесного. Услышав такое объяснение, король Освиу перешел на сторону представителей римской церкви, опасаясь, что ап. Петр не отворит ему дверей в царство небесное. Но Кольман не хотел подчиниться римской церкви и оставил даже епископскую кафедру. При седьмом архиепископе Кентерберийском, Феодоре, в конце VII ст., установились более мирные сношения между церквами древне-британскою и ново-английскою. Но окончательное объединение церквей последовало вместе с объединением древних обитателей Великобритании с англо-саксами.

4.) В Германии. В Германию христианство проникло еще во времена римского господства; в III и IV веках, по Рейну и Дунаю, в городах, образовавшихся из римских военных поселений, было уже несколько епископских кафедр. Но с переселением народов, в V и VI веках, здесь не осталось почти и следов христианства; только немногие пустынноики, подвизавшиеся в германских лесах, были его представителями. Новые попытки к распространению христианства в Германии начинаются в конце VI столетия, отчасти со стороны франков, но главным образом со

стороны британских и англо-саксонских монахов-миссионеров. Так около 590 года из ирландского монастыря Банкор пришел на материк Европы авва Колюмбан, в сопровождении 12 монахов. Это был человек энергичный, образованный. Он решился распространять христианство между языческими народами, обитавшими на восток от франков; но увидевши грубость и невежество франков, обитавших в Вогезских горах, решился прежде заняться просвещением их. Он устроил несколько монастырей и при них школы, в которые отдавали на воспитание детей из всех сословий. Но своими требованиями строгой нравственной жизни он возбудил к себе ненависть в высших сословиях и, по проискам бургундской княгини, Брунегильды, а также франкского духовенства, которое враждебно относилось к Колюмбану за то, что он распространял обряды древне-британской церкви, был выгнан из франкского государства. Колюмбан с своими сотрудниками ушел в Швейцарию, где трудился несколько лет между Аллеманами. Выгнанный и отсюда язычниками, он ушел на юг, основал близ Генуи монастырь, в котором и умер в 615 году. Но ученик его, Галл, оставленный им за болезнь в Швейцарии, продолжал здесь распространение христианства, так что, с помощью франков, в 615 году основал в Костнице епископство. – В конце же VI столетия появилась франкская миссия в Баварии, куда она проникла по случаю брака баварского короля с франкской принцессой, христианкой. В половине VII века около Вюрцбурга, между тюрингами, находившимися отчасти в подчинении у франков, трудился ирландский монах Кильян, крестивший здесь одного герцога. Англо-саксы, Вильфрид и особерно Виллеброрд, в конце VII века, трудились между фризами. Виллеброрд, получив от папы разрешение проповедовать евангелие фризам, поселился в Утрехте, основал здесь архиепископство и сам, под именем Климента, поставлен был в Риме (696 г.) первым архиепископом. Таким образом, к началу VII века христианство было насаждено в различных местностях Германии. Но между германскими церквями, получившими свое начало от миссионеров британских, англосаксонских и франкских, не было церковного единства. В одних церквях были обряды и учреждения древне-британской церкви, в других – церкви римской. Самое христианство при множестве остававшихся еще язычников было непрочно. Бонифаций, пришедший в Германию в начале VIII века и действовавший здесь около сорока лет, dokonчил дело бывших до него миссионеров. Он, по всей справедливости, считается просветителем германцев и организатором германской церкви. Прежнее имя Бонифация было Винфрид. Он происходил из благородной англо-сакской фамилии Вессекского

королевства (род. в 689 г.). Родители предназначали его к гражданской деятельности, но Винфрид с ранних лет чувствовал призвание к жизни монашеской, почему и поступил в монастырь. Здесь он изучил историю, красноречие и особенно св. писание. Тридцати лет он посвящен был уже в сан пресвитера. Пример английских миссионеров увлек и его к миссионерской деятельности в Германии. В 716 году, с тремя спутниками, он переправился из Англии в Фрисландию. Но фризы, ведшие в это время войну с франками за свою независимость, сильно были вооружены против христианских миссионеров, так как подозревали в них политические цели. Поэтому, Винфрид, находя неудобным начинать проповедь, возвратился в Англию, в свой монастырь, где выбран был в настоятеля. Но мысль о миссионерстве не покидала его. В 718 году он предпринял новое миссионерское путешествие. Но в этот раз он прежде всего отправился в Рим просить у папы благословения на распространение христианства в Германии, в союзе с римскою церковью. Папа Григорий II благословил его, – и Винфрид, после непродолжительного пребывания в Тюрингии, где он нашел несколько христиан, пришел опять (719 г.) в Фрисландию к Виллеброрду утрехтскому. В течение трех лет помогал он ему в обращении фризов, потом (722 г.) отправился опять в Тюрингию и Гессен. В Тюрингии ему удалось обратить двух владетельных князей; здесь же он основал первый монастырь. О своем успехе он донес папе, который вызвал его в Рим и в 723 году посвятил в епископа Германии; при чем его имя Винфрид переименовано было на имя Бонифация. При посвящении он дал клятву – быть со всею германскою церковью в подчинении римскому престолу. Папа дал Бонифацию рекомендательное письмо к франкскому майордому, Карлу Мартеллу, который, по возвращении его из Рима, принял его благосклонно. Теперь, с помощью франкского правительства, которое вместе с распространением христианства между германцами имело в виду подчинить их своему господству, Бонифаций еще ревностнее взялся за распространение христианства, особенно в Тюрингии и Гессене. В непроходимых местах он устраивал монастыри, храмы; вызывал из Англии монахов и монахинь для научения народа и т. п. В 732 г. уже так много обращено было им германцев, что папа Григорий III назвал его архиепископом германским и назначил викарием апостольского престола, поручив ему поставлять в Германии епископов столько, сколько он найдет нужным. После третьего путешествия в Рим (738 г.), Бонифаций начал заниматься не столько обращением германцев, сколько устройством германских церквей. Так в 739 году он прибыл в Баварию, куда еще прежде призывал его баварский герцог для устройства церковных дел.

Нашедши здесь церкви и епископов, он не признал епископов законно-поставленными, низложил и на место их поставил из своих, учредив в Баварии четыре епископства. – В 441 году Карл Мартелл умер; сыновья его Пипин и Карломан более были расположены к римской церкви и следовательно к Бонифацию. Поэтому, Бонифаций мог упрочить свою власть и над франкскими епископами. Лучшим средством для этого он признал восстановление соборов. В присутствии Карломана и однажды Пипина, с 742 до 745 г., он держал несколько соборов в Германии и Франции, на которых занимал председательское место. На соборах постановлены были правила, касавшийся, по большей части, церковной дисциплины, произведен суд над некоторыми епископами, отрицавшими главенство римского епископа и не соблюдавшими обычаев римской церкви и проч. Соборные постановления утверждены были папою Захарию III. Хотя еще в 732 году Бонифаций получил титул архиепископа, но определенной кафедры у него не было; только в 745 году, когда на франкском соборе был низложен майнцкий архиепископ, он утвердил свою кафедру в Майнце и отсюда управлял всею германскою церковью. В 752 году, Бонифаций, по поручению папы, помазал на царство Пипина, который, заключив последнего из потомков Хлодвига, Хильдфериха III, в монастырь, вздумал возложить на себя франкскую корону. Чрез это он упрочил еще более связь церкви с франкским правительством. В 754 г., будучи уже семидесятилетним стариком, Бонифаций назначил себе преемником своего ученика Лулла, а сам отправился в Фрисландию, где по смерти Виллеброрда (746 г.) церковь склонялась в падерию. С своими сотрудниками, между которыми был один епископ и три пресвитера, он крестил тысячу фризов и в назначенный день ждал их для миропомазания. Но вместо новокрещенных явилась толпа раздраженных язычников, которые и убили Бонифация с его спутниками (755 г.). Ученик Бонифация, Григорий, устроивший в утрехтском монастыре школу, мало-по-малу упрочил христианство в Фрисландии.

Саксы долее всех германских народов не принимали христианства. Они ненавидели христианство, как веру франков, с которыми вели постоянную борьбу за свою независимость. Только, после тридцатилетней войны с ними, Карлу Великому удалось смирить саксов и силою оружия заставить принять христианство. Война с ними началась с 773 года и окончилась в 803 году. Как только Франки занимали какую-либо часть земли саксов, Карл заставлял всех их поголовно креститься и потом за самое мелочное отступление от обрядов новой веры назначал смертную

казнь. Сколько ни возмущались саксы, они не отстаивали своей свободы и своих богов. Но все же христианство окончательно утвердилось между саксами только тогда, когда, после походов Карла, пришли к ним миссионеры. Из них особенно замечателен Лиудгер, ученик Григория утрехтского и знаменитого Алкуина.

§ 6. Полемика язычников против христианства; христианские апологеты

С IV столетия, когда христианство фактически восторжествовало над язычеством, нападения ученых язычников на христианство становятся малочисленнее и слабее, сравнительно с предшествовавшими веками. Приверженцам язычества приходилось теперь не столько нападать на христианство, сколько защищать и поддерживать самое язычество. Так знаменитые языческие риторы Фемистий (ум. около 390 г.), Аврелий Симмах (ум. около 400 г.) и даже сам Ливаний (ум. 395 г.), в своих речах и беседах, не нападая прямо на христианство, старались возбудить не народе и особенно в молодом поколении угасшую любовь к языческо-классическому миру и отстоять пред христианским правительством языческие культы, во имя их древности и значения в прошлой государственной жизни, или во имя общечеловеческих прав язычников на свободу убеждений. Но были и прямые нападения на христианство со стороны языческих ученых. В этом отношении первое место принадлежит Юлиану Отступнику. Пред своим походом в Персию он написал сочинение в трех книгах под названием «против христиан»²⁰⁵. Нового, сравнительно с прежними языческими писателями против христианства, Юлиан, не смотря на свое знакомство с христианским учением, ничего не сказал в своем сочинении; у него те же насмешки над христианским Богом, который будто бы увлек своим учением только нескольких рабов и невежественных женщин; те же насмешки над христианами, – которых он с презрением называл галилеянами, – оставившими живых богов и обожающими мертвого бога; те же усилия доказать, что христианство есть произведение извращенного иудейства, с примесью язычества, почему христианское учение стоит будто бы в противоречии с настоящим еврейским учением, наконец, тоже горделивое сознание превосходства языческо-классического мира, с его философией и поэзией, пред миром христианским, полным, но по понятиям Юлиана, глупости и невежества. К IV же столетию должно отнести сатирическое сочинение против христиан, под названием филопатрис²⁰⁶, писатель которого (вероятно, ритор времени Юлиана) неизвестен. Здесь осмеиваются христианские споры о Св. Троице и особенно монахи, как враги отечества. Во второй половине V столетия, последний гениальный представитель неоплатонической школы в Афинах, Прокл (ум. 485 г.), написал сочинение, «доводы против христианства», направленное к опровержению

христианского учения о сотворении мира во времени. Наконец, языческие историки, Евнапий (в конце IV века) и Зосим (в начале V века) в своих историях проводили противные христианству мысли старой языческой партии, что империя, особенно западная, склоняется к падению вследствие отмены древней отечественной религии и распространения христианства.

С другой стороны христианские писатели, как и в первые века, продолжали дело опровержения язычества и защиты христианства, хотя в настоящее время весь литературный интерес сосредоточивался на богословских вопросах. Евсевий, ученый и трудолюбивый епископ кесарийский, продолжавший свою апологетическую деятельность и в этот период (ум. 340 г.), написал два сочинения – «приготовление к евангелию» в 15 книгах и «доказательство евангелия» в 20 книгах. В первом из этих сочинений, имеющем по преимуществу апологетический характер, с научными приемами, подобно Клименту Александрийскому, Евсевий раскрывает не состоятельность всех языческих религиозных учений, которые, по всей справедливости, отвергнуты христианством. Потом св. Афанасий, епископ александрийский (ум. 373 г.), оставил два апологетических сочинения (вероятно, написанных в молодости, когда он был диаконом), отличающихся ясностью, глубиной и силой мысли – «слово против эллинов» и «о вочеловечении Слова». К апологетам V века принадлежат – со стороны греков: св. Кирилл, епископ александрийский (ум. 444 года), написавший в 10 книгах сочинение «против нечестивого Юлиана» и Блаженный Феодорит, епископ кирский (ум. около 458 г.), оставивший прекрасный труд под названием: «врачевство эллинских недугов или познание евангельской истины из эллинской философии» – в котором, действительно, представляет духовно-медицинские средства к убеждению в истинности христианства чрез сравнение христианского учения с учением философов. Из латинских апологетов V века первое место принадлежит Августину, епископу иппон-скому в Африке (ум. 430 г.), который написал много апологетических сочинений и особенно замечательное «о граде Божиим» в 22 книгах. В первых пяти книгах Августин опровергает упреки язычников христианам, будто бы христианство виновно в бедствиях империи, доказывая напротив, что весь склад римской жизни, сложившийся под влиянием язычества и удерживающий языческий характер даже после распространения христианства, естественно ведет в падению империи. В следующих пяти книгах он раскрывает безнравственность языческой мифологии и культов, несостоятельность философии и проч. В остальных 12-ти книгах развивается учение о царстве Божиим в противоположность царству

земному, человеческому. Испанский пресвитер Павел Орозий, друг и ученик Августина, по убеждениям последнего, написал «историю против яычников» в семи книгах, в которой проводил мысль Августина, что христианство не- винно в бедствиях, посещающих Римскую империю. С подобною же целию галльский пресвитер Сальвиан (ум. 484 г.) написал восемь книг «о правлении Божиим», в которых проводит ту мысль, что нападения варваров на империю есть необходимое следствие гнева Божия за нечестивую жизнь римлян.

§ 7. Бедствия Церкви

В начале IV века систематические и почти постоянные гонения на христиан со стороны язычников в греко-римской империи прекратились. Но Церкви все таки пришлось и теперь испытать много бедствий. Особенно много зла приносили ей, так называемое, великое переселение народов, нападения персов и страшные, опустошительные завоевания аравитян-мусульман.

Великое переселение народов началось в конце IV века. Неизвестный до того времени, азиатский народ, носивший название Гуннов, появился в пределах нынешней южной России и начал теснить прежде всего готов. Вест-готы, с согласия императора Валента, переселились в империю (376 г.). Очень скоро, недовольные правительством империи, они вооружились и начали грабить Фракию и Македонию. Валент хотел было остановить их, но потерпел решительное поражение (378 г.). Все пространство до самого Константинополя было опустошено готами. Только Феодосию Великому удалось усмирить их, хотя не надолго. Вскоре после смерти его, под предводительством Алариха, вест-готы опять начали свои опустошительные набеги на Македонию, Фракию и Иллирию. Правительство восточной империи не в силах было защищать свои владения, – и вест-готы, в самом конце IV века, проникли в древнюю Грецию. Все города, кроме Фив и Афин, были опустошены и разграблены варварским образом. В 402 году, под предводительством того же Алариха, вест-готы вторглись в Италию и угрожали даже самому Риму; но, разбитые римскими войсками, оставались несколько лет спокойными в Иллирии. В 408 г. Аларих опять двинулся в Италию, опустошив и ограбив все на пути до самого Рима. В это время он [распоряжался всею империею, даже императорскою короною, и закончил свое пребывание в Италии разграблением Рима (410 г.) Только в 415 году окончательно избавилась греко-римская империя и церковь от варварских опустошений вест-готов, – они перешли в Галлию и затем в Испанию, где и основали свое местопребывание. На смену вест-готов выступили врагами государства и церкви вандалы. Они сначала поселились в Испании, но, призванные на помощь правителем северо-африканской области, Бонифацием, отложившимся от империи, в 429 году перешли в Африку и страшно стеснили славную северо-африканскую церковь. Жестокость их не звала границ; они истребляли целые города и селения до основания, разгоняли епископов и пресвитеров, предавали их пыткам, чтобы узнать, где скрыты

церковные сокровища, избивали о камни детей и т. п. Образовав разбойничью шайку, они, почти во все время обладания Африкою (до 533 г.), преследовали православных с истинно-вандальскою жестокостию. – Между тем в Европе явились новые враги церкви. Гунны, разделявшиеся на несколько племен, доселе нападали на империю разрозненно. Но к половине V века они были соединены под властью одного вождя, Атиллы, который, покорив славянские и многие германские племена, напр. ост-готов, образовал громадное царство на северных границах империи. Византийская империя принуждена была платить гуннам ежегодную дань; но, несмотря на это, Атилла делал чистые набеги ни пограничные области. Император Марриан, впрочем, с успехом отражал его. Тогда Атила с своими громадными полчищами обратился на западную империю, покоряя на пути разные германские племена. В 451 году он явился в Галлии, предавая все огню и мечу. Разбитый здесь римскими и вест-готскими войсками, он устремился (452 г.) в Италию, разорив Аквилею и Венецию. Рим спасся только просьбами св. Льва Великого и богатым откупом императора Валентиниана III. К счастью западной империи Атила умер (453 г.); а его громадное царство, при его преемниках, распалось. Но чрез три года после Атилы явилась опасность с другой стороны. Вандалы, призванные на помощь вдовою Валентиниана III, пришли, под предводительством своего короля Гейзериха, в Италию и страшно опустошили Рим (455 г.), разграбив все драгоценности и все произведения искусства. Представление св. Льва Великого Гейзериху имели мало успеха. После нашествия вандалов западная империя видимо уже распадалась. Императорский престол находился в руках предводителей наемных варварских войск, опустошавших несчастную Италию. Наконец, один из таких предводителей, Одоакр, родом ругиец, решился положить конец империи; низложил последнего императора Ромула Августула, завладел Римом и объявил себя королем Италии (476 г.). Владычество Одоакра в Италии сменили (в 492 г.) ост-готы, после смерти Атилы получившие свободу. Их король Теодорих Великий стал теперь повелителем Рима, кроме этих народов производили частые нападения на империю и другие германские племена – логнобарды, бургунды, франки и проч. Все такого рода опустошительные нападения были бедственны сколько для государства, столько же и для Церкви. Гибли христиане восточной и западной империи, гибли пастыри Церкви, разрушались и разграблялись храмы и т. п.

Во время великого переселения народов вся тяжесть бедствий ложилась преимущественно на западные церкви. Между, тем, и восточные

церкви страдали очень много, именно от персов. Войны между Персией и восточную империю были очень часты, и перевес, по большей части, был на стороне персов. Особенно бедственно было для церкви нашествие персов на империю в начале VII века. Персидский царь Хозрой II вступил с большим войском в восточные пределы империи и прошел даже до Халкидона (616 г.). В покоренных областях христиане были преследуемы с страшною жестокостию. Палестина и Иерусалим особенно пострадали в это время. При взятии Иерусалима (614 г.) погибло много клириков, монахов и монахинь; церкви, и в том числе храм Воскресения, разграблены, разрушены или сожжены; церковные сосуды расхищены; даже древо креста Господня сделалось добычею персов. Иерусалимский патриарх Захария, со многими тысячами христиан, отведен был в плен. Вместе с персами на погибель христиан соединились палестинские иудеи; они выкупили несколько тысяч пленных христиан и умертвили их. Такая же участь постигла и окрестности Иерусалима. Напр. лавра св. Саввы Освященного была разграблена и разрушена, многие монахи ее умерли смертью мучеников. Только император Ираклий, разбив персов на голову (628 г.), положил конец их жестокостям. Все христианские пленники, и престарелый патриарх Захария, были возвращены, равно как было возвращено и древо креста Господня.

В то время, как Ираклий освобождал восточные церкви от одних врагов, из Аравии поднимались новые враги Церкви и государства, опаснейшие из всех доселе бывших. Это аравитяне-мусульмане. Выше было замечено, что в Аравии христианство распространялось довольно успешно. К несчастью, вместе с истинным христианством в Аравию проникли всякого рода ереси. Преследуемые в империи, еретики, начиная с манихеев и кончая монофизитами, бежали в Аравию, как такую страну, где можно было найти безопасное убежище и даже безбоязненно распространить свое лжеучение. Христианство, таким образом, встречало здесь препятствия к своему распространению не только в местном язычестве и иудействе, но и во множестве христианских сект; решительного же перевеса в борьбе со всеми религиозными системами и учениями Аравии оно не могло взять; с одной стороны оно утвердилось по преимуществу между кочующими аравийскими племенами, с другой, – вследствие значительного расстояния, находилось почти вне связи с христианством греко-римской империи. Но сосредоточение в Аравии нескольких религиозных систем и учений и происходящая отсюда борьба и брожение разнообразных религиозных элементов, легко могли повести в слиянию, в большей или меньшей мере, всех их и образованию новой

религии. Действительно, в начале VII века в Аравии появилась новая религиозная система, ислам или магометанство, носящая в себе элементы язычества, иудейства и христианства. Основателем новой религий был Мухаммед или Магомет, родившийся около 570 г. в аравийском городе, Мекке. Он происходил из племени Кореиш, из фамилии Гашем. В ранней молодости, с своим дядею, а потом по делам одной богатой вдовы, Кадиджы, на которой он впоследствии женился, он совершил много торговых путешествий. На 40 году жизни, отказавшись от торговли, он предался спокойной созерцательной жизни. Столкновения, во время торговых путешествий, с евреями, христианами и христианскими сектаторами не могли не пробудить в Магомете религиозных дум, тем более, что в фамилии гашемитов бродили мысли о реформе отечественного язычества. Из всех религиозных учений Магомету представлялось самым чистым и возвышенным учение Авраама о едином Боге, которое, по его мнению, извращено евреями, христианами и его единоверцами, и это-то учение он решился восстановить во всей его чистоте. Получив в 611 г. первое божественное откровение, как он сам рассказывал, от ангела Гавриила, он объявил себя пророком и начал сначала тайно, а потом открыто проповедовать. Полагая в основу своей религии строгое единобожие, в противоположность языческому многобожию и христианскому учению о Св. Троице, Магомет учил, что Бог открывался много раз иудейскому народу чрез пророков; иудеи не слушали и преследовали их. Одного из пророков, самого высшего из всех, бывших до него, Иисуса, возвещавшего божественные истины, иудеи убили, а христиане обоготворили. Наконец, Бог послал в мир последнего, совершеннейшего пророка, его, Магомета, который несравненно выше Моисея и Иисуса, так как он удостоен был непосредственного созерцания Бога, быв вознесен до седьмого неба. Этот пророк должен сообщить и сообщает людям истинное религиозное учение. При конце мира явится Иисус, который поразит антихриста и распространит учение Магомета между всеми людьми. Вера во единого Бога и Его пророка, Магомета, рабская покорность провидению, исполнение внешних деел благочестия – чтение молитв, посты, частые омовения и проч. – вот единственный путь ко спасению, по учению Магомета. Каждого истинного мусульманина, устроившего свое спасение, ожидает блаженная жизнь за гробом, полная чувственных наслаждений. В Мекке Магомет нашел немного последователей; его даже стали преследовать, так что в 622 году он должен был бежать в Медину. Здесь он нашел сочувственный прием у тех из жителей, которые прежде, в качестве пилигримов, посещали Мекку и

слушали его проповеди; сюда же пришли некоторые из его последователей из Мекки. Теперь он получил возможность лучше устроить свои дела: он постоянно проповедовал, приобретал новых последователей, получал новые откровения, издавал заповеди, устраивал богослужение и проч. Своих последователей Магомет не слишком стеснял требованиями высокой нравственной жизни. Лытя чувственности язычников, он позволял своим последователям многоженство; хищничеству кочевников-аравийцев придавал религиозное значение, дозволив грабить и убивать для славы Божией всех, не принимающих его учения. Отсюда, общество его последователей на первых же порах приняло вид хищнической шайки, которая, под его предводительством, производила набеги на соседние с Мединою племена и особенно на колонии евреев, которые, не смотря на некоторые уступки в пользу их религии, никак не хотели принимать нового учения. В 630 году Магомет был уже на столько силен, что завоевал Мекку, заставил жителей ее принять свое учение и признать себя духовным и светским главою. Храм каабы в Мекке, с которым у обитателей Аравии соединены были религиозные воспоминания, он сделал главным религиозным пунктом для своих последователей. Распространяя свое учение огнем и мечем, Магомет был страшен для всех народов. Еще до завоевания Мекки в 628 г. он посылал посольство к персидскому царю Хозрою II и Византийскому императору Ираклию с требованием признания его пророком. Утвердившись в Мекке, он собирался было предпринять поход против империи, но дела в Аравии остановили его. Затем в 632 году он умер, передав духовную и политическую власть своему преемнику (халифу-наместнику), Абубекру. Этот собрал все откровения Магомета в одну книгу, которая составила известный коран, заключающий в себе 114 глав. Абубекр и последующие халифы продолжали дело Магомета распространение огнем и мечом его учения. Так, второй халиф, Омар (с 634 г.) окончательно покорил Палестину и Сирию, взявши в 638 г. Иерусалим и в 639 г. Антиохию, в 640 г. завоевал Египет, а в 651 г. нанес последний удар Персии. В 669 году мусульмане перешли уже в Европу, прошедши всю Малую Азию, стояли под Константинополем, завоевали многие греческие острова до самой Сицилии и т. д. В 707 г. они прошли всю северную Африку, уничтожив славную карфагенскую церковь, в 710 г. перешли в Испанию и направлялись уже во внутренние страны Европы, в Галлию; но в 732 р. были остановлены франкским майор-домом, Карлом Мартеллом. В этом стремительном шествии фанатических мусульман, истреблявших в христианских странах огнем и мечем все, встречавшееся на пути,

христианские церкви страдали жестоко. Три славных патриархата: александрийский, антиохийский и иерусалимский были уничтожены, остались одни только названия. Везде храмы были разграбляемы и сожигаемы; христиан принуждали принимать учение Магомета, и, если они отказывались, то лишались всех прав и были обращаемы в рабство. При этом самая жизнь христиан ничем не была ограждена.

**Глава 2. Учение Церкви, определенное и утвержденное
на вселенских и поместных соборах по поводу
различных ересей.**

§ 8. Общий взгляд на характер ересей IV и последующих веков

В борьбе с ересями II и III веков Церковь раскрыла и определила некоторые пункты своего вероучения, но оставалось еще много пунктов, не уясненных вполне. Открывалось, таким образом, широкое поле для исследований и рассуждений о богословских истинах. При рассуждениях естественно происходили колебания между истиною и ложью и даже уклонения от истины, – словом, в IV и последующих веках, также как и в первые века, наряду с истинным пониманием христианского вероучения, появились религиозные заблуждения, ереси, содержанием которых служили не раскрытые и не уясненные еще в сознании верующих пункты вероучения. Прежде ереси появлялись и развивались, по большей части, в какой-нибудь одной местности и падали после непродолжительной борьбы с Церковью. Теперь же, когда греко-римская империя сделалась государством христианским, они охватывают всю империю, разделяя ее на две половины – православную и неправославную. Имея на своей стороне значительное число приверженцев, еретики ведут упорную и продолжительную борьбу с православными. В этой борьбе принимает участие правительство, становясь не редко на сторону еретиков и доставляя им способы и средства для борьбы. Хотя религиозные споры оканчиваются торжеством православного учения, которое Церковь определяет на соборах в строгих и точных выражениях, но еретики, не покоряясь общецерковному суду, не редко отделяются от Церкви и образуют свои большие религиозные общества с своеобразным вероучением.

§ 9. Ересь Ария и первый вселенский собор

В ряду вновь появившихся в Церкви ересей первое место занимает арианство. Свое название оно получило от Ария, пресвитера александрийского, который первый открыто высказал мысль, составляющую сущность ереси, что Сын Божий сотворен. Арий родился в Ливии, слушал, со многими другими, в начале IV века в антиохийском училище Св. Писания, уроки известного пресвитера Лукиана и, по окончании образования, получил сан пресвитера в Александрии. Здесь он и высказал в первый раз свое еретическое учение. Вопрос о св. Троице, возбужденный в III веке антитринитариями, на соборах против них был разрешен в положительном смысле – признанием троичности в Боге; оставалось теперь определить учение о взаимном отношении Лиц Св. Троицы. Этот вопрос и занимал в начале IV века многих отцов и учителей восточной церкви. В церкви александрийской, после борьбы с Савеллием Птолемаидским и после многих колебаний учителей этой церкви в разрешении сего вопроса, у большинства установилось такое воззрение, что лица Св. Троицы, имея одно Божеское существо и будучи равны между собою по достоинству, в тоже время имеют отдельное одно от другого, личное бытие. В частности относительно Второго Лица Св. Троицы в Александрии учили, что Сын Божий безначально рожден из сущности Отца, почему и единосущен Ему. Арий, – которого, как человека богословски образованного, также занимал вопрос о Св. Троице, – не разделял таких воззрений александрийских учителей. Усвоив направление антиохийского училища, исключавшее всякого рода таинственность в понимании догматов веры, он хотел представить учение о Св. Троице в яснейшем и простейшем виде, так чтобы оно было вполне попятно для разума. Учение же александрийских учителей о Св. Троице, по его мнению, кроме того, что было полно таинственности, заключало в себе противоречия, необъяснимые и неразрешимые для разума. Так, если признать, что Лица Св. Троицы имеют одинаковое Божеское достоинство и вообще равны между собою, то, думал Арий, выйдет три Бога, а это противно верованию Церкви в единого Бога; и если признать, что Лица Св. Троицы имеют одно Божеское существо, то между ними не будет различия, а отсутствие различия приведет к слиянию трех Лиц в одно и к отрицанию троичности т. е. к ереси Савеллия, уже осужденной Церковью. Таким образом учение о равенстве и единосущии Лиц Св. Троицы, по мнению Ария, вело за собою отрицание и единства и троичности

Божества. Чтобы выйти из таких, в сущности мнимых, противоречий с сохранением учения о единстве и троичности Бога, Арий считал более сообразным с началами разума, излагать учение о Св. Троице таким образом. Один только Бог Отец есть в собственном и строгом смысле истинный Бог; Сын же Божий и Дух Святой только второстепенные божественные существа, имеющие природу, отличную от природы Отца, и находящиеся к Нему в подчиненном отношении, как к причине и источнику своего бытия. К такому решению вопроса о Св. Троице Арий пришел, основавшись на учении Оригена о том же предмете. Ориген, как известно, Бога Отца называл Самобогом, Богом от себя самого, а Сына Божия, как произшедшего от Отца – вторым Богом; но о неравенстве Лиц Св. Троицы не высказывался решительно; о единосущии же он положительно учил, говоря, что Сын безначально рожден из сущности Отца. Сделав из положений Оригена вывод о неравенстве Сына Божия с Богом Отцом и отвергнув совершенно его учение о безначальном рождении Сына из сущности Отца, Арий таким образом развивал свое учение. Если Отец родил Сына, говорил, он то рожденный имеет начало бытия; а отсюда следует, что было время, когда Сына не было и что Сын рожден во времени, а не от вечности. При этом слово: рожден Арии находил неуместным употреблять в приложении к Божеству, так как оно слишком человекообразно и напоминает истечение гностиков. Лучше, утверждал он, употреблять выражение – Сын произошел по воле Отца, не из сущности, а из небытия, или, что тоже, создан, сотворен. Таким образом Сын есть творение Отца и притом первое, превосходнейшее и совершеннейшее; чрез Него Отец сотворил мир. Как творение, он неравен Отцу и не одного с ним существа; как творение, Он подлежит условиям ограниченности, так что божественные совершенства – всемогущество, всеведение и проч. не принадлежат Ему; наконец, как творение, он подлежит изменемости и по природе своей может склоняться к добру или злу и, если не изменяем, то не по природе, а по утверждению в добре и благодати. При всем том Сын Божий, – если не есть истинный Бог, – может быть назван Богом в переносном значении слова, по усыновлению от Бога Отца, как образ и выражение Его совершенств. – Свое учение Арий подтверждал местами из св. Писания, объясняя все выражения, относящиеся к человеческой природе Иисуса Христа, в приложении к Его ограниченной божественной. Арий преимущественно развил свои воззрения на Лице Сына Божия, но из его положений выходило, что и третье Лице Св. Троицы, Дух Святой, есть творение и занимает место низшее Сына, хотя, подобно Сыну, имеет ограниченную божественную

природу. – Таким образом, Арий думал, что в своем изложении учения о Св. Троице избежал, представлявшихся ему, противоречий; по-видимому, у него сохранялось и единство и троичность Бога. Но его учение было ужаснейшей ересью, которая вела к отвержению искупления рода человеческого, а следовательно и всего христианства.

В то время как Арий занимал в Александрии должность пресвитера, епископом там был св. Александр. Он имел обыкновение, по временам, беседовать с своими пресвитерами и другими клириками о богословских истинах. Так было и в 318 году. Александр, рассуждая философски, говорил, между прочим, что Св. Троица есть в троице единица. Арий, присутствовавший на этом совещании, думая, что его епископ в своем учении сливает Лица Св. Троицы в одно, стал возражать и при этом высказал, что если Отец родил Сына, то рожденный имеет начало бытия, а отсюда явно, что было время, когда не было Сына и необходимо следует, что Сын имеет свою личность из небытия²⁰⁷. Александр хотел было краткими увещаниями вразумить Ария, но он стоял на своем. Вскоре к его мнениям пристали другие, – два епископа александрийского округа, Феона мармарикский и Секунд птолемаидский и несколько пресвитеров и диаконов александрийской церкви. Арий начал даже составлять отдельные от своего епископа собрания, на которых предлагал свое учение. Чтобы прекратить зло, Александр созвал (321 г.) в Александрии из епископов своего округа собор, на котором учение Ария было осуждено, а он сам и его приверженцы отлучены от церковного общения. После этого Арий удалился в Палестину и обратился с жалобами на своего епископа к епископам востока. Одни, подобно Александру, осудили Ария, другие, напротив, приняли его сторону. Между последними выдавались Евсевий, епископ кесарийский и особенно Евсевий, епископ никомидийский. Вообще сторону Ария принимали его товарищи по образованию, солукианисты, склонявшиеся, вследствие одинакового направления, полученного в антиохийском училище, к образу мыслей Ария. В своем послании к Евсевию никомидийскому Арий называл его истинным солукианистом. И действительно, Евсевий мыслил подобно Арию; в ответ ему он писал, что для каждого должно быть ясно, что то, что произошло, не было прежде, чем произошло. Принявшим сторону Ария епископам прежде всего хотелось, что бы Александр александрийский принял его в общение. Об этом писал Александру, между прочим, Евсевий кесарийский, выставляя на вид, что одни только недоразумения причиною несогласия между им и Арием. Но Александр па это и подобные же послания других епископов в защиту Ария отвечал отказом. Тогда Евсевий

никомидийский, сильнее других поддерживавший Ария, созвал в Никомидии собор из своих приверженцев, в числе которых были ревностные защитники Ария, Феогний, епископ никейский и Марий, епископ халкидонский. Здесь порешили признавать Ария православным и просить окружным посланием епископов востока о принятии его самого и его единомышленников в общение и о побуждении к тому же Александра александрийского. Арий, между тем, старался распространить свое учение в народе; для этого он издал часть в стихах, часть в прозе книжку, которую назвал *Θαλεία* (песенник) и в которой в общедоступной форме изложил свое учение. Александр александрийский, видя, как сильно распространяется ересь Ария писал к епископам востока окружные послания, к которым, опровергая Ария, излагал православное учение и убеждал всех держаться его.

Таким образом, ересь Ария выступила за пределы александрийской церкви и охватила весь восток. Начались горячие рассуждения и споры о лице Господа Иисуса Христа не только в среде духовенства, но и в народе. Такие споры и толки не могли не дойти до Константина Великого, который в то время, после победы над Ликийем, только что прибыл в Никомидию. Евсевий никомидийский, получивший, как епископ столицы, большое значение при дворе, успел расположить Константина в пользу Ария и представил происходившие споры делом маловажным в религиозном отношении. Поэтому Константин сначала отнесся к делу Ария легко; он желал только, чтобы Арий и Александр примирились, так как ему казалось, что они в существенных пунктах вероучения согласны между собою и расходятся только в частном и неважном вопросе. В этом смысле он написал на имя Александра и Ария послание и отправил его в Александрию с Осиею, епископом кордубским, прибывшим на восток вместе с ним; вместе с этим Осие поручено было лично позаботиться о примирении враждующих. Но Осия, побывав в Александрии и разобравши без всякого предубеждения учение Ария, донес Константину, что Арий проповедует ересь, ниспровергающую все христианство. Теперь и Константин посмотрел на дело иначе. Чтобы умиротворить Церковь, он, по совету благомыслящих епископов, решился созвать собор из всех епископов, которые бы общим голосом решили вопрос об учении Ария и учении православном, которое защищал Александр.

По приглашению Константина, в 325 году, в мае месяце, собралось в вифинский город, Никею, 318 епископов. Это был первый вселенский собор. Все издержки на переезд и содержание отцов собора, по распоряжению Константина, приняты были на счет казны. Большинство

собранных епископов было из восточных областей империи. Впрочем, были тут представители и западных церквей, напр., кроме Осии пордубского, Цецилиан, епископ карфагенский, пресвитеры римской церкви Витт и Викентий, заменявшие своего епископа Сильвестра, который по старости не мог сам прибыть на собор и друг. Были даже епископы персидский и скифский. Во главе православных епископов востока, прибывших на собор, стояли Александр александрийский, Евстафий антиохийский, Макарий иерусалимский и друг. К этим присоединялись также епископы, хотя не отличавшиеся образованностью, но за то славившиеся своею святою жизнью, напр. Николай Мирликийский – исповедник и чудотворец, Иаков низнбийский, Спиридон Тримифунтский – оба чудотворцы, Павел неокесарийский, Пафнутий из Верхней Фиваиды – исповедники. Во главе арианских епископов, число которых простиралось до 20, стоял Евсевий никомидийский. Кроме того на соборе было значительное число епископов, составлявших средину между православными и арианами. Таков, напр., Евсевий кесарийский, который, выходя из положений Оригена, считал Сына Божия хотя неравным Отцу, но подобосущным Ему, и таким образом не допускал ни православного единосущия, ни арианского творения. Вместе с епископами прибыло на собор много пресвитеров и диаконов. Между последними особенно выдавался своими богословскими познаниями и красноречием молодой архидиакон александрийской церкви, Афанасий. Собранные отцы прежде торжественного открытия собора вступали между собою в частные рассуждения о спорных вопросах. Таким образом еще до соборного совещания определилось, кто из епископов и какой стороны держится. Наконец 20 мая (325 года) собор был торжественно открыт. Все отцы собрались в одну из зал императорского дворца; сюда же прибыл и сам император. Один из епископов, по всей вероятности, Евстафий антиохийский приветствовал его речью, в которой, высказав, что причиною настоящего собрания неистовый Арий, не признающий Сына Божия единосущным и равным Отцу, просил Константина, чтобы он повелел Арию оставить свое заблуждение, или, в случае упорства, изгнать его из общества православной Церкви. Император с своей стороны обратился к отцам собора с речью, прося их рассмотреть причины происшедшего раздора и решить все спорные вопросы мирными определениями. После этого начались соборные совещания. В заседание приглашен был сам Арий, и ему дозволено было изложить свое учение. А Евсевий никодимийский представил собору арианское исповедание веры.

Православные, отцы собора, по поводу выслушанного, иступили в спор с арианами. Особенно сильно вооружились против них Евстафий антиохийский и архидиакон александрийский, Афанасий. Последний, между прочим, доказывал, что арианское учение о творении Сына Божия заключает в себе противоречие, так как ариане, называя Сына тварью, приписывают ему в творении мира творческую силу, которая принадлежит одному Богу. Кроме того он представил собору свод всех мест Св. Писания, где говорится о единосущности Сына Божия с Отцом. Ариане с своей стороны возражали православным, что своим выражением: рожденный из сущности Отца – они приписывают Сыну рождение человеческое и допускают, таким образом, отделение или отсечение части существа Бога Отца, а выражением: единосущный – возобновляют ересь Савеллия. Но православные объяснили, что выражение: рожденный из существа Отца – не означает чувственного рождения, а только то, что Сын непостижимым образом произошел из сущности Отца, в противоположность тому, как твари произошли из небытия. Относительно же упрека в савеллианстве православные замечали, что они под словом единосущный понимают не савеллиево слияние Лиц Св. Троицы в одно, а единство божественного существа у всех трех лиц, при отдельности их личного бытия. Таким образом, после непродолжительных, впрочем, споров, учение арианское было отвергнуто отцами собора. Тогда Евсевий кесарийский, в видах примирения православных с арианами, предложил исповедание веры своей церкви, в котором Сын Божий назывался Богом от Бога, перворожденным всей твари и рожденным от Бога Отца прежде всех веков. Ариане, понимая выражения этого исповедания по своему, соглашались было принять его, но православные потребовали, чтобы в это исповедание внесены были точные и определенные выражения о Сыне Божиим, именно, что Он рожден из сущности Отца и единосущен Отцу. Так как на стороне православных было большинство и их же стороны держался Константин, то предлагаемые ими выражения и были внесены во вновь составленное, на основании кесарийского исповедания, соборное вероопределение; это вероопределение есть известный Никейский Символ, во втором члене которого точно и определенно выражено равенство и единосущие Сына Божия с Отцом. В заключение символа отцы собора прибавили еще: «говорящих же, что было время, когда не было (Сына), что он не существовал до рождения, и произошел из несущаго, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности, или что Он создан, или изменяем, или преложим, таковых предает анафеме кафолическая и апостольская Церковь». Когда

был прочитан символ, Константин приказал подписать его всем. Православные подписали; подписали многие и из арианских епископов. Евсевий никомидийский и Феогний никейский, опасаясь царского гнева, подписали символ в числе других, но подписать осуждение Ария не согласились. Только Феона мармарикский, Секунд птолемаидский и сам Арий решительно отвергли никейский символ. За это все трое были отлучены от Церкви и сосланы императором в заточение в Иллирию, а спустя немного лишены были своих кафедр и сосланы в заточение в Галлию и Евсевий никомидийский с Феогнием Никейским, так как, отказавшись от подписи осуждения Ария, они оказались защитниками ереси. В послании, которое Константин написал после собора ко всем епископам и народам, повелевалось сочинения Ария предавать огню и под угрозой смерти запрещалось скрывать их. Кроме определения догмата о Сыне Божиим, по поводу ереси Ария, никейский собор составил еще 20 канонов или правил, касавшихся преимущественно церковной дисциплины.

§ 10. Продолжение арианской ереси после Никейского собора

Никейским собором дело арианства не кончилось. Арианские епископы, подписавшие никейский символ неискренно, по прежнему, оставались арианами и по прежнему старались распространить свое арианское учение. Поэтому споры между православными и арианами о лице Господа Иисуса Христа должны были подняться снова и действительно поднялись с большим оживлением. Ариане, чтобы одержать верх над православными, прибегали ко всякого рода интригам, и тем производили большие волнения в Церкви, которые продолжались почти до конца IV века. Прежде всего им нужно было возвратиться из заточения Ария и других предводителей своей партии. Это и удалось. Сестра Константина Великого, Констанция, вдова Ликиния, пред смертью, последовавшею вскоре после никейского собора, поручила вниманию Константина одного пресвитера, своего духовника, по убеждениям арианина. Константин приблизил его к своему двору. Этот пресвитер начинает внушать императору, что Арий осужден неправильно, что он учит согласно никейскому символу. Чтобы испытать Ария, Константин решился вызвать его в Константинополь. Арий явился, (328 г.) и представил императору свое исповедание веры, в котором, не упоминая о единосущии Сына Божия с Отцом, изложил в общих выражениях учение о Божестве Сына Божия и его рождении прежде всех веков от Отца. Предполагая на основании этого исповедания, что Арий оставил свое заблуждение., Константин освободил его из заточения, тем более, что многие епископы, и между прочим Евсевий кесарийский, любимец Константина, все тайные ариане, признали Ария православным. Вскоре прислали из своего заточения покаянные грамоты Евсевий никомидийский и Феогний никейский, а также были возвращены и получили свои кафедры. Теперь ариане смело могли выступить против православных. Защитники православия на Никейском соборе первые подверглись их нападению. Так, по их проискам Евстафий антиохийский на соборе в Антиохии (около 330 г.) был низложен с своей кафедры. Арианские епископы, составившие этот собор, не смея осудить его за то только, что он держался православного учения, – так как и они сами выставляли себя пред императором православными, – обвинили его ложно в ереси Савеллия и нецеломудренной жизни. На место его поставили епископом человека из своей партии. Но православные жители Антиохии остались

верными Евстафию и составили из себя отдельное церковное общество – евстафиан. Также поступали ариане и с другими православными епископами, под разными предлогами низлагая их с кафедр и замещая их своими единомышленниками. Но главным образом им хотелось низложить с александрийской кафедры св. Афанасия. Афанасий (род. 296 г. ум. 373 г.) преимущественно пред всеми православными епископами обладал всеми, необходимыми для успешной борьбы с арианами, качествами – высоким умом, обширную ученостию, особенно знанием Св. Писания и христианских догматов, блестящим красноречием и твердою волею. Еще в сане архидиакона, на никейском соборе он основательнее всех опровергал ариан. Избранный на смерти Александра (326 г.) в епископа александрийского, он поставил целию своей жизни защиту православного учения против ариан и до самой своей смерти не изменял этой цели. Такой человек был слишком опасен для ариан; одно только низложение его и удаление из Церкви александрийской могло доставить им торжество над православными. Признавши Ария православным, арианские епископы, особенно Евсевий никомидийский, потребовали, чтобы и Афанасий принял его в общение и восстановил в сане. Того же требовал, по внушению Евсевия, и Константин. Но Афанасий решительно отвечал, что он не примет в Церковь еретиков, однажды отвергших веру и осужденных. После такого ответа Константин посмотрел не благосклонно на Афанасия; он даже угрожал ему низложением, если он, вопреки его воле, будет препятствовать вступить в Церковь кому-либо, имущему общения с нею. Евсевий постарался еще более усилить неудовольствие императора клеветами на Афанасия; он, напр., говорил, что Афанасий церковными деньгами поддерживает, бывшее тогда в Александрии, возмущение. Для оправдания себя пред императором Афанасий прибыл лично в Константинополь (332 г.) и так успешно опроверг все обвинения, что Константин в своем послании к александрийской церкви называл его мужем Божиим. Но ариане и после этого не хотели оставить Афанасия в покое. Заключив союз с египетскими раскольниками-мелетианами²⁰⁸, они подговорили их жаловаться на Афанасия. Те представили такого рода жалобы, что будто Афанасий жестоко обращается с мелетианскими епископами, некоторых из них подверг бичеванию и заключил в темницу, а епископа Арсения даже умертвил, отрезал ему руку и употребляет ее для волхвований. Эти жалобы доведены были до сведения Константина. В это время восточные епископы отправлялись в Иерусалим для освящения, построенной Константином, церкви. Константин и поручил им собраться по пути в Тире и рассмотреть дело Афанасия. В Тире (335 г.) собрались

злейшие враги Афанасия: Евсевий никомидийский, Евсевий кесарийский, Феогний никейский и друг. Афанасий, по приказанию императора, лично явился на суд, хотя и представлял, что его судить будут его враги. Впрочем он легко опроверг все обвинения; напр., епископа Арсения, в убийстве которого его обвиняли, представил собору живого и с обеими руками. Но арианские епископы во что бы то ни стало хотели обвинить Афанасия; назначили из его врагов комиссию для исследования дела на месте в Александрии и, на основании отзывов комиссии, осудили его. Афанасий, не дожидаясь окончания собора, отправился в Константинополь и донес императору о ходе дела на тирском соборе. Император приказал епископам, – которые между тем освятили церковь в Иерусалиме и торжественно приняли в общение Ария, – прибыть в Константинополь. Прибыли не все, но только главные предводители ариан и с новыми клеветали на Афанасия. Указав на ложных свидетелей, они говорили, что Афанасий угрожал остановить подвоз хлеба из Александрии в Константинополь, если двор и на будущее время будет его преследовать. Такое обвинение возмутило Константина. Хотя он, как надо полагать, и подозревал врагов Афанасия в клевете, но, видя их настойчивость в преследовании Афанасия и опасаясь еще больших смут в Церкви, счел за лучшее на время удалить Афанасия из Александрии; почему в 336 году и отправил его в Галлию в Трир. Преемника же Афанасию не было поставлено, хотя ариане и домогались поставить кого-либо из своей партии. По удалении Афанасия, арианам оставалось только восстановить Ария в сане пресвитера александрийской церкви. Он отправился в Александрию, но там, при его появлении, произошло большое возмущение, так что его потребовали в Константинополь. Здесь он вторично представил императору свое исповедание веры, а его покровители выпросили у Константина дозволение торжественно внести его в церковное общение в Константинополе. Епископом константинопольским был в это время Александр–православный. Не имея возможности оказать сопротивление арианам, он накануне, назначенного для принятия Ария дня, молился в своей церкви, чтобы Бог не попустил еретику вступить в Церковь. Накануне своего торжества Арий скоропостижно умер (336 г.), будучи уже осмидесятилетним стариком. Православные видели в смерти Ария божие наказание еретику, а ариане распускали молву, что смерть Ария последовала от волхований православных. В следующем 337 г. умер и Константин Великий.

Преемниками Константина были его сыновья – Константин II младший (до 340 г.), Констанс (до 350 г.), управлявшие западом, и

Констанций (до 361 г.), управлявший востоком. Константин младший, будучи, еще при жизни отца, правителем Галлии, познакомился там с Афанасием и немедленно, после смерти отца, возвратил его в Александрию (337 г.). При этом в послании к александрийской церкви молодой император объяснил, что, возвращая Афанасия, он исполняет волю отца. Афанасий был принят с восторгом в Александрии. Но торжество православных было не продолжительным, восточный император Констанций подпал влиянию ариан и так увлекся религиозными спорами, что занимался ими во все свое правление, оставив в стороне все другие дела, как будто бы он сам был епископом. Евсевий никомидийский, занявший теперь (338 г.) константинопольскую кафедру, по изгнании, при помощи Констанция, православного епископа Павла, преемника Александра, опять выступил с своими происками против Афанасия. В защиту Афанасия собравшийся в Александрии собор египетских епископов разослал послания ко всем церквам и, между прочим, к римской, где епископом был Юлий, державшийся православного учения. Но арианские епископы, опираясь на сочувствовавшего им Констанция, составили (341 г.) в Антиохии свой собор, на котором, кроме Евсевия, бывшего никомидийского, присутствовал еще новый поборник арианства Акакий, преемник умершего (около 340 г.) Евсевия кесарийского. Здесь главным обвинением против Афанасия выставили то, что он, будучи низложен на соборе в Тире, занял свою кафедру по распоряжению гражданской власти, без разрешения собора, почему подтвердили его низложение, а на его место поставили арианина, Григория каппадокиянина. Констанций, утвердив решение собора, поручил правителю Египта возвести на александрийскую кафедру Григория с помощью солдат; Афанасий должен был бежать из Александрии. Он ушел в Рим к папе Юлию и разъяснил там настоящее положение дел на востоке. С своей стороны и отцы антиохийского собора сообщили папе Юлию о своем решении относительно Афанасия, желая, чтобы и он осудил его. Юлий, задавшись идеею главенства римской кафедры, обращение к нему восточных епископов, как к посреднику, понял, как обращение к его суду; поэтому надменно потребовал от антиохийского собора уполномоченных в Рим для расследования дела Афанасия. Но отцы антиохийского собора, признавая преимущества римской кафедры, все-таки отвечали папе, что он не имеет права повелевать восточными епископами. Тогда Юлий созвал в Риме (342 г.) собор, на котором Афанасий признан был православным и законным епископом в Александрии. Между тем отцы антиохийского собора, продолжившие свои заседания, чтобы их не считали на западе

еретиками, составили четыре символа, в которых, желая приблизиться к символу никейскому, излагали православное учение о Сыне Божиим, не называя только Его единосущным. При этом антиохийские отцы даже осудили положения Ария о творении Сына Божия. Но западные епископы все таки видели в этих символах отступление от символа Никейского, и, – хотя в 345 г. на новом антиохийском соборе арианскими епископами составлен был пятый символ, вполне православный, но опять без слова единосущный, – разделение между востоком и западом продолжалось. Во время этих сношений с западом умер (341 г. или 342 г.) главный защитник арианства, Евсевий, бывший никомидийский. Православные желали было опять возвести на константинопольскую кафедру православного Павла, но Констанций, при помощи военной силы, возвел Македония.

Между тем западный император Констанс, которому известен был весь ход дел на востоке чрез западных епископов, решился принять участие в церковных спорах. Для прекращения разделения между востоком и западом он убедил Констанция созвать собор из восточных и западных епископов, с тем чтобы они пришли к общему решению как относительно Афанасия, так и вероучения. Местом собора назначен был (347 г.) город Сардика во владениях Констанса. Западных епископов собралось здесь больше, чем восточных. Рассчитывая, что православные возьмут перевес, арианские епископы уехали из Сардики и составили свой собор в Филиппополе. Отцы Сардикийского собора восстановили Афанасия в сане епископа александрийского, подтвердили символ никейский и осудили главных предводителей арианства, переехавших в Филиппополь. А отцы Филиппольского собора, наоборот, подтвердили 4-й антиохийский символ, осудили Афанасия, самого папу и некоторых других епископов запада. Теперь произошло окончательное разделение запада с востоком. Но, несмотря на это, император Констанс хотел помочь Афанасию. Он писал своему брату на восток, чтобы Афанасий, как признанный православным и законным епископом Александрии, был восстановлен на своей кафедре, тем более, что арианского епископа Александрии, Григория, не было уже в живых. Так как Констанций опасался войны с братом, то согласился на его предложение, и Афанасий снова занял (349 г.) спую кафедру. Тотчас же, по вступлении в Александрию, он нагнал всех ариан. Но защитник Афанасия, император Констанс, в 350 г., погиб в борьбе с бунтовщиком Магненцием. Констанций сделался единодержавным. Теперь он легко мог доставить торжество арианам. Покончив войну с Магненцием, Констанций устроил на западе два собора, в Арелате (353 г.) и Медиолане (355 г.). На обоих он

потребовал осуждения Афанасия. Особенно замечателен собор Медиоланский. Два восточных епископа, ариане Урзакий и Валент, заправлявшие ходом соборных совещаний, склоняли дело к осуждению Афанасия. Западные епископы, которых было громадное большинство, не соглашались, а требовали сначала подтвердить на соборе Никейский символ. Как ни старались Урзакий и Валент, западные епископы оставались при своем и некоторые из них высказались даже против вмешательства императора в церковные дела. Тогда Констанций, слушавший из соседней комнаты все рассуждения отцов, вошел в залу совещаний с мечом в руках и сказал, что он сам обвиняет Афанасия. Не соглашавшимся на осуждение Афанасия епископам угрожала ссылка. Поэтому, многие подписали осуждение, а некоторые отказались и были сосланы, по большей части, в восточные провинции империи. Между прочим, были сосланы: Ливерий епископ римский, преемник Юлия (с 354 г.), Осия кордубский, столетний старец, Дионисий медиоланский, Иларий пуатьерский, знаменитый защитник православия, Люцифер сардинский, Евсевий вер-челльский. На место их поставлены были или ариане, или соглашавшиеся осудить Афанасия. В 356 г. Констанций отдал приказ низложить силою самого Афанасия. Воины окружили храм, в котором Афанасий совершал всенощное богослужение, но Афанасия не взяли. По окончании богослужения он незаметно, в среде своих клириков, вышел из храма и удалился в египетские пустыни. На место его поставлен был арианин Георгий каппадокиянин.

Таким образом ариане взяли перевес над православными; все важные епископские кафедры были в их руках. Защитники православия в изгнании или заточении. Но православие не погибло. Ариане сами разделились во мнениях, вступили между собою в споры и тем ускорили падение арианства. Еще на никейском соборе в среде ариан резко обозначились две партии. Одни из них, вслед за Евсевием кесарийским, не допуская православного учения, что Сын Божий единосущен (ὁμοὺς ὁσίος) Отцу, учили, что Он подобосущен (ὁμοιούσιος) Ему; другие, держась строгого учения Ария и его последних выводов, утверждали, что природа Сына Божия, как творения, другая, чем природа Отца, что Сын не единосущен и не подобосущен (ἀνόμοιος) Отцу. Ведя борьбу с общим противником-православными, или, как их тогда называли, омоусианами, эти партии долгое время не сталкивались между собою. Теперь же, когда православие, по-видимому, было побеждено, омоусиане, (подобосущники), или, как их еще называли, полуариане вступили в борьбу с аномеями или строгими арианами. Во главе многочисленной партии полуариан стояли Василий,

епископ анкирский и Георгий, епископ Лаодикийский. К этой же партии принадлежал император Констанций. Строго-арианское учение развили Азций, диакон антиохийской церкви, и особенно его ученик Евномий, тоже диакон антиохийской церкви, а впоследствии епископ кизикский. Именно, они довели арианство до последних выводов развитием учения о природе Сына Божия иной и неподобной (ὁνόμοιος) природе Отца. Их последователи назывались даже их именами – аэцианами и евномианами. Аэцию и Евномию покровительствовали епископы Евдоксий²⁰⁹ антиохийский, впоследствии константинопольский и Акакий Кесарии палестинской, оба строгие ариане. Началась борьба партий. Но совету придворных епископов Урзакия и Валента, строгих ариан, Констанций, в виду примирения партий, составил собор в Сирмие (357 г.), на котором было решено из рассуждений о Сыне Божиим выбросить слово *ὁμοία* так как его нет в Св. Писании. Составленный в Сирмие символ, без упоминания о существовании Божиим, и осуждение Афанасия Констанций насильно заставил подписать, сосланных на восток, западных епископов Ливерия римского и Осия кордубского. Осия подписал только символ, а Ливерий символ и осуждение Афанасия, и оба получили свои кафедры. Впрочем Осия скоро отказался от своей подписи и проклял ересь. Но такое решение не удовлетворило ни полуариан, ни строгих ариан. Хотя Констанций начал ссылать в заточение предводителей строгих ариан, но раздор между еретиками продолжался до самой его смерти (361 г.).

Преемник Констанция Юлиан, как известно, по своим расчетам дал свободу вероисповедания всем христианским партиям. Афанасий возвратился в Александрию, занял свою кафедру и начал приводить в порядок церковные дела. Его предместник арианин Георгий, за свою жестокость, был убит народной чернью, как только получено было известие о смерти Констанция. Афанасий позаботился прежде всего о восстановлении православия. Торжественно утвердив на александрийском соборе (362 г.) православное учение, он постановил, чтобы обращающиеся к православию ариане были принимаемы в тех же иерархических степенях, какие имели до обращения. Это постановление, полное христианской любви, было весьма полезно для прекращения церковных смут. Многие полуариане, учение которых близко подходило к учению православному, обратились к Церкви. Далее, Афанасий хотел позаботиться и об антиохийской церкви. Там было православное общество евстафиан, не признававшее арианских епископов. В 360 г. ариане поставили в Антиохии епископом Мелетия, считая его за арианина, но Мелетий оказался строго православным. Ариане его низвергли. Тогда

часть евстафиан признала Мелетия своим епископом, но другая часть не признала, так как он был поставлен арианами, и продолжала устраивать отдельные собрания, под руководством пресвитера Павлина. Таким образом между православными в Антиохии произошел раскол, называемый мелетианским. Собор александрийский, по предложению Афанасия, для примирения православных, послал в Антиохию депутацию, в которой, между прочим, был строгий до фанатизма Люцифер сардинский, возвращенный из заточения и пребывавший в Александрии. Люцифер своею горячностью испортил все дело; не признав Мелетия законным епископом, он поставил евстафианам епископом Павлина. Раскол продолжался. За Павлина стояли церкви александрийская и западные, за Мелетия все православные восточные. – Император Юлиан скоро заметил благотворную деятельность Афанасия для Церкви и решился его сослать, как возмутителя общественного спокойствия. Афанасий должен был спасаться бегством в пустыню. При преемнике Юлиана, Иовиане, Афанасий опять занял свою кафедру. Иовиан, бывший недолго императором, не вмешивался в церковные дела. Но при Валенте (364–378 г.г.), брате и восточном соправителе Валентиниана 1, опять начались преследования православных. Валент подпал влиянию партии строго арианской и стал преследовать как православных, так и полуариан. Это, впрочем, послужило в пользу Церкви, так как полуариане стали еще более, сблизиться с православными и присоединяться к Церкви. Изгоняя православных из Константинополя и других городов, Валент издал указ и о ссылке Афанасия. Опять Афанасий должен был бежать (367 г.). Но в Александрии началось волнение, – и Валент принужден был призвать Афанасия. Это было последнее его изгнание. Теперь Афанасий до самой своей смерти спокойно управлял церковью. Самые враги его чувствовали невольное уважение к великому старцу. Он был около 50 лет епископом и из них более 20 лет провел в изгнании.

Вместо Афанасия, который достиг уже глубокой старости, на защиту православия выступил теперь Василии Великий (род. около 329 г. ум. 379 г.), епископ Кесарии каппадокийской. Он наследовал дарования и славу великого Афанасия. Еще будучи пресвитером кессарийским, он удержал своего епископа от арианства. Получив в 370 г. епископскую кафедру, Василий с необыкновенною ревностью взялся за восстановление православия на востоке. Его усердными помощниками были Амфилохий иконийский, брат его, Григорий Нисский, Григорий Богослов из Назианза и друг. Большинство епископов востока были ариане, или полуариане; православных было не много. Да и те, не выступая на борьбу с арианами,

подозревали друг друга в неправославии. Западные же епископы считали всех восточных епископов арианами. Василий понял, что для того, чтобы дать торжество православию на востоке, нужно восстановить общение православных епископов востока как между собою, так и с западными епископами. Мелетианский раскол в Антиохии также занимал Василия. Он лично видел Мелетия и считал его вполне православным. Соединив вокруг себя православных епископов востока, Василий вступил в сношения с Афанасием Великим, а чрез него и с западными епископами. Он доказывал, что на востоке есть православные епископы, что он сам и другие, между прочим, и Мелетий антиохийский, держатся православия; что поставление Павлина епископом Антиохии, при православном Мелетии, незаконно. При этом Василий приглашал западных епископов прибыть на восток и ознакомиться с положением православия. Но в Риме не обратили внимания на его предложение, так как там стояли за Павлина антиохийского и не признавали Мелетия. Своею деятельностью в пользу православия Василий обратил на себя внимание ариан. Сначала Валент хотел привлечь его на свою сторону и поручил префекту, Модесту, переговорить с ним об этом. Василий решительно отказался, не смотря на то, что Модест, в случае перехода его на сторону ариан, обещал милости императора, а в противном случае угрожал отнятием имущества и ссылкой. Относительно угроз Василий заметил Модесту, что отнять у него нечего и что ссылки он не боится, так как везде земля Господня. Твердость Василия поразила даже Модеста. Сам Валент два раза приходил в Кесарию убеждать Василия присоединиться к арианской партии, и все неудачно. Наконец, Валент решился тайно сослать его в заточение; но об этом узнал народ, и император, опасаясь большого возмущения должен был оставить свое намерение. – Между тем умер Афанасий Великий (373 г.). Преемник его Петр православный был изгнан Валентом, и александрийская церковь попала в руки арианина Лукия. Василий Великий, оставшийся единственным защитником православия на востоке, снова отправил посольство на запад, прося тамошних епископов войти в общение с восточными и приглашая составить вселенский собор в Александрии, или где-нибудь еще на востоке. Но и это посольство в Риме не имело успеха; папа Дамас отлучил даже Мелетия антиохийского. Только Амвросий медиоланский склонился на просьбу Василия. Он донес Валентиниану о том, что Валент преследует православных на востоке. Валентиниан прислал Валенту указ, чтобы он оставил в покое православных. Амвросий медиоланский послал даже на восток епископов на предполагаемый вселенский собор. Но собор не состоялся. Вскоре

война с готами отвлекла Валента от церковных дел. Православные успокоились. Арианский епископ Лукий был выгнан народом из Александрии и на место его возведен православный Петр. В 378 г. Валент погиб в борьбе с готами, – и с ним кончилось дело арианства. Западный император Грациан вызвал из заточения всех православных, сосланных Валентом, а его восточный соправитель, Феодосий I (с 379 г.), дал окончательное торжество православию. Василий Великий, подготовивший свою деятельность торжество православия, не дожидаясь этого торжества; он умер 379 г.

Что касается судьбы арианства на западе, то оно не имело здесь большого распространения. Народный характер и направление церковного просвещения сложились там иначе, чем на востоке. Рассуждения об отвлеченных предметах были не в духе западных христиан; сами церковные писатели запада, развивая христианское вероучение так, как оно дано Откровением, чуждались догматических отвлеченностей. Поэтому арианские споры не могли увлечь там многих. Хотя при Констанции и заставляли насильно западных епископов подписывать арианские символы, но они оставались православными и не заботились об утверждении арианского учения. Известен только один ревностный защитник и распространитель арианства. Это Авксентий, епископ медиоланский, поставленный (355 г.) Констанцием на место низверженного им православного Дионисия. Но, когда, по смерти Авксентия, выбран был (374 г.) епископом Медиоланским Амвросий, арианство в Медиоланском округе было совсем уничтожено. Амвросий был ревностным защитником православия. Он не усомнился вступить в борьбу за православное учение с арианкою Юстиною, матерью западного императора Валентиниана II, управлявшею государством за его малолетством. Только у некоторых германских народов, поселившихся в западной Европе, напр. у готов, держалось еще долгое время арианство, но в Римской империи в начале V в., как на востоке, так и на западе его уже не было.

§11. Лжеучения, возникшие в Церкви во время арианских смут

Во время арианских смут, в связи с арианством, в Церкви возникли еще некоторые лжеучения. Это ереси: Маркелла и Фомина, Аполлинария и Македония.

Ариане на никейском соборе и после него упрекали православных в савеллианстве. Упреки были вообще несправедливые, но поводы к ним существовали. На стороне православных был, между прочим, Маркелл, епископ анкирский. Он с необыкновенною ревностью защищал единосущие Сына Божия с Отцом, находился в постоянном общении с Афанасием Великим и вместе с ним претерпевал изгнания. Но, опровергая ариан, Маркелл сам впал в противоположную крайность. Дело было таким образом. Один софист, Астерий, в защиту Ария написал сочинение, в котором изложил систему арианства. В опровержение Астерия Маркелл написал также сочинение, в котором так горячо отстаивал единосущие Сына Божия с Отцом, что допустил совершенное слияние их, в смысле Савеллия или Павла Самосатского. Он проводил такую мысль, что Сын Божий не отличен от Бога Отца, что он всегда был в Отце, как его вечная премудрость, и не имел отдельного от него бытия, точно также, как присущие человеку слово и разум не имеют отдельного бытия. Поэтому, утверждал Маркелл, название: Сын Божий не может быть усвоено Второму Лицу Св. Троицы до его воплощения; приличное Ему название Слово. После же воплощения, во Христе, Слово сделалось личностью, Сыном Божиим. Но после того, как основанное Христом, царство окончится, Слово или Сын Божий опять соединится с Богом Отцом в нераздельном бытии. Такие мысли замечены были арианскими епископами еще в 335 году, когда они собрались в Иерусалим для освящения церкви. На соборе в Константинополе (336 г.), когда Маркелл отказался сжечь свою книгу, они низложили его с кафедры. Но на соборе Сардикийском (347 г.) Маркелл объяснил, что арианские епископы не поняли его книги, и ложно приписали ему мнения Павла Самосатского; поэтому собор восстановил его, вместе с Афанасием Великим, в сане епископа.

Ученик Маркелла, сирмийский епископ, Фотин, был решительнее и последовательнее своего учителя. Он утверждал подобно Павлу Самосатскому, что Слово Божие не имеет личного бытия и не родилось от Отца прежде всех веков, что Христос простой человек, одушевленный

только Словом Божиим. Арианские епископы, на соборе в Сирмие (351 года) также осудили и низложили Фотина.

Аполлинарий Младший, ученый епископ Лаодикийский (с 362 года), своим еретическим учением обязан также арианству. Арий, между прочим, проводил такое воззрение, что Сын Божий в воплощении принял только человеческое тело без души, а вместо души у Него, во время земной жизни, было Его Божество. На основании этого воззрения все выражения Св. Писания об ограниченности существа Господа Иисуса Христа Арий относил не к человеческой Его природе, а к ограниченной Божественной. Аполлинарий в учении о существе Сына Божия был согласен с православными и отрицал учение арианское. Но, желая опровергнуть арианское учение об ограниченности Божественной природы в Иисусе Христе, он почти повторил учение Ария. Аполлинарию нужно было доказать, что выражения Св. Писания об ограниченности существа Иисуса Христа относятся к Его человеческой природе. Но тут он натолкнулся на вопрос о соединении в лице Иисуса Христа Божественной и человеческой природы. Для него, как и для Ария, было не понятно, каким образом две самостоятельные природы – Божественная и человеческая – соединяются вместе и образуют одно существо Богочеловека. При самостоятельности обеих природ, ему казалось невозможным единство Лица Господа Иисуса Христа. Если во Христе полная человеческая природа и полная Божественная, то, думал он, выходит два лица, два Христа: Христос человек и Христос Бог. Следуя платоновскому делению человека на три части – дух или ум, душу неразумную и тело, – Аполлинарий таким образом объяснял догмат о воплощении: Сын Божий принял только душу неразумную и тело человеческое, а вместо ума человеческого у Него было Божество. Таким образом, приписав Иисусу Христу неполную человеческую природу, Аполлинарий полагал, что он опроверг ариан, отнеся к человеческой душе Иисуса Христа все выражения Св. Писания об ограниченности Его природы, и избежал представлявшегося ему раздвоения в лице Иисуса Христа. Но в воззрении Аполлинария заключалась ересь. – Аполлинарий не имел большого числа последователей; его учение было слишком отвлеченно. Отцы Церкви св. Афанасий Великий и особенно св. Григорий Богослов опровергали в свое время Аполлинария. Но его воззрения послужили поводом к разлитию в Церкви других ересей в V в., когда был поднят тот же вопрос о соединении в лице Иисуса Христа Божественной и человеческой природы.

Ересь Македония или македонянство составляет прямое порождение арианства. Македоний был епископом константинопольским, после

Евсевия никомидийского (около 342 г.). По убеждениям он был сначала строгий арианин. Своею жестокостью, даже к арианам, он навлек ненависть Констанция. Строго-арианские епископы Евдоксий и Акакий, воспользовавшись этим, низложили (360 г.) его с константинопольской кафедры, которую теперь занял сам Евдоксий. Низверженный Македоний перешел на сторону противников Евдоксия и Акакия – полуариан и стал учить, что Сын подобен Богу Отцу. Не останавливаясь на этом, Македоний хотел быть главою Нового учения. И вот он развил, в смысле Ария, учение о Св. Духе. Из учения Ария о Сыне Божиим, как творении, последовательно вытекало такое же учение и о Св. Духе. Македоний только сделал этот вывод, когда стал учить, что Св. Дух есть служебная тварь, не имеющая участия в Божестве и славе Отца и Сына. Поднятый вопрос о Св. Духе занял праздные умы также, как раньше вопрос о Сыне Божиим. Многие, особенно из строгих ариан, присоединились к Македонию. По главным пунктам своей ереси последователи Македония называются также духоборцами. Православное учение о Св. Духе против них защищали Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов.

§12. Второй вселенский собор и окончательное поражение арианства со всеми его отраслями

Император Феодосий Великий исполнил задушевное желание Василия Великого относительно вселенского собора. Ко времени вступления его на императорский престол (379 г.) арианство, с возникшими из него и в связи с ним ересьями Маркелла, Фотина, Аполлинария и Македония, все еще волновало Церковь, не смотря на то, что было ослаблено борьбою партий. Особенно много страдала от еретиков константинопольская церковь. Здесь, после смерти православного Александра (338 г.), епископская кафедра постоянно находилась в руках ариан. При вступлении Феодосия на престол арианским епископом был Демофил. Но это был последний арианский епископ Константинополя. Василий Великий, в виду восстановления православия в столице империи, незадолго до своей смерти, послал в Константинополь своего друга Григория Богослова, бывшего в Сасиме. Григорий, прибыв (378 г.) в Константинополь, собрал вокруг себя православных. Так как все храмы были во владении ариан, то он устраивал богослужение и проповедовал в частном доме. Его блестяще красноречие, в котором он превосходил всех современников, и основательное изложение догмата о Св. Троице привлекали к нему много слушателей. Даже ариане переходили на его сторону. Предводители ариан не хотели оставить Григория в покое. Они открыто напали на него во время богослужения, разогнали его православных приверженцев и затем его же обвинили пред судом в произведенном волнении. Но Григорий успел оправдаться и, по-прежнему, продолжал проповедовать в частном доме, приобретая все больше и больше последователей. – В таком положении были дела константинопольской церкви, когда (380 г.) прибыл в Константинополь новый император Феодосий. Он, после избрания на престол, приняв крещение от православного епископа Фессалоники, Ахолия, друга Василия Великого, решительно высказался за православных. Заметив, что споры на площадях и в других общественных местах о высоких христианских истинах только унижают самое христианство, он потребовал особым указом (380 г.), чтобы все пароды, оставив споры, исповедовал никейскую веру. Прибыв в Константинополь, Феодосий предложил арианскому епископу Демофилу или привить никейское исповедание, или оставить кафедру, и, когда тот выбрал последнее, передал все константинопольские церкви Григорию Богослову. Затем

Феодосий решился торжественно восстановить православное учение. В 381 г. он созвал в Константинополе собор, который был вторым вселенским, константинопольским первым, собором. На этом соборе было 150 православных отцов. Между ними особенно замечательны были: Григории Богослов, Мелетий антиохийский, Григории Нисский, брат Василия Великого, Елладий Кесарии каппадокийской, преемник Василия Великого, Амфилохий иконийский, Кирилл иерусалимский и друг. Прежде всего собор отцов решился устроить дела константинопольской кафедры. Григорий Богослов был признан ими константинопольским епископом и, по всей вероятности, после этого он занял на соборе председательское место²¹⁰. Затем начались рассуждения о вере. Арианство, в чистом его виде, было уже осуждено на первом вселенском соборе; теперь на первом плане стояло, выродившееся из него, македонианство с своим еретическим учением о Св. Духе. Этим-то учением по преимуществу и занялся собор. Как из арианского учения о Сыне Божиим, инк творении, последовательно вытекало такое же учение о Св. Духе, так и из православного учения о единосущии и равенстве Сына Божия с Отцом последовательно вытекало учение о равенстве и единосущии Св. Духа с Отцом и Сыном. Поэтому отцы второго вселенского собора, когда в заседание их явились македонианские епископы, в числе 36, не вступая с ними в продолжительные прения, предложили им принять православное учение о единосущии Св. Духа с Отцом и Сыном. Но те решительно отказались от этого и оставили собор. Тогда отцы, рассмотрев в совокупности все ереси, как отрасли арианства, так и возникшие в связи с ним, определили предать их анафеме. Именно, анафеме преданы ереси евномиан, аномеев, ариан или евдоксиан, полуариан или духоборцев, савеллиан, маркеллиан, фотипиан и аполлинариан²¹¹. Что касается православного учения, которое извращали поименованные еретики, то собор прежде всего подтвердил никейский символ²¹², запретив отменять его. Потом, – так как в никейском символе учение о Св. Духе было раскрыто не вполне, именно в нем сказано только: и во Святаго Духа (т. е. веруем), – собор продолжил его таким образом: и в Духа Святаго, Господа животворящаго, иже от Отца исходящаго, иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Этим добавлением к никейскому символу утвержден был догмат о равенстве и единосущий Св. Духа с Отцом и Сыном. Кроме того второй вселенский собор внес в символ и последующие члены: о Церкви, крещении, воскресении и будущей жизни. Таким образом составилась полный символ никео-цареградский, существующий в Церкви до настоящего времени в

том самом виде, как он изложен был отцами второго вселенского собора.

Занятия собора кончились. Но одно обстоятельство – смерть Мелетия антиохийского – побудило отцов продолжить свои заседания. В Антиохии был мелетианский раскол, было два епископа Мелетий и Павлин. В видах прекращения раскола, Григорий Богослов предложил на соборе не поставлять преемника Мелетию, а предоставить антиохийскую церковь Павлину, с тем чтобы после смерти Павлина, уже достигшего преклонных лет, обе православные партии по взаимному согласию выбрали себе епископа. Но таким предложением были недовольны восточные епископы, которые, в противоположность александрийскому и римскому епископам, признавали Мелетия законным епископом Антиохии и не признавали таковым Павлина. Непоставлением преемника Мелетию они опасались бросить тень на самого Мелетия, заявившего свое православие в борьбе с арианами и пострадавшего от них. Неудовольствия на Григория поднялись еще и с другой стороны. Египетские епископы, прибывшие на собор, когда уже Григорий был утвержден на константинопольской кафедре и покончены догматические рассуждения, не желали видеть его константинопольским епископом. Дело в том, что почти одновременно с Григорием прибыл в Константинополь, по распоряжению египетских епископов, некто Максим циник с целью занять константинопольскую кафедру. Этот Максим составил себе партию и, при содействии египетских епископов, был поставлен тайно в епископа константинопольского. Поддерживая своего кандидата, египетские епископы выставляли против Григория то, что он не по правилам выбран на константинопольскую кафедру, так как занимал уже епископскую кафедру в Сасиме. Григорий Богослов, замечая такое недовольство, решился для мира Церкви, добровольно оставить константинопольскую кафедру. В одном из заседаний собора он произнес пред отцами одушевленную речь, в которой оправдывал свою деятельность, указал на незаслуженное им недоброжелательство со стороны некоторых епископов, и, наконец, просил отпустить его с молитвами с престола константинопольского и избрать на его место другого. Отцы исполнили желание Григория, и он, не дожидаясь окончания собора, отправился в свой отечественный город Назианз, где прожил до самой своей смерти. По удалении Григория, собор поставил преемником Мелетию Флавиана, хотя египетские епископы были недовольны этим. Что же касается Максима циника, то собор не признал законным его избрание и даже объявил его не имеющим епископского сана, тем более что он был заражен ересью Аполлинария. На константинопольскую кафедру, по предложению

императора Феодосия, отцы собора избрали доброго и уважаемого сенатора Нектария, который только по избрании принял крещение. В заключение своих совещаний собор постановил 7 правил, которые касались преимущественно прав епископов, но в некоторых правилах упомянуто было и о предшествовавших действиях собора – о никейском символе, анафеме на еретиков²¹³ и Максиме цинике²¹⁴. Все постановления собора, подписанные отцами, были утверждены императором Феодосием.

Немедленно же после собора Феодосий издал строгий указ, которым повелевалось всех епископов, не принимавших никео-константинопольского символа лишать кафедр и на место их поставлять православных. Еретики взволновались. В 382 г., император пригласил на собор как православных епископов, так и предводителей еретиков и предложил последним вопрос, отчего они не соглашаются принять составленный собором символ. Те заспорили. Император приказал каждой еретической партии письменно изложить свое учение и представить ему. Еретики исполнили приказание. Феодосий, видя, из представленных ему письменных изложений

веры, что еретики защищают свои мнения с крайним упорством, и не надеясь примирить их с Церковью кроткими мерами, разорвал их изложения веры и решительно потребовал, чтобы они приняли никео-константинопольский символ, а в противном случае приказывал им удалиться из империи. Те из еретиков, которые следовали только за своими предводителями, изменили свои убеждения и пристали к православным, а самые закоренелые из них действительно ушли из империи. Между прочим ариане ушли к готам и между ними упрочили арианство. Только незначительное число ариан осталось в Константинополе. Они по ночам устраивали торжественные процессии за город, где совершали свое богослужение. В противодействие им константинопольские епископы установили совершать в церквях всеобщие бдения. В V веке арианство было забыто; на смену его выступили другие ереси.

§13. Оригенистические споры

Выше было замечено, что Арий в своем еретическом, учении обосновался на учении Оригена о Св. Троице; вслед за Арием и ариане, во время споров с православными, часто ссылались на Оригена, приурочивая его учение к своему еретическому. Вследствие этого, естественно, некоторые из православных, не входя, впрочем, в расследование вопроса об отношении учения Оригена к арианству, смотрели на Оригена подозрительно и даже считали его отцом арианства. Так на западе, где Оригена знали только по имени, считали его ученым еретиком. На востоке, напротив, мнения об Оригене и его догматической системе разделились. Здесь заметно три партии: одни были жаркими почитателями Оригена, другие жаркими его противниками, третьи занимали средину между первыми и вторыми. К почитателям Оригена, между прочим, принадлежали египетские пустынножители горы Нитрийской, которым увлекала догматическая система Оригена своею таинственностью и мистицизмом. Противную им партию в отношении к Оригену составляли тоже египетские монахи Скитской пустыни, склонные к антропоморфическим воззрениям на Божественное существо; для них Ориген, противник этих воззрений, представлялся опаснейшим еретиком. Из среды этих монахов вышел замечательный отец Церкви, Епифаний, епископ кипрский, горячий противник Оригена. К средней партии, проводившей совершенно правильные взгляды на Оригена, принадлежали знаменитые отцы Церкви IV в. Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский и друг. Обязанные своим богословским образованием Оригену, они смотрели на него с уважением, как на великого учителя, принесшего Церкви много пользы; но неправильных воззрений его они не разделяли, усваивая у него все хорошее и отбрасывая дурное.

Из столкновения этих противоположных мнений об Оригене произошли в Церкви, так называемые, оригенистические споры. Споры эти начались в Иерусалиме в конце IV в. и окончились в Константинополе в начале V в. В конце IV в. в Иерусалиме образовался ученый кружок из местного епископа, Иоанна, Блаженного Иеронима и Руфина пресвитера Аквилейского. Иероним и Руфин, друзья с самой юности, были родом с запада и, в конце IV в., проводили уединенную монашескую жизнь первый в вифлеемском монастыре, второй в Иерусалиме. В иерусалимском кружке относились к Оригену с большим уважением. Иероним в своих ученых

трудах пользовался филологическими исследованиями Оригена по Св. Писанию. Случилось, что в 394 г. в Иерусалим прибыли с запада два путешественника, Атербий и несколько позже известный Вигилианций. Иероним и Руфин ввели их в свой ученый кружок. Замечая, что сочинения Оригена читаются в этом кружке и имя его произносится с уважением, западные путешественники, привыкшие смотреть на него, как на еретика, выразили по этому случаю свое удивление. Епископ Иоанн и Руфин стали горячо защищать Оригена, выставя его заслуги для Церкви. Иероним был согласен с ними во взглядах на Оригена, но чтобы не подать повода западным сомневаться в своей правоверии, резко выставил ошибки Оригена и высказал даже, что его можно назвать отцом арианства. Начался таким образом спор об Оригене в среде самого иерусалимского кружка. Епископ кипрский Епифаний, получив сведения об этом споре и думая, что в Иерусалиме развивается оригеновская ересь, прибыл сам в Иерусалим (394 г.), чтобы своим личным влиянием прекратить ее распространение. Спор продолжался и в присутствии Епифания. Что касается самого Епифания, то в своей ревности он зашел слишком далеко, без всяких объяснений назвав Оригена отцом арианства и всяких ересей. Он потребовал даже, чтобы епископ Иоанн осудил его. Иоанн объяснил, что он умеет отличать у Оригена истинное от ложного и не согласится осудить человека, принесшего много пользы Церкви. Епифаний настаивал на своем, и, во время богослужения в церкви Иоанна, сказал проповедь, в которой осуждал защитников Оригена. Хотя Епифаний не называл их по имени, но ясно было, что он говорил против местного епископа Иоанна. После Епифания, который закончил свою проповедь, не смотря на предостережение от Иоанна чрез архидиакона, говорил проповедь сам Иоанн – и против антропоморфитов, заблуждающихся противников Оригена. Епифаний принял это на свой счет и, осудивши антропоморфитов, потребовал, чтобы осуждены были оригенисты. Когда Иоанн не согласился на это, Епифаний оставил Иерусалим в полном убеждении, что там господствует оригеновская ересь. На возвратном пути в вифлеемском монастыре он убеждал монахов прекратить общение с своим епископом, как зараженным ересью. Затем, прибыв в свой округ, он поставил для отделившихся от Иоанна вифлеемских монахов пресвитера, брата Иеронима, Павлиниана. Иоанн был недоволен этим, так как поставление пресвитера для его епархии епископом епархии чуждой подрывало его авторитет и было противно церковным правилам. Иоанн написал об этом Епифанию, избегая догматических вопросов. Епифаний, напротив, в своих посланиях требовал, чтобы Иоанн оправдал себя от

подозрения в оригенизме. В этом споре Иероним решительно стад на сторону Епифания и прекратил дружеские отношения к Иоанну и Руфину. Между тем Иоанн обратился к посредничеству церковью александрийской и римской. Иероним с своей стороны писал к александрийскому и римскому епископам в защиту себя и Епифания. Феофил, епископ александрийский, принадлежавший к почитателям Оригена, стал хлопотать о примирении враждующих. Действительно, в 396 г. Иероним и Руфин примирились и дали клятву не возбуждать более споров. Но вскоре спор возобновился с новой силой. Руфин (397 г.) возвратился на запад и перепел там на латинский язык сочинение Оригена «о началах» заменив в переводе некоторые выражения Оригена о Св. Троице выражениями Никейского символа. В предисловии же к переводу он высказал, в защиту Оригена, что даже унижаемый на западе Иероним воздавал похвалы Оригену. В виду происходивших уже споров об Оригене, Руфин поступил довольно бестактно. Друзья Иеронима известили его о переводе и предисловии к нему Руфина и просил, чтобы он написал опровержение. Иероним вступил опять в жаркую полемику с Руфином, обвиняя его в извращении учения Оригена. Он даже сделал буквальный перевод сочинения «о началах» и в своих письмах на запад утверждал, что всегда видел заблуждения Оригена. Епископ римский Сириций, не благоволивший к Иерониму, оставил это дело без внимания и не обвинял Руфина. Но преемник его Анастасий (с 399 г.), осудив Оригена, неблагосклонно отозвался и о самом Руфине, хотя последний в письменном изложении своей веры и объяснял, что он, как переводчик, не отвечает за мысли автора. Руфин удалился в Аквилею и до самой своей смерти (410 г.) продолжал переводить сочинения Оригена.

Между тем еще сильнейший спор из за Оригена поднялся в другой церкви – александрийской. Епископ александрийский, Феофил, как выше замечено, принадлежал сначала к почитателям Оригена. Это был человек высокомерный, любивший и умевший властвовать. Для своих личных целей он не стеснясь мог переменить свои убеждения. Александрийские епископы имели обыкновение пред праздником пасхи издавать, так называемые, пасхальные послания, с присоединением поучения о предметах веры и нравственности. Феофил в своем послании 399 г., как последователь Оригена, опровергал антропоморфитов. Египетские монахи, склонные к антропоморфизму, получив это послание, раздражились, пришли целою массою в Александрию и потребовали у Феофила осуждения Оригену, противнику антропоморфизма. Феофил уверил монахов в своем несочувствии мыслям Оригена. К этому же времени Феофил разшелся с своим пресвитером Исидором и, так называемыми,

длинными братьями²¹⁵, из которых один был епископом, а двое экономами александрийской церкви. Все они были почитателями Оригена. Не вынося деспотизма Феофила, они ушли к нитрийским монахам, которые приняли их с сочувствием, как людей одинакового образа мыслей. Феофил сильно был недоволен этим и решительно стал на сторону противников Оригена. В 399 г. он собрал в Александрии собор, осудил на нем сочинения и учение Оригена и потребовал, чтобы нитрийские монахи подчинились решению собора. Когда те отказались повиноваться, Феофил употребил против них военную силу. Кельи нитрийских монахов были разорены, сами они изгнаны и подвергнуты преследованиями. Нитрийские монахи хотели найти защиту против александрийского епископа в Константинополе, куда и отправились (в 401 г.). – Константинопольским епископом в это время был знаменитый отец Церкви, Иоанн Златоуст (с 397 г.); он славился христианскою любовью ко всем бедствующим и страждущим. К нему то и обратились прежде всего нитрийские монахи, объясняя, что, если он не примет в них участия, они принуждены будут обратиться к суду императора Аркадия. Златоуст принял их так, как требовала христианская любовь, позаботился об их содержании в Константинополе; но до церковного общения не допустил, в силу церковных правил, как осужденных александрийским епископом. Златоуст даже писал об них к Феофилу, прося его простить их. Но Феофил не согласился и прислал в Константинополь своих поверенных для обвинения монахов пред императором. Монахи, с своей стороны, представили императору множество жалоб на Феофила. Златоуст, желая поддержать мирные отношения с Феофилом, писал ему, что жалоба ни него последовала против его желания. Феофил не обратил внимания на объяснение Златоуста. До него дошли ложные слухи, будто Златоуст принял нитрийских монахов в свое общение, и потому с раздражением отвечал Златоусту, что он нарушил церковное правило, запрещающее принимать в общение осужденных епископом другой епархии до рассмотрения дела добором. Златоуст желал теперь совсем уклониться от дела нитрийских монахов. Но они нашли доступ к императрице Евдоксии и просили ее похлопотать пред Аркадием, чтобы их дело с Феофилом передано было на суд столичного епископа. Таким образом Златоуст невольно должен был сделаться судьей александрийского епископа Феофилу послано было приказание явиться в Константинополь. Но Феофил счел за лучшее явиться не подудимым, а судьей. Известив Епифания, что нитрийские монахи, преследуемые им за оригенизм, распространяют ересь в Константинополе, он просил его собрать па Кипре

собор, осудить Оригена и прислать письменное осуждение в Константинополь. Прибыв же в предместье Константинополя, Халкидон, Феофил просил, чтобы Епифаний сам приехал в Константинополь для обличения Златоуста в ереси оригеновской. Феофил хотел употребить Епифания орудием для своих бесчестных замыслов. Епифаний приехал и, несмотря на то, что Златоуст оказывал ему внимание, не хотел вступить с ним в близкие сношения. Между тем Феофил вступил в сношения с врагами Златоуста, которых у него было много. Златоуст, будучи сам подвижником, особенно ревностно заботился об исправлении нравов, привыкшего к богатству и роскоши, константинопольского клира; по этому многие из клира сделались его врагами, особенно те, которые лишены были им степеней. В числе его врагов было даже несколько епископов константинопольского округа, низложенных им за разные злоупотребления. Наконец, было много недовольных Златоустом из числа константинопольской знати за его проповеди против роскоши. Далее сама Евдоксия, которой враги Златоуста донесли, будто он в проповедях против дворцовой роскоши обличал именно ее, была против Златоуста. Феофил сумел воспользоваться таким нерасположением к Златоусту; вместо того, чтобы самому оправдываться, он решился судить Златоуста. В 403 г. он составил в Халкидоне собор (под дубом) из приехавших с ним 40 епископов и епископов, низложенных Златоустом. Здесь рассматривались жалобы на Златоуста, принесенные низложенными и недовольными клириками. Епифаний, по всей вероятности, понял интриги Феофила. Он оставил собор, сказав врагам Златоуста: «оставляю вам столицу, двор и лицемерие». На дороге в Кипр он умер. Феофил же на своем соборе продолжал подыскивать обвинения на Златоуста. Обвинения были ложные; Златоуст не знал даже, в чем его обвиняют. Наконец, Феофил позвал на суд самого Златоуста. Златоуст отказался идти на незаконный собор, составленный из его врагов. Тогда Феофил осудил и низложил его, между прочим, за оригенизм и оскорбление царского величества. Аркадий, по влиянию Евдоксии и придворной партии, противной Златоусту, утвердил решение собора и отправил Иоанна в ссылку. Константинопольский народ, очень любивший Златоуста, заволновался. К тому же в это время случилось большое землетрясение. Устрашенная Евдоксия почувствовала угрызение совести и упросила Аркадия возвратить Златоуста. Через три дня, после удаления из Константинополя, Златоуст торжественно, при шумном линовании народа, вступил в Константинополь и требовал было, чтобы законным образом созванный собор оправдал его от взведенных обвинений и восстановил на кафедре.

Но царь и народ упросили его поскорее занять свою кафедру. Феофил александрийский, видя такой исход дела, отправился в Александрию. Его приглашали опять в Константинополь для пересмотра дела о Златоусте, но он под разными предлогами не поехал. Между тем Евдоксия снова вооружилась против Златоуста. На площади, не далеко от кафедральной константинопольской церкви, поставлена была серебряная статуя императрицы. Шумные восклицания народа вокруг статуи, заглушавшие богослужение, которое совершал Златоуст в своей церкви, дали ему повод сказать обличительную проповедь против этого безобразия. Евдоксии донесли, что Златоуст в проповеди назвал ее беснующеюся Иродиадой, а она приказала епископам, осудившим Златоуста на соборе под дубом и еще не разъехавшимся, осудить его вновь. Епископы, собравшись вновь, подтвердили низложение Златоуста, на том основании, что, он, будучи низложен собором, занял свою кафедру по распоряжению светской власти. Это было в 404 г. Слабохарактерный Аркадий, находившийся под влиянием своей жены, приказал солдатам схватить Златоуста и отправить в заточение. Его отправили в город Кукузы на границах Армении, а потом, в 407 г., когда Златоуст приобрел там всеобщую любовь и уважение, враги настояли перевести его в Питиунт близ Черного моря. Но Златоуст, истомленный страданиями, на дороге туда, в понтийском городке Комане, умер (407 г.). Последними его словами были: слава Богу за все. Во время своей ссылки Златоуст не прекращал сношений с своими приверженцами. Последние не признавали законными епископами Константинополи преемников Златоуста и составили даже отдельное общество иоаннитов. Они присоединились к Церкви только при константинопольском епископе Прокле, ученике Златоуста, когда (338 г.) мощи последнего торжественно перенесены были в Константинополь.

Из сказанного видно, что вопрос об Оригене был забыт. Феофил александрийский поднимал и поддерживал этот вопрос только ради своих личных целей. В VI столетии, когда неразумные почитатели Оригена довели его мнения до крайности, еще раз поднят был вопрос об Оригене, и Ориген был осужден. Это было в первой половине VI века при императоре Юстиниане. В то время оригенисты сосредоточивались в монастырях Саввы Освященного в Палестине. Они производили большие беспорядки в Церкви, вступая в открытую борьбу с противниками Оригена. Патриарх Иерусалимский Петр донес об этих беспорядках патриарху константинопольскому Минне и Юстиниану, Юстиниан, любивший заниматься церковными делами, предложил Минне осудить Оригена. Минна на частном константинопольском соборе (541 г.), па котором

присутствовали бывшие в то время в Константинополе епископы, осудили Оригена. Обвинительными пунктами против Оригена выставлены были следующие: 1, будто он допускал различные степени могущества и достоинства лиц св. Троицы; 2, утверждал, что Бог сотворил столько тварей, сколько мог и что до настоящего мира существовало много других миров; 3) допускал предсуществование душ, падение их всех в одно время до соединения с телами и заключение в тела, как в темницы; 4, учил, что планеты и стихии одушевлены; 5, что тела человеческие по воскресении будут иметь форму шара, как совершенную, и 6, что мучения грешников не бесконечны. Мысли, заключающиеся в этих пунктах, не принадлежали вполне Оригену; его почитатели проводили их в таком виде. Так как влияние Оригена на умы восточных богословов кончилось, то на соборе не было его защитников. Определение собора, разосланное ко всем епископам при императорском указе, не встретило сопротивления и было подписано всеми.

§ 14. Пелагианство и полупелагианство

В то время как на востоке закончены были споры о догматических вопросах теоретического характера, на западе подвиглись споры о вопросах характера практического, именно об отношении свободы воли человеческой к Божественной благодати в деле спасения человека. Отцы и учителя Церкви восточные разрешали «тот вопрос в том смысле, что спасение человека совершается самим человеком, свободно, при содействии Божественной благодати. Благодать не стесняет воли человека: он может грешить и не грешить, устраивать свое спасение и не устраивать; но один он собственными силами, без пособия благодати, все-таки спастись не может. Бог своею благодатию, освящающею и возрождающею силы человека, человек своею деятельностью, сообразною с требованиями евангельскими, совместно, при общем воздействии (синергизм), устраивают спасение человека. Но на западе развивались несколько иные взгляды на отношение свободы воли человеческой к благодати в деле спасения. Признавая бессилие греховной воли человека в деле добра, западные богословы все значение в деле спасения приписывали благодати. Такой взгляд доведен был до крайности, в начале V в., знаменитым западным богословом Блаженным Августином. Августин родился (354 г.) в Нумидии. В молодости, не смотря на убеждения своей благочестивой матери, Моники, обратиться ко Христу, он был язычником и предавался распущенной жизни. Но и среди мирских удовольствий, он, как человек высокого ума, искал истины. С этою целью пристал к обществу манихеев и пробыл у них долгое время, потом занимался изучением Платона; но удовлетворения своим высоким стремлениям не находил нигде. Наконец, поселившись (385 г.) в Медиолане, он из одного любопытства слушал проповеди Амвросия Медиоланского и против своей воли увлекся христианским учением. Мать снова начала убеждать его принять христианство. Окончательное же решение сделаться христианином, Августин принял после того, как однажды услышал голос, заставлявший его читать Св. Писание. Открыв Св. Писание и прочитав попавшиеся слова Ап. Павла: «будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти» и проч.²¹⁶, он решился совсем переменить свой обрив жизни. Крестившись (387 г.) в Медиолане, он возвратился на родину в Нумидию, где выбран в пресвитера (391 г.), а потом и в епископа иппонского (396 г.). Из обстоятельств своей жизни Августин вынес убеждение, что собственные силы человека ничего

не значат в деле спасения и что одна только Божественная благодать наводит его на путь истинный и спасает. Этим убеждением и проникнуто все учение Августина о благодати и свободе. Человек, по понятию Августина, до падения обладал истинною свободою делать добро и не грешить. Хотя в нем была возможность греха, но мертвая, недействительная. После же падения он потерял свободу не грешить. Если в его надшей природе осталась возможность добра, то она – мертвая, не переходящая в действие. Напротив, теперь способность ко греху становится действительною, и человек только и может, что грешить. Неотразимая необходимость грешить, в силу первородного греха, перешла на все потомство Адама. Поэтому, все люди только грешат, и никто из них не может не только делать, даже желать чего-нибудь доброго, чтобы достигнуть спасения. Только Бог, по своему бесконечному милосердию, без всякой заслуги со стороны человека, своею благодатию, может спасти человека. Благодать сначала пробуждает в человеке сознание греховности, и тем prepares его к спасению (благодать приготовляющая), потом внушает ему веру во Христа, вводит в общение со Христом, доставляя в таинстве крещения отпущение грехов и тем устраивает его спасение (благодать действующая), наконец, для того, чтобы человек достиг полного нравственного совершенства, она помогает ему в борьбе с ветхим человеком (благодать содействующая). В заключение всего благодать сообщает человеку дар постоянного в ней пребывания. Таким образом, Августин отнял у человека всякое участие в собственном спасении. На возражение, почему не все спасаются, если человек не сам устраивает свое спасение, а вместо него благодать, Августин отвечал учением о безусловном предопределении. По его представлению, все люди от вечности безусловно предопределены Богом по Его воле, одни ко спасению, другие к гибели. Благодать действует только на предопределенных ко спасению, так что они необходимо должны спастись, а непредопределенные, – если бы даже искали спасения, что, по Августину, не возможно, – не будут спасены.

Взгляды Августина на свободу и благодать стали упрочиваться в западном христианском мире. Но если в уме Августина такие взгляды сложились под влиянием глубоко-благочестивого чувства – сознания человеческого бессилия в деле добра и безусловного благоговения пред Божественною благодатию, – то у большинства западных христиан, между которыми распространились эти взгляды, такого чувства не было. В начале V в., после того как многие вступили в Церковь не по убеждению, а из житейских расчетов, нравственные понятия в западном христианском обществе были довольно сбивчивы. Многие, особенно люди светские,

предаваясь порочной жизни, извиняли себя слабостью человеческой природы, говорили, что человеку трудно выполнить все требования евангелия и, не предпринимая никаких усилий к выполнению их, успокаивали себя надеждою на спасение посредством благодати. Такие превратные понятия, в связи с учением Августина, вызвали противодействие, которое разрешилось учением, известным под названием пелагианства.

Первым распространителем этого учения был Пелагий, родом из Британии, мирянин, проводивший аскетическую жизнь. Он был человек образованный, знакомый с писаниями восточных отцов Церкви, от которых заимствовал свои взгляды на отношение свободы воли человеческой к благодати, хотя в превратном виде. В 409 г. Пелагий, совершая путешествие на восток, на дороге прибыл в Рим. Столкнувшись здесь с людьми, зараженными превратными нравственными понятиями, и ознакомившись с учением Августина о благодати и свободе, он выступил с учением, совершенно противоположным августиновскому. Учение это, – как оно раскрыто в сочинениях Пелагия и особенно его горячих последователей, – представляется в следующем виде. Первый человек в невинном состоянии обладал полною свободою делать добро и зло, грешить и не грешить. По своей воле он согрешил, но при этом не потерял свободы делать добро и не грешить. Как до падения он мог грешить и не грешить, так и после падения. Таким образом, первый грех не произвел перемены в природе человека: она осталась та же, какою была, когда человек находился в невинном состоянии. Если первый человек умер, то не вследствие греха, а потому, что он создан был смертным. Поэтому, и потомки первого человека не терпят ничего от его греха. Первородный грех, повредивший одному Адаму, не переходит на них, ибо грех есть дело воли, а не недостаток природы. Все люди рождаются такими же, каким создан первый человек, с способностью к добру и злу, ни добрыми, ни злыми. Отсюда, по представлению пелагиан, напрасно крещение детей для снятия с них первородного наследственного греха. Уже в жизни люди, по своей воле, направляют прирожденную им способность или к добру или ко злу. В их воле грешить и не грешить, быть грешными или безгрешными. Только трудно людям достигнуть безгрешного состояния теперь, когда было и есть множество примеров греха, множество соблазнов и когда уже у всех вошло в привычку грешить. В этом случае, говорили пелагиане, благодать является, как облегчающее средство. Сообщая человеку чрез Откровение, сначала в законе, а потом в евангелии, познание божественных заповедей и представляя высочайший пример добродетели в

лице Господа Иисуса Христа, благодать указывает ему путь, которым можно достигнуть спасения; а доставляя в таинстве крещения отпущение всех, соделанных до принятия его, грехов и обещая будущую блаженную жизнь, она располагает его идти этим путем. Но внутреннего, освящающего и возрождающего силы человека, влияния благодать не имеет. Непосредственное действие благодати на силы человека было бы насилием его свободы. Таким образом, пелагиане, в противоположность Августину, в деде спасения приписывали все значение силам человека. – Учение Августина была только ошибочное и к большим вредным последствиям повести не могло; учение же пелагианское вело к отрицанию нужды в искуплении и самого искупления. Столкновение этих двух учений произвело в западных церквях споры, которые окончились осуждением пелагианства.

Споры начались в карфагенской церкви. Пелагий, как сказано выше, в 409 году прибыл в Рим. Здесь он приобрел себе друга и ревностного сотрудника в лице Целестия. Последний был человек даровитый, вполне усвоивший воззрения Пелагия. В 411 г. Пелагий и Целестий, по дороге на восток, прибыли в Карфаген. Тут между прочим Пелагий виделся с Августином, – и оба они расстались мирно, уважая друг в друге благочестивое настроение мыслей. Пелагий, впрочем, недолго пробыл в Карфагене; он уехал в Иерусалим. Целестий же остался в Карфагене и искал здесь пресвитерского сана. Но его пелагианские мысли скоро были замечены. Обвинителем Целестия явился диакон медиоланской церкви, Павлин, искавший, подобна ему, пресвитерского сана. Он подал карфагенскому епископу, Аврелию, записку, в которой против Целестия выставил семь пунктов. Главным между ними был тот, что Целестий учит, будто грех Адама повредил только ему одному, но не всему роду человеческому²¹⁷. Из этого положения, высказанного Целестием, выведены были Павлином остальные обвинительные против него пункты. Для расследования этих обвинений Аврелий собрал (412 г.) в Карфагене собор. Приглашенный сюда Целестий, в свое оправдание, высказал между прочим, что сомнительно, есть ли наследство греха, и что он слышал об этом различные взгляды от самих священников Церкви. Впрочем, в заключение Целестий прибавил, что он утверждает необходимость крещения и для детей для достижения царства небесного. Но отцы собора, разделявшие учение Августина о благодати и свободе, не удовлетворились таким двусмысленным объяснением, и, когда Целестий отказался осудить все выставленные против него пункты, отлучили его от Церкви. После этого Целестий отправился в Ефес, где и подучил сан пресвитера. На

карфагенском соборе Августина не было; но он ознакомился по заключениям собора с пелагианским учением и в опровержение его, начал писать сочинения. Между прочим в это время он написал сочинение: «о заслугах и прощении грешников и крещений детей», в котором доказывал вменяемость первородного греха и необходимость крещения детей;

Между тем, Пелагий, прибыв в Иерусалим, вступил в ученый кружок почитателей Оригена, представителем которых был известный епископ Иоанн. Но тут же в Вифлееме были Иероним и при нем Павел Орозий, испанский пресвитер ученик и почитатель Августина. Поэтому, и здесь начались споры из за мнений Пелагия. Иероним и Орозий, противники Пелагия, потребовали у епископа иерусалимского Иоанна, чтобы он для исследования пелагианского учения созвал собор, который и состоялся в 415 г. в Иерусалиме. Собор состоял из пресвитеров иерусалимской церкви, Орозий явился обвинителем Пелагия. Он высказал пред собором, что пелагианское учение осуждено в Карфагене, что блаженный Августин также осуждал в своих сочинениях это учение и т. д. Собственно против Пелагия Орозий высказал, что он говорил ему, что человек, если захочет, может быть без греха. Пелагий объяснил, что он действительно говорил так, но при этом не отрицал помощи Божией человеку. Восточные богословы, для которых Августин не был авторитетом, смотрели на учение Пелагия с своей точки зрения. Объяснение Пелагия, довольно впрочем неопределенное они поняли в том смысле, что он, подобно им, допускает совместное участие благодати и собственных сил человека в деле спасения, – и поэтому не нашли в его учении ереси. В виду этого, Орозий, желавший осудить пелагианское учение, предложил собору передать дело Пелагия на суд римского епископа, так как и обвиняемый и обвинители принадлежат к западной церкви. Председатель собора Иоанн согласился на это, и дело было передано Иннокентию. Впрочем, еще раз рассматривалось на востока учение Пелагия и опять не было признано еретическим. В то время при митрополите кесарийском Евлогие проживали два западные епископа, лишенные кафедр, Герос и Лазарь. Они подали Евлогию обвинительную записку на, Пелагия. Евлогий в том же 415 г. собрал в Диосполисе (Лидде) собор, на котором был Иоанн иерусалимский и другие палестинские, епископы, – всего 14. Обвинители не явились лично на собор, извиняясь тем, что один из них болен, а другой ходит за больным. Пелагий и на этом соборе против обвинительной записки дал объяснения, которые признаны были удовлетворительными. Так его обвиняли в том, что он утверждал в своих книгах, что человек, знающий закон может быть без греха. Пелагий объяснил, что это сказано

им в том смысле, что познание закона помогает человеку не грешить. На обвинение в том, что Пелагий учит, что каждый управляется своею собственною волею, он объяснил, что действительно человек управляется своею волею; если он избирает, по своей воле, доброе, то Бог помогает ему, если же грешит, то сам виноват, так как имеет свободную нолу. Такого рода объяснениями на множество других обвинительных пунктов Пелагий успокоил отцов собора. Он даже изъявил согласие отвергнуть все положения, выставленные против Целестия на карфагенском соборе 412 г., хотя и заметил, что не считает нужным отвечать на них, как на не принадлежащие ему. Вообще Пелагий так искусно давал объяснения на двух восточных соборах, употребляя обще-употребительные на востоке богословские выражения, что не только восточные богословы, не разделявшие учения Августина, даже западные его обвинители не могли раскрыть его истинных убеждений.

Орозий донес в Карфаген о действиях восточных соборов против Пелагия. Здесь сильно были недовольны такою постановкой дела. Августин написал сочинение «о палестинских деяниях», в котором доказывал, что Пелагий своими объяснениями обманул восточных отцов, а два собора в Карфагене и Милевиде (416 г.), – последний при участии Августина, – осудили Пелагия и Целестия и просили о том же папу Иннокентия I. Получив послания африканских епископов, а от Августина еще сочинение Пелагия с отметками еретических мест, Иннокентий склонился к осуждению пелагианства. Но в том же 416 году он умер. Его преемник Зосима не расположен был осуждать Пелагия и Целестия, тем более, что и тот и другой представили (417 г.) объяснительные вероисповедания. Целестий перешедший из Ефеса в Константинополь, – впрочем изгнанный оттуда, – представил даже лично свое исповедание и лично защищал себя. Зосима их обоих не признал еретиками, – хотя Целестий, допуская по-прежнему крещение детей, отрицал наследственность первородного греха, – и в этом смысле ответил африканским епископам, упрекнув их за бесполезные споры, и потребовав, чтобы они представили более основательные обвинения. Но африканские епископы не уступили папе. В 418 г. в Карфагене состоялся большой собор, на котором присутствовал и Августин. Здесь торжественно преданы были анафеме все, держащиеся пелагианства и определен был догмат о благодати в том смысле, что она не внешним только образом помогает человеку в деле спасения, прощая грехи и сообщая познание божественных заповедей и т. п.; но действует внутренно на человека, обновляет и возрождает его силы к деланию добра. Кроме итога

церковного осуждении Пелагий и Целестий е своими последователями подверглись осуждению и со стороны гражданской власти. Западный император Гонорий, незадолго до карфагенского собора издал, по влиянию Августина, указ, которым Пелагий и Целестий изгонялись из Рима, а последователям их определена была ссылка и лишение имущества. Заключение карфагенского собора препровождено было в Рим к папе Зосиме. Зосима принужден был пересмотреть вновь дело Пелагия и Целестия и для сего потребовал Целестия к себе на суд. Но последний, опасаясь осуждения и со стороны папы счел за лучшее уехать на восток. Тогда Зосима решительно осудил пелагианское учение, равно как Пелагия и Целестия, в своем окружном послании. Это послание должны были подписать все итальянские епископы, и действительно подписали. Только немногие из них не хотели осуждать заочно Пелагия и Целестия. Во главе их стоял один из замечательных поборников пелагианства Юлиан епископ екланский в Апулии. Он был изгнан из Италии и вместе с Целестием нашел убежище у константинопольского патриарха Нестория. На третьем вселенском соборе (331 г.) вместе с несторианством подверглось осуждению и пелагианство.

Вслед за пелагианскими спорами на западе начались споры, так называемые, полупелагианские. В двадцатых годах V столетия, в южной Галлии, в Марсели, в монастыре Иоанна Кассиана образовалось особое богословское направление с учением о благодати и свободе, отличным от августиновского и пелагианского. Представителем этого направления был сам Иоанн Кассиан. Он был учеником Иоанна Златоуста и в своих воззрениях на благодать и свободу следовал восточным богословам. Для него учение Августина с отрицанием участия человека в деле собственного спасения и с безусловным предопределением казалось слишком мрачным и безотрадным. Как человек, посвятивший себя аскетической жизни, он считал себя в праве думать, что совершаемые им, по собственной воле, подвиги самоотвержения будут иметь цену пред Богом. Поэтому, он учил, что человек и после падения способен делать добро. Первородный грех, действительно, повредил природу человека, но не настолько, чтобы он совсем не мог желать добра и делать добро. Но в тоже время Кассиан не допускал, чтобы человек мог спастись без благодати. Он утверждал, что благодать сообщается человеку в том случае, если он сам делает себя достойным ее, и совместно с ниш самим устраивает его спасение. Благодать дается для всех, но принимают ее не все, почему не все и спасаются. Отсюда, и Божественное предопределение одних ко спасению, других к гибели основывается не на безусловной

воле Божией, а на Божественном предведении того, примут люди благодать, или не примут. В сущности учение Иоанна Кассиана православное, но с точки зрения системы Августина оно казалось еретическим, почему в средние века и названо полупелагианством. Воззрения Кассиана стали распространиться на западе довольно успешно, особенно в Галлии, не смотря на опровержения Августина. Все-таки борьба августинизма с полупелагианизмом, после смерти Августина и Кассиана, затянулась на долгое время. И то и другое учение, первое в более смягченных формах, имело своих многочисленных приверженцев, которые в известные исторические моменты вступали в споры.

§ 15. Ересь Нестория и третий вселенский собор

К концу IV века, после борьбы с разного рода еретиками, Церковь раскрыла вполне учение о лице Господа И. Христа, доказав, что Он есть Бог и вместе человек. Оставался только неясным вопрос об образе соединения в Его лице Божественной и человеческой природ и взаимном отношении той и другой. Этот вопрос стоял теперь на очереди. Разрешение его должно было последовать в близком будущем, и действительно последовало в V веке; при чем, как и прежде, при разрешении других вопросов, не обошлось без ересей, волновавших Церковь в V, VI и даже VII веках.

Ересь Нестория была первою из ересей, развившихся в Церкви при разрешении вопроса об образе соединения в лице И. Христа Божественной и человеческой природ и их взаимном отношении. Она, подобно ереси Ария, вышла из антиохийского училища, не допускавшего таинственности в понимании догматов веры. Богословам антиохийского училища казалось непонятным и даже невозможным учение о соединении двух природ Божественной и человеческой, ограниченной и неограниченной, в одно Лице Бого-человека И. Христа. Желая дать этому учению разумное и понятное объяснение, они пришли к еретическим мыслям. Диодор, епископ тарсийский (ум. 394 г.), прежде антиохийский пресвитер и учитель антиохийского училища, первый развил такого рода мысли. Он написал в опровержение Аполлинария сочинение, в котором, сообразно с своею задачею, доказывал, что в И. Христе человеческая природа, как до соединения, так и после соединения с Божественною, была полная и самостоятельная. Но определяя образ соединения двух полных природ, он затруднялся, вследствие своеобразных воззрений антиохийской школы на догматы, сказать, что человеческая и Божественная природы составили единое Лице И. Христа, и потому разграничил их между собою до того, что между ними не было полного и существенного объединения. Он учил что совершенный прежде веков Сын воспринял совершенное от Давида, что Бог Слово обитал в рожденном от семени давидова, как в храме, и что от Девы Марии родился человек, а не Бог Слово, ибо смертное рождает смертное по естеству. Отсюда, по Диодору, И. Христос был простой человек, в котором обитало Божество, или который носил в себе Божество. Ученик Диодора, Феодор епископ Мопсуетский (ум. 429 г.) развил эти мысли еще полнее. Он резко отличал в И. Христе человеческую личность от Божественной. Существенное соединение Бога-Слова с человеком

Иисусом в одно Лицо, по его понятию, было бы ограничением Божества, потому оно и не возможно. Возможно только между ними внешнее соединение, или лучше, соприкосновение одного с другим. Это соприкосновение Феодор раскрывал таким образом. Человек Иисус родился от Марии, как и все люди, естественным образом, со всеми человеческими страстями и недостатками. Бог-Слово, предвидя, что он выдержит борьбу со всеми страстями и восторжествует над ними, восхотел чрез Него спасти род человеческий, и для этого, еще с момента зачатия Его, соединился с ним Своею благодатию. Благодать Бога-Слова, почивавшая на человеке Иисусе, освящала и укрепляла Его силы и по его рождении, так что Он, вступив в жизнь, начал борьбу с страстями тела и души, уничтожил грех во плоти и истребил его похоти. За такую добродетельную жизнь человек Иисус удостоен был усыновления от Бога; именно со времени крещения он признан был Сыном Божиим. Когда затем Иисус победил все дьявольские искушения в пустыне и достиг жизни совершеннейшей, Бог-Слово излил на Него дары Св. Духа в несравненно высшей степени, чем на пророков, апостолов и святых, напр. он сообщил ему высшее ведение. Наконец, во время страданий человек Иисус выдержал последнюю борьбу с человеческими немощами и удостоен был за это божественного ведения и божественной святости. Теперь Бог-Слово соединился с человеком Иисусом теснейшим образом; между ними установилось единство действий, и человек Иисус сделался орудием Бога-Слова в деле спасения людей. Таким образом у Феодора Мопсуетского Бог-Слово и человек Иисус совершенно отдельные и самостоятельные личности. Поэтому, он никак не допускал употребления выражений, относящихся к человеку Иисусу, в приложении к Богу-Слову. Напр., по его мнению, нельзя говорить: Бог родился, Богородица, потому что не Бог родился от Марии, а человек, или: Бог страдал, Бог распят, потому что опять страдал человек Иисус. – Учение Феодора Мопсуетского об образе соединения в лице Господа Иисуса Христа Божественной и человеческой природы – вполне еретическое; последние выводы из него – это отрицание таинства воплощения Бога-Слова, искупления рода человеческого страданиями и смертью Господа И. Христа, так как страдания и смерть обыкновенного человека не могут иметь спасительного значения для всего рода человеческого, и, в конце концов, отрицание всего христианства.

Пока учение Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуетского заключалось только в их сочинениях и распространялось, как частное мнение, в кружке людей, занимавшихся богословскими вопросами, оно не встречало опровержений и осуждений со стороны Церкви. Но когда I

архиепископ константинопольский Несторий возымел мысль сделать его учением обще-церковным, Церковь выступила против него, как ереси, и торжественно осудила. Несторий, сообщивший свое ими этому еретическому учению, – как представитель его во время борьбы с ним Церкви, – был воспитанником антиохийского училища и учеником Феодора Мопсуетского. Будучи в Антиохии монахом-пресвитером, он славился своим красноречием и строгостью жизни. На него смотрели как на второго Златоуста. В 428 г. император Феодосий II младший вызвал его в Константинополь и сделал константинопольским архиепископом. Несторий привез с собою из Антиохии в Константинополь пресвитера Анастасия. Этот сказал в церкви несколько проповедей, в которых доказывал, в духе учения Феодора Мопсуетского, что Деву Марию следует называть не Богородицею Θεοτόκος а человекородицею. В Константинополе, нужно заметить, также как и в Александрии, в противоположность антиохийским богословам, на соединение двух естеств в лице Иисуса Христа смотрели, как на соединение существенное, в одно Богочеловеческое Лице и поэтому не допускали в нем, как едином Лице, разделения Божества от человечества. Отсюда, как в Константинополе, так и в Александрии, любимым наименованием Пресвятой Девы Марии было Богородица. Поэтому, при проповедях Анастасия против этого наименования, взволновались константинопольский клир, монахи, народ. Несторий, желая прекратить волнение, сам стал проповедовать. Он так же, как ученик Феодора Мопсуетского, отвергал название Богородица, по его мнению, нехристианское и непримиримое с разумом; но и не допускал названия человекородица, а назвал Пресв. Деву Христородицею.

Волнения в Константинополе не утихали и после этого объяснения. Нестория стали обвинять в ереси Павла Самосатского, так как понятно было, что речь идет не о названии только Девы Марии Богородицею, а о Лице Иисуса Христа. Несторий стал преследовать своих противников и даже осудил их учение на константинопольском соборе (429 г.), и тем только увеличил число своих врагов, которых у него и без того было много по случаю предпринятого им исправления нравов клира. Слух о спорах в Константинополе скоро проник в другие церкви, и здесь начались рассуждения. В Антиохии и вообще в Сирии очень многие приняли сторону Нестория, преимущественно лица, вышедшие из антиохийского училища. Но в Александрии и Риме учение Нестория встретило сильное противодействие. Александрийским епископом в то время был Св. Кирилл (с 412 г.), человек богословски-образованный и ревностный защитник

православия. Прежде всего в изданном им пасхальном послании он изложил, к каким вредным последствиям для христианства приводить учение Нестория. Когда это не подействовало на Нестория и когда он в письмах к Кириллу продолжал отстаивать правильность своего учения, Кирилл, чрез своих поверенных в Константинополе, особыми посланиями донес об учении Нестория императору Феодосию II и его супруге Евдоксии, а также сестре императора Пульхерии. Затем Кирилл известил о ереси Нестория папу Целестина. Несторий с своей стороны писал в Рим, доказывая свою правоту. Но Целестин созвал в Риме собор (430 г.), осудил на нем учение Нестория и потребовал, чтобы он, под угрозой низложения и отлучения, отказался от своих мыслей в течение 10 дней. Заключение собора отправлено было к Несторию и восточным епископам чрез Кирилла, которому папа передавал свой голос в суде над Несторием. Кирилл уведомил Нестория и знатнейших восточных епископов о постановлениях римского собора и убеждал последних, особенно Иоанна, архиепископа антиохийского, из клира которого вышел Несторий, стоять за православие. В противном же случае, – если бы епископы антиохийского округа приняли сторону Нестория, – говорил Кирилл, они сами подадут повод к разрыву с церквами александрийскою и римскою, которые уже высказались против Нестория. Иоанн антиохийский, сочувствовавший образу мыслей Нестория, в виду предупреждения Кирилла, решился написать Несторию дружеское письмо, в котором убеждал его употреблять выражения о Пресвятой Деве Марии принятые древними отцами. Между тем Кирилл на соборе в Александрии (430 г.) осудил учение Нестория и издал против него 12 анафематизмов, в которых горячо доказывал нераздельное соединение в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств. Эти анафематизмы Кирилл препроводил к Несторию с своим посланием. Несторий, с своей стороны, отмечал 12 анафематизмами, в которых осуждал тех, которые приписывают страдания Божеству и проч. Анафематизмы Нестория направлены были против Кирилла, хотя к последнему они не приложимы. Вслед за Несторием и сирийские епископы, получившие анафематизмы Кирилла, восстали против них. Они смотрели на них с своей точки зрения, под влиянием идей Феодора Мопсуетского. Блаженный Феодорит, ученый епископ кирский написал на них опровержение. Для прекращения такого раздора между предстоятелями знаменитых церквей и утверждения православного учения император Феодосий II решился созвать вселенский собор. Несторий, сторону которого в это время держал Феодосий, сам желал и просил вселенского собора, находясь в полном убеждении, что его учение, как

правильное, восторжествует.

Феодосий назначил собор в Ефесе в самый день Пятидесятницы 431 г. Это был третий вселенский собор. В Ефес, к назначенному времени, прибыли, между прочим Кирилл с 40 египетскими епископами, епископ иерусалимский Ювеналий с палестинскими епископами, Фирм, еп. Кесарии каппадокийской, Флавиан фессалоникийский. Прибыл и Несторий с 10 епископами, а вместе с ним два высших чиновника, Кандидиан и Иринея, оба друзья Нестория, первый как представитель императора на вселенском соборе, второй – просто по расположению к Несторию. Не было только Иоанна антиохийского, – который, впрочем, находился уже в пути и извещал письмом, что прибудет дней чрез пять или шесть, – и легатов папы Целестина. Прошло 16 дней после срока, назначенного императором для открытия собора. В виду этого св. Кирилл решился открыть собор, не дожидаясь прибытия Иоанна антиохийского и папских легатов, хотя императорский чиновник Кандидиан протестовал против этого и донес в Константинополь. Первое заседание было 22 июня в церкви Богородицы, предоставленной в распоряжение собора местным епископом, Мемноном, который во взглядах на Нестория был согласен с Кириллом. Нестории с его епископами приглашали на собор три раза, – в первый раз на кануне открытия собора, во второй и третий при открытии собора. Но Несторий в первый раз дал ответ неопределенный, во второй – отвечал, что придет на собор, когда все епископы съедутся, а в третий – не хотел даже выслушать приглашения. Тогда собор решился рассматривать дело Нестория без него. Прочитаны были символ Никео-цареградский, послания к Несторию, анафематизмы Кирилла и послания Нестория к Кириллу, его беседы и проч. Отцы нашли, что послания Кирилла заключают в себе православное учение и, напротив, послания и беседы Нестория – неправославное. Потом отцы проверили, как Несторий учит в настоящее время, не отказался ли от своих мыслей теперь. Оказалось, по свидетельству епископов, которые беседовали с Несторием уже в Ефесе, что он держится прежних мыслей. Наконец, прочитаны были извлечения из сочинений отцов Церкви, которые писали о Лице Господа Иисуса Христа. Оказалось и здесь, что Несторий противоречива им. Сообразивши все это, отцы Ефесского собора признали учение Нестория о соединении в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств еретическим и определили лишить его епископского сана и отлучить от общения церковного. Под приговором подписалось до 200 епископов. Первое заседание кончилось. Объявив в тот же день о низложении Нестория в Ефесе, собор уведомил о том же константинопольский клир, а Кирилл написал еще от себя письма

к сочувствовавшим ему в Константинополе епископам и настоятелю одного константинопольского монастыря авве Далматию. Вскоре затем отправлены были к императору и акты собора. Несторию приговор объявлен на другой день после заседания. Он, конечно, не принял его и в донесении к императору жаловался на неправильные будто бы действия собора, обвинял особенно Кирилла и Мемнона и просил императора или перевести собор в другое место или дать ему возможность благополучию возвратиться в Константинополь, потому что, – жаловался Несторий с своими епископами, – его жизни угрожает опасность.

Между тем прибыл в Ефес Иоанн антиохийский с 33 сирскими епископами. Отцы собора уведомили его, чтобы он не входил в общение с осужденным Несторием. Но Иоанн был недоволен решением дела не в пользу Нестория, и потому, не входя в общение с Кириллом и его собором, составил свой собор из приехавших с ним и Несторием епископов. К Иоанну же примкнуло несколько епископов, бывших на соборе св. Кирилла. Императорский уполномоченный также прибыл на собор Иоанна. Собор Иоанна признал осуждение Нестория незаконным и начал суд над Кириллом, Мемноном и другими епископами, осудившими Нестория. В вину Кириллу несправедливо поставлено было, между прочим, то, что учение, изложенное в его анафематизмах, сходно с нечестием Ария, Аполлинария и Евномия. И, вот, собор Иоанна осудил и низложил Кирилла и Мемнона, отлучил от церковного общения, впредь до раскаянии, прочих епископов, участвовавших в осуждении Нестория, и обо всем донес в Константинополь императору, клиру и народу, прося императора утвердить низложение Кирилла и Мемнона. Феодосий, который, кроме донесений Кирилла, Нестория и Иоанна, получил еще донесение Кандидиана, не знал, как поступить в этом случае. Наконец, он распорядился, чтобы все постановленное на соборе под председательством Кирилла и на соборе Иоанновом было уничтожено и чтобы все епископы, прибывшие в Ефес, собрались вместе и покончили споры мирным образом. Св. Кирилл не мог согласиться на такое предложение, так как на соборе под его председательством было постановлено правильное решение и, в этом смысле, доносил императору. С своей стороны и Иоанн антиохийский доносил в Константинополь, представляя действия своего собора правильными.

Между тем, когда происходила эта переписка между Ефесом и Константинополем, собор под председательством Кирилла, продолжал свои заседания. Всех заседаний было семь. Во втором заседании прочитано было послание папы Целестина, привезенное только теперь

прибывшими легатами, и признано было вполне православным; в 3-м – римские легаты подписали осуждение на Нестория; в 4-м – Кирилл и Мемнон жаловались собору на Иоанна, который неправильно осудил их и были оправданы после того, как Иоанн, приглашенный собором в заседание для объяснений по этому делу, не явился; в 5-м – Кирилл и Мемнон для опровержения обвинений, взведенных на них Иоанном, осудили ереси Ария, Аполлинария и Евномия, а собор отлучил от церковного общения самого Иоанна и прибывших с ним сирских епископов; в 6-м – запрещено на будущее время изменять в чем-либо Никео-цареградский символ или вместо него составлять другой, наконец, в 7-м – собор занялся решением частных вопросов по разграничению епархий. Все соборные акты отосланы были императору на утверждение.

Теперь Феодосий находился еще в большем затруднении, чем прежде, потому что неприязненные отношения между собором и партией Иоанна увеличились в значительной степени. А вельможа Ириней, прибывший, между тем, из Ефеса в Константинополь, сильно действовал при дворе в пользу Нестория. Епископ берийский, Акакий подал императору совет, удалил от соборных рассуждений главных представителей партий – Кирилла, Мемнона и Нестория, поручить всем остальным епископам пересмотреть вновь дело Нестория. Император так и сделал; послал в Ефес чиновника, который взял под стражу Кирилла, Мемнона и Нестория и начал соглашать прочих епископов. Но соглашения не последовало. Между тем Св. Кирилл нашел случай из под стражи написать к клиру и народу константинопольскому, а также авве Далматию о происходившем в Ефесе. Авва Далматий собрал иноков константинопольских монастырей и вместе с ними, с пением псалмов, с горящими светильниками, при многочисленном стечении народа, отправился к дворцу императора. Вошедши во дворец, – между тем как иноки на улице продолжали петь псалмы, – Далматий просил императора, чтобы православные отцы освобождены были из заключения и чтобы определение собора относительно Нестория было утверждено. Появление знаменитого аввы, сорок восемь лет не выходившего из своего монастыря, произвело сильное впечатление на императора. Он обещал утвердить решение собора. Затем в церкви, куда отправился авва Далматий с иноками, народ открыто провозгласил анафему Несторию. Таким образом относительно Нестория колебания императора кончились. Оставалось только привести в соглашение с собором сирских епископов. Для этого император приказал спорящим сторонам выбрать по 8 депутатов и прислать их в Хялкидон для взаимных рассуждений, в присутствии императора. В эту депутацию со

стороны православных выбраны были между прочим два римские легата и иерусалимский епископ Ювеналий, а со стороны защитников Нестория Иоанн антиохийский и Феодорит кирский. Но и в Халкидоне соглашение не было достигнуто, не смотря на заботы об этом Феодосия. Православные требовали, чтобы сирские епископы подписали осуждение Нестория, а сирские епископы не соглашались на это и не хотели принимать, как они выражались, догматов Кирилла т. е. его анафематизмов. Так дело и осталось пока нерешенным. Впрочем, Феодосий теперь решительно стал на сторону православных епископов. Указом изданным, по окончании халкидонских совещаний, он приказал всем епископам возвратиться на свои кафедры, в том числе и св. Кириллу, а Нестория еще прежде удалил в антиохийский монастырь, из которого он взят был на константинопольскую кафедру. Преемником Нестория православные епископы поставили Максимиана, известного всем благочестивою жизнью.

Восточные епископы, во главе с Иоанном антиохийским, отправляясь из Халкидона и Ефеса на свои кафедры, по дороге составили два собора один в Тарсе, на котором вновь осудили Кирилла и Мемнона, и другой в Антиохии, на котором составили свое исповедание веры. В этом исповедании сказано было, что Господь Иисус Христос – совершенный Бог и совершенный человек, и что, на основании неслитного в Нем единения Божества и человечества, Пресвятая Дева Мария может быть названа Богородицею. Таким образом, восточные отцы отступили от своих несторианских воззрений, но от лица Нестория не отказывались, почему разделение между ними и Кириллом александрийским продолжалось. Император Феодосий не терял все-таки надежды примирить церкви и поручал исполнить это своему чиновнику, Аристолаю. Но только Павлу епископу эфесскому удалось согласить отцов сирских с александрийскими. Он убедил Иоанна антиохийского и других сирских епископов согласиться на осуждение Нестория, а Кирилла александрийского – подписать антиохийское исповедание веры. Кирилл, находя, что антиохийское исповедание веры заключает в себе православное учение, подписал его, не отказываясь, впрочем, и от своих анафематизмов.

Таким образом, мир был восстановлен. Император утвердил посредствующее антиохийское исповедание и постановил окончательное решение относительно Нестория. Он сослан был (435 г.) в один оазис в египетских пустынях, где и умер (440 г.).

§ 16. История несторианства после собора и разные несторианские секты

После этого соглашения крайние приверженцы Нестория, разделявшие его образ мыслей, восстала на Иоанна антиохийского за измену Несторию и образовали сильную партию в Сирии. Это уже была вполне еретическая партия. К этой партии принадлежал даже блаженный Феодорит кирский, который, хотя соглашался с православным учением, принятым Кириллом и Иоанном, и осуждал заблуждения Нестория, но не хотел согласиться на осуждение Нестория. Иоанн антиохийский должен был заботиться об уничтожении этой еретической партии. Помощником ему в этом случае был еще эдесский епископ Равула. Но когда Иоанн антиохийский не достиг ничего силою убеждения, он обратился за помощью к гражданской власти. По распоряжению императора, несколько несторианских епископов были удалены с своих кафедр. Блаженный Феодорит на свою дружбу к Несторию также был наказан; ему указом императора запрещено было выезжать за пределы своей епархии и участвовать в соборном управлении. Но, не смотря на такие строгие меры, несторианство в церквях Сирийской и Месопотамской не уничтожалось. Но Несторий был главною причиною этого, – за него и не стояло большинство несторианских епископов, – а несторианские мысли, разнесенные из антиохийского училища, особенно чрез распространение сочинений Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуетского. На последних смотрели в Сирии, как на великих учителей Церкви. Православные епископы понимали это и потому начали действовать против этих учителей несторианства. Так эдесский епископ Равула разрушил эдесскую школу, в которой проводились идеи школы антиохийской. Во главе этой школы стоял пресвитер Ива подобно Феодориту, соглашавшийся на посредствующее антиохийское исповедание, но подозревавший самого Кирилла в неправославии. Ива с другими учителями эдесской школы был изгнан. Затем Равула на собранном им соборе осудил сочинения Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуетского. Но эта мера произвела сильное волнение в восточных церквях. Сам Св. Кирилл, желавший вместе с Проклом, епископом константинопольским, торжественно осудить учителей несторианства, должен был отказаться от своей попытки, и ограничился только опровержением Феодора Мопсуетского в написанном им сочинении. Но и это сочинение возбудило на востоке сильное недовольство. Против него появились опровержения. Например,

Блаженный Феодорит писал в защиту Феодора Мопсуетского. Ко время этой борьбы умер Св. Кирилл (444 г.) и во время этой же борьбы сирийские христиане с своими епископами отдалялись все более и более от Церкви. Равула эдесский умер еще раньше Кирилла (436 г.). Преемником ему, но влиянию несторианской партии, поставлен был, изгнанный им, Ива, который опять восстановил эдесскую школу. Ива, между прочим, написал письмо к одному персидскому епископу Марию о событиях в Сирийской церкви и о споре между Кириллом и Несторием. Порицая Нестория за то, что он своими выражениями о Пресвятой Деве Марии подал повод к обвинению в ереси, Ива особенно восставал против Кирилла, обвиняя его в том, что он уничтожает в И. Христе человеческое естество и признает одно Божественное и тем возобновляет ересь Аполлинария. Это письмо имело важное значение при дальнейших спорах Церкви с еретиками. Ива перевел еще сочинения Феодорита и Диодора на сирский язык. Но гораздо более действовал в пользу несторианства епископ Низибии Фома Варсума, прежде учитель эдесского училища. Он пользовался благосклонностью персидского правительства, которому тогда принадлежала Низибия и которое по политическим видам, одобряло отделение персидских христиан от христиан империи. В 480 году эдесская школа опять была разрушена. Учители и ученики ушли в Персию и основали школу в Низибии, которая сделалась рассадником в персидской церкви несторианства. В 499 году епископ Селевкии–Ктезифона, Бибей, вполне несторианин, созвал в Селевкии собор, на котором утверждено было несторианское учение и формально заявлено было отделение персидской церкви от церкви греко-римской империи. Несториане стали называться по своему богослужебному языку халдейскими христианами. У них свой патриарх, называемый католикосом. Кроме догматических различий персидско-несторианская церковь допустила у себя различия и в церковном устройстве. Так она дозволила брак не только священникам, но и епископам. Из Персии несторианство распространилось в Индии. Здесь несториане усвоили себе название христиан-фомитов от имени своего учителя Фомы.

§ 17. Ересь Евтихия, или Монофизитов и четвертый вселенский собор

Во время несторианских споров, – как было замечено выше – некоторые из защитников Нестория упрекали Св. Кирилла александрийского в ереси. Такого рода упреки по отношению к Кириллу были несправедливы. Но между приверженцами Кирилла, действительно, еще во время несторианских Споров, была еретическая партия, развивавшая учение о соединении в Лице Господа И. Христа двух естеств в смысле совершенно противоположном несторианскому и также еретическому. Именно, в противоположность несторианскому разделению в Лице Иисуса Христа Божества и человечества, еретическая партия приверженцев Кирилла *сливала оба естества* до того, что человечество представлялось *поглощенным от Божества*, и в Иисусе Христе оставалась только природа Божественная. Как несториане давали перевес человеческой природе над Божественною, от чего Господь Иисус Христос представлялся у них простым человеком, только носящим в себе Божество, – так, напротив, еретическая партия приверженцев Кирилла давала перевес Божественной природе над человеческой и представляла Господа И. Христа только Богом. Как несторианские воззрения вышли из антиохийской школы, так и противоположные им воззрения еретической партии приверженцев Кирилла вышли из школы александрийской. Александрийские богословы, погружаясь в таинственное созерцание догматов веры, смотрели на Лицо Господа И. Христа преимущественно как на Божественное, так что Его человеческая личность становилась у них как бы второстепенною. Такие взгляды особенно развились во время борьбы с арианством, когда необходимо нужно было настаивать на Божестве Сына Божия. Доведенные до крайности во время несторианских споров, эти взгляды разрешились еретическим учением *о полном слиянии* в И. Христе Божественной и человеческой природы *с поглощением последней первою*, или иначе – учением *об одной Божественной природе в И. Христе*. Отсюда, такое учение называется *монофизитством*, а лица, развивавшие его – еретиками *монофизитами* т. е. допускавшими в И. Христе одну Божественную природу. Евтихианством или ересью Евтихия монофизитство называется потому, что один константинопольский архимандрит, *Евтихий*, первый заявил это учение и положил начало монофизитским спорам.

Монофизитские споры начались в Церкви вслед же за

несторианскими. На александрийскую кафедру после Св. Кирилла вступил *Диоскор* (с 444 г.). Он разделял воззрения монофизитские и даже стал во главе александрийских монофизитов, между тем как в Константинополе главою их был престарелый архимандрит *Евтихий*. Блаженный Феодорит, в опровержение Диоскора и Евтихия, написал сочинение, под названием *эранист*, в котором доказывал, что учение их есть ересь. Но Диоскор, выставя себя защитником того православного учения, за которое ратовал Св. Кирилл, возбудил против Феодорита константинопольских монахов, как против несторианина, и обвинил пред императором Феодосием, всю восточную церковь в ереси Нестория. Феодосий склонился на сторону Диоскора, так как, под влиянием сильной придворной партии, во главе с императрицею Евдоксиєю, видел в нем только, подобного Кириллу, борца против несторианства. Феодориту опять подтверждено было не выезжать за пределы своей епархии. Впрочем, в самом Константинополе скоро началось расследование ереси монофизитской. Патриархом константинопольским в то время был *Флавиан*. Под его председательством в 448 г. в Константинополе был домашний собор из 30 епископов константинопольского округа. *Евсевий* епископ дорилейский, присутствовавший на этом соборе, между прочим, доложил собору, что константинопольский архимандрит Евтихий распространяет еретическое учение, именно, говорит, что после соединения в И. Христе Божества и человечества, человечество превратилось в Божество, и потому тело Христа не единосущно нашему телу. Собор пригласил для объяснений Евтихия, который явился только после троекратного зова. Его дерзкие объяснения подтвердили только то, что он действительно распространяет ересь. Поэтому, собор осудил его и низложил. Но Евтихий обратился с жалобою на собор к императору. Сильная придворная партия, во главе с императрицею Евдоксиєю, была на стороне Евтихия, мнимого последователя Кирилла; поэтому, Феодосий принял жалобу благосклонно и приказал тому же собору, но под председательством *Фалассия* кесарие-каппадокийского пересмотреть дело Евтихия. Но и на этом раз Евтихий был осужден. Тогда Евтихий, согласно желаниям придворной партии, перенес свое дело на суд церковей римской и александрийской, выставя себя защитником православного учения, а Флавиана и Евсевия несторианами. Папа *Лев Великий*, после того как Флавиан объяснил ему сущность ереси Евтихия, согласился на его осуждение и написал Флавиану послание, в котором изложил православное учение о соединении в И. Христе двух естеств. Но Диоскор александрийский, – как и следовало ожидать, – принял сторону Евтихия. Он просил даже

императора назначить вселенский собор для утверждения мнимо-православного учения Евтихия и осуждения возобновленного Флавианом несторианства. Император согласился и назначил собор в *Ефесе* в 449 г. под председательством самого Диоскора. В Ефесе собрались *Диоскор* александрийский, *Домн* антиохийский, *Ювеналий* иерусалимский, *Флавиан* константинопольский, *Евсевий* дорилейский, *легаты папы Льва* и друг. Всего было на соборе до 130 епископов. Восточных епископов не приглашали на собор. Начались соборные совещания по делу Евтихия. Но Диоскор, не дожидаясь разрешения дела путем обыкновенных рассуждений, решился употребить насилие. Он собрал толпу, привезенных им, параволанов и, приверженных Евтихию, монахов; толпа ворвалась в церковь, где происходило заседание собора, с криком: *рубите на двое разделяющих естество христово на двое*. Произошло большое смятение: начатые акты были изорваны, у писцов отбиты пальцы, Флавиан и православные епископы, после многих побоев, были выгнаны, а те которые остались, принуждены насильно подписать белые листы пергамента, на котором не известно что будет написано. Затем Диоскор осудил Флавиана, низложил Домна антиохийского, блаженного Феодорита и Иву Эдесского, хотя последних не было на соборе. В заключение всего Диоскор с своими единомышленниками признал учение Евтихия православным, утвердил представленный им в особом сочинении никейский символ, с пропуском слов: *воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы*, и восстановил его в сане. Римские легаты протестовали против такого своеволия, но не имели успеха. Флавиан также готовил жалобу в Рим и Константинополь; но Диоскор, узнав об этом, заключил его в оковы и подверг таким жестоким истязаниям, что Флавиан чрез три дня умер. На место Флавиана Диоскор поставил константинопольским патриархом своего диакона *Анатолія*, считая его своим единомышленником. Этот одесский собор (449 г.) известен под именем собора *разбойничьего*. Император Феодосий, которому представлены были на утверждение соборные определения, признал его вселенским. Таким образом монофизиты некоторое время взяли перевес над православными; православные епископы, по настоянию Диоскора, были низлагаемы и ссылаемы в заточение.

Но, вот, на защиту православия выступил папа Лев Великий, с самого появления ереси монофизитов твердо заявивший свое православие. Получив известие о соборе ефесском, он созвал собор в Риме, осудил все постановленное в Ефесе и в письмах на восток настоятельно требовал созвания законного вселенского собора в Италии. По его просьбе, того же требовал от Феодосия и западный император Валентиниан III. Но

Феодосий был все еще под влиянием придворной монофизитской партии, особенно *Евдоксии* и вельможи *Хризафия*, и потому не внимал просьбам. Впрочем скоро дела приняли оборот в пользу православных. Придворная монофизитская партия потеряла свое значение; Евдоксия была удалена из Константинополя в Иерусалим под предлогом богомолья, а Хризафий, попавший в немилость, сослан. Теперь при дворе получила влияние партия сестры императора *Пульхерии*, которая всегда была почитательницею Флавиана. Поэтому, честь Флавиана была восстановлена: его мощи торжественно были перенесены в Константинополь. Впрочем Феодосий не располагал ничего делать для православных. Он скоро умер (450 г.). Преемником его был *Маркиан*, вступивший в брак с Пульхериею, – и он то решился дать торжество православию. По его распоряжению в 451 г. собран был в *Халкидоне* законный вселенский собор, который был по счету четвертым вселенским собором. Всех отцов на этом соборе было до 630. Из наиболее замечательных были: *Анатолий* константинопольский, пред вступлением Маркиана на престол решительно перешедший на сторону православных, *Домн* антиохийский, низложенный Диоскором и возвращенный из заточения Маркианом, *Максим*, поставленный на его место, *Ювеналий* иерусалимский, *Фалассий* кесарие-капподокийский, блаженный *Феодорит*, *Евсевий* дорилейский, *Диоскор* александрийский и друг. Папа Лев, желавший, чтобы собор созван был в Италии, прислал все-таки своих легатов на халкидонский собор. Председателем собора был *Анатолий* константинопольский. Прежде всего отцы собора занялись рассмотрением деяний собора *разбойничьего* и судопроизводством над Диоскором. Обвинителем Диоскора был известный Евсевий дорилейский, который представил отцам записку, в которой изложены были все насилия, произведенные Диоскором на разбойничьем соборе. По прочтении записки, отцы отняли у Диоскора право голоса, после чего он должен был стать в число подсудимых. К тому же на Диоскора представлено было со стороны некоторых египетских епископов много обвинений в безнравственности, жестокости и разного рода насилиях, Сообразив все это, отцы осудили его и низложили, равно как осудили разбойничий собор и Евтихия. Тех епископов, которые вместе с Диоскором принимали участие в разбойничьем соборе, отцы халкидонского собора простили, так как они принесли раскаяние и объяснили в свое оправдание, что действовали под страхом угроз Диоскора. Затем, отцы занялись определением вероучения. Им предстояло изложить такое учение о двух естествах в Лице Господа И. Христа, которое было бы чуждо крайностей несторианства и монофизитства.

Среднее между этими крайностями учение именно и было православным. Отцы Халкидонского собора так и поступили. Приняв за образец православного учения изложение веры Кирилла александрийского и Иоанна антиохийского, а также послание Льва римского к Флавиану, они таким образом определили догмат об образе соединения в Лице Господа И. Христа двух естеств: «последующе божественным отцем, все единогласно поучаем исповедывати единого и тогожде Христа, Сына, Господа едиnorodного, в двух естествах, *неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно* познаваемого (никакоже различию двух естеств потребляемому соединением, паче же сохраняемому свойству коегождо естества во едино Лице, и во едину ипостась совокупляемого): не на два лица отсекаемого или разделяемого, но единого и тогожде Сына и едиnorodного Бога Слова». Таким веро-определением осуждалось как несторианство, так и монофизитство. Все отцы согласны были с этим определением. Блаженный Феодорит, которого на соборе подозревали в несторианстве, особенно египетские епископы, произнеся, анафему на Нестория и подписал его осуждение. Поэтому, собор снял с него осуждение Диоскора и восстановил в сане, равно как снял осуждение и с Ивы, епископа эдесского. Только египетские епископы держали себе двусмысленно по отношению к веро-определению. Они хотя и подписали осуждение Евтихия, но не хотели подписать послания Льва римского к Флавиану, под тем предлогом, что, по существующему в Египте обычаю, они ничего важного не делают без соизволения и определения своего архиепископа, которого, за низложением Диоскора, у них не было. Собор обязал их клятвою подписать, когда будет поставлен архиепископ. – Когда донесли Маркиану, что все сделано, он прибыл сам на собор в 6-е заседание, произнес речь, в которой выразил радость, что все сделано по общему желанию и мирно. Впрочем, заседания собора не окончились еще. Отцы занялись составлением правил, которых и было составлено 30. Главные предметы правил – церковное управление и церковное благочиние.

После собора император издал строгие законы относительно монофизитов. Приказано было всем принимать учение, определенное халкидонским собором; монофизитов ссылать в заточение или изгонять; сочинения их сжигать, а за распространение их казнить и проч. Диоскор и Евтихий сосланы были в отдаленные провинции.

§ 18. Продолжение монофизитской ереси после халкидонского собора

Ересь монофизитская принесла Церкви зла более, чем какой либо другая ересь. Соборным осуждением она не была уничтожена. Изложенное на соборе учение о двух естествах в Лице Господа Иисуса Христа, особенно о человеческом, сильно не нравилось монофизитам, центром которых был Египет. Также многие монашествующие в других церквях были против этого учения и стали в ряды монофизитов. Монашествующим казалось невозможным приписать Господу Иисусу Христу человеческую природу, подобную нашей греховной, против недостатков которой направлены все их подвиги. Еще во время халкидонского собора монашествующие прислали от себя трех архимандритов, которые брались защищать монофизитское учение и просили о восстановлении Диоскора. После собора некоторые из монахов прямо из Халкидона отправились в Палестину и произвели там большое волнение рассказами о том, что халкидонский собор восстановил несторианство. Палестинские монахи, под предводительством выходцев из Халкидона, в числе десяти тысячи, напали на Иерусалим, разграбили его, выгнали патриарха Ювеналия, а на его место поставили своего Феодосия. Только чрез два года (453 г.), при помощи военной силы, Ювеналий занял опять иерусалимский престол. Подобные же волнения производили монофизиты и в Александрии. Здесь и военная сила, не привела ни к чему. Александрийская чернь загнала воинов в бывший храм Сераписа и сожгла живыми вместе с храмом. Усиленные военные меры повели за собою только то, что монофизиты окончательно отделились от православного патриарха *Протерия*, поставленного на место Диоскора, и образовали отдельное общество под управлением пресвитера *Тимофея Элура*. По смерти императора Маркиана (457 г.), александрийские монофизиты, воспользовавшись этим обстоятельством, произвели возмущение, во время которого убит был Протерий, а на его место возвели Элура, который низложил всех епископов, принимавших халкидонский собор и произнес осуждение на патриархов: константинопольского, антиохийского и римского. Преемник Маркиана *Лев I-й Фракиянин* (457–474 г.) не мог скоро подавить восстание в Александрии. Для восстановления мира в Церкви он решился на особого рода меру. Потребовал, чтобы все митрополиты империи дали ему свой отзыв о халкидонском соборе и о том, должно ли признавать покойным александрийским патриархом Элура. Более 1.600 митрополитов и

епископов высказались в пользу халкидонского собора и против Тимофея Элура. Тогда Лев низложил (460 г.) Элура и александрийским патриархом поставил православного *Тимофея Салафакиола*. Благочестие и кротость этого патриарха приобрели ему любовь и уважение монофизитов, и александрийская церковь некоторое время была спокойна. Низложен был также (470 г.) и патриарх антиохийский *Петр Гнафевс*. Этот, будучи еще монахом, составил в Антиохии сильную монофизитскую партию, принудил православного патриарха оставить кафедру и сам занял ее. Чтобы утвердить навсегда монофизитство в Антиохии, он в трисвятой песни после слов: *святый безсмертный* – сделал монофизитское прибавление: *распныйся за ны*.

Но, вот, в 470 году занял императорский престол *Василиск*, отнявший его у преемника Льва, *Зенона*. Чтобы укрепить себя на престоле при помощи монофизитов, Василиск принял их сторону. Он издал окружное послание (ἐγκύκλιον) в котором, предавал осуждению халкидонский собор и послание Льва к Флавиану, приказывал держаться только Никейского символа и определений второго и третьего вселенских соборов, подтверждающих этот символ. Такое послание должны были подписать все епископы империи, и действительно подписали многие, одни по убеждению, другие по страху. Вместе с тем восстановлены были на своих кафедрах Тимофей Элур и Петр Гнафевс, а православные патриархи – александрийский и антиохийский – удалены. Восстановление монофизитства произвело сильное волнение между православными, особенно в Константинополе. Здесь во главе православных стоял патриарх *Акакий*. Василиск, желая предотвратить волнения, угрожавшие даже его престолу, издал было другое *окружное послание*: (ἀντεγκύκλιον), отменявшее первое, но было поздно; Зенон, при помощи православных, особенно Акакия, одолел Василиска и занял императорский престол (477 г.). Теперь опять православные взяли перевес над монофизитами. На александрийскую кафедру, по смерти Элура (477 г.), вступил снова Тимофей Салафакиол. Зенон не остановился на этом: ему хотелось не только дать перевес православным, но и присоединить монофизитов к православной Церкви. Он понимал, что разделение религиозное очень дурно отзывается на благосостоянии государства. Зенону же сочувствовал в этом случае патриарх константинопольский Акакий. Но эти попытки к присоединению монофизитов, начало которым положено Зеноном, продолжавшиеся и в последующие царствования, производили только волнения в Церкви и, наконец, разрешились новою ересью.

В 482 году умер александрийский патриарх Тимофей Салафакиол.

Православные выбрали на место его *Иоанна Талайю*, а монофизиты *Петра Монга*. Петр Монг стал усердно хлопотать в Константинополе о своем утверждении и, между прочим, предложил план для присоединения монофизитов. Зенон и патриарх Акакий согласились на его план. И вот в 482 году Зенон издает *согласительное вероопределение* (ἐνωτικὸν), на основании которого должно было установиться общение между православными и монофизитами. В нем, между прочим, утверждался символ никейский, подтвержденный вторым вселенским собором; предавались анафеме Несторий и Евтихий; принимались 12 анафематизмов Св. Кирилла; утверждалось, что Единородный Сын Божий, сошедший и воплотившийся от Св. Духа и Марии Девы Богородицы, *есть один, а не два*: один и в чудесах, и в страданиях, которые претерпел по плоти добровольно; наконец изрекалась анафема на тех, кто мыслит или мыслит что-либо другое теперь, или в иное время, на халкидонском, или на ином каком соборе, а особенно на Нестория и Евтихия с их единомышленниками²¹⁸. Зенон хотел достигнуть соединения умолчанием о естествах в Лице Господа Иисуса Христа и двусмысленным выражением о халкидонском соборе. Такое согласительное вероопределение принято Акакием константинопольским, Петром Монгом, который и получил за это александрийскую кафедру, Петром Гнафевсом, который также снова занял кафедру антиохийскую. Но в то же время это согласительное вероопределение не удовлетворило ни строгих православных, ни строгих монофизитов. Православные подозревали, что энотиконом Зенона признается монофизитство, а монофизиты требовали ясного осуждения халкидонского собора. Неутвержденный императором на александрийской кафедре, Иоанн Талайя отправился в Рим с жалобами к папе Феликсу II на Акакия константинопольского, принявшего энотикон. Феликс, чувствуя себя вполне независимым от Константинополя, по падении западной империи (476 г.), осудил энотикон, как мероопределение еретическое, отлучил Акакия и всех епископов, принявших энотикон, равно как и самого Зенона, и даже прервал общение с восточными церквями. Строгие монофизиты с своей стороны восстали на своих патриархов, антиохийского Гнафевса и александрийского Монга, за принятие энотикона, отделились от них и образовали отдельное монофизитское общество *акефалитов* (безглавных).

При преемнике Зенона, *Анастасии* (491–518 г.г.) дела находились в том же положении. Он требовал, чтобы энотикон принимался всеми. Но православные успели уже понять, что снисходительные меры по отношению к еретикам не приносят благих последствий и даже роняют

православие; поэтому, стали отказываться от энотикона, Анастасий стал преследовать таких, – и таким образом видимо уже держал сторону монофизитов. Между тем, в среде монофизитов-акефалитов явились жаркие поборники монофизитства – *Ксенай*, известный более под именем *Филоксена*, епископ иерапольский в Сирии, и *Север*, патриарх антиохийский. Север, в видах распространения монофизитства в Константинополе, предложил Анастасию ввести и в столице прибавление в трисвятой песни: *распныйся за ны*. Патриарх константинопольский, *Македоний*, опасаясь ссылки, принужден был повиноваться приказанию императора. Но народ, узнав об этом прибавлении, произвел бунт в Константинополе. Хотя Анастасию на этот раз удалось успокоить волнующуюся чернь, и даже сослать в заточение патриарха Македония, но все же вскоре началась открытая война между православными и царем. Предводитель православных, *Виталиан* своими победами принудил Анастасия дать обещание созвать собор для подтверждения святости собора халкидонского и восстановить общение с Римом. Анастасий вскоре умер (518 г.), не исполнив своих обещаний.

При его преемнике *Юстине I* (518–527 г.г.), покровителе православия, последнее опять получило перевес. Возобновлены были сношения с римскою церковью (519 г.), при новом константинопольском патриархе, *Иоанне Каппадокийском*; подтверждена важность халкидонского собора; монофизитские епископы низложены и проч.

§ 19. Попечение Юстиниана I о мире Церкви, спор о трех главах и пятый вселенский собор

В 527 г. на императорский престол вступил Юстиниан I государь замечательный в истории гражданской и церковной (527–565 г.г.). Мысль о присоединении монофизитов к православию, в видах умиротворения Церкви и государства, занимала и этого государя. Особенно много было монофизитов в Египте²¹⁹, где православные составляли меньшинство. Разделение было слишком вредно для Церкви и государства. Но, подобно другим государям, задававшимся теми же планами присоединения еретиков, Юстиниан не достиг своей цели и даже под влиянием монофизитской партии, особенно жены своей Феодоры, тайной монофизитки, действовал иногда в ущерб православию. Так в 533 г. под влиянием Феодоры он сделал уступку монофизитам, допустив и в константинопольской церкви прибавление в трисвятой песни: *распныйся за ны*, хотя строгие последователи определений халкидонского собора считали такое прибавление монофизитским. По влиянию той же Феодоры, Юстиниан возвел (535 г.) на константинопольский патриарший престол *Анфима*, притворно перешедшего из монофизитства в православие. К счастью, Юстиниан скоро узнал о происках монофизитов. В то время (536 г.) прибыл в Константинополь папа *Агапит*, в качестве посла ост-готского короля *Теодориха Великого*. Узнав о еретичестве Анфима, Агапит, не смотря на убеждения и угрозы Феодоры, донес о нем царю. Юстиниан тотчас же низложил Анфима, а на его место поставил одного пресвитера *Минну*. Все-таки он не терял надежды на присоединение монофизитов. В этих видах, под председательством Минны в Константинополе составлен был небольшой домашний собор из православных и монофизитских епископов, на котором обсуждался вопрос о присоединении монофизитов. Но рассуждения не повели ни к чему, вследствие упорства монофизитов. Патриарх снова осудил монофизитов, а император подтвердил прежние строгие законы против них. Монофизиты, при возобновившихся преследованиях, бежали в Великую Армению и здесь упрочили свою ересь.

Между тем Феодора продолжала вести интриги в пользу монофизитов. По ее проискам, по смерти папы Агапита (537 г.), на римскую кафедру поставлен был римский диакон *Вигилий* давший ей еще в бытность в Константинополе с Агапитом, обещание с подпискою помогать монофизитам. Потом она нашла себе усердных помощников в

двух, проживавших при дворе, епископах *Феодоре Аскид* и *Домициане*, которые были тайными оригенистами и монофизитами. Когда на соборе в Константинополе (641 г.) состоялось осуждение оригенизма, Аскида и Домициан, чтобы отвлечь внимание императора от оригенистов, присоветовали ему заняться обращением монофизитов и предложили даже для этого план. Именно, они представили Юстиниану, что монофизиты тогда только могут быть присоединены, когда православная Церковь осудит сочинения учителя несторианства, *Феодора Мопсуэтского* и его друзей и почитателей, *блаженного Феодорита* и *Ивы эдесского*, так как теперь, когда сочинения этих лиц не осуждены, монофизиты соблазняются и подозревают православную Церковь в несторианстве. План этот монофизиты составили в свою пользу и во вред православным. В случае исполнения его, как рассчитывали монофизиты, Церковь стала бы в противоречие сама с собою, осудив Феодорита и Иву, признанных православными на Халкидонском соборе. Император, поставивший целью своей жизни умиротворить Церковь, согласился испытать предложенный ему план и в 544 г. издал *первый эдикт о трех главах*. В нем осуждался Феодор Мопсуэцкий, как отец несторианской ереси, сочинения Феодорита против св. Кирилла и письмо Ивы к Марию Персу. Но в то же время прибавлено было, что осуждение это нисколько не противоречит Халкидонскому собору, и всякий, кто иначе будет думать, подвергается анафеме. Этот эдикт должны были подписать все епископы. Минна, патриарх константинопольский, после некоторого сопротивления, подписал, а за ним и восточные епископы. Но в западных церквях эдикт встретил сильную оппозицию. Карфагенский епископ *Понтиан* решительно отказался от подписи, а ученый диакон карфагенской церкви *Фульгенций Ферран* написал в опровержение эдикта трактат, с которым согласились все на западе. Вигилий римский также был против эдикта. Западные епископы видели в осуждении трех глав унижение Халкидонского собора, хотя на беспристрастный взгляд этого не было. На Халкидонском соборе о Феодоре Мопсуэцком не было рассуждения, Феодорит оправдан был собором после того, как произнес анафему на Нестория и следовательно отказался от своих сочинений в защиту его против Св. Кирилла, а письмо Ивы осуждалось в том виде, в каком оно существовало в VI в. во время издания эдикта т. е. поврежденное в Персии несторианами. – Противодействие западных епископов смутило Юстиниана. В 547 году он вызвал в Константинополь Вигилия и многих других западных епископов, надеясь убедить их подписать осуждение трех глав. Но и в Константинополе западные епископы противились. Вигилий

только тогда согласился содействовать осуждению трех глав, когда Феодора напомнила ему о его подписке при вступлении на римскую кафедру. Он составил *judicatum* на три главы, хитростью склонил подписаться под ним западных епископов, бывших в Константинополе, и представил его царю. Но западные епископы, узнав о хитрости, восстали против Вигилия. Во главе противной ему партии стоял африканский епископ *Факунд Гермианский*, написавший 12 книг в защиту трех глав. В западных церквях распространились самые невыгодные слухи на счет папы. Тогда Вигилий попросил было у императора обратно свой *judicatum* и предлагал лучше созвать вселенский собор, определениям которого все необходимо должны подчиниться. Юстиниан на созвание вселенского собора согласился, но *judicatum* не возвратил. В 551 году император еще раз сделал попытку склонить западных епископов на осуждение трех глав, для чего пригласил их на собор в Константинополь. Но они не поехали; прибыли немногие и все-таки не соглашавшиеся с императорским эдиктом. Тогда Юстиниан низложил и заточил их, а на место их поставил таких, которые согласились на осуждение трех глав. Затем в том же 551 г., издав *новый эдикт о трех главах*, – в котором особенно развивалась та мысль, что осуждение трех глав не противоречит халкидонскому собору, – царь в 553 году созвал в Константинополе *пятый вселенский собор* для окончательного решения вопроса о Феодоре Мопсуетском, блаженном Феодорите и Иве Эдесском.

На соборе присутствовало 165 восточных и западных епископов. Председателем был *Евтихий*, патриарх константинопольский, преемник Минны. Папа Вигилий, пребывавший все время в Константинополе, опасаясь оппозиции западных епископов, отказался идти на собор и обещал подписать соборные определения после. Отцы собора в нескольких заседаниях читали еретические места из сочинений Феодора Мопсуетского, читали все, что написано было в опровержение его, разрешили вопрос, можно ли осуждать еретиков по смерти, и, наконец, пришли к заключению, согласному с императорскими эдиктами, что Феодор Мопсуетский действительно еретик несторианин и должен быть осужден. Прочитаны были также сочинения блаженного Феодорита и письмо Ивы. Отцы нашли, что сочинения Феодорита достойны также осуждения, хотя он сам, как отказавшийся от Нестория и потому оправданный халкидонским собором, и не подлежит осуждению. Что же касается письма Ивы Эдесского, то собор также осудил его, не касаясь самого лица Ивы; собор в этом случае осудил то, что читано было им в заседаниях т. е. поврежденное несторианами письмо Ивы. Таким образом,

осуждены были Феодор Мопсуетский и его сочинения, а также сочинения блаженного Феодорита в защиту Нестория против Св. Кирилла и письмо Ивы Эдесского к Марию персу. При этом собор утвердил вероопределения всех прежних вселенских соборов и в том числе халкидонского. Папа Вигилий, во время соборных заседаний приславший императору свой отзыв против осуждения вышепоименованных лиц, по окончании собора все-таки подписал соборные определения, и был отпущен в Рим, после почти семилетнего пребывания в Константинополе. На дороге, впрочем, он умер. Преемник его *Пелагий* (555 г.) принимал пятый вселенский собор, и поэтому должен был выдерживать борьбу против многих западных церквей, не принимавших собора. Разделение в западных церквях из-за пятого вселенского собора продолжалось до самого конца VI столетия, когда при папе Григории Великом, наконец, все признали его.

§ 20. Упорство монофизитов и монофизитские секты

Старания Юстиниана присоединить к православной Церкви монофизитов, вызвавшие, между прочим, пятый вселенский собор, не привели к желаемым результатам. Правда, умеренные монофизиты присоединялись к Церкви, но в одном почти константинопольском патриархате. Монофизиты же других патриархатов, особенно строгие (*автартодокеты*), оставались по-прежнему упорными еретиками. В видах государственных, Юстиниан сделал было попытку присоединить и строгих монофизитов, даже с уступкою им; в 564 г. он потребовал, чтобы православные епископы приняли их в общение. Но епископы отказались принимать в Церковь еретиков, не принимавших православного учений. За это Юстиниан начал их низлагать и ссылать в заточение. Такая участь постигла прежде всего Евтихия, патриарха константинопольского. Впрочем, Юстиниан скоро умер (565 г.), и возникавшие было замешательства в Церкви прекратились. – Монофизиты, между тем, окончательно сформировались в отдельные от православной Церкви общества. В Александрии в 536 г. поставлен был новый православный патриарх; но его признала только небольшая часть египтян преимущественно греческого происхождения. Коренные же жители, древние египтяне, известные под именем *коптов*, поголовно державшиеся монофизитства, выбрали своего патриарха, так называемого *коптского*, и образовали таким образом *коптскую* монофизитскую церковь. Египетские монофизиты называли себя *коптскими христианами*, православных же – *мельхитами* (содержащими императорское вероучение). Число коптских христиан простиралось до пяти миллионов. Вместе с коптами и *абиссинцы* уклонились к монофизитству и также образовали еретическую церковь в союзе с коптскою. – В Сирии и Палестине монофизитство вначале не так прочно утвердилось, как в Египте; Юстиниан всех епископов и пресвитеров, державшихся монофизитства, низлагал и ссылал в заточение, вследствие чего монофизиты оставались без учителей. Но одному сирскому монаху, *Иакову*, по прозванию *Барадея*, удалось объединить всех монофизитов Сирии и Месопотамии и устроить монофизитское общество. Рукоположенный, низложенными Юстинианом, монофизитскими епископами в епископа всех монофизитов Сирии и Месопотамии, Иаков Барадей в продолжение тридцати слишком лет (541–578 гг.) с успехом действовал в пользу монофизитства. В одежде нищего ходил он по странам, населенным монофизитами, посвящал епископов,

пресвитеров и, наконец, даже устроил монофизитский патриархат в Антиохии. От этого Иакова Барадея монофизиты Сирии и Месопотамии получили название *иаковитов* или *якобитов*, с каковым остаются и до настоящего времени. – Армянская церковь также отпала от союза с Церковью вселенскою, впрочем не потому, что усвоили себе монофизитское учение, а потому, что, вследствие некоторых недоразумений, не приняла постановлений четвертого вселенского халкидонского собора и послания папы Льва Великого. Недоразумения были такого рода. На халкидонском соборе (451 г.) представителей армянской церкви не было, почему в ней неизвестны были в точности постановления этого собора. А между тем в Армению приходили монофизиты и распространяли ложный слух, что на халкидонском соборе восстановлено несторианство. Правда, постановления халкидонского собора скоро появились и в армянской церкви; но, по незнанию точного значения греческого слова: φύσις (естество) армянские учителя, при переводе на свой язык, принимали его в значении лица, в потому утверждали, что в И. Христе одна φύσις, разумея под этим единое лице; про тех же, которые говорили, что в И. Христе два φύσις, они думали, что те разделяют Христа на два лица т. е. вводят несторианство. Далее, в греческой церкви долгое время (во второй половине V в.) происходили споры о важности халкидонского собора; эти споры отозвались и в армянской церкви: на соборе в Эчмиаздине 491 г. армянами принят был энотикон Зенона и отвергнут был собор халкидонский. В тридцатых годах VI столетия, когда многие монофизиты бежали от преследований Юстиниана в Армению и здесь поддерживали прежний ложный слух о халкидонском соборе, армянская церковь решительно высказалась против этого собора. В 536 г. на соборе в Тиве халкидонский собор был осужден. С этого времени армянская церковь отпала от союза с Церковью вселенскою и образовала из себя, как видно из предыдущего, не столько еретическое общество, сколько раскольничье, так как в учении о естествах в Иисусе Христе она была согласна с учением, утвержденным Церковью, и разнилась только в словах²²⁰. В отделившейся армянской церкви кроме своеобразного учения о естествах в Иисусе Христе, образовались и некоторые особенности в церковном устройстве, существующие до настоящего времени. Так у армян трисвятая песнь читается и поется с монофизитским прибавлением: распныйся за ны; евхаристия совершается (с начала VI в., по влиянию сирских монофизитов) на опресноках, причем вино не смешивается с водою; праздник Рождества Христова празднуется вместе с Богоявлением и рождественский пост продолжается до дня

Богоявления и проч. Армянская церковь состояла и состоит под управлением своего патриарха, так называемого, католикоса.

§ 21. Ересь монофелитов и шестой вселенский собор

Ересь монофелитов составляет продолжение, или даже видоизменение ереси монофизитов. Она вышла из стремлений византийского правительства во что бы то ни стало присоединить монофизитов к православной Церкви. Император Ираклий (611–641 г.), один из лучших государей византийской империи, очень хорошо понимал, какое зло для государства приносит с собою религиозное разделение, и потому, подобно своим предшественникам, принял на себя задачу уничтожить религиозное разделение. В двадцатых годах VII столетия, Ираклий, во время похода на персов, виделся с монофизитскими епископами, – между прочим, Афанасием, патриархом сирских монофизитов, и Киром, епископом Фазиса (в Колхиде), – и входил с ними в рассуждения по поводу спорного вопроса о двух естествах в И. Христе. Монофизитские епископы подали императору мысль, что монофизиты может быть, согласятся присоединиться к православной Церкви, если последняя признает, что в Иисусе Христе одно действование (ἐνέργεια), или, что тоже, одно обнаружение воли, одна воля. Вопрос об одной или двух волях в Иисусе Христе был еще нераскрыт Церковью. Но признавая в И. Христе два естества, очевидно, Церковь признавала вместе с тем две воли, так как два самостоятельные естества – Божеское и человеческое – должны иметь каждое и самостоятельные действия т. е. в Нем при двух естествах должны быть две воли. Противоположная же мысль – признание при двух естествах одной воли, – есть сама в себе противоречие: отдельное и самостоятельное естество немислимо без отдельной и самостоятельной воли. Должно быть что-нибудь одно: или в И. Христе одно естество и одна воля, или два естества и две воли. Монофизиты, предлагавшие учение о единой воле, развивали только дальше свое еретическое учение; православные же, если бы приняли это учение, впали в противоречие сами с собою, признав правильным учение монофизитское. – У императора Ираклия была одна цель присоединить монофизитов; поэтому, не обращая внимания на сущность предлагаемого учения, он горячо взялся за дело присоединения монофизитов на основании его. По его совету, Кир епископ Фазиса обратился с вопросом относительно учения о единой воле к Сергию, патриарху константинопольскому. Сергий отвечал уклончиво, высказывая, что на соборах не было решения этого вопроса, но что некоторые из отцов допускали единое животворящее действие во Христе, Боге истинном;

впрочем, прибавлял Сергий, если будет найдено у других отцов другое учение, утверждающее две воли и два действия, то следует согласиться на последнее. Очевидно все-таки было, что ответ Сергия благоприятствовал учению о единоволлии. Поэтому, Ираклий пошел дальше. В 630 г. он признал законным патриархом Антиохии монофизита Афанасия, согласившегося на унию и в том же году, когда патриаршая кафедра в Александрии была праздною, сделал патриархом александрийским Кира, епископа Фазиса. Киру и поручено было войти в сношение с александрийскими монофизитами относительно соединения с православною Церковию на основании учения о единоволлии. После некоторых переговоров с монофизитами, особенно умеренными, Кир издал (633 г.) девять согласительных членов, из которых в одном (7-м) высказывалось учение о едином богомужном действовании во Христе или о единой воле. Умеренные монофизиты признали эти члены и вступили в общение с Киром; строгие же отказались. В это время в Александрии находился один монах из Дамаска Софроний, любимый ученик известного александрийского патриарха Иоанна Милостивого. Когда монофелитская ересь выступила открыто, Софроний первый выступил на защиту православия. Он ясно и отчетливо доказывал Киру, что учение о единоволлии в сущности есть монофизитство. Представления его не имели успеха, равно как не имели успеха такие же его представления в Константинополе патриарху Сергию, принявшему девять членов Кира. В 634 г. Софроний поставлен был патриархом иерусалимским и еще с большею ревностью защищал православие. Он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство, и в сильном послании к другим патриархам изложил основания православного учения о двух волях во Христе. Хотя в 637 году Иерусалим был завоеван арабиянами-мусульманами и иерусалимский патриарху был оторван от общецерковной жизни, но его послание производило большое впечатление на православных империи. – Между тем Сергий константинопольский писал к папе Гонорию по поводу учения о единоволлии, и Гонорий, с своей стороны, также признал это учение православным, хотя и советовал избегать рассуждений о нем, как бесполезных словопрений. – Споры все-таки возникли. Ираклий, желая положить им конец, в 638 году издал, так называемое, изложение веры (ἔκθεσις), в котором, излагая православное учение о двух естествах в И Христе, запрещал говорить о Его волях, хотя и прибавлял, что православная вера требует признания одной воли. Преемник Сергия константинопольского, Пирр, принял и подписал екфесис. Но преемники папы Гонория встретили его неблагосклонно. В

тоже время жарким защитником православия выступил константинопольский монах Максим Исповедник, один из глубокомысленных богословов своего времени. Из Александрии, – где он был еще в то время, как Кир издал свои девять членов, и вместе с Софронием восставал против них, – Максим переселился в североафриканскую церковь, и отсюда писал горячие послания на восток в защиту православия. Здесь же он имел диспут (645 г.) с низложенным патриархом константинопольским Пирром, переселившимся также в Африку, и убедил его отказаться от единоволгия. По влиянию Максима, в Африке состоялся собор (646 г.), на котором монофелитство было осуждено. Из Африки Максим вместе с Пирром перешли в Рим и здесь с успехом действовали в пользу православия. Папа Феодор отлучил от церковного общения Нового патриарха константинопольского Павла, принявшего екфесис.

После Ираклия на императорский престол вступил Констанс II (642–668 г.). Церковное разделение с Африкою и Римом было слишком опасно для государства, особенно в виду того, что мусульмане, завоевавшие уже Египет (640 г.), наступали сильнее и сильнее на империю. Констанс решился уничтожить ненавистный екфесис. В 648 г. он издал образец веры (τύπος), в котором, заставляя всех веровать согласно с бывшими пятью вселенскими соборами, запрещал говорить как об одной, так и о двух волях. Православные справедливо видели в этом типосе покровительство монофелитству, так как с одной стороны эта ересь не осуждалась, а с другой запрещалось учить о двух волях в И. Христе. Поэтому, они продолжали борьбу. Папа Мартин I (с 649 г.) собрал в Риме большой собор (649 г.), на котором осудил монофелитство, всех защитников его, а также екфесис и типос, и акты собора отправил в Константинополь к императору с требованием восстановить православие. Констанс счел такой поступок возмущением и поступил с Мартином слишком жестоко. Он поручил экзарху Равеннскому Каллиоппе привести его в Константинополь. В 653 г. Мартина схватили в церкви и, после продолжительного путешествия, во время которого он вытерпел много стеснений, привезли в Константинополь. Вместе с Мартином захватили в Риме и привезли в Константинополь и Максима Исповедника. Здесь папу ложно обвинили в политических преступлениях и сослали в ссылку в Херсонес (654 г.), где он умер от голода (655 г.). Участь Максима была печальнее. Разного рода пытками заставляли его отказаться от своих сочинений и признать типос. Максим оставался непоколебимым. Наконец, император приказал вырезать ему язык и отрубить руку. Изуродованного таким образом

Максима отправили в ссылку на Кавказ в землю Лазов, где он и умер (662 г.). После таких жестокостей православные замолкли на некоторое время. Восточные епископы принуждены были принять типос, западные не возражали.

Наконец, император Константин Погонат (668–685 г.) при котором снова началась борьба православных с монофелитами, решил дать торжество православию. В 678 г. он низложил патриарха константинопольского Феодора, явного монофелита и на его место поставил пресвитера Георгия, склонявшегося к православному учению о волях. Затем император в 680 г. собрал в Константинополе шестой вселенский собор, называемый трулльским²²¹. Папа Агафон прислал на собор своих легатов и послание, в котором, на основании послания Льва Великого, раскрывалось православное учение о двух волях в И. Христе. Всех епископов на соборе было 170. Были, между прочим, тут патриархи александрийский, антиохийский и иерусалимский; император также присутствовал на соборе. Всех заседаний собора было 18. На защиту монофелитства в первые же заседания выступил антиохийский патриарх Макарий, самый ревностный из монофелитов; ему возражали папские легаты, доказывая, что на основании древних отцов необходимо признавать в И. Христе две воли. С легатами согласились патриарх константинопольский Георгий и другие восточные епископы. Но Макарий, не смотря на все убеждения, не хотел отказаться от ереси, почему был осужден собором и низложен, а императором выслан из Константинополя. Некоторые монахи, из которых многие присутствовали на соборе, также не соглашались принять две воли. В 15-м заседании один из них, до фанатизма преданный ереси, Полихроний предложил даже доказать истинность монофелитского учения чудом: он вызвался воскресить умершего. Опыт был дозволен и, разумеется, Полихроний не воскресил умершего. Собор осудил Полихрония, как еретика и возмутителя народа. В заключение всего собор таким образом определил православное учение о двух волях в И. Христе: «исповедуем две естественныя воли или хотения в Нем (т. е. Иисусе Христе) и два естественныя действия, неразлучно, неизменно, нераздельно, неслиянно; два же естественныя хотения – не противныя, – да не будет, как нечестивые еретики проповедывали, – но Его человеческое хотение не противустоящее, или противоборствующее, а последующее, подчиняющееся Его Божественному и Всемогущему хотению». Вместе с тем, запретив проповедовать иначе учение веры и составлять иной символ, собор наложил анафему на всех монофелитов, между прочим, на Сергия,

Кира, Пирра, Павла, Феодора и папу Гонория. Заседания собора окончились уже в 681 г. На так называемом пято-шестом трулльском соборе 692 г., дополнившем определения V и VI вселенских соборов и составляющем как бы продолжение VI собора, догматическое определение последнего о двух волях в И. Христе было подтверждено снова.

После соборных определений монофелитство на востоке пало, начале VIII века император Филиппик Вардан (711–713 г.) восстановил было эту ересь в империи, в видах утверждения себя на престоле при помощи партии монофелитов, но с низвержением Филиппика низвержена была и ересь. Только в Сирии осталась небольшая партия монофелитов. Здесь в конце VII в. монофелиты сосредоточились на Ливане в монастыре и около монастыря аввы Марона (живш. в VI в.), выбрали себе патриарха, который назывался также Мароном, и образовали самостоятельное еретическое общество, под именем маронитов. Марониты существуют и до настоящего времени.

§ 22. Ересь иконоборческая и седьмой вселенский собор

Иконопочитание в IV и V веках пошло во всеобщее употребление в христианской Церкви. По церковному учению почитание икон должно состоять в почитании лица, изображенного на них. Такого рода, почитание должно выражаться благоговением, поклонением и молитвою лицу, изображенному на иконе. Но к VIII в. к такому церковному учению стали примешиваться неправославные взгляды на иконопочитание, особенно в простом народе. Простой народ, вследствие недостаточности религиозного образования, по большей части, придавал внешности и обрядности в религии главное значение. Смотря на иконы и молясь пред ними, люди необразованные забывали возноситься умом и сердцем от видимого к невидимому и даже мало-по-малу усвоили убеждение, что лица, изображаемые на иконах не отделимы от икон. Отсюда, легко развилось поклонение собственно иконам, а не лицам изображаемым, – развилось суеверие, граничащее с идолопоклонством. Естественно, что явились стремления уничтожить такое суеверие. Но, к несчастью Церкви задачу уничтожить суеверие приняла на себя гражданская власть, отстранивши духовную. Вместе с суеверным почитанием икон, гражданская власть, под влиянием еще политических соображений, стала уничтожать иконопочитание вообще и произвела, таким образом, ересь иконоборческую.

Первым гонителем иконопочитания был император Лев Исаврянин (717–741 г.). Это был государь храбрый, с успехом защищавший империю от нападений срацин-магометан. Обратив внимание на церковные дела и, между прочим, на суеверия в иконопочитании, он решился уничтожить последние полицейскими мерами, и до того увлекся своею ролью церковного деятеля, что вместе с суевериями захотел уничтожить и истинное иконопочитание. Он не отделял суеверного почитания икон от истинного; всякого рода почитание икон казалось ему суеверным. Как грубому воину, Льву Исаврянину недоступны были возвышенные чувствования и стремления; он не понимал или не хотел понять, что от изображения того или другого лица, на иконе можно возвышаться умом и сердцем к самому лицу. По своей грубости он полагал, что если поклоняются иконам, то поклоняются именно иконам. К тому же, упоенный своими успехами в битвах с срацинами, Лев составил несчастный план обратить в христианство как магометан, так и иудеев

уничтожением иконопочитания, которым соблазнились и над которым смеялись те и другие. Предположенное уничтожение икон Лев Исаврянина начал довольно осмотрительно. Сначала (726 г.) он издал эдикт только против поклонения иконам, для чего приказал поставить их в церквах повыше, чтобы народ не лобызал их. Против такого распоряжения восстал патриарх константинопольский Герман. За ним на защиту иконопочитания выступил знаменитый Иоанн Дамаскин, впоследствии монах обители св. Саввы в Палестине. Этот написал горячее послание против иконоборства и отправил его в Константинополь. Между прочим, на возражения врагов иконопочитания, он доказывал, что если в ветхозаветной Церкви запрещено было делать изображение Бога, то такое запрещение не приложимо к Церкви новозаветной, когда Сам Бог принял естество человеческое и жил на земле, как человек. Выступил на защиту иконопочитания и папа Григорий II. Он написал императору письмо, в котором высказывал, что христиане почитают не иконы, а изображаемые на них лица, что иконопочитание вошло во всеобщее употребление, что даже дети, обучающиеся в школах, – если прийти к ним и говорить против иконопочитания, – забросают за это своими учебными досками и что, наконец, если император будет настаивать на уничтожении иконопочитания, Рим отойдет из под его власти. Народ также возмущен был распоряжением императора и открыто выражал свое недовольство. Так, когда приказано было снять особенно почитаемую икону Христа Споручника, стоявшую под воротами императорского дворца, масса православных, окружавшая лестницу, по которой взбирался солдат для исполнения приказания, столкнула лестницу и умертвила солдата. Икона все-таки была снята. А на цикладских островах произошло даже настоящее восстание. Лев, впрочем, успел усмирить мятежников, и еще с большим рвением принялся за уничтожение иконопочитания. В 730 г. издан был эдикт, которым повелевалось вынести из храмов все иконы. Патриарх Герман отказался выполнить такое распоряжение и был низложен (733 г.), а на его место поставлен Анастасий, подчинившийся приказанию императора. Иконы были вынесены из храмов; епископы, противившиеся этому, низложены. Из епископов нашлись, впрочем, и такие, которые добровольно помогали императору в уничтожении иконопочитания. Таков напр. Константин фригийский, удаливший из своих церквей иконы еще после первого эдикта. – Но иконы можно было удалить из храмов только в пределах Византийской империи. В Сирии, которая находилась под властью срацин, и в Риме, который почти совсем не признавал над собою власти византийского императора, Лев не мог заставить выполнить свой

эдикт. Восточный церкви, находившиеся под властью срацин, прекратили общение с греческою церковью, а Иоанн Дамаскин написал еще два послания против иконоборцев. Также и папа Григорий III (731–741г.), стоявший, подобно своему предшественнику, на стороне иконопочитателей, восстал против императорского эдикта. В 732 г. он созвал в Риме собор, на котором предал проклятию иконоборцев. Лев захотел наказать папу, отправил было в Италию флот, но так как последний был разбит бурей, то ограничился только тем, что отнял у папы Иллирийский округ, присоединив его к патриархату константинопольскому. В 741 г. Лев Исаврянин умер, достигнув только того, что иконы были выведены из церковного употребления; вывести же их из домашнего употребления он не мог, при всей своей жестокости.

По смерти Льва иконопочитание на некоторое время было восстановлено. Зять Льва, Артабазд, при помощи иконопочитателей, занял императорский престол, помимо сына и наследника Льва, Константина Копронима. Иконы опять появились в храмах, и опять началось открытое иконопочитание. Но к 743 г. Константин Копроним свергнул с престола Артабазда, и, подобно своему отцу, начал преследовать иконопочитание, только еще с большею настойчивостью и жестокостью. Копроним хотел торжественно, с соблюдением законности, уничтожить иконопочитание, как ересь, и для этого в 754 г. составил в Константинополе собор, который назвал вселенским. На соборе было 338 епископов, но не было ни одного патриарха. Здесь положено было, что иконопочитание есть идолопоклонство, что иконопочитатели возобновляют или несторианство или евтихиаство, что единственный образ Христа Спасителя – это Евхаристия и т. м. В доказательство собор приводил места из Св. Писания, толкуя оные односторонне и неправильно, а также из древних отцов или подложные, или искаженные, или с неправильным толкованием. В заключение собор предал анафеме всех защитников иконопочитания и иконопочитателей, особенно Иоанна Дамаскина, и постановил, что кто после этого будет сохранять иконы и почитать их, тот, – если духовное лицо, – подвергается извержению из сана, если мирянин или монах – отлучается от общения церковного и подвергается наказанию по императорским законам. Все епископы согласились на соборные определения – одни по убеждению, другие – и большая часть – по страху пред императором. На соборе же, на место умершего пред тем иконоборческого патриарха Анастасия, поставлен был патриархом константинопольским епископ Константин из Фригии, заявивший себя особенною враждою к иконопочитанию. Определения собора были

приводимы в исполнение с необыкновенною жестокостию. Преследования простирались даже на домашнее иконопочитание. Только в тайных, недоступных полиции местах, православные могли сохранять иконы. Особенно жестоко поступал император с монахами, самыми ревностными иконопочитателями; монастыри были обращаемы в казармы или конюшни, монахи изгоняемы, а некоторые из них, открыто порицавшие действия императора и защищавшие иконопочитание предаваемы мучительной смерти. Не останавливаясь на иконопочитании, Копроним пошел еще дальше; он хотел уничтожить почитание святых и их мощей, считая то и другое суеверием. Поэтому, мощи святых были или сожигаемы или бросаемы в море. Воля императора была исполняема везде, кроме Рима. В то время, как Константин Копроним осуждал на своем вселенском соборе иконопочитание, папа приводил в исполнение план относительно отделения Рима от Византийской империи. Равеннским экзархатом, принадлежавшим греческой империи, завладели лонгобарды (752 г.). Папа Стефан III пригласил на помощь Франкского короля, Пипина, который прогнал лонгобардов, а отнятые у них земли подарил апостольскому престолу т. е. папе (755 г.). Греческое владение в Италии после этого кончилось. Стефан, сделавшись независимым, не стесняясь мог отвергнуть все постановления иконоборческого собора 754 г.

Константин Копроним умер 775 г. Ему наследовал сын его Лев Хазар (775–780 г.). Этот воспитан был в духе иконоборческом и, по завещанию отца, должен был действовать против иконопочитания. Но Лев был человек слабохарактерный; на него имела большое влияние его жена Ирина, державшаяся втайне иконопочитания. Под ее покровительством, изгнанные монахи опять стали появляться в городах и даже в самом Константинополе, епископские кафедры стали замещаться тайными преверженцами иконопочитания и т. и. Только в 780 г., по поводу найденных в спальне Ирины икон, Лев начал было крутыми мерами подавлять пробуждавшееся иконопочитание, но в том же году умер. За малолетством его сына, Константина Порфирородного (780–802 г.) управление государством взяла в свои руки Ирина. Теперь она решительно объявила себя в пользу иконопочитания. Монахи беспрепятственно заняли свои монастыри, появлялись на улицах и пробуждали в народе угасавшую любовь к иконам. Мощи мученицы Евфимии, брошенные в море при Константине Копрониме, были вынуты из воды, и им начали воздавать должное почитание. Патриарх константинопольский Павел, бывший в числе врагов иконопочитания, при таком обороте дела, нашелся вынужденным сойти с кафедры и удалиться в монастырь. На место его, по

желанию Ирины, поставлен был один светский человек, Тарасий, приверженец иконопочитания. Тарасий принимал патриарший престол с тем, чтобы восстановлено было общение с церквами римскою и восточными, прекратившееся во времена иконоборческие, и чтобы созван был новый вселенский собор для утверждения иконопочитания. Действительно, с согласия Ирины, он писал папе Адриану I о предполагаемом восстановлении иконопочитания и приглашал к участию на вселенском соборе. Восточным патриархам также отправлены были приглашения. В 786 г., наконец, открыт был в Константинополе собор. Папа прислал легатов, от лица восточных патриархов явились два монаха, как их представители. Собралось на собор также много греческих епископов. Но собор в этом году не состоялся. Между епископами большинство было против иконопочитания. Они начали составлять тайные собрания и рассуждать в духе иконоборческом. К тому же императорские телохранители, состоявшие из старых солдат Константина Копронима, не хотели допустить восстановления иконопочитания. В одно заседание собора иконоборческие епископы подняли шум, а телохранители между тем неистовствовали на дворе помещения собора. Тарасий принужден был закрыть собор. В следующем 787 г., когда Ирина заблаговременно уволила от службы иконоборческие войска, собор спокойно был открыт в Никее. Это был второй никейский, седьмой вселенский собор. Собралось 367 отцов. Хотя и тут были иконоборческие епископы, но их было меньше православных. Всех заседаний собора было восемь. Прежде всего Тарасий, как, председатель, предложил свою речь в пользу иконопочитания, затем прочитана была такая же речь Ирины. Православные епископы согласились с тою и другою. Иконоборческим же епископам Тарасий предложил, что если они покаются и примут иконопочитание, то будут оставлены в архиерейском сане. Вследствие такого предложения и иконоборческие епископы согласились признать иконопочитание и подписали отречение от иконоборства. Далее, читали послание папы Адриана об иконопочитании, приводили доказательства в пользу иконопочитания из Св. Писания, Св. Предания и писаний отцов Церкви, разобрали действия иконоборческого собора 754 г. и нашли его еретическим. Наконец, предав анафеме всех иконоборцев, отцы седьмого вселенского собора составили вероопределение, в котором, между прочим, сказано: «храним ненововводно все, писанием и без писания установленныя для нас церковные предания, из которых одно касается иконнаго живописания определяем: подобно изображению честнаго и животворящаго креста, полагать во святых божиих церквах, на священных

сосудах и одеждах, на стенах и на дсках, в домах и на путях, честныя и святыя иконы, написанныя красками и из дробных камней и из другого способнаго к тому вещества устрояемая, как-то иконы Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и Непорочныя владычицы нашея Святыя Богородицы, также и честных Ангелов, и всех святых и преподобных мужей. Ибо когда чрез изображение на иконах лики Спасителя, Богородицы и друг. бывають видимы, то взирающие на них побуждаются к воспоминанию и люблению первообразов их, и чествованию их лобызанием и почитательными поклонением, не собственным, по вере нашей, богопоклонением, которое приличесвует единому Божескому естеству, но почитанием, воздаваемым изображению честнаго и животворящаго креста и святому евангелию и прочим святыням». Кроме того собор постановил, чтобы все сочинения, написанные еретиками против иконопочитания были представляемы константинопольскому патриарху, а скрывающим такие сочинения назначил – духовным лицам извержение из сана, мирянам – отлучение от Церкви. – Заседания собора в Никее окончились. Осьмое и последнее заседание было в Константинополе, в присутствии Ирины. Здесь определения собора прочитаны были торжественно и утверждены императрицею. Согласно определению собора иконопочитание было восстановлено во всех церквях.

Глава 3. Духовное просвещение и богословские науки

§ 23. Общий взгляд на состояние духовного просвещения во второй период

Духовное просвещение, развившееся в значительной степени еще в III веке, с признанием христианства религиею господствующею в греко-римской империи, в IV в., достигло своего высшего процветания. Обстоятельства, содействовавшие возвышению духовного просвещения были внешние и внутренние. С одной стороны, более спокойные времена, наступившие за гонениями, дали возможность многим из даровитых христиан посвящать себя занятиям богословскими науками, с другой самое состояние христианского вероучения вызывало усиленную деятельность на поприще духовного просвещения. Св. Писание было еще не вполне истолковано и изъяснено; многие догматы, рассуждения о которых начаты были в предшествовавшие времена, не были уяснены и не получили обще-церковного определения. Христианским богословам предстояло, таким образом, обширное поприще для исследований. И действительно, в IV и V веках, мы видим целый ряд замечательных богословов, посвятивших себя исследованию всех сторон христианского вероучения. Отличительные черты их – это разнообразие предметов, входивших в круг их миросозерцания, самостоятельность, оригинальность, ширина и глубина воззрений. Христианские школы, основанные в прежние времена, служили и теперь рассадниками духовного просвещения. Многие из великих отцов и учителей Церкви IV и V веков обязаны им своим богословским образованием, хотя некоторые из них достигали обширных богословских познаний и самостоятельным трудом. – С VI века, вследствие разных неблагоприятных обстоятельств, богословские школы, а с ними и духовное просвещение, начинают упадать. Самостоятельных и оригинальных трудов по разным отраслям богословия не видно уже более. Только в половине IX в. на греческом востоке пробуждается опять любовь к просвещению и начинается усиленная умственная деятельность, направленная сланным образом к изучению древне-классической литературы. Эта деятельность отразилась и на духовном просвещении.

§ 24. Главные богословские школы и направления на востоке в IV и V веках

В IV и V веках, особенно замечательными богословскими школами на востоке были: ново-александрийская, антиохийская и восточно-сирийская (эдесско-низибийская). По своему направлению последняя примыкала к школе антиохийской; антиохийская же и ново-александрийская имели каждая свое особое направление.

А, школа ново-александрийская. Богословская школа в Александрии была в славе еще в III веке. Знаменитый учитель ее, Ориген, довел ее до цветущего состояния. Он же своими глубокомысленными богословскими умозрениями и мистико-аллегорическим толкованием Св. Писания упрочил в ней созерцательное направление. С начала IV века, впрочем, направление, сообщенное Оригеном александрийской школе, начало колебаться. Ориген как в своих догматических воззрениях, так и в толковании Си. Писания доходил иногда до крайностей, так что становился в противоречие с церковным преданием. Эти-то крайности оригеновского умозрения в начале IV в. представители александрийской школы отвергли, не отвергая в принципе установившегося уже созерцательного направления. В своих исследованиях о догматах веры, наравне с философским умозрениями, они стали принимать во внимание и церковное предание, проверяя и доказывая им свои, выработанные при помощи разума, воззрения на догматы. Вследствие такого, несколько измененного, направления, принятого александрийскою школою, она называется ново-александрийскою. Стремление сообразоваться с церковным преданием в воззрениях на догматы веры составляет ее характеристическую черту.

Новое направление александрийской школе сообщил Св. Александр, епископ александрийский (ум. 326 г.), первый защитник православия против арианства. Другой поборник православия, еще более знаменитый, Св. Афанасий Великий (ум. 373 г.,) является самым лучшим представителем ново-александрийской школы. У него глубокие умозрения в области догматической идут рука об руку с церковным преданием. Обстоятельства жизни великого Афанасия известны; он всю жизнь провел в борьбе с арианами и отчасти другими еретиками. Его сочинения носят отпечаток этой борьбы. Так его четыре слова против ариан представляют полнейшее опровержение всех возражений ариан. В этом сочинении Афанасий обнаружил как глубокое знание Св. Писания и знакомство с

диалектикою, так и свой необыкновенный богословский талант. Теми же достоинствами отличаются и другие догматические его сочинения, напр. четыре письма к Серапиону епископу тмуитскому, в которых он доказывает Божество Св. Духа и равенство Его с Отцом и Сыном против македониан; книга о Св. Духе; послание к Епиктету, епископу коринфскому о божественной и человеческой природе в И Христе и их самостоятельности; две книги против Аполлинария о воплощении и друг. Кроме догматических сочинений у Афанасия есть сочинения историко-полемические и нравоучительные, напр. послание об определениях никейского собора в защиту единосущия, история ариан, написанная к монахам, жизнь Антония Великого и друг.

К ново-александрийской же школе писателей относятся; Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский. Все они обязаны своим богословским образованием оригеновым сочинениям. Василий Великий был родом из Неокесарии в Каппадокии, родился около 330 г. от богатых и благочестивых родителей. Еще в детстве, находясь под руководством своей матери Еммелии и бабки Макрины, женщин благочестивых, он усвоил себе ту благочестивую настроенность, которою всегда отличался в жизни. Общее образование он получил главным образом в Афинах, где познакомился с классиками и философию. В Афинах же он свел дружбу с Григорием Богословом. Приняв в 350 г. крещение, Василий, по склонности к монашеской жизни, отправился изучать монашескую жизнь в Сирии, Палестине и Египте. Затем с другом своим Григорием поселился в пустыне близ Неокесарии. Проводя жизнь аскетическую, они с большим усердием занимались изучением Св. Писания и чтением сочинений Оригена. В 364 г. Василий поставлен был в пресвитера неокесарийского и в этом сане заявил себя ревностным защитником православия: он спас неокесарийскую церковь от впадения в арианство. В 370 г. он сделался епископом неокесарийским и стал во главе православных епископов в борьбе с арианами. Его борьба с арианами известна. Своим умом, ученостию, благочестием, попечительностию о бедных и больных неокесарийской церкви Василий приобрел большое уважение не только между православными, но и неправославными. Церковь, также как и Афанасия, почтила его названием Великого. Василий Великий был многосторонний писатель. Из догматических сочинений его особенно замечательны: три книги против Евномия, в которых весьма основательно опровергаются софизмы и диалектические тонкости главы строгих ариан; книга о св. Духе к Амфилохию в защиту равенства св. Духа с Отцом и Сыном против духоборцев. По части толкования св. Писания Василий

оставил после себя замечательнейшее произведение, беседы на шестоднев, в котором обнаружил знакомство с философскими взглядами на природу и знание естественных наук. Также замечательны его беседы на псалмы, толкование на 16 глав пророка Исаии и друг. В объяснении Св. Писания Василий Великий держался приемов Оригена, избегая, впрочем, его крайностей. Кроме того Василий написал несколько аскетических сочинений; известны, между прочим, его большие и малые монашеские правила. Наконец Василию Великому принадлежит литургия, носящая его имя и доселе.

Св. Григорий Богослов родился около 328 г. в Назианзе, где отец его, также Григорий, был епископом. Образование он получил сначала в Неокесарии у Амфилохия, знаменитого учителя красноречия, потом в Александрии и, наконец, в Афинах, где познакомился с Василием Великим. По окончании образования, приняв крещение, Григорий некоторое время жил с Василием в пустыне. Потом, вызванный отцом в Назианз, посвящен был в сан пресвитера. Здесь, в Назианзе, ему удалось примирить паству с своим отцом, который по своей простоте подписал полуарианский символ. В 372 г. Василий Великий посвятил Григория в сан епископа в Сасим. В 378 г., по приглашению православным и по убеждению Василия, Григорий занял константинопольскую кафедру. Его борьба с арианами и участие в церковных делах того времени известны. Отказавшись от константинопольской кафедры на втором вселенском соборе (381 г.), Григорий проживал в Назианзе до 391 г., когда последовала его кончина. Григорий Богослов, как показывает и самое наименование, присвоенное ему Церковью, был преимущественно пред всеми отцами великим богословом. Отличительная черта его богословствования – ясное и сознательное понимание догматов, напоминающее пророческое прозрение. Замечательно, что Григорий обнаружил свой богословский талант не в сочинениях, а в своих необыкновенно красноречивых словах или проповедях. Известны его пять слов о Богословии, направленные главным образом к утверждению Божественного достоинства Бога Слова и Духа Святаго. Кроме слов, которых вообще у Григория значительное число, он оставил еще много писем догматического и исторического содержания и стихотворений, отличающихся высокою поэзиею.

Св. Григорий еп. Нисский был младшим братом Василия Великого. Подобно Василию, он получил всестороннее философское образование. Первоначально Григорий был учителем красноречия. В 371 г. Василий Великий посвятил его в сан епископа в Ниссу, но, по проискам ариан,

Григорий был лишен кафедры и проводил жизнь странническую, ободряя и поддерживая православных в борьбе с арианами.

Только по смерти Валента, он мог нанять свою кафедру. Григорий умер около 394 г. Из догматических сочинений его более замечательны: *12 слов против Евномия*, в которых с большим остроумием он опровергает все доводы евномиян; *великое огласительное слово*, в котором дает руководство, как действовать при обращении неверующих – иудеев и язычников, и представляет доказательства от разума относительно истинности христианства, главным образом, догмата воплощении Бога Слова. По изъяснению Св. Писания известны его беседы на *Екклесиаста*, *Песнь песней*, *Молитву Господню*, *блаженства* и друг. Как в своих богословских воззрениях, так и в толковании Св. Писания, Григорий Нисский ближе всех отцов стоит к Оригену. У него тоже стремление объяснять догматы по началам разума, те же оригинальные догматические воззрения и тот же аллегоризм в толкования Св. Писания.

Собственно в Александрии замечательным представителем ново-александрйской школы после Афанасия Великого был слепец Дидим. Он еще на четвертом году жизни ослеп, но, не смотря на это, достиг громадной учености, так что сделался катехетом александрийской школы. Умер 395 г. Дидим был жарким почитателем Оригена и даже разделял некоторые из его оригинальных мнений, но в богословских вопросах, занимавших тогда общество напр. в учении о Сыне Божиим и Св. Духе, он строго держался православного учения. Дидим писал комментарии почти на все Св. Писание, но они потеряны; сохранились *три книги о Св. Троице* и *книга о Св. Духе*.

В V веке представителем ново-александрйской школы был Св. Кирилл Александрийский. Он был племянником известного Феофила, вместе с ним был на соборе (под дубом) 403 г., осудившем Златоуста и некоторое время, по вступлении на александрийскую кафедру, стоял на стороне врагов Златоуста. Вторую половину своего епископства, с конца 20-х годов V столетия, Кирилл провел в борьбе с несторианством. Умер 444 г. Кроме основательного сочинения *против Юлиана отступника*, Кириллу принадлежат следующие сочинения: *о Святой и Единосущной Троице*, *пять книг прогнив Нестория*, *12 анафематизмов* против него же, *против антропоморфитов* и проч. По изъяснению Св. Писания Кирилл написал *толкования на евангелия Луки и Иоанна*, *послания к евреям, коринфянам, на пророка Исаию и меньших пророков* и проч. В своих толкованиях он держался вообще приемов александрийской школы т. е. аллегоризма. Св. Кирилл был последним замечательным писателем ново-

александрійської школи. Ще при його житті деякі з його сторонників довели напрямлення александрійської школи до крайності, разрешившись, після смерті Кирила, ересью монофизитською. С цього часу ново-александрійська школа втратила своє значення для православної Церкви.

Б) *антиохійська школа*. Вона заснована була в кінці III століття; в IV столітті досягла свого вищого процвітання. Напрямок її був протилежно напрямленню школи александрійської. В останній, як видно з попереднього, переважало напрямлення созерцальне, виражавшись умозреллями в дослідженнях о догматических питаннях і аллєгоризмом в тлумаченні Св. Писання. Антиохійська школа, навпаки, відкидала всяку відволеченість в розумінні догматів. Вона прагнула до ясному і отчетливому розумінню християнського віровчення, все таємниче і незрозуміле в ньому старалася пояснити згідно логіческим вимогам розуму і зробити повністю зрозумілим, так щоб для кожного віруючого не залишалося ніякої таємниці в віровченні. Тлумачення Св. Писання в антиохійській школі також було чуждо аллєгоризму і таємничості. Дослідження буквального змісту писання, при посібії філології, археології і проч. було її головною задачею. Подібно александрійській школі, школа антиохійська, в лиці своїх найкращих представителів, принесла велику користь духовному просвіщенню. З числа таких представителів в IV і V століттях більш помітними були наступні:

Св. Кирил ієрусалимський. Вихований при церкві ієрусалимській, він околом 346 г. поставлен був пресвітером, а в 356 г. єпископом тієї же церкви. Після деяких коливань між православ'ям і полупеліанством, Кирил склонився остаточно на сторону никейського ісповідання. За це він підвергся переслідуванню со стороны известного ариана Акакия кесарийского, который успел объявить его лишенным престола (357 г.). При Юлиане Кирил получил опять свою кафедру, но при Валенте снова принужден был оставить ее (367 г.). Только по вступлении на престол Феодосия Великого (378 г.) иєрусалимський пастырь мог утвердиться на своей кафедре. В 381 г. он был на втором вселенском соборе в числе ревностных защитников православия. Умер в 386 г. Св. Кирил был образованным богословом; из оставленных им сочинений преимущественно обращают на себя внимание 23 *огласительных поучений*, из коих 18 к готовящимся к крещению и 5 к новокрещенным. Это – спокойное, ясное, простое и удобопонятное изложение догматов веры по членам символа, без всяких умствований, с

присоединением опровержения древних и современных ему еретиков.

Св. Иоанн Златоуст. Он был одним из лучших и замечательнейших представителей антиохийской школы, чуждый ее крайностей. Родился около 347 г. в Антиохии; первоначальное воспитание получил под руководством своей благочестивой матери *Анфузы*. Светские науки, особенно красноречие, изучал под руководством Ливания, а изъяснение Св. Писания у учителя антиохийской школы, пресвитера Диодора. Почувствовав призвание к иноческой жизни, Иоанн удалился к пустынникам и проводил с ними подвижническую жизнь. В 386 г. он поставлен в пресвитера антиохийской церкви и в этом сане ревностно занимался проповедованием Слова Божия, не оставляя в то же время аскетической жизни. Его простые общедоступные, увлекательные беседы приобрели ему славу великого проповедника. В 397 г., по желанию императора Аркадия, за святость жизни и красноречие, он избран был в архиепископа константинопольского. В новом сане он посвятил всего себя на служение своей пастве: исправлял нравы клира, постоянно учил народ, заботился о бедных, больных и всех притесняемых и проч. Судьба Златоуста в Константинополе известна. Лишенный, вследствие разных интриг, кафедры, он сослан был в заточение, в котором и умер (407 г.). Златоуст обладал необыкновенным проповедническим талантом, что показывает и самое название Златоуста, усвоенное ему современниками. В своих беседах он изъяснял по преимуществу Св. Писание. Отличительные черты его толкований – простота, наглядность, общедоступность и увлекательность. Не доверяя аллегорическому изъяснению писания, он обращал преимущественное внимание на смысл буквальный. Ему принадлежат: *беседы на евангелие Матфея, послание к Римлянам, 1-е Коринфянам, Галатам, Ефесеям* и проч. Из догматических его бесед замечательны: *12 бесед о непостижимом* против Евномия, *о провидении против иудеев и язычников*. Златоусту принадлежит еще, кроме других многих сочинений, *литургия*, носящая его имя.

Блаженный Феодорит, епископ кирский. Он получил богословское образование в антиохийском училище вместе с Иоанном антиохийским и Несторием. Сделавшись в 422 г. епископом Кира (на Ефрате), он обратил все свое внимание на еретиков своей епархии, и многих из них присоединил к Церкви. Как друг и товарищ Нестория и воспитанник антиохийского училища, Феодорит, во время несторианских споров, стоял за Нестория. Только впоследствии, после долгих переговоров с Кириллом александрийским, он решился отказаться от него. При появлении ереси монофизитской он является в числе первых ее обличителей. На

халкидонском соборе (451 г.), подозреваемый в ереси несторианской, Феодорит окончательно осудил Нестория и умер в мире с Церковью (457 г.). Из сочинений Феодорита, кроме полемических в защиту Нестория и в опровержение монофизитства, особенно замечательны следующие: *толкования на Псалмы, Песнь песней, на пророков и послания Ап. Павла; церковная история*, обнимающая время от 323 г. до 428 г.: *обзор еретических басней* в 5 книгах и друг. Объяснение Св. Писания у Феодорита просто, ясно и чуждо аллегоризма. Церковная история его отличается беспристрастием: он излагает события на основании подлинных документов и даже иногда приводит их вполне. В обзоре еретических басней он рассматривает все ереси, начиная с гностиков и кончая монофизитством. Это сочинение отличается ясностью и последовательностью мыслей.

и В) *школа восточно-сирийская* (эдесско-низибийская). Эта школа, по своему направлению, примыкала к школе антиохийской. Учителя последней и их произведения были у нее в большом уважении. Эдесско-низибийская школа была основана преподобным *Ефремом Сирым*, который и был ее первым и лучшим представителем. Он родился в конце III в. в окрестностях Низибии, воспитывался под руководством Св. Иакова Низибийского и сначала был учителем сирского языка в основанной им в Низибии школе. В 363 году, после не удачной войны Юлиана с персами, Низибия отошла к последним. Ефрем переселился в Эдессу, где основал новую богословскую школу, в которой толковал Св. Писание и поучал вере и благочестию. Умер он в 372 г., совершив не задолго пред тем путешествие в Египет к тамошним подвижникам. Ефрем Сирийский был одним из замечательнейших учителей веры и благочестия в свое время. Чрез чтение греческих отцов он достиг обширных богословских познаний, что доказывается множеством превосходных оставленных им сочинений. Из них замечательны: *толкование на псалтырь, Навина, судей, царств, Паралипоменон, Иова, великих пророков и некоторых малых, на послания Апостола Павла* и друг. При знании еврейского языка и знакомстве с восточными нравами и обычаями Ефрем был опытным и основательным толкователем Св. Писания, особенно Ветхого завета. Не вдаваясь в аллегоризм, он старался держаться буквального смысла. Кроме толкований, Ефрем оставил еще много сочинений догматико-полемических и аскетических. – Эдесская школа, основанная преподобным Ефремом, служила как бы учебным заведением, в котором получали образование пастыри и учителя сирской церкви. Впрочем, вскоре и эта школа, вслед за антиохийскою, стала проводить

односторонние взгляды на догматы и сделалась еретической. В V в. во время борьбы Церкви с несторианством, учителя ее решительно высказались в пользу Нестория и против Кирилла александрийского. Таков был известный ученый пресвитер Ива, впоследствии епископ эдесский. После Ивы, который еще колебался между православием и несторианством, при *Фоме Варсуме* эдесская школа стала решительно склоняться к несторианству и перенесенная после разрушения ее в Низибию, сделалась средоточием несторианской учености.

§ 25. Духовное просвещение в IV и V вв. на западе

В первые три века духовное просвещение сосредотачивалось преимущественно в церквях восточных; западные церкви в этом отношении далеко отстали от них. Если и появлялись в западных замечательные и оригинальные писатели, напр. из северо-африкаиской школы, то они чужды были всестороннего богословского образования, не знали и не хотели знать ни философии, ни умозрений в области догматической. Нов IV веке во время великих арианских споров, и западные церковные писатели, вовлеченные в эти споры, по необходимости должны были познакомиться с догматическими умозрениями восточных писателей, и, подобно им, вести борьбу с еретиками на почве научной. В этом случае западные церковные писатели в большинстве брали для себя за образец писателей школы ново-александрийской и являлись их подражателями, так как ново-александрийская школа своим стремлением сообразоваться с преданием при решении догматических вопросов, соответствовала издавна установившемуся в западных церквях направлению просвещения. IV век особенно богат такими подражателями. Из них замечательны:

Иларий, епископ Пиктавийский (Пуатьесский). Он происходил из благородной языческой фамилии, принял крещение уже в мужественном возрасте вместе с своею женою и дочерью. Около 350 г., в самый разгар борьбы с арианами, Иларий был избран в епископа своего отечественного города Пуатье. В новом служении очень скоро пришлось ему вступить в борьбу с арианством, именно на Медиоланском соборе (366 г.), в присутствии самого императора Констанция. В числе других западных отцов, защищавших на этом соборе Афанасия, Иларий был сослан в заточение на восток во Фригию. Здесь главным образом познакомился он с спорным догматом о Лице Сына Божия и с воззрениями на него ново-александрийской школы. После четырехлетней ссылки Иларий возвратился на свою кафедру и ревностно заботился об уничтожении в гальской церкви арианства. В 362 г. он путешествовал в Медиолан для обличения тамошнего епископа *Авксентия*, арианина, но не успел в этом. В 368 г. Иларий умер. Заслуги Илария для Церкви так высоко ценили на западе, что называли его Афанасием запада. Иларий не был самостоятельным писателем: по своим догматическим воззрениям он примыкал к писателям ново-александрийской школы, еще более – в своих толкованиях Св. Писания он повторял толкования Оригена. Между его

сочинениями особенно замечательно о *Св. Троице в XII книгах*, написанное во время заточения во Фригии. В нем Иларий защищает главным образом православное учение о Сыне Божиим с теми же приемами, которыми отличались писатели ново-александрийской школы.

Амвросий еп. медиоланский. Он происходил из знатной римской фамилий и сам занимал должность префекта. В 374 г. умер Медиоланский епископ арианин Авксентий; при выборе ему преемника начались споры между православными и арианами. К церкви, где происходил выбор, находился в обязанности службы Амвросий. Детский голос, проговоривши «Амвросий – епископ» – принят был всеми за указание свыше, и Амвросий поставлен был епископом, хотя принял крещение только пред самым посвящением. В епископском сане Амвросий заявил себя ревностною заботою о благе своей паствы и победоносною борьбою с арианством. Умер он в 397 г. Амвросий обладал замечательным ораторским талантом, почему считается одним из лучших проповедников западной церкви. Но он не обладал всесторонним богословским образованием. Сделавшись епископом, вслед за принятием крещения, и вступив таким образом в практическую жизнь, он не имел времени предаваться изучению богословских наук во всей их полноте. При всем том Амвросий был замечательным писателем и писал очень много. Так ему принадлежат следующие догматические сочинения: *пять книг о вере*, в которых, по желанию императора Грациана, он представил краткое, ясное и обстоятельное изложение доказательств единосущия Сына Божия с Отцом; *изъяснение символа веры*; *три книги о Св. Духе*, представляющие извлечение из сочинений Афанасия Великого, Дидима и Василия Великого. Из нравоучительных сочинений Амвросия особенно замечательно – о *должностях служителей*, т. е. Церкви в III книгах. Это сочинение написано в соответствие сочинению Цицерона «о должностях». Амвросий доказывает в нем превосходство нравственного христианского учения пред языческим. По части толкования Св. Писания Амвросий писал преимущественно объяснения на отдельные исторические сказания напр. о Каине и Авеле, Ное, Аврааме, Исааке и проч. Во всех его объяснениях проглядывает оригеновский аллегоризм и мистицизм. *Шестоднев* Амвросия замечателен только тем, что он есть почти буквальный перевод шестоднева Василия Великого.

Блаженный Иероним был одним из ученейших писателей западной церкви. Он был родом из Стридона (в Далмации), родился около 330 г. Общее образование получил в Риме, богословским же образованием обязан востоку, который посетил в первый раз в 372 г. Поселившись в

одной сирской пустыне Халкис, Иероним предался аскетическим подвигам и изучению богословских наук. Здесь изучил он еврейский язык. Затем в продолжение трех лет в Константинополе слушал Григория Богослова, изучал греческий язык и отеческую литературу. В 382 г. уже с богатым запасом богословских знаний Иероним возвратился в Рим и прожил там некоторое время при римском епископе. В 385 г. он опять отправился на восток, слушал в Александрии Дидима и потом окончательно поселился в вифлеемском монастыре, где посвятил себя изучению Св. Писания и толкованию его. Главным занятием его в это время был перевод Св. Писания на латинский язык. Отсюда же он писал много писем на запад, между прочим, против появлявшихся там разных лжеучителей. Споры оригенистические и пелагианские, происходившие в Палестине, в которых принимал участие Иероним, только мешали его ученым занятиям. Умер он в глубокой старости в 420 г. Блаженный Иероним оставил много сочинений. Из догматико-полемиических более замечательны: *против Ювиниана, против Вигилиянца, против Гельвидия* (в защиту приснодевства Богоматери), *против Иоанна иерусалимского, апология против Руфина* и друг. Но главным образом замечательны труды Иеронима по Св. Писанию. Его перевод Св. Писания на латинский язык получил всеобщую известность и принят в церковное употребление на западе. Кроме того он оставил много комментариев, напр. на *Екклесиаста, пророка Исаию, Иеремию, Иезекииля, Даниила, на малых пророков, евангелие Матфея, некоторые послания Ап. Павла* и проч. Иероним хотя и старался в Св. Писании находить прямой, буквальный смысл, но иногда впадал в аллегоризм, подражая писателям ново-александрийской школы. Его сочувствие ново-александрийской школе выразилось и в том, что он перевел на латинский язык хронику Евсевия Кесарийского, впрочем, с переделками, некоторые беседы Оригена, сочинение Дидима о Св. Духе и друг. Вообще своею ученою деятельностью Иероним много содействовал распространению на западе научных богословских знаний, выработанных на востоке.

Руфин пресвитер *аквилейский* (ум. 410 г.), некоторое время друг Иеронима, замечателен именно тем, что знакомил западные церкви с ученою богословскою литературою востока. Он перевел на латинский язык Церковную Историю Евсевия, апологию Памфила за Оригена, правила Василия Великого, сочинения Оригена: о началах, его же беседы на разные книги Св. Писания и друг.

Блаженный Августин еп. Иппонский (ум. 430 г.). Из всех писателей западной церкви он только один может быть назван самостоятельным и

оригинальным богословом. Его богословское глубокомыслие и способность к диалектическому построению богословской системы напоминают писателей восточных, именно школы ново-александрийской. Но в тоже время, они не подчиняется направлению восточных писателей, а стремится к самостоятельному решению богословских вопросов напр. о благодати и добрых делах. Обстоятельства жизни Августина известны. Мы видим его вначале язычником, светским молодым человеком, ведущим жизнь распущенную, потом искателем истины в религиозных (у манихеев) и философских (у платоников) учениях, наконец ревностным христианином, заботливым епископом и жарким защитником православия против иудеев и язычников, еретиков и раскольников. Литературные труды его стоят в тесной связи с этими обстоятельствами жизни. Сделавшись христианином, Августин спешит освободиться от своих прежних заблуждений и поэтому пишет сочинение: *против академиков*, в котором доказывает, что человек сам собою не может достигнуть истины; *о блаженной жизни*, доказывая, что истинно-блаженная жизнь состоит в познании Бога; *против манихеев* (до 14 сочинений) и проч. Сделавшись епископом и иступив в борьбу с донатистами и пелагианами, пишет несколько сочинений *против донатистов* (до 10) и *пелагиан* (до 14), а также против ариан и других еретиков. Из положительно-догматических сочинений Августина замечательны: *об истинной религии и о Св. Троице* (15 кн.). Августин писал и *толкования* на Св. Писание, напр. *на книгу Бытия, псалмы, евангелие Иоанна* и проч. Но в этом роде литературной деятельности он оказывается сравнительно слабым, так как не знал еврейского языка и плохо знал греческий.

После Августина выдающихся писателей в западной церкви не было, кроме разве папы *Льва I Великого* (440–461 г.г.), который написал известное послание к константинопольскому архиепископу Флавиану о соединении в лице И. Христа двух естеств против Евтихия.

§ 26. Состояние духовито просвещения в VI – VIII веках как на востоке, так и на западе

С VI века, иди даже с половины V века, как на востоке, так и на западе начинается упадок духовного просвещения. Причины этого заключаются в следующем. Разные богословские вопросы, требовавшие разъяснения, были разрешены в предшествующие века на соборах, при участии великих отцов и учителей Церкви. Новых вопросов, начиная с VI в., не поднимается более. Если в VII в. и был поставлен новый вопрос о волях в И. Христе, то решение его дано было раньше отцами, боровшимися против монофизитства. Таким образом материал православно-христианской догматики был дан и разработан; интереса к новым догматическим исследованиям не было. Даже более, – по понятиям богословов VI–VIII веков, – было опасно пускаться в новые догматические исследования, так как, при новой разработке богословских вопросов представлялось возможным отступить от учения древних отцов и погрешить против православия. Богословам VI–VIII веков оставалось только собирать, завещанный прежними веками, богословский материал, изучать его и применять к обстоятельствам своего времени, как действительно они и поступали. Следствием такого направления богословской мысли был упадок самостоятельной богословско-литературной деятельности, а вместе с тем и упадок духовного просвещения. С другой стороны упадок духовного просвещения в VI–VIII веках обуславливался стечением многих неблагоприятных обстоятельств церковной и политической жизни востока и запада. Так деспотическое отношение византийских императоров к Церкви, выражавшееся вмешательством их не только в церковное управление, но и в разрешение богословских вопросов, стесняло всякое проявление самостоятельной деятельности в области духовного просвещения. Своими указами, в которых предлагалось решение известного догматического вопроса, императоры повелевали всем, без всякого прекословия, мыслить о религиозных предметах так, а не иначе. Такие указы издавались но множестве, но время монофизитских и монофелитских волнений. Но время иконоборческих волнений, деспотизм императоров дошел до крайних пределов. Преследуя и губя иконопочитателей, императоры-иконоборцы преследовали и губили духовное просвещение, они преследовали монахов, из которых многие были учителями и переписчиками книг, истребляли книги и даже целые библиотеки и т. п. Падение классического образования также имело

неблагоприятное влияние на состояние духовного просвещения. Языческо-классический мир, отстаивавший между прочим, науки и искусства, в VI веке угас окончательно. Последние классические школы в Афинах, в которых преподавались древняя словесность и Платонова философия, были закрыты Юстинианом I. А так как в классических школах получали общее образование христиане и даже отцы Церкви, то, с закрытием их, прекратились и средства к получению общего образования, тем более, что тот же Юстиниан прекратил жалование публичным наставникам и тем окончательно подорвал народное образование. Наконец, аравитяне-мусульмане и варварские народы, своими почти постоянными вторжениями в области империи, довершали количество неблагоприятных условий для развития духовного просвещения. Невежественные мусульмане, предавая огню и мечу целые христианские области, уничтожали вместе с тем школы и все произведения искусств и наук. Халиф Омар, напр. сжег знаменитую александрийскую библиотеку. Готы и особенно вандалы и другие варварские народы своими опустошительными набегами также отнимали все средства, – главным образом на западе, – к духовному просвещению. Вообще тревожная политическая жизнь христиан в VI–VIII в.в. сильно вредила успехам духовного просвещения. – При всем том и в эти века мы видим несколько замечательных писателей в церквях восточных и западных, которые хотя не могут быть поставлены в ряду великих отцов и учителей IV и V веков, тем не менее своими трудами принесли Церкви много пользы. Таковы напр. в восточной церкви:

Леонтий Византийский, живший в конце VI века и начале VII. Первоначально он был адвокатом и принадлежал некоторое время к ереси несторианской. Потом, присоединившись к православной Церкви, сделался монахом в обители Св. Саввы Освященного в Палестине. Леонтий замечателен, как богослов-полемика. Он оставил много полемических сочинений; напр. книгу о сектах, в которой исторически следит за сектами христианской Церкви и опровергает их главным образом на основании древних отцов; *три книги против несториан и евтихиан, семь книг против несториан; книгу против монофизитов; против обманов аполлинаристов и проч.* Опровержения всех этих ересей Леонтий заимствует из древних отцов, на которых постоянно ссылается и наречения которых объясняет в смысле, неблагоприятном для еретиков.

Св. *Максим Исповедник*, единственный глубокомысленный богослов своего времени. Он происходил из благородной константинопольской фамилии и сам занимал долгое время должность секретаря при

императоре Ираклие. После того, как Ираклий своими заботами о присоединении монофизитов к Церкви произвел новую ересь – монофелитство, Максим, ревнуя о православии, оставил двор и сделался монахом одного константинопольского монастыря, а затем вскоре выступил на борьбу с монофелитством. Его деятельность известна: не смотря на все истязания, которым его подвергали он твердо стоял за православие и умер в ссылке (662 г.). Сочинения Максима, по большей части, направлены против монофизитства и монофелитства. В них он обнаружил замечательное глубокомыслие и ученость. Основные мысли его богословствования заключаются в следующем. Искупитель рода человеческого, Иисус Христос восстановил нарушенную гармонию между Богом и человеком, вследствие чего естественные силы искупленного человека и благодать находятся в гармоническом отношении. Сам Искупитель в своем Лице представляет полную гармонию Божества и человечества. Его две природы, Божественная и человеческая вполне самостоятельные, всегда действуют согласно между собою, не уничтожая одна другой. – Кроме догматико-полемиических сочинений Максим писал и толкования, не только на Св. Писание, но и на древние отеческие творения. В толкованиях он следует древним писателям александрийской школы и своим произвольным аллегоризмом и мистицизмом напоминает более всего Григория Нисского.

Иоанн Дамаскин. Он родился в конце VII века в Дамаске где отец его Сергей занимал должность министра у дамасского холифа. Общее и богословское образование Иоанн получил от пленного ученого инока Козьмы. Заняв, по смерти отца, его должность, он, не смотря на блестящее положение при дворе и заботы по управлению, продолжал заниматься богословскими науками и в это уже время выступил с своими посланиями в Константинополь в защиту иконопочитания. Удалившись затем в монастырь Саввы Освященного, Иоанн посвятил всего себя занятиям богословскими науками. Здесь он и умер около 700 г. Дамаскин обладал обширною ученостию, между прочим, был хорошо знаком с философиею Аристотеля. Этой философии он обязан точностию, отчетливостию и последовательностию мышления, которыми отличаются его сочинения. Но при всей своей учености Иоанн Дамаскин не был оригинальным богословом, что доказывает самое лучшее его сочинение: «источник знания». Это сочинение распадается еще на три меньшие; «философские главы», «о ересьях» и «точное изложение православной веры». Из них первые два составляют введение к третьему. Так в философских главах излагаются правила логического мышления, заимствованные из

философии Аристотеля и друг., при чем Дамаскин доказывает, что эти правила полезны приложимы к богословским наукам. Из сочинений о ересь исторически рассматриваются еретические системы, появившиеся в Церкви до иконоборства включительно. Это сочинение составлено на основании прежде появившихся подобного же рода сочинений и, между прочим, Епифания Кипрского. Точное изложение православной веры – особенно замечательное произведение Дамаскина. Это – первая православная догматическая система, составленная на основании учения древних отцов, преимущественно IV и. и соборных мероопределений. В систематизировании и своде догматического материала, разработанного в прежние века состоит заслуга Дамаскина, высоко оцененная Церковью. Точное изложение православной веры долгое время служило руководством в учебных заведениях в греческой церкви. Из других сочинений Дамаскина замечательны: *против манихеев (павликиан), несториан, монофизитов и монофелитов*. Кроме того Дамаскин был единственным и несравненным песнописцем.

Из писателей западной церкви VI–VIII в. следует обратить внимание на папу Григория Великого (ум. 604 г.), как практического богослова. С светскими науками он не был знаком и даже не придавал им никакого значения в богословии, но хорошо изучил Св. Писание и сочинения Августина. В последних он усвоил себе не теоретическую, а практическую сторону. Сочинения Григория полны высоких нравственных мыслей. Таково, напр., *пастырское правило*, в котором изображаются качества и поведение истинного пастыря Церкви. Это сочинение было переведено на греческий язык, а в западной церкви признано настолько важным, что считалось совершенно необходимым для всякого пресвитера и епископа. – Также заслуживает полного внимания один ученый муж ново-английской церкви, Беда достопочтенный (ум. 735 г.). Ново-английская церковь, вслед за церковью древне-британскую, много заботилась о распространении духовного просвещения, главным образом чрез устройство школ, в которых изучались духовные и светские науки. Беда, с ранней юности монах одного из монастырей Нортумберланда, был представителем учености ново-английской церкви. Он обладал обширными познаниями в духовных и светских науках и, по всей справедливости, считается замечательным ученым своего времени. Занимался особенно толкованием Св. Писания и переводом его на английский язык, а также историею. Между прочим замечательна его «история церкви английского народа».

Глава 4. Внутреннее устройство и управление Церкви

§ 27. Взаимные отношения между Церковью и государством

В первые три века, христианская Церковь, существуя в пределах греко-римской империи, жила отдельно от государства жизнью: все отношения между Церковью и государством ограничивались только тем, что Церковь была преследуемою стороною, а государство преследующею. Теперь же, когда христианство сделалось религиею господствующею в империи, Церковь вступила в тесный союз с государством, как учреждение, пошедшее в круг государственной и общественной жизни. Вследствие этого союза, между Церковью и государством установились тесные отношения, характеризуемые с одной стороны влиянием государства на жизнь Церкви, с другой – влиянием Церкви на жизнь государства. Влияние государства на Церковь выражалось участием императоров в церковных делах и предоставлением Церкви рапных прав и преимуществ; влияние же Церкви на государство обнаруживалось в том, что она имела нравственный контроль над гражданским управлением и проводила свои нравственные начала в государственное законодательство.

Участие императоров в церковных делах начинается с первого христианского государя, Константина Великого. Константин Великий, назвав себя епископом внешних дел Церкви (ἐπίσκοπος τῶν ἐκτὸς τῆς ἐκκλησίας), определил вполне свое участие в церковных делах. Он хотел быть блюстителем только внешних интересов Церкви, не простирая своего влияния на ее внутренний строй. И Константин Великий всегда поступал так. Напр., он заботился о распространении христианства, об обезпечении Церкви, об устройстве и украшении храмов; если возникали в Церкви споры относительно вероучения, церковного благочиния и проч. (каковы споры донатистические и арианские), то, для разрешения их, он составлял соборы епископов, присутствовал на них сам или назначал уполномоченных, утверждал решения соборов и, если нужно было, приводил их в исполнение своею гражданскою властью. Но государя, следовавшие за Константином Великим, не довольствуясь ролью блюстителей внешних интересов Церкви, мало-по-малу приобрели влияние и на внутренний ее строй. Так они сначала присвоили себе право утверждать епископов в важных городах, а потом и право избирать их и низлагать, хотя и при посредстве соборов, чрез что приобрели большое влияние на все церковное управление. При разрешении спорных догматических и других вопросов императоры приобрели себе право

руководить самыми решениями соборов, или даже решать спорные вопросы без соборов одними своими, так сказать, *вероисповедными* указами. Первый указ такого рода были издан, во время монофизитских споров, *Василиском* (466 г.). Такого рода участие императоров в церковных делах, если и было полезно для Церкви, то только тогда, когда они действовали во имя истинных, а не воображаемых интересов Церкви.

Что касается прав и преимуществ, предоставленных Церкви государством, то они были следующие: 1) обеспечение Церкви и ее клира содержанием. До IV века Церковь содержались на приношения верующих, которые были временные и случайные. Только немногие церкви, в конце III века, владели недвижимыми имуществами, от которых могли получать содержание. Но и такие церкви свое обеспечение не могли считать прочным, так как при первом же гонении все их имущества были отбираемы в казну. Клир же содержался почти исключительно на собственный средства. С IV же века, когда Церковь вступила в среду государственной и общественной жизни, государство и общество взяли на себя обеспечение ее и клира в содержании. Главным способом обеспечения являются *недвижимые имения*: поместья, поля, дачи, угодья, дома и т. и. Константин Великий законом от 321 года утвердил за Церковью право приобретать недвижимые имущества и владеть ими. В силу этого закона она стала принимать в свое владение от ревностных христиан, особенно по духовным завещаниям, имения. Императоры с своей стороны нередко обращали в пользу Церкви общественные здания и особенно языческие закрытые храмы с принадлежавшими им недвижимыми имуществами. Император Юстиниан I, в виду обеспечения церковей доходами с недвижимых имений, издал даже закон, которым все, желавшие построить новую церковь, обязывались предварительно назначить на содержание ее и клира имение, приносящее достаточный для этой цели доход. Чтобы недвижимые имения оставались при церкви навсегда и доставляли источник дохода на содержание ее и клира, законами гражданскими и церковными запрещено было закладывать и продавать их, а также определять без нужды к известной церкви много клириков, содержание которых было бы тягостно для нее. Недвижимых церковных имуществ, с течением времени, накопилось столько, что Церковь и ее клир не только сами могли получать от них достаточное обеспечение, но даже устраивать множество благотворительных заведений: как- то богаделен, больниц, странноприемниц и т. и. Кроме содержания, получаемого от церковных имений, клир пользовался еще от общества верующих и другими способами обеспечения, каковы *десятины*,

по образцу десятин Церкви ветхозаветной и *благодарность за исправление христианских треб, и совершение таинств*. Десятины, известные с конца IV века, на востоке были в употреблении только в немногих церквях, и не получили там большого развития; на западе же они утвердились прочно. Здесь право пользоваться десятинами принадлежало только приходским священникам и не простиралось на епископов. Обычай благодарить духовенство известною платою на совершение церковных треб ведет свое начало также с древних времен. Хотя соборы и делали постановления против платы собственно за совершение таинств, но, с течением времени, когда на востоке недвижимые церковными имущества стали мало-по-малу отходить к государству, обычай благодарить за исправление треб пошел во всеобщее употребление.

2) *Освобождение Церкви и клира от общественных податей и повинностей*. Еврейские раввины и языческие жрецы всегда были освобождаемы от общественных податей и повинностей. Тоже право предоставлено было и христианскому клиру первым христианским государем Константином Великим, законом от 319 года. Все принадлежащие к клиру освобождены были от *поголовной или личной подати, от военной повинности, от прохождении общественных должностей*, из которых особенно тягостны были те, которые соединялись с издержками и т. и. Кроме того иногда законами императоров освобождались от государственных налогов и недвижимые имущества, лично принадлежавшие членам клира. Церковные же имущества почти всегда были свободны от таких налогов. По такие привилегии еще при Константине повели к некоторым злоупотреблениям. Очень многие богатые и бедные стали причислиться к клиру, первые – чтобы освободиться от службы в общественных должностях и от налогов на имении, вторые – чтобы избавиться от рекрутской повинности. В виду уничтожения такого рода злоупотреблений, Константин в 321 году издал закон, которым запрещалось вступать в клир богатым и вообще обязанным нести какие-либо общественные повинности, а для прекращения наплыва в клир ненужных людей повелевалось зачислять в клир ищущих церковной должности только на места умерших клириков. Но этот закон строго не соблюдался. Поэтому, законом, изданным в 383 году, опять дозволено было всем вступать и клир, но богатые при этом должны были отказываться от своих имуществ, а обязанные общественными повинностями должны были выполнить их чрез других.

3) *Освобождение клира от суда гражданского*. В христианском обществе издревле все споры и несогласия не только между клириками, но и мирянами решались епископами. Это право признано было за ними и государственною

властью в лице Константина Великого. Император Констанций в 356 году издал даже прямой закон, по которому все клирики должны были подлежать исключительно суду духовному. Четвертый вселенский собор – халкидонский (451 г.) – положительно запретил²²² клирикам, помимо духовного суда, обращаться к судам светским, установивши при этом определенный порядок церковного судопроизводства. Юстиниан I подчинил суду епископскому монахов и монахинь, а император Ираклий (628 г.) предоставил епископам разбирать даже важные преступления клириков. В последнем случае духовный суд снимал с обвиненного священный сан и отсылал его к гражданскому начальству для наказания. Но при всем том у клириков существовал обычай обращаться к непосредственному суду императора.

4) *Право церковного убежища*. Еще языческие храмы служили местами убежища для всех преследуемых. Тем более следовало предоставить право убежища христианской Церкви, к алтарю которой прибегали все гонимые и преследуемые во имя Распятого на кресте. Хотя по влиянию временщика *Евтропия*, от жестокости которого многие спасались у церковного алтаря, император *Аркадий* (398 г.) издал закон против права церковного убежища, но скоро сам Евтропий воспользовался этим правом в церкви, при Св. Иоанне Златоусте, которому он был личным врагом. Император *Феодосий II* формальным законом (431 г.) восстановил это право за Церковью, дозволив искать убежища при церковном алтаре только безоружным преследуемым и запретив, под угрозой смерти, изгонять их из церкви. Если государство влияло на Церковь при посредстве внешней материальной силы, то Церковь в свою очередь влияла на государство своею нравственною силою. Церковь желала, чтобы государство, сделавшееся христианским, приняло в свою жизнь и христианские начала. Гражданское управление и законодательство, сложившиеся в языческом мире, особенно налагали на себе нравственное влияние Церкви. Так – собор арлесский (314 г.) предоставил епископам нравственный контроль над правителями областей и другими высшими чиновниками. Императоры также признавали за епископами право нравственного контроля. И епископы, действительно, наблюдали за правителями областей, следили за правильностью гражданского судопроизводства, посещали тюрьмы, расспрашивали заключенных о ходе их дел, по духу христианского милосердия ходатайствовали за обвиняемых и осуждаемых; в случае уклонения со стороны правителей и судей от справедливости, требовали справедливого решения дел и, наконец, непосредственно от себя доносили императору о всех злоупотреблениях гражданских властей.. В случае же крайних и

вопиющих злоупотреблений со стороны должностных лиц, епископы отлучали их от Церкви. От этого не освобождались даже императоры: Амвросий Медиоланский подверг, напр., публичному покаянию Феодосия Великого за безжалостное и жестокое наказание жителей Фессалоники. Кроме того епископам предоставлено были непосредственное участие в гражданских и общественных делах. Так Константин Великий дозволил всем тяжущимся, если они охотно отказывались от гражданских судов, требовать суда епископского, – и приговор епископов надлежало почитать решительным, поставлять его выше приговора других судей, так как бы он был произнесен самим царем. Апелляций на такой суд епископа не допускалось. На общественную жизнь епископы влияли, главным образом, чрез заведывание делами вдов и сирот. Они наблюдали за действиями опекунов и даже нередко избирали их, так что вследствие этого сами становились главными опекунами. В этом отношении особенно замечателен закон Юстиниана I, который дал епископам опеку над всеми бедствующими лицами. И к чести большинства епископов описываемого времени нужно сказать, что они, если принимали участие в разрешении споров между тяжущимися или в опеке над сиротами, всегда действовали с истинно-евангельскою справедливостию и любовью. Христианские нравственные начала проникали и в государственное законодательство. Так Константин Великий отменил казнь чрез распятие на кресте, клеймение лиц преступников; Гонорий уничтожил гладиаторские бои. Законы о рабах, пленных, об отношении родителей к детям и проч. были смягчены, законы брачные и бракоразводные получили христианский характер и т. п.

§ 28. Состояние церковной иерархии

Три степени священной иерархии – диаконство, пресвитерство и епископство, – появившиеся в Церкви при ее основании, оставались неизменными и в IV веке; перемены произошли только во внешнем положении иерархических лиц, вследствие нового положения Церкви в государстве и новых условий ее жизни. В клир по-прежнему мог вступать всякий желающий, удовлетворивший условиям вступления. Только теперь, при всеобщем религиозном одушевлении и склонности к рассуждениям и спорам о догматических вопросах, требовалось, чтобы клирики, особенно высших иерархических степеней, как представители религиозного знания, были богословски и научно образованы. Знаменитые отцы Церкви IV века очень часто указывали на необходимость научного и богословского образования для вступающих в иерархию. В этом случае большую услугу оказали Церкви христианские училища в Александрии, Кесарии, Антиохии, Эдессе и друг. Из них вышло много замечательных пастырей Церкви. Но этих заведений было недостаточно; поэтому нередко пастыри Церкви получали первоначальное общее образование в существовавших еще, языческих классических школах в Афинах, Никомидии, Константинополе и др., и затем специально приготавливались к церковным должностям в самом клире. Клир, таким образом, как и в прежнее время, служил практической школой для приготовления к высшим иерархическим степеням. Клиры таких замечательных отцов, как Василия Великого и Амвросия Медиоланского были в особенной славе, так что другие церкви от них брали себе клириков для занятия иерархических должностей. А некоторые епископы, напр. Августин, устраивали даже при своих кафедрах нечто в роде духовных семинарий, в которых молодые люди и мальчики научно и практически приготавливались к церковным должностям. При развитии с IV века монашеского образа жизни, монастыри сделались также воспитательными заведениями для клириков и из них нередко выбирались пресвитеры и епископы. Кроме научной подготовки к занятию той или другой иерархической степени Церковь требовала еще, чтобы лица избираемые на священно-служение имели определенный возраст. Так она установила – в иподиакона поставлять не прежде 20 лет²²³, в диакона не прежде 25 лет²²⁴, в пресвитера не прежде 30²²⁵. В церковных канонах, хотя не говорится о годах возраста для епископского сана, но замечается²²⁶, что удостоиваемый епископского сана должен предварительно пройти служение чтеца, диакона, пресвитера

и не слишком малое время, след. должен иметь не менее 40 лет, или, по крайней мере, 35, в соответствии промежутку лет от диаконства до пресвитерства. Назначая зрелый возраст для принимающих священство, Церковь желала допускать до священно-служения лиц возмужавших, отличающихся зрелостью мыслей, опытностью рассудка и твердостью воли.

В самом способе избрания на иерархические должности в IV и последующих веках произошли некоторые перемены. Прежде в избрании епископа, пресвитеров и диаконов принимала участие вся община, составлявшая местную церковь. Теперь же это участие общины или мирян было ограничено. С одной стороны, когда христианство стало религиею господствующею, при множестве верующих, было положительно не возможно всем мирянам принимать участие в избрании иерархических лиц, с другой – права мирян на участие в избрании, особенно епископов, естественно перешли к представителям народа императорам. Кроме того многие частные случаи подавали повод к ограничению участия народа в избрании иерархических лиц. Так случалось, что народ, вопреки древним правилам Церкви, выбирал на священные должности лиц светских, неподготовленных, или даже только что принявших христианство, но богатых иди знатных; случалось, при выборе епископов составлялись партии и происходили возмущения. В виду этого собор Сардикийский (347 г.) определил²²⁷, чтобы ученый или богатый из светских не прежде был поставляем в епископа, как пройдет низшие степени и немалое время, а собор Лаодикийский (около 364 г.) не позволил²²⁸ соборному народу избирать имеющих произвестися во священство. Обыкновенно, епископа известной церкви избирали все епископы области с утверждения главного областного епископа, или митрополита. На епископские кафедры знаменитых городов избрание совершалось по указаниям государя. Пресвитеров же и диаконов обыкновенно избирал сам епископ. Впрочем народ иногда силою отстаивал свои права на участие в избрании на иерархические должности, заставляя выбирать те лица, которые почему либо нравились ему. На западе участие народа удерживалось долее, чем на востоке. В Риме, после падения западной империи, при слабости и даже отсутствии государственной власти, народ принимал деятельное участие в избрании своих епископов. – Посвящение избранных совершалось также, как и в первые века: диаконов и пресвитеров рукополагал один епископ, епископов же рукополагали два, три и более епископа, вместе с митрополитом, а митрополитов рукополагал патриарх с епископами.

В первые три века на все иерархические должности безразлично

избирались лица, состоящие в брачной жизни и несостоящие. Были даже случаи, допускавшиеся Церковью, как исключение, когда вступали в клир и второбрачные. Теперь же произошли некоторые изменения в церковных узаконениях относительно браков иерархических лиц. Сначала под влиянием взглядов на иерархическое служение, как священное, требующее от проходящих его жизни особенно святой, явилась мысль установить безбрачие для членов клира. В западной церкви, под влиянием монтанистического направления, эта мысль узаконена была на соборе эльвирском (305 г.), который постановил, что епископы, пресвитеры и диаконы должны проводить жизнь безбрачную, в противном же случае подвергаются извержению из сана. На первом вселенском соборе (325 г.) некоторые склонялись было узаконить безбрачие духовенства во всей Церкви. Но против сего восстал епископ *Пафнутий*, исповедник и строгий девственник; он защищал святость брака и указывал на тяжесть безбрачия для многих из духовных. Пафнутий предложил только, чтобы, по древнему преданию Церкви, безбрачные, вступив в духовное звание, не женились, а принявшие духовный сан после брака не должны удаляться от жен, которых имеют. Собор одобрил его мысль и относительно сего не постановил никаких правил; не связал никого необходимостью и безбрачное состояние предоставил воле каждого²²⁹. После такого решения собора в восточной церкви допускались брак и безбрачие для лиц духовных. Впрочем, епископы почти все вели жизнь безбрачную, тем более, что многие из них вступали на епископские кафедры прямо из монастырей. Исключений, когда епископы состояли в брачной жизни, – было очень не много в IV и V веках²³⁰. Император Юстиниан I, законом от 528 года запретил избирать на епископские кафедры, состоящих в браке. Собор трулльский (692 г.) окончательно решил вопрос о браке и безбрачии духовных лиц; он постановил, чтобы епископы вели жизнь безбрачную²³¹, священники, диаконы и иподиаконы вступали в брак до посвящения в сан²³², и чтобы брачное сожитие никто не считал препятствием к получению сана священника, диакона и иподиакона²³³. Между тем в западной церкви, со времени эльвирского собора, мало по малу стало упрочиваться безбрачие духовенства. Там не следовали решению 1-го вселенского собора. Епископ римский, *Сириций*, в одном из своих декретов уже настоятельно требовал [385 г.] безбрачия от иерархических лиц первых трех степеней и продолжающим вести жизнь брачную угрожал низложением. Хоти против безбрачия восставали такие западные отцы, как Амвросий и Августин, но к концу VII в. оно утвердилось так сильно, что собор трулльский счел нужным обличить римскую церковь за

введение безбрачия²³⁴. К IX веку безбрачие духовных в западной церкви было почти всеобщим.

§ 29. Умножение церковных должностей

Новое положение Церкви в государстве и новые ее отношения к государству и обществу вызвали новые должности по управлению церковными делами. Так для ближайшего заведования и распоряжения церковными имуществами, особенно недвижимыми, нужны были особые должностные лица, которые и явились вместе с умножением церковных имуществ в IV веке, под названием экономов. Четвертый вселенский собор (451 г.) говорил о должности эконома, как уже давно существовавшей, и постановил²³⁵, чтобы в тех немногих церквах, в которых не было этой должности, она была установлена. На должность эконома избирались пресвитеры, диаконы и даже клирики, не имевшие иерархической степени, если они отличались честностью и практичностью. Обязанности эконома заключались в том, что он наведывал всеми частями церковного хозяйства: постройкою и поправкою церквей и церковных домов, содержанием их в исправности, хозяйственными работами в полях и поместьях, сбором доходов с церковных имений, производством расходов всякого рода и т. п. В своих действиях эконом давал отчет епископу. – Для заведывания собственно церковною казною, состоявшею из денег и пожертвованных непосредственно в храм драгоценностей, особенно в церквах богатых, какова была напр. константинопольская, не позже второй половины VI века назначены были особые должностные лица, с названием *сакеллариев* и *сакеллиев*²³⁶. Умножение драгоценных церковных сосудов, священных одежд и вообще церковной утвари, особенно в богатых церквах, побудило установить особую должность *скевофилаксы*. Скевофилаксы появились не позже начала VI века. Они заведовали всею церковною утварью, сохраняя ее в целости и порядке и распоряжаясь ее употреблением при богослужении. – В тех церквах, при которых были устроены благотворительные заведения, были установлены должности начальников благотворительных заведений с наименованиями заимствованными от наименований самых заведений. Эти должности появились в IV веке вместе с благотворительными заведениями и были занимаемы лицами, имевшими иерархическую степень пресвитера или диакона. Обязанности начальников благотворительных заведений сходны с обязанностями экономов. – При благотворительных заведениях состояли еще целые общества должностных служебных лиц – это, так называемые, *параволаны*. Обязанностию их было ходить за больными и служить больным. Параволаны явились первоначально в александрийской Церкви.

Они избирались епископами и причислялись к клиру, пользуясь предоставленными ему привилегиями. Но очень скоро в общество параволанов вкрались злоупотребления: многие делались параволанами для того только, чтобы освободиться от податей и повинностей. В VI веке это общество уничтожено. С обществом параволанов сходно общество *копиатов* [копателей], которые занимались безмездным погребением мертвых, но преимуществу бедных и казненных, а также участвовали в торжественных похоронных процессиях. Копиаты также причислялись к клиру и пользовались привилегиями клириков. Злоупотребления вкрались и в их общество. – По управлению сельскими церквами появилась во второй половине IV века новая должность *периодевтов*, которые мало-помалу заменили собою *хорепископов*. В IV веке хорепископы стали выказывать большие притязания: желая освободиться из-под власти городских епископов, они вступали с ними в борьбу и отказывали им в повиновении. В виду этого собор Лаодикийский (около 364 г.) предложил²³⁷ не поставлять в милых городах и селах епископов, но *периодевтов*. Периодевты, по своей степени, были пресвитеры, но не имевшие прихода, а состоявшие при кафедре епископа. Они были посылаемы епископом для обозрения сельских церквей и исправления на месте разных недостатков и злоупотреблений²³⁸. – При новом положении Церкви в государстве ей очень часто приходилось входить в столкновения с гражданскими властями. Для такого рода сношений назначены были особые должностные лица *экдиков*. Должность *экдиков* появилась в IV веке; назначались на эту должность пресвитеры и диаконы. Обязанностию *экдиков* было защищать права Церкви и клира в гражданских присутственных местах, почему они назывались еще церковными защитниками. На *экдиках* лежали также и полицейские обязанности по церкви. Они, – или сами, или по сношению с гражданскими властями, – имели право употреблять даже силу против непокорных клириков и вообще нарушителей церковного порядка. Наконец, для делопроизводства по суду и управлению церковному при епископе находились особые должностные лица *хартофилаксов* или *потариев* (скорописцев). *Хартофилаксы* вначале были не более, как хранители деловых бумаг при кафедре епископской, но, с течением времени, именно со второй половины VII века, они получили важное начальственное значение в церковном управлении.

§ 30. Церковное управление – епископское, митрополичье и патриаршее

В первые три века, управление каждой отдельной церкви, состоявшей из города с принадлежавшими к нему селами и деревнями, сосредоточивалось в епископе города; причем в управлении принимали участие клир и миряне. Тот же порядок остался и при новом положении Церкви. Только участие мирян в церковном управлении прекратилось; так как права их перешли к христианской государственной власти. Каждый епископ в своем пределе, называвшемся сначала *парикиею* (*παροικία*), а потом *епархиею* (*ἐπαρχία*), как преемник апостолов, имел всю полноту духовной власти. Он избирал клириков, посвящал их, назначал способных из них на особые церковные должности, определял пресвитеров и диаконов к приходским церквям городским и сельским²³⁹. В IV веке, при множестве верующих, окончательно образовались приходы и приходские церкви, к которым, по большей части, назначались уже постоянные пресвитеры и диаконы. Четвертый вселенский собор (451 г.) решительно потребовал, чтобы пресвитеры, диаконы и другие клирики рукополагались не иначе, как к определенной Церкви городской, или сельской, или мученическому храму, и к монастырю²⁴⁰. Приходские церкви в городах и селах, с своим клиром, назначаемым от епископа, были в полном у него подчинении. Со времени четвертого вселенского собора, епископу были подчинены также и монахи монастырей, находящихся в его епархии. При пособии должностных лиц, о которых сказано выше, епископ заведовал всеми частями церковного управления, как главный начальник: церковными имуществами, благотворительными заведениями, судопроизводством по делам клириков и, в известных случаях, мирян и проч. Как представитель Местной церкви, он один только имел право присутствовать на соборах и приводить в исполнение соборные определения. Если епископ сам не бывал на соборе, то его уполномоченный подписывался его именем.

Еще, в первые века епископы некоторых церквей, преимущественно основанных самими апостолами, или находившихся в главных областных городах, получили преимущество чести, сравнительно с епископами церквей меньших городов. Из этого преимущества чести епископов главных городов естественно могло развиваться и преимущество *власти*, – что и совершилось окончательно в IV и V веках, когда явилось стремление сообразовать внешнее церковное управление с Гражданским. Константин

Великий в гражданском отношении разделил всю империю на четыре префектуры: *восточную, иллирийскую, италийскую и галльскую*; при чем префектуры разделились на *диоцезы* (διοικήσεις) или *округи, диоцезы* – на *провинции* или *епархии*, а *провинции* – на *паракии*, состоявшие из одного или нескольких маленьких городов, сел и деревень. При таком делении начальники меньших правительственных округов были подчинены начальникам больших. В каждом диоцезе и каждой провинции были свои столицы или главные города, носившие, но крайней мере в Греции название митрополии, в которых сосредоточивалось местное гражданское управление. Применительно к такому порядку гражданского управления в IV и V веках было устроено и управление церковное, тем удобнее, что столичными городами как диоцезов, так и провинций²⁴¹ были, по большей части те, епископы которых еще в первые века получили преимущество чести пред епископами меньших городов. Оставалось только предоставить им преимущество власти в виду порядка и единства в церковном управлении. Это и было сделано на вселенских и поместных соборах IV и V веков. Епископы малых городок с прилежавшими к последним селами и деревнями, т. е. епископы *парикий*²⁴², подчинены были в церковном управлении епископам провинциальным, или *митрополитам*, а эти – епископам некоторых главных городов целых диоцезов; последние носили название *экзархов* (в соответствие названию гражданского начальника диоцеза), *архиепископов* и, наконец, *патриархов*. Титло *митрополита* для епископов главных провинциальных городов в первый раз появилось в правилах 1-го вселенского Никейского собора (325 г.). Этот же собор, а также поместный антиохийский (341 г.) подтвердил и точнее определил права и значение митрополитов в управлении церквами целой провинции²⁴³; они имели право созывать всех епископов провинции на соборы, председательствовать на них, принимать жалобы на епископов и предлагать их на разрешение провинциальных соборов. Избрание епископа принадлежало тем епископам провинции, но утверждение и посвящение новоизбранного принадлежало митрополиту. Поставление же епископа без согласия митрополита считалось недействительным. Без ведома митрополита, как имеющего попечение о церквах всей провинции, ни один епархиальный епископ не мог делать ничего важного. Если епископу нужно было на время оставить сбою епархию – особенно если он отправлялся ко двору царскому, – то на это требовалось согласие митрополита, который давал в этом случае епископу грамоту. Но власть митрополита над епископами не была безусловною: соборы провинциальные, которые, по древнему обычаю, бывали два раза в году,

ограничивали ее.

Над властью митрополитов возвышалась, как упомянуто выше, власть патриархов. Епископы, которым на четвертом вселенском соборе (451 г.) усвоено название патриархов и предоставлена высшая власть в церковном управлении, в IV веке стояли наряду с митрополитами. Но уже 1-й вселенский собор (325 г.) трем из них, *александрийскому, римскому и антиохийскому*, – предстоятелям церквей, издревле славных, основанных самими апостолами, и находившихся в главных городах диоцезов, – предоставил преимущество власти перед другими митрополитами²⁴⁴. Так александрийскому епископу, в силу древних обычаев, подчинил церкви всего Египта, Ливии и Пентаполя с такою же властью, какую имел, также по древнему обычаю, в церквях римского округа епископ римский. Относительно антиохийского епископа собор постановил, чтобы сохранялись преимущества антиохийской церкви. И силу такого соборного определения эти три епископа имели власть и над митрополитами в своих округах. Второй вселенский собор (381 г.) предоставил²⁴⁵ преимущество чести еще епископу *константинопольскому* непосредственно после римского, вследствие политического значения Константинополя, как столицы императоров. А до этого времени константинопольский епископ был подчинен ираклийскому митрополиту, так как самый город Константинополь по гражданскому разделению принадлежал к фракийскому диоцезу. Константинопольский епископ, таким образом, сравнился честью с епископом римским и поставлен выше александрийского и антиохийского, хотя соответствующей власти ему еще не было предоставлено. Впрочем, чрез несколько десятилетий императорскою властью ему были подчинены церкви во Фракии, Малой Азии и Понте. Между тем на степень первенствующей кафедры возвышалась кафедра *иерусалимская*. Первый вселенский собор²⁴⁶ предоставил иерусалимскому епископу почетное титул митрополита, по без власти над другими церквями, так как церковная власть во всей Палестине, не исключая и Иерусалима, сосредоточивалась в митрополите Кесарии палестинской, которая была центром гражданского управления. По около половины V века эдиктом императора Феодосия II и иерусалимскому епископу предоставлено первенство власти в церквях Палестины, Финикии и Аравии, так что митрополит кесарийский должен был стать в подчиненное положение. Таким образом, ко временам четвертого вселенского собора пять епископов знаменитейших кафедр заняли первенствующее и начальственное положение в Церкви. Четвертый вселенский собор (451 г.) окончательно определил округи этих

первенствующих епископов, утвердив распоряжение царской власти относительно подчинения Церквей Фракии, Малой Азии и Понта епископу Константинопольскому, а церковей всей Палестины – иерусалимскому; церкви же Финикии и Аравии подчинены были собором епископу антиохийскому, в ведении которого они находились и прежде. Вместе с тем собор всем этим епископам предоставил почетный титул *патриархов*, хотя александрийский и особенно римский епископы охотнее употребляли, издревле присвоенное всем вообще епископам, наименование *папы* (отца). Таким образом в Церкви образовалось пять высших правительственных центров. Все митрополиты, состоявшие в округах патриарших, были подчинены каждый своему патриарху; только некоторые из них самостоятельно управляли своими церквами. В таком случае церкви их назывались *автокефальными* церквами. Таковы церкви на востоке – *кипрская*, на западе – *медиоланская*, *аквилейская* и *равеннская* и особенно *карфагенская*. Что касается прав и власти патриархов, то они стали в такое же начальственное отношение к митрополитам, в каком те стояли к обыкновенным епископам. Они наблюдали за церквами всего своего округа, утверждали избрание митрополитов и посвящали их, смотрели за исправностию и поведением их, принимали жалобы на них и на областные соборы и т. п. На вселенских соборах патриархи были представителями церковей своих округов сами или чрез своих уполномоченных, так что без их ведома митрополиты и епископы их округов не могли подавать решительного голоса. Они же от лица церковей своего округа сносились с государственною властью, для чего установлены были особые должности *апокрисиариев* и *реферндариев*. Апокрисиариями назывались представители патриархов римского, александрийского, антиохийского и иерусалимского, постоянно находившиеся при царском дворе для объяснений по делам своих церковей и патриархов с царскою властью; реферндариями же назывались лица, употреблявшиеся для сношений между государем и константинопольским патриархом.

§ 31. Вселенское соборное управление и церковное законодательство

Как ни велико было значение патриархов в церковном управлении, выше их стояли, так называемые, вселенские соборы. Власть патриархов простиралась на церкви известного, хотя и большого, округа, власть вселенских соборов простиралась на всю вселенскую Церковь, на всю иерархию, не исключая и самих патриархов. Соборное управление появилось еще в первые века, но только в IV веке, когда христианство сделалось религиею господствующею, оно достигло своего полного развития; теперь получилась возможность составлять соборы не из епископов какой-нибудь одной области, а из епископов всех областей Римской империи. Так как с понятием империи соединялось понятие вселенной, то такого рода соборы получили название вселенских. Впрочем на вселенских соборах не редко бывали епископы и из стран, не входивших в состав империи, принявших христианство. Обыкновенно, соборы созывались императорскою властью, по представлению духовных властей; императорская же власть принимала на себя заботы о внешних удобствах собиравшихся на соборы отцов и обнародовании их постановлений. Всех соборов, признанных православною Церковью вселенскими, было семь (с IV по VIII век включительно). Они составлялись, главным образом, по поводу появлявшихся ересей, но в то же время, кроме вероопределений против ересей, на них составлено много правил относительно церковного управления, богослужения, христианской жизни и т. п. Решительный голос при постановке соборных определений имели только епископы или, за отсутствием кого либо из них, их уполномоченные? но к совещаниям допускались пресвитеры, диаконы и даже монахи, отличавшиеся богословским образованием. Все соборные постановления, утвержденные государственною властью получали силу общеобязательных не только церковных, но и государственных законов и не редко приводились в исполнение гражданскою властью. Постановления поместных соборов только тогда получали силу обязательных законов для всех церквей, когда они были одобряемы и утверждаемы вселенскими соборами. Вселенские соборы были, таким образом, высшею инстанциею церковного управления и ими обуславливалось как единство веры и богослужения, так единство и порядок в церковном управлении. – Последствием вселенских соборов было широкое развитие церковного законодательства. К писанным

церковным правилам, появившимся до времен Константина Великого и вошедшим в канон, присоединено было множество новых правил, обнимающим собою все стороны церковной жизни. По важности своей в ряду других канонических правил (поместных соборов и св. отцов) первое место занимают вероопределения и правила семи вселенских соборов: никейского 1-го (325 г.) – 20; константинопольского 1-го (381 г.) – 7; ефесского (431 г.) – 8; халкидонского (451 г.) – 30; вероопределения константинопольского 2-го (680 г.) и 102 правила, так называемого, пятошестого трулльского собора (692 г.) и никейского 2-го (787 г.) – 22 правила. Для удобства пользования церковными правилами они с течением времени приведены были в систему; в разного рода сборниках они излагались не только в хронологическом порядке, по времени их появления, но и в систематическом по предметам содержания. Замечательный опыт такого изложения правил принадлежит *Иоанну Схоластику* (ум. 578 г.), патриарху константинопольскому. В церкви западной известны были в латинском переводе сборник правил *Дионисия Малого*, римского аббата (ум. около 556 г.) бывший в употреблении в римской церкви²⁴⁷, сборник, приписываемый *Исидору*, епископу севидльскому (ум. 631 г.), употреблявшийся в Испании²⁴⁸ и друг,

§ 32. Папские притязания на главенство в Церкви

По идее учреждения патриаршества, все пять патриархов объемом власти должны были быть равны между собою и в управлении церквями своих округов независимы один от другого. Вселенские соборы ни одному из них не предоставляли исключительной власти над всею вселенскою Церковью, хотя и признавали за римским патриархом первенство чести. Но на практике вышло иначе. Римский патриарх или папа, подчинивши своей власти все церкви запада и требуя такого же подчинения от церквей восточных стал считать себя главою и правителем всей вселенской Церкви. Притязаниям пап на главенство в Церкви содействовали многоразличные причины.

Еще в III и особенно в IV веках западные церковные писатели стали проводить особое понятие о единстве Церкви; они полагали, что всеобщее единство Церкви обуславливается тем, если в ней, кроме невидимой, есть еще одна видимая глава т. е. если во главе всего церковного управления стоит одно лицо. И такую видимую главою Церкви естественно было западному христианскому миру считать римского епископа: он был епископом всемирного города, занимал апостольскую кафедру, единственную на западе, наследовал власть апостола Петра. Если апостол Петр был князем апостолов, как думали на западе, то преемник, наследовавший его власть, римский епископ, должен быть главою и князем всех епископов. – Римские епископы сознали всю важность подобных воззрений и всеми мерами старались проводить их в церковную жизнь. В этом особенно помогали им разного рода обстоятельства политической и церковной жизни, начиная с IV века. Так в 330 году Константин Великий перенес столицу из Рима в Византию; римский епископ, вследствие этого, сделался более или менее свободным от влияния и произвола императорской власти и при случае мог даже давать ей отпор. Это обнаружилось при начавшихся в восточной церкви волнениях по поводу ереси Ария. Правительство, державшееся арианства, начало преследовать православных епископов, из которых многие искали убежища на западе, где приняты были папою Юлием (336–352 г.), строгим ревнителем православия. Такое поведение папы настолько возвысило его, что не только на западе, но и на востоке стали смотреть на него, как на единственного защитника веры и Церкви. Ко времени II вселенского собора [381 г.] папы имели уже такое высокое понятие о своем авторитете, что не хотели допустить, чтобы константинопольский епископ мог

сравниваться с римским, – и папа Дамас протестовал против определения собора относительно равенства константинопольского епископа с римским. С того времени, как Рим сделался столицей западных императоров, папы от близости светской власти не только не потеряли своего значения, но приобрели еще большее. Император Валентиниан III законом от 445 г. утвердил власть папы над всеми церквами запада, заявивши, что только тогда будет мир в Церкви, когда вся Церковь будет признавать своего правителя. Папа Лев Великий, при котором был издан такой закон, действительно, смотрел на себя, как на правителя всей Церкви. Во время монофизитских волнений, когда православные восточные епископы обращались к нему за помощью, он писал на восток несколько посланий замечательных по православному образу мыслей, но проникнутых сознанием верховного авторитета римского епископа. На четвертом вселенском соборе [451 г.], который отчасти был подготовлен деятельностью Льва, его легаты имели большое значение. Лев I был уже вполне убежден, что римский епископ, как преемник князя апостолов, должен иметь всю полноту власти в Церкви. Поэтому весьма неблагосклонно посмотрел на 28 правило IV вселенского собора, подтвердившее равенство константинопольского патриарха с римским. Падение западной римской империи [476 г.] возвысило пап еще более в мнении западного христианского мира. При господстве в Италии варварских германских племен, они были на западе единственными представителями законности и порядка и защитниками народа. Хотя Юстиниан I, отнявший Италию у готов, ограничивал стремление пап к независимости, но, после него, когда Византийская империя не в силах была защищать свои владения в Италии от лонгобардов, они сделались опять независимыми от императорской власти и заняли прежнее положение во главе народа. Сами византийские императоры с уважением смотрели на могущество римских первосвященников. При независимости и могуществе, мысль о главенстве в Церкви римского епископа утверждалась все прочнее и прочнее. Когда константинопольскому патриарху, Иоанну Постнику, присвоили почетный титул вселенского [687 г.] как епископу столицы империи, – с которою все еще соединялось понятие вселенной, – то папы сильно восстали против этого. Папа Григорий I Великий (590–604 г.), один из жарких поборников идеи главенства римского первосвященника, чтобы ярче выставить несообразность титула вселенского с значением в Церкви константинопольского патриарха, называл себя рабом рабов Божиих. Но все-таки папы не остановились на этом протесте, – они достигли того, что

византийский император Фока [602–610 г.г.], по особым политическим расчетам, признал за римским епископом титул вселенского (*universalis*). Во время монофелитских волнений в VII столетии папы опять заявили себя защитниками православного учения и опять православные востока и запада смотрели на них как на представителей православной веры и Церкви. А во время иконоборческих смут в VIII столетии они даже решились отказать в повиновении восточным императорам – иконоборцам. В это время на западе усилилось одно из новых христианских государств – *франкское*. Папы нашли, что для них вступить в союз с франкским государством, в котором влияние их было упрочено, при посредстве известного миссионера Бонифация, выгоднее, чем состоять под опекою византийских императоров. Папа Захария (741–752 г.г.) помазанием ни царство Франкского майор–дома *Пипина* [752 г.] скрепил этот союз. Теперь папам нестрашны были нападения лонгобардов и угрозы византийских императоров. Когда при преемнике Захарии, Стефане II [752–757 г.г.) лонгобарбы заняли равеннский экзархат, принадлежавший византийской империи и даже угрожали самому Риму, он призвал на помощь Пипина, который в два похода [754–755 г.г.] принудил лонгобардов оставить все их завоевания. Но при этом Пипин объяснил, что он отнял у лонгобардов завоевания их в Италии не для греков, но для апостола Петра, которому и желает принести их в дар. Он приказал написать формальную дарственную грамоту, которою все отнятые у лонгобардов земли предоставлялись во владении римской церкви; грамота была положена на гробе св. Петра. Подарком Пипина *положено начало светской власти пап* [755]. – Между тем, когда происходило такое постепенное освобождение пап из под власти византийских императоров, они упрочивали свою власть в церквях западных, преимущественно тех областей, которые не входили в состав римского диоцеза. В церквях западных, напр., африканской, испанской и друг. римский епископ издавна пользовался большим авторитетом, как преемник апостола Петра. За решением разных недоумений они, по древнему обычаю, обращались к римской церкви, хранившей апостольское предание. Это подало повод римским епископам писать к таким церквам послания, в которых разрешались спорные вопросы на основании апостольского предания. Такого рода послания, появившиеся еще в конце IV века, при постепенном увеличении власти пап получили название *декреталей* т. е. *определений*, и считались каноническими. Естественно, что принятием папских декреталей западные церкви становились уже в подчиненное отношение к римской. Но папы для упрочения своей власти нашли еще новое средство;

они стали давать главным митрополитам местных церквей титул *викариев апостольскую престола* и, в знак зависимости их от римской кафедры, посылали им *паллиумы* (pallium). Викарии в зависимости от пап в своих поместных церквах должны были распоряжаться на правах патриархов. Карфагенская церковь сильнее других церквей отстаивала свою самостоятельность, но и она, под гнетом вандалов, в VI столетии должна была искать опоры в церкви римской. Что касается до подчинения папской власти ново-основанных церквей в Британии, Германии и других странах, то оно совершилось очень легко. Здесь идея о главенстве папы распространялась и утверждалась вместе с самым христианством, тем удобнее, что все главные миссии шли из Рима. – Только подчинение восточных церквей не удалось папам; на востоке отдавали им преимущество чести, но не власти, на основании древних церковных правил.

Глава 5. Богослужение, благочиние и христианская жизнь

§ 33. Общие замечания о богослужении

В IV и последующих веках богослужение, как и прочие стороны церковной жизни, получило полное развитие. В общем виде оно было установлено в первые века, но в частности и подробностях не вполне еще было определено, отчего происходили в богослужении различия в тех или других церквях. Теперь же все богослужение, как в целом так и в частях, получило определенный порядок и однообразные формы, хотя некоторые церкви, напр. римская, с течением времени и отступали от однообразия богослужения Церкви вселенской. Вместе с тем, при новом положении Церкви в государстве и особенно при богатстве многих отдельных церквей богослужение явилось с небывалым до того блеском и великолепием. Искусство, – которому Церковь дала христианское употребление, – во всех его видах – архитектура, живопись, ваяние, музыка, поэзия – сообщило ему то особенное величие и благолепие, которым оно отличается доселе.

§ 34. Места общественного богослужения: их устройство и принадлежности

В последнее жестокое гонение (Диоклетиана) все места общественных богослужений, т. е. церкви были разрушены. После торжества христианства при Констанине Великом, естественно было как христианскому обществу, так и правительству прежде всего озаботиться постройкою церквей. И действительно, церкви появляются во множестве; их строят и императоры, и епископы, и частные лица. Из императоров особенною любовью к постройке храмов отличались Константин Великий с своею матерью Еленою, Феодосий Великий, Юстиниан и друг. Константин построил напр. с большим великолепием церкви в Иерусалиме на месте гроба Господня. В Константинополе – во имя апостолов Петра и Павла, в Риме, так называемую, латеранскую церковь, которая была собственною церковию пап, и церковь во имя Апостола Петра на Ватиканской горе, – месте мученической кончины апостола, и друг. Из церквей, построенных Еленою, известны – на горе Елеонской, в Вифлееме, Хевроне. Софийская церковь в Константинополе, построенная Юстинианом, в свое время была одним из величайших произведений искусства. Вообще во всех больших городах появлялись более или менее большие и богатые церкви. Храмы новой постройки имели, как и прежде, продолговатую форму и вообще своим внешним видом походили на базилики²⁴⁹. От устройства в форме базилик церкви также назывались базиликами, тем более, что общественные здания, известные под названием базилик, нередко обращаемы были, по распоряжению императоров, в церкви. Но уже в IV в. форма базилик начала разнообразиться, – стали устраивать церкви осмиугольные, круглые, или продолговатые, но с формою креста. Кроме того, вместо плоской крыши на церквах, стали делать крышу со сводами; появились, так называемые, куполы. Куполообразная постройка церквей распространилась особенно со времен Юстиниана и стала известною под именем византийского стиля в отличие от стиля базилик. Софийский храм в Константинополе и церковь Св. Марии и Всех Святых в Риме, устроенная в языческом пантеоне (при императоре Фоке 606 г.), представляют образцы византийского стиля. – При церквах, особенно кафедральных, было еще много зданий, построенных или отдельно или в одну связь с храмом. Таковы – крещальни, дома для епископа и клира, библиотеки, школы, благотворительные заведения и т. п.

Что касается до внутреннего устройства церквей, то оно было такое же, какое и в III в. Тоже было разделение храма на три части; только с течением времени не так резко стали отделять среднюю часть храма от притвора, – стена, находившаяся между ними, почти уничтожилась. Причиной этого было то, что, с течением времени, оглашенных и кающихся, для которых был назначен притвор, делалось все меньше и меньше в Церкви. В средней части храма в некоторых церквях явились прибавления: это хоры, на которых стояли женщины, а вокруг стен отдельные небольшие комнаты, кельи, для желающих предаться уединенной молитве. Пред алтарем стали устраивать возвышение, называемое солеею, чтобы присутствующим в церкви лучше было видно совершение богослужения. Вообще во всех церквях было только по одному алтарю, но со времени папы Григория Великого (590–604) на западе стали устраивать их по нескольку. На востоке этот обычай явился позже. Престолы в богатых церквях, напр. в Софийской константинопольской, устраивали из драгоценных металлов; был обычай устраивать и каменные. Не ранее VII в. вошли в употребление на востоке антимины, полагаемые на престолах, неосвященных епископом, а на западе, так называемые, переносные алтари. Вообще на устройство церквей употреблялись материалы драгоценные – мрамор, золото, серебро, драгоценные камни и проч. В IV в., – когда уничтожились причины, останавливавшие употребление в церквях св. икон, – св. изображения Спасителя, Божией Матери, апостолов, мучеников, св. угодников и проч. из домов и катакомб перешли в церкви, а в V в. были уже во всеобщем употреблении. Кроме живописных, были в употреблении иконы, изваянные из воску, резные из дерева. Обыкновенно, иконы поставлялись во всех частях храма, на востоке преимущественно на колоннах и решетке, отделявшей среднюю часть храма от алтаря. После восстановления иконопочитания, в VIII в. на востоке стали устраивать иконостасы т. е. преграды, отделявшие алтарь, которые были уставляемы иконами, как в настоящее время это делается. – Относительно принадлежностей храмов нужно заметить, что все они являются в лучшем против прежнего виде. Священные одежды, напр., устраивались из дорогих тканей. Цвет одежд вообще был белый и черный, но с VII или VIII в. появились одежды и других цветов. Сосуды, особенно употреблявшиеся при совершении таинства Евхаристии, делались из золота и серебра с драгоценными камнями. В IV веке, когда подучилась возможность совершать богослужение открыто, возникла потребность в орудии, посредством которого можно было бы собирать верующих к богослужению. Отсюда, новая принадлежность храмов – деревянные била,

а на западе колокольчики. Настоящие колокола появились в VII в. первоначально на западе, откуда перешли на восток, во второй половине IX в. С появлением колоколов стали устраивать при церквях помещения для них – колокольни.

§ 35. Богослужebные времена, праздники и посты

В первые века христиане посвящали на молитву известные часы дня – третий, шестой и девятый; молились также утром и вечером. В IV в. к этим временам присоединились еще полночь, а в монастырях – первый час и повечерие. Впрочем в IV же веке все эти времена стали соединять собственно в три времени: время между полночью и утром, пред полднем и вечером; при чем таинство Евхаристии или литургия совершалось пред полднем, а не ночью, как, по большей части, было в первые века. Соединение последовало сначала в приходских церквях, а потом перешло и в монастыри. Так называемые, всенощные получили окончательный и определенный вид также в IV в. и совершались под особенно торжественные праздники.

Праздничные дни и посты в круге недельном остались те же. Воскресный день празднуется с IV века с особенною торжественностью. Константин Великий издал закон (321 г.) о прекращении в воскресный день судопроизводства; впоследствии же он запретил в этот день и воинские занятия. А Феодосий Младший запретил даже (425 г.) в день воскресный все увеселения и зрелища. Среда и пятница, как и прежде, были днями поста. Римская церковь продолжала содержать пост в субботу, в воспоминание пребывания Спасителя во гробе и в противоположность иудеям, у которых суббота была праздничным днем. Папа Иннокентий I особенно заботился о распространении обычая поститься в субботу. К концу VII в. этот обычай установился прочно на западе, так что собор трулльский (692 г.) нашел нужным заметить о посте в субботу, как об отступлении римской церкви от древнего правила апостольского²⁵⁰. Впрочем и на западе церкви африканская, Медиоланская не содержали поста в субботу, по крайней мере, до тех пор, пока не подчинились вполне церкви римской.

Праздники в круге годичном, установленные в первые века, остались и теперь. Время празднования Пасхи окончательно было определено на I вселенском соборе, именно в первый воскресный день после 14 нисана. Александрийский епископ по поручению собора должен был особыми пасхальными посланиями каждый год извещать все церкви о дне, в который, по астрономическим вычислениям, приходится Пасха. Отсюда, в александрийской церкви составилась 19-летний пасхальный круг, который в 525 г. ученым аббатом, Дионисием Малым, введен был и в римской церкви. Все-таки оставались еще христиане, праздновавшие пасху вместе с

иудеями 14 нисана; они известны, как раскольники, под именем тетрадитов или четырнадцатидневников. Пасха, как самый важный христианский праздник, праздновалась торжественнее всех других праздничных дней. На целую неделю оставляемо было судопроизводство, прекращались все общественные увеселения и зрелища. Императоры освобождали из темниц узников, а господа давали иногда свободу рабам. Праздник Рождества Христова в IV в. распространяется в восточных церквах, а Богоявления – в западных. Кроме того появляется много новых праздников. Так в IV в. установлен был праздник Обрезания Господня. Особенностью этого праздника в первое время его установления было то, что его проводили в посте, как день печали и сетования, в противоположность язычникам, у которых в этот день был праздник календ, сопровождавшийся соблазнительными зрелищами. В VI в. праздник Обрезания распространился во всех церквах. Праздник Сретения Господня, если не был до IV в., всеобщим, то с IV в. распространился повсюду также, как и праздник Входа Господня в Иерусалим. Начало праздника Преображения Господня восходит к VI веку. В IV в. установлен праздник Воздвижения честного и животворящего креста Господня – в память его обретения. В VII в. с этим праздником соединилось воспоминание возвращения креста Господня от персов при императоре Ираклие (628 г.). Праздник Благовещения Пресвятой Деве Марии, в V веке, после III вселенского собора, когда осуждена была ересь Нестория, унижавшего достоинство Божией Матери, распространился повсюду. К V же веку относится установление празднования дня Рождества Богородицы. Другие праздники в честь Пресвятой Богородицы появились позже: Успение – в VI, Введение в храм – в VIII. Праздники в честь св. апостолов, св. ангелов, св. божиих человеков, пророков, святителей, мучеников, преподобных и проч. ведут свое начало с IV века, кроме апостолов и мучеников, в честь которых установлены были празднества ранее. В IV веке установлен общий праздник всех мучеников, а в VII в. на западе праздник всех святых. На западе в V в. установлен еще своеобразный праздник кафедры апостола Петра. Словом, образовался полный церковный год, начинавшийся по обычаю, заимствованному от евреев, с 1-го сентября, и с каждым днем года соединялось празднество или в честь святых и Богородицы, или во славу Христа Спасителя.

Что касается до постов в круге годичном, то, кроме четырехдесятницы, которая была установлена уже в первые века, церковь установила еще три многодневных поста – пред днем Рождества Христова, пред праздником в честь апостолов Петра и Павла и пред Успением.

§ 36. Богослужбные действия и обряды

Все действия богослужения, – как то: чтение Священного Писания, изъяснение его в связи с поучением, песнопения, совершение таинств с приличными каждому из них обрядами и проч., – в IV и последующих веках получили определенный порядок и полноту. Так установлен был определенный порядок в чтении Св. Писания. Прежде назначение чтения той или другой книги Св. Писания зависело от предстоятеля церкви, и, по большей части, было чтение непрерывное сначала одной книги, потом другой, теперь же на каждый день церковного года назначаем был определенный отдел из евангелия, апостолов и других книг. В IV и V в. в. в разных церквах стали появляться так называемые лекционарии, в которых именно означались отделы Св. Писания, назначенные для чтения в тот или другой день. За чтением Св. Писания следовало поучение или проповедь. Право говорить поучение принадлежало вообще епископам, хотя они возлагали эту обязанность на пресвитеров и диаконов, даже и в том случае, если сами совершали богослужение; в приходских же церквах говорили поучения пресвитеры. При развитии ораторского искусства, поучения стали составлять по всем правилам этого искусства, в форме ораторских речей. Известны великие отцы Церкви, славившиеся своими проповедями на востоке: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, на западе: Августин, Лев Великий и друг. Их проповеди читались в церквах даже после их смерти. Впрочем, проповедничество развито было более на востоке, чем на западе. На востоке проповедь считали важною частью богослужения, тогда как на западе не придавали ей почти никакого значения, так что случалось, присутствующие при богослужении, при начале проповеди, уходили из церкви, и епископы, чтобы воспрепятствовать этому, должны были приказывать запираеть двери. В VII в. на западе проповедь совсем упала, а в ново-основанных западных церквах даже вышла из употребления. – Проповеди сначала говорились епископами с епископского седалища, что за престолом, но со времен Златоуста вошло в обычай говорить их с амвона. В восточных церквах во время проповеди присутствующие стояли, в западных же – сидели.

Относительно пения нужно заметить, что на нем отразилось сильное влияние искусства. Начиная с IV в. стали появляться в Церкви разного рода гимны, отличавшиеся поэтической силою, и разного рода напевы, проникнутые прекрасными мелодиями. Из церковных песнописцев IV в. особенно выдается Ефрем Сирин (ум. 372 г.), составивший много

поэтических песнопений в честь мучеников, в противоположность гимнам еретическим, распространившимся в Сирии со времен еретиков-гностиков, Вардесана и Гармония. С целью же противодействия еретикам, особенно арианам, которые посредством гимнов распространяли свое лжеучение, писали церковные песни: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский (IV в.). В V веке известен был своими песнопениями, именно стихирами на воскресные и другие праздничные дни, Анатолий, патриарх константинопольский (ум. 458 г.), а в VI в. – Роман Сладкопевец (ум. ок. 510 г.), написавший до 1000 вдохновенных песней, известных под именем кондаков, и множество икосов. В VII в. Софроний, патриарх иерусалимский (ум. 641 г.) трудился, между прочим, над составлением церковных песней. Но особенно VIII век славен церковными песнописцами. Андрей, архиепископ критский (ум. ок. 712 г.), был в полном смысле слова поэтом, доказательством чего служат его, полные глубокого религиозного чувства, покаянные каноны. Герман, патриарх константинопольский (ум. 740 г.), также должен быть поставлен на ряду с лучшими песнописцами своего времени. Но Иоанн Дамаскин (ум. ок. 776 г.) и Козьма Маюмский (ум. после Дамаскина) по всей справедливости занимают первое место в ряду песнописцев всех времен. Их каноны и другие церковные песни полны высокой поэзии²⁵¹. Напев, употреблявшийся в богослужении и в IV в., вначале также, как и в первые века, был самый простой, близкий к разговорной речи (речитативный). Но скоро стали вводить в богослужебное употребление пение искусственное, более или менее мелодичное. Поводом к этому послужило то, что христиане стали увлекаться музыкою театральною и стройным пением еретиков. В виду предохранения их от подобных увлечений отцы Церкви допустили и в богослужении стройное мелодичное пение. Так поступали Ефрем Сирий и Златоуст. На западе ввел размеренное мелодичное пение Амвросий Медиоланский, именем которого оно и обозначалось (cantus ambrosianus). Но так как в амвросианское пение, с течением времени, был привнесен театральный элемент, то папа Григорий Великий ввел новый напев – важный, торжественный. Окончательное определение церковных напевов принадлежит Иоанну Дамаскину. Он изобрел 8 гармоний, или гласил и на них положил, составленные, им воскресные службы, которые образовали, так называемый, октоих или осмогласник. Семеричное число гласов или напевов Дамаскина вскоре вошло во всеобщее употребление в восточных церквах и даже принято было отчасти в западных, после чего церковное пение получило большее или меньшее единство и однообразие во всех церквах. Что касается порядка пения, то он был различен. Пели все

присутствующие при богослужении вместе, или попеременно на два хора; начинал петь один певец, а за ним повторял тоже самое народ; наконец пели один или несколько певцов, причем иногда в конце той или другой песни припевал с ним и народ. Ограничение участия народа в богослужебном пении относится ко временам Лаодикийского собора (364 г.), запретившего петь в церкви «иным некоторым», кроме певцов, состоящих в клире²⁵². – В совершении таинств не произошло никаких перемен, сравнительно с первыми веками. Так – чтобы принять крещение, требовалось предварительно пройти степени оглашения, которые были те же, что и в III в. Только число оглашенных с V в. стало уменьшаться, потому что в V в. окончательно утвердился обычай крещения детей. К этому же времени стал мало-помалу прекращаться, распространившийся было в IV в., обычай взрослых откладывать свое крещение на неопределенное время, в расчете чрез крещение принятое пред концом жизни, получить отпущение всех грехов. К обрядам при совершении таинства крещения присоединилось еще дуновение на крещаемого при чтении заклинательных молитв. Обыкновенными временами для крещения были суббота под праздник Пасхи и Пятидесятница; на востоке – также праздник Богоявления. Вопрос о крещении еретиков, поднятый в III веке, разрешен был окончательно на соборах. Было решено²⁵³ всех еретиков, которые извращают христианское вероучение в его сущности и не имеют у себя правильного крещения во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, перекрещивать при обращении их к православной Церкви, прочих же присоединять только чрез миропомазание. Относительно миропомазания нужно заметить только, что с V в. во многих уже западных церквях совершали это таинство исключительно епископы. Совершение таинства Евхаристии осталось такое же; только то богослужение, во время которого оно совершалось т. е. литургия получило определенность и единообразие. К IV в. в разных церквях были разные литургии, хотя и сходные в существенном. В иерусалимской церкви была своя литургия, по преданию приписываемая апостолу Иакову, в александрийской – евангелисту Марку, в римской – св. Клименту, в испанской и галльской – тоже свои, сходные с иерусалимской; в IV в. явились кроме того еще новые изложения литургии, в Медиоланской церкви – Амвросия, в Кесарии каппадокийской – Василия Великого, в Константинополе – Иоанна Златоустого (сокращение литургии Василия Великого) и, наконец, чин литургии преждеосвященных даров, составленный Григорием Великим. Литургии Василия Великого и Иоанна Златоустого с течением времени вошли во всеобщее употребление в восточных церквях. Прочие

таинства – покаяние, священство, брак и елеосвящение – все вообще получили определенный чин, как свидетельствует о том сакраментарий (VI в.) Григория Великого.

§ 37. Церковное благочиние

Заботясь о чистоте нравов своих членов, Церковь, в первые три века, установила строгую дисциплину относительно их образа жизни и поведения. Она требовала, чтобы все верующие вели жизнь по возможности святую, свободную от грехов. Если же в ней появлялись тяжкие грешники, каковы отступники от Церкви, еретики, блудники, убийцы и т. п., то она отвергала их от себя, как недостойных членов и затем, когда они желали опять вступить в общество верующих, принимала их после продолжительного, тяжелого испытания и принесения публичного раскаяния. Но уже в III веке, назначением особых пресвитеров для кающихся (падших), Церковь отчасти смягчила строгость своего суда. В IV в., – когда членами Церкви делались целые народы во главе с своими правителями, а не отдельные лица, – во многих частных случаях не удобно было применять строгую дисциплину, и она была ослаблена еще более. Хотя отлучение от церковного общения грубых, открытых грешников, равно как и степени кающихся – установленные в III в., существовали и в IV в.; но отцы Церкви, определяя на соборах продолжительность искуса и роды наказаний за те или другие грехи, в тоже время не редко предоставляли епископам, по их личному усмотрению, облегчать участь кающихся. К концу IV века отлучение от церковного общения обыкновенных грешников и затем публичное прохождение «степеней кающихся» с публичным покаянием совсем стало выходить из церковной практики сначала на востоке, а потом на западе. Патриарх константинопольский, Нектарий, отменил (390 г.) в своей церкви должность пресвитеров для кающихся, после чего каждый, по собственному желанию, мог избирать себе духовника и пред ним исповедоваться тайно во всех своих тайных и явных грехах. Примеру Нектария последовали епископы других восточных церквей. Сообразно тяжести грехов духовники налагали на кающихся разного рода искусы, которые они должны были выполнять тайно, и затем получали разрешение. В этом случае епископы давали своим пресвитерам определенные наставления относительно самой исповеди и тех наказаний, которые, по канонам церковным, должны быть налагаемы на кающихся за те, или другие грехи. Торжественное же отлучение от Церкви употреблялось в приложении к еретикам и раскольникам и редко к обыкновенным грешникам. На западе частная тайная исповедь окончательно заменила публичную около половины V в. при папе Льве

Великом.

Кроме покаянной дисциплины следует еще обратить внимание на церковную дисциплину относительно вступления в брак. Церковь всегда смотрела на брак, как на учреждение божественное, и допускала его вообще для всех своих членов. Но в тоже время она наблюдала, чтобы брак не был удовлетворением одной чувственности. Поэтому, она положительно запрещала многоженство и четвертый брак; третий же и второй браки хотя допускала, но все-таки двоеженцев и троюженцев не оставляла, без некоторого наказания, или скорее вразумления, в виду обнаруженного ими невоздержания. Вступавших во второй брак она подвергала отлучению от св. причащения на год и на два, а вступавших в третий – на три, на четыре и даже на пять лет²⁵⁴. Что касается условий, соблюдение которых, при заключении всякого брака Церковь считала необходимым, чтобы брак был вполне законным, то они были следующие. Прежде всего требовалось, чтобы вступающие в брак имели согласие от своих родителей и своих господ, и без этого согласия брак считался недействительным²⁵⁵. Затем бракосочетающиеся должны быть оба православные; браки с неверными, каковы иудеи и язычники, и с еретиками положительно запрещались Церковью, разве только лицо, сочетавающиеся давало обещание перейти в православную веру²⁵⁶. Наконец, брачующиеся не должны состоять между собою в родстве. Родство Церковь различала двоякое: духовное и плотское. В родстве духовном браки запрещались между восприемниками и воспринятыми и родителями их²⁵⁷ и вообще до трех степеней. В родстве плотском – однородном или кровном собор трулльский запретил браки до четвертой степени включительно²⁵⁸. В родстве двухродоном и трехродовом или свойстве тот же трулльский собор, также как и в кровном, запретил браки до четвертой степени включительно, напр. двум родным братьям с двумя родными сестрами²⁵⁹.

§ 38. Раскол донатистов

Во II и III веках противниками обще-церковной дисциплины были монтанисты и новациане. В IV веке такими противниками являются донатисты. В сущности донатисты проводили те же мнения, что монтанисты и особенно новациане, и самый раскол донатистов, можно сказать, был возобновлением раскола новацианского, только в другой стране и под другим названием. Донаиисты, как и новациане, смешивали понятие о Церкви видимой с понятиями о Церкви невидимой, перенося на первую признаки последней – чистоту, святость и проч. Так, приняв за основание, что Церковь должна быть святою, они полагали святость ее в святости ее членов. Поэтому, если Церковь терпит в своей среде грешников, каковы, напр., отступники от веры и предатели во время гонений, то она, по мнению донатистов, перестает быть святою. Даже самые таинства Церкви, совершаемые грешными и порочными священнослужителями, по их понятию, теряют характер святости и становятся недействительными. Выходя из таких воззрений, донатисты требовали совершенного исключения из Церкви всех грешных членов и никак не допускали снисходительной покаянной дисциплины. К этим чисто новацианским воззрениям они присоединили еще новое, именно, что Церковь должна жить совершенно отдельно от государства жизнью, как было в первые три века, не смешивая своих интересов с интересами государства. История раскола донатистов следующая. В гонение Диоклетиана, в числе христиан африканской церкви были фанатики, проникнутые взглядами Монтана на мученичество, которые сами искали мученических венцов. Карфагенский епископ Менсурий и его архидиакон Цецилиан не одобряли фанатизма христиан. Менсурий даже не считал предосудительным употреблять благоразумные средства к освобождению от преследований; так – он отдал сыщикам вместо Св. Писания, которое просили у него, еретические сочинения, и сыщики не тревожили его более. Но партия фанатиков была недовольна таким поведением своего епископа и его архидиакона и ожидала только случая заявить свое недовольство. В 311 году Менсурий умер; преемником ему был выбран Цецилиан и посвящен Феликсом, епископом аптунгским, человеком одинакового с ним образа мыслей. Теперь-то и выступила партия недовольных. Во главе ее стояла богатая и уважаемая вдова Луцилла, лично недовольная Цецилианом, так как он обличал ее в суеверии. Но недовольные ничего бы не сделали, если бы не нашли поддержки в епископах Нумидии, которые

не были приглашены на посвящение Цецилиана. Последние, прибыв в Карфаген, устроили собрание, на котором объявили рукоположение Цецилиана недействительным, так как он принял посвящение от Феликса, обвинявшегося в изменничестве. Но когда Цецилиан выразил желание принять от них новое посвящение, то и его обвинили, как предателя и отлучили от Церкви. На место Цецилиана выбрали Нового епископа, чтеца Майорина друга Луциллы. Таким образом в Карфагене явилось два епископа. Разделение скоро распространилось по всей северной Африке. Обе партия стали искать поддержки в других церквях. Император Константин, который тогда только что объявил себя в пользу христиан, решительно высказался против Майорина. Но Майорин отправил к нему письмо, в котором просил расследовать обвинения, выставляемые против Цецилиана. Константин поручил римскому епископу Мельхиаду, с пятью галльскими епископами, разобрать дело. Цецилиан должен был явиться в Рим с десятью епископами, которые бы выставили против него обвинения и десятью другими, которые бы защищали его. В 313 году в Риме состоялся собор, на который Мельхиад пригласил еще пятнадцать итальянских епископов. Донат, епископ Казы, что в Нумидии, был главным обвинителем Цецилиана и и душою противной партии. Но его обвинения не были найдены основательными, и Цецилиан объявлен был свободным от обвинений. Затем, по поручению Константина, вследствие апелляции Майорина, дело о посвящении Цецилиана разбиралось на соборе в Арлесе (314 г.): и здесь Феликса, посвятившего Цецилиана, нашли невиновным в предательстве. Наконец, когда раскольническая партия обратилась к непосредственному суду императора, он выслушал обе стороны в Медиолане (316 г.) и снова решил дело в пользу Цецилиана. Между тем Майорин умер (315 г.), и его место во главе раскола занял Донат, прозванный своими приверженцами Великим, человек пылкий, суровый. Этот Донат принявший епископское посвящение от другого Доната, епископа Казы, сообщил свое имя расколу. Он убедил своих сообщников не покоряться решению императора. Дело приняло новый оборот. Против раскольников изданы были строгие законы, стали отнимать у них церкви, епископов их ссылать в заточение и проч. Но преследования только раздражали их. Произошло большое возмущение; в Нумидии образовались шайки раскольников, к которым примкнуло еще множество бежавших рабов. Большими скопищами ходили они по стране, нападая как на языческие, так и на христианские храмы и особенно на церковные власти. Смерть они презирали, потому что искали мученических венцов. Сами себя раскольники, называли воинами

христовыми, а у православных известны под именем циркумцеллионов (circumcelliones), так как они бродили вокруг хижин поселян. При таком положении дел Константин решил прекратить преследование и в 321 г. предоставил донатистам полную свободу, которою они пользовались до конца его жизни. Преемник Константина, западный император Констанс, хотел было привлечь донатистов к православной Церкви подарками на бедных и храмы. Но Донат отослал их назад и затем и он сам, и другие донатистские епископы стали проповедовать, что Церковь не имеет ничего общего с императором, что общения Церкви с государством не должно быть, что Церковь в порабощении у государства и т. и. Теперь император приказал уже силой восстановить в Африке церковное единство. Опять стали отнимать у донатистов церкви, опять начались ссылки епископов; между прочим сослан был сам Донат. С другой стороны, циркумцеллионы опять начали религиозную войну. При этом они доходили иногда до такого фанатизма, что, в случае нападения правительственных войск, не имея возможности защищаться, сами бросались с утесов и в огонь, считая свою смерть мученичеством. В таком же положении было дело и при Констанции до вступления на престол Юлиана (361 г.), который, по просьбе донатистов, издал указ, отменявший все крутые меры, принятые против них в предшествовавшее царствование. Донатисты получили свои церкви и свободу отправлять богослужение. При последующих императорах раскол усиливался все более и более. К концу IV в. донатисты считали у себя сотни церквей. Православные епископы старались было действовать на раскольников силою убеждения. Так Августин, бывший (с 395 г.) епископом в городе Иппоне в Нумидии, неутомимо трудился над обращением их, – писал в опровержение их сочинения, входил с ними в диспуты и проч. Но ничто не помогало; обращались только отдельные личности. Сам Августин на карфагенском соборе (405 г.) согласился, что против донатистов следует принимать крутые меры. Действительно, император Гонорий поднял новое преследование. В 411 г., по желанию Августина, состоялся, наконец, торжественный диспут между православными и донатистами. Хотели обсудить и решить дело мирным путем. В Карфагене собралось на собор 286 епископов православных и 279 донатистских; тут же присутствовал императорский чиновник Марцеллин. Споры продолжались три дня; со стороны православных особенно выдавались Августин и Аврелий епископ карфагенский, со стороны раскольников – *Примиан* и *Петилиан*. Главными спорными вопросами были следующие: были ли предателями Феликс и Цецилиан и перестает ли Церковь быть святою, если в ее лоне есть

недостойные члены? Все рассуждения и споры не привели ни к чему; каждая сторона осталась при своем. Марцеллин, впрочем, решил, что победа осталась за православными. Донатисты апеллировали к Гонорию, но тот утвердил исключение своего уполномоченного и издал против них строгий указ. Затем, вскоре северную Африку заняли вандалы. Донатисты надеялись было, что вандалы, как еретики (ариане) пощадят их, но они преследовали как их, так и православных. Донатистские общества существовали до VII века.

§ 39. Христианская жизнь вообще

Как в первые века, так и теперь христианство, когда было принимаемо и усвояемо надлежащим образом, оказывало свое благотворное влияние на жизнь. Его высокие нравственные начала находили и теперь прекрасное осуществление в жизни как целого христианского общества, так и отдельных личностей. Так, мы видим, что христианское правительство Греко-римской империи, под влиянием христианских нравственных начал, издает благодетельные для общества законы, напр. об ограничении рабства, облегчении участи пленных и рабов, против гладиаторских зрелищ и т. п. Общество начинает устроить свою жизнь сообразно христианским требованиям. Страсть к безнравственным театральным зрелищам, укоренившаяся в греко-римском обществе, постепенно ослабевает, и место зрелищ занимают благочестивые христианские упражнения, каковы напр. путешествия к св. местам; благотворительность общественная и частная возрастает; семейный гнет и произвол уступают место христианской любви; женщины выходят из того рабского положения, в котором они находились в языческом мире, и, как жены и матери, занимают в семье почетное место; отношения отцов к детям и детей к отцам становятся гуманнее и т. п. Многие примеры из жизни христиан IV и последующих веков вполне подтверждают это. На первом месте пред нами стоят великие отцы Церкви, которые навсегда остались образцами благочестивой и святой жизни (со многими из них мы встречались уже в настоящем отделе истории). Далее, мы видим множество страдальцев за веру и благочестие, как напр. во время Юлиана и еретиков-императоров, когда многие христиане считали за лучшее лишиться житейских выгод, чем изменить своим религиозным убеждениям, или во время гонений вне пределов Римской империи (напр. в Персии); все они отличались теми же добродетелями, как и мученики первых веков. Наконец, семейная жизнь христиан представляет не мало примеров благочестия и святости. Такие благочестивые женщины, как Нонна, мать св. Григория Богослова, Анфуза, мать св. Златоуста, Моника, мать блаженного Августина и друг. представляют собою прекрасный образец христианских матерей и жен. Вообще женщины по преимуществу были представительницами благочестия в семейной жизни; занимаясь в тиши и уединении воспитанием своих детей, они полагали в них первые семена благочестия.

Но, с другой стороны, нельзя сказать, чтобы жизнь христиан IV и

последующих веков была такова же, как и в первые века. Христианское общество первых веков, по всей справедливости, может быть названо обществом святых. Уклонений от требований христианской жизни там было не слишком много, тогда как теперь среди чистой пшеницы встречается много плевелов. В IV в. христианство сделалось религиею государственною; вследствие этого язычники стали вступать в Церковь вдруг большими массами. В числе их много было таких, которые принимали новую веру не по убеждению в ее истинности и превосходстве, а по житейским расчетам и выгодам. Такого рода люди усваивали себе только внешность христианскую, не заботясь о внутренней благочестивой настроенности и, сделавшись по видимому христианами, в сущности оставались язычниками, с языческими обычаями, привычками, предрассудками и суевериями. Посещая в христианские праздники церкви, они не отказывались посещать языческие зрелища. Принимая христианские таинства, они смотрели на них, как на языческие волшебные действия, и были убеждены, что одно только принятие их, без собственного нравственного усовершенствования, избавит их от всех грехов и спасет от всяких несчастий. Все благочестие, по понятиям таких полу-христиан, заключалось в исполнении предписаний обрядового закона – в содержании постов, вычитывании молитв, хождении в церковь, в пожертвованиях на церкви и проч. Мало-по-малу такие взгляды на благочестие и добрые дела распространились между многими, преимущественно людьми светскими, преданными мирским занятиям и удовольствиям, и остались господствующими на долго, как в восточных церквах, так и в западных.

§ 40. Жизнь монашеская на востоке

Монашеский образ жизни, начало которому положено было еще в III в., в IV в. получает полное развитие. Ослабление строгости христианской жизни, со вступлением в Церковь множества язычников, заботившихся и в христианстве только о мирских интересах, побуждало ревнителей благочестия уходить из городов и селений в пустыни, чтобы там, вдали от мирских волнений, проводить жизнь в подвигах самоотречения, молитве и размышлениях о Боге. В ряду таких подвижников первое место занимает преподобный Антоний Великий (род. 251 г., ум. 356 г.), по справедливости считающийся основателем монашества. Он был родом из египетского селения Кома, происходил от христианских родителей, которые дали ему вполне христианское воспитание. Однажды, уже по смерти родителей, будучи в церкви, Антоний услышал слова евангелия: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение свое и раздай нищим²⁶⁰. Он принял это наречение, как божественное призвание в жизни самоотреченной, и исполнил его вполне. Раздал свое имение нищим, а сам предался подвижнической жизни под руководством одного старца-пустынника, обитавшего вблизи селения. Антонию было в это время только осьмнадцать лет. Спустя немного он нашел себе другое место, подалее от селения, в одной пустой гробнице. Много лет подвизался он здесь в посте и молитвах. Пищью его, которую он добывал рукоделием, был хлеб с солью и вода. Великий подвижник не избежал искушений от демонов. Мысли о трудности подвижнической жизни и мирских удовольствиях и наслаждениях, оставленных им, смущали его душу; но постом, молитвою и размышлением о призвании христианина, он одержал победу над нечистыми пожеланиями. Укрепившись в духовной жизни, Антоний захотел проводить жизнь совершенно уединенную, почему удалился в необитаемые места и поселился в развалинах одной крепости. Здесь он прожил двадцать лет, продолжая ту же борьбу с демонскими искушениями. Слава о таком подвижнике скоро распространилась между христианами, и многие стали посещать его; многие даже желали, под его руководством, вести такую же подвижническую жизнь. Антоний принял на себя обязанность руководителя в отшельнической жизни и вокруг него собралось целое общество подвижников. Его пустыня оживилась, подвижники рассеялись по пещерам. Внешних правил для монашеской жизни Антоний не давал своим ученикам; он заботился преимущественно о том, чтобы укоренить в них внутреннюю благочестивую настроенность.

Преданность воле Божией, отречение от всех земных благ, молитва, сосредоточенное размышление о Боге и мире духовном, телесный труд – вот его требования. Великого подвижника Господь сподоблял дара чудотворения и прозрения. Люди всех сословий, богатые и бедные, знатные и незнатные, приходили к нему в пустыню, одни – чтобы видеть чудотворца, другие – получить исцеление, совет и утешение. Приходили к нему даже языческие ученые, привлекаемые его славою, и вступали с ним в споры о вере. Антоний, глубоко изучивший человеческую природу и уединенными размышлениями достигший полного христианского ведения, своими простыми безискусственными рассуждениями всегда одерживал над ними верх. Слава Антония так была велика в египетских пустынях, что сам император Константин с своими сыновьями обращался к нему с письмом, в котором называл его отцом и убеждал писать к себе о нуждах. Но Антоний, чуждый всех связей с миром, не хотел было принять письмо и, только по убеждению братии, принял и написал ответное письмо, в котором, верный самому себе, хваля благочестие царя, советовал не превозноситься царским титулом, так как цари земные имеют над собою Царя небесного И. Христа. Два раза преподобный оставлял свою пустыню и появлялся в мире. В 311 году, когда свирепствовало в Египте гонение Максимиана, он пришел в Александрию, утешал и поддерживал верующих, и в 351 г., когда в Александрии производили волнения ариане. В последний раз появление в шумном городе уважаемого столетнего пустытника было особенно благодетельно; в несколько дней он обратил ко Христу язычников и еретиков более, нежели их обращалось в год. Последние годы своей жизни преподобный проводил в уединении, в так называемой внутренней пустыне, на три дня пути к востоку от места прежних его подвигов. Только по временам приходил он к оставленной им братии для подкрепления и назидания ее. В новой уединенной пустыне он встретил известного пустытника Павла Фивейского, еще прежде Антония начавшего подвижническую жизнь и, до встречи с ним, не выдавшего человеческого лица. В 366 году Антоний умер спокойно и с радостью, в глубокой старости (105-ти лет), и был похоронен ближайшими учениками на уединенной горе, последнем месте его подвигов, без свидетелей.

Преподобный Антоний основал иночество отшельническое, скитское. По установленному им порядку, подвижники, находясь под руководством одного старца, аввы (отца), жили отдельно друг от друга в хижинах, или пещерах и предавались подвигам уединенным. Такие подвижнические общины назывались лаврами. Но еще при жизни преподобного Антония, появился другой род иноческой жизни – иночество общежительное.

Подвижники, собираясь в одну общину, под управлением одного аввы²⁶¹, проводили жизнь вместе в одном или нескольких помещениях, следуя одним общим правилам. Такого рода общины назывались киновиями (κοινόβια), монастырями (μοναστήρια). Основателем монашества общежительного был преподобный Пахомий Великий (род. 292 г., ум. 348). Он был родом из верхней Фиваиды; родители его были язычники и сам он был в молодости язычником. Состоя на военной службе, он, во время одного похода, имел случай познакомиться с христианской благотворительностью; пожелал сделаться христианином и, действительно, по окончании военной службы, крестился. Слава египетских подвижников привлекла его к иноческой жизни. Ознакомившись с подвижническою жизнью в египетской пустыне, под руководством одного старца, Палемона, Пахомий для дальнейших подвигов избрал уединенное место при реке Ниле, известное под названием Тавенны. Сюда пришел к нему браг его Иоанн, и они жили и подвизались вдвоем, доставая пропитание трудами рук своих. Но Пахомий, привыкши на военной службе к жизни в обществе и притом жизни правильной, упорядоченной, желал и в пустыне подвизаться в обществе подвижников. Поэтому, на одном островке Нила, он начал устраивать монастырь, в котором бы желающие подвизаться жили вместе. Слава о подвигах Пахомия скоро привлекла к нему множество учеников, так что построенный им монастырь не мог вместить всех желающих и он принужден был основать еще несколько новых монастырей не в дальнем расстоянии друг от друга на берегах Нила. Он устроил также и женский монастырь на другом берегу Нила; в нем первую жительницею была сестра Пахомия. В своих монастырях Пахомий ввел определенные правила монашеского общежития. Это первый иноческий устав. Все общество монахов, разделенное Пахомием на 24 класса, по степени развития их духовной жизни, находилось под управлением одного общего аввы, каковым был, при жизни своей, Пахомий. Ему принадлежал главный надзор над всею братиею. Далее, каждый монастырь имел своих второстепенных начальников, называвшихся настоятелями и игумнами. Они находились в подчинении у главного аввы и доносили ему о состоянии своих монастырей. В монастырях были еще экономы с помощниками, навещавшие хозяйственную часть. А так как каждый монастырь делился на несколько общин, состоявших из трех или четырех домов и в каждом доме было по несколько келий, в которых жило по два и по три монаха, то были еще в каждом доме частные надзиратели, подчиненные настоятелям монастырей. Начальствующие лица должны

были быть образцами строгой жизни для остальной братии. Под руководством своих начальников, монахи должны были проводить жизнь в молитве, чтении книг духовного содержания, особенно Св. Писания и трудах. Общественное богослужение совершалось два раза в сутки – днем и ночью. Монахи собирались в церковь, по данному знаку, скромно и в молчании, читали Св. Писание и молитвы, пели псалмы. В первый и последний день недели они причащались Св. Таин, причем литургия совершалась, обыкновенно, соседними пресвитерами из сел, так как Пахомий, опасаясь проявления в братии духа любочестия, не допускал, чтобы кто-нибудь из них принимал пресвитерский сан, как и сам не принял его. Кроме того иноки должны были совершать молитвы отдельно в каждом доме пред отходом ко сну и после сна. После молитвы, или богослужения настоятель предлагал братии беседы об истинах христианских. Чтением монахи занимались в своих келиях во время свободное от молитвы и от работ. Книги получали они из монастырской библиотеки от эконома. Работы, которыми занимались монахи, были разного рода. Они возделывали землю, разводили сады, работали в кузницах, мельницах, кожевнях, плотничали, валяли сукна, плели корзины и циновки. Вообще иноки занимались всякого рода трудом, необходимым для содержания целого общества; сторонних средств к жизни у них не было никаких. На работу они выходили в порядке и молчании, вслед за своим настоятелем. Молчание вообще предписывалось во всякое время, во избежание пересудов. Все эти обязанности иноки должны были исполнять с безусловным послушанием, по данному знаку. Послушание, от которого зависит весь порядок монашеской жизни, предписывалось самое строжайшее. Без позволения начальников никто из братии не только не мог выйти из монастыря, не мог даже начать новой работы, или перейти с одного места на другое. Одежду иноки носили все одинаковую и самую простую. Нижняя одежда была льняная, хитон без рукавов, верхняя – кожаная; на голову надевалась волосьянная шапочка – кукуль, а на ноги сандалии. Эта одежда никогда не снималась даже во время сна. Постелей для сна у иноков Пахомия не было, а были седалища с наклоненным задником и двумя загороженными стенками; подстилать дозволялось только рогожу. Вставали иноки задолго до рассвета. Пища употреблялась иноками самая простая, однажды в сутки, обыкновенно в полдень. Это – хлеб, маслины, сыр, овощи и плоды. В субботу и воскресенье была, впрочем, вечерняя трапеза. Ели все вместе в молчании, опустивши на лица покрывала, так что не могли видеть, как и что кто ест. Пахомий, предлагая братии все необходимое для поддержания жизни предоставлял каждому по

своей воле умерщвлять свое тело, но в тоже время он осуждал тех, которые принимали пищу с жадностью. Одним из главных обетов иноческих Пахомий поставлял в своих правилах совершенную нестяжательность. Вступающему в общину монахов не дозволялось приносить в монастырь никаких имуществ; даже одежда мирская вновь прибывшего отдавалась неимущим мирянам. Монахи не должны были иметь ничего собственного. Работа, исполненная тем или другим братом, принадлежала не ему, а всей общине. Считалось важным преступлением, если кто из братии сберегал у себя в келии деньги, хотя бы самую малую монету. Все необходимое для жизни – пищу, одежду – иноки получали из общих средств монастыря. Экономы распоряжались снабжением братии пищею и одеждою из материалов, заготовленных в монастыре, или купленных ими на стороне на деньги, вырученные от продажи иноческих изделий. Чтобы все эти строгие правила выполнялись неизменно иноками, Пахомий установил, чтобы вступающие в его общину не прежде были принимаемы, как после годичного испытания, чрез опытных старцев, их готовности вести жизнь согласно этим правилам. При жизни преподобного Пахомия, основанное им на таких началах, общество монахов возросло до 7000, а чрез сто лет после него до 50,000.

И отшельническое и общежительное монашество скоро распространилось по всему Египту и даже перешло отсюда в другие страны. Так, Аммон, основал общество пустынножителей на горе Нитрийской с прилегающею к пей пустынею, Макарий Египетский – в так навиваемой пустыне Скитской, где было много замечательных подвижников, Иларион, любимый ученик Антония, перенес монашество на свою родину, в Палестину, где около Газы основал монастырь. Отсюда монашество распространилось по всей Палестине и Сирии. Василий же Великий, совершивший путешествие по Египту и Палестине и ознакомившийся с тамошнюю монашескою жизнью, распространил монашество в Каппадокии, как мужское так и женское. Устав, который он дал своим монахам, скоро распространился по востоку и был всеобщим. В V веке уже весь восток был усеян множеством монастырей. Из подвижников V в. замечательны: Исидор Пелусиот, Симеон Столпник, Евфимий, Савва Освященный и многие другие; Исидор человек богословски и философски образованный, удалившись в египетские пустыни, проводил жизнь подобно Иоанну Крестителю: одевался в одежду из жесткого волоса и питался только кореньями и травами. Выбранный настоятелем одной монашеской общины, он вел такую же суровую жизнь и располагал к тому же братию. Симеон, родом сирианин, много лет

подвизался в молитве, не сходя со столпа и перенося голод и все атмосферные перемены. Он положил начало новому роду подвижничества-столпничества. Евфимий, основатель палестинской лавры, за свои подвиги получил дар чудотворений, Савва, ученик Евфимия, начал пустынножизнь с осьми лет. Он основал множество монастырей в Палестине и ввел в них определенный богослужебный устав. Наконец, кроме столпничества, в V столетии явился еще особый род подвижничества – это в обителях неусыпающих. Один инок Александр устроил такой монастырь, в котором богослужение совершалось непрерывно в течение целых суток. Богатый константинопольский житель, Студий, которому понравился такой порядок, построил в Константинополе монастырь и пригласил поселиться в нем общину неусыпающих. Этот монастырь получил название Студийского. В VI веке были замечательными подвижниками Симеон Юродивый, принявший на себя новый подвиг юродства и достигший полного бесстрастия, и Иоанн Лествичник, много лет подвизавшийся на горе Синайской и написавший сочинение, известное под названием Лествицы, в котором изобразил степени духовного восхождения к нравственному совершенству; в VII веке – Алипий Столпник, подвизавшийся на столпе более пятидесяти лет.

§ 41. Монашество, отделившееся от Церкви

Распространение монашеского образа жизни было весьма благотворительно для Церкви и общества. Великие подвижники, появляясь по временам в больших городах, или принимая у себя в пустыне приходящих за благословением, производили сильное впечатление на общество и располагали многих к благочестивой жизни. Общежительные монастыри, во время общественных бедствий, оказывали пособие всем нуждающимся, принимали на свое содержание бедных и особенно больных, так что стали благотворительными заведениями. Далее, монастыри сделались и воспитательными заведениями; многие отцы Церкви обязаны своим воспитанием и образованием монастырям. Наконец, во время религиозных споров, монахи своим влиянием нередко доставляли перевес православной стороне. Но в тоже время случалось, что монашествующие забывали свое назначение, выходили из своих монастырей, вмешивались в церковные и мирские дела и производили большие волнения. Уже IV вселенский собор обратил на это внимание и сделал надлежащее распоряжение²⁶². Еще более: некоторые иночествующие до того уклонились от своего назначения, что образовали собою монашество, отделившееся от Церкви, еретичествующее. Талоны евхиты или мессалиане и евстафиане.

Во второй половине IV века в некоторых монашеских общинах в Сирии и Малой Азии стали обнаруживаться странные воззрения, перешедшие скоро в ересь. Находясь непрестанно в молитвах, монахи дошли до такого самообольщения, что свою молитву поставляли выше всего и единственным средством ко спасению. Отсюда и название их – евхиты или мессалиане, что значит, по переводу с греческого и еврейского языков, молящиеся. Они учили, что каждый человек, в силу происхождения от Адама, приносит с собою в мир злого демона, во власти которого он весь находится. Крещение не освобождает человека от него; одна только усердная молитва может изгнать демона. Когда усиленную молитвою изгоняется демон, место его заступает Всесвятый Дух и обнаруживает свое присутствие ощутительным и видимым образом, именно: освобождает тело от волнений страстей и совершенно отвлекает душу от склонности к злу, так что после сего ненужными становятся ни внешние подвиги для обуздания тела, ни чтение Св. Писания, ни принятие таинств, ни вообще какой-либо закон. К этим заблуждениям, подрывающим все церковные учреждения, евхиты присоединили заблуждение чисто догматического характера: они отрицали троичность

лиц в Боге, представляя лица формами проявления одного и того же Божества. Отказавшись от подвигов, первого условия монашеской жизни, монахи-евхиты проводили время в праздности, избегая всякого рода труда, как унижающего духовную жизнь и питаясь только милостынею; но, в то же время, ощущая в себе мнимое присутствие Св. Духа, они предавались созерцаниям и, в пылу расстроенного воображения, грезили, что они телесными очами созерцают Божество²⁶³. От этой особенности евхитов называли еще энтузиастами, а также корефами от мистических плясок, которым они предавались, или по именам их представителей, лампецианами, аделфианами, маркианистами и проч. Евхиты по внешности принадлежали к Церкви и старались скрывать от православных свои мнения и учение. Только под конец IV в. епископу антиохийскому, Флавиану, удалось обличить главу их, Аделфию, после чего

и духовная и светская власти подвергли их преследованию. Евхиты держались, впрочем, до VII века.

Евстафиане получили свое начало от Евстафия, епископа севостийского (в Армении), основателя монашества в Армении, Понте и Пафлагонии. Они стремились монашеский аскетизм сделать всеобщим в Церкви. Поэтому, отвергали брак, считая людей, состоящих в оном, нечистыми, совершение богослужения женатыми священниками не признавали действительным, устанавливали посты в воскресные и праздничные дни, пренебрегая в гоже время постами, установленными Церковью, требовали, чтобы для аскетической жизни рабы оставляли своих господ, жены – мужей, мужья – жен, родители – детей и дети – родителей и т. п. Собор гангрский (между 360 и 370 г.г.) осудил евстафиан, постановивши против них 21 правило.

§ 42. Монашество на западе

На западе монашество распространилось с востока. В первый раз познакомил запад с восточною монашескою жизнью Св. Афанасий Великий, во время своего пребывания там, жизнеописанием преподобного Антония, переведенным на латинский язык. Далее, во время арианских смут (около пословицы IV в.), многие западные епископы были удаляемы на восток, где знакомились с монашескою жизнью и, возвращаясь домой, заводили у себя монастыри. Таков напр. Евсевий, епископ верчелльский. Кроме того, такие великие мужи, как Амвросий Медиоланский, Иероним, Августин, Мартин, епископ турский, в конце IV в., имели большое влияние на развитие в западном обществе расположения к монашеской жизни. Иероним, проживавший долгое время на востоке, в вифлеемском монастыре, своими письмами оттуда о тихой монашеской жизни побудил многих знатных римских мужчин и женщин начать монашескую жизнь. У Мартина Турского, при его жизни было уже до 2.000 монахов. Но гораздо более имел успеха Иоанн Кассиан в начале V века. Он был человек образованный, путешествовал по востоку, познакомился с правилами общежительных монастырей и перенес их в южную Галлию, где в Массилии (Марсели) основал два монастыря.

Но вообще монашество на западе не встретило сначала такого сочувствия, как на востоке, и распространялось гораздо медленнее. Условия жизни и климат на западе были другие, чем на востоке; поэтому восточное подвижничество прививалось там труднее. Организатором западного монашества, в формах несколько измененных сравнительно с монашеством восточным, был Бенедикт нурсийский. Он (род. 458 г., ум. 543 г.) происходил из благородной фамилии в итальянской провинции Нурсии. Родители отправили его в Рим для воспитания. Здесь он увидел распущенную жизнь шумного города и, сравнивая ее с святою жизнью восточных отшельников, с которою познакомился по слухам и чрез чтение, решил удалиться в пустыню. Ему было только четырнадцать лет. За несколько миль от Рима, в уединенном месте, он встретил старца Романа, монаха близлежащего монастыря, и открыл ему свое намерение вести подвижническую жизнь. Тот удивился такой ревности мальчика, но все таки указал ему место в одной пещере при подошве горы. Бенедикт поселился здесь и, желая подвизаться в совершенном уединении, устроил так, что Роман приносил ему хлеб и передавал его по веревке, спуская ее со скалы. Случайно пастухи открыли Бенедикта. Слава о таком

пустынножизни распространилась. Не смотря на его молодость, монахи соседнего монастыря выбрали его своим настоятелем. Но, когда Бенедикт стал вводить в монастыре строгие порядки, те же монахи вооружились на него, так что он должен был бежать; он ушел в область Флоренции и основал здесь двенадцать монастырей, поместивши в каждом по двенадцати монахов. Он приобрел такое уважение, что к нему отдавали на воспитание своих детей многие знатные римляне. Но зависть соседнего Флорентийского духовенства заставила его бежать и отсюда. На этот раз он нашел себе убежище в одном диком месте, в развалинах древней крепости, Castrum Cassinum, лежавшей на высокой горе, и основал здесь монастырь. Это – знаменитый впоследствии монте-кассинский монастырь. Зная по опыту, что аскетическая монашеская жизнь востока туго приливается на западе, Бенедикт пришел к мысли изменить несколько условия монашеской жизни. В правилах, которые составил он (520 г.) для своих монахов, он не требует от них тех лишений, которые имели место на востоке, а заповедует единственно порядок, умеренность и трудолюбие. По его правилам, каждый, вступающий в монастырь, должен был, в течение года, выдержать испытание (новициаты) и затем дать клятву, письменно изложенную, что будет выполнять все монашеские правила и никогда не оставит монашеского звания. Заниматься монахи должны были обработкою полей, чтобы достать средства к пропитанию, изучением Св. Писания и вообще христианского вероучения, переписыванием книг, воспитанием детей, обращением язычников и т. п. Впоследствии к этим занятиям бенедиктинских монахов присоединились еще занятия светскими науками. Имущество монахов должно было быть общее. Все монахи должны были находиться в безусловном повиновении у настоятеля с отречением собственной воли. Правила Бенедикта вошли во всеобщее употребление на западе. Практическое направление, данное Бенедиктом западному монашеству, имело своим последствием то, что западное монашество приобрело большое влияние на ход церковных дел и особенно на ход общественного образования.

§ 43. Учения противные христианской жизни и церковному благоустройству

В IV веке некоторые из христиан, восставая против маловажных злоупотреблений, вкравшихся в церковную жизнь, в своем протесте зашли так далеко, что стали отвергать многое из установленного и принятого Церковью, напр. в богослужении, христианской жизни и т. п. При этом на место отвергнутых им

и порядков они стремились ввести в церковную жизнь свои – и образовали, таким образом, учения, противные христианской жизни и церковному благоустройству. Из представителей таких учений замечательны следующие:

1) Авдий. Он был родом сирианин, принадлежал к разряду мирян и отличался благочестивою жизнью. Замечая некоторые злоупотребления в жизни местного духовенства, напр. отдачу денег в рост, незаконные браки, – он (около 340 г.) стал проповедовать о восстановлении жизни времен апостольских. Когда его подвергли преследованию, он со своими единомышленниками вышел из Церкви и образовал самостоятельное общество. Между его приверженцами были даже епископы, которые поставили его самого епископом. Общество Авдия в сущности было монашеское с самыми строгими аскетическими правилами. С отделением от Церкви, преданной, по его понятию, миру, он отделился и от мира. Ни с кем из господствующей Церкви авдиане не хотели иметь общения не только церковного, но и политического. При такой вражде к господствующей Церкви они впали еще в догматическое заблуждение. Именно, – неправильно понимая библейское изречение о сотворении человека по образу и по подобию Божию, они представляли Бога имеющим человеческий образ, с телесными членами. В обрядовом отношении авдиане рознились от господствующей Церкви празднованием Пасхи по удержанному ими иудейскому обычаю в 14 день Нисана. Во второй половине IV в. Авдий, уже в старости, сослан был в пределы Черного моря, и Скифию, где обитали готы. Он распространял между ними христианство и приобрел последователей. Общество, основанное Авдием, не носило само в себе зачатков на продолжительное существование, почему в V ст. оно уже не существовало.

2) Аэрий. Этот проводил мысли противоположные Авдию. Аэрий родом из Понта, был пресвитером севастиийским. В противоположность своему бывшему другу, епископу севастиийскому Евстафию, который

доходил до фанатизма в своих воззрениях на монашество, он стал отвергать всякое значение в деле спасения внешних подвигов и вообще всей церковной обрядности. Посты, молитвы и приношения за умерших и проч., по его понятию, не имеют никакого значения. К этому Аэрий присоединял еще протест против епископов, унижающих будто бы пресвитеров, так как, по его понятию, не существовало никакого различия между достоинством и правами епископов и пресвитеров. Основанное Аэрием (около 360 г.) общество последователей не имело большого распространения и держалось недолго.

3) Иовиниане. Будучи в молодости ревностным монахом, он, в конце IV столетия, когда, под влиянием писем Иеронима, в Риме многие начали монашескую жизнь по увлечению, выступил с протестом против этого увлечения. В особом сочинении он открыто высказал, что монашеская жизнь сама по себе не включает особенной заслуги в деле спасения, что спастись можно, живя в мире, что истинный христианин свободен от греха и т. п. За такие мысли Иовиниан на римском соборе (389 г.), при папе Сирице, был осужден с своими немногими последователями. В Медиолане, куда он удалился, Амвросий подверг его также осуждению. А Иероним прислал с востока написанное против Иовиниана сочинение, в котором с особенным старанием выставил преимущества девства и монашества пред браком и мирскою жизнью.

4) Вигилиянец. Он был родом галл, путешествовал в самом конце IV в. на восток, между прочим в Вифлееме виделся с Иеронимом. Сделавшись по возвращении пресвитером барцелонским, он выступил с сочинением, направленным против почитания святых, их мощей и чудес, совершающихся от последних, против безбрачной жизни священников, против аскетизма, против посылания приношений в Иерусалим и т. п. Своим сочинением Вигилиянец нашел сочувствие у некоторых даже епископов. Но Иероним, которому доставили его сочинение, написал в одну ночь в опровержение его саркастическое послание. Вигилиянец последователей не имел.

К изложенным учениям можно отнести и учение 5) Прискиллиана, который, во второй половине IV в., возобновил в Испании манихейский аскетизм, почти не касаясь теоретической стороны манихейства. Он запрещал брак и всякое наслаждение. Основанное им общество охватило всю Испанию и не смотря на то, что его (385 г.) казнили, держалось очень долго, до VII века.

Второй отдел. От седьмого вселенского собора до окончательного отделения западной церкви от союза с восточною и полного устройства церкви русской (787–1054 г.г.)

Глава 1. Распространение Церкви

§ 44. Распространение христианства на востоке между славянскими народами

Славянские племена к IX веку занимали почти всю восточную половину Европы. Христианство стало распространяться между ними одновременно с скандинавами. Замечательно, что все славянские племена приняли христианство из Константинополя, следовательно, в форме восточного православного вероисповедания, хотя впоследствии некоторые славянские страны и отпали в латинство, под влиянием западных государств, принявших христианство из Рима. Только к славянам, обитавшим по берегам Балтийского моря, в соседстве с германцами, оно занесено было непосредственно германскими миссионерами.

Апостолами славян были святые братья Кирилл и Мефодий. Они родились в македонском городе, Фессалонике, или, по-славянски, Солни, в той провинции, где уже издавна было много славян и где они могли ознакомиться с славянским языком. Отец их, Лев, родом грек²⁶⁴, был помощником главного военного начальника Македонии. Кирилл до принятия монашества, называвшийся Константином, был младшим братом (род. в 827г.). Еще в молодых годах (842 г.), он взят был к константинопольскому двору, где отец его имел связи, и воспитывался вместе с молодым императором, сыном Феодоры, Михаилом III. Кирилл оказал большие успехи, особенно в диалектике и философии, так что впоследствии получил прозвание философа. Но окончании образования, его сделали было патриаршим библиотекарем, но он, чувствуя склонность к созерцательной жизни, тайно ушел в монастырь. После долгих убеждений остаться библиотекарем, ему, наконец, предложили звание учителя философии, или точнее, звание вольного философа, мудреца. Очень скоро Кирилл, действительно, стал известен своею ученостию. Около пятидесятих годов IX столетия он принимал участие в иконоборческих спорах, причем удачно опроверг сверженного иконоборческого патриарха, Иоанна Грамматика, прозванного Аннием, а в 851 году, по поручению царя и собора, ходил к срацинам для защиты икопопочитания и вообще христианской веры. Между тем брат его Мефодий, по смерти отца, получил должность военачальника в восточной части Македонии, где обитали славяне. Здесь он еще более ознакомился с бытом и языком славян. Но и он, подобно Кириллу, чувствовал призвание к созерцательной жизни, почему и ушел в монастырь на Олимп²⁶⁵. Сюда же, после путешествия к срацинам, пришел и Кирилл. Святые, братья вели

здесь жизнь подвижническую, проводя время в молитве и чтения книг. В это-то пребывание к монастыре у братьев созрела мысль о миссионерской деятельности между славянами, к которой скоро они и были призваны.

В 856 году, хазары, обитавшие в Крыму и по северным берегам Черного моря до самой Болгарии и имевшие во владении своем некоторые славянские племена, прислали к императору, Михаилу III, посольство просить у него книжного мужа, который бы мог спорить о религиозных предметах с магометанами и евреями, распространявшими у них свое учение. Император, вызвав из монастыря Кирилла, отправил его к хазарам; вместе с ним пошел и брат его Мефодий. У хазар²⁶⁶ они имели значительный успех, вероятно, между славянами, так что некоторые крестились. Впрочем, в X веке хазары были еще магометанами, иудеями или даже язычниками. В Крыму Кирилл и Мефодий нашли мощи св. Климента, епископа римского, умершего здесь мученической смертью при Траяне, и взяли их с собою. Сношения с славянами, во время путешествия к хазарам, еще более укрепили решимость Кирилла и Мефодия заняться обращением их. Удалившись в монастырь, вероятно, в тот же, в котором прежде были, они, для более удобного обращения их, изобрели славянскую азбуку и занялись переводом Св. Писания на славянский язык. Вскоре им пришлось воспользоваться своим трудом при обращении болгар, а потом моравов.

Славяне, поселившиеся издавна во Фракии и Македонии, отчасти были в зависимости от империи, отчасти жили самостоятельною жизнью. В VII веке они были покорены болгарами воинственным племенем, одного происхождения с хазарами, пришедшим с берегов Волги. Победители смешались с побежденными и образовали одну народность, скорее славянскую, чем болгарскую (в тесном смысле); завоеватели приняли язык славянский, но в свою очередь, как победители, сообщили целому народу свое имя. Болгары пришли на Дунай магометанами, славяне же, покоренные ими, были язычниками. Образовав самостоятельное государство, болгары вели почти постоянные войны с империей, брали в плен греков, которые и знакомили их с христианством. Между такими пленными особенно замечателен Мануил, архиепископ адрианопольский, который попал к ним в 813 году при разрушении ими Адрианополя. Он умер мученической смертью со многими другими греками за свою веру. К половине IX века болгары стали терпимее по отношению к христианству. Сестра болгарского царя Бориса (Богориса), проживавшая с самого детства в Константинополе, в качестве заложницы, была воспитана в христианстве и крещена с именем Феодоры. Возвратившись около 860 года в Болгарию,

она стала располагать к христианству своего брата. С ней прибыл Мефодий, а также, вероятно, и Кирилл. Братья, при содействии сестры Бориса, имели необыкновенный успех. Проповедуя евангелие, совершая богослужение и предлагая Св. Писание болгарам на их родном славянском языке, они обратили многих к христианству. Сам Борис смотрел благосклонно на христианских проповедников. Мефодий был отличным живописцем; написанною им картиною страшного суда он сильно поразил князя. Но только общественные бедствия – голод, мор и неудачные войны побудили Бориса обратиться к христианскому Богу и креститься от Мефодия в 861 году; при чем в честь византийского императора он назван был Михаилом, Константинопольский патриарх, Фотий, писал по этому случаю к Борису послание, в котором советовал ему заняться обращением всех своих подданных. Болгарские бояре, потомки болгар завоевателей, державшиеся магометанства, произвели было возмущение против своего князя за перемену веры и связь с греками, которые, как они опасались, могли, вместе с распространением христианства, подчинить их своей власти. Борис казнил главных зачинщиков, и волнение кончилось; все болгары должны были креститься. Но и сам Борис опасался возможности впасть в политическую зависимость от Константинополя, вместе с религиозною; поэтому, вскоре после крещения, стал склоняться к римской церкви. В 866 году он сносился с папою Николаем I, прося его разрешить некоторые вопросы и прислать священников. Папа ответил целым посланием, прислал князю подарки и латинских священников, которые стали выгонять греческих. Но при императоре греческом Василие Македоняnine, болгары в 870 году опять приняли греческих священников, епископов и архиепископа. Латинские же священники должны были удалиться.

Между тем Кирилл и Мефодий, вслед же за обращением болгар, призваны были к апостольской деятельности в другой славянской стране, – Великой Моравии. В 862 году моравский князь, Ростислав, узнавши, что между хазарами и болгарам проповедают христианство греческие монахи на славянском языке, просил греческого императора Михаила III, чрез особое посольство, прислать таких учителей в Моравию, чтобы они научили истинной вере его народ. Хотя в Моравию проникли уже немецкие миссионеры, по Ростислав уклонялся от них по тем же причинам, по которым болгарский князь, Борис, уклонялся от греческих. Михаил III послал в Моравию Кирилла и Мефодия, которые пришли туда в 866 году с своими учениками – Гораздом, Климентом, Саввою, Наумом, Ангеларом и друг. Они крестили Ростислава, его племянника Святополка

и многих других. Совершение богослужения на славянском языке и перевод Св. Писания, который они принесли с собою, особенно привлекали моравов и давали Кириллу и Мефодию перевес над немецкими миссионерами. Последние обратились в Рим с жалобой на Кирилла и Мефодия, и папа Николай I, в 867 г., потребовал их к себе. К счастью Кирилла и Мефодия, Николай в это время умер, и преемник его, Адриан II, искавший союза с Константинополем, принял их не так не дружелюбно, как можно было ожидать. К тому же Кирилл и Мефодий принесли в Рим мощи св. Климента. Кирилл умер в Риме, в 869 году 14 Февраля, сорока двух лет; Мефодий же возвратился опять в Моравию и в сане моравского архиепископа, трудился здесь еще более пятнадцати лет. Но немецкое духовенство по прежнему не давало ему покоя. Оно обвинило его пред папою Иоанном VIII, как еретика, за то, что он в богослужении употребляет не латинский или греческий язык, а грубый славянский и вводит обряды восточной церкви. Папа в особом послании к моравам отменил было славянскую литургию, оставив только проповедь на славянском языке; но Мефодий в 879 г. лично отправился в Рим и так горячо защищал славянское богослужение, что папа оставил свои требования. Только евангелие должно было читаться на латинском, или греческом языке. Возвратившись в Рим (880 г.) Мефодий продолжал трудиться в Моравии до самой своей смерти, которая последовала в 885 г. 6 апреля. Пред смертью Мефодий назначил своим преемником своего ученика Горазда. Но уже при жизни Мефодия, преемник Ростислава, Святополк (с 870 г.), заключивши союз с немецким королем, Арнульфом, допустил в Моравии влияние немецкого духовенства, так что, когда Мефодий умер, Викинг, родом немец, сделавшийся еще из 880 г. епископом Питры, с согласия Святополка, подверг преследованиям Горазда и всех учеников Мефодия и, наконец, выгнал их из Моравии. Они удалились в Болгарию, где Климент был архиепископом в Величке. Теперь, вместе с богослужением на латинском языке, в моравской церкви введены были обряды церкви западной, и она стала в зависимость от римского престола. Славянское богослужение и обряды восточной церкви сохранялись только в немногих местах и немногими отдельными лицами. Вскоре (908 г.) моравское государство пало под оружием богемов и ладьяров или венгров, которые разделили его между собою. Из Моравии, еще при Св. Мефодие, христианство проникло в Богемию. Богемский герцог, Боривой, находясь в частых сношениях с моравскими государями, около 880 года при дво ре Святополка принял крещение от Мефодия и взял с собою священника. Его жена, Людмила, и многие другие также

крестились. Языческая партия в Богемии подняла было возмущение, но не надолго; бежавший в Моравию, Боривой возвратился на родину и стал упрочивать христианство между своими подданными. Так как Боривой принял крещение от Мефодия, то в Богемии стало распространяться христианство с обрядами восточной церкви. Но из преемников Боривоя не все держались христианства, так что около половины X века при Болеславе Жестоком язычество взяло решительный перевес: церкви были разрушены, многие христиане из знатных фамилий казнены, христианские учителя изгнаны. Преследование христиан продолжалось до 950 г., когда германский император Оттон I силою принудил Болеслава восстановить христианство. Преемник же его, Болеслав Благочестивый (с 907 г.) дал окончательное торжество христианству в Богемии. В 973 году он основал епископию в Праге; папа Иоанн XIII прислал свое утверждение, с условием, чтобы в богемской церкви введен был латинский обряд, и подчинил богемскую церковь майнцкому архиепископу.

В Польше первоначально распространялось христианство также как в Богемии с обрядами восточной церкви. Оно занесено было сюда моравскими христианами, бежавшими но распадении моравского государства. Во второй половине X века еще успешнее стало оно распространяться из Богемии. Польский герцог Мечислав в 966 году женился на богемской принцессе, сестре Болеслава Благочестивого, Дамбровке, с условием креститься и крестить своих подданных. Мечислав сдержал свое слово, – крестился сам, а за ним крестились его вельможи и подданные. Император германский, Оттон I, к которому Мечислав стоял в ленных отношениях, основал епископию в Познани. По смерти Дамбровки, Мечислав женился на принцессе из саксонского дома. Это обстоятельство повело за собою усиление немецкого духовенства и введение латинского обряда вместо славяно-греческого. Окончательно упрочилось христианство в Польше в половине XI века при Казимире I, когда учреждены были две архиепископии – в Гнезне и Кракове, с несколькими еще епископиями.

Наконец, одновременно с другими славянскими народами, приняли христианство и руссы. Частные случаи обращения русских славян восходят к самым древним временам. Еще апостол Андрей Первозванный, по преданию, записанному у преподобного Нестора, проповедуя евангелие по северным берегам Черного моря, доходил по Днепру до того места, где впоследствии был основан город Киев. В IV и последующих веках на обращение отдельных лиц из славянских племен, населявших нынешнюю южную Россию имели влияние греки, обитавшие в своих колониях но

северному берегу Черного моря, а также готы, в государство которых входили славяне. Известны, существовавшие в то время на юге России, греческие епархии – херсонская, готская, сурожская, босфорская и друг. Так в VIII веке в Суроже, обратился ко Христу один новгородский князь, Бравалин, с своею дружиною. Он взял Сурож, ограбил церкви и хотел было ограбить мощи св. Стефана, епископа сурожского, но, пораженный невидимою силою при самом гробе святого, уверовал во Христа и крестился. Со второй половины IX в., когда русские славяне составили одно государство под владычеством варяго-русских князей, вследствие частых сношений с Константинополем и южными славянами, христианство начинает успешно распространяться на Руси. В 866 году, – когда совершалось обращение болгар и моравов, – киевские князья Аскольд и Дир с дружиною, на лодках, подступили к Константинополю. Император Михаил III не знал, что делать. Народ молился. Патриарх Фотий погрузил ризу Богоматери в море, поднялась буря, – и суда руссов были разбиты. Пораженные чудом, Аскольд и Дир, возвратившись в отечество, послали в Константинополь послов просить себе крещения. К ним прибыл епископ²⁶⁷, который и крестил как Аскольда и Дира, так и многих других. Походы Олега (882–912 г.) и посольство его в Константинополь, для заключения договора, знакомили еще более русских славян с христианством. В его правление греческий император Лев Мудрый упоминал уже о русской митрополии, по счету 60-й в числе тех, которые подчинены константинопольскому патриарху. При Игоре (912–945 г.) христианство до того утвердилось в Киеве, что о христианах из руссов, а также о соборной церкви пророка Илии в Киеве упоминается в договоре с греками (945 г.). После этого князя влияние христиан в Киеве было так сильно, что супруга Игоря, великая княгиня Ольга, управлявшая государством за малолетством сына своего Святослава, решила принять христианство. В сопровождении большой свиты, в которой был папа Григорий, вероятно, пресвитер, она отправилась в Константинополь и там в 957 году приняла христианство от патриарха Полиевкта, при императоре Константине Богрянородном, получивши в крещении имя Елены. Церковь причла ее к лику святых. В 969 г. Ольга скончалась. Святослав, князь воинственный, проводивший все время в походах, хотя отказался креститься и даже смеялся над христианами, но не запрещал никому принимать христианство. К воцарению Владимира святого (980–1015 г.) христианство в Киеве получило уже большую силу.

§ 45. Распространение христианства на западе между скандинавскими народами

Еще Карл Великий, прошедший со своими войсками до Дании, предполагал устроить архиепископию в основанном им на берегу Эльбы, Гамбурге, чтобы отсюда можно было с успехом, распространять христианство между датчанами и славянами, обитавшими на восток от германцев. Сыну его, Людовику Благочестивому (импер. с 814 г.) удалось осуществить эти заботы об обращении датчан. В 822 году, датский король Гаральд, лишенный, во время внутренних волнений, престола, обратился с просьбою о помощи к Людовику. Людовик воспользовался этим случаем отправить в Данию посольство с политическими и религиозными целями. В посольстве был, между прочим, Эббо, архиепископ реймский. С поддержкою Людовика, Гаральд утвердился в Шлезвиге, и Эббо крестил несколько датчан, расположив к Христианству самого Гаральда. Но в 826 г. Гаральд был опять изгнан, и миссия Эббо должна была кончиться. Впрочем, сам Гаральд, прибывший теперь ко двору Людовика Благочестивого, со всем своим семейством крестился в Майнце, хотя более по политическим расчетам. Когда Гаральд возвращался опять в Данию отыскивать, с помощью Людовика, свои владения, последний решил отправить с ним настоящую миссию. К суровым датчанам, которые своими набегами повсюду распространяли ужас, вызвался идти один молодой монах ново-корбейского монастыря, Ансгарь. Он давно уже чувствовал призвание к апостольской деятельности, желая также как и апостолы, стяжать мученический венец. Под, покровительством Гаральда, утвердившегося в Дании, он серьезно взялся за обращение датчан. В Шлезвиге он устроил школу, в которой обучал выкупленных из неволи датских мальчиков и приготавливал их, таким образом, к миссионерской деятельности между их соотечественниками. К несчастью, союзом с Франками и переходом в христианство Гаральд возбудил к себе ненависть в своем народе, который в 828 году выгнал его. Гаральд опять ушел к Людовику, а вместе с ним и Ансгарь должен был оставить Данию. Но скоро он нашел себе деятельность в Швеции. В 828 году к Людовику благочестивому, пришло посольство из Швеции и просило христианских учителей для шведов. Шведы, чрез столкновение с христианскими народами во время своих морских походов и по торговым делам, познакомились уже с христианством. Людовик предложил шведскую миссию Ансгарю, который с одним монахом Корбейского монастыря и

отправился туда (829 г.). Несмотря на то, что дорогой норманны ограбили миссионеров, они продолжали путь и прибыли в шведскую гавань Биргу²⁶⁸. Христиане, находившиеся в плену у шведов, были обрадованы прибытием Ансгаря. Сам король шведский отнесся сочувственно к нему. Скоро Ансгарь обратил в христианство начальника города Геригара, который в своем поместье построил первую христианскую церковь в Швеции. После такого успеха Ансгарь возвратился (830 г.) в Германию и донес Людовику, что в Швеции христианство может быть скоро распространено. Людовик нашел теперь удобным выполнить план Карла Великого относительно Гамбургской архиепископии и торжественно в 831 году поставил Ансгаря архиепископом гамбургским. А папа Григорий IV наименовал Ансгаря и Эббо легатами апостольского престола во всех северных странах. Эббо, по его распоряжению, должен был отправиться в Швецию, а Ансгарь в Данию, где он начал свою миссионерскую деятельность. Но Эббо сам не поехал в Швецию, а послал туда, своего племянника, *Гауцберта*, поставивши его епископом. Поселившись в Гамбурге, Ансгарь посвятил всего себя обращению датчан; устроил монастырь, библиотеку и школу, в которой обучались у него выкупленные датские, норманские и славянские пленники. Ансгарь начинал обращение в христианство с христианского просвещения; он понимал, что только этим путем он может достигнуть желаемых результатов. Но, после изгнания Гарольда, в Дании, именно в Ютландии, был королем *Эрих I*, враг франков и христианства. В 845 году, под его предводительством, норманны напали на Гамбург, разграбили его, церкви и монастырь с библиотекою сожгли, духовных преследовали, так что сам Ансгарь едва успел спасти свою жизнь. После такого разгрома в продолжение четырех лет Ансгарь ничего не мог предпринять относительно Дании. В 849 году, германский король, Людовик Немецкий, присоединил праздную епископию в Бремене к гамбургской архиепископии и тем доставил Ансгарю средства к продолжению датской миссии. К тому же Ансгарь отчасти подарками, но более своими личными качествами успел заслужить расположение Эриха, когда бывал у него в качестве посла от Людовика Немецкого. Эрих дозволил ему построить церковь, где он хочет, и крестить тех, которые, пожелают. Ансгарь построил церковь в Шлезвиге и поставил пресвитера. При этом многие из датчан крестились. – Между тем Гауцберт, действовавший вначале с большим успехом в Швеции, был изгнан отсюда возмущившимися язычниками. Ансгарь в 853 году решился сам идти туда. Людовик немецкий и Эрих дали ему рекомендательные письма к шведскому королю *Олафу*. Эрих, между прочим, писал, что в

жизнь свою не встречал он такого доброго и между смертными такого верного человека, как Ансгарь. Пришедши в Биргу, Ансгарь нашел тут старых друзей. Король также принял его дружелюбно, но относительно распространения христианства в Швеции заметил, что это обстоятельство следует предложить на рассмотрение народного совета. Совет решил узнать волю богов относительно предложения Ансгаря посредством жребия. Жребий пал в пользу распространения христианства. Здесь же на совете некоторые из шведов засвидетельствовали о силе христианского Бога, которую они познали, когда обращались к нему с молитвою во время бедствий, случавшихся на море. Король подарил Ансгарю место в Бирге, на котором он построил церковь. Оставив в Швеции *Эримберта*, родственника Гауцберта, Ансгарь в 854 г. отправился назад в Германию и свои последние годы, как архиепископ гамбургский и бременский, посвятил упрочению христианства в Дании. Датским королем был теперь *Эрих II* (младший). Этот, по влиянию языческой партии, разрушил церковь в Шлезвиге и выгнал священников. Но Ансгарь, нашедший доступ и к этому королю, убедил его дозволить восстановить церковь. С величайшею ревностью до самой своей смерти продолжал он свое дело, – выкупал пленных, обучал их в своих школах, строил монастыри, госпитали для больных, рассылал по Дании приготовленных им миссионеров и т. п. В 865 году Ансгарь скончался мирно, сожалея, что Бог не удостоил его венца мученического. Своею апостольскою деятельностью он положил прочное основание христианству в Дании и Швеции. Окончательно утвердилось христианство в Дании в первой половине XI века при короле *Кнуде Великом* (1014–1035 г.), а в Швеции во второй половине того же века при короле *Инге* (1075г.), при пособии германских и английских миссионеров.

Одновременно с Даниею и Швециею приняла христианство и *Норвегия*. Норвежские короли, познакомившиеся в своих походах с христианством западных государств, особенно в Англии, сами стали заботиться об обращении своих подданных еще в конце IX века. После многих противодействий со стороны народа, который не хотел расстаться с своими богами, христианство окончательно было утверждено в Норвегии в первой половине XI века силою оружия при короле *Олафе Толстом* (1017–1033 г.). Норвежцы возмутились было от его крутых мер, но это было в последний раз. Когда Олаф пал в битве с Кнудом Великим за независимость Норвегии, они переменили свои взгляды, – приняли христианство и торжественно провозгласили Олафа норвежским свитым. Из Норвегии христианство распространилось на островах, принадлежащих ей, между прочим, и в *Исландии*. В половине XII века на севере Европы

было уже три митрополии – в *Лунде* для Дании, *Упсале* для Швеции и *Дронтгейме* для Норвегии.

§ 46. Бедствия Церкви

а) на востоке. В IX и X веках восточным церквам пришлось испытать много бедствий от тех же *аравитян-мусульман*, которые, выступили врагами Церкви еще в VII веке. Они делили такие страшные нападения на империю, что императрица *Ирина*, – согласившаяся уже, после неудачной войны с ними, на платеж им дани, – опасаясь за существование империи, вступила в переговоры с Карлом Великим о союзе против магометан. При императоре *Никифоре* (802– 811 г.), отказавшемся платить дань, арабы, под предводительством своего халифа, *Гаруна-аль-Рашида*, в числе 300,000 человек, вторглись в Галатию и Каппадокию и опустошили всю страну до самого Константинопольского пролива, а также острова Родос и Кипр. Не было пощады ни жителям, ни их имуществу, ни христианским храмам: греки принуждены были согласиться на постыдный мир (806 г.), по которому опять обязывались платить дань. При *Михаиле Косноязычном* (820–829 г.) арабские пираты из Африки и Испании завладели несколькими греческими островами и, между прочим, Критом, и утвердились, таким образом, в восточной части Средиземного моря. При *Феофиле* (829–842 г.) арабы и с суши и с моря делали нападения на империю. Халиф *Мамун* жестоко разорил области Малой Азии, а пираты – Морею. В последней мусульмане предавали некоторых из христиан мучениям, принуждая их отказаться от своей веры. В последующие царствования арабы, сделавшие Крит своим разбойничьим притоном, производили отсюда почти постоянные набеги на греческие острова и берега Босфора. Так при *Михаиле III* (842–867 г.) напали на цикладские острова, грабя, убивая и отводя в плен толпы жителей. Тоже было при *Льве Мудром* (886–911 г.); пираты овладели островом *Лемносом* и отсюда производили разбои и грабежи по берегам Геллеспонта и Мраморного моря. Между прочим, они ограбили и разорили почти до основания богатую *Фессалонику*, перерезав всех жителей, не годившихся в невольники. Правда в X в. греческий полководец, а потом император, *Никифор Фока* (963–969 г.), разорив разбойничий притон арабов в Крите и отняв у них множество городов даже в Сирии и Палестине, навел страх на мусульман, но в XI в. мусульмане мало-по-малу взяли опять перевес над греками, особенно, когда во главе мусульманского мира стало племя *турок-селджуков*. – Бедствия, которые терпели восточные христиане, при нападениях арабов на империю, были сравнительно легче бедствий, тяготевших в то же время над христианами, находившимися под

непосредственную властью арабов в Сирии, Палестине и Египте. Здесь христиане ничем не были ограждены от фанатизма и произвола мусульман. Особенно тяжело приходилось им, когда происходили междоусобия в мусульманском мире. Христиане подвергались всякого рода жестокостям от побеждающей и побеждаемой стороны. Их дома, церкви и монастыри были разграбляемы и разрушаемы; сами они были облагаемы тяжкими налогами или обращаемы в невольники и т. п. – Бедствия восточной церкви от внешних врагов увеличивались еще гонениями на православных со стороны иконоборцев. Иконоборство после седьмого вселенского собора (787 г.) не уничтожилось. В IX веке *Лев Армянин* (813–820 г.), *Михаил Косноязычный* (820–829 г.) и *Феофил* (829–842 г.) были более или менее жаркими противниками и преследователями иконопочитания, как об этом будет изложено ниже.

и б, *на западе*. Западные церкви в IX и X веках также много страдали от магометан. Арабы, завоевав в VII в. северную Африку, в начале VIII века утвердили свое господство в Испании. В конце VIII века и начале IX в. в Испании образовался даже независимый халифат, который в IX и X венах, при своих знаменитых халифах из фамилии *Абд-Эррахмана*, достиг высшей степени могущества и сделался грозой для западных христианских государств. *Халиф Гакем I* (796–822 г.) основал большой испанско-арабский флот, который опустошал берега Корсики и Сардинии и наводил ужас на всю западную часть Средиземного моря. В 846 году испанские пираты вместе с африканскими, покорив окончательно Сицилию, сделали нападение на Южную Италию и даже на самый Рим, предавая все разорению и грабежу. Вообще в IX и X веках на Средиземном море господствовали арабские пираты, которые вели постоянную борьбу с христианскими государствами. Что касается положения испанских христиан под властью арабов, то оно было бедственным. Многие из них, под влиянием тяжелых угнетений со стороны мусульман, сами приняли мусульманство и сделались, таким образом, отступниками; другие подвергались жестокому преследованиям. Так халиф *Абд-Эррахман III* (822–852 г.) приказал казнить многих христиан за неуважение к лже-пророку Магомету. – Кроме арабов, западным церквям в IX–XI веках приносили много бедствий норманны. Скандинавы или норманны известны в истории своею страстью к морским набегам и завоеваниям. В IX в. они были еще язычниками; христианство едва-только начало проникать к ним. Как народ грубый и воинственный, норманны сопровождали свои набег страшными опустошениями. Они грабили берега Англии, Франции, Испании, Португалии и даже Италии. В

некоторых странах, после опустошения их, норманны совсем поселялись, продолжая набеги на соседние христианские государства. Так они поселились в Англии, как завоеватели (900 г.), во Франции (912 г.), где образовали герцогство Нормандию, в Италии (в половине XI в.), собственно в Апулии и Калабрии. Итальянские норманны нередко угрожали самому Риму: в половине XI века сом папа Лев IX, предводительствовавший войсками против них, попал к ним в плен. При набегах норманнов от их грабежей и опустошений западные церкви страдали наравне с государствами.

Глава 2. Состояние учения

§ 47. Продолжение иконоборчества после седьмого вселенского собора

Партия иконоборцев и после седьмого вселенского собора была сильна. Некоторые из иконоборческих епископов, признавшие на соборе иконопочитание ради сохранения за собою занимаемых кафедр, втайне оставались врагами иконопочитания. В войсках, еще со времени Константина Копронима, господствовал также иконоборческий дух. Нужно было ожидать Нового гонения на иконопочитание. Действительно, так и случилось, когда на императорский престол вступил *Лев Армянин* (813–820 г.г.) из партии зеленых-иконоборческой.

Воспитанный в иконоборческих началах и окруженный иконоборцами, Лев Армянин неминуемо должен был сделаться гонителем иконопочитания. Но сначала он старался прикрывать свою ненависть к иконам желанием примирить партии иконоборческую и православную. Не объявляя еще об уничтожении иконопочитания, он поручил ученому *Иоанну Грамматику* составить записку со свидетельствами из древних отцов против иконопочитания, чтобы убедить православных отказаться от иконопочитания. Но иконоборческая партия настоятельно требовала решительных мер против иконопочитания и даже открыто выражала свою ненависть к иконам. Так однажды иконоборческие солдаты начали бросать камнями в известную икону Христа Споручника, поставленную Ириною на прежнем месте над воротами императорского дворца. Император под предлогом прекращения беспорядков, приказал снять икону. Православные, во главе которых стояли константинопольский патриарх *Никифор* и знаменитый настоятель студийского монастыря, *Феодор Студит*, видя, что начинается гонение на иконы, устроили совещание и решились твердо держаться постановлений седьмого вселенского собора. Узнав об этом, император пригласил к себе патриарха, все еще рассчитывая путем убеждения достигнуть уничтожения иконопочитания. С патриархом явились Феодор Студит и другие православные богословы и на предложение императора о примирении с иконоборческой партией, решительно отказались сделать какие-либо уступки еретикам. Не достигши уничтожения иконопочитания переговорами, Лев Армянин принялся за насильственные меры; он издал указ, которым запрещалось монахам проповедовать об иконопочитании. Указ должны были подписать все монахи; но подписали немногие только. Феодор же Студит написал окружное послание к монахам, в котором

убеждал повиноваться больше Богу, нежели людям. Император пошел дальше в своем преследовании иконопочитания. В 815 г. патриарх Никифор был низложен и сослан, а на его место поставлен иконоборец *Феодот Касситер*. Новый патриарх созвал собор, на котором седьмой вселенский собор был отвергнут, а иконоборческий собор Константина Копронима 754 г. признан законным. Впрочем собор Феодота Касситера хотел сделать уступку православным, предлагая предоставить воле каждого почитать иконы или нет т. е. признать иконопочитание необязательным.

Только немногие монахи, пришедшие на собор по приглашению, согласились на это предложение, но и те, после убеждений Феодора Студита, отказались. Большинство же, под руководством Феодора Студита не хотело знать, ни нового патриарха, ни собора, ни его предложений. Феодор Студит не убоился даже открыто выразить протест иконоборческим распоряжениям. В Вербное Воскресение он устроил торжественную процессию по улицам города с иконами, пением псалмов и т. и. Император был крайне недоволен таким противодействием православных и, подобно Константину Копрониму, начал открыто гнать их и прежде всего монахов. Монастыри были разрушены, монахи выгнаты или сосланы в ссылку. Феодор Студит был одним из первых страдальцев за веру. Его сослали в заточение и мучили там голодом, так что он умер бы, если бы темничный страж, тайный иконопочитатель, не разделял с ним свою пищу. Из своего заточения Феодор рассылал письма к православным и поддерживал в них любовь к иконопочитанию. Гонение на иконопочитателей продолжалось до 820 г., когда Лев Армянин был низвержен с престола и его место заступил *Михаил Косноязычный* (820–829 г.). Этот вызвал из заточения патриарха Никифора, – хотя и не возвратил ему престола, – Феодора Студита и других православных. Но, опасаясь сильной иконоборческой партии, он не хотел восстановить иконопочитания, хотя и дозволил домашнее почитание икон. Преемником Михаила был его сын *Феофил* (829–842 г.). Этот государь действовал решительнее своего отца по отношению к иконопочитанию. Воспитание, под руководством известного Иоанна Грамматика, который поставлен был даже патриархом, сделало его врагом иконопочитания. Запрещено было домашнее иконопочитание; монахи опять были ссылаемы в заточение и даже мучимы. Но не смотря на это, в самом семействе Феофила нашлись иконопочитатели. Это – его теща, *Феоктиста*, и жена, *Феодора*. Об этом узнал Феофил уже пред смертью (842 г.). После Феофила на престол вступил малолетний сын его, *Михаил III*. Государством управляла

Феодора, при содействии трех опекунов, своих братьев, Варды и Маиуила, и брата умершего императора, Феоктиста. Феодора решилась восстановить иконопочитание; с нею согласны были и опекуны, кроме Мануила, который опасался противодействия иконоборческой партии. Но и Минуил согласился после того, как выздоровел от тяжелой болезни, во время которой, по убеждению монахов, дал обещание восстановить иконопочитание. Иконоборческий патриарх Иоанн Грамматик был низложен и на его место поставлен св. *Мефодий* ревностный иконопочитатель. Он собрал домашний собор, на котором подтверждена была святость седьмого вселенского собора и иконопочитание было восстановлено. Затем 19 Февр. 842 г. в воскресенье на первой неделе великого поста устроена была торжественная процессия по улицам города с иконами. Этот день остался навсегда *днем торжества Церкви над всеми ересями – днем православия*. После того иконоборческие епископы были низложены и место их заступили православные. Теперь иконоборческая партия окончательно потеряла свою силу.

§ 48. Ересь павликиан

Ересь павликиан появилась во второй половине VII века. Основателем ее был некто *Константин*, родом из Сирии, воспитанный в гностико-манихейских воззрениях, остатки которых находили приверженцев на крайнем востоке, даже в VII веке. Однажды, один сирский диакон, бывший в плену у срацин, в благодарность за оказанное гостеприимство, подарил Константину экземпляр Св. Писания Нового Завета. Этот с ревностью принялся за чтение его. Так как Константин разделял гностико-манихейские воззрения, то встречавшиеся в Св. Писании, особенно у апостолов Иоанна и Павла, выражений о свете и тьме, духе и плоти, Боге и мире, он понял в смысле дуалистическом. Кроме того в посланиях Ап. Павла он встретился с учением о христианстве, как религии преимущественно духовной, о внутреннем самоусовершенствовании человека, о второстепенном значении обрядности в христианстве, в противоположность иудейству, о служении Богу в духе и т. и. И эти пункты учения Константин понял своеобразно, именно, что христианской религии, как религии духовной, чужды всякая обрядность и всякая внешность и что истинный христианин достигает нравственного усовершенствования сам собою без посредства каких-либо церковных учреждений. На таких мнимо-апостольских началах Константин задумал основать свою религиозную общину. Но его представлению, господствующая православная Церковь отступила от апостольского учения, допустив, подобно церкви иудейской, множество обрядов и церемоний, несвойственных христианству, как религии духовной. Предположив устроить свою общину, Константин мечтал восстановить апостольское христианство. Первая такого рода община основана была им в г. *Кивоссе* в Армении, куда он удалился с своими последователями. Себя Константин назвал *Сильваном*, именем ученика Ап. Павла, своих последователей – *македонянами*, а общину в Кивоссе – *Македонию*. Православные же всех последователей Константина, вследствие того, что они приурочивали учение и устройство своей общины к Ап. Павлу, называли *павликианами*.

Учение *павликиан* представляет собою смесь гностико-манихейских воззрений с неправильно понятым учением Ап. Павла. Они признавали *Благого Бога* или *Небесного Отца* открывшегося в христианстве и *демиурга*, или *миродержателя*, Бога ветхозаветного Димиургу приписывали творение видимого мира и вместе с тем тел человеческих,

откровение в ветхом завете и господство над иудеями и язычниками, равно как и господство над христианской православной Церковью, уклонившейся от истинного апостольского учения. От Благого же Бога производили дух и душу человеческую. Об образе соединения духовной природы с материальной по учению павликиан – определенных сведений не имеется. Относительно падения первого человека они учили, что оно было только неповиновением димиургу и следовательно вело к избавлению от его власти и откровению Небесного Отца. Православное учение о св. Троице павликиане удержали. Только воплощение Сына Божия понимали докетически, утверждая, что Он прошел чрез Деву Марию, как чрез канал и что последняя после рождения Спасителя имела других детей. О Святом Духе говорили, что он невидимо сообщается истинно верующим т. е. павликианам и особенно их учителям. Следуя неправильно понятому учению Апостола Павла, еретики в устройстве своего общества отвергли всякую внешность ж обрядность. Иерархия была отвергнута; по образцу апостольской церкви, они хотели иметь только учеников *апостольских, пастырей и учителей*. Звание учеников апостольских усвоено было главам их секты, которые вместе с тем принимали и самые имена апостольских учеников напр. *Сильвана, Тита, Тихика* и проч. Пастырями же и учителями были лица, заведовавшие отдельными павликианскими общинами; они назывались *спутниками*. Все эти лица не имели иерархической власти в православно-христианском смысле; они существовали только для поддержания единства между сектантами. Богослужение павликиан состояло исключительно из *учения и молитв*. Храмов у них не было, так как, по их мнению, они составляют принадлежность плотской религии иудейской, а были только *молельни*, почитание икон и даже креста господня отменено, как идолопоклонство; почитание святых и их мощей отвергнуто; таинства со всеми и их обрядами отвергнуты. Впрочем, не отвергая в принципе крещения и евхаристии, павликиане совершали их невещественным образом, в духе. Они утверждали, что слово Христа есть вода живая и хлеб небесный. Поэтому, слушая слово Христа, они крестятся и причащаются. Посты, аскетизм, монашество – все отвергнуто, как не имеющее никакого значения для спасения, но павликиане вообще проводили жизнь умеренную. Брак допускали и относились к нему с уважением. Источником своего учения павликиане признавали только Св. Писание Нового Завета, кроме посланий Ап. Петра. – Вообще в ереси павликиан проявились реформаторские стремления во имя неправильно понятого апостольского христианства.

Константин, принявший имя Сильвана, с успехом распространял, основанную им, секту в продолжение двадцати семи лет (657–686 г.) Император *Константин Погонат* обратил внимание на сектантов и послал в Кивоссу своего чиновника *Симеона* уничтожить их общину. Константин был схвачен и казнен; многие сектанты отказались от своей ереси. Но чрез три года сам Симеон, на которого община павликиан произвела сильное впечатление, ушел к павликианам и сделался даже главою секты с именем *Тита*. При *Юстиниане II* опять началось преследование павликиан: Кивосса была разрушена; Симеон (Тит) был сожжен со многими из своих последователей. Но секта не была уничтожена. Павликиане, под предводительством одного спутника *Павла*, в той же Армении основали новую общину *Коринф*. В начале VIII века павликианские общины все более и более распространялись по востоку. В половине VIII века, при главе секты, *Иосифе (Епафродите)*, павликиане утвердились даже в Малой Азии, а император *Константин Копроним* сам содействовал распространению их в Европе, переселив (752 г.) часть их во Фракию. В начале IX века, при главе секты, *Сергие (Тихик)*, который, по примеру Ап. Павла, избравши себе плотничное ремесло, лично ходил с проповедью своего учения по разным странам, павликианские общины достигли высшей степени своего процветания. Император *Лев Армянин* решился сокрушить силу павликиан. Назначен был суд над еретиками из духовных лиц; но еретики убили своих судей и бежали в срацинские владения в Армении. Здесь они поселились в городе *Аргауме*, который называли Колоссами. Около половины IX века (844 г.) императрица *Феодора* решилась во что бы то ни стало уничтожить павликиан в Малой Азии. Более десяти тысяч еретиков было казнено; оставшиеся, в числе пяти тысяч, ушли к своим братьям в Аргаум, основали по близости еще два города *Амару* и *Тефрику* и начали правильные войны против Византийской империи. Все усилия византийского правительства остановить хищнические набеги павликиан не приводили ни к чему. Только император *Василий Македонянин* (871 г.) успел разрушить Тефрику, хотя павликианства и не уничтожил. В X веке *Иоанн Цимисхий* переселил множество павликиан во Фракию, в *Филиппополь*. С этого времени центром павликианской ереси сделалась Фракия. И здесь еретики, при всяком удобном случае, восставали против империи. Попытки *Алексия Комнина* (в конце XI в.) обратить их не имели успеха. Павликиане существовали еще в XIV ст., сохраняя неприязненные отношения к господствующей православной Церкви.

§ 49. Евхиты или энтузиасты

В XI веке во Фракии сделалась известною секта *евхитов* или *энтузиастов*. Происхождение ее достоверно неизвестно. Обыкновенно, евхитов XI в. поставляют в связи с евхитами IV века, которые, не уничтожаясь после церковного осуждения, продолжали существовать втайне в восточных монастырях в V и последующих веках. Так как евхиты IV века смотрели на все материальное, как на зло, то легко могло случиться, что они в последующие века в круг своего мирозерцания приняли дуалистические воззрения древних гностиков и манихеев. Из восточных монастырей евхиты проникли в монастыри фракийские и здесь в XI веке стали известны под тем же древним названием евхитов или энтузиастов, но с учением видоизмененным. Учение евхитов XI века представляется в таком виде. Бог Отец имел двух сынов – *старшего* (Сатанаила) и *младшего* (Христа). Старший господствовал над всем земным, а младший над всем небесным. Старший отпал от Отца и основал на земле независимое царство. Младший, оставшийся верным Отцу, заступил место старшего; он разрушит царство Сатанаила и восстановит мировой порядок. – Евхиты XI в., также как и древние их собратья, свою молитву поставляли высшею степенью нравственного совершенства и единственным залогом спасения, равно как разными искусственными средствами достигали экзальтированного состояния, во время которого, как они уверяли, получали откровения и удостаивались видения духов. Магия и теургия, с присоединением еще животного магнетизма, были в ходу у евхитов. Ересь евхитов, исследованием которой занималось византийское правительство в XI в., скоро потерялась в ереси богомильской, развившейся особенно в XII веке.

§ 50. Ереси в церкви западной

а) Ересь *адопциан*. Ересь адопциан есть не более как возобновление в одной из западных церквей ереси несторианской, только под другим именем и в другой форме. Возобновили эту ересь, в конце VIII века, два испанские епископа, *Элипанд толедский* и *Феликс ургелльский* (в Каталонии). Оба они, – первый в противоположность одному испанскому епископу, проводившему савеллианские мысли о Лице И. Христа, второй в опровержение магометан, владевших тогда Испаниею, – так сильно настаивали на божественности Лица Господа И. Христа, что впали в несторианское разделение его божественной природы от человеческой и дошли до признания в Нем двух отдельных лиц. Они утверждали, что Христос, по своей божественной *природе, по естеству и рождению* есть истинный Сын Божий; по человеческой же природе есть Сын Божий *усыновленный* (*adoptivus*) по воле и благодати Божией. По своему Божеству он есть истинный Бог; по человечеству же называется Богом и Сыном Божиим не в собственном смысле, а в *переносном*, как и люди называются сынами Божиими по *благодати усыновления*. В последнем случае Христос не отличается от людей, взысканных Божиею благодатию и называющихся сынами Божиими. В подтверждение своего учения Элипанд и Феликс ссылались на западных отцов, особенно на *Исидора Севильского* (ум. 636 г.), а также на испанскую литургию. У Исидора и в литургии принятие Сыном Божиим человеческой природы обозначалось выражением: *усыновление* (*adoption* из этого выражения они и выводили учение о двояком сыновстве Сына Божия, которое по своему основному пункту и названо *адопцианизмом*, или *ересью адопциан*. В дальнейшем развитии этого учения заметны вполне несторианские мысли. Так Феликс говорил, что Божественное Слово обитало в человеке Иисусе, как в храме и т. п.

Западные богословы увидели в этом учении прикровенное несторианство, так как очевидно было, что двоякое сыновство Христа предполагает в Нем отдельные и самостоятельные лица. Поэтому, против Элипанда и Феликса восстали некоторые из испанских духовных. Начался спор, в котором скоро принял участие *Карл Великий*. Так как епископство Феликса находилось во владениях Карла, то он призвал его (792 г.) на *регенсбургский* собор. На соборе Феликс отказался от своего учения, но потом, возвратившись на свою кафедру, опять возобновил ересь. Составился другой собор во *Франкфурте на Майне* (794 г.), который также

осудил ересь adoptionистов, между тем как известный *Алкуин* и другие франкские богословы написали несколько сочинений против *Феликса*. Но только на соборе в *Ахене* (799 г.), когда *Феликс* и *Алкуин* целых шесть дней вели диспут, первый отрекся от своей ереси, хотя и неискренно. *Элипанд* же до самой смерти остался еретиком. Ересь adoptionистов угасла с смертью обоих своих представителей.

б) *Иконоборство Карла Великого*. Римская церковь, в лице своих пап, во время иконоборческих волнений в церкви восточной, высказывалась всегда в пользу иконопочитания. Но франкская церковь, или лучше франкский король *Карл Великий*, имевший в свое время большое влияние на ход церковных дел, отнеслась враждебно к иконопочитанию. Когда *Карлу Великому* доставили акты седьмого вселенского собора, он издал (790 г.) под своим именем сочинение – так называемые *IV libri Carolini*. В этом сочинении осуждалось всякого рода иконопочитание, а также и иконоборчество. Основная мысль этого сочинения та, что иконы не есть необходимая принадлежность христианской религии, что они безразлично могут быть употребляемы и не употребляемы в церквах. Если допустить их употребление, то только для украшения церквей, или для возбуждения чувства благоговения в людях грубых. Поклонения же им ни под каким видом не должно быть воздаваемо. На соборе во *Франкфурте на Майне* (794 г.), в присутствии папских легатов, составлены были даже определения в этом смысле; при чем ложно заявлено было, будто восточная церковь на никейском соборе узаконила воздавать такое же почитание иконам, как и *Св. Троице*. Определения франкфуртского собора отправлены были к папе *Адриану I*, но последний не согласился с ними.

в) *Учение об исхождении Св. Духа и от Сына*. Древние отцы Церкви в учении об исхождении Св. Духа строго держались евангельского выражения: *иже от Отца исходит*. Это выражение и внесено в символ веры на втором вселенском соборе. Затем, как второй, так и третий и четвертый вселенские соборы запретили делать какие-либо прибавления к никеоцареградскому символу. Но, чрез несколько столетий, на местном соборе частной испанской церкви, именно *толедском* (589 г.), сделано было прибавление к этому символу в члене о Св. Духе – между словами: *от Отца и исходящего* вставлено слово: *и Сына* (*filioque*). Поводом к такому прибавлению послужило следующее обстоятельство. На соборе *толедском* решено было присоединение вестготов-ариан к православной Церкви. Так как основным пунктом арианской ереси было учение о неравенстве Сына с Отцом, то, настаивая на полном равенстве их, испанские богословы на *толедском* соборе решились поставить и Сына в

тоже отношение к Св. Духу, в каком находится к Нему Отец т. е. сказали, что *Дух Св. исходит от Отца и Сына*, и внесли в символ слово: *filioque*. В VII и VIII веках это прибавление из испанских церквей распространилось в церквях франкских. Сам Карл Великий и франкские епископы ревностно отстаивали *filioque*, когда восточная церковь высказалась против этого прибавления, Карл Великий на соборе в Ахене (809 г.) подтвердил даже правильность и законность прибавления в символе слова: *filioque*, не смотря на представления восточной церкви, и заключения собора отослал к папе Льву III на утверждение. Но папа решительно отказался признать *filioque*. По его распоряжению, никео-цареградский символ, без слова *filioque* написан был на греческом и латинском языках на двух досках, и доски положены были в храме св. Петра для засвидетельствования верности римской церкви древнему символу. Не смотря на это, в IX и X веках, учение об исхождении Св. Духа и от Сына распространялось все более и более в западных церквях, так что и римская церковь стала склоняться к нему. Восточная церковь, в лице константинопольского патриарха Фотия (во второй половине IX в.), обличала это нововведение западной церкви и доказывала его неправильность. Западная церковь не приняла во внимание голоса церкви восточной, и папа *Бенедикт VIII* в 1014 г. окончательно внес в символ *filioque*. С этого времени учение об исхождении Св. Духа и от Сына осталось навсегда в западной церкви.

г) *Спор Готтшалька о предопределении*. Западная церковь хотя приняла учение Августина о благодати, направленное против пелагианства, но от последних выводов из этого учения т. е. *безусловного предопределения* одних ко спасению, а других к гибели, она отказалась. Около половины IX века, один фульдский монах, *Готтшальк*, вздумал возобновить учение его о предопределении. Он учил, что предопределение двух родов: предопределение одной части людей к вечной жизни, а другой – к смерти. Бог хочет, чтобы спаслись только избранные Им, и они непременно спасутся, тогда как неизбранные непременно погибнут. Основания таких воззрений у Готтшалька те же, что у Августина. Свои мысли Готтшальк высказал открыто в 847 г. в Италии, когда он возвращался из Рима, в присутствии веронского епископа, *Нотинга*. Нотинг сообщил об этом майнцкому архиепископу, знаменитому *Рабану Мавру*. Последний созвал (848 г.) в Майнце собор, на котором осудил учение Готтшалька о предопределении. Архиепископ реймский, *Гинкмар*, к епархии которого принадлежал Готтшальк, также на соборе отверг его учение, а самого заключил в одном монастыре. Но за Готтшалька вступились некоторые епископы и монахи, склонные к августинизму.

Началась поленика; написано было несколько сочинений в защиту безусловного предопределения и против; составлено несколько соборов и т. п. Спор, впрочем, ничем не кончился, хотя с этого времени учение о безусловном предопределении стали называть ересью. Готтшалк умер в заточении (868 г.).

и д) *Учение Пасхазия Радберта и Беренгария об Евхаристии.* Восточная церковь давно уже, и особенно на седьмом вселенском соборе, выяснила учение о том, что в таинстве Евхаристии хлеб и вино *прелагаются* в истинное тело и в истинную кровь Господа И. Христа. Между тем в западной церкви взгляды на хлеб и вино в Евхаристии не установились еще; здесь, между прочим, смотрели на хлеб и вино, как на *образы* тела и крови Христа, или *символы*, посредством которых верующие невидимым образом, духовно соединяются со Христом. Монах Корбейского монастыря, *Пасхазий Радберт* (ум. 865 г.), желая установить правильный взгляд на Евхаристию, в 831 году, издал сочинение о теле и крови Господа. Здесь он решительно и определенно высказал, что в таинстве Евхаристии преподается верующим истинное тело и истинная кровь Господа, то самое тело, которое родилось от Пресвятой Девы Марии, страдало на кресте и было погребено. Хотя для людей непостижимо, как хлеб и вино прелагаются в тело и кровь Господа, но, говорил Пасхазий, это не говорит против действительности преложения, так как Бог, по своему всемогуществу, может изменить существо хлеба и вина в существо тела и крови Господней тем же действием Св. Духа, которым образовалось во чреве Пресвятой Девы тело Господа И. Христа. В подтверждение такого взгляда Пасхазий ссылался на слова Самого Спасителя, который, при установлении таинства, положительно сказал, что хлеб и вино есть Его тело и кровь. Западные богословы, державшиеся противоположных взглядов на Евхаристию, восстали против Пасхазия. Рабан Мавр, схоластик Иоанн Еригена и особенно монах Ратрамн и друг. доказывали, что в Евхаристии Христос вкушается духовно. Не смотря на это, учение Пасхазия Радберта проникало все более и более в сознание западных христиан, так что скоро сделалось господствующим.

Чрез два столетия (в половине XI в.), известный схоластик Беренгарий Турский снова поднял вопрос об Евхаристии. Он выступил противником учения Радберта. Отвергая преложение хлеба и вина в тело и кровь Господа, он не допускал никакого другого присутствия тела и крови Христовой в Евхаристии, кроме духовного. Но и духовное присутствие, по его учению, зависит не от освящения хлеба и вина, а главным образом от веры принимающих таинство, так что только под условием веры

причащающиеся хлеба и вина духовно причащаются Христа. Своим учением Беренгарий вооружил против себя решительно всех западных богословов и даже папу. Самым жарким его противником был также схоластик Лафранк Беккский. Состоялось несколько соборов в Италии и Франции по поводу учения Беренгария, и на всех Беренгарий был осужден. На соборе же в Риме (1079 г.), при папе Гильдебранде, он, до того времени не отказывавшийся от своего учения, принужден был пасть на колена пред папою и сознаться в своем заблуждении. После этого Беренгарий проживал в уединении и умер (1088 г.) в мире с церковью.

§ 51. Состояние духовного просвещения на востоке в IX и X веках

С половины IX в. на востоке замечается особенное движение в пользу просвещения. Греки, впавшие в умственное усыпление в предшествовавшие века, с усердием принялись за изучение, почти забытых, произведений поэтов, историков и философов древне-классического мира. Варда, соправитель императора Михаила III (842–867 г.), человек умный и образованный, первый из лиц, облеченных властью, позаботился о восстановлении классического образования. Он основал во многих больших городах школы, нашел учителей и положил им жалованье. Преемник Михаила, Василий Македонянин (867–886 г.), хотя сам был человек неученый, также покровительствовал просвещению. В этом много содействовал ему тогдашний патриарх Фотий, человек ученейший. Далее императоры Лев VI Мудрый (886–912 г.) и особенно Константин Багрянородный (912–959 г.), – сами заявлявшие претензии на ученость и написавшие несколько сочинений, хотя, по большей части, бесполезных, – также ревностно заботились о распространении просвещения посредством устройства школ и библиотек. Следствием такого движения в пользу классического образования было распространение в Византийской империи особого рода учености, состоявшей из массы знаний, заимствованных у древне-классических писателей путем механического изучения их. Знания эти, часто мелочные, были мертвым, чужим капиталом, и приобретались только ради приобретения их, без самостоятельной переработки и движения вперед. Вся задача учености состояла в восстановлении и памяти, добытых древними, научных сведений. – Такое направление мысли не могло не отразиться и на духовном просвещении. Стремление к изучению древних отцов, наряду с классическими поэтами и философами, еще более усилилось. Богословы IX и X веков выбирали все, подходящее из древних отцов по всем отраслям богословского знания – толкованию Св. Писания, догматике, истории и проч., и из собранного материала составляли большие трактаты и сочинения. Общий недостаток их, также как и писателей светских, отсутствие самостоятельности.

Из церковных писателей этого времени на востоке более замечательны следующие: 1) Фотий, патриарх константинопольский (ум. около 891 г.). Он был одним из ученейших людей своего времени; при своем великом уме, он обладал громадными сведениями в богословии, Св.

Писании, истории, философии, словесности, юриспруденции, математике и даже в медицине. О его жизни и деятельности будет изложено ниже в истории разделении церквей. Здесь достаточно заметить, что этот великий муж, оказавший много услуг Церкви и государству, умер в заточении при императоре Льве Мудром. Фотий писал очень много; но сочинения его не все изданы. Так, напр. одно из лучших догматико-полемических сочинений его против латинян о Св. Духе не издано еще. В этом сочинении он всесторонне рассматривает вопрос об походе Св. Духа и разрешает его, на основании Св. Писания и, главным образом, учения отцов и писателей восточной и западной церквей, в смысле православном. Затем замечательно сочинение Фотия против новых манихеев или павликиан в 4 книгах, в котором он предлагает историю их и опровержение. Но чем особенно славен Фотий в церковной литературе, так это Номоканон и Библиотекою. В Номоканоне Фотий дал Церкви отличнейший сборник церковных правил, расположенных по предметам содержания их, а в Библиотеке представил свои рецензии на множество (до 280), прочитанных им сочинений, – языческих и христианских, – с большими выписками из некоторых. Рецензии Фотия, иногда обширные, иногда краткие, впрочем, больше касаются литературных достоинств сочинения; но выписки из сочинений драгоценны, так как у него есть отрывки из сочинений потерянных.

2) Икумений, епископ Трикии во Фракии, живший около половины X века. Он известен своими толкованиями на Деяния апостольские, послания апостола Павла и Апокалипсис. Толкования его несамостоятельны. Это свод толкований из древних отцов, даже из Фотия. Но у Икумения выбор толкований очень хороший равно как и собственные замечания обнаруживают знание Св. Писания, и 3) Симеон новый Богослов, живший в конце X и начале XI веков. Он был сначала монахом Студийского монастыря, а потом игуменом обители Св. Мамонта в Константинополе. Самое название нового Богослова, усвоенное ему современниками, говорит уже за то, как высоко ценили в свое время его богословствование. Симеон замечателен преимущественно как богослов–проповедник, но он оставил также много сочинений, которые, по большей части, остаются в рукописях. Из них заслуживают внимания: главы деятельные и богословские [числом 101]; главы богословские и созерцательные [числом 25], 33 беседы о вере и нравственности с мирянами и иноками и друг. Отличительная черта богословствования Симеона – это приложение теоретического христианского учения к христианской жизни.

§ 52. Состояние духовного просвещения на западе в IX и X веках

Варварские народы, волновавшие западную Европу во время великого переселения, к VIII веку утвердились уже прочно в занятых ими странах, начали государственную жизнь и мало-по-малу усвоили римское просвещение. Италия, бывшая доселе на западе средоточием просвещения, потеряла свое значение: ее место заступили новые государства западной Европы

Франция, Германия, Англия. С учреждением на западе новой империи, на развалинах западно-римской, Карлом Великим (769–814 г.), просвещение как светское, так и духовное особенно сильно стало распространяться. Карл Великий, сам знакомый с римским образованием, говоривший по-латыни и понимавший по-гречески, ревностно заботился о распространении в своих владениях классического образования. Он вызвал из Англии и Италии ученых и, при их содействии, основал много школ при монастырях и кафедральных соборах. В числе этих ученых был знаменитый Алкуин, заведовавший дворцовой аристократической школой. Пришедшие ученые возбудили в варварах любовь к изучению латинской литературы и классических наук. Преемники Карла Великого также покровительствовали просвещению, особенно Карл Лысый. В основанных при Карле Великом школах изучали преимущественно Св. Писание по толкованиям древних отцов, особенно Августина. Вообще направление духовного просвещения в век Карла Великого было библейско-практическое. Самостоятельной учености не было также, как и на востоке.

Из писателей западной церкви в IX в. более замечательными представляются следующие: Алкуин, придворный ученый Карла Великого, вызванный из Англии. Подобно Беде Достопочтенному, он отличался всесторонним образованием, хотя и уступал ему во многом. Алкуин более известен как практический деятель на поприще духовного просвещения, но он написал и несколько богословских сочинений. Таковы его комментарии на Св. Писание, составленные на основании Августина, Григория Великого, Беды; жизнеописания святых и догматические сочинения, например три книги о Св. Троице. В последнем есть уже попытка вывести положительное учение веры из учения о сущности разума, при посредстве сложных логических умозаключений т. е. у Алкуина уже заметны зачатки схоластического направления в богословии.

Ученик Алкуина, Рабан Мавр (ум. 856 г.), майнцкий архиепископ, также принес много пользы духовному просвещению. Из произведений его замечательны: комментарии почти на все книги Св. Писания, составленные на основании древних отцов; об образовании клириков; о пороках и добродетелях; о дисциплине Церкви и друг. – Клавдий (ум. 840 г.), епископ туринский, также написал много комментариев. Валфрид Страбон (ум. 849 г.), аббат одного монастыря в Рейхенау, составил краткий комментарий на все Св. Писание, который в средние века служил руководством по изъяснению Св. Писания в западных школах. Христиан Друттмар (ок. половины IX в.), монах Корбейского монастыря, замечателен тем, что изъяснял Св. Писание буквально, по образцу древней антиохийской школы. – Таким образом литературная деятельность западных писателей сосредоточивалась главным образом на изъяснении Св. Писания. Изучение догматов было на втором плане: только спорные в то время догматические вопросы, например, о предопределении, о пресуществлении, об исхождении св. Духа и друг. занимали еще некоторых писателей. Совершенно особняком от других западных писателей стоит Иоанн Скотт Еригена (ум. 886 г.), глубокомысленный философ-богослов. Он воспитывался в ирландских школах, был вызван ко двору Карла Лысого, у которого заведовал дворцовой школой, но обвиненный, по смерти Карла, в ереси, удалился в Англию, где занял должность учителя в Оксфорде. Еригена был знаком не только с сочинениями Августина, но и с сочинениями Оригена, Григория Нисского, Максима Исповедника и Дионисия Ареопагита, и в своих сочинениях догматического содержания он следовал этим отцам. Особенно замечательно его философско-богословское сочинение о разделении природы, наполненное глубокомысленными рассуждениями о конечном и бесконечном и взаимном отношении того и другого, напр. о возвышении человеческого созерцания к бесконечному Свету Божественной природы, об откровении бесконечного в конечном и т. п. Впрочем, в подобных рассуждениях Еригена проводил пантеистические воззрения.

В X в., который в истории известен под названием темного, стремление к духовному просвещению стало ослабевать, Только еще в некоторых монастырях поддерживалось изучение библии. Но вообще в западном христианском мире распространилось крайнее невежество. Замечательных писателей в этом веке почти совсем не было. Ратерий епископ веронский (ум. 974 г.) в своих сочинениях высказывает горькие жалобы на невежество и разврат западного духовенства. Можно указать только на Оттона епископа верчелльского (ум. 960 г.), как на составителя

комментариев на послания ап. Павла, и на Герберта (впоследствии папу с именем Сильвестра II), который был единственным ученым своего времени. В XI в. на западе снова пробуждается любовь к наукам, разрешившаяся двумя главными богословскими направлениями: схоластикой и мистикой.

Глава 3. Внутреннее устройство и управление Церкви

А. Восточной

§ 53. Отношение церковной власти к гражданской

После времен Константина Великого равновесие в отношениях между властями гражданской и церковной было нарушено с ущербом для власти церковной. Представители гражданской власти, императоры свое участие в церковных делах нередко доводили до повелевания Церковью. Тоже было и теперь в период времени после вселенских соборов. Императоры, по большей части, смотрели на Церковь, как на одно из подчиненных им правительственных учреждений, а на представителей Церкви – епископов, митрополитов и патриархов, как на высших чиновников, проводников власти императорской, и сообразно такому взгляду располагали свои отношения к власти церковной, поставляя ее в положение подчиненное. Так как на стороне императоров была внешняя материальная сила, которою они нередко и пользовались в отношении к власти церковной, то последней приходилось в большинстве случаев, даже в делах веры, сообразоваться с волею и мнением императоров. История иконоборческих волнений в первой половине IX века и споров между церквами восточной и западной из-за разностей догматических и обрядовых во второй половине того же века показывает, в какое подчиненное отношение поставлена была власть церковная к гражданской. Императоры, по своему произволу и по своим видам, возводили и низводили не только епископов, но и патриархов, отдавали приказания патриархам, как обсуждать и решать более важные вопросы по церковному управлению или вероучению, собирали соборы, на которых управляли всем ходом дел и т. д. При всем том, церковная власть, какова власть патриархов, митрополитов и епископов, если находилась в руках людей достойных, всецело посвятивших себя на служение Церкви и чуждых мирских интересов, была настолько сильна, что сами императоры иногда должны были уважать ее и поступать согласно ее представлениям. Это видно из той же истории иконоборческих волнений и споров восточной церкви с западной. Монашество своими протестами против вмешательства гражданской власти в церковные дела оказывало сильную поддержку власти церковной. Это понимали императоры-иконоборцы и во что бы то ни стало хотели совсем уничтожить монашеское сословие. Известный Феодор Студит был самым жарким противником вмешательства императоров во внутренние дела Церкви. Он требовал самостоятельности и свободы Церкви от незаконного влияния на нее гражданской власти, представляя, что высшая в Церкви власть принадлежит патриархам.

Находя поддержку своим стремлениям к самостоятельности в монашестве, а чрез него и в народе, церковная власть почти всегда, хотя и спустя долгое время, успевала уничтожать все, незаконно установленное в Церкви гражданскою властью.

§ 54. Состояние иерархии

В состоянии иерархии восточной Церкви перемен никаких не произошло сравнительно с предшествовавшими веками, кроме того только, что в ряду других восточных патриархов особенно возвысился патриарх константинопольский. Его возвышению способствовало то, что он занимал кафедру в столице империи, иди, по выражению II-го вселенского собора, в новом Риме, и находился всегда в близких сношениях с императорскою властью. По своему положению, в столичном городе и вблизи к особе государя он имел возможность, в случае нужды, оказывать помощь и покровительство другим патриархам, которые, вследствие этого, относились к нему с особенным уважением. Но здесь подчинения, подобного тому, какого требовала римская церковь, не было; II-й и особенно IV вселенские соборы, сравнивши константинопольского патриарха с римским, отдали ему только преимущество чести пред прочими патриархами востока. Если иногда императоры представляли константинопольским патриархам больший, сравнительно с другими патриархами, объем власти в церковных делах, то это были только исключительные случаи, не переходившие в постоянную систему церковного управления. С VII века, когда три восточные патриархата пали под оружием мусульман, так что у патриархов александрийского, антиохийского и иерусалимского остались одни только патриаршие титулы без соответствующей власти, – значение константинопольского патриарха, естественно, должно было увеличиться. Он один только из всех восточных патриархов пользовался самостоятельною властью в своем округе и, поэтому, преимущественно пред другими патриархами, имел решающий голос в делах общецерковных.

С возвышением константинопольского патриарха его управление получило полную организацию²⁶⁹. При нем образовался целый двор, на подобие двора императорского, состоявший из значительного числа более или менее важных должностных лиц. Эти должностные лица разделялись на девять пятериц; принадлежавшие к первой пятернице имели особенно важное значение в церковном управлении. Это – великий эконом, великий сакелларий, великий скевофилак, хартофилак и сакелий. Они были высшими церковными сановниками. По большей части они имели степень диаконов, но на свои должности рукополагались еще особенным и торжественным образом. Во время богослужения они носили на голове венцы с крестами. Что касается до их значения в церковном управлении,

то они были начальниками особых присутственных мест, называвшихся советами (Σεκρέτων), в которых сосредоточивались дела по той или другой отрасли управления, и кроме того заседали в патриаршем синоде. Сколько было должностных лиц в первой пятерике, столько же и советов. 1, Совет великого эконома; под главным управлением последнего, заведовал всеми церковными доходами и расходами. 2, Великий сакелларий с своим советом управлял константинопольскими монастырями, заведывая монастырским хозяйством и наблюдая за нравственной жизнью монахов. 3, Великий скевофилакс, во главе своего совета, заведовал всею церковною утварию как в великой константинопольской церкви, так и в патриаршей епархии, доходами собственно церковными, также доходами, поступавшими в церковь в пользу клириков, и наблюдал за благочинием в храме. 4, Хартофилакс с своим советом заведовал всеми важнейшими делами по администрации и суду патриаршей епархии. Наблюдая за всем делопроизводством при патриархе, хартофилакс давал разрешение на построение церквей и монастырей; избирал и представлял к поставлению пресвитеров и диаконов; наблюдал за верою, благочестием и нравами не только клира, но и мирян; заведовал делами брачными; разрешал различные недоумения, возникавшие в церкви касательно таинств, обрядов и т. и., производил суд над всеми, обвиняемыми в преступлениях против веры и церкви, еретиками, раскольниками, отступниками от веры и т. п., а клириков судил даже по делам гражданским; виновных как мирян, так и клириков подвергал наказаниям. Вообще хартофилакс, кроме рукоположения, делал все то, что должен был делать патриарх в своей епархии, по званию епископа. Должность хартофилакса была самою важною и почетною при патриархе. Между тем как прочие должностные лица первой пятерики имели влияние на какую-нибудь отдельную часть церковного управления, влияние хартофилакса простиралось на всю патриаршую епархию и нередко на весь патриархат. Поэтому, он назывался устами и оком своего патриарха. Важному значению хартофилакса соответствовала и торжественность его рукоположения в должность. При церемонии посвящения патриарх надевал на его руку кольцо, полагал на его грудь особенного рода хартию и вручал ключи царствия небесного. 5, Сакеллий с своим советом заведовал приходскими церквами, наблюдая за их хозяйственною частию, а также за исправным прохождением своей должности приходскими клириками, их поведением и т. п.; преступных клириков, с согласия патриарха, заключал в патриаршую темницу.

Что касается до должностных лиц прочих осьми пятерик, то они,

имея в известной мере начальственное значение, по большей части, были помощниками высших церковных сановников – членами или писцами их советов; немногие из них имели независимый и самостоятельный круг деятельности. Таков напр. протэкдик, который состоял во второй пятерике, но в последствии занял место в первой пятерике во главе совета из 10–12 экдиков. Высшим правительственным и судебным местом при патриархе, которое, под его главным начальством управляло как целым патриархатом, так и епархией патриарха по делам важнейшим, – был патриарший синод. В состав его входили митрополиты и архиепископы патриархата не постоянные, а случайные, находившиеся в Константинополе по каким либо обстоятельствам, а также должностные лица первой пятерики – великий эконо́м, великий сакелларий, великий скевофилакс, хартофилакс и сакеллий. Последние присутствовали в синоде, потому что там нередко рассматривались дела, находившиеся в их ведении, но по своей важности превышавшие их власть и потому поступавшие на разрешение синода. Хартофилакс имел особенно важное значение в Синоде. В отсутствие патриарха он занимал его председательское место в Синоде. Весь ход дел, производившихся в синоде, зависел от него, так как он заведовал всем делопроизводством в обширном значении этого слова, и все решения и распоряжения синода, утвержденные патриархом, получали свою обязательную силу только тогда, когда хартофилакс скреплял их своею подписью и печатью. – Для ближайшего надзора на месте за монастырями, церквями и целыми епархиями, подчиненными патриарху, при нем учреждена была должность экзархов. Экзархи заменили собою периодевтов. Но поручению патриарха с известными полномочиями, они, обзревая монастыри, исследовали нравы и поведение монахов, требовали соблюдения монашеских уставов, если замечали отступления и т. п. от них. Обзревая церкви и епархии, обращали особенное внимание на поведение епископов и клира и, в случае злоупотреблений, принимали против них нравственные меры; вообще они входили во все стороны местной церковной жизни и церковного управления и обо всем, после обзрения, доносили патриарху.

Б. Западной

§ 55. Отношение церкви к государству до половины XI века

На западе, в новооснованных государствах, церковь заняла такое же положение, как и в греко-римской империи, т. е. вступила в союз с государством. Особенность только та, что, в течение нескольких веков, и главным образом в IX–XI, западная церковь находилась в сильной зависимости от государства, хотя и с своей стороны оказывала на него влияние. Западные государства, также как это было и в греко-римской империи, прежде всего предоставили церкви обеспечение в содержании. Это обеспечение состояло, главным образом, из разного рода угодий и поместий. Из поземельного владения церкви и развиваются ее отношения к государству. Угодия и поместья давали церкви, по большей части, короли, в соответствие тому, как они же раздавали земли своим сподвижникам в завоеваниях. Отсюда выходило то, что короли смотрели на епископов и вообще на иерархию, владеющих пожалованными церковными землями, как на подчиненных им светских владетелей, или как феодалы на своих вассалов. Церковные власти стали, таким образом, в ленные отношения к властям светским. Подобные отношения сложились главным образом, во франкском королевстве и еще до Карла Великого. В подобные же ленные отношения поставлен был и папа. Как замечено было выше, папы сделались светскими владетелями с половины VIII в., когда Франкский король Пипин принес в дар римской церкви земли, отнятые у лонгобардов. При Карле Великом эти земли сделались леном, а папы ленниками. Папа Лев VIII (705– 816 г.), пользовавшийся, подобно своим предшественникам от франков военной помощью против своих врагов, в благодарность за это задумал восстановить забытую римскую империю и титул императора предоставить франкским королям. По его приглашению в 800 году, Карл Великий прибыл в Рим и торжественно в церкви Св. Петра был коронован императорскою короною. Желая возвысить Карла в ряду других европейских государей, папа стремился в тоже время и к собственному возвышению, так как новый император получал свое высокое достоинство при его посредстве. Но, с восстановлением римской империи, папа, – хотя это, вероятно, и не входило в его расчеты, – стал в ленные отношения к императору, а отсюда и в подчиненные. Так он должен был давать ему присягу на верность, предоставлять право высшего суда в своей Церковной области, подчиняться контролю его послов; словом, император сделался высшим повелителем Рима, хотя

непосредственное управление Церковною областью принадлежало папе. – Далее, мало-по-малу императорская власть приобрела влияние и на избрание пап: избранный клиром и народом папа, еще до посвящения, должен был получить императорское утверждение. Хотя, при слабых преемниках Карла Великого, ленная зависимость пап от императоров ослабела, особенно когда с Карла Лысого (875 г.) императорский титул перестал быть наследственным и поступил в распоряжение пап, но папы впали еще в большую зависимость от светской власти. Явилось много искателей императорского титула, которые не редко силою заставляли пап короновать себя императорами; если же папы противились, то претенденты на императорскую корону низлагали их, а на место их поставляли своих сторонников. Или просто светские владетели, при всеобщей в то время анархии, захватывали в свои руки папский престол и распоряжались им по своему усмотрению. Таким образом, избрание пап и их низложение вполне зависело от светской власти. А отсюда и в самом управлении Церковною областью и церковию папы были не более, как орудием светских владетелей, избравших их. Эта зависимость пап то от светских и итальянских владетелей, то (с половины X века) от германских императоров, как об этом изложено будет в истории папства, продолжалась до половины XI века. – Если глава западной церкви находился в такой зависимости от светской власти, то епископы, в разных отдельных государствах, вследствие своих ленных отношений к светским владетелям, не могли быть изъяты от подчинения. Как вассалы, они давали присягу на верность, должны были по первому призыву своего феодала являться к нему, участвовать с своими подданными в военных походах и т. д. Поставив в такое подчиненное положение епископов в светских делах, западные короли и князья подчинили их и в делах церковных. Так право избрания епископов почти исключительно принадлежало светским владетелям, каждому в своей земле. В X в. установился даже обычай поставления епископов от короля посредством вручения ему кольца и пастырскою жезла. Это поставление называлось инвеститурой. Хотя инвеститура происходила до посвящения, но посвящение не могло совершиться без нее. Такой порядок замещения епископских мест вел за собою много злоупотреблений. Многие светские владетели сделали епископские места источником доходов, продавая их за деньги, или отдавая своим родственникам. Симония развилась в ужасающих размерах. Отсюда, естественно, епископами делались люди или неспособные к слященнослужению или недостойные его. Доходило до того, что на епископские кафедры поставляли пятилетних мальчиков, и папы

утверждали такое поставление. В этом случае, конечно, все управление церковью было в руках князей, делавших епископами малюток. С правом избрания епископов королям и князьям принадлежало и право верховного суда над ними, как над вассалами, при чем они могли наказывать их иногда даже лишением священного сана. По смерти известного епископа, до назначения нового, короли и князья пользовались всеми, принадлежавшими ему, церковными доходами. Правда светские владетели мало вмешивались во внутреннее управление церковью, но избрание ими на епископские кафедры, по большей части, людей светских давало им возможность создавать управление церковное по своему желанию.

Церковь в лице своих лучших представителей, с своей стороны также оказывала влияние на государство. На западе в IX–XI веках господствовал в гражданском управлении грубый деспотизм; междоусобные войны, грабежи, насилия разного рода, составляли главные занятия феодалов и вассалов. В противодействие им, лучшие епископы, заведая в своих землях гражданским управлением, устанавливали начала законности и справедливости, а участвуя в сеймах, старались вводить в общее государственное законодательство христианские и церковно-канонические начала. Всех бедных, угнетенных и страдавших от произвола светских владетелей епископы не редко брали под свое покровительство и ходатайствовали за них пред государями. Даже больше, – если не для совершенного прекращения буйства и насилий светских владетелей, то для ослабления их, в первой половине XI века франкские епископы и аббаты установили, так называемый, божий мир, учреждение, по своей идее, достойное христианства. В 1041 году торжественною грамотою от франкского духовенства было объявлено, чтобы все сохраняли мир, по крайней мере, в течение четырех дней в неделю с вечера среды до утра понедельника, прекращая всякие междоусобия. За сохранением этого мира наблюдали церковные власти и против ослушников употребляли церковные наказания. Учреждение божьего мира из Франции распространилось скоро по другим странам. Впоследствии, это учреждение, впрочем, было забыто.

§ 56. Папство и его история

Папские притязания на главенство в Церкви, заявлявшиеся в течение нескольких веков, на западе увенчались полным успехом. К началу IX века во всех западных церквях папа считался верховным главою и судьей Церкви. Не доставало только канонических оснований для такой власти, а также не вполне еще были определены отношения к папе областных митрополитов и соборов. Но и это скоро явилось. В первой половине IX века на западе появился новый канонический сборник, известный в истории под именем лжеисидоровских декреталий. В этом сборнике главное место занимают декреталии пап, начиная с самых первых времен римской церкви [с 77 г. по Р. Хр.], почти все или подложные или искаженные²⁷⁰. По этим декреталиям, папа, как преемник князя апостолов, апостола Петра, имеет всю полноту власти в Церкви вселенской. Ему подчинены все церкви со своими предстоятелями, так что, если последние в известной мере пользуются властью, то эту власть получают от папы. Без его соизволения не может составиться ни один собор и ни одно решение собора не может быть приведено в исполнение. Все недовольные решением областных соборов и местных митрополитов могут обращаться с апелляциею к папе, и от него уже зависит окончательное решение, которому все должны подчиняться беспрекословно. В странах, отдаленных от Рима, назначаются папою из старших митрополитов викарии апостольского престола, или примасы, которые пользуются на месте властью папы и служат, таким образом, проводниками центральной власти римских первосвященников. Таким образом, по лжеисидоровским декреталиям, власть папы в церкви стала выше власти даже вселенских соборов. Система церковного управления, изложенная в лжеисидоровских декреталиях и развившаяся на западе, известна в истории под именем папства.

Папа Николай I (858–807 г.) первый начал ссылаться на лжеисидоровские декреталии и первый начал применить к практике, раскрытые в них, идеи о папском всевластии. Сочувствуя вполне этим идеям, он обладал всеми, необходимыми для осуществления их, качествами – умом, твердым характером, строгою нравственностью. В свое десятилетнее правление он сделал для возвышения папства гораздо более, чем сколько делали другие папы в течение многих десятилетий. Столкновения его с Лотарем, владетелем Лотарингии, и Гинкмаром, архиепископом реймским, в которых папа остался победителем, вполне

подтверждают это. Лотарь захотел развестись с своею законною женою Титбергою, чтобы жениться на любовнице Валдраде. Собор ахенский (862 г.), на котором в пользу Лотаря действовали архиепископы Кельнский Гюнтер и Трирский Титго, разрешил ему как развод, так и новый брак. Лотарь женился на Валдраде. Но Титберга обратилась с просьбою о помощи к папе Николаю I, который и решился воспользоваться этим случаем для проявления своей власти. Он назначил новый собор в Меце (863 г.), под председательством своих легатов, для вторичного расследования дела о браке Лотаря. Но и этот собор, действовавший под влиянием Лотаря, решил дело в его пользу. Гюнтер и Титго, главные деятели на соборе, сами отвезли папе соборные определения на утверждение. Николай, очень хорошо знавший ход дела на соборе, решился поступить со всею строгостию с послушниками его приказаний и покровителями явного прелюбодеяния. Он отверг постановления мецкого собора, лишил сана Гюнтера и Титго и угрожал тем же остальным, участвовавшим на соборе, епископам, если они не раскаются. Лотарь не смутился папским решением; архиепископы кельнский и трирский также не хотели покориться папе. Они, не признавая за папою права верховного суда, требовали собора, составленного из митрополитов, на котором бы они лично могли защищать свое дело. Кроме того они вооружили против папы брата Лотаря, императора Людовика II. Этот, желая принудить папу отменить свое решение, занял своими войсками Рим; впрочем, он скоро примирился с Николаем. Но Гюнтер и Титго продолжали высказывать протесты против папской власти. Протесты их, однако, не возбуждали сочувствия, так как дело, защищаемое ими, было неправое; общественное мнение было на стороне папы. Николай пошел еще дальше, – он отлучил от церкви Гюнтера. Тогда архиепископы Трирский и Кельнский, не находя никакого исхода из своего положения, решились покориться папе. Но папа оставил в силе свое определение относительно лишения их сана. Прочие епископы также спешили засвидетельствовать пред папою свое раскаяние. Теперь и Лотарь, побуждаемый неблагоприятным для него настроением общественного мнения, счел за лучшее сойтись с папою. Папа потребовал, чтобы он оставил Валдраду и принял законную жену Титбергу. Лотарь должен был повиноваться. – Также успешно окончилось для Николая столкновение с Гинкмаром, архиепископом реймским, человеком умным и энергическим. Гинкмар отстаивал права местного самоуправления церкви, папа, напротив, проводил мысль лжеисидоровских декреталий о централизации церковной власти в лице папы. Борьба эта произошла по следующему случаю. Гинкмар низложил на соборе одного подчиненного

ему епископа Ротада. Этот апеллировал папе. Папа, не смотря на отпор Гинкмара и галльских епископов, потребовал, чтобы Ротада и Гинкмар явились в Рим на суд. Когда явился один только Ротада, папа признал его восстановленным в сане, после чего он занял свою кафедру, без возражений со стороны Гинкмара. Таким образом в этих двух столкновениях папа явился блюстителем нравственных законов, защитником невинности во всем христианском мире и верховным судьей в Церкви. Кроме того, в виду централизации власти в лице папы, Николай I установил, чтобы каждый вновь поставленный архиепископ, при получении от папы паллиума, давал клятву и подписку в верности апостольскому престолу и беспрекословном повиновении папе.

Следующий папа, Адриан II (867–872 г.), действовал в пользу папских интересов не так удачно, как Николай. Неудачи, между прочим, происходили от того, что папа изъявлял претензии быть судьей государей не только в духовных, но и политических делах. Так, когда, по смерти Лотаря, Карл Лысый овладел его землями, помимо законного наследника, императора Людовика II, Адриан потребовал, чтобы Карл возвратил лотарингские земли Людовику, и, в противном случае, угрожал своею церковною властью; от лотарингских же епископов требовал прекратить с Карлом общение. Но папы никто не слушал ни Карл, ни епископы. Гинкмар же реймский в письме к папе дал понять, что как король, так и вельможи не потерпят вмешательства папы в их политические дела. Тот же Гинкмар, по случаю низложения им на соборе одного епископа (также как и при Николае), отказал Адриану в праве рассматривать вновь дело в Риме, а не на местном соборе, – и Адриан должен был уступить. – Преемник Адриана Иоанн VIII (872– 882 г.) замечателен тем, что, по стечению благоприятных обстоятельств, положил начало тому порядку вещей, по которому императорская корона стала раздаваться папами. Карл Лысый, незаконно присвоивший себе императорское достоинство (875 г.), нуждался в признании этого достоинства со стороны Церкви. Папа Иоанн VIII, короновав Карла, признал его законным императором, но в тоже время воспользовался этим случаем, чтобы заявить, что получение императорского достоинства зависит единственно от апостольского престола. Карл не протестовал против этого, и действительно с этого времени на западе утверждается представление, что папа есть источник власти императорской. Пользуясь расположением Карла Лысого, Иоанн VIII успел и с своей стороны сделать несколько постановлений, направленных против вмешательства светских владетелей в дела церкви, напр. чтобы никто из герцогов и князей не назначал епископов, не судил

их и не налагал на них и на их церкви податей, – хотя эти постановления оставались только на бумаге. После Иоанна VIII папство, вовлеченное в разные политические комбинации, быстро склонилось к падению. Папский престол поступил в распоряжение светских владетелей и политических партий и замещался, по большей части, людьми недостойными. Безнравственность и разного рода преступления составляли принадлежность очень многих пап. Папская власть, находившаяся в руках таких людей, если не потеряла своего значения в идее, на практике потеряла очень много сравнительно с прежними временами. Неустройства на папском престоле продолжались целых полтора столетия до самой половины XI в. – Три папы, следовавшие за Иоанном VIII, ничем особенным не замечательны. Только один из них Стефан V (885–891 г.), когда происходила борьба за императорское достоинство между итальянскими владетелями Гвидоном, герцогом сполетским, и Беренгаром, герцогом фриульским, успел возложить императорскую корону на Гвидона. Следующий папа Формоз (891–895 г.), человек умный и дальновидный, опасаясь стеснений от императорской власти, находящейся в Италии вблизи Рима, отдал императорскую корону Арнульфу, королю германскому, хотя вскоре римляне признали императором сына Гвидона, Ламберта. Преемник Формоза развратный Бонифаций VI был папою только 15 дней; умер от подагры. Стефан VI (895–897 г.) заявил себя отвратительным кощунством над прахом папы Формоза. Устроив суд над этим папою за незаконное вступление на папский престол, он вытащил из могилы его труп, приказал сорвать с него святительские одежды, отрубить сначала три пальца, потом голову и, наконец, бросить в Тибр. Но и сам Стефан скоро получил достойное наказание; он свергнут был римлянами с престола, заключен в тюрьму и потом удушен. Следующие папы Роман и Феодор занимали престол первый несколько месяцев, а второй 20 дней. Иоанн IX (898–900 г.) и Бенедикт IV (900–903 г.) были еще сносными папами, особенно первый, хлопотавший об уничтожении влияния римской черни и вельмож на избрание пап. Но следующие папы были, по большей части, креатурами сильных итальянских вельмож и даже развратных женщин. Знатный римлянин, Христофор, заключив в тюрьму преемника Бенедикта IV, Льва V, сам сделался папою; чрез полгода и этот папа был свержен. На сцену теперь выступают три знатные и развратные римлянки, Феодора и ее дочери, Марозия и Феодора младшая, которые долгое время заведовали папским престолом, возводя и низводя пап по своему произволу. Господство этих женщин известно под именем правления блудниц. На

место Христофора Марозия возвела на престол Сергия III, бывшего с нею в любовной связи, а после него еще двух пап (до 914 г.). Затем Феодора старшая посадила на папский престол своего бывшего любовника, архиепископа равеннского, под именем Иоанна X (914–928 г.). Стремление Иоанна X освободиться от влияния партии Марозии повело к тому, что Марозия с своим мужем схватила Иоанна и заключила его в тюрьму, где он был задушен подушками. Поставив после Иоанна одного за другим двух незначительных пап, Марозия наконец (931 г.), возвела на кафедру под именем Иоанна XI (931–933 г.), своего сына, прижитого от папы Сергия III. Между тем другой ее сын от Альберта, маркграфа иврейского, Альбериха, как сенатор и патриций, сделался светским главою Рима. Этот вскоре стал во главе партии, противной Марозии, схватил ее вместе с папою и заключил в тюрьму, где они и умерли. После этого папским престолом распоряжался Альберих до самой своей смерти (954 г.). При нем было несколько пап, им набранных, нисколько незамечательных.

Сын Альбериха, Октавиан, захотел сосредоточить в своих руках светскую и духовную власть. Несмотря на то, что ему было только 18 лет, он занял папский престол, с именем Иоанна XII (950–963 г.). Этот папа известен своею бесстыдною жизнью, которой он предавался открыто: папский дворец при нем сделался публичным домом блудниц. Доходило до того, что папа отдавал своим любовницам церковные сосуды. В 963 г. Оттон Великий, уже получивший императорскую корону, выведенный из терпения вероломством Иоанна XII на соборе в Риме низложил его, а на место его поставил Льва VIII. Этот папа в следующие за ним, как избираемые но влиянию Оттона, держались на престоле только при его содействии. По смерти Оттона (973 г.), папский престол поступил в распоряжение сына Феодоры младшей, Кресцентия, который и поставил несколько пап. Оттон II, занявший своими войсками Италию, восстановил на короткое время значение императорской власти при избрании пап; так по влиянию императорской партии был выбран Иоанн XIV (983 г.), человек добродетельный. Но по смерти Оттона, Бонифаций VII, бывший папою во время господства Кресцентия, низверг Иоанна и уморил его голодом, а сам во второй раз сделался папою. Этот папа отличался безнравственностью и жестокостью. Папа Иоанн XV (985–996 г.) умел только собирать деньги, особенно продажею епископских кафедр. Следующие папы Григорий V (996–999 г.) и Сильвестр II (999–1003 г.) могут быть поставлены в числе пап достойно проходивших свое служение. Оба они избраны были по влиянию императора Оттона III и оба были

близкими к нему людьми, – первый, прежде герцог Брунон, был двоюродным братом Оттону, второй, носивший в мире имя Герберта, известный своею ученостию, был наставником императора. И Григорий и Сильвестр особенно заботились об исправлении нравов клира и искоренении симонии, хотя, по краткости правления, мало успели в этом. После Оттона III распоряжение папским престолом опять поступает в руки римской черни и итальянских магнатов. Партия графов тускуланских приобрела особенно сильное влияние в Риме. Из этой фамилии и выбирались теперь папы; дело было поставлено так, как будто папский престол был наследственным. Папы этой фамилии скорее были светскими владетелями по духу того времени, чем высшими иерархами церкви. Они заботились только о личных интересах – собирали деньги продажей церковных должностей, притесняли и грабили народ, враждовали с соседними светскими владетелями и т. д. Церковь для них была королевским или герцогским владением. Таков был напр. папа Иоанн XIX (1024–1033 г.), который своими жестокостями и грабительствами произвел целое возмущение в Риме, и таков же, если еще не хуже, Бенедикт IX (1033–1046 г.). Последний вступил на престол двенадцатилетним мальчиком. За грабительства, убийства и другие подобного рода преступления он был в 1044 г. изгнан из Рима, а папою выбран один епископ под именем Сильвестра III. Впрочем, Бенедикт скоро возвратился и в свою очередь изгнал Сильвестра. Все-таки положение Бенедикта было не прочно; он сознавал это, и потому продал свое папство одному архипреспитеру Грациану, а сам с награбленными богатствами удалился на покой. Грациан вступил на папский престол под именем Григория VI. Не смотря на то, что он купил свое папство, он был человек достойный и заявил себя на первое время с хорошей стороны. Таким образом в Риме было три папы, – Сильвестр и Бенедикт также считали себя законными первосвященниками. В это время императорский престол занимал Генрих III. Он решился восстановить императорскую власть в Италии и устроить дела папства. В 1046 г., прибыв в Италию, он держал собор в Сутри, низложил на нем всех трех пап и выбрал нового. С этого времени беспорядки на папском престоле прекращаются. Папство опять получает свою силу и вступает даже в борьбу с императорскою властью.

§ 57. Западное духовенство и монашество

Западная церковь, выходя из понятия о важности священнического служения, издавна стремилась сделать свое духовенство высоконравственным. В этих видах, в противоположность церкви восточной и в противоречие общецерковным законам, она отказывала своим клирикам в брачной жизни. Отсюда, обычай безбрачия, настоятельно проводимый в практику римской церкви в IV–VIII веках, к IX в. сделался почти всеобщим. В IX–XI веках усилия сделать безбрачие общеобязательным законом продолжают. Папы этого времени, заботившиеся об исправлении нравов духовенства, напр. Николай I, Григорий V, Сильвестр II и друг., прежде всего требовали, чтобы клирики вели жизнь безбрачную. Того же домогались и некоторые ревностные епископы, напр. Ратерий веронский (ум. 974 г.) Дунстан, архиепископ кентерберийский (ум. 988 г.) и друг. Соборы также составляли определения, направленные к утверждению безбрачия. Напр. на соборе тессинском при папе Бенедикте VIII (1012–1024 г.) между прочим, в видах уничтожения брачной жизни клириков, было постановлено, чтобы дети духовных лиц, прижитых ими в браке и вне брака, со всем своим имуществом оставались в рабстве при той церкви, при которой находятся их отцы. При всем том, в некоторых западных церквях, клирики вступали в брак; напр. церковь Медиоланская, верная преданиям Амвросия, позволяла своим клирикам брак даже в XI веке. Окончательно введено на западе безбрачие духовенства в последней четверти XI века папою Григорием VIII. – С тою же целью – сделать жизнь клириков по возможности святее жизни обыкновенных людей, западная церковь установила для них особый образ жизни, наподобие монашеского. Ближайшим поводом к установлению такого образа жизни послужило то, что западное духовенство, в начале средних веков, в новых европейских государствах, особенно во Франции и Германии, усвоило себе светскую жизнь, – клирики ходили на войну, занимались охотою и т. и., преребрегая в тоже время своим служением. Епископ мецкий Хродеган (ум. 7(50 г.) первый написал правила сапоп жизни клириков, отчего клирики проводящие жизнь по этим правилам, стали называться канониками. Правила эти составлены по образцу монашеских правил Бенедикта Нурсийского. Клирики известного прихода (если их было несколько), особенно состоящие при епископской кафедре должны были жить вместе в одном доме, как бы в монастыре, иметь общий стол, вместе молиться в

определенные часы *horae canonicae*, иметь общие собрания, в которых читать известный отдели из Св. Писания (*capitulum*, отчего собрания клириков получили название капитулов) и т. п. Правила Хродеганга при Карле Великом распространились во многих церквах, а при Людовике Благочестивом, когда на соборе в Ахене (816 г.) они были утверждены с немногими, впрочем, изменениями, введены во всеобщее употребление в церквах Франкской монархии. Но не смотря на такие заботы западной церкви о нравственности своих клириков, жизнь западного духовенства в IX–XI веках в нравственном отношении представляет мрачную картину. Принудительное безбрачие, при невозможности найти для всей западной церкви такое множество клириков, могущих вести безбрачную жизнь, породило в духовенстве самый наглый разврат. Сначала разврат был тайный. Клирики вступали в связи с проживавшими в их домах женщинами, как на это жаловался собор майнцкый [888 г.]. В X же веке, вслед за папами, нередко предававшимися открытому разврату, и епископами, зараженными тем же пороком, и низшее духовенство начало развратничать открыто. По отзывам соборов и писателей XI в., клирики иногда имели не по одной только, а по две и более наложниц и, полагая высшим благом своей жизни плотское наслаждение, нисколько не стеснялись тем, что в народе знали, у кого какая наложница. Особенно поражало своею безнравственностью духовенство итальянское. Только клирики тех церквей, которые, как напр. Медиоланская, допускали брак для духовенства, отличались хорошою нравственностью. – Установление особого образа жизни для клириков (*vita canonica*) также не привело к благим результатам. Правила монастырской жизни оказались неприложимыми к людям, служение которых совершалось в мире, при постоянных столкновениях с мирскими людьми. Своим общинным устройством клирики кафедральных церквей воспользовались только для того, чтобы поставить себя в более независимые отношения к епископам. Так клирики добились того, что епископы стали раздавать каждому из них в непосредственное пользование часть церковной земли. Отсюда, клирики сделались богатыми и совсем уклонились от начертанного Хродегангом общежития. Все свое время они посвящали житейским удовольствиям.

Что касается западного монашества, то нравственная порча, обнаружившаяся во всех сферах западной церковной жизни, коснулись и его. Правила Бенедикта Нурсийского были забыты. Монастыри, во главе со своими аббатами, подобно епископам, ставшие в вассальные отношения к королям и князьям, приобрели большие имения, а чрез них и богатства. Общине имущества прекратилось; монахи начали вести жизнь

роскошную, и распущенную. Об умственном и физическом труде не было речи. Аббаты монастырей, подобно светским вассалам занимались охотой, ходили на войну с своими феодалами и т. п. Вследствие такого извращения монастырской жизни явились попытки восстановить древний устав Бенедикта Нурсийского. Из таких попыток заслуживают внимание следующие. Один французский аббат, Бенедикт анианский (ум. 821 г.) редактировал вновь устав Бенедикта Нурсийского, и стал было вводить его в монастырях западной Франции, порученных ему Людовиком Благочестивым, но не имел успеха. Это была первая конгрегация, когда несколько монастырей было соединено под управлением одного общего настоятеля. Удачнее была попытка аббата Бернона (ум 927 г.), прежде бургундского графа. В 910 г. он основал монастырь в Ключни, в Бургундии, в котором ввод устав Бенедикта. Его преемник Одон (ум. 942 г.) распространил ключнийские порядки в других монастырях, так что составила новая конгрегация монастырей под управлением ключнийского аббата. Впоследствии, в XII в., в состав ключнийской конгрегации входило до 2000 монастырей. Монахи этой конгрегации с успехом занимались воспитанием детей и приобрели большое влияние на общество. Все эти попытки направлены были к тому, чтобы преобразовать монашество по правилам Бенедикта. Но в начале XI в. были даже попытки восстановить древнее восточное отшельничество. Некто Ромуальд, из рода герцогов равеннских, начал вести пустынную жизнь на Апеннинах, собрал вокруг себя таких же ревнителей благочестия и в 1018 г. основал в равнине Мальдоли монашеское общество известное под названием Камамдольского ордена. Это второй монашеский орден в западной церкви, после Бенедиктинского. Монахи этого ордена отличались строгостью жизни.

Глава 4. Христианская жизнь и богослужение

§ 58. Богослужение и христианская жизнь в церкви Восточной

В Восточной церкви все части богослужения определены уже были в период вселенских соборов. Теперь в IX–XI веках богослужение получило немногий только прибавлении. Так появились в церкви новые песнопения и праздники. В числе песнописцев этого времени первое место принадлежит Феодору Студиту (ум. 826 г.), Феофану Начертанному (ум. около половины IX в.) и Иосифу Песнописцу (ум. 883 г.). Феодор Студит писал для церковного употребления каноны и трипеснцы. Его песнопения полны глубокого религиозного чувства. Феофан и Иосиф отличались особенною плодovitостью: первый, кроме других песнопений, написал до 145, а второй до 300 канонов. В богослужебных книгах настоящего времени ничьих канонов не находится столько, сколько Иосифа Песнописца. Каноны Феофана написаны языком простым, доступным пониманию каждого и отличаются повторением одних и тех же мыслей. Каноны же Иосифа замечательны как разнообразием мыслей, так и глубиной чувства. Иосиф своими трудами закончил после Иоанна Дамаскина и Феофана образование недельных служб. – Из праздников, установленных в это время Церковию, замечательны: день Православия и Покров Пресвятыя Богородицы. Первый установлен после восстановления иконопочитания (842 г.), в память торжества православной Церкви над всеми ересями; празднуется в воскресенье на первой неделе великого поста. Второй установлен в 811 году по следующему случаю. Жители Константинополя, устрешенные нападением срацин на империю, собрались в храм на молитву. Во время всенощного бдения св. Андрей Юродивый и ученик его Епифаний увидели на воздухе Божию Матерь, окруженную пророками, апостолами и ангелами, молящуюся и осеяющую своим покровом христиан. С того времени и совершается празднование в воспоминание ходатайства и заступления Богородицы за христиан.

Что касается состояния христианской жизни в IX–XI веках в Восточной Церкви, то светлую ее сторону можно видеть только в отдельных личностях. Таковы многие монахи и некоторые патриархи. Известный Феодор Студит, в свое время представитель строгой монашеской жизни, представляет собою высокий пример благочестия. Из его монастыря, славившегося строгостию иноческой жизни, выходило много подвижников благочестия, напр. в IX в. Николай, подвергавшийся

истязаниям за иконопочитание, Иоанникий, прославившийся даром прозрения, и друг. В IX же веке делаются известными пустынножители на Афоне. Таковы св. Петр (IX в.) подвизавшийся здесь слишком пятьдесят лет и одиночестве и св. Афанасий (X в.), устроивший на Афоне монастырь, в котором вскоре появилось множество подвижников. Из патриархов известны своею благочестивою жизнью и ревностью по вере: Никифор, Мефодий, Игнатий, Фотий, Николай Мистик (все IX в.), Полиевкт, Сисиний, Сергей [все X в.], и друг. – В общем же состояние христианской жизни на востоке в это время представляет много темных сторон. Деспотизм и жестокости императоров, внутренние и внешние бедствия, особенно нападения срацин, производили губительное влияние на нравственность восточных христиан. Холодность к вере, небрежное отношение к богослужению и таинствам, или механическое исполнение обрядов, без внутренней благочестивой настроенности – обыкновенные явления в это время. Даже патриарший престол представляет в это время примеры нравственной распущенности, напр. в лице Феофилакта [X в.], который, занимаясь охотою и лошадьми, совершенно пренебрегал своим служением. Но особенно своим нечестием поражают многие из императоров. Гнусные интриги, убийства, разврат составляли как бы принадлежность византийского двора. Для противодействия все более и более распространявшейся распущенности нравов, Церковь сочла нужным усилить строгость своей дисциплины относительно браков. Четвертый брак церковными законами запрещен был еще прежде; поэтому, когда император Лев Мудрый захотел вступить в четвертый брак, патриарх Николай Мистик отказал ему в благословении Церкви. Но Лев выпросил разрешение у папы Сергия III и женился. Николай Мистик был свержен с престола, а на место его поставлен Евфимий, признавший брак императора законным. Это произвело большой соблазн в Церкви; за Николая стояли очень многие. Возведенный чрез несколько лет снова на патриарший престол, Николай осудил действия своего предшественника и так сильно настаивал на незаконности четвертого брака, что император Роман Лекапен [919–944 г.] должен был издать постановление, запрещающее четвертый брак, согласно древним канонам Церкви. Далее Церковь точнее определила степени родства для вступления в брак. Собор Трулльский запретил брак в родстве кровном до четвертой степени включительно. Теперь запрещение продолжено было и на дальнейшие степени. Патриарх Сисиний на соборе [1001 г.] составил определение, по которому в родстве кровном запрещались браки до шестой степени включительно, напр. между троюродными; в седьмой же степени, хотя

брак считался недозволенным, но если он был заключен, то не расторгался, как сказано об этом в определении собора константинопольского [1035 г.], при патриархе Алексие Студите. Что касается родства разнородного или свойства, то и здесь запрещение продолжено было далее четвертой степени. При том же патриархе Сисиние на соборе [997 г.] запрещено было вступать в брак дяде и племяннику с двумя родными сестрами [в 5-й степени], двум родным братьям с двумя двоюродными сестрами [в 6-й степени] и т. п., вообще до шестой степени включительно. Впрочем, браки, заключенные в шестой степени в родстве разнородном, не расторгались, а только очищались церковным покаянием и епитимиею.

§ 59. Христианская жизнь в церкви западной

Христианская жизнь в западной церкви в IX–XI веках представляет явление безотрадное. Новые народы запада, едва вышедшие из состояния дикости, принявши христианство, и выполняя, хотя небрежно и не всегда, его обрядовую сторону остались по-прежнему со своими языческими понятиями о нравственности и обычаями. Разного рода злодеяния – грабежи, убийства и т. и. у всех, особенно у средневековых феодалов, были самым обыкновенным делом. Языческие суеверия оставались в силе и теперь, – только приняли христианскую форму. Так Св. Писание сделалось оракулом для желающих узнать свою судьбу; напр. человек, решавшийся на важное и опасное предприятие, брал библию и первое попавшееся место Св. Писания считал для себя предсказанием. Языческий суеверный обычай германских народов узнавать правую и неправую сторону в спорном деле посредством испытания огнем, водою горячею и холодною и т. п., остался по всей силе. Только такого рода испытания получили название судов Божиих (*ordalia*). Эти суды допускаемы были не только в гражданской, но и церковной судебной практике в веках. – Западное духовенство в большинстве, начиная от пап и кончая низшими клириками, не только не имело нравственного влияния на массу, но действовало на нее даже развращающим образом. Только строгая церковная дисциплина сдерживала еще несколько буйство феодалов и народных масс. С VIII века на западе стала входить в церковную практику строгая покаянная дисциплина первых веков, хотя с некоторыми особенностями. Отлучения, или, так называемые на западе, экскоммуникации, падавшие не только на еретиков, но и на всех открытых грешников, получили теперь в латинской церкви значение не простого отделения недостойного члена от общества верующих, как это было в древней Церкви, а наказания. Отлучение было двух родов: малое и великое. Первому подвергался открытый грешник, добровольно подчинившийся церковному суду. Он лишался на некоторое время Таинства причащения, должен был поститься и т. п. и затем, по прошествии срока наказания, принимался в общение после публичного покаяния. Второму – подвергался грешник, не хотевший подчиниться церковному суду. Епископ, или даже сам папа, торжественно провозглашал анафему такому грешнику, и он не только лишался церковного общения, но и политического; никто, даже родственники, не должны были входить с ним ни в какие сношения. Если грешник принадлежал к высшему классу общества, или даже был в числе

владельцев и если анафема не производила на него никакого действия, – что случалось нередко, – то церковь налагала запрещение (интердикт) на всю страну или область, в которой он совершил преступление. В странах, на которые падало запрещение, совершение богослужения прекращалось, церкви отпирались, только однажды в день для покаянной молитвы, умершие взрослые похоронялись без отпевания, кроме священников и монахов, браки не венчались и проч. Такого рода запрещение почти всегда достигало цели: грешник, из за которого оно налагалось, под влиянием общественного негодования на религиозное стеснение, волей – неволей покорялся церковному суду, переносил церковное наказание и подвергался публичному суду.

§ 60. Богослужение в западной церкви

Западная церковь в IX–XI веках продолжала идти по пути отступлений от общецерковного богослужебного чина.

Так с VII в. во всех западных церквях стала входить в употребление литургия римская, окончательно отредактированная папой Григорием Великим, а вместе с нею и богослужебным языком во всех церквях стал делаться язык латинский. Не смотря на то, что латинский язык для западных христиан не-римского происхождения был непонятен, папы, особенно IX века, настоятельно требовали, чтобы везде богослужение совершалось на латинском языке. Только после усиленных стараний и в виде исключения папа Иоанн VIII дозволил св. Мефодию совершать в Моравии богослужение на славянском языке, с чтением, впрочем, евангелия по-латине или по-гречески. Далее в своем богослужении западная церковь допустила излишнюю искусственность, приняв в церковное употребление инструментальную музыку, именно органы. В половине VIII в. византийский император Константин Копроним прислал в подарок франкскому королю, Пипину орган, инструмент неизвестный до того времени на западе, – и с этого времени органы стали входить в богослужебное употребление. Введение опресноков составляет также отступление западной церкви от древнего обще-церковного обычая. Еще в V веке в некоторых испанских церквях стал распространяться обычай совершать Евхаристию не на квасном хлебе, а на пресном. В IX и X веках этот обычай распространился во всех западных церквях, а в половине XI века сделался всеобщим, так что римская церковь, в спорах с церковью восточною, горячо отстаивала его законность. Совершение таинства миропомазания исключительно епископами в IX веке также сделалось всеобщим, так что западная церковь миропомазания священнического не хотела признавать действительным, как это, напр. было в Болгарии. Так как епископу невозможно было совершать везде миропомазание вслед за крещением, то эти два таинства на западе были совершенно отделены одно от другого, и миропомазание (*confirmatio*) обыкновенно совершалось над детьми в возрасте от 7 до 14 лет. Наконец, в западных церквях распространился обычай совершать, кроме обыкновенных литургий, еще тайные, частные миссы. Этот обычай восходит к VII веку, когда на западе в одной церкви стали ставить по несколько алтарей и явилась возможность на каждом из них совершать особую литургию. Но в западной церкви стали совершать несколько литургий не только в один день, что допускала

и церковь восточная, но и в одно и тоже время. При этом во избежание явного безобразия и беспорядка, совершали одну главную литургию или миссу вслух, а прочие тайно, шепотом. Миссы, совершаемые священниками тайно, про себя, без всякого участия в них общества верующих, получили наименование *missae privatae*. Они совершались, обыкновенно, за упокой усопших, по просьбе частных лиц, в силу того представления, что безкровная жертва, приносимая на литургии, имеет спасительную силу не только для тех, которые присутствуют при литургии и причащаются, но и для тех, которые отсутствуют, или умерли.

Глава 5. Отпадение Западной церкви от союза с Восточною

§ 61. Причины, подготовившие разделение церквей

Римская империя в до-христианский и христианский период резко разделялась на две половины – восточную и западную. Это разделение обуславливалось разнородностью населения той и другой половины; в первой преобладало население греческое, во второй – латинское или олатинившееся, каждое с своим особым характером и направлением жизни и деятельности. Христианская Церковь, распространившаяся во всей империи, в силу той же разности населения империи, а отсюда и разности народных характеров, нравов, склонностей, воззрений и т. и., также заметно распадалась на две половины – восточную и западную. С самых первых времен христианства мы видим в церквях восточных и западных некоторые особенности, которые отличали их друг от друга. Из этих особенностей более выдающеюся представляется разность в направлении церковного просвещения. Восточные церкви, допуская участие разума в деле веры, раскрывали и уясняли основы христианского вероучения путем научным. Западные, напротив, отрицая участие разума в деле веры, по большей части, чуждались научных исследований о догматах веры и вообще не интересовались отвлеченными богословскими вопросами; но за то обращали большое внимание на внешнюю сторону христианства – на обряды, дисциплину, управление, отношения церкви к государству и обществу и т. п. В восточных церквях, при разрешении догматических вопросов, являлись ереси; на западе, так как там богословскими вопросами не интересовались, ересей почти совсем не было; там, при отсутствии разумного понимания христианства, появлялись только расколы. Восточная иерархия стремилась опровергнуть все ереси и установить православное вероучение на прочных началах; западная – старалась всевозможными средствами охранить церковные порядки, поставить себя в независимое положение от светской власти и усилить свое влияние на общество и государство. Словом, в Восточной церкви были свои интересы и стремления, в западной – свои. Уже эта разность интересов и стремлений церквей восточной и западной половины империи разделяла их между собою, хотя не настолько, чтобы они могли считать себя чуждыми друг другу. Единство веры, таинств и всего церковного устройства долгое время связывало их в одно целое. Разделение, с прекращением всякого общения между церквями Восточную и Западную могло последовать только тогда, когда со стороны одной какой либо церкви было бы нарушено единство веры, таинств и

церковного устройства. К несчастью всего христианского мира, Западная церковь нарушила это единство, – и отпала от союза с церковью Восточною. Из прежде сказанного видно, как западная церковь мало-помалу, в течение нескольких веков, произвольно допускала у себя нововведения и искажения в области догматической, обрядовой и канонической. Так в VI–XI веках во всех западных церквах утвердилось учение об исхождении Св. Духа и от Сына (filioque)²⁷¹. Подобного рода учения, извращавшие основные догматы христианства, Вселенская Церковь, со включением и церкви западной, всегда признавала еретическими, содержащих подобные учения всегда исключала из своего общества. Далее, Западная церковь допустило у себя много обрядовых отступлений – пост в субботу, совершение евхаристии на опресноках, совершение миропомазания одними епископами, безбрачие духовенства и т. п.²⁷² Наконец, в области канонической западная церковь допустила невероятное нововведение, сделав папу главою и верховным судиею всей Вселенской Церкви²⁷³. Учение о главенстве папы, поставлявшее его выше Вселенских Соборов, ниспровергало все церковные порядки, установленные апостолами и отцами. Осуществление его на практике могло повести, – и повело в Западной церкви, – к искажению всего вероучения, всего христианства, так как одно лицо, всегда могущее заблуждаться, по своему произволу, не стесняясь ничем, могло вводить новое учение, новые обряды, новое церковное устройство и, таким образом, могло дать Церкви не тот вид, какой дан ей Основателем ее, Господом Иисусом Христом и апостолами. Такими заблуждениями и отклонениями от общецерковных порядков, в связи с существовавшей издавна разницею в характере и направлении жизни и деятельности между Восточною и Западною церквами, церковь Западная подготовила свое отпадение от союза с церковью Восточною.

§ 62. Начало разделения

К половине IX в. условия, подготовившие разделение церквей, сложились так, что не доставало только повода, чтобы началось самое разделение. Повод представился скоро. Византийскою империею, с 842 г., за малолетством императора Михаила III, управляла его мать Феодора, известная восстановительница иконопочитания, и дядя, кесарь Варда. Последний, как человек честолюбивый, стремившийся к единоличному господству, во что бы то ни стало хотел удалить Феодору от дел правления. Воспользовавшись своим влиянием на молодого императора, которого он был воспитателем, Варда успел уговорить его заключить Феодору в монастырь. Но этому воспротивился тогдашний патриарх Игнатий, возведенный (847 г.) на патриаршую кафедру, по желанию Феодоры, за благочестие и ревность к православию во время иконоборческих волнений. Варда, разошедшийся с Игнатием еще раньше, по поводу того, что тот обличал его в безнравственной жизни, теперь сделался его ожесточенным врагом, и, достигнув заключения Феодоры в монастырь, успел низложить и заточить патриарха (857 г.). На место Игнатия Варда поставил Фотия, человека вполне достойного патриаршего престола. Но низложением Игнатия и поставлением Фотия были недовольны очень многие. Игнатия любили за благочестие и строгую жизнь; к Фотию же почитатели Игнатия относились неприязненно, так как он до поставления в патриархи был светским человеком и только пред самым поставлением, в течение пяти дней, прошел все низшие церковные степени. Варда начал крутыми мерами принуждать Игнатия добровольно отказаться от патриаршей кафедры и признать Фотия законным патриархом. Но Игнатий не соглашался. Это еще более раздражало приверженцев Игнатия. Число их возрастало все более и более, так что константинопольский патриархат разделился на две половины, – одни признавали Игнатия законным патриархом, другие – Фотия. Вражда между сторонниками Игнатия и сторонниками Фотия дошла до того, что они стали предавать друг друга проклятию. Для прекращения таких церковных беспорядков император Михаил, по совету Варды, решился созвать большой собор и пригласить на него папу Николая I. Собор назначен был в Константинополе в 861 г. Папе отправлены были пригласительные письма от императора и патриарха. Хотя в своем письме к папе император скрывал настоящую цель собора, но Николай знал уже о иерархических смутах в Константинополе, и так как он всеми силами

стремился к осуществлению идей лжеисидоровских декреталий о папском всевластии, то спешил воспользоваться этим случаем, чтобы сделаться судьей церкви Восточной. Он отправил на собор в Константинополь двух легатов и с ними письма к императору и Фотию. Императору, между прочим, надменно писал, что он будто-бы поступил вопреки церковным правилам, низложив одного патриарха и поставив другого, без ведома его, папы; о. Фотия обличал в честолюбии и незаконном принятии патриаршего сана, так как церковные законы запрещают возводить мирян вдруг на все церковные степени; при чем прибавлял, что он до тех пор не признает его патриархом, пока его легаты не разберут всего дела. В 861 году в Константинополе, действительно, состоялся собор, в присутствии папских легатов. Но здесь, вопреки ожиданиям папы, восточные отцы действовали независимо от его влияния. Игнатий признан был достойным низложения, а Фотий законным константинопольским патриархом. Определении собора с легатами отправлены были к папе для сведения. Фотий присоединил к этому еще свой ответ на письмо папы, – в котором, с достоинством объяснял, что он принял патриарший сан не по честолюбию, что он не искал его, а его заставили сделаться патриархом. Относительно же заявления папы о нарушении церковных правил при поставлении его в патриархи, Фотий, между прочим, писал, что правила, запрещающие возводить мирян прямо в сан епископский, как постановления местных церквей, не обязательны для церкви константинопольской и что практика церкви Восточной и даже Западной допускала такое поставление. Кроме того, Фотий в своем письме заметил папе, что он, представляя себя заботящимся о церковном мире, сам нарушает его, так как принимает в свое общение беглых духовных лиц константинопольского патриархата, не имеющих представительных грамот. Николай был крайне недоволен исходом дела на константинопольском соборе и письмом Фотия. Он, может быть, и признал бы Фотия патриархом, если бы не увидел в нем твердого противника своим притязаниям на главенство в Церкви. Теперь он решается начать борьбу с церковью Восточную, рассчитывая низложить Фотия и затем подчинить своему влиянию восточные церкви, как были подчинены западные. В этих видах он написал императору Михаилу письмо, в котором, принимая тон судьи, высказывал, что он не признает определений константинопольского собора относительно Игнатия и Фотия; что он прежде поручал своим легатам на соборе только разобрать дело, а не решать; что теперь он объявляет Фотия лишенным патриаршего сана, а Игнатия приказывает возвести, без всяких исследований, на

патриарший престол и т. п. В письме к Фотию папа опять доказывал незаконность его поставления на патриаршество, замечая, что если в константинопольской церкви и нет правил, запрещающих поставлять мирян прямо в епископский сан, но они есть в церкви римской, постановления которой, как главы всех церквей, должны быть принимаемы и исполняемы всеми. Затем папа созвал в Риме собор (862 г.) из своих епископов, предал на нем проклятию Фотия и восстановил Игнатия. Не ограничиваясь этим, он разослал еще окружное послание ко всем восточным епископам, приказывая им, прекратив общение с Фотием, сноситься с Игнатием. В Константинополе, конечно, не послушались папы. Император написал ему резкое письмо, к котором не стесняясь высказал горькую истину, что он, папа, мешается не и свое дело и что константинопольская церковь не признает за ним права быть главою и судиею вселенской Церкви. Папа ответил таким же резким письмом, – и разрыв между церквами начался.

Вопрос об управлении болгарскою церковью усилил еще более неприязненные отношения между двумя церквами. В 861 г., как известно, принял крещение болгарский царь Борис. За ним стали креститься и его подданные. Первыми проповедниками христианства в Болгарии были греческие миссионеры, первая иерархия также была греческая – греческие епископы и священники. Опасение впасть в политическую зависимость от Константинополя, вместе с зависимостью религиозною, побудило Бориса искать церковного союза с Римом, тем более, что римские проповедники проникли уже в Болгарию. Борис отправил [865 г.] посольство к папе Николаю I и просил прислать в Болгарию латинских священников. Николай был обрадован таким предложением и действительно послал в Болгарию латинских священников и епископов. Греческая иерархия после этого была изгнана из Болгарии и место ее заступила латинская. Латинские епископы и священники стали вводить в ново-устрояющейся церкви свои заблуждения. Так они вновь миропомазывали крещеным болгар на том основании, что миропомазание, совершаемое над ними священниками, не действительно; установили пост в субботу вместо среды; в первую неделю великого поста разрешили есть сыр, молоко и яйца; греческих женатых священников называли незаконными; распространяли учение об исхождении Св. Духа и от Сына и т. п. Такое самоуправство папы и поведение латинского духовенства в Болгарии произвело в Константинополе неблагоприятное впечатление. Фотий собрал поместный собор, осудил все римские заблуждения и сообщил об этом окружным посланием всем восточным патриархам, приглашая их на

новый собор в Константинополе для обсуждения того же вопроса о заблуждениях римской церкви. В 867 г. предполагаемый собор открылся в Константинополе. На нем были местоблюстители восточных патриархов, много епископов и даже сам император Михаил с новым кесарем, Василием Македонянином. Фотий основательным образом раскрыл пред собором все заблуждения римской церкви, а также притязания папы Николая на главенство и происки его на востоке. Вследствие этого, собор осудил все заблуждения римской Церкви, а папу Николая положил низвести с престола, о чем решено было просить западного императора Людовика.

Споры между церквями, впрочем, скоро приняли другой оборот. Император Михаил III был убит, по проискам Василия Македонянина. Василий Македонянин сделался императором. Так как разрыв с папою, виновником которого был Фотий, не входил в его политические расчеты, то он решился, для восстановления союза с римскою церковию, низложить Фотия и восстановить Игнатия. Отправлено было посольство в Рим с унижительным для восточной церкви письмом императора к папе. Василий Македонянин сам подчинял восточную церковь папе, отдавая ему на суд Фотия и прося утвердить Игнатия. Николай не дожидаясь до такого торжества, – он умер до приезда посольства. Преемник его, Адриан II поспешил воспользоваться обстоятельствами, так хорошо сложившимися для римской кафедры. Он созвал [868 г.] в Риме собор, предал Фотия и его приверженцев проклятию, сжег публично определения константинопольского собора 867 г. против Николая, присланные на его усмотрение Василием Македонянином, и затем отправил в Константинополь своих легатов, чтобы, окончательным решением дела Фотия и Игнатия, и там доказать свою власть. В Константинополе в 869 г. состоялся собор, считающийся на западе осьмым вселенским. На этом соборе Фотий объявлен был низложенным и предан проклятию, а Игнатий восстановлен; но, что всего хуже, на этом соборе восточная церковь, согласившаяся на все требования папы, подчинилась ему. Легаты, заправлявшие делами собора, толковали только о главенстве папы, в духе лжеисидоровских декреталий, и постарались даже провести такого рода определение, что даже вселенский собор не имеет права составлять определений против папы. Греческие епископы только после собора поняли, какую ошибку они сделали. По их представлению, император отобрал было у легатов соборные акты, но потом возвратил. За то в вопросе о болгарской церкви восточные епископы и даже патриарх Игнатий оставались непреклонными. Не смотря на все требования легатов,

предъявленные ими после собора в частном совещании с Игнатием, и местоблюстителями восточных патриархов, не смотря даже на угрозы их Игнатию, местоблюстители признали справедливым в порядке управления подчинить болгарскую церковь константинопольской. По отъезде легатов, Игнатий, действительно, отправил в Болгарию греческого архиепископа, который и был там принят, по влиянию Василия Македонянина. Вместе с тем из Болгарии латинские священники были удалены. Хотя папа Адриан, узнавший об этом, и запрещал Игнатию вмешиваться в управление болгарскую церковь, но на его запрещение в Константинополе не обращали внимания. Таким образом утихшие было споры между церквами начались снова и усилились, когда Фотий вторично занял патриарший престол [879 г.].

Фотий, после низложения в 869 г., сослан был в заточение. Свое стесненное положение он переносил с необыкновенною твердостью, не переставая восставать против подчинения восточной церкви римской. Он успел даже возбудить к себе сочувствие сторонников Игнатия и самого императора Василия Македонянина. Последний признал его из заточения к своему двору и поручил ему воспитание своих детей. В тоже время Фотий помирился и с Игнатием. По смерти Игнатия, Василий Македонянин предложил Фотию занять патриарший престол. Теперь Василия Македонянин не дорожил своими мирными отношениями к папе тем более, что, бывший в то время папою, Иоанн VIII, сам находился в стесненных обстоятельствах по случаю нападения срацин на Италию, – и потому, не стесняясь мнением папы, восстановил Фотия. Для снятия осуждения с Фотия в Константинополе состоялся в 879 г. собор. Папа Иоанн VIII, по просьбе императора, прислал своих легатов. Он соглашался признать Фотия патриархом, хотя в своем послании, присланном с легатами, поставил условием, чтобы Фотий свое восстановление признал делом папской милости и отказался от управления болгарскую церковь. Но на соборе первое условие не было даже предъявлено легатами, так как здесь с первого раза дали понять им, что Фотий, признанный уже в патриаршем достоинстве константинопольскую церковь, не нуждается в утверждении папы. Относительно же болгарской церкви на соборе было объяснено, что разграничений епархий зависит от императора. Папские условия не были, таким образом, выполнены. Но легаты должны были согласиться на снятие осуждения с Фотия и восстановление с ним общения римской церкви. Они даже не возражали, когда прочитан был на соборе никейский символ без прибавления: *filioque*, и подтверждено было не изменять его, под угрозой проклятия. Папа Иоанн VIII, получив

сборные акты и узнав, что его требования не выполнены, с раздражением потребовал от императора, чрез легата Марина, уничтожения постановлений собора. Марина за дерзкие объяснения в Константинополе посадили в тюрьму. Теперь папа ясно увидел, что Фотий не сделает ему никаких уступок и не подчинится его влиянию; потому предал его новому проклятию. Опять началась полемика между Константинополем и Римом, опять начались распря. Последующие папы также подвергали Фотия проклятию, так что всех папских проклятий, постигших его, насчитывают до 12. Разрыв между церквями начался.

§ 63. Окончательное разделение церквей в половине XI в.

После Фотия, во второй раз низверженного с престола (886 г.) Львом Мудрым, и до половины XI века отношения между церквами восточною и западною были довольно неопределенны и редки. Сносились с папами только византийские императоры по личным побуждениям. Наконец, в половине XI века начались деятельные сношения, окончившиеся полным разделением церквей. Папою в это время был Лев IX, а константинопольским патриархом Михаил Керулларий. Лев IX всеми силами старался восстановить, поколебавшееся в предшествовавшие времена, папское влияние как на западе, так и на востоке. Константинопольскому патриархату принадлежали в то время некоторые церкви в Южной Италии, – в этих-то церквах прежде всего Лев IX и старался упрочить свое влияние. Так в них стали распространяться латинские воззрения и особенно латинский обычай совершать Евхаристию на опресноках. Затем папа Лев сделал попытку восстановить против Михаила Керуллария патриарха антиохийского. Михаил Керулларий решился положить конец папским проискам. Он отлучил от св. Причащения Аргира, начальника греческих войск в Италии, который содействовал так распространению обычая совершать Евхаристию на опресноках, закрыл в Константинополе латинские монастыри и церкви для прекращения соблазна православных латинским богослужением, и поручил архиепископу болгарскому Льву написать обличительное послание против латинских нововведений. Послание Льва дошло до папы и произвело большое волнение в Риме. Папа, хотя и желал, по политическим расчетам, поддерживать мирные отношения к востоку, но все-таки в ответ на послание Льва болгарского, писал Михаилу Керулларию, что апостольскую кафедру никто из смертных не может судить, что константинопольский патриарх должен относиться к ней с почтением за преимущества, предоставленные ему папами и т. п. Так как тогдашний византийский император Константин Мономах, также по политическим расчетам, желал быть в мирных отношениях с папою, то папский ответ принят был благосклонно в Константинополе. Даже более, император и папа хотели утвердить прочный мир между церквами, и для этого папа прислал в Константинополь своих легатов. В числе последних находился кардинал Гумберт, человек горячий и высокомерный. Он и его товарищи относились к Михаилу Керулларию с явным неуважением.

Поэтому, Михаил Керулларий отказался вести с ними переговоры. Не обращая на это внимания и надеясь на покровительство императора, легаты, под видом примирения церквей, начали действовать в Константинополе в пользу римской кафедры. Так Гумберт издал опровержение на послание Льва болгарского; а император распространил его в народе; по настоянию же легатов, император заставил монаха Никиту Стифата, автора сочинения против латинян, сжечь свою книгу. Наконец, легаты, не надеясь подчинить своему влиянию патриарха, написали акт отлучения на него и на всю греческую церковь, обвиняя ее во всевозможных ересях, положили его торжественно во время богослужения на престоле в Софийской церкви и оставили Константинополь. Такой несправедливо-дерзкий поступок легатов вывел из терпения как патриарха и духовенство, так и всех греков. Раздражение было так сильно, что легатам угрожала смерть от оскорбленного народа, если бы не предохранил их император. Михаил Керулларий составил в Константинополе собор, на котором предал проклятию папских легатов. Затем, разослав ко всем восточным патриархам окружное послание с извещением о происшедшем в Константинополе, а также о притязаниях и отступлениях римской церкви, предостерегал их от общения с нею. С этого времени во всех восточных церквях перестали поминать папу при богослужении и с этого времени западная церковь, упорно остававшаяся при своих заблуждениях догматических, обрядовых и канонических, окончательно отпала от союза с церковью Восточною.

**Период III от окончательного разделения церквей до
настоящего времени (1054–1874 гг.).**

§ 1. Характер этого периода

После окончательного разделения церквей, совершившегося в 1054 г., церкви восточная и западная живут и действуют отдельно и независимо одна от другой. И та и другая церковь направляет свою деятельность к достижению своих собственных интересов и целей: взаимных религиозных интересов не существует более. Восточная церковь, – всегда так ревностно заботившаяся об уяснении и определении христианского вероучения и всего церковного благоустройства и вполне достигшая этого в период вселенских соборов, – после разделения церквей поставила для себя задачу – твердое и неизменное сохранение и охранение этого учения и благоустройства во всей целостности и чистоте так, как то и другое утверждено было на вселенских соборах. К этой задаче сводится вся ее деятельность в период времени от разделения церквей и до настоящих дней. Не смотря на все притеснения от внешних врагов, особенно турок, которые в половине XV века окончательно поработили восточных христиан, не смотря на разнообразные происки латинян, она всегда оставалась и остается строго-православною. В этом случае большую услугу православной восточной церкви оказала церковь русская, устроившаяся в союзе с церковью греческою. После падения Константинополя под оружием турок, Россия, постепенно возвышавшаяся на степень первенствующей европейской державы, сделалась центром древне-восточного православия; в ней всегда находили и находят нравственную и материальную помощь все восточные христиане в борьбе с врагами православия. – Западная церковь, напротив, по отделении от церкви восточной, в своей жизни и деятельности преследует другие цели. Там на первом плане стоят стремления усилить власть главы западной церкви, папы, поставить его в независимое положение от власти светской и, наконец, подчинит ему весь христианский мир как в духовных, так и светских делах. В преследовании этих целей западная церковь забывает все остальное и нисколько не заботится о сохранении в целостности древнего православного вероучения и церковного благоустройства. Допустив у себя, еще до разделения церквей, несколько нововведений и отступлений от православного учения и церковного благоустройства, она, и после разделения церквей, идет тем же путем отступлений; вводит новые догматы, обряды, изменяет церковное устройство и т. п. Легкое и небрежное отношение к древнему православию доводит западную церковь до того, что в среде ее развиваются новые религиозные общества с

учением и устройством слишком далеким от древне-православного. Образование новых религиозных обществ на западе совершается даже в настоящие дни. – Вот характеристические черты исторической жизни церковей восточной и западной в третий период. Для более удобного обозрения жизни и деятельности их в этот третий период, последний можно разделить на два отдела, соответственно важнейшим событиям в жизни той и другой церкви: первый – от разделения церковей до падения Византийской империи на востоке и до начала реформации на западе; второй – от падения Византийской империи и начала реформации до настоящих дней.

**Отдел первый от разделения церквей до взятия
Константинополя турками.**

А. История церкви православно-кафолической (1054–1453 г.).

Глава 1. Внешнее состояние церкви

§ 2. Окончательное устройство православной церкви в России при Св. Владимире и Ярославе

В то время, как совершалось отпадение западной церкви от союза с восточной, христианская вера, в форме чистого и неповрежденного римскими нововведениями православия, прочно утверждалась в одной из обширнейших стран Европы – в России. К концу X века христианство в Киеве получило уже такую силу, что язычество заметно стало колебаться, и со стороны представителей его потребовались особенные усилия к его поддержанию. Владимир Святой, будучи язычником, истощил все средства к поддержанию склонившегося к падению язычества; наконец и он, сознав его несостоятельность, решился со всем своим народом переменить веру. Отправлено было в разные страны (987 г.) посольство для испытания разных вер в местах их господства. Посольство, по возвращении донесло, что из всех вер, испытанных им, самая лучшая есть вера греческая т. е. православное восточное христианство. Тогда Владимир и его приближенные, припомнив еще, что веру греческую содержала Св. Ольга, решились принять православное христианство из Греции. В 988 году в г. Корсуни (Хорсонесе) Владимир, вместе с рукою греческой царевны, Анны, получил крещение от греческого епископа; за ним крестились и некоторые из его дружинников. По возвращении в Киев, он ревностно взялся за устройство православной церкви во всей русской земле. Окрестил своих сыновей и народ киевский; отправил с проповедию евангелия епископов и священников в дальние и ближние от Киева места; основал в некоторых городах епископии (в Новгороде, Ростове и друг.), а в Киеве митрополию; обеспечил содержанием духовенство; завел в Киеве училище для воспитания в духе христианства детей знаменитых людей; строил церкви по городам и по селениям и т. п. При Ярославе (1016–1054 г.) русская Церковь вполне уже устроилась. Ярослав обратил преимущественное внимание на распространение духовного просвещения в русском народе. Приказывая «священникам учить людей, так как поручено им сие Богом», он заводил в больших городах, напр. Новгороде, школы, а в Киеве при софийской церкви устроил целую библиотеку, которою могли пользоваться все желающие. Книги Ярослав получал из Греции и Болгарии, и приказывал писцам переписывать их, или переводить с греческого языка на славянский. При Ярославе же стали появляться монастыри – признак того, что дух христианства стал проникать в народную массу. В числе других монастырей при нем положено начало

знаменитому киево-печерскому монастырю, который вскоре сделался средоточием духовного просвещения. Распространением духовного просвещения в русском народе Ярослав доканчивал дело Св. Владимира. Доказательством того, что русская церковь во время Ярослава была вполне организована и сама сознавала это, служит то обстоятельство, что в 1051 г. поставлен был киевским митрополитом Иларион, природный русский, а не грек, как это бывало доселе. – Римская церковь, разорвавшая союз с церковью восточною, хотела было и новоустрояющуюся церковь русскую отклонить от востока, конечно, для того, чтобы подчинить ее своему влиянию. Два раза являлись к Св. Владимиру папские легаты, и оба раза не имели никакого успеха; русская церковь оставалась верною православию. Устроившись в союзе с церковью восточною, она заменила для нее отпадшую церковь западную и, заняв с течением времени почетное место в ряду православных церквей востока, сделалась навсегда хранительницею православного христианства.

§ 3 . Сокращение пределов греко-восточной Церкви

Расширяясь в своих пределах на Севере, православная церковь в то же время, к несчастью, сокращалась на востоке. Сокращение пределов греко-восточной Церкви началось еще в VII века, когда появились страшные завоеватели аравитяне-мусульмане. В течение VII–X веков они почти постоянно нападали на Византийскую Империю и отнимали у нее постепенно одну область за другой. Греко-восточная церковь потеряла в это время много своих епархий. Правда, к XI веку могущество аравитян или, как их называли в средние века, срацин, сильно поколебалось на востоке, вследствие распадении их обширного халифата (Багдадского) на множество враждебных друг другу государств, и Византийская Империя (при Никифоре Фоке и Цимисхие) начала было отнимать у них свои области; но это продолжалось недолго. Около половины XI века во главе магометанского мира на востоке стали турки сельджуки, которые сделали еще более, чем срацины, жестокими врагами Византийской Империи и греко-восточной церкви. Варварское племя турок сельджуков в конце X века проводило бродячую жизнь около Каспийского моря, в стране нынешних киргизов, и иногда помогало срацинам в их набегах. К половине же XI века сельджуки, под предводительством своего султана Тогрульбека, мало-по-малу, начиная с Персии, стали завоевывать срацинские царства Багдадского халифата. Принявши еще раньше магометанство и смешавшись с побежденными срацинами, они продолжали их борьбу с христианским миром. Византийский император, Роман Диоген, желая остановить их нашествие на Малую Азию, выступил сам против них с войском; но в 1071 г. в Армении был разбит на голову и взят в плен. После этого сельджуки скоро завладели всею Каппадокиєю, Киликиєю, Исавриею, Икониєю, и другими греческими областями, так что почти вся Малая Азия находилась в их руках. Из этих областей образовалось в Малой Азии сильное иконийское сельджукское царство, столицей которого была Нинья. Таким образом; для греко-восточной церкви были потеряны почти все мало-азийские епархии. В то же время сельджуки завладели сирийскими городами Антиохиею, Дамаском и другими, принадлежавшими Византийской Империи со времен Никифора Фоки и Цимисхия. Они даже не раз угрожали осадой самому Константинополю. Владычество турок сельджуков для христиан было гораздо тягостнее, чем владычество срацин, так как сельджуки были грубее срацин, нравы которых, вследствие распространения между ними

образования, значительно смягчились. Турки, по рассказам современников, врывались в дома христиан и грабили их имущество; врывались во время богослужения в церкви, вскакивали на престолы, опрокидывали и попирали ногами священные сосуды, ругали и били священников и т. д. Угнетение и рабство были участию восточных христиан. К несчастью, Византийские императоры не могли оказать никакой помощи христианам, страдавшим под игом турок. Дозволяя туркам безнаказанно отрывать от империи целые области, они посвящали все свое время придворным интригам. Только к концу XI века восточные христиане получили было некоторую надежду на облегчение своей участи, когда на освобождение Св. земли и гроба Господня поднялись с запада, так называемые крестоносцы. Но и эта надежда не сбылась.

Крестовые походы, вместо ожидаемого облегчения участи восточных христиан, принесли им много зла; до сего времени притесняли их срацины и турки, теперь же стали притеснять латиняне. Крестовые походы начались по инициативе пап. Убеждая крестоносцев освободить от власти неверных Св. землю и гроб Господень, папы имели в виду еще другую цель – распространить, при пособии их, свое влияние на востоке и даже подчинить себе восточные церкви. Для пропаганды на востоке латинства и своей власти, они посылали туда, вместе с крестоносными ополчениями, своих епископов, священников и монахов, которые и чрез крестоносцев и сами лично делали страшные притеснения восточным христианам. Притеснения начались со времени первого же крестового похода (1096 г.). Так, проходя чрез европейские владения Византийской империи, грубые крестоносцы, возбуждаемые латинским духовенством, с презрением и неприязнью относились к грекам и православной церкви; было даже несколько случаев, когда крестоносцы начинали грабить греков. Когда же они перешли в Азию и стали мало-по-малу отнимать у турок греческие области, то своею насильственной пропагандою в пользу латинства и папства совершенно стеснили православное население востока. Только, благодаря хитрой политике Византийского императора Алексея I Комнина, некоторые малоазийские областные города, отнятые крестоносцами у иконийского султана, напр. Никея, остались свободными от влияния латинян. В Сирии же и Палестине они взяли решительный перевес над православными. Так завоевав Антиохию (1098 г.), они поставили там своего латинского патриарха и подчинили ему антиохийскую православную церковь. Православный патриарх Антиохии, престарелый Иоанн должен был оставить свою кафедру и искать убежища в Константинополе; там он и умер. То же было и после взятия

крестоносцами Иерусалима (1054 г.); латиняне и здесь поставили своего патриарха. Православный иерусалимский патриарх Симеон, подавший первую мысль об освобождении Св. земли и гроба Господня, был забыт; он удалился в Кипр и там скоро умер. Хотя православные и выбрали ему преемником Евфимия, но он, не имея возможности устроить свою кафедру в Иерусалиме, проживал все время в Константинополе. Вместе с тем в завоеванных областях латиняне поставляли своих митрополитов и епископов, напр. были поставлены митрополиты в Вифлееме, Тире, Кесарии, Назарете и других городах. Все они с подчиненными им епископами были в зависимости от латинского иерусалимского патриарха. При таком усилении на востоке латинской иерархии естественно православные церкви и монастыри поступили в их распоряжение. По праву завоевателей, латиняне считали и все православное население востока принадлежащим к их церкви и, поэтому, требовали от всех безусловного подчинения папе. Если же со стороны православных заявлялись попытки восстановить на востоке значение православной церкви, то латиняне с негодованием отвергали их. Так было, напр. в начале XII века, когда Византийский император Иоанн Комнин (1118–1143 г.) просил крестоносцев дозволить жить в Антиохии православному патриарху совместно с латинским. Сами латиняне свидетельствовали об усилении своей церкви на востоке; во второй половине XII века один латинский епископ доносил папе, что церковь (т. е. латинская) на востоке начала процветать и виноградник Господний начал пускать новые отрасли²⁷⁴.

Такого рода притеснения со стороны латинян испытывали со времени первого крестового похода преимущественно церкви Сирии и Палестины. Со времени же четвертого крестового похода (в начале XIII в.) игу латинян подпала и Константинопольская Церковь. В 1195 г. Византийский император Исаак II Ангел был низвержен с престола, ослеплен и заключен в тюрьму своим братом Алексеем III, который провозгласил себя императором. Сын ослепленного Исаака царевич Алексей, бежал из Константинополя и отправился, на запад искать помощи против дяди. В это время на западе приготавлился крестовый поход (четвертый), – и крестоносцы собирались уже в Венеции, чтобы оттуда отправиться на восток. Сюда же прибыл и царевич Алексей. Он просил крестоносцев прежде, чем отправиться в Палестину, помочь ему и его отцу в возвращении императорского престола. Венецианский дож, Генрих Дандоло, рассчитывая, что из дела царевича Алексея Венецианская республика может много выиграть для своей торговли, убедил

крестоносцев согласиться на его предложение. К тому же Алексей обещал, крестоносцам заплатить 200,000 марок серебра, снабжать их, в течение года, продовольствием, послать с ними в Палестину, на год, 10,000 войска и навсегда содержать там 500 рыцарей и, наконец, обещал подчинить восточную, церковь папе. В 1203 году крестоносцы, подошли к Константинополю и немедленно приступили к осаде. Малодушный Алексей III ночью бежал из Константинополя. Тогда греки сочли за лучшее возвести на престол сверженного Исаака Ангела, вместе с его сыном Алексеем IV. Цель похода крестоносцев была достигнута. Оставалось только выполнить договор, заключенный с ними царевичем. Хотя Исаак подтвердил этот договор, но выполнить его было трудно. В государственной казне деверь не было; платить нечем. Императоры объявили новые налоги, стали забирать церковная драгоценности, – золотые и серебряные оклады с икон сосуды. Но такие действия возбудили крайнее недовольство греков, которое еще более усилилось, когда распространился слух, что царевич Алексей обещал подчинить восточную церковь папе. Крестоносцы, с которыми царевич Алексей вошел в дружеские отношения, своим наведением в Константинополе также не мало раздражали греков; между ними и греками было уже несколько кровавых столкновений, Положение дел в Константинополе была самое натянутое. Вскоре оно разрешилось возмущением: народ потребовал избрания Нового императора. Этим воспользовался один из предводителей возмущения, некто Алексей Мурзуфл. Царевич Алексей IV, по его приказанию, был удушен, а старый и больной Исаак вслед затем умер с горя. Мурзуфл, был провозглашен императором. Крестоносцы, потеряв со смертью Алексея всякую надежду получать обещанное, решились сами вознаградить себя взятием и разграблением Константинополя. К этому же подстрекало их и латинское духовенство в видах подчинения восточной церкви папе. Они вторично, осадили Константинополь и скоро взяли его. Алексей Мурзуфл, патриарх Иоанн Каматир и тысячи греков бежали. Крестоносцы же, эти, по выражению одного современного описываемому событию историка²⁷⁵, мужи крови, предали Константинополь огню и мечу. Они убивали поголовно всех греков, не различая ни пола, ни возраста; грабили церкви и монастыри, расхищая драгоценные церковные сосуды, оклады с икон, и одежду, грабили даже Св. мощи, древние рукописи и книги, которые впоследствии переправляли на запад. К такого рода насилиям и жестокостям крестоносцы присоединяли еще поругания, – безчестили монахинь, вводили в церкви лошаков, бросали иконы на землю и, сидя на них, пиршествовали с распутными женщинами и играли

в карты; награбленные священные одежды надевали на своих любовниц и в таком виде водили их по городу; в софийском соборе сажали на священное сопрестолie распутную женщину и называли ее Св. Софиею. Латинское духовенство не только не останавливало буйных крестоносцев, но даже помогало им в грабеже и поругании святыни. Словом, латиняне на этот раз поступили с Константинополем также варварски, как впоследствии поступили с ним османские турки. – Еще до взятия Константинополя между крестоносцами и, привезшими их, венецианцами заключен был договор как относительно раздела добычи, так и устройства новой империи, избрания императора и патриарха. Поэтому, вскоре по разграблении Константинополя, они устроили в нем свою, так называемую, латинскую империю; императором выбран был Балдуин, граф Фландрский, а патриархом один венецианец, Фома Моворини. Папа Иннокентий III, прежде угрожавший крестоносцам отлучением от церкви за нападение на греческие города, когда ему донесли о взятии Константинополя, благословил дело крестоносцев и приказал как им, так и латинским епископам, вводить в константинопольской церкви латинство. Таким образом церковь Константинопольская попала в руки латинян. В ней учреждено было несколько латинских митрополий и епископий. Православные епископы и священники были прогоняемы, лишаемы прав и преследуемы. Впрочем, православное население завоеванной Византийской Империи не хотело знать латинской иерархии и не хотело принимать латинства. Отсюда, поднялись жестокие преследования на православных и особенно на православное духовенство. Так, в 1218 г. при императоре Генрихе II в Константинополь прибыл папский легат, Пелагий, присланный именно затем, чтобы сделать константинопольскую церковь вполне латинскою. Встретив противодействие со стороны православного духовенства и монашества, он начал монахов ссылать в заточение, священников заключать в тюрьмы, православные храмы запирали и т. п. Он угрожал даже смертью за неповиновение папе. Только, по просьбе знатных греков, угрожавших удалением из Константинополя, в случае продолжения преследований, император Генрих освободил из заключения монахов и священников и отпер церкви. Владычество латинян в Константинополе продолжалось до 1201 г. В то время как крестоносцы устраивали свою латинскую империю, из областей падшей империи образовалось также несколько независимых государств. Из них более замечательным было Никейское, основанное зятем императора Алексея III, Феодором Ласкарисом, который считал себя законным обладателем императорской короны. В Никею переселились многие греки из

Константинополя; сюда же переселился и константинопольский патриарх. Мало-по-малу Никейское государство, под управлением своих умных и дальновидных государей, усилилось до того, что могло вступить в борьбу с латинянами за обладание Константинополем. В 1261 году никейский император Михаил VIII Палеолог, наконец, отнял у них Константинополь и восстановил Византийскую империю, а вместе и православную Константинопольскую Церковь.

Едва только греко-восточная Церковь освободилась от врагов христиан, как с востока поднялись на нее враги-мусульмане. Это турки османские, которые, положив конец византийской империи, подвергли греко-восточную церковь страшному игу, продолжающемуся до настоящего времени. Турки османские, теснимые монголами, в первой половине XIII в. из внутренней Азии переселились на запад в Малую Азию. Здесь они вначале поступили на службу к сельджукскому иконийскому султану; потом по разрушении Иконийского царства монголами, они, под предводительством своего султана, Османа, укрепились в горах Вифинии и образовали разбойничье государство. Осман сообщил туркам свое имя. Сын Османа, Орхан (1326–1360 г.) подчинил себе Никомидию и большое число греческих городов в Малой Азии и сделал Бруссу своею столицею. Он первый принял титул падишаха и назвал ворота своего дворца высокою портою (Оттоманская Порты). Греческий император Андроник III Палеолог (1328–1341 г.) хотел было остановить успехи османов, но (в 1333 г.) под стенами Никеи потерпел поражение, после чего Никея отошла от Империи к туркам. Во время своих завоеваний Орхан пролил много христианской крови. Многие из малоазийских христиан, чтобы избавиться от смерти, или не лишиться свободы, принимали магометанство. Преемник Орхана, Мурад I (1360–1389 г.), перешедши в Европу, отнял у греков Фракию и город Адрианополь, который сделал (1362 г.) своею столицею. Сербь, болгары и венгры надеялись было соединенными силами остановить нашествие Мурада на Европу, но были разбиты наголову. Своими жестокостями Мурад наводил ужас на всю Европу. Целые тысячи европейских христиан, особенно женщин и детей, были отправляемы в Малую Азию для заселения пустынных мест; там их обращали, по большей части, в магометанство. Особенно тяжело было для христиан распоряжение Мурада, чтобы пятый из всех военнопленных, свыше 15-летнего возраста поступал в распоряжение султана. Таких, поступивших в распоряжение султана, обучали турецкому языку и магометанскому учению и зачисляли в разряд янычар. Напрасно Византийский император Иоанн V Палеолог

(1341–1391 г.) путешествовал на запад и просил там помощи, напрасно в ожидании помощи от папы он принял католичество, – никто не помогал. Сын Мурада, Баязет I (1389– 1403 г.) завоевал Болгарию, часть Сербии, Македонию, Фессалию и Элладу и принудил Византийского императора Мануила II Палеолога (1391–1423 г.) платить дань. Византийская империя заключалась теперь почти в одном Константинополе. Баязет ненавидел христиан еще более своего предшественника, и потому без пощады губил их. Единственным средством спасения было принятие магометанства. Поражение, нанесенное Баязету Тамерланом, только на некоторое время отсрочило падение Византийской империи. После непродолжительных беспорядков в турецкой империи, последовавших за смертью Баязета, могущество турок скоро было восстановлено его преемниками Магометом I (1413–1421 г.) и Мурадом II (1421–1451 г.). Византийский император Иоанн VI Палеолог (1425–1448 г.), отказавшись было от дани туркам, принужден был снова платить ее. А преемник его, последний Византийский император Константин XI (1449–1453 г.) просил уже согласия Мурада на занятие императорского престола, признавая себя его вассалом. В 1453 г., при Магомете II, Константинополь пал, а с ним и константинопольская церковь попала в руки неверных.

§ 4. Попытки к соединению церквей

В половине XI в. последовал полный разрыв между церквами восточною и западною. Вместо прежних мирных отношений, между ними установились отношения неприязненные. Своими жестокостями и поруганием греческой святыни, во время крестовых походов, латиняне сделали эти отношения даже враждебными. Греки ненавидели латинян, как еретиков и своих притеснителей, латиняне, в свою очередь, ненавидели греков, как схизматиков (как они их называли), и как людей двоедушных и коварных. Враждебные чувства нередко доводили тех и других до кровавых столкновений. Но не смотря на это, мы видим, греки и латиняне весьма часто предпринимают попытки к соединению церквей. Были особенные причины, которые побуждали их искать Церковного союза. Папы, и по разделении церквей, не теряли надежды подчинить своей власти греко-восточную церковь. В этих видах они всеми силами стремились восстановить общение церквей восточной и западной, понимая под восстановлением общения не союз равных между собой церквей, а подчинений восточной церкви западной, или что то же, папе. Греки по расчетам политическим, с своей стороны, также желали соединения церквей. Политическое положение Византийской империй в описываемую эпоху было слишком затруднительно. Одряхлевшая империя, при нападениях на нее турок, разных варварских народов и, наконец, крестоносцев, склонялась к падению. Рассчитывая, при содействии пап, которые в то время имели сильное влияние на ход политических дел во всей Европе, защитить империю от многочисленных врагов и предохранить ее от падения, византийское правительство искало союза с Римом. А так как пап ничем нельзя было расположить в свою пользу, как только изъявлением желания на соединение Церквей с подчинением восточной Церкви западной, то византийское правительство во всех переговорах с Римом на первый план выставляло вопрос о соединении церквей. Таким образом, с одной стороны, расчеты подчинить восточную Церковь, а с другой – расчеты поправить политические обстоятельства производили попытки к соединению церквей. Но одна уже эта расчетливость говорила за непрочность попыток. При этих расчетах искренности в переговорах о соединении церквей не было ни со стороны латинян, ни со стороны греков, – и те и другие, под предлогом соединения церквей, преследовали сторонние цели. Поэтому, когда эти сторонние цели достигались или не достигались какою-либо стороною, вопрос о

соединении церквей отодвигался на задний план. Непрочность попыток к соединению церквей много обуславливалась еще и тем обстоятельством, что они не имели характера всеобщности, по крайней мере, на востоке. Со стороны греков, главным образом, хлопотали о Соединении церквей императоры; греческая же иерархия в большинстве и народ всегда были против соединения, так как видели в нем подчинение восточной церкви папе. Из множества попыток к соединению церквей, вообще неудачных, особенно замечательны две, доведенные всевозможными хитростями и насилиями до конца и сопровождавшиеся печальными последствиями для греко-восточной церкви. Это, так называемые унии, лионская (1274 г.) и флорентийская (1430 г.).

В 1261 г. латинская империя в Константинополе пала. Никейский император Михаил VIII Палеолог (1259–1282 г.), при содействии генуезцев, отнял у латинян Константинополь и восстановил Византийскую империю. Но положение восстановленной империи и ее государя было весьма затруднительное. Последний латинский император в Константинополе Балдуин II, по падении империи, отправился на запад и умолял папу и государей помочь ему вернуть потерянный престол. Папа Урбан IV, потерявший, с завоеванием греками Константинополя, не менее Балдуина, принял его сторону, отлучил от церкви генуезцев за союз с Палеологом и начал делать воззвания в новому крестовому походу против Константинополя. Тесть Балдуина, Карл Анжуйский, овладевший тогда Неаполем и Сицилией, действительно стал готовиться к войне с Палеологом. В тоже время против Палеолога вооружались болгары, а латинские князьки Ахаии и Пелопонеса, оставшиеся независимыми по падении латинской империи, начали наступательные движения против Константинополя. Волнения внутри империи довершали запутанность дел. Михаил Палеолог вступил на императорский престол незаконным образом. По смерти (в 1259 г.), никейского императора Феодора II Ласкариса, престол должен был занять его малолетний сын Иоанн. Но Палеолог хитростью и насилиями отстранил Иоанна от престола, а спустя немного даже ослепил его. Такое злодеяние восстановило против него патриарха Арсения и народ. Хотя Палеолог низложил и сослал в ссылку Арсения, после того как тот отлучил его от церкви, но недовольство против него не ослабевало. Новый патриарх Герман, вследствие народного ропота, должен был оставить кафедру. Когда же затем поставлен был патриархом царский духовник Иосиф, снявший с Палеолога облечение, многие из духовных и мирян дошли до такого негодования, что не хотели признавать Иосифа патриархом и образовали сильную партию

сторонников Арсения. Народ вступился даже за несчастного Иоанна Ласкариса. В никейской области нашелся слепой юноша, которого жители Никеи признали за Иоанна Ласкариса и провозгласили своим царем. Палеолог должен был силою оружия отстранять нового претендента на престол. – Находясь в таких затруднительных обстоятельствах, хитрый Михаил Палеолог рассчитал, что нападение Карла Анжуйского он может остановить при помощи папы, а с остальными внутренними и внешними врагами управится собственными средствами. В этих видах, немедленно же по взятии Константинополя, он вступил в сношения с папою Урбаном IV, а потом Климентом IV, посылал к ним несколько посольств с богатыми подарками и с предложениями касательно соединения церквей. Впрочем, переговоры с этими папами не привели ни к каким положительным результатам, главным образом потому, что папы не доверяли Палеологу. Только с 1271 г., когда на папский престол вступил Григорий X, особенно сильно желавший соединения церквей, конечно с подчинением восточной церкви западной, переговоры о соединении пошли успешнее. Григорий, в ответ на предложения Палеолога предшествовавшим папам, прислал ему письмо, в котором восхвалил его намерение подчиниться апостольскому престолу и приглашал на назначенный им в 1274 г. лионский собор для окончательного решения вопроса о соединении церквей. При этом папа в числе условий соединения выставлял принятие греками латинского чтения символа с прибавлением *filioque* и признание главенства папы. Палеолог решился на соединение церквей на предложенных условиях, так как замыслы Карла Анжуйского смущали его. Посольство, привезшее письмо папы, было принято в Константинополе внимательно. Но греческое духовенство, во главе с патриархом Иосифом, прежде покорным императору, было против предложенной унии. Палеолог призвал к себе патриарха и епископов и начал уговаривать их согласиться на соединение с римскою церковью, представляя, что условия, предложенные папою, исполнимы: поминать папу в богослужении нисколько не противно восточной церкви, признавать его братом и даже первым не унижительно, что же касается права апелляции к папе, то оно на самом деле не будет существовать, так как «в сомнительных случаях едва ли кому захочется плыть для этого за море». О чтении символа с прибавлением *filioque* император ничего не говорил. Вообще он старался представить греческому духовенству дело унии, как дело, имеющее характер политический. Патриарх и епископы не смотря на эти убеждения, все-таки не соглашались на унию. Патриарший хартофилакс, ученый Иоанн Векк, по поручению патриарха, высказал

даже пред императором, что латиняне, не названные еще церковью еретиками, на самом деле тайные еретики. Такое противодействие раздражило императора, – он заключил Векка в тюрьму. Впрочем находя, что Векк, как человек ученый, может много помочь делу унии, Палеолог счел за нужное привлечь его на свою сторону, в чем и успел. Векк сделался горячим приверженцем унии. Между тем нужно было отпускать папское посольство и давать ответ папе. Палеолог, решившийся уже на унию, написал папе, что он пришлет на лионский собор уполномоченных от восточной церкви. Одно только затруднило императора – это противодействие главы греческой церкви, патриарха Иосифа, который успел уже разослать к восточным епископам окружное послание против соединения с латинянами. Но он и тут нашелся, – предложил Иосифу удалиться на время в монастырь, с тем, что если уния не состоится, он опять займет свою кафедру, если же состоится, он совсем откажется от патриаршества. Иосиф волей-не-волей согласился. Теперь Палеолог, заготовив с единомышленниками ему епископами грамоту от греческого духовенства к папе, снарядил посольство на лионский собор. В числе послов были, между прочим, бывший патриарх Герман и великий логофет Георгий Акрополит. Они прибыли в Лион, когда уже собрались там папа и латинские прелаты. Папа привял послов ласково. Четвертое заседание собора посвящено было вопросу о соединении церквей. Впрочем дело поставлено было так, что рассуждений о разностях между церквями никаких не допускалось. Прежде всего папа заявил собору, что, греки добровольно приходят в повиновение римской церкви. Затем прочитаны были письма к папе Михаила Палеолога и его сына Андроника и грамота от греческого духовенства. Как в письмах, так и в грамоте выражалась полная покорность папе, только в своем письме император просил папу оставить грекам символ без чтения *filioque*. Потом, великий логофет Георгий Акрополит дал от имени Михаила Палеолога присягу в том, что он отрицается от всякого разделения с римскою церковью и обещает ненарушимо сохранять ее исповедание веры признавать ее первенство. Таковую же присягу дали от лица греческого народа духовные, бывшие в числе послов. В заключение всего пропели: тебе Бога хвалим... и символ веры с прибавлением *filioque*. Таким образом уния между церквями восточною и западною состоялась. Греческие послы получившие за свою уступчивость богатые подарки, возвратились в Константинополь; вместе синими прибыло посольство и от папы, Палеолог был весьма доволен исходом дела на лионском соборе, так как вслед же за утверждением унии папа распорядился, чтобы между им и Карлом Анжуйским заключен был

мир. Оставалось только вводить унию, в греческой церкви. Еще в ожидании послов с лионского собора Палеолог употреблял все средства, не исключая и насильственных, чтобы склонить греческое духовенство на унию. Когда же послы привезли унию, он объявил разделение между церквами несуществующим и потребовал, чтобы все признали это делом совершившимся... Патриарх Иосиф объявлен был низложенным, а на место его возведен был приверженец унии Иоанн Векк. В богослужении приказано было поминать Григория X, как «верховного архиерея апостольской церкви и вселенского папу». Но дело унии слишком было не прочно. Только император с партией своих приверженцев принял ее. Все же вообще греки, и духовные и миряне не желавшие и не искавшие унии, не хотели иметь никакого общения с римскою церковью. Со стороны православных стали раздаваться проклятия на униатов, с ними не хотели иметь никаких сношений, считали даже за осквернение прикосновение к ним и разговор о них. Палеолог хотел ласками привлечь на свою сторону православных. Когда же это не удалось, он взялся за насильственные средства: начались ссылки, заключения в тюрьмы, ослепление, отсечение, рук, рвание ноздрей и т. п. Преследования, падали больше всего на духовенство. Император не щадил даже своих родственников. В то же время Векк старался привлечь к унии своими посланиями и сочинениями. Но ни насильственные меры императора, ни сочинения Векка не приносили пользы, – греки не принимали унии. – Между тем в Риме узнали, что в греческой церкви унии не существует. Папа Григорий X и следовавшие за ним не тревожили еще Палеолога. Но папа Николай III желал видеть унию на самом деле. В этих видах он прислал в Константинополь легатов, которым поручил настоять на полном введении унии с принятием латинского чтения символа и с подчинением папе. Положение Палеолога было критическое. Но с своею обычною хитростию он успел выйти из затруднения. Послов приняли великолепно; всюду оказывали им почтение; император уверял их в своей преданности папе и унии; приказал составить от греческого духовенства грамоту, в которой излагалось учение римской церкви, принимаемое будто бы церковью греческою (подписи епископов в гранате были поддельные) и вручил ее легатам; показывал им тюрьмы, в которых заключены противники унии; наконец, двоих противников унии отослал даже к папе на суд, которых, впрочем, папа возвратил без наказания. Такою хитрою политикою Палеолог успокоил Николая III, так что тот заключил с ним тайный союз против Карла Анжуйского. В 1281 г. на папский престол вступил Мартин IV. Этот папа не дался в обман Палеологу. Зная, что уния не существует в

греческой церкви, он с презрением отослал послов Палеолога, а самого его отлучил от церкви. Палеолог, раздраженный таким поступком Папы, запретил поминать его при богослужении; но унии все-таки формально не уничтожал. Карл Анжуйский, не связанный более запрещением папы, начал войну с Палеологом, но этот, благодаря своей хитрой политике, одержал над ним верх. За поражение Карла папа еще раз в 1282 г. отлучил от церкви Палеолога. Но Палеолог в том же году умер. С его смертью окончилась и лионская уния. Сын и преемник его Андроник II (1283–1328 г.) стал решительно на сторону православных. В 1283 г. в Константинополе собран был собор, на котором осуждено было главное римское заблуждение – учение об похождении Св. Духа и от Сына. В то же время судили и преследовали униатов, и прежде всего Векка, который был низложен и сослан в заточение. Церкви, в которых совершалось униатское богослужение, были освящены вновь, как оскверненные. Через несколько десятилетий не осталось и следов лионской унии на востоке.

Подобный же исход имела и уния флорентийская. К началу XV ст. Византийская империя окончательно была стеснена османскими турками. Византийское правительство, по примеру прежних лет, искала помощи на западе и главным образом у пап. С этой целью греческие императоры последних времен империи часто сами лично ездили на запад, как напр. Иоанна V Палеолог (1341–1391 г.) и Мануил II Палеолог (1391–1425 г.). Но помощи запад не оказывал никакой. Преемник Мануила, Иоанна VI Палеолог (1425–1448г.), предвидя скорое и неизбежное падение империи под оружием турок, решился для спасения ее попытать последнее средство – под предлогом соединения церквей, подчинить греко-восточную церковь папе, и за это получить помощь от западных государей. В этих видах он начал переговоры с папою Евгением IV. Папа согласился на предложение императора. Между ними условлено было составить вселенский собор, из представителей греческой и латинской церквей и на нем решить соединение. Предположено было также пригласить на собор западных государей, с тем чтобы, по окончании собора, убедить их подать помощь Византийской империи. После долгих переговоров о месте собора, наконец, назначили его в Ферраре. Папа принял на свой счет проезд и содержание во время собора греческих епископов. В конце 1437 г. отправились в Феррару император Иоанн Палеолог, Константинопольский патриарх Иосиф, уполномоченные от восточных патриархов и несколько греческих епископов. Отправился на собор даже русский митрополит Исидор, родом грек, давно уже согласившийся на унию. На первых же порах по прибытии в Феррару греческие иерархи испытали несколько

оскорблений от латинян. Так папа требовал, чтобы патриарх Иосиф, при встрече с ним, поцеловал, по латинскому обычаю, его туфлю, и только после решительного отказа со стороны Иосифа, оставил свое требование. Прежде открытия собора происходили частные совещания между греческими и латинскими отцами о вероисповедных разносях. На этих совещаниях со стороны греков особенно выдавались Марк, митрополит Ефесский (он же представитель иерусалимского патриарха) и Виссарион, митрополит Никейский. Марк Ефесский не сделал никаких уступок в пользу латинского учения. Наконец, 8 окт. 1438 г. папа, по соглашению с императором, открыл собор, хотя из западных государей никто не приехал. Главным спорным вопросом было латинское учение об исхождении Св. Духа и от Сына. Греческие отцы поставили этот вопрос на почву каноническую и доказывали, что латинская церковь поступила неправильно, когда внесла в Никейский символ *filioque*, вопреки положительному запрещению третьего вселенского собора делать прибавление к символу. Латиняне напротив утверждали, что латинская церковь в этом случае не ввела нового учения, а только раскрыла то, которое заключалось в символе. В такого рода спорах прошло 15 заседаний. Греческие отцы, особенно Марк Ефесский, как и прежде оставались не уступчивыми. За это папа стал стеснять их содержанием. Между тем в Ферраре появилась чума. Под этим предлогом папа в 1439 г. перенес собор во Флоренцию. Здесь продолжались споры о том же предмете. Только латиняне перенесли вопрос о *filioque* с почвы канонической на догматическую. Они доказывали, что учение об исхождении: Св. Духа *и от Сына* правильно само в себе, и подтверждали это местами из Св. Писания и древних отеческих писаний с произвольным толкованием. Греческие отцы, с своей стороны, возражали на это, что из приводимых латинянами мест Св. писаний и отеческих творений нельзя выводить латинского учения об исхождении Св. Духа и от Сына Иоанну Палеологу была крайне неприятна неуступчивость греческих отцов. Он стал убеждать их прийти к соглашениям с латинянами. Виссарион Никейский, доселе жаркий противник латинян, склонился к соглашениям, признав, что латинское выражение *и от Сына*, соответствует употребляемому греческими отцами выражению: *через Сына*. Но Марк Ефесский был против этого и назвал латинян еретиками. Палеолог всё-таки продолжал действовать в пользу соединения. С своими приверженцами он составил такое изложение учения о Св. Духе: греки, признавая, что Дух Святой исходит от Отца, не отвергают, что он исходит и от Сына. Но Марк Ефесский и другие отвергли это изложение. Латиняне,

между тем требовали полного принятия их учения о Св. Духе. Императору ничего не оставалось делать, как убеждениями и угрозами заставить греческих отцов исполнить эти требования. Он так и сделал. – Волею-неволею греческие отцы должны были согласиться на требование императора. Вместе с тем они согласились и на признание главенства папы. Относительно же обрядовых различий больших споров не было: Латиняне согласились одинаково допускать обряды как латинской, так и греческой Церкви. Когда, таким образом, всеми неправдами дело соглашения приведено было к концу, составлен был акт соединения церквей, в котором, между прочим, положено было латинское учение о Св. Духе и главенстве папы. Это акт подписали все греческие епископы, кроме Марка Ефесского и патриарха Иосифа; последний в это время умер. Папа, не видя подписи Марка, откровенно сказал: *мы* ничего не сделали. Все-таки акт торжественно был прочитан в соборной церкви на латинском и греческом языках, и в знак общения единения греки и латиняне обнялись и поцеловались. Папа на радости дал грекам корабли, и они отправились домой. По возвращении в Константинополь Палеолог имел случай убедиться, как не прочно соединение церквей, вынужденное обстоятельствами и совершенное при посредстве разных происков и насилий. Те же греческие епископы, которые согласились на унию в Флоренции, по приезде в Константинополь, отказались от нее, выставя на вид то, что их там принудили согласиться на соединение с латинянами. Греческое духовенство и народ, узнав об унии, пришли в раздражение, и униатов считали за еретиков. Вокруг Марка Ефесского сгруппировались все защитники православия. Патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский были также против унии. Они составили в 1443 г. в Иерусалиме собор, на котором произнесли отлучение на всех приверженцев. Хотя Палеолог, в видах распространения унии, возводил на патриарший Константинопольский престол одного за другим, приверженцев унии, Митрофана Кизикского и Григория Мамму, своего бывшего духовника; но уния мало подвигалась вперед. Да и сам император; не получив с запада ожидаемой помощи, относился холодно к делу унии. Он умер в 1448 году. При его преемнике, не задолго до падения Константинополя, восточные патриархи еще раз произнесли осуждение на унию на соборе в Константинополе (1450 г.). Здесь же они низложили униата Григория Мамму и возвели на патриарший престол православного Афанасия. Когда в 1453 г. Константинополь взят был турками, о Флорентийской унии не время уже было думать.

Глава 2. Иерархия и церковное управление

§ 5. Управление патриаршее

Управление греко-восточной церковью, как и в прежние века, сосредотачивалось в руках четырех православных патриархов – Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Константинопольский патриарх, занявший еще с VII в. первенствующее положение в ряду прочих патриархов, сохранял за собою это положение и теперь. Он стоит во главе всех важнейших событий церковно-исторической жизни, принимает деятельное участие в разрешении обще-церковных вопросов и своим авторитетом дает силу тем или другим решениям. Прочие патриархи востока, находясь под игом магометан и латинян и имея в своем управлении небольшие паствы²⁷⁶, принимают меньшее участие в обще-церковных делах и пользуются меньшим авторитетом сравнительно с патриархом константинопольским. При всем том патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский не были в подчиненном отношении к патриарху Константинопольскому. Взаимные отношения всех вообще восточных патриархов представляют собою союз равных по достоинству и власти иерархов. Константинопольский патриарх, вследствие чисто внешних и случайных причин, был только первым между равными. Он не имел права повелевать прочими патриархами и не мог без их ведома и согласия одною своею властью решать обще-церковные дела. История попыток к соединению церквей вполне подтверждает это. Константинопольские императоры и патриархи, как скоро переговоры о соединении церквей принимали серьезный характер, всегда приглашали к участию восточных патриархов. Так в первой половине XIII в., когда шли переговоры латинян с Никейским императором Иааном Дукою (1222–1255 г.г.) и патриархом Германом, Герман положительно сказал папским легатам, что без восточных патриархов ничего нельзя решить. Во время лионской унии император Михаил Палеолог употреблял все старания получить согласие на унию Александрийского патриарха Афанасия III, проживавшего в то время в Константинополе, а на Флорентийском соборе восточные патриархи, в лице своих уполномоченных, принимали самое живое участие во всех совещаниях по вопросу о соединении церквей. Если же случалось, когда константинопольский патриарх переступал пределы своей власти и хотел решать обще-церковное дело без согласия восточных патриархов, то последние давали ему твердый отпор. Так было после Флорентийского собора, когда патриархи Александрийский,

Антиохийский и Иерусалимский осудила униатского константинопольского патриарха Митрофана Кизикского, а потом низложили другого такого же патриарха Григория Мамму. Еще менее возможно было подчинение восточных патриархов патриарху константинопольскому в делах внутреннего управления патриархатами. Каждый патриарх, при содействии разных должностных лиц и учреждений, управлял находившимися в его заведывании церквами вполне самостоятельно и независимо один от другого.

Как и в предшествовавшие века, патриархи не были единоличными правителями церкви; соборная форма управления существовала и теперь, и патриархи разделяли свою власть с соборами. В настоящий период мы более не видим Вселенских соборов, так как вопросы веры, для разрешения которых они преимущественно составлялись, все были определены, и нужды в таких соборах не представлялось; теперь мы видим только соборы поместные. Они были двоякого рода: соборы частные, состоявшие из одного какого-либо патриарха с подчиненными ему митрополитами и епископами, и соборы общие, в которых принимали участие все или некоторые патриархи сами лично или чрез своих уполномоченных. Соборы первого рода, или иначе синоды, постоянно действовали. Круг их действий был весьма обширен: вместе с патриархом они имели высший надзор за всеми частями церковного управления, разбирали дела о ересь и еретиках (напр. по поводу ереси богомильской и споров варлаамитов и паламитов), производили суд над епископами и митрополитами и даже иногда над патриархами, избирали кандидатов на епископские и патриаршие кафедры и т. п. Соборы же второго рода составлялись весьма редко: стесненные политические обстоятельства препятствовали восточным патриархам собираться на них. Только особенно важные дела, касавшиеся всей вообще греко-восточной церкви, побуждали их, не смотря на все неудобства и препятствия, составлять общие поместные соборы. К такого рода делам относится, напр., попытка олатинить восточную церковь при посредстве Флорентийской унии, по поводу этой унии, как упомянуто было выше, состоялось два собора в Иерусалиме (1443 г.) и Константинополе (1430 г.).

§ 6. Отношение императоров к патриархам. Замечательнейшие из патриархов этого времени

Византийские императоры издавна принимали большое участие в церковных делах и имели сильное влияние на представителей церковной власти – патриархов. То же было и в настоящий период церковно-исторической жизни. Восточные патриархи, занимавшие свои кафедры в странах, не входивших в состав империи, впрочем, были свободны от влияния императоров, кроме разве тех случаев, когда они проживали в Константинополе. Константинопольские же патриархи испытывали от них большое, стеснение. Стеснение это выражалось преимущественно участием императоров в их избрании и низложении. Избрание и низложение патриархов вполне зависело от них; духовенство в этом случае имело второстепенное значение. Порядок избрания патриархов был такой. Епископы, составлявшие поместный собор, или синод, избирали трех кандидатов, писали их имена на бумажках и полагали бумажки в особый сосуд; первая вынутая бумажка указывала имя избранного патриарха. Но так как в синоде, во время избрания патриарха, председательствовал император, или находился его уполномоченный, то дело избрания направлялось так, что жребий падал на лицо, предназначенное императором. Избирая то или другое лицо на патриаршую кафедру, императоры не обращали большого внимания на достоинства а способности избираемых; им нужно было иметь на патриаршей кафедре людей, вполне им преданных, могущих своим авторитетом поддержать их, или, по крайней мере, людей, не способных вредить и оказывать какое-либо противодействие. Один византийский историк²⁷⁷, говоря об избрании преемника патриарху Мануилу в половине XIII в., делает такое замечание: «цари вообще хотят, чтобы патриархами были люди смиренные, недалекие по уму, которые бы легко уступали их желаниям, как признанным постановлениям». Другой историк²⁷⁸ XIV века дает такое же точно свидетельство. Говоря об избрании на патриарший престол императором Андроником II Палеологом (около 1320 г.) Герасима, человека, покрытого сединою, но простого и почти потерявшего от старости чувство слуха, который «даже и ногтем не касался эллинской учености», он замечает, что он по своей необразованности и простоте был послушным орудием царя. Цари, продолжает он, на такие высокие места и выбирают таких людей, чтобы те беспрекословно подчинялись их приказаниям, как рабы, и чтобы не оказывали им никакого

противодействия. А Иоанн Кантакузен, соправитель Андроника III Младшего, употребил следующую хитрость при избрания в патриархи священника своей домашней церкви, Иоанна Калекаса. Члены синода не соглашались избрать его; Кантакузен уговорил их поставить его архиепископом; когда же те согласились на это, он потребовал, чтобы избрали его и в патриарха, так как он, как и все епископы, имеет право на занятие патриаршей кафедры. Если патриарх был негоден императору, то последний всегда имел возможность низвергнуть его. Обыкновенно в таких случаях императоры прибегали к интригам, добывали, при посредстве их, доносы и обвинения на патриархов, по большей части, несправедливые, и заставляли архиереев произносить осуждение на них и низлагать. Таким образом, низложение совершалось с соблюдением всех, установленных законами, формальностей, хотя бывали случаи, когда императоры обходились и без этого. Примеров низложения патриархов в описываемую эпоху большое число. Вот некоторые из них. В конце XII в. Исаак Ангел низложил и заточил одного за другим четырех патриархов Василия Каматира, Никиту, Леонтия и Досифея. Также распорядился патриаршею кафедрю и Михаил VIII Палеолог в XIII веке. Низложив благочестивого патриарха Арсения, он поставил на его место Германа; когда этот оставил кафедру, поставил Иосифа, низвергнув и того за противодействие унии, поставил Иоанна Векка, даже и того удалил было с кафедры и возвратил только в угоду папским легатам. По поводу низложения Арсения и поставления Иосифа в Константинопольской церкви образовался даже целый раскол, так называемый арсенианский, который окончился только в 1312 году.

Вследствие такого произвольного со стороны Византийских императоров распоряжения патриаршею кафедрю не редко случалось, что ее занимали люди недостойные и неспособные. Но с другой стороны, в описываемое время, мы видим и несколько замечательных патриархов, проходивших свое служение достойным образом. Таковы, напр., из патриархов константинопольских второй половины XI в. Николай Грамматик, известный своею любовью к просвещению и любимый народом; XII в. Михаил, Куракуа, благочестивый и просвещенный патриарх; Козьма Атик, отличавшийся святою жизнью и благотворительностию; Михаил Анхиалий, ревностный защитник православия против латинян; Феодосий, человек честный и правдивый; XIII в. Арсений, человек строгой и благочестивой жизни; Афанасий, строгий отшельник и ревностный исправитель нравов клира; его обличений боялись даже царские дети; XIV в. Иоанн Гликис,

просвещенный и трудолюбивый пастырь и друг. Из прочих восточных патриархов известны немногие, так как от многих из них сохранились одни только имена. Из александрийских патриархов замечательны: Николай I, (около 1200 г.), переписывавшийся с папою Иннокентием III об освобождении от турок Египта при помощи крестоносцев; Николай II, бывший на соборе в Константинополе, низложившем Арсения, и державший его сторону; Афанасий III, принимавший живое участие в делах константинопольской церкви во время лионской унии; XV в. Филофей, осудивший вместе с другими патриархами Флорентийскую унию. Из иерусалимских патриархов замечательны: Лазарь (около половины XIV в.), подвергавшийся страшным истязаниям за веру от турок в Египте; Иоаким (XV в.), осудивший Флорентийскую унию и друг.

§ 7. Имущества церквей. Содержание духовенства

Имущества церквей, движимые и недвижимые, в описываемую эпоху подверглись значительному сокращению. С одной стороны византийские императоры, для поправления расстроенного состояния государственных доходов, или просто для удовлетворения личного корыстолюбия, захватывали себе церковные имущества, с другой – турки и крестоносцы, по праву завоевателей, отнимали у церквей их достояние. Так, еще в X в. император Никифор Фока, для удовлетворения своей страсти к корыстолюбию, присвоил себе некоторые церковные земли и запретил законом делать духовные завещания в пользу церквей. Того же домогался во второй половине XI в. Исаак Камнин (1057–1059 г.), для поправления расстроенных финансов государства; но встретил сильное противодействие со стороны тогдашнего патриарха Михаила Керуллария. В XII в. император Мануил Комнин (1143–1180 г.) вновь поднял вопрос о недвижимых церковных имуществах и повторил закон Никифора Фоки против их увеличения. Еще смелее и бесцеремоннее обращались императоры с движимою церковною собственностью, именно с церковными драгоценностями, так как их скорее и удобнее можно было обратить в ценные знаки. Император Алексей I Комнин (1081–1118 г.), приготавливаясь к войне с Робертом Гвискараром, взял из константинопольских церквей золотые и серебряные оклады с икон и обратил их в деньги, не смотря на недовольство духовенства и ропот народа. А император Исаак Ангел (1185–1204 г.), в первое свое правление, допустил настоящее святотатство. Он, по рассказу одного византийского историка²⁷⁹ брал из церквей священные сосуды и употреблял их за собственным столом, снимал с крестов и евангелий оклады и делал из них для себя ожерелья и цепи и т. п. В оправдание своего святотатства он утверждал, что царям позволительно все делать и что между Богом и императором в управлении земными делами отнюдь нет несоединимого и несьютимого расстояния. Тот же Исаак с своим сыном царевичем Алексеем окончательно ограбил все церковные драгоценности, для уплаты крестоносцам четвертого похода обещанного вознаграждения за возвращение им престола. С завоеваньем же Константинополя крестоносцами в начале XIII в., все движимые и недвижимые церковные имущества были присвоены латинянами. Тоже было и в других восточных патриархатах. Там сначала отняли у церквей все их имущества турки, а потом латиняне во время крестовых походов.

После отнятия у латинян Константинополя, недвижимые имущества, принадлежавшие константинопольской церкви, если не все, то, по крайней мере, некоторые были возвращены ей. Император Михаил Палеолог, по рассказу Пахимера²⁸⁰, немедленно же по взятии Константинополя, почтил церковь дарованием ей доходов, приписал к ней некоторые села, а другие пожаловал в пользу священнослужителей. В других же патриархатах после падения на востоке государств, основанных крестоносцами, церковные имущества перешли опять к туркам; у церквей из недвижимых имуществ оставались только церковные здания, которые, впрочем, время от времени подвергались разрушению и грабежу со стороны турок.

Если недвижимые церковные имущества сокращались все более и более и даже совсем отнимались у церквей, то духовенство, получавшее прежде средства к жизни главным образом от недвижимых имений, теряло один из важнейших источников своих доходов. Даже в Константинопольской церкви недвижимых имений было так мало и они так были разорены, что доходов с них не хватало на содержание патриарха и его клира. В XIV в., при патриархе Гликисе, на константинопольском синоде два раза обсуждаем был вопрос о материальном вспомоществовании константинопольской церкви со стороны епархий, подчиненных патриарху, – и в 1324 г. синод, действительно, обложил епархии ежегодными податями в пользу патриарха. Вообще же, за скудостью и разоренностью недвижимых имений, единственным источником содержания духовенства в описываемую эпоху были сборы за совершение церковных треб и пожертвования в пользу клириков. Количество этих сборов и пожертвований зависело от расположения и усердия православных христиан.

В великой константинопольской церкви доходы в пользу клириков собирал и хранил великий скевофилакс. Затем ежемесячно собранные доходы разделялись между клириками, сообразно должности каждого. Так, лица, принадлежавшие к первой пятернице, а также протопапа (из шестой пятерницы) получали двойную, часть; принадлежавшие ко второй пятернице – полторы части; к третьей – одну часть с четвертью; прочие же клирики получали по одной части.

Глава 3. Состояние духовного просвещения и ереси

§ 8. Состояние просвещения при Комнинах и Палеологах

Оживленное движение в пользу духовного просвещения, начавшееся в греко-восточной церкви с половины IX века, в последующие века, особенно при императорах из фамилии Комнинов (1050–1250) и Палеологов (1250–1450 г.), усилилось еще более. Многие из Комнинов и Палеологов обладали богословским образованием, любили заниматься богословскими вопросами сами и оказывали покровительство научной богословской деятельности других. Средоточием просвещения как светского, так и духовного, были Константинополь и Фессалоника или Солунь. Характер ученой и литературной деятельности этого времени был тот же, какой приняла она в IX веке. Это – собирание творений древних греческих отцов и учителей церкви, тщательное изучение их и составление, на основании их и с заимствованиями из них, новых сочинений. Изучение древне-отеческих творений вызывалось, между прочим, попытками к соединению церквей. Одни хотели найти в писаниях отцов оправдание особенностям в учении римской церкви, другие – и большинство, – напротив, искали и находили в них опровержения. С изучением отеческих творений богословы этого времени соединяли еще изучение языческих писателей и философ древне-классического мира, вследствие чего многие из них обладали обширными познаниями и в светских науках. Следствием такого стремления к духовному просвещению в века Комнинов и Палеологов было замечательное обилие богословской литературы. Мы видим много писателей, замечательных и посредственных, которые в своих сочинениях касаются всех отраслей богословского знания. Так они излагают догматическое учение; ведут полемику с латинянами и еретиками; опровергают магометан, иудеев и даже язычников; составляют толкования на Св. Писание; изъясняют каноны церкви; пишут нравоучительные сочинения и т. п. Но в произведениях писателей этого времени, за исключением весьма немногих, незаметно живой, самостоятельной деятельности; почти все они были только хорошими компиляторами.

§ 9. Замечательные церковные писатели в век Комнинов (1050–1250 г.)

В ряду церковных писателей в век комнинов первое место занимает 1.) Михаил Пселл (ум. 1105 г.). Его литературная деятельность вполне обрисовывает характер и направление просвещения его времени. Он хотел знать все науки и обо всем писать. И действительно, он был богослов, философ, историк, математик, оратор и даже врач. В одном из своих сочинений, в роде энциклопедии, он говорит о догматическом и нравственном учении, излагает коротко содержание всех наук и в заключение трактует о поваренном искусстве. Михаил Пселл воспитывался в Афинах, около половины XI в. был в Константинополе учителем философии и сенатором, а потом воспитателем детей императора Константина Дуки (1059–1067 г.), и имел большое влияние на управление. В правление своего воспитанника Михаила VII впал в немилость при дворе и удалился в монастырь (около 1076 г.). Из сочинений Пселла богословского содержания более замечательны: толкование на Песнь Песней, главы о Св. Троице и о Лице Иисуса Христа.

2) Феофилакт, архиепископ ахридский в Болгарии (ум. около 1107 г.). До своего посвящения в сан архиепископа он был воспитателем сына императора Михаила VII, Константина Порфирородного, почему, будучи уже архиепископом, переписывался с лицами из царской фамилии. Феофилакт был образцовым пастырем; он много заботился об поправлении нравов своей паствы. В богословской литературе он замечателен преимущественно, как толкователь Свящ. Писания. Ему принадлежат толкования на весь Новый Завет, кроме Апокалипсиса, и из Ветхого Завета на некоторых малых пророков. В своих толкованиях Феофилакт держится преимущественно толкований Св. Иоанна Златоуста, так что часто только сокращает его беседы. Вместе с толкованиями Златоуста, толкования Феофилакта были всегда в большом уважении в русской церкви. Кроме того Феофилакт писал и по поводу разносней в учении и обрядах латинской церкви с греческою, в духе христианского миролюбия.

3) Евфимий Зигабен (ум. после 1118 г.), монах Константинопольского монастыря. Он был замечательный богослов и экзегет своего времени. Своею ученостию он приобрел благосклонность императора Алексия I Комнина и находился к близких отношениям к нему. Алексии Комнин, сильно заботившийся об обращении, появившихся к его время, богомилов,

а также других еретиков, приказал ученым богословам собрать все, написанное отцами в опровержение всех еретиков христианской церкви; затем, из собранного таким образом, материала поручил Зигабену составить полемическое сочинение. Плодом трудов Зигабена было известное сочинение: Догматическое всеоружие православной веры (πανολλία δογματικὴ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως) в 24 главах. В этом сочинении опровергаются все ереси, начиная с Симона Волхва, со включением иудеев, магометан и латинян, и кончая современным Зигабену богомилством. Только в трактатах о современных еретиках, богомилах, Зигабен является самостоятельным писателем (он сообщает о них исторические сведения); остальное же у него все компиляция. Замечательны также толкования Зигабена на все евангелия и на псалмы. В них он приводит такие места из толкований древних отцов, которые без него остались бы неизвестными.

4) Евстафий, архиепископ солунский, живший и действовавший почти в течение всего XII века. Он был родом из Константинополя, воспитывался в монастыре, где принял сан монашеский. Потом сделался диаконом софийской церкви в Константинополе и вскоре приобрел славу великого учителя красноречия. В 1175 г. он поставлен был в архиепископа Солунского и проходил свое служение с величайшею ревностью. Евстафий всего себя посвятил на служение своей пастве, – во время несчастий утешал и поддерживал бедствующих жителей Солуни, заботился о чистоте их нравов и особенно ревностно трудился над исправлением монашеского образа жизни. От него осталось много слов, посланий и писем. Все они дышат ревностью Св. Иоанна Златоуста. Евстафий вооружается главным образом против внешнего и лицемерного богопочтения мирян и монахов и внушает, что только внутреннее расположение души имеет цену пред Богом и облагораживает человека. По своему благочестию, ревности по вере и вообще по высоким нравственным качествам Евстафий занимает первое место в ряду образцовых пастырей церкви этого времени. Кроме сочинений богословского содержания, он писал еще, когда был учителем красноречия, комментарии на Гомера, которые обнаруживают в нем большую ученость. 5) Николай, епископ Метонийский в Мессине, живший по второй половине XII в. Он был одним из ученейших богословов своего времени. В его время страсть к изучению древней философии, особенно платонической, и увлечение ею доходили до унижения и забвения христианского вероучения. Весьма многие отдавали предпочтение языческой философии пред христианством и даже насмехались над

простотою и безыскусственностью христианского вероучения. Такое направление просвещения вызвало Николая Метонийского на полемику с языческой философией. Он написал: «опровержение богословских начал Прокла платонического философа». При составлении этого сочинения он руководствовался творениями Григория Богослова. Кроме того Николай писал сочинения о заблуждениях римской церкви, и главным образом по вопросу об исхождении Св. Духа и от Сына.

В числе замечательных писателей XII в. следует еще упомянуть о Феодоре Вальсамоне, хартофилаксе Константинопольской церкви, а впоследствии антиохийском патриархе, и Иоанне Зонаре, монахе одного из восточных монастырей. Оба они, и особенно первый, были замечательными законоведами своего времени и оставили изъяснения на правила апостольские и соборные.

§ 10 . Замечательнейшие писатели в век Палеологов (1250–1450)

В век Палеологов весь литературный интерес сосредоточивался на полемике с латинянами, так как преимущественно в это время происходили серьезные попытки к соединению церквей. Кроме того в это время Константинопольскую церковь занимали споры варлаамитов и паламитов; и поэтому по поводу писано было несколько сочинений. Замечательнейшие писатели этого времени следующие: Никифор Влеммид, живший в половине XIII в., ученый и благочестивый монах. При Никейском императоре Феодоре II Ласкарисе (1255–1259 г.), ему предлагали патриарший престол, но смиренный инок отказался от него ради уединенной и подвижнической жизни. Никифор Влеммид был замечательный философ и богослов; очень многие из греков того времени обязаны ему своим образованием. Замечательно, что в то время, как правительство хлопотало о соединении церквей по политическим расчетам, а народ не хотел никакого соединения с латинянами, как с своими врагами, Никифор Влеммид один только подавал голос за соединение церквей по побуждениям чисто религиозного характера. Бесстрастный, холодный ко всем мирским расчетам, он желал соединения церквей для блага церкви. В этих видах он писал сочинения в пользу унии, в которых старался сблизить в учении об исхождении Св. Духа латинское выражение *filio* с употреблявшимся в восточной церкви выражением *per filium*.

Во время лионской унии, во второй половине XIII в., писали против латинян: Георгий Машампар, библиотекарь великой Константинопольской церкви; его сочинения не дошли до нас; Константин Акрополит, великий логофет; его сочинения впоследствии, с его согласия, были сожжены, так как они возбуждали религиозные споры; много было и других писателей, большею мастию, безименных.

В XVI веке замечательны: Нил Кавасила, архиепископ Солунский (около 1340 г.). Он был жарким противником латинян и поборником православия. Оставил следующие полемические сочинения: о причинах разделения церквей и о первенстве папы. – Григорий Палама, также архиепископ Солунский. Он происходил от знатных и богатых родителей, но, не смотря на это, захотел лучше проводить нищенскую и подвижническую жизнь на Афоне, куда и удалился. Около 1347 г. Иоанн Кантакузен поставил его архиепископом Солунским. Долгое время

проходил он свое пастырское служение и всегда был ревностным пастырем. Когда известный Варлаам выступил со своими обвинениями афонских монахов в ереси исихастов, Палама горячо защищал их и написал по этому случаю несколько сочинений. Против латинян Палама написал сочинение об походе Св. Духа от одного Отца. Кроме того от него осталось несколько проповедей. – Николай Кавасила, племянник Нила Кавасилы и после Паламы архиепископ Солунский. Он был человек ученейший, с мистически-благочестивым настроением образа мыслей. Подобно своим предшественникам он был противником латинян и защитником афонских монахов. От него остались следующие сочинения: изъяснение на литургию, семь книг о жизни во Христе, слово на ростовщиков и опровержение на Фому Аквината. – Иоанн Кантакузен, в половине XIV в., правитель Империи, а с 1355 г. монах на Афоне. Он замечателен своими апологетическими сочинениями против магометан и иудеев. В половине же XIV в. писал против иудеев свои апологетические сочинения Феофан, архиепископ Никейский.

Из писателей XV века замечательны: Симеон, архиепископ Солунский (ум. 1429 г.). Это – был один из ревностнейших и образованнейших пастырей XV века. Симеон был противником унии с латинянами и постоянно вооружался против нее в своих проповедях и сочинениях. Он оставил после себя замечательнейшее сочинение: о вере, обрядах и таинствах церковных. В этом сочинении он с одной стороны налагает православное учение, с присоединением опровержения на еретиков, в том числе и латинян, а с другой – дает превосходнейшие изъяснения о храме, церковных обрядах и таинствах. – Марк, архиепископ внесений, живший в половине XV века. Его деятельность в пользу православия и ревность по вере известны из истории Флорентийской унии. На смертном одре он умолял патриарха Константинопольского Геннадия продолжить борьбу с латинянами. Из сочинений его известны: послание о флорентийском соборе, окружное послание ко всем живущим на земле о том же соборе; рассуждение об освящении даров и друг.

§ 11. Ересь богомильская

Ересь богомильская стоит в тесной связи с ересями павликианскою и особенно евхитскою, распространившимися в X и XI веках во Фракии. В своих системах павликиане и евхиты возобновили древние гностико-манихейские воззрения. Эти воззрения из Фракии распространились в соседней Болгарии и в XII веке сформировались здесь в особую еретическую систему, известную под именем богомильства²⁸¹. От павликанства богомильство отличается главным образом тем, что два начала – доброе и злое – признает самостоятельными, а подчиняет их еще высшему доброму существу и в этом случае напоминает тот древний персидский дуализм, но которому доброе (Ормуэд) и злое (Ариман) начала объединялись в одном вечном Верховном Существо (Церуане Акерене). От евхитства же богомильство отличается только полнотою и законченностью системы, так что составляет как бы дальнейшее развитие евхитства. – Учение богомилов следующее. Высочайший Бог имел первородного сына, Сатанаила, который занимал после него первое место и начальствовал над всеми ангелами. Гордый сознанием своего могущества и славы, Сатанаил захотел сделаться независимым от отца и с частию подчиненных ему духов возмутился против него. За это он вместе с отложившимися духами низвержен был с неба. Но Сатанаил не смущается этим, и задумывает основать свое независимое царство. Так как божественное достоинство и творческая сила не были еще отняты у него, то он сотворил из хаоса новое небо и новую землю, вместе с тем он образовал и тело первого человека, Адама, но попытки его сообщить этому телу живую душу оказались неудачными. В такой крайности Сатанаил обратился к Высочайшему отцу с просьбою послать свое божественное дыхание для оживления человека. При этом Сатанаил предлагал, что он будет властвовать над телесною природою человека, а Отец – над духовною, и что человек своею духовною природою заменит Отцу отпадших ангелов, Высочайший Отец сжалился над неудачею Сына и послал свое божественное дыхание. Явился первый человек Адам, Таким же образом сотворена была и Ева. Но скоро Сатанаил стал сожалеть об обещании, данном Отцу, относительно владычества над духовною природою человека, так как он завидовал людям, которые имели заступить место отпадших ангелов. Поэтому он решился совершенно покорить себе род человеческий. Для этого, вошедши в змия, он обольстил Еву и произвел от нее Каина и сестру его Каломену. Он рассчитывал, что его

собственное потомство возьмет перевес над потомством Адама и внесет в человеческий род испорченность и растление. Действительно, Каин убил сына адова, Авеля; представитель злого начала поразил представителя добра. После этого Сатанаил успел подчинить себе весь род человеческий, так что только немногие из людей имели понятие о своем первоначальном назначении – заменить падших ангелов и немногие достигали этого назначения. Доведенные до забвения своего предназначения, люди считали самого Сатанаила за Верховного Бога; Моисей, бывший орудием его, чрез закон, данный иудеям, особенно распространил такое представление о Сатанаиле. Долгое время держал он, таким образом, в порабощении род человеческий. Наконец, Высочайший Бог решился освободить человечество от власти Сатанаила. В 3500 г. от сотворения Сатанаилом видимого мира Он произвел на себя второго (младшего) сына, который и есть Иисус или Слово, и который, как глава и начальник ангелов, называется у богомилов еще Михаилом. Иисус явился в мир в эфирном теле, имевшем только вид тела человеческого, прошедши чрез Деву Марию незаметно, так что она сама не знала, как нашла его младенцем, лежащим пред нею в пещере. Вся жизнь Иисуса среди людей также была призрачная, хотя он действовал и учил так, как описано в евангелиях. Сатанаил, считая Его за обыкновенного человека, стремящегося поколебать его владычество над людьми, довел его до смерти, которая была, конечно, призрачною. Но Иисус чрез три дня явился Сатанаилу во всем своем божественном величии, оковал его цепями и отнял у него божественное достоинство и божественное имя, заключавшееся в конечном слоге его имени ил или эл, – после чего он стал называться просто Сатана. Затем Иисус вознесся на небо, занял второе после Отца место и получил власть над всеми ангелами. Для продолжения и окончательного совершения дела его на земле Отец произвел из себя еще вторую силу, Святого Духа, который и действует на души людей. Души богомилов, ощущающие в себе действие Св. Духа, принимающие Слово Божие и сообщающие его другим душам, есть истинные богородицы. Люди с такими душами не умирают, но, отбросивши телесную оболочку, как бы во сне, переселяются в царство небесного Отца. После того как Дух Святой совершит дело освобождения людей от материи и их души займут место в царстве небесного Отца, все придет в первоначальный вид. Материя, в том числе и тела человеческие, обратится в хаос, а Иисус и Дух Святой возвратятся в Отца, из которого истекли. – Из теоретического учения богомилов вытекают их взгляды на православную церковь, ее верования и учреждения. Считая только себя просвещенными Св. Духом,

они смотрели на церковь, как на плотскую, на православных христиан, как на людей, в которых плотское начало берет перевес и т. д. Таинства церкви они отвергали. Крещение, напр., называли крещением водою; вместо его совершили свое крещение, которое называли духовным. Оно состояло в том, что на вступающего в их общину они полагали евангелие Иоанна (апокрифическое), произносили над ним молитву: отче наш и призывали Св. Духа. Таинство Евхаристии также отвергала в том убеждении, что истинное общение со Христом есть духовное. Почитание Пресвятой Богородицы, Святых, их мощей, почитание икон и Бреста Господня – все отвергали, как плотское. В жизни богомилы были строгими аскетами, – удалялись от браков, не употребляли мясной пищи и т. п. Источником своего учения они признавали все Св. писание Нового завета, кроме евангелия Иоанна, вместо которого у них было свое апокрифическое Иоанново евангелие; из Ветхого же Завета они принимали только псалмы и пророков. Кроме того у них в большом употреблении были апокрифические сочинения. В устройстве своей общины богомилы хотели подражать апостольской церкви, – у них было 12 апостолов, над которыми возвышался еще главный начальник секты.

В первый раз богомильская ересь была открыта Византийским правительством в начале XII века. В Константинополе ходили о ней темные слухи. Император Алексей I Комнин обратил на них внимание, и после розысков, соединенных с пытками, ему удалось узнать, что во главе секты стоит монах Василий. Пригласив к себе этого монаха, император притворно высказал свое желание сделаться членом его общества и просил рассказать об учении богомильском. Василий поддался хитрости и открыл все, относящееся до секты. Между тем, во время его беседы с императором в соседней комнате, отделенной только завесой, сидели скорописцы и записывали его слова; здесь же собраны были высшие духовные и светские лица. Поэтому, когда Василий кончил и приподнялась завеса, сей час же начался над ним суд. Василий не отказывался от своих слов: Его заключили в тюрьму. Вместе с ним схватили многих других богомилов, в том числе и 12 апостолов, и также заключили в тюрьму. Одни из них признали себя принадлежащими к секте, другие не признали. Чтобы узнать; кто из захваченных действительно принадлежит к богомильской ереси, император употребил следующее средство. Объявив, чтобы все готовились к смертной казни, он приказал поставить на площади два костра и при одном из них крест. Те, которые, идя на казнь, молились пред крестом, признаны были не принадлежащими к секте и после наставления были отпущены. Прочие же посажены были в тюрьмы на пожизненное

заклучение. Сожжен был один только Василий (1119 г.). Не смотря на такие строгие меры, секта богомилов не уничтожилась. В тайне, – особенно по монастырям, – она продолжала существовать. В последствии в XIII в. патриарх Герман (1221–1239 г.) в своих беседах вооружался против богомильских мнений. Из Болгарии богомильские мнения, вследствие близких сношений русской церкви с церковью болгарскою, проникли и в Россию.

§ 12. Споры Варлаамитов и Паламитов

Около сороковых годов XIV века в Константинополь прибыл из Калабрии монах Варлаам, человек образованный. Побывав в Фессалонике, он посетил Афон. Здесь один простодушный пустынник, проводивший жизнь созерцательную, сообщил ему, что афонские пустынники удостаиваются созерцания божественного света телесными очами, готовясь к этому искусственными средствами. Именно, садясь в углу своих келий, они крепко прижимают к груди подбородок, устремляют глаза на нос, удерживают по возможности дыхание и впадают в грустное настроение; затем, если они находятся в таком положении долгое время, грустное настроение сменяется неизреченною радостью и при этом является блистающий свет, который они называют несотворенным, божественным. Монахи, достигавшие такого созерцания, называли себя покоящимися (ἡ συχάζοντες). Варлаам, выпытавши у доверчивого пустынника эти сведения, стал обвинять афонских монахов в ереси мессалианской, называя их исихастами, квиетистами, омфалопсихами и т. п. Он даже донес об них императору Андронику III Палеологу (1328–1341 г.г.) и Константинопольскому, патриарху Иоанну. В 1341 г. собран был в Константинополе собор по этому делу. Между тем стороны афонских монахов принял известный тогда Григорий Палама, державшийся, вместе с афонскими монахами, созерцательного, мистического направления. Возражая Варлааму, он говорил, что тот свои сведения об искусственном приготовлении к созерцанию божественного света заимствовал от простых монахов, а не от образованных; но в то же время и Палама утверждал, что видимый телесными очами свет, в котором является Божество, есть божественный, несотворенный. Такой, напр., свет был на Фаворе во время Преображения Господня, который видела апостолы. Варлаам обвинял, после этого, и самого Паламу в двубожии. На состоявшемся в 1341 г. соборе присутствовали Палама и Варлаам. Здесь об афонских монахах не рассуждали. Вопрос поставлен был теоретический, именно – видимый телесными очами свет, в котором является Божество, есть ли свет Божественный и несотворенный, или сотворенный. Палама доказывал, что следует отличать Существо (ὁ υἱός) Божие от проявления или обнаружения Его действия (ἐνέργεια); Существо Божие невидимо, те же атрибуты, при которых оно проявляется, напр., свет, видимы телесными очами; свет этот как, принадлежность Божества, есть несотворенный. Варлаам продолжал утверждать, что свет, в котором

является Бог не есть принадлежность Божества, что он есть творение, так как кроме Бога нет ничего несотворенного, и что мнение Паламы ведет к двубожничеству. Собор склонился на сторону Паламы и произнес осуждение на Варлаама. Варлаам после этого удалился в Калабрию и перешел там в латинство. Но споры не кончились. В Константинополе у Варлаама остались ученики, которые продолжали нападать на мнения Паламы. Таков Георгий Акиндин. Поэтому, в том же 1341 г. собрался еще собор, на котором Акиндин был осужден и потом сослан в заточение, а учение Паламы утверждено. Вскоре затем умер император Андроник. За малолетством его сына государством управляли его мать Анна и опекун Иоанн Кантакузен. Анна и патриарх Иоанн приняли сторону Варлаамитов, а Кантакузен – Паламитов. В 1315 году патриарх и императрица успели составить собор и осудили на нем Паламу. Но скоро Кантакузен сам сделался императором и на соборе 1347 г. низложил патриарха за принятие мнений Варлаама. Затем в 1351 г. еще был собор по поводу тех же споров. На этом соборе мнения Варлаамитов защищал известный ученый того времени Никифор Григора. Но Палама и здесь одержал полную победу. Его учение вновь было утверждено. Варлаамитов, и между прочим Григору, преследовали, но не смотря на это, он продолжал полемику с Паламитами, в которой принял участие знаменитый писатель того времени, Николай Кавасила. После Кантакузена, который в 1355 г. поступил в монастырь, правительство не поддерживало споров и они окончились сами собою.

Глава 4. Богослужение и христианская жизнь

§ 13. Состояние богослужения

Чин богослужения в греко-восточной церкви определен был вполне еще в предшествующие века. В описываемое время перемен никаких не произошло; тех отступлений от древнего богослужебного чина и нововведений в нем, какие существовали в это время в церкви западной, мы не видим в церкви греко-восточной. Напротив, церковь восточная, в виду отступлений церкви западной, поставила для себя задачей сохранение богослужения в древнем его чине. Так, она особенно настаивала, чтобы крещение совершалось чрез погружение, а не чрез обливание, как это было в церкви западной, чтобы миропомазание совершалось вместе с крещением и не епископами только, но и священниками, чтобы Евхаристия совершалась на квасном хлебе, а не на опресноках, чтобы все верующие, не исключая и мирян, причащались под обоими видами т. е. Тела и Крови Христовой и проч. Сохранением древнего богослужебного чина восточная церковь нередко доказывала свою правоту в спорах с латинянами. Если же заявлялись попытки нарушить древний богослужебный чин, напр. со стороны латинян во время господства их в Константинополе, или во время лионской и Флорентийской унии, то православные востока сильно восставали против этого и с негодованием отвергали вводимые латинские обряды. Но, сохраняя установившийся богослужебный (чин, восточная церковь, по требованию времени и обстоятельств, делала добавления к нему, которые, впрочем, не касались сущности богослужения, как в церкви западной. Добавления эти заключаются, главным образом, в установлении новых праздников и в составлении новых церковных песнопений. Так, в конце XI в. установлено было празднование в честь трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого в 30-й день января. Поводом к этому послужили споры о том, кто из этих святителей заслуживает больше чести; по предложению Иоанна, митрополита Евхаитского, установлено было празднование всем трем святителям в один день. В XII в. установлен был праздник происхождения честных древ и животворящего креста, в 1-й день августа. Случай установления следующий. Византийский император Мануил I Комнин (1143–1180 г.) и русский князь Андрей Боголюбский в один день, 1 августа 1104 г., одержали победу первый над турками, второй над болгарам (камскими). При этом они видели одинаковое осенение своих войск светом, нашедшим от Креста Господим и икон, бывших в войске. В память такой явной

помощи Божией православным против врагов христианства установлен упомянутый праздник, получивший свое название от обычая выходить в этот день с крестом и иконами на реки и источники. Кроме того установлено было много праздников в честь Святых. Из песнопений в описываемое время оставлено было особенно много канонов и акафистов Спасителю, Божией Матери, святителям и проч. Так в XI в. Никита Сшифат, монах Студийского монастыря, написал канон Святителю Николаю, Иоанн, митрополит евхаитский каноны И. Христу, Божией Матери, Ангелу Хранителю, трем святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому и друг. В XII в. Феоктист, монах Студийского монастыря пересмотрел mineю на ноябрь месяц и сделал в ней некоторые добавления. Его Mineя сходна с нынешнею ноябрьскою mineею. В XIII в. император Феодор Ласкарис составил канон Богоматери, с тропарями и стихирами, об утолении бед; в XIII же веке Иоанн Кукузель, начальник императорского хора, впоследствии афонский монах, исправлял и составлял мелодии для стихир, тропарей, кондаков и вообще для всей церковной службы, а также сокращал и наменял текст песнопений. В XIV Феолипт, митрополит филадельфийский, составил каноны: о страшном Суде, Господу И. Христу и Богоматери, а Исидор Бухирас, патриарх Константинопольский, составил акафисты Архангелу Михаилу, Иоанну Предтече, Святителю Николаю и друг. Во второй половине XIV века прославился своею песнию Богоматери: о тебе радуется – Григорий Кукузель. Но самым плодовитым писателем церковных песней в XIV в. был патриарх константинопольский Филофей (ум. 1376 г.). Он составил много канонов, акафистов, тропарей, молитв и проч. В XV в. известны были своими богослужебными песнями Симеон Солунский и Марк Ефесский. Их песнопения в настоящее время не употребляются в богослужении.

§ 14. Состояние христианской жизни

Христианская жизнь в греко-восточной Церкви в описываемую эпоху представляет мало светлых и привлекательных сторон. Нравственная порча, обнаружившаяся в восточных христианах в предшествующие века, в XI–XV столетиях достигла громадных размеров. Святые истины христианской нравственности иди были забыты, или сделались мертвыми, не прилагаемыми к жизни, правилами. Один византийский историк²⁸², поставляя общий упадок нравственности в связи с исчезновением обычая учить народ в домах, в семейном яругу, чрез священников, таким образом характеризует нравственное состояние современного ему общества: «души всего христианского мира блуждают точно по какой-нибудь непроходимой и безводной пустыне. Бессовестность дошла до того, что за один овал дают с той и другой стороны страшнейшая клятвы, какия не посмеет даже передать перо писателя. Все слилось в безразличную массу, люди впали в бессмысленное состояние и не стало человека, который мог бы сам решить, что полезно и какими признаками отличается благочестие от нечестия. Действительно, греки так глубоко упали в нравственном отношении, что даже в международных сношениях получили позорное прозвище лживых, лукавых и льстивых²⁸³. Если мы и встречаем в греческом обществе проявления по-видимому благочестивой настроенности, каковы постройки императорами церквей, монастырей, раздавание милостыни, усердие к богослужению, стремление многих проводить монашескую жизнь и т. п., то, в большинстве случаев, это было только религиозным лицемерием. Лицемерие так было сильно, что Евстафий Солунский писал против этого, особенно ненавистного ему порока, особое сочинение. Нравственная порча проникла во все классы общества. Императорский престол представляет нам почти непрерывный ряд злодеяний и преступлений; история интриг, разного рода насилий, жестокостей и даже убийств, которыми сопровождалось вступление на престол византийских императоров этого времени, известна. В жизни императоры были, по большей части, людьми без религиозных убеждений и нравственных правил; весьма часто они продавали свое православие за ожидаемую с запада помощь и весьма часто в делах управления и в отношениях к подданным являлись жестокими тиранами, попиравшими все нравственные законы. Высшие классы общества проводили жизнь распущенную, грабили казну для удовлетворения особенно развившейся в то время страсти к роскоши и задачею всей своей жизни поставляли

придворные интриги и наговоры против императоров. Чиновники отягощали народ поборами и разоряли целые области. Простой народ, забитый, ограбленный, обнищавший и невежественный, ограничивая благочестие исполнением одних обрядишь предписаний закона, погрязал в суевериях. Впрочем суеверия составляли в то время принадлежность всех классов общества, не исключая и императоров. Астрология, магия, прорицания, гадания и т. п. были в большом ходу. «Известно, говорит Хониат²⁸⁴, что наши императоры и шагу не смеют ступить, не посоветовавшись наперед с положением звезд». Действительно, покорность астрологии доходила до того, что императоры не хотели начинать сражения, или не переезжали из одного дворца в другой, если по астрологическим соображениям приходилось то и другое в несчастные дни. Императоры верили также в волшебников, гадателей и прорицателей и нисколько не стыдились обращаться к ним с запросами о своем царствовании или своих преемниках. Андроник Комнин обращался, напр., к одному гадателю на мутной воде и все бредни его принимал за истину²⁸⁵. Исаак Ангел, постоянно советовавшийся с астрологами, не оставил без внимания и почитаемого народом прорицателя Васильюшки, и однажды посетил его со всею своею свитою²⁸⁶. Даже такой образованный человек, как историк Никита Хониат, разделял народную веру в чудеса магии, в разного рода приметы и признавал магическую силу за так называемыми константинопольскими талисманами²⁸⁷. Духовенство, от которого следовало бы ожидать истинно-христианской жизни, также было деморализовано. Многие из патриархов, забывая свое святительское служение, принимали участие в придворных интригах, а некоторые из них положительно вели жизнь распущенную. Георгий Акрополит рассказывает²⁸⁸ о патриархе первой половины XIII в. Максиме, что он был угодником женщин, которые в свою очередь ему сильно покровительствовали, и что этим покровительством только можно объяснить возведение его в столь высокий сан. Григора рассказывает²⁸⁹ следующее о патриархе второй половины XIII в., Нифонт: «им успела овладеть низкая любовь к приобретению, к мирскому блеску и славе; она направила к этим предметам весь его природный смысл и всю его сообразительность. Не стану говорить о пышности его платья, о рьяных и статных лошадях, о роскоши стола и обо всем, что нежит тело, но и не развивает в нем толстоты и не портит цвета лица. Свободное время он уделял и женским занятиям, не с принуждением себе или без удовольствия, а со страстию, которой, по-видимому, не в состоянии был противиться. Такое настроение расположило его принять на себя заботы

об управлении женскими монастырями, частью для того, чтобы извлекать себе выгоды из построек, а частью и для того, чтобы иметь возможность постоянно бывать там для кутежа и пирушек». Епархиальные архиереи вместо того, чтобы заниматься управлением своими епархиями, приезжали часто без нужды в Константинополь и подолгу проживали здесь, интригуя друг против друга и против патриарха. По рассказу Григория²⁹⁰, строгий патриарх Афанасий (в конце XIII в.), выпроваживая из Константинополя епископов и митрополитов в их епархии и запрещая другим приезжать, говорил: «проживая здесь, пусть не наговаривают друг на друга и на меня самого, – они, обязанные быть учителями мира. Каждому, говорил он, следует пасти врученную ему паству, как патриарх пасет столичную, и руководить своих овец, находясь при них же, а не проживать в столице, и только получать оттуда доходы». Лица прочих степеней клира также не отличались благочестивою жизнью: небрежное исполнение обязанностей своего служения было общею их чертою. Нравственная порча коснулась даже монашеского сословия. Древние монастырские уставы не соблюдались строго. Монахи выходили из своих монастырей, появлялись в больших городах, особенно в Константинополе, разъезжали и ходили по улицам и площадям, втирались в дома богатых и даже в дворцы императорские и проводили вообще жизнь распущенную²⁹¹. Никита Хониат рассказывает²⁹², что когда ослепленный Исаак Ангел, при помощи крестоносцев занял императорский престол, то окружил себя нечестивейшими и богоненавистными иноками, только гонявшимися за царскими трапезами; обедая вместе с Исааком, поглощая равного рода самую свежую, самую жирную рыбу и попивая цельнейшее, старинное душистое вино, эти иноки предсказывали ему скорое обновление зрения и устройство под его властью всесветной империи. Евстафий Солунский, заботившийся о восстановлении строгости монашеской жизни и написавший с этою целью несколько сочинений, о современных ему монахах замечает²⁹³, что многие из них хлопотали о чудесности в своих обителях, часто говорили о собственных своих видениях, будучи сами сыты толковали о духовном насыщении и утешении добродетелию, о неусыпном своем бдении и проч. И когда рассуждая таким образом, привлекают кого в монашество, а тот выставит свои немощи и трудность подвига, ведут другую речь – о святости без труда, об углаженной дороге в рай и под. И вот, опустошивши карман новопостриженного и разграбивши его имущество, они предоставляют бедняку голодать и нуждаться. Если же он как-нибудь выскажет ропот, тотчас бросаются на него: «и что ты за человек? какая в тебе сила? какая

из тебя польза?» – и грозят подвергнуть большей епитимии, ссылаясь на церковные правила и монастырский устав, по которому всякий из братии обязан быть нестяжательным (хотя сами они обременены стяжаниями). – Против такой нравственной испорченности греческого общества возвышали свой голос некоторые из ревностных пастырей Церкви. В этом отношении особенно замечателен вышеупомянутый патриарх Афанасий, строгий аскет на патриаршем престоле. При вступлении его на престол все возлагали на него светлые надежды; думали, что на земле воскреснет истина и сойдет с неба правда²⁹⁴. Действительно, он ревностно взялся за исправление нравов мирян, клира и монахов; последних он, между прочим, водворил в монастырях и, таким образом, очистил от них площади и улицы²⁹⁵. Но против Афанасия возмутились все архиереи, монахи и миряне, которые не могли долее сносить его духовной суровости, – и он должен был оставить престол. И кто бы мог один, восклицает Григора²⁹⁶, остановить этот постепенный упадок Церкви, когда не мог этого сделать и патриарх, при всем своем желании?».

Впрочем, не одни только мрачные стороны представляет нам жизнь восточных христиан этого времени; мы видим в ней и светлые стороны. Церковь никогда не оскудевала праведниками; они были и в описываемое время. Кроме истинно-благочестивых пастырей Церкви, с которыми мы встречались в настоящем периоде, было много и других благочестивых христиан. Только люди добродетельные, в эту эпоху политических волнений и упадка государственной и общественной жизни в империи, скрывались вдали от общества; поэтому, мы не видим проявлений их благочестивой деятельности, хотя и знаем, что многие из восточных христиан претерпевали всевозможные бедствия и преследования за веру от срацин, турок и латинян и не отпадали от веры, а некоторые принимали даже мученичество. Не все также монастыри и монахи были деморализованы. Студийские и афонские монастыри с своими иноками были прекрасным исключением. В студийских монастырях сохранялись вполне правила Феодора Студита и монахи Студийские всегда отличались строгостью жизни и ревностью по вере. Афон поистине сделался Святою горою. Здесь во всей строгости восстановлено было древнее монашество отшельническое и общежительное. Одни иноки подвизались в совершенном уединении одиночно, или по два и по три вместе; другие соединялись в общежития, под управлением одного аввы, избираемого ими на год, вместе совершали богослужение и вместе добывали трудом средства к жизни, хотя жили в отдельных келлиях и, получая на свое содержание припасы от монастыря, имели каждый свое отдельное

хозяйство; иные же, наконец, проводили жизнь вполне общежительную по тем правилам, которые дол великий Пахомий, – не имели своей собственности, носили одинаковое платье, ели одинаковую пищу, несли одинаковые труды по добыванию средств к жизни, подчинялись одинаковым правилам послушания и т. и. Вообще же все афонские иноки проводили жизнь в молитве и трудах.

**Б. История римской церкви от окончательного
разделения церквей до реформации (1054–1517 гг.)**

Глава 1. Распространение римской Церкви

Миссионерская деятельность римской церкви в XI–XV в.в. приняла характер несвойственный христианству. Мирный путь распространения евангельского учения, при посредстве проповеди и убеждения, был оставлен; римская церковь, при обращении неверующих, охотнее допускает теперь насильственные меры – огонь и меч. Она не стесняется даже посылать своих миссионеров в те страны, где действуют православные миссионеры, вытесняет их и увлекает в латинство крещенных в православную веру; не стесняется также пропагандировать свое учение между православными христианами восточной церкви, как будто бы они были язычниками. – Таким образом распространено было христианство –

§ 15. В Европе

1) у Вендов. Еще в VI веке в северной и восточной Германии, от Вислы до Эльбы, по рекам и по берегам Балтийского моря, жили славяне, называвшиеся у германцев Вендами. Они разделялись на несколько племен, между которыми более известны Оботриты, Вильцы, Полабы, Поморяне, и друг. Венды вели постоянные войны с германцами за свою свободу и народность и потому неприязненно относились к германским проповедникам христианства; Около половины XI в. один вендский король, Готташалк, получивший христианское воспитание и крещенный, решительно приступил было к обращению своих подданных, но в 1066 году ожесточенные венды схватили его и принесли в жертву своим богам. Только в XII в., когда земли, занимаемые Оботритами, Вильцами и другими племенами, завоеваны были германскими князьями и особенно когда герцог саксонский Генрих Лев (1142–1162 г.г.) устроил несколько крестовых походов против Оботритов, христианство было упрочено между ними. В тоже время среди славянских племен, наполовину уже истребленных, поселено было много немцев, которые содействовали как обращению их в христианство, так и германизации их. Более мирным путем распространялось христианство между поморянами, жителями нынешней Померании. Польские короли давно уже стремились подчинить их себе, наконец, это удалось в 1121 году Болеславу III Кривоустому, который сделал своим ленником герцога поморян, Вартислава. Вместе с тем Болеслав отправил к поморянам Оттона епископа бамбергского для распространения между ними христианства. После довольно продолжительной деятельности Оттону удалось упрочить в Померании христианство, так что к концу XII в. поморяне все были уже христианами.

2) у Поруссов. Поруссы, народ литовского племени, издавна, – после ухода готов и других германских народов, – поселились в нынешней восточной Пруссии по всю сторону Вислы. Все попытки обратить их в христианство, начиная с X и до XIII в., оставались безуспешными; поруссы безжалостно умерщвляли немецких и польских проповедников. С начала XIII в., по благословению папы, против них начались крестовые походы, учрежден был даже орден прусских рыцарей. Но и это не помогло, – поруссы храбро отбивались от навязываемой им новой веры; орден прусских рыцарей почти весь был истреблен. Только с 1228 г., когда против поруссов выступил орден немецких рыцарей, завоевавший все их земли и построивший много крепостей, они должны были смириться и

принять крещение. Это было уже в конце XIII века. Вместе с упрочением христианства в Пруссии упрочилась и германская народность, так что поруссы скоро потеряли свои национальные особенности.

3) в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. Эти страны населили народы финского и литовского племени: ливы, латыши, эсты, куры и друг. Первоначально христианство распространялось между ними из России в форме православного восточного исповедания. Так в 1030 г. Великий князь Ярослав построил в земле эстов город Юрьев (Дерпт) с православными храмами, а преемники его посылали к обитателям Лифляндии священников. Но вскоре православные миссионеры вытеснены были отсюда миссионерами латинскими. В 1186 г. в Лифляндию прибыл с бременскими или любекскими купцами один латинский каноник Мейнгард с другими миссионерами, построил в Иксуле церковь и занялся обращением Ливов. Некоторые из них, действительно, крестились. Но вскоре Ливы начали подозревать в проповедниках христианства воинственные замыслы, и потому, по смерти Мейнгарда, получившего уже епископский сан, выгнали от себя его преемника Бертольда локкумского, а крещенные из них стали смывать с себя крещение в Двине. Бертольд, впрочем, скоро воротился с крестоносным ополчением и началось крещение огнем и мечем. Хотя он погиб (1198 г.) в борьбе с Ливами, но преемник его Альбрехт Бухсгевден продолжал насильственное обращение Ливов. Он построил город Ригу, в котором утвердил свою епископскую кафедру, и основал духовно-рыцарский орден меченосцев, назначением которого было силою оружия покорять христианству неверующих обитателей Лифляндии. Орден построил много крепостей и замков, отнял у русских Юрьев (Дерпт) и, при помощи оружия, в XIII в., обратил в христианство всех обитателей Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, хотя национальности их и не успел уничтожить, при всем своем фанатизме

и 4.) в Литве. Литовцы, обитавшие между Россией и Польшею, были грубыми язычниками. Но вследствие частых сношений с русскими и особенно вследствие брачных союзов их князей с русскими князьями, в начале XIII в. они стали мало-по-малу склоняться к православному христианству. Так в 1246 г. князь их Миндовг принял православие, хотя и не искренно, равно как принимали православие и другие их князья в XIII и XIV веках со многими из своих подданных. К латинянам же литовцы вначале относились крайне неприязненно, так как распространение ими христианства огнем и мечем у Ливов и Поруссов было известно им и они опасались подобной же участи. Но во второй половине XIV веки Литва совершенно случайно сделалась странюю католическою. Великим князем

литовским в то время (в 1381 г.) был Ягелло, крещенный в православную веру и носивший имя Иакова. Ему предложили руку наследницы польского престола Ядвиги под условием соединения Литвы с Польшею и крещения Ягелло и всех литовцев по латинскому обряду. Ягелло согласился и в 1386 г. в Кракове вместе с латинским крещением получил руку Ядвиги. Возвратившись в Литву, он начал насильно крестить своих подданных; причем оказалось, что многие из них приняли еще прежде православное крещение. Но и этих принуждали принимать латинство, так что некоторые из них за свою верность православию поплатились жизнью. Хотя, вслед за крещением литовцев, латинство объявлено было верою господствующею, но православие там никогда не уничтожалось.

§ 16. Вне Европы

1.) в Азии. В Азии латиняне устраивали разнообразные миссии; они вели пропаганду между православными, делами попытки обращать магометан и язычников. Но между православными, равно как и магометанами они не имели никакого успеха. Православные и без латинских миссионеров были христианами; от них требовали подчинении папе, чего они не могли выполнить, не изменяя христианству. Магометане же были настолько фанатичны, что не хотели даже вступать в рассуждения о христианской вере. Между язычниками – татарами и монголами, правда, латинские миссионеры имели некоторые успех, но, кажется, между этими народами еще успешнее их действовали миссионеры несторианские. И начале XI века несторианские купцы проникли в одно татарское царство ко внутренней Азии, к северу от Китая, и обратили л христианство самого цари. Этот царь в рассказах восточных и западных христиан сделался известным под именем пресвитера Иоанна, так как он будто бы вместе с крещением получил и пресвитерский сан. По тем же рассказам; царское и пресвитерское достоинство с тем же именем Иоанна переходило и к его преемникам. В половине XII в. слухи об этом царе священнике и его христианском царстве, в преувеличенном виде, дошли до Рима, и здесь решено было подчинить его апостольской церкви. Папа Александр III отправил к пресвитеру Иоанну письмо, в котором называл его любезнейшим во Христе сыном, знаменитейшим и величайшим царем индов, святейшим из священников и т. п. Какие последствия имело послание папы – неизвестно. Вскоре (в 1202 г.) и самое христианское татарское царство пало под оружием предводителя монгольских орд Чингисхана. Дочь пресвитера Иоанна сделалась женою Чингисхана; поэтому и последний склонялся к несторианскому христианству, Когда по смерти Чингисхана, монголы проникли в переднюю Азию и в Европу, на Западе явилась мысль обратить их в христианство. В 1245 г. папа Иннокентий IV отправил миссионеров к великому хану Куюку и его полководцу в Персии Байджу. Но последний, в ответ на предложение подчиниться папе, потребовал, чтобы сам папа, если хочет сохранить свою землю, подчинился великому хану, которого всевышний Бог сделал владыкою всего мира. Сам же Куюк, впрочем, довольно благосклонно отнесся к миссионерам, Поэтому, миссии продолжались. В 1249 г. Людовик IX Святой отправил миссионеров к хану Мангу, но успеха не было и на этот раз, хотя Мангу

принял христианское имя. По смерти Мангу громадное царство монголов разделилось между его братьями: один властвовал в Персии, другой в Китае. Монголы в Персии, с своими ханами, вскоре приняли магометанство и христианские миссии между ними прекратились. В Китай же папы продолжали посылать миссионеров. Так в 1275 г. папа Григорий X послал туда двух доминиканцев вместе с венецианцем Марком Поло, прославившимся описанием своего путешествия в Китай и пребывания там. Доминиканцы, впрочем, воротились назад, но Марк Поло достиг Китая, приобрел благосклонность великого хана Кублая, и прожил там до самой смерти последнего (1293 г.). Все-таки он не успел ничего сделать для христианства. Но замечательнейшим из всех миссионеров между монголами был францисканец Иоанн де Монте Корвино, посланный в Китай папою Николаем IV (1288–1292 г.) Пришедши в Пекин, он успел расположить в пользу христианства самого хана и некоторых монголов; пособием для этого послужили ему исторические картины из Ветхого и Нового Завета, которые он показывал с приличными объяснениями. Крещенные им Монголы образовали в Пекине христианскую общину в 6000 человек; для них Корвино перевел на Монгольский язык Новый Завет и Псалмы. По его просьбе папа Климент V в 1307 г. послал ему на помощь семь епископов, а самого его назначил архиепископом. В тоже время Корвино боролся с несторианским духовенством, которое также вело пропаганду между монголами в Китае. После смерти Корвино папы продолжали насыпать в Китай миссионеров. Но в 1369 г., когда монгольская династия в Китае была низвержена, и монголы были изгнаны, основанная Корвино христианская община погибла без следа. С этого времени латинская миссии во внутренней Азии совершенно прекратились.

2.) В Западной Африке и Америке. Открытия европейцев в западной Африке и Америке в XV веке дали возможность римской церкви заняться обращением народов, населявших новооткрытые земли. С древних времен европейцам известна была только северная и северо-восточная Африка; западная же и южная оставались совершенно неизвестными. В XV в. Португальцы познакомили Европу и с этими частями Африки. В этом отношении замечательны морские экспедиции португальского принца, Генриха Мореплавателя (1394–1463 г.). При нем открыты были острова Канарские, Азорские и западный берег Африки до Верхней Гвинеи. После него Варфоломей Диас (в 1486 г.) пошел еще дальше в открытиях, а Васко-де-Гама совершил первое плавание вокруг Африки мимо Мыса Доброй Надежды. В некоторых новооткрытых странах особенно на островах,

португальцы завели свои колония и упрочили свое господство. Вместе с господством они принесли сюда и христианство. Папа Евгений IV (1431–1447 г.)

признал за Генрихом Мореплавателем право на владение новооткрытыми землями, только под условием распространения в них христианства. В конце же XV в. открыта была Америка (1492 г.) Христофором Колумбом. Португальцы и Испанцы, вместе с завоеваниями, принесли и сюда христианство. Но они были дурными проповедниками; их алчность к золоту, грубое и жестокое обращение с туземными жителями, индейцами, возбуждали в последних ненависть к новой религии. К чести римских миссионеров, именно доминиканских монахов, пришедших в Америку к португальцами и испанцами, нужно сказать, что они, сколько возможно было, старались обуздывать жестокость и насилия завоевателей. Один из них, испанский епископ Варфоломей-де-лас Казас (ум. 1566 г.) выхлопотал даже у Карла V указ (1517 г.), которым запрещалось обращать американских индейцев в рабство, и тем спас их от совершенного истребления. Этот же епископ положил основание христианскому просвещению между новообращенными туземцами. Но уничтожение одного зла повело за собою другое, не менее постыдное; вместо индейцев португальцы и испанцы стали употреблять на работы негров, которых привозили из Африки и продавали, как обыкновенный рабочий скот

Глава 2. Папство и монашество

§ 17. Общий взгляд на развитие папской власти

Папская власть, поставленная на такую высоту Николаем I, после него в X и в первой половине XI века упала в значительной степени, с одной стороны вследствие вмешательства светских владетелей в дела папства и церкви, с другой – вследствие нравственной распущенности и недейтельности пап и духовенства. Но с половины XI века, когда неурядицы и бесчиния на папском престоле прекратились, папство снова начинает усиливаться. Прежде всего папы стараются освободиться от подчинения императорской власти и, после упорной борьбы, во второй половине XI и начале XII в., достигают своей цели; они делаются вполне независимыми и неограниченными властителями в церкви. Устранив вмешательство светских владетелей в дела церкви, папы простирают свою власть дальше. Приняв за основание, что церковь тогда только может быть вполне свободна, когда светская власть будет действовать под контролем власти духовной, они стремятся поставить в зависимость от себя царей и народы не только в делах духовных, но и светских. В начале XIII века папству, в лице Иннокентия III, удается достигнуть и этого. Папская власть стоит теперь выше власти государей; папы распоряжаются императорскими и королевскими коронами и судьбами народов. На такой власти папство держалось в течение почти всего XIII столетия, а затем снова начинается его упадок. Государь западной Европы начинают тяготиться опекою пап и, мало по малу освобождаясь от нее, в свою очередь, снова в большей или меньшей мере, подчиняют их своему влиянию. Это совершается в XIV и XV веках. В это же время папство впадает в крайнее нравственное растление, происходит множество беспорядков на папском престоле, совершается множество злоупотреблений в церкви, Против всего этого со стороны государства и общества заявляются протесты, которые оканчиваются реформацией.

§ 18. Состояние папства с половины XI в. до конца XIII века

Генрих III, низложив на соборе в Сутри в 1046 г. трех, бывших в то время, пап, возвел на папский престол Климента II (1040–1048 г.), а, по смерти его, Дамаса II, умершего вскоре после избрания. Распоряжаясь по своему произволу папским престолом, он окончательно подчинил пап своему влиянию, так что они были не больше, как его покорными вассалами. Но это крайнее подчинение папства светской власти было началом его освобождения. Идеи лжеисидоровских декреталий о папском всевластии, утвердившиеся прочно в западном христианском мире, оставались в силе и во время унижения папской власти. От пап требовались только анергия и твердость воли, чтобы снова, – как это было при Николае I, – провести эти идеи в жизнь. И папы второй половины XI века, действительно, своею энергиею и твердостью успели мало-по-малу поставить себя в независимое положение от светской власти. Впрочем, мысль об освобождении папства и церкви от светской власти зародилась первоначально в монастырях (преимущественно клонийской конгрегации). При всеобщей деморализации западного христианского мира, только в некоторых еще монастырях было живое сознание упадка церковной жизни и только здесь время от времени заявлялись желания исправить эту жизнь. Ревнители о благе церкви, выходявшие из монастырей, стремились прежде всего вывести папство из того бессилия и унижения, в котором оно находилось, и затем, при посредстве папской власти, уничтожить все церковные беспорядки, особенно симонию и разврат духовенства. Первое место в ряду таких ревнителей принадлежит монаху Клонийского монастыря, Гильдебрандту и аббату авельжекой пустыни Петру Дамиани. Гильдебрандт первый подал папам мысль об устранении императорского влияния на дела церкви и сам принимал деятельное участие в достижении этой цели, еще до своего вступления на папский престол.

Борьба пап с императорскою властью за свою независимость началась при преемнике Дамаса, Льве IX. По смерти Дамаса, римляне прислала к Генриху III посольство с просьбою назначить папу, Генрих назначил своего родственника епископа Брунона. Отправляясь в Рим, Брунон пригласил с собою туда же Гильдебрандта, с которым познакомился проездом чрез Францию, Гильдебрандт согласился, но только под тем условием, чтобы тот явился в Рим в качестве простого пилигрима и там

предложил свое избрание в папы на волю народа и клира. Брунон так и поступил; клир и парод признали его папою и он вступил на престол под именем Льва IX (1048–1054 г.). План Гильдебрандта об освобождении папства от императорского влияния начал осуществляться; участием римского народа и клира в избрании Льва устранялось уже некоторым образом императорское избрание его. Новый папа окружил себя людьми, желавшими уничтожить недостатки и злоупотребления в церковной жизни. Между прочим, Гильдебрандт сделан был кардинальным иподиаконом. Под влиянием этих людей Лев с жаром принялся за церковные реформы. Под своим председательством он держал несколько соборов в Риме, Реймсе, Майнце и Мантуе, на которых постановил строгие правила против симонии и разврата духовенства. Епископы и священники, зараженные тем или другим пороком, были низвержены, или преданы церковному покаянию; при этом наравне с развратом преследовались и законные браки духовных лиц. Лев IX не оставлял без внимания и политики. Так, он старался примирить Генриха III с королем венгерским Андреем и отлучил последнего от церкви, когда тот обманул его. В тоже время папа вооружался против норманнов, которые нападали на церковные владения; но предводительствуя лично против них войсками, он попал к ним в плен, а затем, по освобождении, вскоре умер. По смерти Льва IX, Гильдебрандт опять употребил хитрость, чтобы поставить избрание нового папы вне зависимости от императорской власти. Он отправился к Генриху III, во главе посольства от римлян, и доложил ему, что римский народ и клир желают иметь папою Гебгарда, епископа Эйхштадтского, родственника Генриха – человека весьма близкого и преданного ему. Император, не имея ничего возразить против избранного кандидата, должен был удовлетворить желание римлян, хотя и сильно не желал этого. Гебгарде вступил на папский престол под именем Виктора II (1055–1057 г.). Этот папа действовал в духе Гильдебрандта и его партии; особенно он вооружался против симонии. При выборе преемника Виктору Гильдебрандт решился совсем обойтись без сношения с императорскою властью, тем более, что Генриха III в это время не было уже в живых (ум. 1056 г.) и императорский престол перешел к его малолетнему сыну Генриху IV. Гильдебрандт устроил дело так, что народ и клир, без сношения с императорским двором, провозгласили папою тогдашнего аббата монте-кассинского монастыря, который и вступил на папский престол под именем Стефана IX. Но находя еще неудобным вступать в открытую борьбу с императорскою властью, Гильдебрандт позаботился представить германскому двору удовлетворительные

объяснения; прибыв в Германию, он доложил императрице, что Стефан выбран в папы без сношения с нею, вследствие народного возмущения. Стефан IX в продолжение своего осьмимесячного управления действовал вполне под влиянием партии Гильдебрандта, который сделан был теперь кардинальным архидиаконом. По смерти Степана партия графов тускуланских, желавшая захватить папский престол в свои руки, поставила папою Бенедикта X. Гильдебрандт был в это время в Германии; кардиналы, не имея возможности остановить избрания Бенедикта, под предводительством Петра Дамиани, удалились из Рима. Но Бенедикт не долго был папою. Гильдебрандт, возвратившись из Германии, избрал во Флоренции своего папу Николая II (1058–1061 г.), который вскоре и вступил в Рим при содействии Готфрида, герцога Лотарингского и Тосканского, союзника Гильдебрандта. Николай II, – конечно, по внушению Гильдебрандта, – прежде всего позаботился установить такой порядок избрания пап, при котором влияние народных масс и светских владетелей, в том числе и императоров, не имело бы места. В 1059 году на латеранском соборе, в этих видах, было постановлено, что избрание папы принадлежит коллегии кардиналов т. е. епископам, пресвитерам и диаконам, состоящим при папе и его кафедральной церкви. Прочий же клир, а также народ должны только согласовать выбор кардиналов; что же касается императора, то, – было постановлено на соборе, – он утверждает избрание папы, насколько это право предоставлено ему от апостольского престола. Формальное соборное определение, по расчетам Гильдебрандта, должно было на будущее время поставить избрание пап вне всякого чуждого влияния. Вторым делом Николая, по мысли того же Гильдебрандта, было заключение местного союза с норманнами. Доселе папы находились с ними во враждебных отношениях и нередко подвергали их анафеме. Но теперь в Риме рассчитали, что норманны из врагов могут сделаться полезными для папского престола союзниками, если папа формально признает за ними права их на завоеванные ими в южной Италии земли. Николай постарался привести этот план в исполнение. Он сам отправился к норманнам, снял с них все анафемы прежних пап и утвердил за ними все их владения. Взамен этого норманнские князья Ричард и Роберт Гвискар, по предложению папы, признали себя ленниками папского престола и обязались защищать как Николая, так и его преемников от всех врагов. Для норманнов такие условия были выгодны; сами они ничего не теряли, а между тем, по приглашению пап, могли законным образом совершать свои опустошительные набеги. Это и случилось, когда Николай, для обеспечения себя со стороны графов

тускуланских, предложил Роберту Гвискару опустошить их владения. Папа Николай II не оставлял и церковных реформ, предпринятых его предшественниками. Симония и разврат, равно как и законные браки духовных лиц, преследовались еще о большею, чем прежде, настойчивостию. Епископов симонистов положено было низвергать, а поставленных ими клириков, – так как их было много, – подвергать церковному покаянию; клирикам, имевшим связи с женщинами, запрещено было совершать богослужение и участвовать в церковных доводах; в народе распространено было мнение, что священники зараженные симониею и николаитскою ересью т. е. имеющие связи с женщинами, не истинные пастыри, и что в богослужении, совершаемом ими, не должно принимать участия и т. п. Такие крутые меры произвели большие волнения в западной церкви. Народ в своем презрении к священникам, получившим сан за деньги и состоявшим в законных и незаконных связях с женщинами, доходил до фанатизма и хотел оставаться совсем без священников. Так было в Медиолане и во Флоренции; где народ формально отверг все свое духовенство, – Преемник Николая II, Александр II (1061– 1073 г.) выбран был порядком, установленным на латеранском соборе 1059 г., т. е. коллегиею кардиналов и утвердился на папском престоле, несмотря на то, что партия, противная Гильдебрандту, опиравшаяся на императорскую власть, избрала своего папу. Александр II чувствовал себя уже настолько независимым от германского двора, что в 1072 г. призывал в Рим на суд самого Генриха IV по жалобам на его притеснении саксонцев, а раньше воспрепятствовал ему развестись со своею женою. Церковные реформы продолжались и при этом папе.

По смерти Александра II (1073 г.), кардинал Гильдебрандт, заправлявший церковными делами и избранием пап в течение последних двадцати лет, решился, наконец, сам занять папский престол. Избранный коллегиею кардиналов, он вступил в управление церковию под именем Григория VII (1073–1085 г.); германскому двору послано было только простое известие об его избрании. Григорий занял папский престол в то время, когда, по его расчетам, удобно было осуществить те идеи о папском всевластии, которые давно созрели в его голове и сформировались в цельную систему. Усвоив себе давний взгляд римской церкви на папу, как на заместителя Христова на земле, Григорий хотел под папским владычеством основать всемирную феократическую монархию. Как верховный повелитель этой монархии, папа, по его представлению, должен властвовать не только над духовными, но и над всеми светскими

властями. Всякая власть в мире, и духовная и светская, не исключая и императорской, ниже папской власти и должна находиться в подчинении у нее; так как всякая власть получает свое освящение и свой авторитет от папы. В случае злоупотреблений со стороны властей духовных и светских, папа имеет право лишать их преимуществ, соединенных с их званием и отдать эти преимущества кому либо, другому по своему усмотрению. Словом, папа, по мысли Григория, имеет власть раздавать как епископские омофоры, так и королевские; и императорские венцы. – Для осуществления этих идей сделано было достаточно предшественниками Григория, по его внушению. Ему самому предстояло если не довести до конца дело возвышения папства, то по крайней мере, облегчить достижение этой цели последующим папам. Григорий начал с уничтожения брачной жизни духовенства, так как в этом уничтожении видел средство к возвышению папства; по его соображениям клирики, не связанные с миром своею брачною жизнью, скорее и удобнее могли примкнуть в папскому престолу и сделаться его ревностными слугами. Повторив на соборе в Риме в 1074 г. определения прежних пап против разврата и брачной жизни духовенства, Григорий постановил – всех священников, продолжающих связи с женщинами, низлагать немедленно. А для того, чтобы это определение не оставалось только на бумаге, он разослал повсюду своих легатов, которые должны были следить за его выполнением, и в тоже время против женатых священников возбудил монахов, а чрез них и народ. Начались возмутительные преследования женатых священников; доходило даже до кровопролитий. Как бы то ни было, воля Григория исполнилась; священников, состоявших в браке, не было более. Но разврата в духовенстве он не уничтожил. Гораздо труднее было выполнить другой план для возвышении папской власти, – уничтожить инвеституру т. е. право светских владетелей раздавать духовные должности посредством вручения кольца и пастырского жезла. В 1075 г. Григорий открыл в Риме второй собор, на котором, запретив инвеституру, постановил – всех духовных, получивших свои должности от светских владетелей при посредстве инвеституры, низлагать, а светских владетелей, производящих инвеституру, отлучать от церкви. И это определение Григорий захотел привести в исполнение. Дело началось с Германии. Папские легаты явились к Генриху IV и представили ему замечания относительно порядка замещения духовных должностей на будущее время. Генрих, отправлявшийся в то время на войну с саксонцами, согласился выполнить требования папы. Но, возвратившись из похода, он по-прежнему и еще хуже стал производить инвеституру.

Тогда (1076 г.) папа потребовал его к себе в Рим на суд. Генрих, оскорбленный притязательностью папы, с насмешками отослал от себя его послов, собрал в Вормсе (1076 г.) из германских епископов собор и приказал им низложить Григория. Григорий, получив постановления собора, в свою очередь на соборе в Риме отлучил от церкви Генриха и всех епископов, бывших на соборе; в тоже время он объявил Генриха лишенным королевского достоинства, разрешил от присяги его подданных и поручил германским князьям выбрать нового короля. Распоряжения папы не имели бы никакого значения, если бы Генрих своим деспотизмом не воспротивился германским князьям и если бы они, поэтому, не перешли на сторону папы. Собравшись на сейм в Трибуре, князья решили, что если Генрих в течение года не получит разрешения от папы, то будет лишен престола. В тоже время они просили папу прибыть на сейм в Аугсбург для суда над королем; до того же времени Генрих должен был оставить управление и жить частным лицом. Оставленный всеми, Генрих решился во что бы то ни стало примириться с папою и с этою целью отправился в Италию. Свидание короля и папы произошло в замке тосканской маркиграфини Матильды, Каносс. Генрих, в продолжение трех дней, с утра до вечера, стоял на дворе замка, в одежде кающегося и с босыми ногами, не принимая пищи, и умолял папу о снятии отлучения. Папа простил его, но под тем условием, чтобы его дело было разобрано германскими князьями на сейме. Генрих, впрочем, скоро понял свою оплошность и решился вступить в открытую борьбу как с папою, так и князьями. При таком обороте дела, германские князья выбрали своим королем Рудольфа Швабского, который и начал войну с Генрихом. Папа признал Рудольфа королем, а на Генриха снова наложил отлучение (1080 г.). Но Генрих не падал духом. Собрав приверженных ему епископов, он в свою очередь на соборах в Майнце и Бриксене (1080 г.) повторил низложение Григория и выбрал нового папу Климента III. Между тем, и политические дела его поправились. Рудольф швабский в одном сражении был убит и Генрих упрочил за собою власть в Германии. Теперь он решился покончить дело с папою. В 1084 г. он взял Рим, возвел на папский престол Климента и получил из рук его императорскую корону. Григорий же заперся в замке св. Ангела и решительно отказывался от всяких переговоров с Генрихом. Генрих ушел из Италии только тогда, когда на помощь Григорию пришел норманнский герцог Роберт Гвискар. Этот взял Рим и освободил папу. Но Григорий не мог утвердиться в Риме, так как римляне были недовольны поведением его союзников, норманнов. Поэтому он удалился в Салерно, где и умер (1085 г.).

Три папы, – Виктор III (1085–1087 г.г.), Урбан II [1087–1099 г.] и Пасхалис II [1090–1118 г.г.], – управлявшие церковью после Григория, были его учениками и старались поддерживать его планы. Поэтому, борьба с императорскою властью за инвеституру продолжалась и при них. Ход борьбы тот же, что и при Григорие. Папы требуют уничтожения инвеституры, подвергают императоров отлучению от церкви, составляют против них политические союзы и вообще изыскивают средства оградить себя от их насилий; императоры, – Генрих IV, а потом сын его Генрих V, – приходят с войсками в Италию и выгоняют пап из Рима. Урбану II особенно посчастливилось в этой борьбе. Проповедию о крестовом походе в Палестину против неверных, на соборах в Пьяченце и Клермоне (1095 г.) он возбудил фанатическое одушевление в народных массах и сумел воспользоваться этим одушевлением для своих целей; сформировавшееся крестonosное ополчение, прежде похода в Палестину, выгнало из Рима поставленного Генрихом IV папу Климента, – и Урбан спокойно занял престол. Настойчивость пап в борьбе с императорами принесла свои плоды. Вторым²⁹⁷ преемник Пасхалиса, Калликст II [1119–1124 г.] добился того, что Генрих V и германские князья заключили с ним выгодный для папства договор относительно инвеституры. В 1122 г. на сейме в Вормсе, при участии папских легатов, были определены с одной стороны права папы, с другой – права императора в назначении на духовные должности. Папе, как духовному главе, предоставлена была духовная инвеститура т. е. право избирать и посвящать епископов и аббатов, согласно церковным законам, вместе с вручением им кольца и жезла, а императору, как светскому главе, предоставлена инвеститура светская т. е. право раздавать тем же епископам и аббатам имперские лены и брать с них ленную присягу. Это, так называемый, вормский конкордат. Одно только в нем было невыгодно для папства, это прибавка, на которой успел настоять император, чтобы в Германии епископы выбирались в его присутствии. Все-таки в следующем 1123 г. этот договор между церковью и государством был утвержден на первом латеранском соборе²⁹⁸. При преемнике Калликста Гонории II (1124–1130 г.), впрочем, из Вормского конкордата была вычеркнута прибавка об избрании епископов в присутствии императора. На это согласился, по предложению папского легата, император Лотарь II при своем избрании в 1125 г.

Вормским конкордатом папство окончательно устранило влияние светской власти на дела церкви. Папам возможно было теперь приступить к дальнейшему осуществлению феократических планов Гильдебрандта. И мы видим, действительно, более энергичные преемники Гонория

вступают в борьбу с царями и народами не только за сохранение приобретенной независимости церкви, но и за верховное господство церкви над государством. Папа Иннокентий II (1130–1143 г.), не стесняясь, начал уже открыто завилать, что императоры свое достоинство получают как лен от папы²⁹⁹. Но этому же папе пришлось начать упорную борьбу с римлянами за свое светское господство. В его правление германские императоры Лотарь II и Конрад III мало занимались делами Италии. Следствием этого было то, что здесь монархические начала ослабели и взамен их стали упрочиваться начала республиканские. Но стремления итальянцев к самоуправлению встречали отпор в епископах и папе, которые пользовались в Италии правами светских владетелей. Поэтому из среды народа стали раздаваться голоса и против светской власти иерархии. Представителем такого церковно политического движения был один молодой духовный Арнольд Брешианский. Изучая древних философов, он особенно увлекся идеальной республикой Платона и мечтал основать такую республику в Риме, а изучая Св. Писание, пришел к убеждению, что церковь и иерархия его времени совершенно уклонились от церкви и иерархии времен апостольских. Вследствие сего он начал проповедовать, что клиру вообще неприлично светское господство и что папство, обладающее духовною и светскою властью, не есть христианское. С своею проповедью Арнольд обошел многие итальянские города и явился в Риме. Папа Иннокентий II поспешил на втором³⁰⁰ латеранском соборе осудить его и его учение, почему он должен был бежать в Швейцарию. Но мысли Арнольда приняты были многими; в 1143 г. римляне отказали Иннокентию в повиновении в светских делах, а, по смерти его в том же 1143 году, вступили в открытую борьбу с его преемниками Целестином II и Луцием II. Возвратившийся из Швейцарии Арнольд образовал в Риме республику с сенатом и со всеми древне-республиканскими учреждениями. Папа Луций хотел было силою восстановить свою власть, но при штурме Капитолия был убит (1145 г.). При таком положении дел, преемник его, Евгений III (1145–1153 г.) должен был бежать из Рима. Он удалился во Францию, где нашел поддержку у своего учителя и друга аббата Бернарда Клервосского, который у современников пользовался репутациею святого и пророка. По влиянию Бернарда, Евгений всюду признан был законным папою. В тоже время Бернард, по поручению папы, начал проповедовать крестовый поход (второй). Это еще более придало значения Евгению, так что он в 1152 г. мог заключить с римлянами договор и возвратиться в Рим, хотя Арнольд не отказывался от своей республики. В 1153 г. Евгений умер. Преемник его, Адриан IV (1154–1159

г.) одержал окончательную победу над Арнольдом, наложив на римлян интердикт, а новый император Фридрих I Барбаросса (1152–1190 г.) помог папе схватить и казнить Арнольда (1155 г.). Но освободившись от одного противника своей власти, папа вскоре должен был вступить в борьбу с другим, гораздо опаснейшим. Императорская власть в Италии, как замечено было выше, в последнее время значительно ослабела. Задачу восстановить ее во всей силе принял на себя Фридрих Барбаросса. Отсюда, столкновение между ним и папою было неизбежно. Повод к столкновению подал сам Адриан. Заявляя открыто свои притязания на верховное господство в Италии, он неосторожно затронул самого Фридриха, высказавши в письме к нему, что императорское достоинство есть лен папы. Фридрих захотел доказать противное. В 1158 г. он пришел в Италию и держал на Ронкальских полях сейм, на котором определены были права императора по отношению к Италии. Между прочим, на сейме было заявлено, что от подчинения императору не изъяты и епископы и что папа, если пользуется светскою властью, то не по божественному праву, а по расположению королей, давших ему эту власть. По поводу подобных заявлений начались горячие переговоры между папою и императором. Адриан страшно разгневался и хотел было предать Фридриха отлучению, но вскоре умер. Адриан IV положил начало той борьбе пап с императорами из дома гогенштауфенов, которая велась целое столетие. Эта борьба грозила папству, с его духовною и светскою независимостию, серьезною опасностию, и потому оно употребляло все усилия, чтобы окончить ее с успехом. При выборе преемника Адриану кардиналы разделились; одни – и большинство – выбрали Александра III (1169–1181 г.), жаркого противника императора, другие Виктора IV (1159–1164 г.), его приверженца. Фридрих воспользовался этим обстоятельством, чтобы подчинить своему влиянию папство. Он созвал собор и потребовал к своему разбирательству обоих пап. Виктор явился, но Александр решительно высказался против вмешательства императоров в дело избрания папы и не только не пошел на собор, но даже предал отлучению как Фридриха, так и Виктора. Хотя после этого Фридрих признал законным папою Виктора и в 1167 г. успел выгнать из Рима Александра и посадить на престол своего второго папу Пасхалиса III (1164–1168 г.) – Александр в союзе с ломбардскими городами продолжал энергически отстаивать свои права на папский престол. С течением времени дела Фридриха в Италии приняли неблагоприятный оборот, и он вынужден был в 1177 г. просить у Александра мира, который и был заключен на выгодных условиях для последнего. Незадолго до этого Александр III

одержал другую еще более блистательную победу над английским королем Генрихом II (1154–1189 г.). В Англии, папы Пасхалис II и Иннокентий II, добившись уничтожения инвеституры, наставили церковь и иерархию в положение независимое от королевской власти. Недовольный этим, Генрих II решил снова подчинить церковь государству. С этой целью он поставил архиепископом Кентерберийским своего канцлера Фому Бекета, человека вполне ему преданного, а затем на сейме в Кларендоне (1164 г.) провел постановление (16 кларендонских статей) о подчинении английской иерархии власти короля и народа. Но Генрих сверх ожидания встретил противника своим постановлениям в Фоме Бекете, который, принявши архиепископский сан, сделался горячим поборником иерархических интересов. Хотя Бекет и подписал кларендонские постановления, но вскоре начал публично раскаиваться в этом и просил папу разрешить его от клятвы, данной при подписи. Генрих был раздражен поведением своего бывшего канцлера, почему последний должен был бежать во Францию. Папа принял, конечно, его сторону. Так как Генрих нуждался в поддержке папы в предпринятом им завоевании Ирландии, то и решил примириться с Бекетом. В 1170 г, последний возвратился в Англию. Но Бекет все-таки не хотел уступить королю; он немедленно отлучил от церкви всех епископов, принявших кларендонские постановления. Генрих, узнав об этом, пришел в страшнейший гнев и высказал желание освободиться от неуступчивого противника. Четыре рыцаря, желая оказать услугу королю, напали на Бекета в церкви и убили его. Это обстоятельство всего более повредило Генриху. Общественное мнение обвиняло его самого в убийстве Бекета; папа Александр угрожал ему проклятием. Генрих спасся только тем, что отменил (1172 г.) кларендонские постановления. Фома же Бекет признан был папою святым и мучеником. Последним важным делом Александра III было дополнение постановления Николая II об избрании пап. На третьем³⁰¹ латеранском соборе (1179 г.) было постановлено, что только тот папа должен признаваться законным, который избран двумя третями кардиналов; папа же, избранный остальным меньшинством, подлежит отлучению. – После Александра III, с такою твердостью отстаивавшего папские интересы, папство на некоторое время стушеввалось. Его преемники³⁰² были не довольно сильны, чтобы противостоять такому могущественному государю, как Фридрих Барбаросса. Последний, упрочив свое господство в верхней Италии, задумал подчинить своему влиянию так называемое королевство обеих Сицилий т. е. владения норманнских князей, считавшихся со времен папы Николая II ленниками

папского престола. В этих видах он женил своего сына Генриха на единственной наследнице Сицилийской короны, Констанции. Папы, хотя и желали помешать «тому браку, но не могли. Сын Фридриха, Генрих VI (1191 –1197 г.), поддерживал планы своего отца. Он сделался настоящим повелителем всей Италии; папы были сильно стеснены даже в самом Риме, где распорядился императорский префект. Но Генрих вскоре умер [1197 г.] и дела приняли благоприятный для папства оборот.

Генрих VI оставил после себя малолетнего сына, Фридриха. Правительницею королевства обеих Сицилий сделалась мать его, Констанция, а в Германии князья решились избрать нового императора. На папский престол, между тем, вступил Иннокентий III [1198–1216 гг.], один из умнейших политиков своего времени. Обстоятельства вполне благоприятствовали папству. Иннокентий постановил задачей своей деятельности восстановить светскую власть пап в церковной области, освободить Италию и особенно королевство обеих Сицилий от господства немцев и, наконец, утвердить свою власть над всеми христианскими государствами, царями и народами. Со своим обширным умом, твердою волею и необыкновенною находчивостию он, действительно, успел достигнуть всего этого и после своей смерти оставил папство на той высоте, на которой желал его видеть Гильдебрандт. Иннокентий начал с Рима. Немедленно же, по вступлении на престол, он заставил присягнуть себе в верности префекта Рима, назначенного императором, и этим уничтожил императорскую власть над Римом. Сделав тоже в других городах церковной области, Иннокентий образовал самостоятельное папское государство. Затем восстановив против императорской власти остальные итальянские города и обеспечив себе их поддержку, папа взялся за королевство обеих Сицилий. Здесь обстоятельства так хорошо сложились, что Констанция сама просила Иннокентия утвердить за нею и ее сыном владение королевством, как леном папского престола; пред смертью же своею (1198 г.) она завещала папе опеку над сыном. Иннокентий, приняв предоставленную ему власть, распорядился воспитанием молодого Фридриха, а в Сицилию послал своего легата, который и управлял ею по его указаниям. Покончив дела в Италии, Иннокентий обратил свое внимание на другие государства и особенно на Германию. В последней шла борьба за императорское достоинство между Филиппом Швабским и Оттоном Саксонским. И тот и другой обратились за помощью к папе. Иннокентий, после формального разбирательства дела, наконец, в 1201 году признал императором Оттона, а в 1209 г. возложил на него в Риме императорскую корону. Оттон, при своем

избрании и коронации, обещав папе охранять все права и преимущества апостольского престола, присоединить к церковной области новые владения в Италии и проч. Но, получив императорскую корону, он начал действовать совершенно вопреки своим обещаниям. В видах упрочения императорской власти в Италии он объявил многие из папских владений имперскими ленами и сделал нападение на королевство обеих Сицилий. Тогда Иннокентий отлучил Оттона от церкви (1210 г.) и объявил лишенным императорского достоинства, а германским князьям предложил выбрать в императоры своего воспитанника Фридриха II, который, действительно, и сделался императором. При этом папа, в виду отделения Сицилийской короны от германской, настоял, чтобы Фридрих со временем предоставил ее своему сыну. С таким же успехом Иннокентий III проявлял свою власть и над другими государями западной Европы. Французского короля Филиппа Августа заставил принять снова отверженную им супругу Ингебургу (1201 г.); Леонскому королю (в Испании), Альфонсу IX, женившемуся на своей племяннице, приказал развестись с нею; Португальского короля Санчо I, отказавшегося платить дань апостольскому престолу (по договору с Александром III), принудил снова платить ее и друг. Но самую блистательную победу Иннокентий одержал над английским королем Иоанном Безземельным. В 1207 г. папа, вопреки желанию короля, назначил Кентерберийским архиепископом своего кардинала Стефана Лангтона. Иоанн Безземельный не захотел его принять. Папа наложил по этому случаю на Англию интердикт (1208 г.). Но король и этим не смутился, – он начал преследовать епископов за выполнение интердикта. Тогда папа отлучил его от церкви (1209 г.) и, когда эта мера не подействовала, объявил лишенным престола (1212 г.) поручив французскому королю Филиппу Августу вступить в управление Англией. В тоже время против короля восстали подданные, ненавидевшие его за его жестокость. Положение Иоанна Безземельного было крайне затруднительно. Желая во что бы то ни стало удержать за собою корону, он счел за лучшее покориться папе; принял Лангтона, освободил от преследования епископов и признал даже себя ленником папы, обязавшись платить ему ежегодную ленную подать. После этого папа возвратил ему корону. Со времени основания латинской империи в Константинополе [1203 г.] Иннокентий простирает свое влияние и на значительную часть востока. Свое блестящее правление Иннокентий заключил четвертым³⁰³ латеранским собором [1215 г.], на котором, кроме множества епископов, аббатов и приоров, присутствовали многие из государей Западной Европы. Постановления собора касались вероучения, канонического права,

церковной дисциплины и проч.

После Иннокентия III на папский престол вступил Гонорий III (1216–1227 г.). Император Фридрих II, освободившись со смертью Иннокентия III от его стеснительной опеки и получив возможность действовать по отношению к Италии самостоятельно, без сомнения поссорился бы с этим папою. Но Гонорий был человек добрый и уступчивый, и потому между ним и императором установились мирные отношения. К тому же Фридрих постоянно ласкал папу надеждою предпринять крестовый поход в Палестину, как он обещал это еще папе Иннокентию. Гонорий, впрочем, не дождался этого похода. Следующий папа Григорий IX (1227–1241 г.) настоятельно уже потребовал от Фридриха крестового похода. Для этого папы собственно крестовый поход был неважен; ему хотелось заставить императора исполнить свое обещание. Дело в том, Фридрих, пользуясь уступчивостию предшественника Григория, начал мало по малу восстанавливать свою власть в Италии и, что опаснее всего было для папства, – не захотел отделить Сицилийской короны от германской. По настоянию Григория Фридрих, наконец, в 1227 г. отправился в Палестину. Но так как в его войсках появились болезни, то он чрез три дня воротился. Папа, не обращая внимания на причину возвращения, предал императора отлучению за непослушание. Но и Фридрих в свою очередь не обратил внимания на отлучение папы, – не получивши разрешения, он в 1228 г. опять предпринял крестовый поход (пятый), посредством мирных переговоров возвратил от турок Иерусалим, возложил на себя Иерусалимскую королевскую корону (на которую имел право вследствие бракосочетания с Иолантою, наследницею иерусалимского королевства) и в 1229 г. возвратился на запад.

Папа был недоволен и успехами Фридриха и его возвращением. Все-таки в 1230 г. они примирились. Но вскоре между императором и папою началась борьба на жизнь и смерть. Фридрих, поддерживая политику отца и деда, продолжал с особенною настойчивостию и даже жестокостию упрочивать свою власть в Италии и Сицилии. При этом коснулся и папских владений. Григорий соединился с ломбардскими городами для открытой борьбы с императором и в 1239 г. снова предал его отлучению. Тогда Фридрих обратился с посланием к князьям и кардиналам, в котором, высказав все несправедливости папы по отношению к нему, называл Григория врагом всех государей и обещал вскоре освободить всех от папской тирании. Григорий отвечал на это своим посланием ко всем князьям и прелатам земли, в котором выставлял Фридриха человеком совершенно неверующим³⁰⁴. Началась неприличная брань между

духовным и светским главою западного христианского мира. Папа называл императора апокалипсическим зверем, а император называл папу пьяницей и прибавлял, что он, в состоянии опьянения, называет себя повелителем неба и земли. В 1240 г. Фридрих подступил к самому Риму. Папа решился на последнюю меру, – назначил на 1241 г. всеобщий собор, рассчитывая при этом на французских епископов, как не подчиненных Фридриху. Но, когда французские епископы ехали в Рим на генуезских кораблях, Фридрих распорядился забрать их всех в плен. Затем, вступив в Рим, он к пленным епископам хотел присоединить еще самого папу. Но Григорий не выдержал такого гнета, – в 1241 г. он умер с горя. Преемником его был Целестин IV, умерший чрез три недели по избрании. Затем папский престол два года оставался не занятым, по случаю раздора между кардиналами. Уже в 1243 г. выбран был папою Иннокентий IV (1243–1254 г.). И этот папа продолжал борьбу с Фридрихом. Удалившись во Францию, он собрал (1245 г.) в Лионе собор³⁰⁵, проклял на нем Фридриха, как еретика и святотатца и объявил его лишенным престола, пригласив германцев и сицилийцев выбрать нового государя. Среди борьбы с этим папою Фридрих, наделавший папству так много зла, умер (1250 г.). Иннокентий, узнав о его смерти, с восторгом объявлял о ней всему миру, как о событии, радостном для неба и земли. Дети Фридриха Конрад IV и Манфред, по смерти его занялись упрочиванием императорской власти первый в Германии, второй в Неаполе и Сицилии. Конрад скоро умер, оставив сына Конрадина. Как Иннокентий IV, так и его преемники, Александр IV (1264–1261 г.), Урбан IV (1261–1266 г.) и Климент IV (1265–1268 г.) продолжали борьбу с этими последними гогенштауфенами. Урбан и Климент, чтобы вытеснить из Неаполя и Сицилии гогенштауфенов, противопоставила им французского принца Карла Анжуйского. Последний, по приглашению пап, явился в Италию с крестоносным ополчением и начал борьбу с гогенштауфенами. Манфред был убит в сражении, а Конрадин, последний гогенштауфен, взят в плен и казнен Карлом в Неаполе (1268 г.) не без ведома папы Климента.

Таким образом, после столетней упорной борьбы, папство одержало полную победу над враждебным императорским домом гогенштауфенов. Казалось бы после этого оно достигло полного блеска своей власти. Но почти с этого самого времени начинается упадок папства. Карл Анжуйский, обязанный своим владычеством над Неаполем и Сицилией папам и надававший им много обещаний, оказался слишком опасным соседом для Рима. Он стремился занять в Италии такое же положение, какое занимали императоры, и это удавалось ему тем легче, что, по смерти

Климента, папский престол три года был праздным вследствие несогласий между кардиналами при выборе папы. Только в 1271 г. папою был избран Григорий X (1271–1276 г.). Этот папа держал знаменитый лионский³⁰⁶ собор (1274 г.), на котором решена была лионская уния. На этом же соборе Григорий, в предупреждение раздоров между кардиналами при выборе папы, провел постановление – по смерти каждого папы немедленно запирает кардиналов в конклаве для избрания нового и при этом уменьшать им пищу до тех пор, пока они не согласятся в выборе. Григорий X понимал уже, какая опасность угрожает папству со стороны Карла Анжуйского, и потому старался ослабить его власть в Италии. А папа³⁰⁷ Николай III (1277–1280 г.) заключал против него союзы с императорами германским Рудольфом и Византийским Михаилом Палеологом. Карл все-таки был настолько силен в Риме, что по смерти Николая настоял на избрании в папы преданного ему Мартина IV (1281–1285 г.); но Николай успел пред смертью подготовить для него восстание в Сицилии, известное под названием сицилийской вечерни (1182 г.). Последующие папы, – Гонорий IV [1285–1287 г.], Николай IV [1287–1292 г.] и³⁰⁸ Целестин V [1294 г.], – при начавшихся в Италии политических волнениях, – находились в затруднительном положении. Папство видимо теряло свое значение.

§ 19. Состояние папства с конца XII в. до начала XVI в

Целестин V, проводивший до своего избрания на папский престол (1294 г.) жизнь отшельническую, был совершенно незнаком с мирскими делами, и потому в наступившие трудные времена оказался неспособным правителем церкви. Это понимали его кардиналы и особенно кардинал Кайетан, желавший сам занять папский престол. Дело устроено было так, что Целестин сам отказался от престола, а на его место выбран Кайетан, принявший имя Бонифация VIII (1294–1303 г.). Новый папа был человек умный, энергичный, но в высшей степени честолюбивый и увлекающийся. Он поставил своей задачей вернуть папству то влияние, которым оно пользовалось при Григории VII и Иннокентие III. Но, благодаря отчасти своему характеру, отчасти дурно сложившимся обстоятельствам, Бонифаций уронил папство еще более. К концу XIII века все сильнее и сильнее стали раздаваться голоса против вмешательства пап в светские дела; государи начали заботиться об освобождении от папского влияния, и один из них французский король, Филипп IV Красивый (1285–1315 г.) нанес папскому всемогуществу, в лице Бонифация VIII, первый жестокий удар». Филипп Красивый вел войну с английским королем Эдуардом I. Бонифаций, по обычаю прежних времен предложил свое посредничество. Филипп, не желая вмешательства папы, отверг его предложение. Уже это одно сильно раздражило Бонифация. Но еще в большее раздражение пришел он, когда Филипп, для покрытия военных издержек обложил податями французское духовенство. Папа решился своею властью остановить короля. В 1296 г. издал буллу, в которой, не называя, впрочем, Филиппа по имени, угрожал отлучением от церкви всем мирянам, налагающим подати на духовенство, и всем духовным, платящим подати. Филипп отвечал на буллу запрещением вывозить из Франции драгоценные металлы. Так как, вследствие такого распоряжения, папа терял свои доходы во Франции и в тоже время итальянские купцы обвиняли его в подрыве их торговли, то он должен был уступить. Булла была объяснена им таким образом, что духовенству не запрещается делать добровольные пожертвования на нужды государства. Примирение между папою и королем на время состоялось; Филипп принял даже предложение папы о посредничестве. Но, когда Бонифаций, в своей роли третейского судьи, начал поддерживать английского короля, враждебные отношения между ним и Филиппом начались снова. Вскоре вражда перешла в борьбу на жизнь и смерть. В 1303 г. Бонифаций отправил к Филиппу легатом одного

французского епископа, который так дерзко объяснялся с королем, что тот приказал арестовать его, как государственного преступника, не обращая внимания на требование папы передать это дело ему на суд. Такой поступок Филиппа привел папу в величайший гнев, он немедленно написал ему такого рода письмо: «бойся Бога и сохраняй Его заповеди. Желаем, чтобы ты знал, что в духовных и временных делах ты подчинен нам..., Думающих иначе мы считаем еретиками». В тоже время он послал другое письмо, в котором приглашал Филиппа с французским духовенством прибыть в Рим или лично, или прислать уполномоченных для объяснений по делам французского государства. Но Филипп, сжегши оба папские письма, отвечал ему таким образом: «да знает твоя величайшая глупость, что временных делах мы не подчинены никому.... Думающих иначе мы считаем безумными». Затем, чтобы заинтересовать в борьбе с папою всю французскую нацию Филипп созвал в 1302 г. депутатов от всех сословий государства. Депутатам внушено было, что папа своими требованиями покорности от французского короля посягает на права и независимость Франции. Ученый юрист, Петр Флот, сумел весьма искусно развить эту мысль. Депутаты высказались за короля и торжественно заявили что, он получил корону непосредственно от Бога, а не от папы. С этим согласилось французское духовенство. Бонифаций был взбешен подобными заявлениями. Собравши в Риме собор, он разразился на нем страшными ругательствами: Петра Флота назвал Ахитофелом, поклонником дьявола и Ваала, а французское духовенство своею безумною дочерью. Затем, вскоре последовала знаменитая булла *inam sanctam* (начальные слова), в которой Бонифаций развил весьма ясно и определенно феократическую систему Григория VII. Он говорил: Христос вручил церкви два меча³⁰⁹, символ двух властей духовной и светской. И та и другая власть установлена на пользу церкви. Духовная власть находится в руках папы, а светская в руках королей. Духовная власть выше власти светской, как душа выше тела и поэтому, как тело находится в подчинении у души, так и светская власть должна находиться в подчинении у духовной. Только при этом подчинении светская власть может с пользою служить церкви. В случае злоупотреблений светской власти она должна быть судима властью духовною; духовная же власть ни от кого не судится³¹⁰. Отделять светскую власть от духовной и признавать ее самостоятельную, значит вводить дуалистическую ересь – манихейство; а, напротив, признавать за папою всю полноту духовной и светской власти, значит признавать необходимый догмат веры. На эту буллу Филипп отвечал новым собранием представителей государства, на котором юрист

Вильгельм Ногаре обвинял папу в равных преступлениях и предложил уполномочить короля арестовать его для суда, Бонифаций не выдержал более; в 1303 г. он проклял Филиппа, наложил на Францию интердикт и отрешил все французской духовенство. Филипп собрал третье собрание. Здесь его ловкие юристы обвинили Бонифация в симонии и других преступлениях, даже не существовавших, напр. в волшебстве; вследствие чего решено было немедленно собрать вселенский собор в Лионе для суда над папою и для оправдания короля. Между тем Вильгельму Ногаре поручено было арестовать Бонифация и представить на собор. Ногаре отправился в Италию; к нему присоединился еще один давний враг папы кардинал из фамилии Колонна, изгнанной Бонифацием при вступлении на папство. Посланные нашли папу в городке Ананьи. Чтобы обезоружить своих врагов, он встретил их, сидя на престоле и в полном папском облачении. Но те, не обратили на это внимания, арестовали папу в его же доме и так грубо и жестоко обращались с ним, что он, освобожденный чрез три дня жителями Ананьи, по возвращении в Рим, сошел с ума и вскоре умер (1303 г.).

Преемник Бонифация, Бенедикт XI, сознававший, что его предшественник действовал слишком круто, старался примириться с Францией; но он чрез восемь месяцев умер (1304 г.). При выборе нового папы кардиналы разделились, – кардиналы, преданная французским интересам, желали видеть на папском престоле, француза, преданные же интересам бонифациева папства, желали видеть на престоле итальянца. Избрание происходило в Перуджии и длилось 11 месяцев. Жители соскучились долгим избранием, разобрали крышу с той церкви, где происходил выбор, не давали кардиналам, есть и пить и требовали скорейшего соглашения в выборе. Партия французская, наконец взяла перевес, – выбран был папою архиепископ Бордосский Бертран, принявший имя Климента V (1305–1314 г.). Филипп Красивый, без сомнения имевший влияние на выбор, взял нового папу в свои руки. Получив известие об избрании Бертрана, он, не объявляя ему об этом, предложил сделать его папою, под условием, если он сделает некоторые уступки. Честолюбивый Бертран дал клятву, между прочим, уничтожить все распоряжения Бонифация относительно Филиппа, осудить Бонифация и уничтожить орден тамплиеров. После этого ему объявлено было об его избрании. Опасаясь встретить неприятности в Риме за свою уступчивость Франции, папа Климент решился остаться во Франции навсегда, вызвал туда кардиналов и в 1309 г. утвердил свое местопребывание в Авиньене. Здесь папы находились до 1377 и это почти осмидесятилетнее пребывание

их в Авиньене известно и в истории под именем Авиньенского пленения пап. Авиньенские папы³¹¹ начиная с Климента V стали в полную зависимость от и французских королей и действовали под их влиянием; в тоже время они почти все вели жизнь недостойную звания верховных первосвященников, чем еще более ослаблялось их влияние. При всем том авиньенские папы стремились играть роль всемирных повелителей если не во Франции, то в других государствах. Но это им не удавалось. Сознание независимости светской власти от духовной созрело уже повсюду. Вслед за Францией выступила с протестами против папских притязаний Германия. Напрасно папы посылали туда отлучения и интердикты, – на них никто не обращал внимания. В 1338 г. германский император Людовик Баварский, герцоги и курфюрсты решились даже торжественным актом засвидетельствовать независимость светской власти от духовной; на одном собрании, заявив, что папские притязания на распоряжение императорскою короною незаконны, они решили на будущее время в избрании императора обходиться без папского утверждения. То же самое проведено было и в Золотой булле (1356 г.) императора Карла IV. Англия, находившаяся со времен Иоанна Безземельного в полном порабощении папам, во время авиньенского пленения пап, также мало-по-малу освободилась от их влияния. При Эдуарде III (1327–1377 г.) прекращена была ленная подать папам и отменена апелляция в Рим. Даже в Италии власть пап значительно упала. В церковной области только по форме признавали папу повелителем, а на самом деле ни он, ни его наместники и легаты не имели никакого влияния на управление. Вся власть находилась в руках аристократических фамилий, а в 1346 г. в Риме учреждена была даже республика известным демагогом Коло Риенци. Республика, впрочем, существовала недолго. В 70-х годах XIV ст. многие города церковной области совсем даже отложились от папы и приступили к свободному флорентийскому союзу. Ревнители папства опасались за совершенное уничтожение папской власти в Италии, если папы будут оставаться в Авиньене, и потому приглашали их возвратиться в Рим. Это понимали и сами папы. Григорий XI (1370–1378 г.), запасшись наемными войсками для покорения отпадших городов церковной области, перенес, наконец, свою резиденцию в Рим (1377 г.). Здесь он и умер (1378 г.).

Со смертью Григория XI в римской церкви начался, так называемый великий раскол. В папской курии большинство кардиналов составляли французы, приехавшие из Авиньена. Они настаивали на избрании в папы француза, но народ римский требовал, чтобы папою был римлянин. Выбран был, наконец, итальянец Урбан VI [1379–1389 г.], человек крутого

и даже жестокого характера. Новый папа начал свое правление исправлением нравов клира, коснулся и кардиналов. Оскорбленные этим, французские кардиналы, захвативши папские драгоценности, ушли из Рима, объявили избрание Урбана не действительным и выбрали своего папу Климента VII [1379–1394 г.], который вскоре поселился в Авиньене. Климента признали вся Франция, Неаполь и Испания, Урбана – остальные государства. Таким образом в Римской церкви явилось двоевластие³¹². Западный христианский мир, привыкший смотреть на папу, как на единого главу церкви, очень соблазняясь этим явлением, а папы, как римские, так и авиньенские, своею распущенною жизнью, интригами, ругательствами и проклятиями друг на друга усиливали соблазн еще более. В то же время церковная дисциплина упала; разные церковные злоупотребления, особенно симония, стали обнаруживаться в больших размерах. При таком положении церковных дел, вера в необходимость видимой главы церкви начала колебаться на западе; стали раздаваться голоса уже не против светской власти папы, а против его главенства в церкви; стали распространяться мысли, что вселенский собор выше папы и может судить его и что, в настоящем случае, только при посредстве вселенского собора можно достигнуть прекращения раскола и уничтожения церковных злоупотреблений. Подобного рода мысли развивались преимущественно во Франции, в парижском университете, а отсюда распространялись по другим государствам и всюду была принимаема с сочувствием. После некоторых переговоров, западные государства согласились, наконец, принять решительные меры для прекращения папского раскола. В 1397 г. на сейме во Франкфурте представители государств решили пригласить обоих пап авиньенского и римского добровольно отказаться от своего сана. В этом смысле сделаны были им предложения, но ни тот ни другой папа не хотел отказаться от власти. В 1408 г., впрочем, удалось было уговорить обоих пап, римского Григорий XII и авиньенского Бенедикта XIII, – согласиться на личное свидание друг с другом для решения вопроса о сложении сана тем и другим. Но оба папы пустили в ход разные хитрости, и свидание не состоялось. Тогда кардиналы французские и римские, раздосадованные действиями своих пап, вошли между собою в соглашение и решились для прекращения папского раскола созвать собор. Собор от имени двух коллегий собран был в 1409 г. в Пизе. В то же время и папы собрали свои соборы, на которых отрицали законность пизанского собора. На соборе в Пизе, кроме кардиналов, епископов и аббатов, присутствовало много магистров богословия и докторов канонического права. Франция и Англия

особенно поддерживавшие этот собор, прислали на него своих уполномоченных. Но не смотри на искреннее желание освободить церковь от двоевластия, собор, вследствие своих необдуманных действий, не достиг цели. Утвердив то положение, что папа может быть судим собором, собор пизанский потребовал к суду обоих пап и, когда те не явились объявил их низложенными. Затем поднят был вопрос о преобразовании церкви во главе и членах. Но кардиналы постарались убедить собор, предварительно церковных преобразований, дозволить им выбрать нового папу, под руководством которого и могут быть произведены реформы. Выбран был папою Александр V. В этом заключалась вся ошибка собора. Александр, ссылаясь на то, что для предполагаемых преобразований необходимы подготовительные работы на самом же деле он опасался потерять при преобразованиях некоторые из своих привилегий, распустил собор с обещание созвать его вновь, чрез три года. Таким образом собор не сделал ничего, только римская церковь в добавление к двум папам подучила еще третьего. Каждый из трех пап считал себя законным и, что хуже всего, признаваем был таким в том или другом государстве. Александр V в 1410 г. умер. Как говорили тогда, его отравил кардинал Валтасар Косса, занявший после него папский престол под именем Иоанна XXIII. Новый папа пользовался дурною репутациею, – в молодости он был морским разбойником, а пред избранием на престол был правителем – тираном Болоньи. Обеспечив себе кое-как обладание Римом, Иоанн XXIII, согласно обещанию папы Александра, назначил в 1412 г. собор в Риме, распорядившись предварительно, чтобы разбойники заняли все дороги к Риму и не пропускали епископов. Вследствие этого на собор явились только немногие епископы. Не желая церковных преобразований, папа хотел из собора сделать комедию; комедиею он и окончился. Заседание собора открыто было пением песни: прииди, творец Дух. В это время в церковь, где происходил собор, влетел большой филин, отцы так были напуганы этим явлением, что папа нашел нужным закрыть собор. Между тем парижский университет, во главе со своим канцлером Иоанном Жерсоном, настоятельно требовал церковных преобразований. Того же домогался и император Сигизмунд. Папа Иоанн волей неволей должен был согласиться на созвание всеобщего собора. Собор был открыт не в Риме, где папа мог иметь влияние на его решения, а в немецком городе Констанце в 1414 г. На нем присутствовали папа Иоанн со множеством епископов, аббатов и священников, император Сигизмунд с курфирстами, герцогами и графами, послы от разных государств, ученые богословы. Вообще этот собор был одним из многочисленнейших и

либеральнейших на западе. Но и этот собор не сделал ничего по части церковных преобразований, не смотря на то, что горячо принялся за дело. Прежде всего собор установил, чтобы, при решении вопросов, голоса подавались не поголовно, как было прежде, а от каждого из четырех государств: Германии, Франции, Англии и Италии. Представители этих государств должны были каждый вопрос обсудить предварительно в особом собрании и потом свое решение представить в общее собрание собора, Этим постановлением папа окончательно обезоруживался; епископы, которых он привез с собою множество, после этого не могли иметь большого влияния на решения собора. Затем Констанцкий собор, подобно пизанскому, утвердил положение, что собор имеет право судить пап. Иоанну XXIII последнее особенно было не неприятно, так как он чувствовал за собою много преступлений, за которые собор мог и его привлечь к суду. И действительно, собору вскоре представлена была записка, в которой папа обвинялся в распутной жизни, убийствах, симонии, неверии и т. п. Зная, что собор осудит его за эти преступления и низложит, Иоанн счел за лучшее бежать с собора. Но его чрез несколько времени схватили, привели на собор и, после расследования его преступлений, торжественно низложили. Оставалось еще двое пап. Григорий XII прислал свое отлучение от престола; но Бенедикт XIII, переселившийся между тем в Испанию, не сдавался ни на какие убеждения, почему и был объявлен низложенным. Теперь нужно было собору приниматься за церковные преобразования. Но кардиналы опять предложили набрать прежде папу. Их поддержали итальянцы, французы и англичане. Выбран был Мартина I (1417–1431 г.). Этот поставил дело так, что Констанцкий собор отложил церковные реформы до другого собора, который папа обещал созвать в скором времени. Представителям государств, участвовавших в соборе, удалось только заставить папу заключить с каждым государством отдельные конкордаты относительно исправления некоторых церковных недостатков. В 1410 году собор был закрыт. В правление Мартина все антипапы перемерли раскол прекратился. В тоже время Мартин упрочил свою власть в Риме. Но о преобразованиях церковных он мало заботился. Правда, в 1431 г. он назначил было, согласно своему обещанию, всеобщий собор в Базеле, но в том же году умер.

Преемник Мартина Евгений IV (1431–1447 г.) должен был открыть Базельский собор, так как приглашенные Мартином на собор лица собрались уже в 1431 г. в Базель. Новый папа отправил туда своего кардинала, под председательством которого и открылся собор. Евгений

рассчитывал, что собор будет действовать вполне по его указаниям. Но оказалось не то; базельский собор на первых же порах, именно по делу гусситов, заявил намерение действовать самостоятельно. Вследствие этого папа объявил собор закрытым. Но базельские отцы не хотели этого знать. Подтвердив положение прежних соборов, что всеобщий собор выше папы, они потребовали Евгения на суд и, в случае отказа, угрожали ему низложением. После некоторого сопротивления папа, вынужденный обстоятельствами, должен был в 1433 г. отменить свое распоряжение о закрытии собора. Но мир был не продолжителен. Базельский собор взялся за церковные реформы и прежде всего провел несколько постановлений против неограниченной власти папы. Евгений, конечно, не захотел согласиться с этим. Началась полемика. Базельские отцы утверждали, что собор выше папы и поэтому, папа должен повиноваться собору, а папа говорил, что собор вполне зависит от папы и постановления соборные тогда только получают авторитет и силу закона, когда они утверждаются папою. Чтобы покончить с опасными реформаторскими стремлениями базельцев, Евгений в 1437 г. решился перенести собор в Италию. В это время шли переговоры между папою и греческим правительством о назначении собора для обсуждения вопроса о соединении церквей. Евгений настоял, чтобы этот собор открыт был в Италии и предложил базельским отцам перейти сюда же. Базельцы отказались. Евгений все-таки объявил собор в Базеле закрытым и в 1438 г. назначил новый собор в Ферраре, перенесенный затем во Флоренцию. Не смотря на это, базельский собор продолжал свои заседания и немедленно после открытия собора в Ферраре объявил папу Евгения низложенным. Евгений за это отлучил всех базельских отцов от церкви. После этого базельский собор стал понемногу сокращаться; многие из епископов оставили его и даже перешли на сторону папы. За то оставшиеся не смущались ничем; на место Евгения они выбрали нового папу Феликса V. Но папский раскол всем был памятен, потому избрание нового папы встречено было с неудовольствием. Только немногие германские курфирсты признали Феликса. Все таки базельский собор, продолжавшийся с перерывами и в разных городах до 1449 г., значительно ослабил папскую власть. Его реформаторские постановления приняты были во Франции и Германии и здесь, на основании их, духовенство и церкви поставлены были в более независимое положение от папы. Во Франции в 1438 г. появилась так называемая прагматическая санкция, а в Германии в 1448 г. – венский конкордат, которыми определялись отношения церквей французской и германской к папе.

Евгений IV, покончив дело с греками, все свои стремления направил к тому, чтобы уничтожить последствия базельского собора. Того же домогались и его преемники³¹³. Но папский деспотизм до того был ненавистен, что во второй половине XV века почти во всех государствах западной Европы настойчиво стали заявляться желаниа ограничить влияние пап на дела местных церквей. И потому домогательства пап неограниченно властвовать над всеми церквями имели мало успеха; волей неволей они должны были делать уступки в духе базельских постановлений, хотя в принципе не признавали этих постановлений и осуждали их. Таким образом во многих государствах ограничено было право пап на пользование церковными доходами, равно как право на раздачу духовных мест и имений. Что касается влияния пап на политические дела западных государств, то об этом во второй половине XV в. папы уже не хлопотали. Они понимали, что время всемирно-феодалитических идей Гильдебрандта прошло. Только в Италии и главным образом в церковной области папство могло еще пользоваться светскою властью. На упрочение этой власти преемники Евгения IV до реформации и обратили все свое внимание. Они хотели свою церковную область сделать настоящим государством, по образцу прочих государств, а себя государями. Следствием такого направления, папской политики было то, что папство более чем когда-либо привяло светский характер. Папы преследовали исключительно светские цели; своею духовною властью они пользовались только как средством к достижению этих целей. Таким образом верховные первосвященники и наместники Христа превратились в хитрых политиков, интриганов, воинов, роскошных и сладострастных тиранов и т. п. На прим. Сикст IV (1471–1484) кроме того, что вел жизнь развратную и покровительствовал домам терпимости в Риме ради получения с них доходов, во все свое правление интриговал против Венецианской республики, в видах приобретения владений для своих родственников. Этот папа не считал предосудительным принять участие в покушении на убийство членов флорентийской фамилии Медичи. Иннокентий VIII [1484–1492 г.], прозванный в насмешку в одной современной поэме истинным отцом отечества за заботливость об устройстве своих 16 незаконнорожденных сыновей и дочерей, до самой своей смерти вел войну с Неаполем. Он же получал жалованье от турецкого султана Баязета II за то, что держал у себя в плену его брата; и в тоже время проповедовал против турок крестовый поход: Александр VI (1492–1503 г.), из фамилии Борджиа, был одним из нечестивейших пап всех времен. Он хотел устроить для своего дома большое наследственное

государство в Италии, и для достижения этой цели не стеснялся в средствах. Насилия разного рода, грабительства, убийства, отравления были для него обыкновенным делом. Разврат Александра также был поразителен, – его обвиняли в кровосмешении с своею родною дочерью Лукрециею. В злодеяниях папа уступал разве своему незаконнорожденному сыну, кардиналу Цезарю Борджиа, который, ради денег и власти, убивал и отравлял римских аристократов; его брат и зять были в числе его жертв. Папа Александр закончил свою нечестивую жизнь позорною смертью. Он умер от яда, который приготовил сам для одного богатого кардинала; последний, узнав о предстоявшей ему участи, подкупил папского повара и за столом конфета с ядом вместо кардинала подана была папе. Своею тираниею Александр наводил ужас на весь Рим, и потому смерть его встречена была с «невыразимою радостью», по отзыву современников. Юлий II (1503–1513 г.) был не больше, как храбрым солдатом и способным полководцем; все свое правление он провел в интригах и войнах. Церковная область при нем сделалась могущественным государством Италии. Наконец, Лев X (1513–1521 г.) был не больше как сластолюбивым и роскошным светским владетелем; он исключительно посвятил себя житейским удовольствиям. Искусства и науки, которым Лев покровительствовал, доставляли, ему утонченные наслаждения. Религия и церковь при этом папе совсем были забыты. Сам папа относился скептически к христианству, а его приближенные открыто даже высказывали свое неверие и смеялись над всем святым. При Льве X началась в западной церкви реформация.

§ 20. Западное монашество в XI-XV в.

а) монашеские ордена

На западе, еще в X веке, в противодействие нравственной распущенности, охватившей все классы общества, между прочим, и монашество, предпринята была попытка восстановить во всей строгости древний монашеский образ жизни, завещанный Бенедиктом Нурсийским. Явилась, так называемая, клюнийская конгрегация, которая и восстановила устав Бенедикта. Но клюнийская конгрегация не много сделала для возвышения нравственности. Нравственная распущенность царила во всей силе в XI и последующих веках как среди мирян и духовенства, так и среди монашества; монастырская дисциплина, с течением времени, ослабла даже в клюнийских монастырях. Поэтому, попытки осуществить, при посредстве монашеского образа жизни, идеалы жизни истинно-христианской продолжаются и теперь. Люди с благочестивою настроенностию души оставляют мировую жизнь, собирают вокруг себя приверженцев и основывают новые монашеские общества, или, так называемые на западе, ордена, с теми или другими правилами жизни и обетами, исполнение которых составляет отличительный признак принадлежности к ордену. Папы покровительствовали всем новоустраиваемым орденам, так как находили в них опору для своей власти. Из монашеских орденов, появившихся в западной Церкви в XI–XV веках, более замечательны следующие:

Орден систерсийский или бернардтский. Он основан был в 1098 году одним дворянином из Шампаньи, Робертом. Роберт еще в молодых летах поступил в один из бенедиктинских монастырей; но, так как тогдашняя монастырская жизнь не соответствовала его стремлениям к подвижничеству, то он, с несколькими, подобно ему настроенными, товарищами удалился в одно пустынное место, Сито, (cistercium), близ Дижона, и основал здесь свой монастырь. Из этого монастыря и образовался орден систерсийский. Правила, которые Роберт дал своему ордену, были заимствованы главным образом из древнего бенедиктинского устава. Это – полное удаление от мира, отречение от всякой роскоши и удобств жизни (даже в храмах не допускалось ничего роскошного) и строго-подвижническая жизнь. Папа Пасхалис II (1099–1118 г.) утвердил этот орден. Но правила ордена были слишком строги, и потому на первых порах он приобрел немного членов. Орден систерсийский начал увеличиваться только тогда, когда в него вступил (1113 г.) знаменитый

Бернард Клервосский (прозванный так от принадлежащего ордену монастыря Клерво, которого он был настоятелем). Своею строгостью жизни и убедительным даром красноречия Бернард приобрел такое уважение современников, что его при жизни считали снятым и пророком и его влиянию подчинялись не только простой народ, но и папы и князья. Уважение к этому почтенному мужу перенесено было и на его орден, который быстро начал увеличиваться. По смерти Бернарда (1153 г.), систерсийский орден, принявший теперь, в честь Бернарда, название бернардинского, распространился уже по всей Европе, во Франции, Италии, Испании, Германии, Англии, Дании и проч. Вместе с распространением орден приобрел большие богатства. Последнее обстоятельство неминуемо повело за собою ослабление монастырской дисциплины, и монастыри бернардинские, славившиеся вначале строгостью жизни своей братии, с течением времени стали в уровень с другими западными монастырями.

Орден картезианский. Он основан был с 1084 г. одним благочестивым и научно образованным каноником Бруноном, заведовавшим школою при кафедре реймского архиепископа. Распущенная жизнь тогдашнего реймского архиепископа и его клира возбуждала в Бруноне омерзение; он решился удалиться в пустыню для подвижнической жизни. Собрав несколько товарищей, он ушел с ними в пустынное горное ущелье (cartusium) близ Гренобля и основал здесь свой орден, подучивший с местности название картезианского. По уставу Брунона, составленному на основании правил Бенедикта Нурсийского, братия его ордена должна была проводить строго аскетическую жизнь в совершенном уединении даже отдельно друг от друга в особых келиях, занимаясь молитвою, созерцаниями, списыванием книг, обработкою земли и т. п. Наплыва богатств орден не допускал ни под каким видом; все его богатство заключалось во множестве книг. Орден картезианский не имел такого множества монастырей, как другие ордена, но за то они всегда оставался верным своему первоначальному призванию.

Орден премонстратов. Основателем его был каноник, Норберт из Ксантена. По обычаю духовенства того времени, он проводил жизнь светскую и роскошную; но одно обстоятельство, – упавшая подле него молния, которою он едва не был убит, – произвела на него такое впечатление, что он переменял сам образ жизни и решился побудить к тому же других каноников. С этою целью Норберт некоторое время проповедовал клиру о восстановлении порядков канонической жизни (vita canonica). Не ограничиваясь этим, он основал в 1120 году близ Лаона в

дикой долине на лугу, как он говорил, указанном ему самим небом (*pré monté* – отсюда и название премонетратов) орден, братия которого должна была проводить жизнь монашескую и в тоже время исполнить все обязанности каноников. Устав этого ордена составлен по правилам, начертанным Блаженным Августином для клириков, и утвержден был папою Гонорием II в 1124 г. Строго-умеренная жизнь, занятия науками, проповедничество и попечение о спасении ближних составляли, по этому уставу, главные обязанности премонстратов. Практическое направление, данное этому ордену Норбертом, было главной причиной того, что он быстро распространился во многих странах.

Ордер Кармелитов. Этот орден основан был в Палестине одним крестоносцем из Калабрии Бертольдом. Бертольд с несколькими друзьями в половине XII в. поселился на горе Кармил и проводил здесь жизнь по образцу древних восточных подвижников. В начале XIII в. латинский иерусалимский патриарх дал пустынникам Кармила, т. е., кармелитам устав. В 1238 г. кармелиты, после падения владычества крестоносцев на востоке, переселились на запад. Так как здесь подвижничество туго прививалось, то кармелиты оставили, с разрешения папы, свой палестинский устав и приняли устав одного из нищенских орденов – Францисканского. Впоследствии, – именно в XVI веке, – орден кармелитов прославился особенно в своей женской половине, при аббатиссе кармелиток, Терезии.

Орден францисканский. Основателем его был Франциск (род. 1182 г.), сын купца в г. Ассизи. Это был человек с нежным, любящим сердцем, стремившийся с самых ранних лет посвятить всего себя на служение Богу и обществу. Религиозные видения развивали и поддерживали в ней эти благочестивые стремления; только Франциск не знал, как осуществить их. Слова евангелия о посольстве апостолов на проповедь без золота и серебра, без посоха и сумы, решили его призвание. Франциск, приняв обет совершенного нищенства, сделался (1208 г.) странствующим и проповедником покаяния и любви ко Христу. Вскоре вокруг него собралось несколько учеников, с которыми он и образовал орден меньших братьев или миноритов (первоначальное наименование ордена Францисканцев). Главными обетами миноритов были – совершенная (апостольская) нищета, целомудрие, смирение и послушание, а главным занятием – проповедь о покаянии и любви ко Христу. Таким образом орден Франциска принял на себя задачу помогать церкви в устройении спасения душ человеческих. Папа Иннокентий III, к которому явился Франциск, хотя не утвердил его ордена, но дозволил ему и его товарищам

заниматься проповедничеством и миссионерством (1209 г.). В 1223 г. орден торжественно был утвержден буллой папы Григория IX; при нем миноритам дано было право всюду проповедовать и совершать исповедь. Вместе с тем образовалась и женская половина ордена. Девица Клара из Ассизи в 1212 г. собрала вокруг себя несколько благочестивых женщин и основала орден клариссинок, которому в 1224 году Франциск дал устав. Клариссинки составили второй класс ордена Франциска. А в 1221 году Франциск основал еще третий класс ордена (терциарии), к которому принадлежали миряне, выполнявшие только на половину строгие обеты миноритов. Внутреннее устройство ордена, по правилам Франциска, было такое: во главе его стоял *minister generalis*, обыкновенно проживавший в Риме, монастырями целой области заведовал *minister provincialis*, а каждым отдельным монастырем *minister guardianus*. Кроме того, в силу обета послушания, весь орден находился в полном подчинении у папы. По смерти Франциска (1226 г.) его орден распространился уже по всем странам Западной Европы и считал у себя тысячи монахов.

Орден доминиканский. Он основан был, – в одно время с францисканским, одним священником и коновиком в Осме (в Испании), Домиником (род. 1170 г.). В конце XII в. в начале XIII в. в римской церкви появилось много еретиков, которые нашли себе приют в южной Франции и производили здесь большие волнения. Доминик, «ознакомившись в проезд чрез южную Францию с ее еретическим населением, решился заняться обращением еретиков. С этого целью он несколько лет [с 1205 г.] с ревностью и самоотвержением странствовал о проповедию по южной Франции и имел довольно значительный успех. Не довольствуясь этим, Доминик решился для обращения еретиков основать, специально назначенный для этой цели, орден. Папа Иннокентий III дал ему разрешение [1215 г.], а Гонорий III утвердил устав ордена, составленный Домиником на основании правил Августина. Главным занятием ордена по этому уставу должно было быть обращение к церкви еретиков. Но Гонорий, в тех же видах утверждения католической веры, предоставил еще ордену право заниматься всюду проповедничеством и совершением исповеди. От занятия проповедию орден Доминика, во время его утверждения, назван был орденом братьев-проповедников; впоследствии же в честь основателя он стал называться доминиканским. В 1220 г. Доминик в уставе своего ордена сделал существенное изменение, присоединив, по примеру францисканцев, к главным обетам братии нищенство. К этому побудило его то обстоятельство, что еретики, обращением которых должен был заниматься орден, особенно

вооружались против светской жизни и богатства церковной иерархии. Орден Доминика примкнул к ордену Францисканцев и в других отношениях. Так в нем появился второй класс, составившийся из обращенных Домиником к церкви женщин еретичек, а, вскоре по смерти Доминика, появился третий класс [третий орден ополчения Христова], составившийся из мирян, посвятивших себя на борьбу с еретиками. Внутреннее устройство Доминиканского ордена также сходно было с Францисканским; только глава доминиканцев, имевший свою резиденцию, как и глава францисканцев, в Риме, назывался магистром, а начальники отдельных монастырей и монастырей целой области – приорами. Вообще орден Доминика весьма близко подходил к ордену Франциска. Различие заключалось только в том, что он, сообразно своей задаче обращать еретиков и утверждать католическую веру, принял по преимуществу ученое направление и действовал, как орден ученый, в среде высших сословий. По смерти Доминика [1221 г.] его ордене, также как и францисканский, распространился по всей Западной Европе.

Ни один монашеский орден, – за исключением впоследствии ордена иезуитов, – не приобретал в римской церкви такого важного значения, какое приобрели нищенские ордена францисканский и доминиканский. Причина этого заключалась в особом, отличном от других орденов, характере и направлении их деятельности. Монахи других западных орденов (кроме отчасти премонстратов), согласно своим обетам, должны были проводить жизнь вдали от общества и заботиться только о своем спасении; участия в церковных делах им не было предоставлено; даже пастырская деятельность, при посредстве которой они могли бы оказывать влияние на общество, была положительно запрещена папами. Отсюда, они не могли приобрести большого значения в церкви и обществе. Ордена же францисканский и доминиканский, напротив, предназначены были своими основателями действовать среди общества в видах и интересах церкви, и папы не только не препятствовали этому, но еще облегчили им выполнение такого предназначения, предоставив сочленам того и другого ордена широкое право повсюдной пастырской деятельности. Таким образом Францисканцы и доминиканцы заняли место в среде церковной иерархии, иди, лучше, составили из себя особого рода иерархию, находящуюся в непосредственном распоряжении папского престола. Благодаря такому положению в церкви, нищенствующие монахи на первых же порах принимают живое участие во всех родах духовной деятельности. Они являются миссионерами, проповедниками, духовниками, учеными богословами и философами³¹⁴, профессорами

университетов³¹⁵, советниками и агентами пап и т. и. Кроме того доминиканцы в 1232 г., когда, так называемая, инквизиция предоставлена была их ордену, являются в роли судей над еретиками и вообще противниками веры и церкви. В тоже время францисканцы и доминиканцы, по крайней мере на первых порах, когда обет нищеты соблюдался ими во всей строгости, были представителями благочестивой жизни. Все это вместе взятое упрочило их важное значение в церкви. К сожалению, нищенские ордена, вследствие тесной связи с папством и служения его интересам, мало-по-малу уклонились от своего первоначального назначения – содействовать спасению человеческих душ. Всю свою деятельность и все свое влияние они стали употреблять исключительно на распространение и утверждение папской власти. Основным обетом обоих орденов – апостольская нищета – при этом был забыт, и их строгая дисциплина сменилась, особенно в XV веке, распущенностью. В ордене францисканцев, вслед же за смертью Франциска, начались бесконечные споры из-за обета нищеты. В этих спорах интересны только казуистические доводы, которыми одна партия францисканцев доказывала возможность иметь собственность, не нарушая обета нищеты. Напр. говорили, что приобретение имущества для святой цели не противоречит евангельской нищете; что другое дело владеть имуществом и другое дело пользоваться им; в первом случае будет нарушение обета нищеты, во втором нет. Согласно этому, имущества францисканцев числились за римскую церковь, и пользовались ими они сами. Споры окончились в XV ст. распадением францисканцев на два новых ордена, из которых обсерванты оставались более верными Франциску. Доминиканцы же без всяких колебаний оставили нищенство, оправдывая себя тем, что обет нищеты они дают лично за себя, а не за орден.

Из остальных монашеских орденов римской церкви XI– XV веков следует упомянуть разве об ордене августинском, появившемся в половине XIII в. и подучившем от папы Александра IV в 1250 г. привилегии нищенского ордена. К этому ордену принадлежал впоследствии Лютер.

б) духовно-рыцарские ордена

Кроме орденов монашеских в тесном значении слова, в западной церкви в средние века появились еще ордена на половину монашеские, на половину мирские. Это так называемые духовно-рыцарские ордена. В появлении их выразилось общее направление западной средневековой жизни, когда церковь привлекала на служение себе все классы общества, в том числе и рыцарство. Ближайшим поводом к появлению духовно-

рыцарских орденов послужили крестовые походы,

Первыми духовно-рыцарскими орденами были иоанниты и тамплиеры. Еще задолго до первого крестового похода граждане Амальфи основали (1048 г.) в Иерусалиме странноприимницу Св. Иоанна Крестителя, для призрения бедных и больных пилигримов; при странноприимнице устроено было и братство. В 1099 г., когда в Иерусалиме крестоносцами основано было христианское королевство, члены этого братства приняли монашеский устав и стали называться братьями странноприимницы Св. Иоанна Крестителя, или просто иоаннитами. Главную обязанность их составляли гостеприимство и уход за больными. В 1118 году, второй настоятель иоаннитов, Раймунд-дн-Пюи к этим обязанностям присоединил еще обязанность защищать оружием пилигримов. Последняя обязанность вскоре сделалась главной, и иоанниты исключительно посвятили себя на борьбу с неверными. Образовался таким образом духовно-рыцарский орден. Папа Иннокентий II (1130 –1143 г.) утвердил его. Иоанниты разделялись на три класса: рыцарей, священников и служебных братьев; во главе же ордена стоял гроссмейстер. Учреждение ордена со специальною целью вести борьбу с неверными встречено было в Европе с сочувствием; вследствие чего в пользу иоаннитов стали делать большие пожертвования, так что они вскоре сделались богатыми собственниками почти во всех христианских странах. Но вместе с тем иоанниты отстали от прежней строгости нравов. По завоевании Иерусалима Саладином [1187 г.] иоанниты переселились в Птолемаиду, а отсюда на остров Кипр, затем на остров Родос (1309 г.), почему стали называться родосскими рыцарями. В 1522 г. турки отняли у них Родос, и с тех пор родосцы скитались по Европе, пока Карл V не отдал им в лен остров Мальту (1530 г.). Отсюда, они стали называться мальтийцами.

В том же 1118 г., когда получил свое начало орден иоаннитов, только несколько раньше, основан был в Иерусалиме и орден тамплиеров. Девять французских рыцарей, под начальством Гугона де Пайена, соединились в общество и приняли на себя, кроме монашеских обетов, еще обет защищать пилигримов и вести борьбу с неверными. Иерусалимский король Балдуин II, находя учреждение такого общества полезным для своего слабого государства, подарил рыцарям для жительства часть своего дворца, построенного на месте Храма Соломонова или вблизи его. Отсюда рыцари получили свое название *тамплиеров* (храмовников). Папа Гонорий II утвердил (1128 г.) общество тамплиеров как духовно-рыцарский орден. И этот орден встретил сочувствие на западе и к нему,

также как и к иоаннитам, стали стекаться большие богатства. Устройство ордена тамплиеров было такое же, как и устройство ордена иоаннитов. После завоевания Иерусалима (1187 г.), а потом Птолемаиды (1291 г.), тамплиеры переселились на остров Кипр, а отсюда вскоре перешли в западную Европу и проживали в своих богатых поместьях. Средоточным пунктом их был Париж. Французский король *Филипп IV Красивый*, опасаясь замыслов рыцарей против государства и желая отнять у них их громадные богатства, начал с 1307 г. взводить на орден страшные обвинения, за тем вскоре он конфисковал орденские имущества, направил против рыцарей инквизицию и предавал их страшным пыткам. Папа Климент V, проживавший в то время в Авиньене и бывший в полной зависимости от Филиппа, принужден был содействовать уничтожению ордена. В 1312 г. папскою буллою орден тамплиеров объявлен был еретическим и уничтоженным. Последний гроссмейстер его, Иаков-де Моле сожжен был в 1314 году.

Третьим более замечательным духовно-рыцарским орденом был орден тевтонских рыцарей странноприимницы пресвятой Девы Марии. Он возник в 1190 г. во время осады Птолемаиды из братства, состоявшего при немецком госпитале, основанном в св. земле, для призрения немецких пилигримов, бременскими и любекскими купцами. Генрих Вальпот был преобразователем братства в орден и первым его гроссмейстером. Назначение ордена было тоже, что и у других духовно-рыцарских орденов. Папа Целестин III (1191–1198 г.) утвердил этот тевтонский ордену. В 1226 г. тевтонцы переселились в Европу и посвятили здесь себя на борьбу с язычниками в Пруссии. Здесь же они основали самостоятельное государство и мало-по-малу потеряли характер ордена.

Подобные же ордена и с подобными же задачами стали появляться и в Европе. Так в 1202 г. основан был орден меченосцев в Лифляндии, соединившийся в 1237 г. с тевтонским.

Глава 3. Жизнь и богослужение

§ 21. Состояние нравственно-религиозной жизни в римской церкви

В нравственно-религиозной жизни римской церкви XI–XV веков мы видим почти одни только мрачные стороны: по крайней мере, немногие ее светлые стороны совершенно теряются между мрачными. По отзывам писателей и соборов описываемого времени, как иерархия римской церкви, так и все классы общества всех стран Западной Европы были заражены страшными пороками. Грубое буйство, жестокости и насилия всякого рода, властолюбие, деспотизм, корыстолюбие, грабительства, сладострастие, разврат во всех видах и т. п. Пороки и преступления были обыкновенным явлением в жизни западных христиан. Казалось, западный христианский мир не знал и не хотел знать никаких нравственных законов в своей жизни и деятельности.

При обозрении истории папства, на первый взгляд представляется, что папы с половины XI и до конца XIII века были, или, по крайней мере, старались быть, представителями строгой нравственной жизни. Но на самом деле этого не было. Папы этого времени в большинстве были свободны только от обыкновенных житейских пороков. Пред судом же чистого Евангельского нравственного учения все они, не исключая и таких деятелей, как Григорий VII, признанный в римской церкви святым, и Иннокентий III, являются людьми далеко не безупречной нравственности. Ненасытное властолюбие, особенно неизвинительное в наместниках св. Петра, было главным пороком всех пап; остальные их пороки и даже преступления составляют результат этого порока. Преследуя свои властолюбивые цели, папы не стеснялись в средствах; смотря по обстоятельствам, они пускали в ход или коварство и интриги, или насилия и жестокости. Из истории папства мы видели, каким путем оно достигло своего могущества. Все отношения пап к светским владетелям, городам, народу строились исключительно на обмане и интригах. Стоит вспомнить только, с каким коварством и ожесточением папы вели борьбу с императорами из фамилии гогенштауфенов и с каким злорадством они встретили погибель этой благородной фамилии. – Если же от пап XI–XIII веков мы обратимся к папам веков XIV и XV, то увидим такую глубокую испорченность в наместниках Ап. Петра, какую трудно встретить в обыкновенных людях. В начале XIV века папство, с переселением в Авиньен, сделалось образцом безнравственности. Петрарка, свидетель жизни авиньенских пап и всех мерзостей, совершавшихся при их дворе,

называет Авиньен третьим Вавилоном. Непомерная роскошь, разврат, симония, презрение ко всему священному составляли принадлежность почти всех авиньенских пап. Пышность и сладострастие папского двора вошли в пословицу. В Авиньен стекались все праздные люди и все развратные женщины южной Франции. При Клименте VI (1342–1352 г.) женщины имели свободный доступ в папский дворец. Сам Климент открыто жил с своею любовницею и был ее рабом. – Симония, против которой вооружались папы конца XI века, при авиньенских папах производилась открыто и сами папы были первыми симонистами. Нуждаясь в деньгах для своей роскошной жизни, они присвоили лично себе замещение всех доходных духовных должностей и раздавали их за деньги. Случалось, что за деньги папы освобождали монастыри, церкви и целые церковные округа от надзора местных епископов и подчиняли их непосредственно себе. Вообще за золото в Авиньене можно было купить какую угодно церковную должность, выиграть неправо дело, получить отпущение грехов и т. п. Не лучше были папы и во время папского раскола. Грязные перебранки пап римских и авиньенских и усилия соборов пизанского и констанского положить конец папским злоупотреблениям подтверждают это. Симония во время раскола дошла до таких размеров, что дальше уже некуда было идти. О папах второй половины XV века нечего и говорить. Стоит вспомнить только развратных деспотов Сикста IV и Иннокентия VIII, или Александра VI, этого злодея в папской тиаре.

За папами по пути безнравственности следовали папский двор, епископы и клирики низших степеней. Папский двор, или так называемая, папская курия, отличался таким же распутством и продажничеством, как и сами папы. Продажничество существовало даже после времен Григория VII, стремившегося уничтожить его. Курия делала все за деньги. С поставляемых епископов, напр., брали за все – за лист бумаги, чернила и перо. Спорные дела решались куриею в пользу того, кто больше давал денег. Легаты, отправлявшиеся в разные страны по поручениям пап, при исполнении своих миссий, наживались всевозможными способами. Бернард Клервосский (XII в.) рассказывает с удивлением об одном легате, который воротился из своего посольства совершенно без денег. Нечего и говорить, что образ жизни, поведение сановников папского двора были светские. Светскость, преследование мирских интересов вообще составляли отличительную черту всей западной иерархии. Епископы смотрели на свои должности, как на оброчные статьи, как на источник доходов для удобной и роскошной жизни; пастырские же обязанности они

считали делом второстепенным и даже излишним. Один реймский архиепископ (Манассия – во второй половине XI в.) откровенно высказывал, что «реймское архиепископство составляло бы нечто хорошее, если бы только для получения доходов можно было не служить мессу». Желание его сбылось со временем, когда, после уничтожения владений крестоносцев на востоке, в римской церкви появилось много безместных епископов, поставляемых по заведенному порядку для восточных епархий. Эти епископы нанимались служить у епископов, управлявших епархиями. Последним после этого, действительно, оставалось только пользоваться доходами и жить в свое удовольствие. Симония и разврат, были также главными пороками епископов, как и пап. Один историк из XIII в.³¹⁶, говоря о пороках прелатов римской церкви, замечает, что они не пастыри, а расхитители, не прелаты, но пилаты; что они из объятий своих любовниц идут совершать богослужение и т. п. Клирики низших степеней были не лучше своих иерархов Папа Григорий VII, в видах возвышения нравственности духовенства, окончательно ввел безбрачие в клире и вообще запрещал всем клирикам вступать в связи с женщинами. Но утверждение безбрачия не только не возвысило нравственности духовенства, а повело его еще к большей распущенности. Клирики, действительно, со времени Григория, не вступали в законные браки, но за то вступали в незаконные связи с женщинами и распутничали самым наглым образом. Связи их с женщинами получили даже силу законности. Так называемый конкубинат признаваем был явлением нормальным как правительством, так и обществом. Народ благосклонно смотрел на конкубинатов, особенно на таких, которые не меняли своих наложниц. Вообще же клирики постоянно меняли своих наложниц, или развратничали одновременно со многими женщинами. По свидетельству соборов и писателей, клирики предавались даже противоестественному разврату. Епископы нисколько не заботились об уничтожении разврата в духовенстве. Правда, случалось, епископы иногда привлекали клириков к ответственности за развратную жизнь, но это делалось ими для того, чтобы получить с них побольше денег за право разврата. Вместе с тем клирики вели жизнь роскошную: пользуясь хорошими доходами, они устраивали себе богатое щегольское платье, заботились до обжорства о хорошем столе, заводили хороших лошадей и т. и. По своему образованию клирики стояли на низшей степени. По отзыву одного средневекового писателя, священники знали латинский язык, – на котором совершалось богослужение и на котором писались все сочинения, не много лучше чем арабский. После этого понятно, что клирики римской церкви ни сколько

не походили на христианских клириков. Это были люди светские и из светских худшие. Своими пастырскими обязанностями они совершенно пренебрегали. Да они в большинстве и не проходили сами лично своего служения; нищенствующие монахи за условленную плату исполняли за них все их обязанности. «Какое зрелище, – восклицают писатели того времени³¹⁷, – представлял для христианина тогдашний христианский мир: церковь опустела, пастыри оставили свои паствы и вверили их наемникам». Ко всему этому нужно прибавить еще, что в среде духовенства, по крайней мере, итальянского, в конце XV века распространилось антирелигиозное направление. Лютер, посетивший Рим в начале XVI в. страшно поражен был богохульством римских священников; при совершении таинства евхаристии. Даже при папском дворе о догматах католической церкви, о текстах священного писания говорили не иначе, как шутя, о таинствах веры отзывались с презрением³¹⁸.

В нравственно религиозной жизни мирян было также много недостатков. Нравы западного средневекового общества отличались поразительной грубостью. Дух христианства, не смотря на то, что последнее давно распространилось на западе, еще не проник в народную жизнь. Кулачное право, считавшееся законною привилегиею свободных людей, существовало еще и теории, сильный безнаказанно теснил слабого вопреки всем законам нравственности и справедливости. Прославленное рыцарство в сущности было не более, как выражением грубой физической силы. Дикая страсть к войне и военным подвигам, совершенно противная нравственным христианским понятиям, считалась главным достоинством рыцаря. Кроме того рыцарство, вскоре же после своего появления, в большинстве приняло характер учреждения разбойничьего. Вообще воинственный дух был отличительною чертою быта средневекового общества; рыцарство было его обнаружением. Войны, описанием которых наполнена вся средневековая история, были постоянные и велись с варварским ожесточением, так что походили не столько на правильные войны, сколько на разбойничьи набеги. Воюющие стороны не щадили ни пола, ни возраста и подвергали все опустошению, грабежу и разрушению. Грязная чувственность и разврат шли рядом с грубостью нравов. Пастыри церкви в этом случае были примером для паствы. Церковное освящение брака на западе вошло в силу только в конце средних веков, а до тех пор венчание не считалось необходимостью. Не только простой народ, но даже короли, князья и вообще знатные люди не желали стеснять себя христианскими браками; вне брака был полный простор грубым половым

наслаждениям для всех. Впрочем, мало уважались и браки, заключенные с благословения церкви; произвольное расторжение их, ради чувственных наслаждений не редкость. – При такой нравственной распущенности западного общества трудно ожидать, чтобы оно обладало истинными религиозными познаниями. Религиозное невежество в массах народа было полное. Церковная жизнь на западе сложилась таким образом, что у народа отняты были все средства к религиозному образованию. Пастыри – учителя не учили своих пасомых; проповедей почти совсем не было; чтение св. писания было запрещено мирянам; совершение богослужения на латинском языке было непонятно и потому не могло содействовать религиозному воспитанию народа; литература составляла достояние немногих избранных. Следствием религиозного невежества было господство суеверий в западном обществе. Суеверия поражают своею громадою. Астрология, некромантия, магия, алхимия, каббалистика, вера в колдовство были в большом ходу на западе. Подобные суеверия распространились особенно со времени крестовых походов, когда запад познакомился с востоком, колыбелью всех суеверий. Астрологи при дворах королей играли такую же роль, как и при дворе византийских императоров того времени. Даже ученые, в роде Фомы Аквинского и Бакона, не сомневались в истинности астрологических и магических бредней и позволяли себе о том и другом распространяться в своих сочинениях. Но особенно распространена была вера в колдовство. Ловкие обманщики и обманщицы, пользуясь народным невежеством, выдавали себя за колдунов и колдуний; но чаще случалось, народ сам видел колдунов и колдуний в тех или других лицах, отличавшихся особенностями характера и жизни. Поэтому, колдуны и колдуньи были, везде; было время, когда всех женщин подозревали в сношениях с дьяволом. Даже иерархия верила в колдовство. Против колдунов и колдуний поднимались преследования, как против еретиков; известны, так называемые, процессы колдуний, оканчивавшиеся обыкновенно кострами. В 1484 г. папа. Иннокентий VIII отправил в Германию двух легатов с специальною целию отыскивать колдунов. Еще более поражают, суеверия религиозные в тесном значении слова. После крестовых походов в римской церкви появились такие святыни и в таком виде, что ими должно возмущаться разумное религиозное чувство. Крестonosцы приносили из св. земли разные вещицы, не имеющие никакого отношения к религии, напр. землю, древесные ветви и т. п. Все эти вещицы делались амулетами и им приписывалась сверхъестественная сила. Этого мало. На западе с возвращением крестonosцев распространились подложные святыни. Так, в

Шартре покапывали срачицу, молоко, волосы от Пресвятой Девы Марии; нешвенный хитон Спасителя показывали, в нескольких экземплярах, в Трире, Антверпене, Риме, Бремене и других местах; в Антверпене, Риме и Ахене показывали *graeputium Christi*; в монастыре корбейском в XIII ст. находилась между прочим, часть бороды Ноя; в XII в. рассказывали, что, тела трех волхвов перенесены из Константинополя в Медиолан и положены в церкви Св. Петра; в XIV и XV веках толковали, что ангелы перенесли дом Пресвятой Богородицы из Назарета в Далмацию, а потом в Лоретто. Всем этим святыням и сказаниям была полная вера. Иерархия не только не заботилась об уничтожении такого суеверия, но еще поддерживала его. Уважение народа к святыням ложным или действительным было выгодно для нее в материальном отношении. Иерархия даже сама, в тех же корыстлюбивых видах, выдумывала чудеса и сказания о них распространяла в народе. Подложные чудесами и откровениями особенно прославились нищенствующие монахи – францисканцы и доминиканцы. Между доминиканцами и францисканцами происходили ожесточенные споры относительно учения о непорочном зачатии Пресвятой Девы Марии. И те и другие для подтверждения своих мнений выдумывали разные откровения и знамения. Францисканцы заставляли св. Бригитту шведскую видеть явление Богоматери, уверявшей в своем непорочном зачатии, а доминиканцы заставляли тоже делать другую святую Екатерину Сиенскую, которой, напротив, Богоматерь открыла, что она рождена во грехах. Доминиканцы пошли еще дальше францисканцев. В 1506 г. в Берне в монастыре доминиканцев начались странные откровения. Одному довольно ограниченному и легковерному монаху Иецеру, стали являться по ночам сначала души, находившиеся в чистилище, которые убеждали его усилить свои бичевания, потом Богородица, св. Варвара, Екатерина, доказывавшие рождение Богородицы во грехах. Дошло до того, что Богородица, в одно явление, принесла Иецеру с неба письмо на имя папы Юлия II и в доказательство подлинности откровения и письма прожгла ему правую руку раскаленным гвоздем. В тоже время в монастыре появилась икона Божией Матери, которая источала слезы и разговаривала с Предвечным Младенцем о неразумии францисканцев, отнимающих у него преимущество быть единственным из людей, зачатыми без первородного греха. Подобные явления и чудеса были так поразительны что на них обратило внимание и правительство. Оказалось, что все это устраивали доминиканские монахи. Опасаясь неблагоприятного для себя исхода этого дела, последние задумали избавиться Иецера. После неудачной попытки

отравить его во время причастия, несколько доминиканцев явились к нему ночью по обычаю под видом Богородицы и других святых и сильно измучили его. Но Иецер, заметивши при истязаниях в числе явившихся небожителей монастырского повара убежал из монастыря и донес обо всем правительству. Аббат монастыря и три доминиканца, вследствие этого поплатились жизнью на костре в 1509 г. Подобных проделок было множество на Западе.

§ 22. Состояние богослужения в римской церкви

Римская церковь еще в предшествовавший период допустила у себя много уклонений от порядков богослужения церкви вселенской. В настоящий период она продолжала идти по тому же пути отступлений. Более замечательные особенности римской церкви в богослужении, получившие начало к описываемую эпоху заключаются в следующем. Таинство крещения в римской церкви стало совершаться чрез обливание или окропление, а не чрез погружение. Такая форма совершения этого таинства, существовавшая в некоторых западных церквях еще в VIII в. окончательно установилась на западе не ранее XII века. По крайней мере, в спорах между восточною и западною церквями при Фотие и Михаиле Келулларие об этой особенности римской Церкви не было говорено. Допустив обливание, римская церковь узаконила практику допускавшуюся церковью в исключительных случаях (крещение больных, заключенных) и отступила от общеупотребительной церковной практики. В таинстве Евхаристии римская церковь стала употреблять, вместо дробящегося хлеба, нераздробляемый (hostia). И в этом случае она поступила вопреки установлению этого таинства Спасителем и практике Вселенской церкви. До XIII в. на западе, также как и на востоке, причащались все под обоими видами т. е. Тела и Крови Христовой. В XII же веке римская церковь ввела у себя причащение мирян под одним видом, т.е. только Тела Христова, предоставив причащение под обоими видами исключительно иерархии. Это нововведение римская церковь оправдывает заботливостью о том, как бы при многочисленном стечении народа, не пролить св. Крови; в доказательство же правильности новой практики схоластические богословы приводили то соображение, что Тело Христово необходимо предполагает в себе присутствие Крови (concomitantia corporis et sanguinis). Но и оправдание новой практики в доказательство ее правильности не выдерживают критики. Если причащение одного Тела Христова есть в тоже время и причащение Крови, то римская церковь должна была отказать в причащении Кровию и иерархии. Напротив, причащение Кровию римская церковь ставит привилегиею иерархии. Так, действительно и было; устранение мирян от причащения Кровию вышло именно из стремления возвысить еще иерархию над мирянами. Впрочем, в виде особенной милости, папы позволяли некоторым мирянам напр.: королям, причащаться и Кровию. За устранением мирян от причащения Кровию естественно последовало

совершенное устранение младенцев от причащения, так как младенцы по физиологическим причинам не могут быть причащаемы св. хлебом.

Особенности римской церкви в богослужбных временах заключаются в том, что она ввела у себя сколько новых праздников, которых не знает Вселенская Церковь. Так в XIII в. установлен был праздник Тела Христова для прославления чуда непосредственного явления Господа И. Христа в освященном Хлебе. Поводом к установлению этого праздника послужило такое обстоятельство. В Люттихе одна монахиня, во время молитвы, увидела луну, на которой была впадина, и затем, объяснила, будто ей открыто в сновидении, что это явление означает то, что в круге праздников не достает праздника в честь тела Христова. Поэтому случаю сначала в епархии Люттиха, а потом, при папе Урбане IV (1264 г.); во всей римской Церкви учрежден вышеупомянутый праздник. Он празднуется в четверток, следующий за троицыным днем. Другой новый праздник Непорочного зачатия Пресвятой Девы установлен в XII веке. На западе в XII в. стало развиваться ложное учение о непорочном зачатии Пресвятой Девы. Это учение и вызвало установление праздника. Лионские каноники, приверженцы учения о непорочном зачатии Пресвятой Девы, для прославления этого чуда около 1140 г. стали праздновать день непорочного зачатия (8 ден.). В XIII в., францисканцы, с особенною настойчивостью проводившие учение о непорочном зачатии, ввели этот праздник во всех своих церквах, а в XIV и XV вв. он сделался всеобщим в римской церкви,

В заключение о богослужении римской церкви нужно заметить, что оно в описываемую эпоху мало-по-малу стало терять характер религиозно-нравственный и заключилось почти в одни только обрядовые формы. Все действующее на внешние чувства в богослужении особенно поощрялось и развивалось в римской церкви. Так, иконы делались изваянные, в виде статуй, с светскими украшениями; живописные иконы напоминали также светские картины; по крайней мере, в изображениях святых лиц не было той строгости и важности, которыми всегда отличались иконы Восточной церкви. Различные религиозные церемонии и процессии, которых появилось множество, совершались в римской церкви с блестящею обстановкою, напоминающею увеселительные театральные зрелища. Богослужбная музыка получила светский характер и т. п.

Глава 4. Учение, ереси и секты

§ 23. Главные богословские направления на западе

В IX и X веках на западе господствующим направлением в духовном просвещении было библейски-практическое. Весь богословский интерес сосредоточивался тогда на изучении св. Писания по толкованиям древних учителей. Изучения догматов церкви, независимого от изучения св. писания, не было; а отсюда не было и богословской науки. Но в XI и особенно в XII веках на западе пробуждается любовь к занятиям отвлеченными богословскими вопросами и вместе с тем стремление привести все содержание церковного вероучения в научную систему. Такое пробуждение умственной деятельности совпадает с политическим возвышением папства и церкви и с распространением на западе философии Платона и особенно Аристотели. Результатом начавшегося умственного движения было появление на западе богословской науки, развившейся соответственно двойному направлению, принятому ею, в двух главных формах – в форме схоластики и мистики.

Сущность богословской науки, известной под именем схоластики³¹⁹ заключалась в стремлении объединить между собой откровение и философию, веру и знание. Значение откровения и философии, при этом объединении, представляется в таком виде. Откровение давало материал для богословия, философия – форму. Истины откровения должны были всегда оставаться неприкосновенными; в этом именно и состоит характеристическая черта схоластики, что она сущности церковного вероучения не касалась и все то, во что веровала церковь (правильно или неправильно – все равно) принимала за абсолютную истину. Философия же (диалектика собственно) должна была, обрабатывать, уяснять, доказывать и приводить в порядок материал, данный откровением. Отсюда, как говорили в средние века, философия была прислугою богословия (*philosophia theologiae ancilla*). Например, рассматривая церковное учение, что все люди согрешили в Адаме, или – что Бог сделался человеком, или – что Христос всегда присутствует в Евхаристии, схоластика все это принимала за непреложные истины; но при этом она задавалась расследованием вопросов, как могли все люди согрешить в Адаме, почему Бог сделался человеком, как Христос может всегда присутствовать в Евхаристии. Понятно, что при разрешении поставляемых таким образом вопросов был полный простор для диалектических умозаключений и всевозможных соображений разума. Здесь именно и было дело философии с ее диалектикою. И схоластические богословы,

действительно, всегда отличались необыкновенною плодovitостью мыслей и самым утонченным диалектическим остроумием. Далее, делом философии было – все отдельные пункты вероучения, рассмотренные про и contra, объясненные и доказанные со всех сторон, привести в одно целое и изложить в связи и последовательности т. е., создать богословскую систему. Уяснение и доказывание, по началам разума, отдельных пунктов вероучения и приведение их строго логическую систему направлялось в схоластическом богословии к тому, чтобы показать, что истины откровения, как находящие свое подтверждение и обоснование в разуме и выводимые из начал разума; становятся предметом не веры, но знания. Таким образом конечную целию схоластики было возвести веру на степень знания. Изречение Анзельма кентерберийского (ум. 1109 г.) – *credo, ut intelligam* – вполне характеризует эту конечную цель. В своих стремлениях к достижению предположенных задач и целей, схоластика произвела много хорошего, но и также и много дурного. Главная заслуга схоластики состоит в том, что она своими исследованиями и доводами дала церковному вероучению ясность, точность и определенность и привела его в порядок и систему. Уродливые же стороны и схоластики заключаются в следующем. В подтверждение богословских истин схоластические богословы весьма часто приводили множество пустых и мелочных доказательств, считая их однако важными; возбуждали в области богословия множество нелепых и курьезных вопросов и разрешали их также нелепо и курьезно; упражнялись в диалектических спорах, поставляя на первом плане не сущность того или другого вероучения, а ловкость и изворотливость в доказательствах; построенные ими богословские системы представляли из себя сборники богословских истин, хотя изложенных в связи и последовательности, но запутанных, не соответствующих делу бесконечными дроблениями, делениями, подразделениями. Словом, схоластические богословы обращали, свое внимание исключительно на формальную сторону дела; для них важно было не самое вероучение, а постановка его. Отсюда произошло, то, что с одной стороны схоластика в своих системах богословия возвела на степень догматов множество неправильных учений, существовавших в римской церкви или только в зародыше или в виде отдельных мнений, а с другой – с течением времени, при полном господстве схоластики, все богословие римской церкви заключилось в одну только форму, и догматы церкви де иначе можно было принимать, только в том виде, в каком представила их схоластика. Живая и деятельная вера, равно как разумные исследования в области религии, но не подходящие под схоластические приемы,

совершенно уничтожались схоластикой.

Параллельно с схоластическим направлением в богословии шло мистическое³²⁰. Богословы схоластического направления стремились к постижению церковного вероучения рассудком при посредстве сложных логических умозаключений; богословы мистического направления, наоборот хотели постигать догмат чувством при посредстве внутреннего созерцания и углубления человека в самого себя. Мистика утверждала, что человек может познать Бога и все откровенное учение не чрез диалектические доказательства, а чрез возвышение духа к Богу в форме непосредственного созерцания. Находясь с состоянии созерцания и экстаза человек ощущает в своей душе присутствие Божества, чувствует себя исполненным и. просвещенным Им. В этом и заключается непосредственное, внутреннее познание Бога, Оно есть слабая степень того познания, которое будет иметь место в будущей жизни. Чтобы достигнуть здесь на земле созерцания и познания Божества, мистики говорили, нужно пройти несколько ступеней самоусовершенствования. В сущности они предлагают три ступени. Первая – это очищение т. е. освобождение духа, при посредстве аскетизма, от уз чувственной природы. Вторая – освящение т. е. внутренняя чисто духовная жизнь, когда дух живет и действует совершенно свободный от влияний чувственного мира. Третья – исполнение т. е. существование в Боге, который наполняет все существо человека; исполненный присутствия Божества, человек находится в состоянии озарения и экстаза, который проявляется здесь на земле в действиях божественного характера (чудесах, пророчествах и проч.).

Следы схоластического направления в богословии заметны еще в IX в. у Алкуина и особенно у Иоанна Эригены. В половине XI в. Беренгарий Турский и Лафранк Бекский в спорах о пресуществлении в первый раз на западе применили к богословию диалектику Аристотели т. е. пользовались схоластическим методом. Но только во второй половине XI в. ученик и последователь Лафранка Ансельм, архиепископ Кентерберийский (ум. 1109 г.) упрочил к западном богословии схоластическое направление. Это был остроумный и глубокий мыслитель. Он первый не только выставил задачу схоластики – возвысить веру на степень знания, но и сделал попытки осуществить ее в своих сочинениях. Из его сочинений, особенно замечательно под названием *Cur Deus homo?* Здесь он развил и доказал и церковное учение об удовлетворении Бога за грех человека таким образом. Своим грехом, человек оскорбил правду Божию. Это оскорбление требует удовлетворения. Но принести удовлетворение за оскорбление

бесконечного существа человек, как существо конечное, не мог. Это мог сделать только сам же Бог; почему Он и сделался человеком. В сочинениях *Monologium* и *Proslogium* Ансельм сделал попытку из оснований разума доказать обще-религиозную истину – бытие Бога и положил начало, так называемым, онтологическим доказательствам бытия Божия. – После Ансельма схоластическое направление в богословии упрочивалось все более и более. Париж был главным средоточием схоластики. Здесь в начале XII в. явился знаменитый схоластик Петр Абеляр (род. 1079 г., ум. 1142 г.). Это был человек, обладавший громадную ученостью и тонким диалектическим остроумием. Он имел величайший успех; целые толпы учеников всюду следовали за ним. Даже Бернад Клервосский был некоторое время в числе его учеников. В своих воззрениях Абеляр пошел дальше Ансельма. Ансельм, держась положений Августина, утверждал, что вера должна предшествовать разумению. Абеляр, напротив, учил, что вера должна основываться на разуме, что веровать тогда только можно, когда при, помощи разума будут доказаны истины, подлежащие вере. Таким образом, по Абеляру, истинность откровенного учения обуславливалась исключительно доказательствами от разума; за самым, откровением он не признавал авторитета. Эти смелая мысль была высказана им в сочинении «введение в богословие». В этом же сочинении, касаясь учения о Св. Троице и объясняя его своеобразно, он провел взгляд на отношение лиц Св. Троицы между собою, похожий на савеллианский. Все это было причиной того, что на Абеляра восстали очень многие на западе и особенно богословы мистического направления, соблазнявшиеся его положением об отношении веры к знанию. В 1121 г. на соборе в Соассоне Абеляра заставили бросить в огонь свое сочинение. Впрочем, он и после этого не отказался от своих воззрений. Впоследствии он снова обработал свое «введение» и издал его под названием «христианское богословие». Здесь опять проводились те же мысли. К этому он присовокупил еще несколько сочинений и между прочим под названием «да и нет» (*sic et non*). В нем, в опровержение того, что вера не может основываться на авторитете, Абеляр изложил все выдающиеся противоречия церковных писателей в воззрениях на догматы. Снова начались преследования на Абеляра. Бернад Клервосский, один из горячих мистиков своего времени, особенно вооружился против него за то, что он осмеивает веру простых людей, наносит поругание отцам и все приписывает разуму. На Сенском соборе в 1140 г. Абеляр объявлен был еретиком; вслед за тем папа осудил его сочинения на сожжение, а самого подверг монастырскому заключению, впрочем, вскоре после этого Абеляр

примирился с Бернардом и поселился в Ключийском монастыре, где до самой своей смерти (1142 г.) проводил жизнь подвижническую. – В лице Абеляра схоластика несколько уклонилась от своих начал. Своим положением – вера должна основываться на разумных доказательствах – он внес в богословие рационалистические начала, которые грозили подорвать самую сущность церковного вероучения. Схоластики, следовавшие за Абеляром, под влиянием упреков со стороны мистиков, понимали эту опасность, и потому положили для себя правилом в своих исследованиях о догматах основываться на авторитете откровения и церковных писателей. В таком случае они выбирали из сочинений церковных писателей, особенно Августина, догматические положения (*sententiae*) и развивали их диалектически. Отсюда, таких схоластиков называли сентекциариями. Таков, напр., Петр Ломбард, сначала учитель богословия, а потом епископ Парижский (ум. 1164 г.). Он оставил четыре книги сентенций, в которых, собравши главные догматические положения церковных писателей, сделал попытку построить при помощи диалектики, систему богословия. Его сочинение было в таком уважении, что на него впоследствии писали комментарии.

В XII в. схоластики занимались главным образом обработкою отдельных, пунктов вероучения; попытки создать богословскую систему были редки и слабы. Неудержимое стремление к систематизированию богословского материала проявляется только в XII в. К этому расположило схоластиков знакомство их с физикою и метафизикою Аристотеля, Заимствованными из Испании у арабов и в арабском переводе, тогда как прежде они были знакомы только с его диалектикою. Для каждого более или менее замечательного схоластика теперь было делом первой важности написать свою богословскую систему, или, как тогда называли *summa theologiae*. Александр Галес (ум. 1246 г.), учитель богословия в Париже, первый написал такую сумму в 4-х частях. Особенность его системы та, что в ней строго-логически разграничиваются между собою как отдельные богословские положения, так и частные вопросы, заключающиеся в положениях. Отсюда, у Галеса множество разделений и подразделений. Такова же сумма и Альберта Великого (ум. 1280 г.), ученого епископа регенсбургского, с тою особенностью, что в ней весьма удачно развиваются все частности из одного общего начала. Но знаменитейшим из схоластиков-суммистов и даже схоластиков всех времен был ученике Альберта Фома Аквинский (ум. 1274 г.). Принадлежавший к ордену доминиканцев. Это был основательный и глубокомысленный философ-богослов своего времени. Из всех современных схоластиков он один

только вполне понимал Аристотеля, что и доказал многочисленными комментариями на его сочинения. Вся жизнь этого человека прошла исключительно в ученых трудах. Местом его деятельности были Кельн, где он был (с 1249 г.) учителем богословия, Париж, где он в университете занимал кафедру богословия (с 1257 г.) и, наконец, Италия, куда папа призывал его для поднятия наук. Слава его так была велика, что современники называли его ангельским учителем. Вскоре после его смерти доминиканцы возвели его (1286 г.) в звание доктора ордена, а папа Иоанн XXIII причислил (1322 г.) к лику святых. Фома Аквинский писал весьма много. Последнее издание его сочинений составляет 28 громадных томов. Из сочинений особенно замечательно – *summa totius theologiae tripartita*. Это – полная богословская система, превосходящая все такого же рода системы основательностью, полнотой и строго логическим построением. В первой части этой системы развивается учение о Боге, во второй – о человеке, в третьей – о Богочеловеке. В свою систему Фома ввел и учение о нравственности (во второй части). Доминиканцы почитали сочинения своего доктора наравне с Библией и были того убеждения, что в них заключается вся богословская и философская мудрость; почему вполне основательным богословом признавали того, кто изучил сочинения Фомы. Да и вообще вся римская церковь высоко ставила сочинения Фомы, – его *summa* и в настоящее время считается лучшей богословской учебной книгой, так как она кроме основательности и полноты отличается еще ясностью. Из всех схоластиков только францисканец Иоанн Дунс Скот (ум. 1308 г.) мог несколько равняться с Фомой, хотя во всяком случае он ниже последнего. Францисканцы, соперники доминиканцев, в Скоте приобрели своего доктора ордена. Иоанн Дунс Скот был родом из Англии и здесь, будучи учителем богословия в Оксфорде, заявил себя непобедимую диалектикою. Францисканцы постарались доставить ему кафедру богословия в парижском университете, где сосредоточивалось тогда все богословское просвещение. Здесь в диспуте с доминиканцами он одержал полную победу. Впрочем Скот не долго пользовался своею славою, – он вскоре (1308 г.) умер в Кельне. Прозвание «утонченный учитель», данное Скоту современниками вполне определяет характер его деятельности. Это был самый утонченный диалектик из всех схоластиков. С необыкновенною находчивостью и остроумием разрешал он все затруднительные и темные вопросы в богословской области. Но дальше искусственных диалектических тонкостей Скот не пошел. Построение богословской системы, равно как и самые догматы, его мало занимали; все его внимание обращено было на

разделение и различение понятий, на отыскивание новых вопросов и противоречий и удачное разрешение их и т. п. Это доказывают замечательнейший из его сочинений: «вопросы на 4 книги мнений» и «обоюдные вопросы». Скот писал хотя и меньше Фомы, но все-таки много. Но у него самая варварская латинская речь. – Фома Аквинский и Дунс Скот в воззрениях на некоторые пункты церковного учения имели каждый свои особенности. Например, в учении о грехе и благодати Фома следовал Августину, Скот, напротив, держался пелагианских мнений. Такого рода особенности перешли и к их почитателям – доминиканцам и францисканцам. Отсюда в римской церкви явились две богословские партии фомистов и скотистов. И те и другие вели между собою постоянную полемику.

Иоанн Дунс Скот был последним замечательным схоластиком. Темные стороны схоластики даже у него весьма заметны. Последующие же схоластики окончательно впали в пустой формализм и казуистику. На практической почве схоластика со своими за и против оказалась вредною для нравственности. При помощи казуистических тонкостей были попытки оправдать всякое преступление. Схоластика сама себя истощила. Упадок ее начинается с XIV века. В XIV веке, под влиянием нового направления философии, отделившейся от богословия и занявшей самостоятельное положение, схоластика окончательно упала, хотя следствия ее ощущаются и доселе в богословской науке.

Мистика также имела своих замечательных поборников. Первым из них пред нами является Бернард Клервосский (ум. 1153 г.). Сначала он увлекся было схоластическим направлением и был слушателем Абеяра. Но его глубокое религиозное чувство говорило ему, что познания Бога можно достигнуть другим, более соответствующим цели, путем. Этот путь есть непосредственное общение человека с Богом, обуславливающееся со стороны человека любовью. Любовь, говорил Бернард, есть источник всякого знания; человек может на столько знать Бога, на сколько он Его любит. Проникнутый любовью к Богу, находясь в общении с Ним человек удостоивается божественного озарения и достигает непосредственного созерцания Божества. Этому же помогает молитва. И такое созерцательное познание Бога несравненно выше и полнее познания рассудочного, к которому стремились схоластики. Такого рода мысли развиты были Бернардом в сочинениях: «о рассмотрении себя», «об обращении», «трактат о любви к Богу» и друг. Также мыслили и писали и другие мистики, друзья и ученики Бернарда, например, Гугон (ум. 1141 г.) и Ричард (ум. 1173 г.), учителя школы при монастыре Сен-Виктор, бывшей

центром мистического богословия. Первый в своих сочинениях сделал попытку объединить между собою схоластику и мистику, поставив рассудочное познание откровенного учения подготовительною ступенью к познанию созерцательному. Второй поставил своею задачею обработать теоретически и привести в систему мысли, высказанные отрывочно Бернардом. Более замечательные из его сочинений следующие: «о благодати созерцания», «о приготовлении ума», «об образовании внутреннего человека». Но все эти мистики далеко уступают францисканцу Бонавентуре (ум. 1274 г.), современнику Фомы Аквинского. Бонавентура изучил Аристотеля, был коротко знаком с научным схоластическим методом и ввел этот метод в мистику. По его представлению, глубокое благочестие, жизнь во Христе и для Христа с отречением от всех эгоистических стремлений ведут к общению с Богом и к познанию Его. Он не отрицал и рассудочного (схоластического) познания Бога, но требовал, чтобы одно сопровождалось другим. Его сочинения схоластического характера подтверждают это. В них он обращает преимущественное внимание на содержание, а не на форму и вообще к содержимому церковию вероучению относится с глубоким религиозным чувством. Из его сочинений мистического характера замечательны: путь ума к Богу, о семи степенях созерцания, горение любви и друг. В этих сочинениях он представляет последовательное самоусовершенствование человека, просветление его души и, наконец, блаженное созерцание тайн Божиих. Бонавентура в своей жизни осуществил те высокие мысли, которые проводил в своих сочинениях; среди научных занятий он посвящал себя подвигам самоотречения и умер от жестоких истязаний, которым подвергал себя. В римской церкви он признан святым.

В лице Бонавентуры мистика вступила в союз с схоластикой. Когда же в XIV в. схоластика стала мало-по-малу впадать в пустой формализм мистика снова отделилась от нее. Но теперь и мистика приняла новое направление. Поставляя своею конечною целию достижение блаженного созерцания Божества, она стала проповедовать, что человек может искать и созерцать Божество во всей природе и в себе самом, так как мир есть только скопление различных проявлений Бога и поэтому составляет с Богом одно неразделимое целое т. е. мистика к своим созерцаниям присоединила еще идеалистический пантеизм. На этом новом пути она заявила себя замечательною глубиною умозрения. Главным местом, где развивалась эта умозрительная мистика, была юго-западная Германия. Представителем ее и даже отцом считается доминиканец Генрих Эккарт

[ум. 1329 г.]. За ним следует также доминиканец, Иоанн Таулер [ум. 1361 г.], прозванный

учителем возвышенным и озаренным. Последний проповедовал строго-аскетическое отречение от мира и себя самого, чтобы достигнуть созерцания Божества в собственной душе. Его замечательное сочинение «последование бедной жизни Христа». В XX в., под влиянием известного ученого богослова Иоанна Жерсона (ум. 14 29 г.) сочувствовавшего мистическому направлению, мистика приняла направление более практическое, выразившееся проповедью только об истинно-благочестивой жизни, самым замечательным представителем практической мистики был Фома Кемпийский [ум. 1471 г.], субприор одного монастыря. Ему, кроме множества других сочинений аскетического характера, принадлежит о подражании Христу в 4-х книгах. Это сочинение, получившее всемирную известность и пользующееся и в настоящее время всеобщим уважением, дышит искренним и умиленным благочестием. Подражание Христу Фома Кемпийский понимает, как полнейшее самоотречение и преданность воле Божией.

§ 24. Новые догматы в Римской церкви

В Римской церкви, во время господства схоластики и при ее содействии, как замечено было выше, появились новые догматы. Из них более выдающимися представляются – учения о сверхдолжных заслугах святых, об индульгенциях и чистилище. Все эти учения были следствием искажения схоластическими богословами-систематиками идеи искупления.

Учение о сверхдолжных заслугах святых вышло из пелагианского взгляда схоластических богословов на состояние человека до и после грехопадения и из таких же взглядов на оправдание и спасение его. Но представлению их (напр. Ансельма и особенно Дунс Скота), первобытная правда (*justitia originalis*), состояла исключительно в чрезвычайных дарах благодати (*dona supernaturalia*). Грехопадение повело за собою только отнятие этих даров; нравственные же силы человека остались теми же, какими были и до грехопадения с теми же совершенствами и недостатками, какие изначала сообщены были его природе Творцом. Только до падения недостатки человеческой природы, под воздействием благодатных даров, не обнаруживались; с отнятием же последних они стали, напротив, обнаруживаться. Отсюда, искупление, по воззрению схоластических богословов, должно было состоять и состояло только в возвращении человеку первобытной правды т. е. сверхъестественных даров благодати. Благодать, в силу заслуг Господа И. Христа, и возвращается человеку. О восстановлении же нравственных сил человека и в искуплении у схоластических богословов нет речи, так как они не подверглись порче. У них и грехопадение и искупление представляются каким то юридическим актом. Согрешил человек, – у него отнята благодать, искуплен он И. Христом, – благодать ему возвращается. И в том и другом случае благодать придается ему внешним образом. Но И. Христос, продолжают латинские богословы, искупил людей только от первородного греха и от последствий его – вечных мучений. За грехи же, совершенные после искупления, человек должен сам приносить удовлетворение (*satisfactio*) своими подвигами, – и это для него возможно, так как он, вследствие не испорченности его нравственных сил, может делать сам лично много добрых дел. Есть люди, каковы святые, которые делают столько добрых дел, что не только покрывают ими свои собственные грехи, но еще имеют в них избыток. Этот избыток в добрых делах и есть их сверхдолжные заслуги. В доказательство своего учения о сверхдолжных

заслугах святых схоластические богословы неправильно приводили заповеди Спасителя о жизни нравственно-совершеннейшей, напр. удалении от брака, произвольной нищете, как будто, заповедуемая Спасителем, совершеннейшая жизнь может быть чем-то сторонним для проводящего ее, а не составляет потребности человеческой природы, стремящейся в высшему совершенству. Нашедши у святых сверхдолжные дела, схоластические богословы (Александр Галес) назвали их сокровищницею сделанного сверх должного святыми (*thesaurus supererogationis perfectorum.*).

Эта сокровищница сделалась основой для индульгенций. Индульгенции есть не больше как следствие злоупотребления покаянною дисциплиною. В древней Вселенской Церкви было в обычае на кающихся налагать епитимии. В римской церкви, при всеобщей распушенности нравов в средние века, епитимии, налагаемые на кающихся, напр. посты, казались трудными для выполнения. Услужливая иерархия стала делать послабления; она заменяла епитимии другими действиями, более легкими и удобными, назначала, напр., кающемуся посещать ту или другую церковь и т. п., и за это прощала грехи. Этого мало, – сообразно с внешним юридическим строем западно-церковной жизни, представилось возможным заменить епитимии взносами денег на доброе дело, напр. на церковь или на бедных. Денежные епитимии были в обычае в X веке. Таким образом за деньги удавалось увольнение от епитимий, делалось снисхождение т. е. индульгенция. Другими словами, за деньги можно было получить отпущение грехов. В конце XI в. начались крестовые походы. Крестоносцы предпринимали такие подвиги, которые, по взгляду латинян, равнялись выполнению всякого рода епитимий. Папы, бывшие главными заправителями крестовых походов, в видах привлечения большего числа людей к участию в них, за подвиги крестоносцев стали давать им буллы, в которых прописывались индульгенции т. е. отпущение грехов и не только сделанных, но даже и тех, которые будут сделаны. А так как в крестовых походах можно было участвовать не личными только подвигами, но и денежными пожертвованиями на крестоносные ополчений, то папы находили законным давать индульгенции и за денежные пожертвования. Вскоре папы поняли, что отпущение грехов составляет хороший источник доходов; поэтому, они стали раздавать индульгенции и помимо крестовых походов, и получали за них хорошие деньги. Словом, индульгенции обратились в коммерческую операцию. В XIV и XV веках торговля индульгенциями приняла характер скандальный. Ею возмущалось всякое истинное религиозное чувство.

Схоластические богословы, когда индульгенции стали входить в большее употребление, приняли на себя заботу дать этому злоупотреблению догматическую основу. Исходя из того взгляда, что И. Христос принес удовлетворение божественному правосудию только за первородный грех и спас людей только от вечных мучений и что за грехи, совершенные после искупления, человек должен приносить удовлетворение сам лично своими подвигами, и тем избавлять себя от временных наказаний, следующих за каждым грехом, – они утверждали, что епитимии и есть те подвиги, которые удовлетворяют божественное правосудие за грехи³²¹. Епитимии у схоластических богословов, таким образом, ставятся наравне со всякого рода подвигами и добрыми делами. Но не всякий человек имеет столько подвигов и добрых дел, чтобы он мог принести ими удовлетворение за свои грехи и освободить себя от временных наказаний. В этом случае ему на помощь является церковь. В распоряжении ее или лучше, папы находится сокровищница сверхдолжных заслуг святых. Папа берет из этой сокровищницы столько добрых дел, сколько нужно для удовлетворения за грехи известного лица, и переносит их на это лицо. На основании; такого вменения добрых дел одного лица другому и производится отпущение грехов с выдачею индульгенций. Существующие при этом денежные взносы схоластические богословы обходили молчанием. Для них важно было объяснить возможность отпущения грехов человеку, ни чего не сделавшему для такого отпущения. – В тесной связи с индульгенциями и с учением о сверхдолжных заслугах святых стоит учение о чистилище (purgatorium). Учение о чистилище есть искажение православного учения о нерешительном состоянии душ по смерти и молитве за них. Находя, что за грехи, совершенные после искупления, человек должен нести временные наказания, схоластические богословы принимали, что эти наказания постигают человека в этой земной жизни и, если он не освободил себя от них подвигами, то следуют за ним в жизнь загробную. В загробной жизни, говорили они есть такое особое место; куда поступают души по смерти и где терпят наказания, очищающие от грехов, не оплаченных в жизни. Это место и есть чистилище. Схоластические богословы допускали даже, вместе с народными фантастическими представлениями об этом предмете, существование в чистилище вещественного огня. Чтобы освободить души из чистилищного огня, – для этого нужно опять обратиться к сокровищнице сверхдолжных заслуг святых и получить индульгенцию на имя освобождаемой души. Папа Сикст IV в 1477 г. окончательно установил тот догмат, что души умершие освобождаются от чистилища, при посредстве индульгенций; при этом он

замечал, впрочем, о полновесности своих молитв за грешников.

Учения о сверхдолжных заслугах святых, индульгенциях и чистилище приводят к печальным выводам. Человек спасается, как раб, за плату; самый акт спасения представляется каким-то контрактом, торговым договором. Отношение Божества к человеку здесь измеряется, как чувственная, пространственная вещь известного количества и протяжения. Заслуги Спасителя при этом делаются, если не излишними, то, по крайней мере, непонятными и малозначительными, а личность человека уже совершенно исчезает и теряется, потому что одна личность заменяет другую своими заслугами. Личная порочная жизнь ничего не значила для индульгенций, дававшихся не только за предков, но и за все потомство на тысячи лет³²².

§ 25. Секты в римской церкви в XI–XV веках

Церковная жизнь на западе в XI–XV веках представляла весьма много ненормального. Папы пользовались своею духовною властью, только для приобретения мирского господства и являлись не столько иерархами церкви, сколько деспотами, попиравшими все законы нравственности и справедливости; епископы, также в большинстве не отличавшиеся нравственностью, заботились только о мирских интересах; клирики поражали своим невежеством и распутством; народ, при отсутствии всякого знакомства с истинами христианства, погружен был в суеверия. Как в иерархии, так и в пастве римской церкви замечается полное или забвение, или непонимание тех целей, к достижению которых должны стремиться истинные христиане. Словом, церковная жизнь на западе приняла чувственное направление, и римская церковь, поэтому, представляла из себя не столько божественное учреждение, сколько человеческое. Такое омирщение церкви в людях, дороживших интересами религии, возбуждало недовольство и протесты. Протесты эти нередко доходили до того, что недовольные строем жизни в господствующей церкви отделялись от нее и образовывали самостоятельные религиозные общества, в основе которых лежало стремление восстановить истинную церковь. Но вооружаясь против злоупотреблений в господствующей церкви, отделившиеся от нее сами переступали границы дозволенного и становились сектантами. Таким образом, вследствие недовольства римскою церковью и стремления реформировать ее, в XI–XV веках на западе появились следующие секты – кафаров и альбигенсов, петробрусиан, валденсов, апостоликов и друг.

Кафары и альбигенсы. В XI и особенно XII веках на западе в равных местностях появилось множество сектантов. Их называли различно – манихеями, булгарами, публиканами ткачами и проч. Они же называли себя кафарами, так как свою секту считали истинною, чистою церковью, а также добрыми людьми (в южной Франции). Во время крестового похода в начале XIII в. против еретиков южной Франции, в числе которых было значительное большинство кафаров, их называли албигенсами от города Альби, считавшегося их центром. Учение кафаров положительно сходно с учением восточных павликиан и богомилов. Поэтому, а также в виду того, что кафаров называли булгарами, публиканами (павликианами), с достоверностию полагают, что секта их занесена на запад из Болгарии, где был центр богомилства. Богомильские мысли могли очень легко

привиться на западе, так как их удобно было положить в основу оппозиции против господствующей церкви. В основе вероучения кафаров, также как павликиан и богомилов, лежит манихейский дуализм. Но при этом одна часть кафаров допускала абсолютный дуализм, два самостоятельные начала, доброе и злое, с двумя творениями; другая – принимала дуализм относительный, считая злое начало падшим духом, который первый внес в мировую жизнь злой элемент. На таинства, почитание креста, икон и вообще на всю обрядовую сторону религии кафары смотрели, как и богомилы. Вместо крещения водою у них было духовное крещение, совершавшееся чрез возложение рук и апокрифического евангелия Иоанна на крещаемого; они веровали, что при посредстве этих действий сообщается Дух Святой. Отрицая евхаристию в православном смысле, они говорили, что ежедневно причащаются, принимая пищу, освященную молитвою «Отче наш». Брак отвергали и жили с женами как с сестрами. Иерархию и папство отвергали; на папу, между прочим, смотрели, как на антихриста. На ветхий завет кафары смотрели также, как и богомилы, но придавая ему никакого значения. Секта их разделялась на слушателей, верующих и избранных или совершенных. Наконец в казни кафары являлись строгими аскетами. Вообще в секте кафаров развита была, преимущественно практическая сторона дуализма, а не теоретическая. Отвержение всей церковной внешности и обрядности и жизнь под непосредственным водительством Св. Духа – ее характеристические особенности. – Во второй половине XII в. кафары особенно усилились в южной Франции, где им покровительствовали даже владетельные графы и бароны. Пары предпринимали разные меры для уничтожения еретиков, но ни убеждения, ни строгости не приводили к цели. Светские владетели южной Франции не сдавались ни на что. Папа Иннокентий III (1198–1216 г.) особенно горячо взялся за обращение еретиков. В 1198 г. он отправил в южную Францию легатов с неограниченными полномочиями. Но только Доминику, присоединившемуся к ним, удалось обратить некоторых. Легаты же мало имели успеха; один из них, Петр Кастельский был даже убит (1208 г.). Теперь Иннокентий решился поднять на еретиков крестовый поход, Крестonosное войско, состоявшее из самых отчаянных разбойников, вступило в Южную Францию и начало огнем, и мечом обращать еретиков. Так, при взятии города Безьера, было побито ими 20,000 человек; при этом папский легат, в виду нерешительности крестonosцев, как бы вместе с еретиками не умертвить католиков, кричал: «бейте их, ибо Господь знает своих»! Целых двадцать лет опустошали они

Южную Францию и, наконец, очистили ее от еретиков. Римская церковь позаботилась, чтобы еретики не появлялись и на будущее время. На соборе Тулузском в 1229 г. были постановлены строгие правила относительно разыскивания еретиков и их наказания. А папа Григорий IX в 1232 году учредил для этого инквизиционный суд, который предоставил доминиканскому ордену. Иннокентий IV (в 1259 г.) дозволил в суде инквизиции употреблять пытки.

Петробрусиане обязаны своим происхождением священнику южной Франции Петру Брюисскому. Последний, в начале XII в., выступил с проповедью против всей церковной внешности. Выходя из того воззрения, что истинная церковь находится в сердцах верующих, он говорил, что родиться можно на всяком месте и притом в сердце. Поэтому, приказывал своим последователям разрушать церкви, ниспровергать алтари, жечь иконы, кресты и т. д. Крещение младенцев, совершение евхаристии, безбрачие также были им отвергаемы. Особенность этой секты состоит в том, что она стремилась реформировать церковь путем революции. Петр Брюисский в 1124 г. был сожжен на костре народом, вооружившимся против него за истребление икон. После него предводителем секты был Генрих Лозаннский. Этот вооружался главным образом против духовенства. После долгих походов он был схвачен, осужден и заключен в темницу, где и умер (1149 г.). Петробрусиане впоследствии слились с кафарами в южной Франции.

Секта вальденсов получила свое начало во второй половине XII в. от Петра Вальда, лионского купца. Это – был человек глубоко религиозный, любивший читать священное писание, которое было переведено для него двумя духовными лицами. Чрез это чтение он познакомился с церковью апостольского века и, сравнивая ее с церковью римскою, пришел к убеждению, что римская церковь далеко отступила от той. Внезапная смерть одного из друзей Вальда послужила поводом к решительному шагу. Он раздал свое имение бедным и, в видах восстановления апостольской церкви, сделался странствующим проповедником покаяния и обращения на путь истинный. К нему пристали другие, и таким образом, образовалось целое общество странствующих проповедников. Их называли лионскими нищими, униженными, саботатами (по обуви). Предосудительного в проповеди этих людей ничего не было. Но все-таки лионский архиепископ запретил им проповедь, а папа предал (1184 г.) их даже проклятию, так как казалось оскорблением для иерархии притязание их на учительство в церкви. К тому же вальденсы утверждали, что истинными учителями в церкви могут быть только добровольно принявшие на себя подвиг

апостольской нищеты; Вальд был изгнан из Лиона; он долгое время проповедовал в Италии, Германии, поселился, наконец, в Богемии и здесь умер (1197 г.). Последователи его также рассеялись, но в некоторых местах основали свои общины. Вальденсы вначале не имели в виду отлагаться от господствующей церкви, но, когда сама церковь отвергла их, они стали в оппозицию к ней. Их протесты направлены были главным образом против римской иерархии. Вооружаясь против нее, они дошли до отрицания иерархии вообще, а затем и до отрицания священнодействий, совершаемых иерархическими лицами. Так они отвергали папство, право иерархии разрешать от грехов и вообще исповедь, причащение и т. д. Затем последовательно они дошли до отрицания почитания икон и мощей. Таким образом, вальденсы, в своих стремлениях восстановить апостольскую церковь, примкнули отчасти к кафарам. В жизни вальденсы являлись людьми высоконравственными. Почерпая правила жизни исключительно из Евангелия, они хотели выполнять буквально все заповеди Спасителя, и потому отвергали всякую самозащиту, войну, присягу и т. д. Даже католики отзывались одобрительно об их жизни. Попытки папы Иннокентия III вернуть вальденсов к церкви и преобразовать их общество в монашеский нищенствующий орден не удалась, так как разногласия их с церковью были слишком велики.

Секта апостоликов появилась в XIII веке. Основателем ее был Герард Сегарелли. У него, также как и у Вальда, было стремление восстановить апостольскую жизнь. В 1260 г. он, опоясанный веревкою, босой и с непокрытою головою, выступил в Парме с проповедью покаяния. Своими проповедями и наружностью он увлек многих, так что вскоре вокруг него образовалось целое общество, которое он назвал орденом апостоликов. Но папа не утвердил этого ордена и даже проклял его; вследствие этого Герард окончательно разшелся с церковью и начал ожесточенную полемику с ней. Он особенно нападал на роскошь и богатство клириков, а римскую церковь называл апокалипсической блудницею. За это он был схвачен и сожжен в Парме (1300 г.). Его место в секте занял Дольчино, сын одного священника. Этот выступил с апокалипсическими пророчествами против римской церкви. Он утверждал, что скоро наступит новый (четвертый) период церковной жизни, когда папа и вся церковная иерархия будут низвержены и церковь будет преобразована Св. Духом в духовную общину. Он даже назначал год наступления этого периода. Целые тысячи фанатиков следовали за этим новым пророком. Римская иерархия, конечно, вооружилась против него со всею силою. Но Герард, избегая преследований, удалился в Далмацию, а потом, явившись в

Италии, утвердился с своими приверженцами на одной горе и долгое время отбивался от целого крестоносного ополчения. Только голодом довели его до невозможности продолжать борьбу. Он сдался и был сожжен на костре (1307 г.). Многие из его последователей также погибли на кострах.

Глава 5. Подготовка реформации

§ 26. Общее недовольство римской церковью и стремление к ее преобразованию

В появлении сектантских обществ на западе высказался резкий протест против испорченности римской церкви. Но в XI–XV веках не одни только сектанты восставали против недостатков господствующей церкви; кроме их мы видим во всех слоях западного христианского общества множество недовольных тогдашним положением церковных дел. Только эти недовольные не отделялись, подобно сектантам, от церкви, а, оставаясь в ней, требовали церковных преобразований. В XIV и особенно XV веках, когда злоупотребления папства и иерархии дошли до крайней степени, требования церковных реформ стали раздаваться отовсюду и с особенною настойчивостью. Папство, – извратившее христианство до того, что церковь, это царство Божие, обратилась в царство человеческое, панское, – было ненавистно всем. Все, – и государи с своими правительствами, и ученые, и епископы, и клирики, и народ, – во имя евангелия и апостольского христианства требовали преобразования церкви во главе и членах. Требовали, – чтобы папа отказался от своей светской власти и ограничился одною духовною; чтобы и духовною властью он пользовался без насилий и произвола, в границах, определенных церковными законами; чтобы в жизнь иерархии и клира введена была строгая дисциплина и вообще улучшена их нравственность; чтобы все церковные злоупотребления, в том числе и индульгенции, были уничтожены; чтобы религиозное знание было очищено от схоластических наростов и основывалось на Св. Писании; чтобы в народе распространено было религиозное образование; чтобы вообще восстановлено было благочестие в церкви и т. д. Ученые богословы в своих сочинениях весьма основательно доказывали необходимость подобных реформ. Парижский университет был центром, откуда распространялось реформаторское движение. Отсюда именно выходили ученые поборники реформы, напр. канцлер университета Иоанн Жерсон (ум. 1429 г.), ректор университета Николай фон Клеманж (ум. 1440 г.) и друг. Подобные люди были выразителями желаний современного им общества. Папы, конечно, не хотели знать никаких реформ. Тогда попытки произвести их стали принимать на себя правительства и даже частные лица; правительства стремились достигнуть этого при посредстве реформаторских соборов Пизанского, Констанского и Базельского, частные лица, напр. Джон Виклеф в Англии, Иоанн Гусс в Богемии и друг. рассчитывали на

содействие ученых и народных масс. Но попытки так и остались попытками. Западное христианское общество все еще находилось под обаянием папского всемогущества и страшилось сделать решительный шаг, а с другой стороны папы XV века были настолько изворотливы, что всегда находили средства разрушить все реформационные планы. Все-таки эти попытки проложили путь настоящей реформации.

§ 27. Викалеф и Гусс

Английский богослов, Джон Викалеф (род. 1324 г., ум. 1384 г.), выступил со своими реформаторскими стремлениями во второй половине XIV века. Обстоятельства благоприятствовали ему. В то время (при Эдуарде III) английское правительство мало-по-малу начало высвобождаться из-под опеки папства и потому благосклонно смотрело на его противников. Викалеф начал тем, что в 1368 г. издал сочинение «о последних временах церкви», затем во время (с 1360 г.) борьбы оксфордского университета с нищенствующими монахами, стал устно и письменно доказывать несостоятельность монашества. К этому времени относится, между прочим, его сочинение «о бедности Христа», в котором нищенствующие монахи представлены в весьма невыгодном свете. В 1366 г., когда английское правительство отказались платить ленную подать папе, Викалес выступил с сочинением в защиту правительства. За это он сделан был профессором и доктором богословия в Оксфорде (1372 г.). В 1374 г., по поручению своего правительства, Викалеф, в числе других, отправлялся к папскому двору в Авиньен для переговоров о церковных делах. Здесь он лично познакомился с испорченностью папства и, по возвращении, открыто стал проповедовать, что папа есть «антихрист». В своих нападках на папство Викалеф дошел до того, что отвергал в принципе священство, поставляя не посвящение, а личное благочестие того или другого иерархического лица источником его прав на управление и священнодействие в церкви. Нищенствующие монахи воспользовались этими и подобными мыслями Викалефа, чтобы обвинить его в ереси. Они выбрали из его сочинений и лекций 19-ть положений и отправили их к папе Григорию XI, как еретические. Назначен был суд над Викалефом (в 1378 г.). Но на этот раз, благодаря защите английского правительства, он избежал осуждения, удовлетворивши суд приличными объяснениями. Между тем наступил панский раскол. Викалеф снова выступил против папства и пошел еще дальше в своих реформаторских планах. Он отвергал совсем епископскую степень в церкви и предлагал восстановить, как он говорил, апостольское пресвитерианское устройство; отвергал совершенно Св. предание, поставляя Св. Писание единственным источником и нормой вероучения; учение о чистилище и индульгенциях также отвергал; таинство елеосвящения не признавал необходимым; устную исповедь считал насильем совести и потому предлагал довольствоваться внутренним раскаянием человека пред Богом; учение о действительном

присутствии Христа в евхаристии отвергал, допуская, подобно Беренгарию Турскому, только Его духовное присутствие; богослужение с его искусственностью, блестящими церемониями отвергал и предлагал устроить его как можно проще; священникам предлагал позволить брачную жизнь, а монашеское сословие уничтожить или, по крайней мере, монахов считать наравне с мирянами. Вообще Виплеф стремился в деле веры, если не совсем уничтожить, то, по крайней мере, ограничить всякое, посредство между Богом и человеком, и спасение человека поставить в зависимость от его личного отношения к Искупителю. Для распространения в народе религиозного знания Виклеф основал общество благочестивых мужей, которые должны были проповедовать народу Евангелие; вместе с тем он начал переводить Св. Писания на английский язык. Все это, и особенно попытки дать народу возможность читать Св. писание, было причиной того, что против Виклефа снова начались преследования. В 1382 г. на соборе в Лондоне его учение в 24 положениях, было осуждено, как еретическое. Слабый король Ричард II успел только защитить личность Виклефа. После этого Виклеф удалился из Оксфорда в приход Люттерворт, где и умер. В своем уединении не задолго до смерти он написал сочинение *trialogus*, в котором изложил свои реформаторские мысли. Впоследствии Виклеф еще несколько раз был осужден – папою Иоанном XXIII на римском соборе 1412 г. и на соборе Констанском 1415 г. У Виклефа остались последователи но только из среды народа, но и из высших классов общества. Их называли еретиками лоллардами. Но так как английское правительство, под давлением папства, отказало им в своем сочувствии и даже помогало церкви преследовать их, то они не имели никакого значения, Все-таки мысли Виклефа пустили глубокие корни как в Англии, так и других странах.

В более привлекательном свете является пред нами другой поборник реформы, Иоанн Гусс, профессор богословия в Пражском университете в Богемии. Виклеф в своих реформаторских стремлениях дошел до отрицания весьма существенных пунктов в религии; Гусс, напротив, восставая против злоупотреблений римской церкви, оставался на почве церковной и даже больше, – он был поборником древнего православия. Гусс родился в 1369 году в одном местечке в южной Богемии, Гуссинеце, образование получил в Пражском университете, в котором с 1398 года занял кафедру богословия. И то время мысли о повреждении церкви занимали многих; высказывались они и в Богемии. Вместе с этим в Богемии в XIV веке возникло стремление восстановить древнее православие, проповеданное там Св. Кириллом и Мефодием.

Богослужение на славянском языке и причащение мирян под обоими видами составляло первый предмет желаний богемцев. Иоанн Гусс, занявши профессорскую кафедру, одеялся горячим поборником реформы церкви в смысле возвращения ее к древнему православию. Вскоре ему пришлось открыто заявить свои реформаторские стремления. В 1402 году он занял должность проповедника в Вифлеемской часовне (так называлась частная вновь построенная богемцами церковь). В своих проповедях, которые произносились на славянском языке, он учил народ вере и жизни по Евангелию; при этом ему приходилось делать резкие отзывы о католических священниках и монахах. В тоже время Гусс познакомился с сочинениями Виклефа, привезенными из Оксфорда его другом, Иеронимом Пражским, и отнесся к ним с полным сочувствием, не разделяя, впрочем, крайних воззрений Виклефа. Все это было причиной того, что поборники латинства стали обвинять Гусса в ереси Виклефа. Вскоре произошло столкновение. В Прагу прибыли два английские богослова, последователя Виклефа, и, между прочим, выставили две картины, из которых на одной было изображено вшествие Спасителя в Иерусалим, в сопровождении учеников, а на другой – вшествие папы в Рим в сопровождении кардиналов; Спаситель был изображен в терновом венце, а папа в тройной золотой короне и т. п. В университете начались толки об этих картинах. Гусс, не одобряя англичан за их выходку, высказался все-таки против папства в духе Виклефа. Но в университетской корпорации большинство голосов предоставлено было иностранцам³²³, которые, по побуждениям чисто национальным, были против Гусса и богемских членов университета; поэтому иностранные члены университета составили (1408 г.) определение, в котором осуждалось положение Виклефа. Но Гусс исходатайствовал у короля Венцеслава декрет (1409 г.), которым большинство голосов предоставлялось богемским членам университета. Таким образом национальная и реформатская партии в Богемии взяли перевес; богемцы, во главе с Гуссом стали решительно высказываться против римской церкви. Теперь против Гусса выступил пражский архиепископ Сбинко. Он послал на него донос в Рим, – и оттуда в 1410 г. пришла булла, повелевавшая сочинения Виклефа сжигать, а последователей его привлекать к суду; к этому присоединено было запрещение проповедовать в частных церквях. Гусс послал к папе апелляцию, в которой доказывал, что в сочинениях Виклефа весьма много истинного; проповедования же в Вифлеемской часовне не оставлял. Папа потребовал было его в Рим; но, благодаря заступничеству короля и университета, дело Гусса окончилось мирно в Праге. Вскоре вышло новое

столкновение у Гусса с римской иерархией. Папа Иоанн XXIII, устраивая крестовый поход против своих политических врагов, прислал в 1412 г. в Богемию буллу, в которой давал полные индульгенции всем крестоносцам. Гусс восстал против этого в своих проповедях и сочинениях, а его друг, Иероним Пражский, сжег папскую буллу. Народ был на их стороне; началось волнение. Теперь последовала новая булла (1413 г.) с отлучением Гусса от церкви и интердиктом на Прагу. Гусс написал апелляцию к Самому Господу И. Христу, так как не надеялся найти справедливости на земле. В то же время он издал сочинение «о церкви», в котором доказывал, что истинная церковь должна состоять из верующих, а так как папа отпал от веры, то он не есть член Церкви, и его отлучение не имеет значения. Все-таки архиепископ Пражский успел вытеснить Гусса из Праги. Между тем открылся Констанский собор (1414 г.). Так как Гусс еще прежде издал апелляцию к вселенскому собору, то его потребовали в Констанц. Император Сигизмунд дал ему даже охранную грамоту. Прибыв к Констанц, Гусс должен был долгое время ждать допроса, после которого его немедленно арестовали. Император Сигизмунд не захотел настоять на его освобождении, не смотря на данную им охранную грамоту. Собор отнесся так жестоко к Гуссу потому, что ему показалось ересью требование Гусса, чтобы ложность его мнений была доказана на основании Св. Писания. Вообще Констанский собор, не смотря на либерализм некоторых своих членов, смотрел на реформу церкви слишком узко, разумея под нею только ограничение папского произвола. Пока на соборе решалось дело папы Иоанна XXIII, Гусс сидел в тюрьме, где его продолжали подвергать допросам. После семимесячного заключения его снова позвали в торжественное заседание собора и, – так как он продолжал требовать опровержения своих мнений на основании Св. Писания, – осудили как еретика на сожжение. 6 июля 1415 года Гусс умер на костре. Друг его, Иероним Пражский, прибывший вместе с ним в Констанц, также был сожжен (1416 г.), после продолжительного тюремного заключения.

Но реформаторское движение в Богемии не кончилось сожжением Гусса. Богемцы, поддерживавшие его до и по время собора, после его смерти, восстали почти поголовно против римской церкви. Дело произошло таким образом. С согласия Гусса, его последователи, называемые гусситами, ввели у себя причащение мирян под обоими видами и, когда Констанский собор, уже после сожжения Гусса, отверг такое причащение как еретическое, решились оружием завоевать себе чашу. К гусситам пристали многие богемские граждане, и дворяне. Предводителем их был некто Иоанн Жишка. Он с 40,000 приверженцев

укрепился на одной горе, которую назвал Фавором [отсюда название гусситов табориты] и начал ожесточенную борьбу с поборниками латинства. Вскоре борьба приняла громадные размеры. В 1410 г. умер богемский король Венцеслав. Наследником его был император Сигизмунд; но богемцы отказали ему в присяге за его «вероломство» в деле Гусса. Таким образом поднялась вся Богемия. Папа Мартин V посылал в Богемию несколько крестоносных ополчений; но ничего не достиг. Гусситы с успехом отражали все нападения. Второй предводитель их [с 1424 г.], Прокоп большой своими победами над крестоносцами наводил ужас на соседние страны. В таком положении находились дела до открытия Базельского собора [1431 г.], который, между прочим, принял на себя заботу примирить гусситов с церковью путем переговоров и уступок. К этому времени, в своих реформаторских взглядах, гусситы распались на две партии. Одни из них более умеренные, соглашались на примирение с церковью, если только будет введено причащение под обоими видами, будет дозволена проповедь на родном языке, у клира будут отобраны церковные имущества и учрежден будет над ними строгий церковный суд. Такие гусситы известны под названием каликстинов (от calix – чаша) утраквистов (от uterque – оба). Другие гусситы (тибориты собственно), в своем ожесточении против римской церкви дошедшие до фанатизма, требовали, кроме того, уничтожения иконопочитания, отмены тайной исповеди и т. п. Базельский собор пригласил для переговоров гусситских депутатов, которые и явились (1433 г.) в числе 300. Продолжительные совещания не имели успеха; гусситы отправились домой. Собор послал вслед за ними посольство с предложением уступок; именно собор соглашался выполнить четыре требования каликстинов. Последние, поэтому, и присоединились к церкви, хотя не долго пользовались выговоренными уступками. В 1462 г. папа Пий II объявил все уступки, сделанные им базельским собором, не действительными; после чего каликстины только тайно приобщались под обоими видами. Тибориты же и после уступок базельского собора оставались непримиримыми врагами церкви; но и они, потерпев в 1434 г. жестокое поражение от католических войск, должны были смириться. Впоследствии, около 1450 г., остатки их образовали небольшую общину под именем богемских и моравских братьев, которая, отказавшись от употребления оружия, стремилась в тиши уединения устроить жизнь своих членов на основании чистого евангельского учения. В XVI в. эта община особенно сильно распространилась и стала в один уровень с религиозными обществами, возникшими после реформации.

§ 28. Возрождение наук и гуманисты

В XV в. в умственной жизни запада совершился переворот, известный под названием возрождения наук. Это возрождение наук имело весьма важное значение в деле приготовления реформации римской церкви. До XV в. на западе, во время господства схоластики, была в ходу одна только наука – богословская; другие области человеческого знания находились в полном пренебрежении. В XV в., с падением схоластики, область знаний значительно расширяется; науки так называемые светские, получают право гражданства и делаются предметом серьезного изучения. На первый раз особенно развилось изучение группы наук историко-филологических. Такой переворот в умственной жизни запада совершили греки. В XV веке они вошли в особенно близкие сношения с западом, сначала на Флорентийском соборе, а затем после падения Константинополя. После падения Константинополя греческие ученые целыми толпами приходили на запад, приносили с собою сочинения древних классических писателей и здесь пробуждали любовь к изучению их. Не только ученые, но даже просто образованные люди запада стали заниматься изучением языков греческого и латинского по сочинениям классических писателей; все стремились вникнуть в дух и жизнь классических народов. Даже еврейский язык и произведения еврейской литературы не были забыты. Изобретение книгопечатания в XV ст. дало возможность заниматься изучением классиков большому числу лиц. Любовь к изучению классической литературы простиралась до того, что на западе составилось убеждение, что изучение классиков есть необходимое условие всякого образования и классическое образование составляет высшую степень человеческого образования вообще; поэтому филология и другие науки, имеющие с нею непосредственную связь, назывались гуманнейшими (*humaniora*). Италия была центром, где началось и откуда распространилось это гуманистическое (классическое) просвещение. Сюда прежде всего пришли ученые греки и здесь нашли приют и покровительство даже у владетельных лиц. Сами папы, напр. Лев X, покровительствовали классическому образованию. Но особенную любовь к этому образованию отличали владельцы Флоренции из фамилии Медичи. В 1440 году Козьмою Медичи основана была во Флоренции *Academia Platonica* которая сделалась рассадником гуманизма. Из Италии гуманистическое просвещение распространилось в Германии, Франции, Англии. Гуманисты появились везде, составляли из себя

общества, заведовали школами, университетами и т. д.

Новое направление, принятое просвещением, отразилось различно на религиозных воззрениях западного общества. В Италии следствием изучения классиков было распространение языческого мировоззрения, которое, перемешиваясь с христианским, привело итальянское общество к новому (классическому) язычеству, Религиозные понятия до того были перепутаны, что в Риме части смешивался Христос с Меркурием, Мадонна с Венерой, в честь Вергилия, Горация, Платона и Аристотеля совершались религиозные церемонии³²⁴. Даже кардиналы и епископы смотрели на Евангелие, как на греческую мифологию. Словом, в Италии место религиозных суеверий, над которыми смеялся гуманизм, заступило неверие. – Не то было в других странах и особенно в Германии. Здесь гуманисты стремились обратить свои историко-филологические познания на служение религиозным интересам. Главным делом их было изучение Св. Писания Ветхого и Нового Завета на тех языках, на которых оно написано, при пособии филологии и критики. Естественно, что гуманисты, вооруженные знанием Св. Писания и гуманнейших наук находили в учении и устройстве римской церкви весьма много несообразностей и старались с своей стороны, содействовать уничтожению их. Оружием их в борьбе против недостатков и злоупотреблений римской церкви были, главным образом, сатира и насмешка. Из множества такого рода гуманистов особенно замечательными представляются Иоанн Рейхлин и Эразм Роттердамский.

Иоанн Рейхлин (ум. 1522 г.) в свое время стоял во главе германских гуманистов. Он был юрист и занимал должность председателя швабского союзного суда. Совершив, несколько путешествий в Италию, он сделался жарким поборником гуманизма. Главным занятием Рейхлина было изучение еврейского языка и еврейской письменности; своими трудами в этой области он положил начало филологическому толкованию Ветхого Завета. Составленная им грамматика еврейского языка долгое время была на западе единственным руководством. Спор с доминиканскими монахами дал ему случай высказать несколько резких упреков западному монашеству. В 1509 г. один крещеный еврей, поступивший в орден доминиканцев – в Кельне, предложил сжечь все еврейские книги (произведения раввинов), содержащие хулы на Христа. Рейхлин, как знаток и почитатель еврейской письменности, выступил против этого предложения и, когда новообращенный еврей и доминиканцы продолжали стоять на своем и даже выступили с обвинениями на Рейхлина, он отвечал им сатирами. За это доминиканцы привлекли его к суду инквизиции, как

еретика. Но, вследствие апелляции Рейхлина к папе, дело его было передано шпейерскому епископу и решено в его пользу. Доминиканцы озлобились еще больше и просили папу отменить решение епископа. За Рейхлина вступилось теперь целое общество гуманистов, которые силою оружия заставили Кельнских доминиканцев отказаться от процесса с Рейхлином. Во время этой борьбы из под пера гуманистов, стоявших за Рейхлина, вышла новая сатира, под названием: «письма темных людей». В этом остроумном сочинении осмеивались мысли, чувствования и даже обороты речи доминиканцев так искусно, что сами доминиканцы долгое время не замечали заключающейся в нем насмешки. Спор с доминиканцами и письма темных людей доставили Рейхлину всеобщую известность.

Эразм Роттердамский (ум. 1536 г.) был родом из Голландии, воспитывался в школе братьев общинной жизни, где получил прекрасное классическое образование. По желанию родных он еще в ранних летах должен был поступать в монастырь, но местный епископ, чтобы предоставить ему свободу заниматься науками, дозволил ему оставить монастырь. После этого Эразм долгое время путешествовал с научными целями по Италии, Франции, Англии и Германии. Поселившись в 1521 г. в Базеле, он всего себя посвятил научным занятиям. Здесь он и умер (1536 г.). Эразм в свое время пользовался славою великого ученого; современники, – даже коронованные особы, – относились к нему с величайшим уважением. Даже папы, не смотря на то, что он восставал против церковных злоупотреблений, оказывали ему свое расположение. Его ученая и литературная деятельность весьма обширна. Он издавал с ученою критикою классиков – Эврипида, Плутарха, Аристотеля, Демосфена, Цицерона и друг., издавал творения отцов и учителей церкви Киприана, Иеронима, Августина, Афанасия Великого, Василия Великого, Златоуста и друг.; составил несколько руководств по части грамматики, написал множество диссертаций, направленных, главным образом, против схоластики и средневековых суеверий; писал сатиры на монашество и иерархию и трактаты о недостатках и злоупотреблениях в церкви. Его сатира похвала глупости в свое время наделала шуму во всей Европе. В ней осмеиваются торговля индульгенциями, мучения в чистилище, святошество и ханжество, выставляются на вид глупости и пороки клира, кардиналов и пап. Но самый важный труд Эразма – это издание Нового Завета на греческом языке и так называемый, парафраз Нового Завета. Издание Нового Завета отличается верностию и точностию; этого Эразм достиг критическим разбором и сличением множества списков. В

парафраза он простым историческим методом изъясняет Св. Писание Нового Завета. Целию Эразма, при издании последнего труда было – дать возможность всем читать и изучать Св. Писание, которое до того времени намеренно было скрывается иерархией от мирян. Своими жаркими протестами против церковных злоупотреблений, сатирами и учеными трудами Эразм возбуждал в западном обществе, и без того сильное, желание реформы римской церкви. Он и сам мечтал о реформе церкви, но только желал, чтобы она была произведена мирным путем. Как человеку науки, ему казалось, что с распространением просвещения просветится религиозное сознание общества, и реформа явится сама собою; что за эту реформу возьмутся просвещенные папы, в роде Льва X. Поэтому, когда Лютер выступил со своими протестами против Римской церкви и довел их до того, что половина Римской церкви формально, отделилась и организовалась в особое религиозное общество, Эразм стоял в стороне от возбужденного им религиозного движения.

Примечания

¹ - Объяснительная зап. к программе Общей Церковной истории для Духовных Семинарий стр. 22–21.

² - Матф. 3:15.

³ - Иоан. гл. 1, 20, 23, 26, 31.

⁴ - Матф. 3:2.

⁵ - Матф. 3:11.

⁶ - Иоан., 1, 29, 30.

⁷ - Матф. 7:29.

⁸ - Иоан. 11

⁹ - Иоан. 6:15.

¹⁰ - Иоан. 12:13.

¹¹ - Иоан. 18:36.

¹² - Матф. 22:21.

¹³ - Иоан. 11:48.

¹⁴ - Иоан. 11:49,52.

¹⁵ - Матф. 27:64.

¹⁶ - Деян. 1:3.

¹⁷ - Иоан. 20, 22, 23.

¹⁸ - Матф. 28:19,20.

¹⁹ - Яп. 3

²⁰ - Деян. 5.

²¹ - Деян. 5:28.

²² - Деян. 5,29,32.

²³ - Деян. 6:9.

²⁴ - Деян. 8.

²⁵ - Деян. 9.

²⁶ - Деян. 9, 31.

²⁷ - Деян. 10.

²⁸ - Деян. 15.

²⁹ - Деян. 13:9.

³⁰ - Деян. 9, 6, 15, 22, 21: 1Кор. 15, 8, 10.

³¹ - Деян. 19:10.

32 - Деян. 23:11.

33 - Римл. 15:24.

34 - Кн. 3 гл. 24.

35 - Марк 6:3.

36 - Деян. 13, 50.

37 - Деян. 14.

38 - Деян. 17: 5–13.

39 - Деян. 18:12–17.

40 - Деян. 23:29; 25.

41 - Деян. 18:15.

42 - 2Тим. 3:16.

43 - Иоан. 21, 23.

44 - Матф. 18:19.

45 - Деян. 20: 7–11.

46 - Евр. 6:1.

47 - 2Тим. 4:2.

48 - Собственно его имя было Иосия; апостолы назвали его Варнавою, что значить сын утешения (Деян. 4, 36).

49 - Послание к римлянам, разумеется христианам, «прочем, имеет сито особенную цель – убедить их не заботиться об освобождении его от предстоящей мученической смерти, которой он сам предавал себя ради любви ко Христу.

50 - Приведенному в Церковн. Истор. Евсевия, кн. 3, гл. 6.

51 - 1 послан. Иоан. 4, 3.

52 - 16, 14.

53 - Такое название книга Ерма подучила от того, что изложенные во второй ее части наставления сообщает ему ангел, явившийся в виде пастыря.

54 - Церковн. истор. кн. 3, глав. 39

55 - Иоанна 20, 22, 23.

56 - Иоанна 20, 21.

57 - Матф. 28:19.

58 - Матф. 18:18.

59 - Луки 10:16.

60 - Деян. 11, 28, 29. О пророчествах упоминается еще Деян. 20, 23; 24,

4: 2-е Солун. 2:1–12, с Иоанн, 2, 18; 2-е Петр. 3: 3 и друг.

⁶¹ - Деян. 6: 1–6.

⁶² - Деян. 14, 23.

⁶³ - Матф. 20, 25, 27.

⁶⁴ - Деян. 15, 28.

⁶⁵ - 37-е апостольское правило, несомненно принадлежащее апостолам, хотя и записанное после апостольского времени, определяет: «дважды в году да бывает собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия, и да разрешают случающиеся церковные прекословия. В первый раз в четвертую неделю пятидесятницы, а во второй октябрь во второй-надесятый день».

⁶⁶ - Деян. 4:32.

⁶⁷ - Деян. 4:32,34,35.

⁶⁸ - Так апостол Павел писал (1Кор. 5:1) об одном коринфском блуднике.

⁶⁹ - Иоан. 4:43, 44.

⁷⁰ - Синагога – учреждение позднейшее, и в них собирались не для богослужения в строго еврейском смысле, а только для чтения св. писания и толкования его.

⁷¹ - Иоан. 4:21.

⁷² - Иоан. 16:23, 24.

⁷³ - Деян. 4: 24–30.

⁷⁴ - Деян. 12:5.

⁷⁵ - 1Тим. 2: 1–4.

⁷⁶ - Иак. 5:13.

⁷⁷ - Ефес. 5:19.

⁷⁸ - Лук. 2, 14 песнь ангелов по рождении Спасителя.

⁷⁹ - Лук. 1:46 песнь Богородицы.

⁸⁰ - 1Кор. 11, 26–29.

⁸¹ - Хлеб был обыкновенный, употреблявшийся в жизни, след. квасный.

⁸² - Иоан. 3:5.

⁸³ - Тит. 3:5.

⁸⁴ - Матф. 28:19.

⁸⁵ - Деян. 2:41; 8:37–38.

⁸⁶ - 50-е, которое читаете так: «аще кто епископ, или пресвитер совершит по три погружения единого тайнодействия, но едино погружение, даемое в смерть Господню, да будет извержен».

⁸⁷ - С потопом и ковчегом (1Петр. 3:20. 21), с переходом чрез Чермное Море (1Кор. 10:2), банею (Тит. 3:3), погребением и воскресением Спасителя (Рим. 6:4).

⁸⁸ - Семейство Корнилия сотника (Деян. 10:2. 48), Лидии (Деян. 10:15), темничного стража (Деян. 16:33), Криспа, начальника синагоги (Деян. 18:8) и друг.

⁸⁹ - Иоан. 7:39.

⁹⁰ - Деян. 19:6.

⁹¹ - Деян. 8:14, 15.

⁹² - 1Иоан. 2, 20, 27.

⁹³ - Иоан. 20, 22, 23. Матф. 18, 18. 21–35.

⁹⁴ - Ефес. 5. 31, 32.

⁹⁵ - Марк 6:7–13.

⁹⁶ - Иаков. 5, 14, 15.

⁹⁷ - 1 Фессалон. 5, 17.

⁹⁸ - Деян. 2. 46, 47.

⁹⁹ - Деян. 2:15; 3:1; 10:9.

¹⁰⁰ - Матф. 18:15–17.

¹⁰¹ - 1Кор. 5:1–5.

¹⁰² - 2Кор. 2:5–10

¹⁰³ - 1Тим. 1, 20.

¹⁰⁴ - Иоан. 7:10.

¹⁰⁵ - Именем назареев неверовавшие во Христа иудеи первоначально называла всех христиан из иудеев, как это видно из Деян. апост. 24:5.

¹⁰⁶ - Евсиониты названы этим именем или от бедности их общества, или от бедности умственной, духовной.

¹⁰⁷ - От иудея Елкая, или Елксяя, жившего во времена Траяна.

¹⁰⁸ - 8,9.

¹⁰⁹ - 1-е Иоан. 4, 2. 3; 3-е Иоан. 7.

¹¹⁰ - 2, 14. 15.

¹¹¹ - Апост. I, 20 гл. Перев., в Христ. Чтении 1825 г.

¹¹² - Церкв. Ист. Евсев. т. 1, кн. 8, гл. 7

- 113 - Кн. 8, гл. 8
- 114 - 8, гл. 9 .
- 115 - Кн. 8, гл. 9.
- 116 - Церкв. Ист. Евсев. кн. 8, гл. 11.
- 117 - Кн. 8, гл. 9.
- 118 - Указ. в Истор. Хр. Церкви проф. Чельцова, т. 1 стр. 245.
- 119 - Церк. Ист. Кн. 6, гл. 19.
- 120 - Указ. в Ист. Хр. Церкви проф. Чельцова, т. I, стр. 936.
- 121 - В разных гностических системах употребляются о разные наименования в приложении к Верховному Существо; напр. в системе Василида: «неизреченный Бог», Валентина: «Глубина», Сатурнина: «Неведомый Отец», Маркиона; «Благий Бог», Карпократо: «Абсолютная Единица» и т. д.
- 122 - Также имеет разные наименования в системе Василида: «хаос, корень зла», Валентина: «пустота», в системе же Сатурнина и подобных ему материя отождествляется с сатанюю.
- 123 - Названия эонов различны; напр. у Валентина: «мысль и молчание, ум и истина, слово и жизнь, человек и церковь» и т. д.
- 124 - У Василида.
- 125 - У Керинфа: «Вышняго Христа», Василида: «Ум», Валентина: «Иисуса, Сотира», у Маркиона же сам Благий Бог явился на землю.
- 126 - Но другим сказаниям, основателем манихейства был не Манес, а некто Скиеиан, который, во время своих торговых путешествий, собрал всю мудрость востока и запада, изложил ее в нескольких книгах, который по наследству достались некоему Кубрику, который и явился в Персии под именем Манеса.
- 127 - Евсев. Церк. Ист. кн. IV гл. 33.
- 128 - От чего монтанисты называются также пепузианами, фригиянами и катафригиянами
- 129 - 20, 2–6.
- 130 - Привед. В Церк. Истор. Евсевия Кесар. Кн. 5, гл. 20.
- 131 - Церк. Истор. Евсевия Кн. 5, гл. 20.
- 132 - Истор. учение об отцах Церкви Арх. Филарета т. 1, стр. 196.
- 133 - Греческое слово символ означает з н а к, признаки отличительный Поэтому, символ, как краткий образец веры есть отличительный признак истинному христианину содержащего веру

именно так, как она показана в образце.

134 - Истор. учение об отцах Церкви Арх. Филарета т. 1 ст. 88.

135 - гл. 8, 5.

136 - Церковн. Истор. кн. VI, гл. 31.

137 - Матф. 19:12.

138 - Напр. мнение Оригена о том, что диавол, если захочет, может спастись.

139 - т. е. твердого, как алмаз.

140 - Перевод Св. Писания Ветх. Завета Акилы, язычника, принявшего иудейство, относится ко временам Адриана.

141 - Перевод Феодотиона, принадлежавшего к секте евионитов, относится ко второй половине II века.

142 - Перевод Симмаха, также евионита, относится к началу III века.

143 - Астерисками и обелами; Первыми обозначалось то, что в переводе 70 внесено из других переводов, как недостающее; вторыми обозначались излишние места перевода 79 против подлинника и других переводов.

144 - Как будет объяснено впоследствии, в христианской Церкви были разные степени как оглашенных, готовящихся к вступлению в христианскую общину, так и кающихся.

145 - 1Тимоф. 3:2-7 и Тит. 1: 9.

146 - Тит. 1:5-9.

147 - 1Тимоф. 3:8-12.

148 - Прав. 78.

149 - Прав. 79.

150 - Прав. 82.

151 - Прав. 18.

152 - Деян. 6:3.

153 - Деян. 14:23.

154 - Согласно первому апостольскому правилу, которое определяет: «епископа да поставляют два или три епископа».

155 - На это указывает 6-е правило 1-го вселенского собора, относя такой порядок к древним обычаям.

156 - Правила апостольские определяют: «епископ или пресвитер, или Диакон, да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен священного чина (6-е). Кто из клира даст себя порукою за кого-

либо, да будет извержен (20-е). Рекли мы, яко не подобает епископу, или пресвитеру вдаватися в народныя управления, но неупустительно быти при делах Церковных. Или убо да будет убежден сего не творити, или да будет извержен. Ибо никто не может двум господам работати по Господней заповеди (81 е). Епископ, или пресвитер или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати обое, т. е римское начальство и священническую должность, да будет извержен из священнаго чипа: ибо кесарева кесарови и Божия Богови». (83-е).

¹⁵⁷ - Апостольские правила определяют: «епископ, или пресвитор и диакон, да не изгонит жены своея, пои видом благоговения. Аще же изгонит, да будет отлучен от общения церковнаго; а оставаясь непреклонным, да будет извержен от священнаго чина (3). Повелеваем из вступивших в клир безбрачными, желающие вступают в брак одни

¹⁵⁸ - Апост. правило 40-е, говоря об имуществе церковном, которым распоряжается епископ, вместе с тем говорит и о собственном имуществе епископа.

¹⁵⁹ - Апост. правило 41-е дозволяет епископу (аще потребно) заимствовать из церковнаго имения на необходимые его нужды и странно-приемлемых братьей, да не терпят недостатка ни в каком отношении, ибо закон Божий постановил, да служащии алтарю от алтаря питаются; а 59-е правило угрожает епископу, или пресвитеру, или диакону отлучением, если они не подадут потребнаго некоему от клира нуждающемуся.

¹⁶⁰ - По 4-му апостольскому правилу, в котором говорится: «всякаго инога плода начатки да посылаются в дом епископу и пресвитерам, но не к алтарю. Разумеется же, яко епископ и пресвитеры разделят с диаконами и прочими причетниками».

¹⁶¹ - Ап. прав. 14-е определяет: «непозволительно епископу оставляти свою епархию, и в иную преходити, аще бы и от многих убеждаем был, разве когда будет и некоторая вина благословная, сие творити его понуждающая, яко могущаго большую пользу обитающим тамо принести словом благочестия. И сие не по своему произволу, но по суду многих епископов и по сильнейшему убеждению».

¹⁶² - 39-е апост. прав. определяет: «пресвиторы и диаконы без воли епископа ничего да не совершают; ибо ему вверены людие Господние, и он воздаст ответ о душах их».

¹⁶³ - 31-е апост. Прав. определяет пресвитеру и клириком, отделившимся от епископа, по любоначалию, извержение из сана.

¹⁶⁴ - Архипресвитеры, как полагают появились в первые века

христиан. Церкви.

¹⁶⁵ - Архидиаконство также, как полагают, появилось и первые века даже во времена апостольский, когда первым архидиаконом был Св. Стефан, один из семи диаконов иерусалимской Церкви.

¹⁶⁶ - Поэтому 1-й вселенский собор счел нужным указать диаконам настоящее их место в иерархии, положивши такое определение: «Дошло до святого и вселенского собора, что в некоторых местах и городах диаконы преподают пресвитерам евхаристию, тогда как, ни правилом, ни обычаем не предано, чтобы не имеющие власти приносить, преподавали приносящим тело Христово. Также и то сделалось известным, что даже некоторые из диаконов, и прежде епископов евхаристии прикасаются. Сие убо все да пресечется и диаконы да пребывают в своей мере, зная, что оно суть служители епископа и низшие пресвитеров. Да приемлют же евхаристию по порядку после пресвитеров, преподаваемую им епископом, или пресвитером. Но ниже сидети посреде пресвитеров позволено диаконам. Ибо то бывает не по правилу, и не в порядке. Аще же кто, и после сего определения, не хочет послушен бытии да прекратится его диаконство.

¹⁶⁷ - Спорный вопрос о иерархической степени хореепископов удовлетворительно разрешен в книге: «о должностях и учреждениях по церковному управлению в древнее восточной Церкви» профессора, иеромонаха Павла 1858 г. стр. 24–28. Из нее видно, что хореепископы первоначально были пресвитеры, имевшие только большие полномочия от епископов, а впоследствии в ряд хореепископов или низводимы были и действительные городские епископы, или, по особым обстоятельствам, на должности хореепископов, назначаемы были лица, рукоположенные по чину епископскому.

¹⁶⁸ - Церковн. Истор. Евсевия Кесар. кн. 4, гл. 15.

¹⁶⁹ - На такое отношение епископов главных городов к епископам городов меньших указывает 84-е апостольское правило. «Епископам всякаго парода подобает знати перваго в них и признавати его, яко главу, и ничего, превышающаго их власть, не творити без его рассуждения; творити же каждому только то, что касается до его епархия, и до мест к ней принадлежащих».

¹⁷⁰ - Нынешний жертвенник, который поставляется не близ алтари подле левого клироса, как бывало в древности, а в самом алтаре.

¹⁷¹ - Церковн. Истор. кн. 10 глав. 4.

¹⁷² - Символ чистоты и невинности.

173 - Как существа, напоминающего о воде жизни – крещения. Кроме того буквы, составляющие греческое слово ἰχθύς (рыба), были начальными буквами главных имен Спасителя – Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτὴρ – Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. Поэтому изображение рыбы было напоминанием о Христе.

174 - Символ спасающей всех людей Церкви.

175 - Символ уловления людей в духовную жизнь (Матф. 4:19)

176 - Символ будущего обновления мира и воскресения людей.

177 - Символ увенчания праведных в вечной жизни.

178 - Образ, который приложил И. Христос к Самому Себе (Иоан. 16:1)

179 - Образ Иисуса Христа (Лук. 15:5. Иоан. 10:11).

180 - Образ Иисуса Христа (Иоан. 1:29).

181 - Церковн. Истор. Евсевия кн. 7 глав. 18.

182 - Точных и определенных свидетельств о священных одеждах, употреблявшихся при богослужении в первые века, нет но, несомненно, что они были отличны от обыкновенных житейских одежд, по форме и цвету, По преданию омофор – священная одежда времен апостольских.

183 - Апостольское правило 37-е упоминает о золотых и серебряных сосудах, освященных для употребления в церкви. Употреблялись также сосуды деревянные и стеклянные по свидетельству Иринея (против ересей 1,3).

184 - Книг. 5 гл. 28.

185 - Отсюда латинское название литургия – мисса (mitto – высылаю).

186 - Те из христиан, которые во время гонений были заключаемы в темницы, мучимы т. н. но не замученные до смерти, оставались в живых.

187 - Церковн. Истор. Евсевия кесар. кн. 5, гл. 24.

188 - Эти споры довольно подробно изложены в Церковн. Истор. Евсевия кн. 5 гл. 23, 24 и 25.

189 - Соответствует нашему марту месяцу.

190 - Церковн. Истор. гл. 23.

191 - Церк. Истор. Евсевий кн. 5, гл. 24. Из приведенного Евсевием отрывка из послания Иринея, епископа Лионского.

192 - Церк. Истор. Евсевия кн. 4, гл. 20.

193 - Церк. Истор. Евсевия кн. 5 гл. 23.

194 - Церк. Истор. Евсевия кн. 5 гл. 24.

195 - Там же.

- 196 - Почему новациане известны еще под именем кафаров.
- 197 - Церк. Истор. Евсевия кн. 7, гл. 22.
- 198 - Государи, преданные тому или другому еретическому учению, приносили много зла Церкви.
- 199 - Наприм. храмы Венеры в Афеке Финикийской, на высотах Лапина, и в финикийском городе Илиополисе, и храм Эскулапа в Эгине (Евсев. Кесар. Жизнь царя Константина, кн. 3 гл. 55, 56, 58.)
- 200 - Сын его брата. Юлии Констанция.
- 201 - Было время арианских волнений
- 202 - Свевы поселились в нынешней Португалии.
- 203 - Сказание, относящееся к XII веку, о том, что Патрикий посвящен был в епископа в Риме и послан в Ирландию папою Сикстом III, не признается вероятным; так как, основанная Патрикием в Ирландии, церковь долгое время стояла вне зависимости от римской церкви и вообще склонялась к церкви древнебританской.
- 204 - Пасха в древне-британской церкви праздновалась по обычаю церквей малоазийских.
- 205 - Сочинение Юлиана не сохранилось до нашего времени; большие выдержки из него есть в апологетическом сочинении против Юлиана св. Кирилла Александрийского.
- 206 - Патриот.
- 207 - Церк. Истор. Сокр. Схол. 1, 5.
- 208 - Мелетиане не признавали власти александрийского епископа, не смотря на то, что первым вселенским собором подтвержден был его авторитет, и потому были естественными врагами Афанасия.
- 209 - По имени Евдоксия строгие ариане назывались еще евдоксианами.
- 210 - Кто был председателем на втором вселенском соборе – определенно неизвестно.
- 211 - Второго всел. Соб. прав. 1.
- 212 - Второй вселенск. собор в своем наложении никейского символа сделал некоторые изменения, впрочем несущественные, как видно из следующего сопоставления.
- 213 - Прав. 1.
- 214 - Прав. 4.
- 215 - Диоскор, Аммоний, Евсевий, Евфимий.

²¹⁶ - Римл. 13:13,14.

²¹⁷ - Пункты эти следующие: 1. Адам создан смертным, – он умер бы, хотя бы и не согрешил, 2. грех Адама повредил только ему одному, но не роду человеческому. 3. Рождающиеся дети находятся в том же состоянии, в каком был Адам до падения. 4. человеческий род не умирает чрез грех и смерть Адама ни восстает чрез воскресение Иисуса Христа, 5, дети хотя бы и не были крещены, наследуют жизнь вечную, 6, Закон так же ведет в царство небесное как и евангелие, 7, и до пришествия Господа были люди безгрешные т. е. без греха.

²¹⁸ - Энотикон Зенона приведен в истории Евагрия кн. III. гл. 14.

²¹⁹ - Монофизиты в Александрии, ко времени Юстиниана разделились на две партии: строгих и умеренных. Строгие монофизиты учили, что тело Господа Иисуса Христа было нетленно, что он чувствовал голод, жажду и т. п. или по-видимому, или по самопроизвольному хотению, а не по природе. Отсюда, их называли автартодокетами, а также юлианистами от имени главы их, Юлиана, епископа Галикарнасского. Автартодокеты разделялись еще на ктиститов или ктистолатров; первые признавали тело Иисуса Христа несотворенным, и вторые – сотворенным. Умеренные монофизиты, во главе с Севером, бывшим патриархом антиохийским, напротив, признавали тело И. Христа подобосущным нашему и по природе подверженным тлению Их называли поэтому фтартолатрами. Из них выделилась еще партии огноэтов или вемистиан. Глава их диакон Фемистий учил, что И. Христос не знал всего.

²²⁰ - В 862 г. армянский католикос Захария чрез письменное сношение с Фотием, патриархом константинопольским, признал халкидонский собор. Также признал этот собор и католикос Нерзес III в 1179 г., но не смотря на это армянская церковь не хотела отказаться от своих обычных выражений о естествах в лице И. Христа.

²²¹ - Заседания собора происходили в особой зале императорского дворца, которая была со сводами (τρούλλον), от чего собор и получил название трулльский.

²²² - Пр. 9.

²²³ - Трул. собора пр. 15.

²²⁴ - Карф. собора пр. 22. Трулл. соб. пр. 14.

²²⁵ - Неокесар. соб. пр. 11, Трулл. соб. пр. 14.

²²⁶ - Сардик. соб. пр. 10.

²²⁷ - Прав. 10.

- 228 - Прав. 13.
- 229 - Сокр. 1, 11; Созом. 1, 23.
- 230 - Хотя и были протесты против брачной жизни пресвитеров, как видно из _ пр. собора гангрского около 340 г.
- 231 - Напр. известный Синезий, епископ птолемаидский, ум. 428 г. и др.
- 232 - Пр. 12.
- 233 - Пр. 6.
- 234 - Пр. 13.
- 235 - Прав. 26.
- 236 - Впоследствии с должностью сакеллариев и сакеллиев соединены были другие обязанности, о чем будет сказано ниже.
- 237 - Прав. 57.
- 238 - Настоящая должность благочинного сходна с должностью периодевта
- 239 - Сельским приходам условно было название парикии, которое прежде принадлежало большему, чем приход, церковному обществу, именно городскому, во главе которого стоял епископ.
- 240 - Прав. 6.
- 241 - Напр. в восточной префектуре столицами диоцезов были: Александрия – египетского, Антиохия – восточного в тесном смысле, Ефес – малоазийского, Кесария каппадокская – понтийского, Ираклия – фракийского; в префектуре италийской – Рим был столицей римского диоцеза, Карфаген – африканского и т. д.
- 242 - Епископы малых городов, впрочем, скоро стали называться епископами епархий епархиальными, когда епископам городов провинциальных усвоено было название митрополитов, а название парикии усвоено было сельским приходам.
- 243 - Никейск. соб. прав. 4, 6 и 7, антиох. 9, 11, 19, 20 и друг.
- 244 - Прав. 6.
- 245 - Пр. 3.
- 246 - Пр. 7.
- 247 - В сборнике Дионисия Малого апостольских правил значится только 50, тогда как их Восточная Церковь признает 85, у него же помещены и папские декретаии.
- 248 - В сборнике Исидора Севильского много правил соборов

африканских, испанских и галльских, а также папских декреталий; все это – правила не внесенные в общецерковный канон.

²⁴⁹ - Базиликами навивались общественные здания продолговатой четырех-угольной формы, в которых происходило судопроизводство, или производилась торговля.

²⁵⁰ - Трул. Соб. Пр. 55.

²⁵¹ - Напр. служба Дамаскина на Пасху, каноны на Рождество Христово, Вознесение и др

²⁵² - Прав. 13.

²⁵³ - Перв. всел. соб. прав. 19; 2 всел. соб. прав. 7, трул. соб. прав. 95.

²⁵⁴ - Васил. Вел. прав. 4.

²⁵⁵ - Васил. Вел. 38, 40, 42.

²⁵⁶ - IV всел. соб. 14, Трулл. 72.

²⁵⁷ - Трулл. 53.

²⁵⁸ - Трулл. 54.

²⁵⁹ - Трулл. 54.

²⁶⁰ - Матф. 19:21.

²⁶¹ - Авва, под руководством которого находились подвижники, обитавшие целым обществом, в общих помещениях, назывался также архимандритом (μάωδρα – огороженное место, стойло, стадо, общество), начальником общества монахов.

²⁶² - Прав. 4.

²⁶³ - Церк. истор. блаж. Феод. IV, 11.

²⁶⁴ - Некоторые, впрочем полагают, что Кирилл и Мефодий были ролом славяне, на что указывают и их славянские имена Цергота и Страхома.

²⁶⁵ - Полагают, что под Олимпом следует разуть не Олимп в Фессалии, где не было монастырей, по крайней мере, история не говорит об этом, а горы на полуострове около Фессалоники, составляющие продолжение Олимпа, только по другую сторону залива. Этот полуостров с выдающимися в море мысами есть Афон. Если действительно, Мефодий, а потом Кирилл, поселились на Афоне, то они были очень близко от славян.

²⁶⁶ - Под хазарами в этом случае некоторые разумеют болгар. Болгары, покорившие славянские племена по Дунаю, были одного происхождения с хазарами и содержали магометанство. Если так, то

Кирилл и Мефодий, ходившие к болгарам впоследствии, действовали в одном и том же месте.

²⁶⁷ - Вероятно, епископ был славянин, так как он говорил проповедь к славянам конечно, на понятном для них языке славянском, и, может быть, был одним из сотрудников Кирилла и Мефодия, которые, проповедуя у моравов, действительно, посылали своих учеников к другим славянским племенам.

²⁶⁸ - Недалеко от Стокгольма.

²⁶⁹ - См. подробное наложение сего предмета в книге «о должностях и учреждениях по церковному управлению в древней восточной церкви» Проф. иеромонаха Павла 1857 г.

²⁷⁰ - Подложность лжеисидоровских декреталии доказана вполне, так что в настоящее время даже католические ученые не признают их подлинными.

²⁷¹ - Смotr. § 50 п.

²⁷² - Смotr. §§ 35,57 и 60.

²⁷³ - Смotr. §§ 32 и 56.

²⁷⁴ - Положение крестоносцев в Палестине все-таки было не прочно. Иерусалимское королевство и другие небольшие княжества, основанные ими силою оружия, оружием только и могли поддерживаться. Поэтому, когда военная энергия крестоносцев стала ослабевать, когда между ними начались раздоры, христианские государства на востоке быстро стали склоняться к падению. К тому же турки, желая во что ни то ни стало уничтожить владения крестоносцев, вели с ними постоянную борьбу. Уже султан Нурредин (ум. 1173 г.) сильно ослабил крестоносцев, а султан Саладин в 1187 г. отнял у них Иерусалим и другие города. Крестоносцы и латинское духовенство должны были удалиться или в приморские города, остававшиеся в их руках, или в Европу. Только теперь восстановлен был православный патриарх в Иерусалиме. Византийский император, Исаак Ангел, находившийся в дружеских отношениях с Саладином, исходатайствовал это восстановление. Новые крестовые походы мило приносили пользы, – в конце XIII в. турки положили конец владычеству крестоносцев на востоке

²⁷⁵ - Никиты Хонаита. Его истор. в русск. перев. т. II стр. 321.

²⁷⁶ - Были случаи, когда восточные патриархи, теснимые магометанами и латинянами, совсем оставляли свои кафедры и, пользуясь одним патриаршим титулом, проживали в Константинополе или других

местах.

- 277 - Георгий Акрополит. Его Летопись в русск. перев. гл. 53. стр. 121.
- 278 - Никифор Григора. Его история в русском переводе стр. 283.
- 279 - Никиты Хониата т. II стр. 122 в 122.
- 280 - Т. I, стран. 158 и 153.
- 281 - Название ереси богомильской проводят от славянских слови»: Бог и милуй, или: Бог и милый (любезный).
- 282 - Никифор Григора. Его история в русск. переводе т. 1, стр. 177 и 178.
- 283 - Никита Хониат. Его история т. II, стр. 325 и 356. Нестор. Его летопись по Лавр. списку под 971 г. стр. 37. Издание Моск. 1861г.
- 284 - Его история в Русск. переводе т. II, стр. 258.
- 285 - Ханиат. Его История т, I, стр. 427.
- 286 - Ханиат. т. II, стр. 130.
- 287 - Хот. т. I, стр. 187–190 и т. II, стр. 409 и 419.
- 288 - Его Летопись в русск. переводе стр. 38.
- 289 - Григора. Его история т. I, стр. 253 и 254.
- 290 - Его Истор. т. I, стр. 174 и 175.
- 291 - Григора. Его истор. т. I, стр. 175 и 176.
- 292 - Его истор., т. II, стр. 299.
- 293 - Дух. Вести. 1866 г. 3, стр. 278 и 279.
- 294 - Григора т. I, стр. 178.
- 295 - Григора т. I, стр. 176.
- 296 - Григора, т. I, стр. 178.
- 297 - Первым преемником Пасхалиса был Геласий II.
- 298 - В римской церкви этот собор считается IX Вселенским Собором.
- 299 - После коронации императора Лотаря II в 1133 г. он велел написать картину коронации и поставить в Латеранской церкви. Лотарь изображён был на картине коленопреклоненным пред папою, а надпись гласила: «король подходит к воротам, подтверждая прежде клятвою права Рима», после того он делается ленником папы, от которого получает корону».
- 300 - Этот собор считается в римской церкви X Вселенским собором
- 301 - В западной церкви этот собор считается XI вселенских собором.
- 302 - Луций III (1181–1185 г.г.), Урбан III (1185–1187 г.) Григорий

VIII (ум. 1187 г.), Климент III (1187–1195 г.) и Целестин III (1191–1198 г.).

³⁰³ - Этот собор считается в римской церкви XII вселенским собором.

³⁰⁴ - В доказательство этого папа приводил в своем послании такого рода выражения Фридриха, что «мир обольщен тремя обманщиками – Моисеем, Иисусом и Магометом, что немисливо веровать в рождение Иисуса от Девы, что ничему тому не должно веровать, что не может быть доказано из оснований природы и разума» и т. п.

³⁰⁵ - Этот собор в римской церкви считается XIII Вселенским собором.

³⁰⁶ - Этот собор в римской церкви считается XIV Вселенским собором.

³⁰⁷ - За Григорием следовали незначительные папы Иннокентии V, правивший 5 месяцев, Адриана V – 38 дней и Иоанн XXI – 7 месяцев.

³⁰⁸ - После Николая IV кардиналы опять долгое время не могли прийти соглашению в выборе папы

³⁰⁹ - Папа приводил в этом случае места из Евангелия Луки гл. 22 ст. 38.

³¹⁰ - Папа ссылался при этом на место из 1-го посл. Кор. гл. 2 ст. 15.

³¹¹ - Авиньонские папы после Климента V: Иоанн XXII (1316–1334 г.) с антипапою Николаем V, Бенедикт XII (1334–1342 г.), Климент VI (1342–1352 г.), Иннокентий VI (1352–1362 г.), Урбан V (1362–1370 г.), и Григорий XI (1370–1378 г.).

³¹² - Папы во время великого раскола – римские: Урбан VI (1379–1389 г.), Бонифаций IX (1389–1404 г.), Иннокентий VII (1404–1409 г.), Григорий XII (1406–1415 г.), Александр V (1409–1410 г.), Иоанн XIII (1410–1419 г.); Авиньонские: Климент VI (1379–1394 г.) и Бенедикт XIII (1394–1424 г.).

³¹³ - Преемники Евгения IV до реформации: Николай V (1447–1455 г.), Калликст III (1455–1458 г.); Пий II (1458–1464 г.), Павел II (1464 – 1471 г.), Сикст IV (1471–1484 г.), Иннокентий VIII (1484–1492 г.), Александр VI (1492–1503 г.), Пий III, Юлий II (1503–1513 г.), Лев X (1513 –1521 г.).

³¹⁴ - У доминиканцев – Фома Аквинский, у францисканцев Бонавентура и Дунс-Скот.

³¹⁵ - Напр. в Парижском университете доминиканцы присвоили себе кафедру богословия в 1230 г., а францисканцы в 1249 г. Занимали они также профессорские кафедры в университетах Германии, Англии, Испании,

³¹⁶ - У Гизелера II, 2, стр. 290. Jac. a vitriaco hist. occident, cap. 5 de negligentia et peccatis Praelatorum: – dum nihil gratis accipiebant, nihil gratis conferebant; – non Praelati, sed Pilati; – nocte in lupanari, manè in altari; filiam Veneris noctè tangentés, filiuro Virginia Mariae mane contrectantes.

³¹⁷ - Указ у Ранке т. 1 стр. 47.

³¹⁸ - Ранке т. 1 стр. 49.

³¹⁹ - От Schola – школа, Scholasticus – начальник, глава школы, профессор, ученый и т. д.

³²⁰ - От μύειν – запира́ть, закрыва́ть глаза

³²¹ - По православному учению, епитимии суть духовно-врачебные средства способствующие возвышению нравственных сил человека, а не как не подвиги избавляющие от грехов.

³²² - Характ. протестанства в. 1. Архим. Хрисанфа, 1863 г. стр. 90 и 91.

³²³ - Богемцы имели один голос, а немцы о поляки три голоса

³²⁴ - Характ. протест. Арх. Хрисанфа в. 1, стр. 43.

Содержание

История христианской церкви Евграф Иванович Смирнов	1
Выпуск первый (1–313 г.)	2
А. Введение в науку	3
§ 1. Понятие о Церкви и её истории	4
§ 2. Предмет Церковной истории и составные части	5
§ 3. Источники и пособия	6
§ 4. Разделение Церковной Истории на периоды	7
Б. Краткий обзор состояния рода человеческого пред явлением Христа Спасителя на землю	9
§ 5. Политическое состояние вообще	10
§ 6. Политическое состояние Иудеи	11
§ 7. Религиозно-нравственное состояние языческого мира	14
§ 8. Религиозное состояние иудейского народа	18
В. Основание Христианской Церкви Господом нашим Иисусом Христом	23
§ 9. Пришествие в мир Христа Спасителя и Его жизнь до начала торжественного служения	24
§ 10. Открытие торжественного служения Спасителя роду человеческому	26
§ 11. Учение Спасителя; влияние Его на общество; основание Им общества своих последователей, или церкви	27
§ 12. Страдания Спасителя, Его искупительная смерть, воскресение, посольство Апостолов на всемирную проповедь и вознесение на небо	30
Период первый от первого распространения Христианской Церкви во время Апостолов до торжества ее над язычеством при Константине Великом (34–313 г. г.)	33
§ 13. Характер этого периода	34
Первый отдел. История Церкви в век Апостольский до смерти Св. Иоанна Богослова (34–101 г. г.).	35
Глава 1. Распространение Церкви	36
§ 14. Сошествие Св. Духа на Апостолов и первые успехи евангельской проповеди в Иерусалиме	37
§ 15. Расселение верующих из Иерусалима и распространение	

§ 15. Расселение верующих из Иерусалима и распространение евангелия между иудеями и самарянами в Палестине и Сирии; обращение Савла	41
§ 16. Основание Христианской Церкви между язычниками в Кесарии и Антиохии	43
§ 17. Решение вопроса о принятии в Церковь язычников на Апостольском соборе	46
§ 18. Св. Павел – Апостол языков и его апостольские труды	48
§ 19. Дальнейшие благовестнические труды апостола Петра, Иакова, Иоанна и прочих апостолов	51
§ 20. Гонение на Церковь Христову со стороны Иудеев	55
§ 21. Взгляд язычников на христиан	58
§ 22. Гонения на Христову Церковь со стороны, языческих императоров	61
§ 23. Общий взгляд на распространение Церкви Христовой в век апостольский и причины ее быстрого распространения	63
Глава 2. Церковное учение	65
§ 24. Источники вероучения Церкви Новозаветной	66
§ 25. Начало оглашения и обучения истинам веры в век апостольский	68
§ 26. Мужья апостольские, их жизнь и творения	69
Глава 3. Устройство и управление Церкви	74
§ 27. Миряне и клир	75
§ 28. Дарования и служения чрезвычайные	76
§ 29. Степени постоянной иерархии	78
§ 30. Высшая Церковная власть в век апостольский	81
§ 31. Взаимные общения церквей	82
Глава 4. Жизнь первых христиан, церковное богослужение и благочиние (дисциплина)	83
§ 32. Святость и чистота жизни христиан апостольского века	84
§ 33. Богослужение вообще	86
§ 34. Места общественных богослужений	87
§ 35. Общественное богослужение; таинство причащения и прочие таинства	88
§ 36. Часы богослужения, праздники и посты	93
§ 37. Церковное благочиние	96
Глава 5. Лжеучения и ереси	97
§ 38. Происхождение лжеучений и ересей	98

§ 39. Еретики иудействующие	100
§ 40. Еретики язычествующие, или гностики	103
Второй отдел. История Церкви от времен апостольских до Константина Великого (101–313 г.)	106
Глава 1. Распространение Церкви	107
§ 41. Распространение Христианства после апостолов во II и III веках, в Европе, Африке, Азии	108
§ 42. Гонения на христиан со стороны языческого правительства в первой половине II века	111
§ 43. Гонения на христиан при Марке Аврелие и последующих императорах до Гелиогабала (161–219 г.).	114
§ 44. Положение христиан со времени Гелиогабала до Декия Траяна (219–249 г.)	117
§ 45. Гонения на христиан при Декие Траяне и последующих императорах до Диоклетиана	119
§ 46. Гонение на христиан в начале IV столетия при Диоклетиане и других императорах (до 313 г.)	123
§ 47. Эдикт Константина Великого в пользу христиан	129
§ 48. Нападения на христиан со стороны языческих ученых и философов	131
§ 49. Нападения неоплатоников на христиан	134
§ 50. Христианские апологеты	137
Глава 2. Ереси и секты	142
§ 51. Гностицизм	143
§ 52. Замечательные представители гностицизма	146
§ 53. Манихейство	149
§ 54. Ереси антитринитариев	153
§ 55. Монтанизм	158
§ 56. Хилиазм и его опровержение	160
Глава 3. Учение Церкви и Богословская наука	162
§ 57. Общие основания неизменного учения Вселенской Церкви	163
§ 58. Частные догматы, раскрывавшиеся Св. Церкви	167
§ 59. Начало богословской науки и двойное ее направление	171
Глава 4. Иерархия и управление Церкви	185
§ 60. Значение епископов, их права и обязанности	186
§ 61. Учреждение новых церковных должностей	187
§ 62. Избрание и посвящение духовных лиц	188

§ 62. Избрание и посвящение духовных лиц	188
§ 63. Положение клира в первые века	190
§ 64. Постепенное разделение Церкви на епархии и приходы	193
§ 65. Взаимное общение между церквами и их предстоятелями	196
§ 66. Власть митрополитов	197
Глава 5. Богослужение, благочиние и христианская жизнь	200
§ 67. Места богослужебных собраний	201
§ 68. Составные части и общий порядок богослужения	204
§ 69. Совершение таинств крещения и покаяния	206
§ 70. Священные времена, праздники и посты	211
§ 71. Споры о времени празднования Пасхи	213
§ 72. Церковная дисциплина касательно принятия падших в Церковь и расколы против нее	216
§ 73. Жизнь христиан	220
§ 73. Христианские обычаи	224
Выпуск второй (313–1054 г.)	225
Период второй. От торжества Церкви над язычеством при Константине Великом до окончательного отпадения западной церкви от восточной и устройства русской (313– 1054 г.г.)	226
§ 1. Характер этого периода	227
Период первый. От Константина Великого до седьмого Вселенского Собора (313–787 г.г.)	229
Глава 1. Внешнее состояние Церкви	230
§ 2. Положение Церкви Христовой при Константине Великом и его сыновьях	231
§ 3. Положение Церкви при Юлиане Отступнике	234
§ 4. Положение Церкви при последующих императорах и окончательное падение язычества в греко-римской империи.	239
§ 5. Распространение Церкви вне пределов Римской империи	241
а) в Африке	242
б) в Азии	244
в) в Европе	250
§ 6. Poleмика язычников против христианства; христианские апологеты	262
§ 7. Бедствия Церкви	265
Глава 2. Учение Церкви, определенное и утвержденное на вселенских и поместных соборах по поводу различных	271

ересей.	
§ 8. Общий взгляд на характер ересей IV и последующих веков	272
§ 9. Ересь Ария и первый вселенский собор	273
§ 10. Продолжение арианской ереси после Никейского собора	280
§11. Лжеучения, возникшие в Церкви во время арианских смут	290
§12. Второй вселенский собор и окончательное поражение арианства со всеми его отраслями	293
§13. Оригенистические споры	297
§ 14. Пелагианство и полупелагианство	304
§ 15. Ересь Нестория и третий вселенский собор	312
§ 16. История несторианства после собора и разные несторианские секты	320
§ 17. Ересь Евтихия, или Монофизитов и четвертый вселенский собор	322
§ 18. Продолжение монофизитской ереси после халкидонского собора	327
§ 19. Попечение Юстиниана I о мире Церкви, спор о трех главах и пятый вселенский собор	331
§ 20. Упорство монофизитов и монофизитские секты	335
§ 21. Ересь монофелитов и шестой вселенский собор	338
§ 22. Ересь иконоборческая и седьмой вселенский собор	343
Глава 3. Духовное просвещение и богословские науки	349
§ 23. Общий взгляд на состояние духовного просвещения во второй период	350
§ 24. Главные богословские школы и направления на востоке в IV и V веках	351
§ 25. Духовное просвещение в IV и V вв. на западе	359
§ 26. Состояние духовного просвещения в VI – VIII веках как на востоке, так и на западе	363
Глава 4. Внутреннее устройство и управление Церкви	367
§ 27. Взаимные отношения между Церковью и государством	368
§ 28. Состояние церковной иерархии	373
§ 29. Умножение церковных должностей	377
§ 30. Церковное управление – епископское, митрополичье и патриаршее	379
§ 31. Вселенское соборное управление и церковное	383

законодательство	
§ 32. Папские притязания на главенство в Церкви	385
Глава 5. Богослужение, благочиние и христианская жизнь	389
§ 33. Общие замечания о богослужении	390
§ 34. Места общественного богослужения: их устройство и принадлежности	391
§ 35. Богослужebные времена, праздники и посты	394
§ 36. Богослужebные действия и обряды	396
§ 37. Церковное благочиние	400
§ 38. Раскол донатистов	402
§ 39. Христианская жизнь вообще	406
§ 40. Жизнь монашеская на востоке	408
§ 41. Монашество, отделившееся от Церкви	414
§ 42. Монашество на западе	416
§ 43. Учения противные христианской жизни и церковному благоустройству	418
Второй отдел. От седьмого вселенского собора до окончательного отделения западной церкви от союза с восточною и полного устройства церкви русской (787–1054 г.г.)	420
Глава 1. Распространение Церкви	421
§ 44. Распространение христианства на востоке между славянскими народами	422
§ 45. Распространение христианства на западе между скандинавскими народами	428
§ 46. Бедствия Церкви	432
Глава 2. Состояние учения	435
§ 47. Продолжение иконоборчества после седьмого вселенского собора	436
§ 48. Ересь павликиан	439
§ 49. Евхиты или энтузиасты	442
§ 50. Ереси в церкви западной	443
§ 51. Состояние духовного просвещения на востоке в IX и X веках	448
§ 52. Состояние духовного просвещения на западе в IX и X веках	450
Глава 3. Внутреннее устройство и управление Церкви	453
А. Восточной	454

§ 53. Отношение церковной власти к гражданской	455
§ 54. Состояние иерархии	457
Б. Западной	460
§ 55. Отношение церкви к государству до половины XI века	461
§ 56. Папство и его история	464
§ 57. Западное духовенство и монашество	470
Глава 4. Христианская жизнь и богослужение	473
§ 58. Богослужение и христианская жизнь в церкви Восточной	474
§ 59. Христианская жизнь в церкви западной	477
§ 60. Богослужение в западной церкви	479
Глава 5. Отпадение Западной церкви от союза с Восточной	481
§ 61. Причины, подготовившие разделение церквей	482
§ 62. Начало разделения	484
§ 63. Окончательное разделение церквей в половине XI в.	490
Период III от окончательного разделения церквей до настоящего времени (1054–1874 гг.).	492
§ 1. Характер этого периода	493
Отдел первый от разделения церквей до взятия Константинополя турками.	495
А. История церкви православно-кафолической (1054–1453 г.).	496
Глава 1. Внешнее состояние церкви	497
§ 2. Окончательное устройство православной церкви в России при Св. Владимире и Ярославе	498
§ 3 . Сокращение пределов греко-восточной Церкви	500
§ 4. Попытки к соединению церквей	507
Глава 2. Иерархия и церковное управление	515
§ 5. Управление патриаршее	516
§ 6. Отношение императоров к патриархам. Замечательнейшие из патриархов этого времени	518
§ 7. Имущества церквей. Содержание духовенства	521
Глава 3. Состояние духовного просвещения и ереси	523
§ 8. Состояние просвещения при Комнинах и Палеологах	524
§ 9. Замечательные церковные писатели в век Комнинов (1050–1250 г.)	525
§ 10 . Замечательнейшие писатели в век Палеологов (1250– 1450)	528
§ 11. Ересь богомильская	530
§ 12. Св. Григорий Палама и Паламиты	534

§ 12. Споры барлаамитов и паламитов	534
Глава 4. Богослужение и христианская жизнь	536
§ 13. Состояние богослужения	537
§ 14. Состояние христианской жизни	539
Б. История римской церкви от окончательного разделения церквей до реформации (1054–1517 гг.)	544
Глава 1. Распространение римской Церкви	545
§ 15. В Европе	546
§ 16. Вне Европы	549
Глава 2. Папство и монашество	552
§ 17. Общий взгляд на развитие папской власти	553
§ 18. Состояние папства с половины XI в. до конца XIII века	554
§ 19. Состояние папства с конца XII в. до начала XVI в.	569
§ 20. Западное монашество в XI–XV в.	579
Глава 3. Жизнь и богослужение	587
§ 21. Состояние нравственно-религиозной жизни в римской церкви	588
§ 22. Состояние богослужения в римской церкви	595
Глава 4. Учение, ереси и секты	597
§ 23. Главные богословские направления на западе	598
§ 24. Новые догматы в Римской церкви	607
§ 25. Секты в римской церкви в XI–XV веках	611
Глава 5. Подготовка реформации	616
§ 26. Общее недовольство римскою церковью и стремление к ее преобразованию	617
§ 27. Виклеф и Гусс	619
§ 28. Возрождение наук и гуманисты	624
Примечания	628